

## На пути к литургическому возрождению прот. Николай Балашов

### Предисловие

#### Введение

#### Круглый стол по религиозному образованию и диаконии

Одним из проявлений духовного пробуждения в Русской Церкви и российском обществе в первой четверти XX века явилось обращение к литургии как к средоточию христианской веры и жизни. Стремление к осмыслению и углублению литургической жизни Церкви поставило перед церковным обществом проблемы необходимости исправления и нового перевода богослужебных текстов, пересмотра и реформирования действующего устава. О реалиях церковной жизни этого времени, мнениях архиереев, духовенства и мирян, о дискуссиях вокруг этих вопросов, о начале их разрешения в процессе предсоборных обсуждений и в трудах Поместного Собора 1917–18 гг. повествует настоящее издание. Труд прот. Николая Балашова представляет прекрасную возможность ознакомиться с многочисленными историческими источниками. Автор дает широкую панораму публикаций в прессе, научных диспутов и обсуждений, результатов работы съездов, комиссий, предсоборного Совета и Собора, представляя различные точки зрения участников дискуссий. Обилие фактического материала, взвешенность научных оценок, стройность и увлекательность изложения, тактичность и доброжелательность – все это удачно отличает настоящий труд. Объективное историческое исследование этого наиболее творческого и плодотворного периода в истории Русской Церкви, прерванного трагическими событиями, повлекшими за собой приостановку церковного развития, необходимо для осмысления наследия отцов и уверенного следования по пути возрождения.

#### Предисловие

Настоящей книгой Круглый стол по религиозному образованию и диаконии при содействии фонда «Христианская Россия» открывает серию изданий, посвященных публикации и рассмотрению материалов Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов, а также предшествовавшей Собору дискуссии.

Богатое наследие этого периода изучено далеко не в полной мере. Большая часть архивных документов Собора и подготовительных к нему совещаний до сих пор не опубликована. Почти неизвестными остаются рассеянные в различных дореволюционных изданиях многочисленные статьи по обсуждавшимся в начале XX века проблемам церковной жизни. Между тем и ныне, на пороге нового столетия, они способны вызывать живой интерес читателей. Ведь многие из дискуссионных вопросов того времени сохраняют для нашей Церкви свою актуальность. В эпоху гонений, которая началась уже в дни заседаний Всероссийского Поместного Собора, эти проблемы по понятным причинам не могли получить окончательного разрешения.

Теперь, когда Русская Православная Церковь по милости Божией и по молитвам своих новомучеников обрела свободу, Господь судил нам стать участниками всестороннего возрождения полнокровной церковной жизни. Необходимым условием успеха в этом святом труде является обращение к опыту и наследию наших отцов. Нам предстоит продолжить недоконченное ими дело устроения церковного бытия в духе живой соборности и творческого преемства. При этом следует с равным вниманием отнестись как к аргументам сторонников преобразований в церковной жизни, так и к возражениям их оппонентов в тогдашних дискуссиях.

Конечно, за прошедшие десятилетия кардинально изменились условия, в которых Церковь совершает свое служение. Поэтому было бы очевидной ошибкой полагать, будто в документах Собора 1917–1918 годов и в материалах церковной печати начала XX века мы найдем готовые ответы на все нынешние вопрошания. Но не меньшей ошибкой было бы предать забвению раздумья русских богословов, архиереев и пастырей предреволюционной

эпохи. Многие из них завершили свой жизненный путь подвигом мученичества и исповедничества. Прислушаться к их мыслям жизненно важно для нас, их наследников.

Боже отец наших, творяй с нами присно по Твоей кротости, не остави милость Твою от нас, но молитвами их в мире управи живот наш.

† Кирилл

митрополит Смоленский и Калининградский

председатель Отдела

внешних церковных сношений

Московского Патриархата

Введение

О необходимости различных преобразований в богослужебной жизни Православной Российской Церкви говорили в начале XX века многие ее иерархи, священники и миряне. Среди недостатков существующей богослужебной практики, затемняющих драгоценное литургическое наследие Православия, прежде всего называли непонятность богослужебных текстов для массы простых верующих, а порой и для самих священнослужителей; отчуждение между совершителями богослужения и его пассивными слушателями; несоответствие застывших уставных норм изменившимся условиям жизни.

Процесс подготовки к Поместному Собору, который получил движение в 1905 году, был связан с критическим пересмотром различных сторон церковной жизни. Стало ясно, что в Церкви многое должно измениться, иначе ее духовное влияние в обществе неизбежно пойдет на убыль. В ходе открывшейся церковно-общественной дискуссии активно обсуждались, среди прочих, и литургические вопросы – как в рамках деятельности специальных совещаний и комиссий по подготовке Собора, так и на собраниях духовенства и мирян, а также на страницах церковной и даже светской печати. Разумеется, при этом высказывались самые различные, порой полярно противоположные точки зрения. Затянувшаяся на двенадцать лет подготовка Собора дала русским богословам, пастырям и заинтересованным мирянам возможность действительно всесторонне обсудить предлагавшиеся реформы.

Как известно, Поместный Собор 1917–1918 годов, действовавший в условиях политической катастрофы, не смог реализовать всех возлагавшихся на него ожиданий. Намеченная программа была рассмотрена лишь частично. Лавина гонений, обрушившихся на Церковь, временно оттеснила на задний план неспешную работу по упорядочению и творческому развитию литургической жизни. А вскоре инициативу в области литургических преобразований попытались перехватить некоторые лидеры обновленческого раскола, стремившиеся использовать в своих целях любые трудности «Патриаршей» Православной Церкви. Нововведения «обновленцев», опиравшихся на конъюнктурную поддержку органов безбожной власти, предпринимались без должного уважения и бережности к церковной традиции – «в духе хулиганской революции и реформации», как говорил еще в 1910 году один из участников тогдашней литургической дискуссии<sup>1</sup>. С тех пор в сознании верующих людей, сохранивших верность гонимой Церкви, надолго утвердилась стереотипная ассоциация обновления церковной жизни и всяческих изменений в ней (в том числе и литургических) с «обновленчеством», то есть расколом, предательством и изменой.

Такое отождествление нередко встречается и в сегодняшней церковной публицистике. Появилось даже неуклюжее словцо «неообновленчество»<sup>2</sup>, которым иногда характеризуются всякие попытки обсуждения вопроса о каких бы то ни было церковных реформах. Однако нельзя признать, что с появлением в 1920-е годы обновленческого раскола (окончательно прекратившего свое существование более полувека назад) литургическая проблематика навсегда стала запретной или утратила для нашей Церкви актуальность и остроту. Не слишком ли много чести злополучным раскольникам? Их опыты литургических реформ – большей частью бездарные, скороспелые и безвкусные – справедливо были отвергнуты церковным народом. Но неужели можно всерьез считать, что тем самым была дискредитирована сама идея живого, творческого развития богослужения и бережного, разумного упорядочения литургической практики?

Эта идея вдохновляла труды участников Всероссийского Поместного Собора и предсоборного движения 1905–1917 годов, многие из которых исповедническим подвигом в годину лютых искушений засвидетельствовали свою верность святой Церкви. Да и в последующие годы интерес к литургическим вопросам, забота о лучшей постановке богослужения и стремление к обновлению богослужебной жизни не угасали среди представителей русского Православия как на родине, так и за рубежом. Здесь можно назвать имена покойных епископа Афанасия (Сахарова), митрополита Никодима (Ротова), архиепископа Михаила (Мудьюгина), протопресвитеров Александра Шмемана и Иоанна Мейендорфа, Г.П. Федотова, Б.И. Сове, Д.П. Огицкого, а также ныне здравствующих митрополитов Кирилла (Гундяева), Антония (Блума), протоиерея Димитрия Григорьева, академика С.С. Аверинцева и других. Это понятно – ведь в основе такой озабоченности лежит столь естественное для всякого верующего стремление к тому, чтобы спасительная миссия Церкви в современном мире была наиболее действенной.

Ряд интересных докладов по современным литургическим проблемам был предложен на международной научно-церковной конференции «Литургическая жизнь и церковное искусство Русской Православной Церкви», посвященной 1000-летию Крещения Руси (Ленинград, 1988). Завершая конференцию, ее председатель митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (нынешний Патриарх Московский и всея Руси) отметил особую значимость и актуальность вопроса о богослужебном языке, породившего наиболее оживленную дискуссию на этом представительном научном форуме. Владыка Алексей говорил тогда и о необходимости дальнейшего обсуждения насущных литургических проблем современной церковной жизни.

Можно с уверенностью сказать, что после 1988 года богослужебные проблемы приобрели для нашей Церкви еще большую значимость. Ведь именно за эти годы в Церковь влились массы новых членов. В связи с этим вопрос о богослужебном языке приобретает особую миссионерскую важность. Нельзя забывать, что среди молящихся в наших храмах теперь преобладают неопиты, у которых не было ни времени, ни возможности изучить церковнославянский язык. А это не простое дело, для пришедших же к вере на склоне жизни – чаще всего просто непосильное.

Миссионерское служение Русской Православной Церкви стало одной из главных тем Архиерейского Собора 1994 года. «Теперь, когда <...> Церковь вновь получила возможность свободного свидетельства о Христе, необходимость возрождения миссии в современном мире стала важнейшей и неотложной нашей задачей и одновременно острой потребностью общества», – сказал в своем докладе на Соборе Патриарх Алексей II. В связи с этим Его Святейшество предложил обратить особое внимание на «вопрос о приближении в миссионерских целях литургической и иной культуры Православия к пониманию наших современников»<sup>3</sup>. Вероятно, имея в виду предшествовавшие Собору разгоряченные дебаты в прессе и на таких богословских конференциях, как «Православие и обновленчество», «Единство Церкви» (Москва, 1994)<sup>4</sup>, Патриарх отметил, что затронутая им тема «волнует сегодня многих клириков и мирян нашей Церкви».

Сущность проблемы, по словам Святейшего Патриарха, в том, что после многолетней насильственной изоляции Церкви от общества в целом «большинство наших соотечественников утратило чувство преемства и развития православной культуры. В итоге употребляемые в Церкви культурные средства, относящиеся к прошлым векам, воспринимаются новообращенными как этнографические реликвии или, наоборот, как нечто имеющее ценность, сопоставимую с ценностью неизменных вероучительных истин. Глубокий духовный смысл богослужения подчас не постигается этими людьми. А ведь наши литургические тексты могут быть величайшим средством учительного, просветительного, миссионерского служения Церкви <...> Вот почему мы призваны подумать о том, как сделать богослужение более доступным людям».

Далее Патриарх предложил путь соборного разрешения поставленного им вопроса: «В Церкви есть вечное и есть временное. И если догматы Православия, составляющие непоколебимое основание Церкви, неизменны, то выражение божественных истин в формах

культуры, в том числе культуры литургической, с веками развивалось. Развивалось оно и в нашем столетии, однако в бывшем СССР, где церковная жизнь оказалась под гнетом богоборческой власти, такое развитие было немыслимым, и преемственность его как бы остановилась на 1917 году. Теперь такое развитие будет продолжаться, но для этого необходимо усилие соборного церковного разума. Именно в духе соборности нам предстоит подумать о такой организации богослужебной жизни Церкви, которая позволила бы оживить просветительный и миссионерский элемент этой жизни. В данной связи представляется полезным образовать специальную синодальную комиссию, которая продолжила бы труд, начатый, но не завершённый Поместным Собором 1917–1918 годов по упорядочению богослужебной практики, и завершила бы редактирование богослужебных текстов, также начатое в нашей Церкви»<sup>5</sup>.

В ответ на это предложение Святейшего Патриарха Собор принял постановление, включенное в Определение «О православной миссии в современном мире»:

«Собор считает исключительно важным глубокое изучение вопроса о возрождении миссионерского воздействия православного богослужения. В связи с тем, что развитие литургической жизни в нашей Церкви практически остановилось в первые послереволюционные годы, а большинство жителей наших стран<sup>6</sup> безвозвратно утратило традиционную для прошлых веков культуру, представляется необходимым сделать более доступными их пониманию смысл священнодействий и богослужебных текстов. <...> Имея в виду крайнюю необходимость развития практических церковных усилий в указанных направлениях, Архиерейский Собор определяет:

Поручить Синодальной комиссии по богослужению:

- продолжить начатые, но не завершённые Поместным Собором 1917–1918 годов труды по упорядочению богослужебной практики;
- продолжить редактирование богослужебных текстов, начатое в нашей Церкви в начале текущего столетия;
- обсудить иные вопросы, связанные с миссионерским значением православного богослужения и церковной культуры.

В состав Комиссии включить представителей синодальных учреждений, духовных школ и иных церковных учреждений, а также православных ученых – историков и филологов»<sup>7</sup>.

Таким образом, Святейший Патриарх и Архиерейский Собор авторитетно заявили: время для восстановления прерванного литургического развития настало; изучение наследия предреволюционного прошлого нашей Церкви является неотъемлемым элементом возрождающегося соборного творчества в литургической области.

\* \* \*

Первоочередное значение в плане восстановления преемственности литургического развития, несомненно, имеют материалы Богослужебного отдела Поместного Собора 1917–1918 годов. Эти неизданные прежде документы в недавнее время были изучены и в значительной части опубликованы в ряде статей А.Г. Кравецкого<sup>8</sup>. Когда настоящая книга была в работе, а некоторые включенные в нее материалы уже напечатаны<sup>9</sup>, появились еще две весьма ценные публикации соборных материалов, посвященных литургической тематике. Первая принадлежит тому же А.Г. Кравецкому<sup>10</sup> и содержит важнейшие документы, подготовленные богослужебным отделом Поместного Собора, дополненные сокращенным изложением хода дискуссий. Вторая подготовлена Г.Г. Гуликиной и включает некоторые архивные материалы Собора и Предсоборного Совета по вопросу о богослужебном языке, а также протоколы заседаний соборного Подотдела о богослужебном языке<sup>11</sup>.

Однако знакомство лишь с материалами Собора не дает полного представления о прерванных трудах начала XX века в области развития и оживления литургической жизни. Ведь прерванными оказались и сами занятия Собора. Многие литургические проблемы, детально обсуждавшиеся в предсоборный период, не получили на Соборе окончательного разрешения. И большинство из них доныне остаются актуальными. Сегодня они являются еще более настоятельными для нашей Церкви, чем 90 или 80 лет тому назад. Стало быть,

стоит начинать не с Собора, а с предшествовавшей ему дискуссии, в свете которой и соборные материалы получают более полную и точную интерпретацию.

До 1905 года в русской церковной печати осторожному (по тогдашним цензурным условиям) критическому обсуждению подвергались преимущественно два аспекта богослужебной практики: небрежное совершение богослужения и состояние богослужебного текста.

Что касается первого, то дело сводилось к призывам служить благоговейно, читать неспешно и т.п. Эффект от регулярного (со времен Стоглавого собора) повторения этих призывов был удручающе невелик, что и побудило авторов предсоборного периода думать о том, как устранить причины этой спешки и неблагоговейности. Среди таковых причин называли неприспособленность существующего устава к условиям приходской жизни, непонимание молитвенных текстов совершителями богослужения, акцент на внешнем благолепии в ущерб содержанию.

Проблема же исправления богослужебных книг после никоновской sprawy ставилась неоднократно, хотя практические результаты таких попыток до начала предсоборного периода тоже оставались малозаметными. Краткий, но довольно полный по охвату обзор усилий в этой области приведен в замечательной статье Б.И. Сове<sup>12</sup>.

И только начиная с 1905 года – в связи с общими политическими изменениями и ослаблением цензурных ограничений, а также под влиянием известия о грядущем церковном Соборе – начинают широко публиковаться критические замечания и предложения, затрагивающие все стороны литургической жизни Церкви в России. Поэтому именно период 1905–1918 годов представляется наиболее интересным для исследования.

По возможности изложение материалов Собора и предсоборного периода сопровождается кратким очерком дальнейшего развития дискуссии и практических действий в последующие годы, если таковое развитие имело место.

\* \* \*

Позволю себе несколько личных слов, отчасти, быть может, объясняющих недостатки настоящего труда.

Работая над этой книгой, я не мог ощущать себя беспристрастным исследователем, преследующим чисто академические цели. Слишком важны для меня – и, я уверен, для Русской Церкви – затронутые здесь пастырские и миссионерские вопросы. Я видел свою задачу в том, чтобы попытаться стать скорее посредником в диалоге сегодняшних верующих с поколением их прапрадедов, чем отстраненным, объективным аналитиком интеллектуальных и общественных процессов в Российской Православной Церкви начала XX века. Поэтому в книге так много цитат (для удобства чтения они выделены особым шрифтом).

По мере погружения в массив дореволюционной периодики, в архивные документы, я все более убеждался: голоса из прошлого звучат удивительно живо и актуально. Хотелось бы донести их до сегодняшнего читателя – с надеждой на пробуждение в нашей Церкви той атмосферы творческой, открытой дискуссии, которая была столь характерна для предреволюционного периода ее жизни, оборванного политической катастрофой России. Аргументы цитируемых авторов нередко повторяются. Тем не менее во многих случаях хотелось не ограничиваться пересказом, но дать читателю возможность встретиться с живым словом свидетелей и соучастников замечательной, на мой взгляд – самой интересной, самой творческой поры в нашей церковной истории. Жизнь многих из этих людей оборвалась трагически, нередко – в самом расцвете их дарований. Стоит выслушать сегодня то, что они успели сказать. В нынешнем процессе соборного воссоздания нашего церковного бытия они должны стать полноправными участниками. У Бога мертвых нет.

\* \* \*

Автор почитает своим долгом с благодарностью засвидетельствовать, что непосредственным побуждением к работе над этой книгой стало то видение путей возрождения литургической жизни, которое было представлено на Архиерейском Соборе 1994 года в докладе Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Образцом мудрого и взвешенного подхода к сложным в пастырском отношении проблемам современной церковной жизни (включая проблемы литургические) для автора служили также выступления Его Высокопреосвященства митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла. Высокопреосвященный архиепископ Вологодский и Великоустюжский Михаил († 2000), который проявлял большое внимание к вопросам литургической жизни, приветствовал и поощрял интерес к ним автора этой книги в годы его службы в Вологодской епархии, да и в последующее время. Благоклонного архипастыря автор обрел впоследствии и в лице Его Высокопреосвященства архиепископа Новгородского и Старорусского Льва, который с долготерпением относился к его многократным отлучкам в архивы и библиотеки Петербурга и Москвы в период приходского служения в Новгородской епархии.

Большую помощь в процессе работы над книгой оказали дискуссии с научными сотрудниками Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской Академии наук кандидатами филологических наук А.Г. Кравецким и А.А. Плетневой, которые не только высказывали автору полезные соображения, но и делились материалами своих исследований, а также выявленными архивными источниками. Важные замечания были получены автором и ходе работы над кандидатской диссертацией от профессора СПбДА протоиерея Иоанна Белевцева.

Завершение и публикация настоящей работы были бы невозможны без поддержки Фонда «Христианская Россия», сотрудникам которого автор выражает особую благодарность.

Любезное содействие сотрудников библиотеки СПбДА, в особенности заведующего библиотекой Его Высокопреподобия игумена Стефана (Садо) и г-на А.А. Бовкало, а также заведующей читальным залом РГИА г-жи СИ. Вареховой и ее сотрудниц, как и благожелательное отношение сотрудников ГАРФ, РГАДА, Российской национальной и Российской государственной библиотек, были чрезвычайно ценными для автора.

Наконец, автор должен с глубокой благодарностью признать, что без постоянной помощи и заботы его жены не была бы написана ни одна из глав этой книги.

\* \* \*

Сокращенные ссылки на источники и исследовательскую литературу приведены курсивом в постраничных сносках, причем полужирным курсивом выделены ссылки на архивные материалы; далее при необходимости указаны номера страниц, столбцов или листов. Полные библиографические данные опубликованных источников и архивные адреса использованных дел приведены в соответствующих списках в конце книги.

## Глава 1. Общее состояние литургической культуры в начале XX века: свидетельства современников

Прежде чем обратиться к систематическому изложению материалов литургических дискуссий 1905–1918 годов, представляется полезным привести хотя бы немногие свидетельства современников, дающие представление о том, каким видели реальное состояние православного богослужения в России искренне преданные делу Божию епископы, священники и миряне этого периода. Ведь именно распространенное и почти общепризнанное тогда убеждение, что многое в нашем богослужении неудовлетворительно, и положило начало общецерковной дискуссии по литургическим проблемам. Сегодня откровенность высказываний авторов начала XX века может показаться даже шокирующей. Многие теперь считают неблагочестивым и просто неприличным критически относиться к любым аспектам церковной жизни – а уж тем более к богослужению. Дореволюционное же прошлое нашей Церкви иным мечтателям представляется идеальным воплощением образа «Святой Руси» в виде некоего райского сада или града Китежа, который был внезапно разрушен непонятно откуда взявшейся революцией.

Важно понимать, что приводимые нами подчас очень острые критические оценки принадлежат людям, которые единодушно признавали храмовое богослужение, литургическую культуру в целом драгоценнейшим наследием Церкви и горячо любили его. Именно от того, что любили, они не могли молчать о его недостатках. Боль, а вовсе не сарказм, слышны в их словах.

Вот, например, что писал епископ Нижегородский Назарий (Кириллов, 1850–1928)<sup>13</sup> в своем отзыве 1905 года по вопросу о церковной реформе:

Церковное богослужение по справедливости считается лучшею веро- и нравоучительною и воспитательною школою, благодатно и спасительно действующею на все силы и способности души. Но для того, чтобы богослужение было действительно таковым, нужно непосредственное, сознательное и живое участие в нем всех предстоящих, нужно, чтобы оно захватывало и увлекало их и своим содержанием, и исполнением; нужно, чтобы оно стало насущною потребностью верующих и влекло их к себе.

К глубокому сожалению, этого нельзя сказать о богослужении Православной Русской Церкви. Давно это сознается, давно предпринимаются меры к лучшей постановке церковного богослужения; но дело мало улучшается. Вместо существенных и общих мер, для привлечения большего числа богомольцев в храмы предпринимаются меры частные и искусственные, иногда и неблагоприятные. Диакон с сильным и зычным голосом, хор певчих с вычурным итальянским пением, богатое украшение храмов (...) таковы обычные по нынешнему времени способы привлечения богомольцев к церковному богослужению. Усиленная заботливость о внешнем благолепии богослужения рассчитывается на то, чтобы доставить эстетическое удовольствие слуху и глазу предстоящих; а существенное, главное в богослужении, его поучительное и молитвенное содержание (...) становится на второй план и как бы поглощается внешностью. Не лучше обстоит дело и там, где нет увлечения внешним благолепием. Там служба также не увлекает предстоящих своим внутренним содержанием, и оно также считается второстепенным. Служба совершается сама по себе, а предстоящие молятся сами по себе. Только немногие общеизвестные молитвы и песнопения останавливают на себе внимание молящихся и объединяют их в общей молитве<sup>14</sup>.

На ту же беду указывал и епископ Самарский Константин (Булычев, 1858-после 1926):

Народ терпеливо простаивает целые часы за храмовым богослужением, но это не есть молитва, потому что (...) слова храмового богослужения – выше понимания народа; богослужение непонятно народу не только потому, что совершается на церковнославянском языке и притом спешным чтением, но и прямо потому, что для понимания его требуется в известной мере богословское образование. Православное богослужение есть великое сокровище, если сравнить наши церковные песни с малосодержательными гимнами

лютеранского *Gesang-Buch* 'а, и когда-нибудь дойдет дело до пользования этим сокровищем всего православного люда; но тем не менее в настоящее время это – еще сокровище, сокровенное «на селе», а народ бедствует и голодает духовно, почти вовсе не имея молитв, доступных его пониманию (...) Надобно воспитать народ настолько, чтобы он не считал за молитву одни поклоны с крестным знамением и одно механическое чтение или выслушивание непонятных слов<sup>15</sup>.

Сравнение с богослужебной практикой других христианских конфессий проводил в своем отзыве и епископ Симбирский Гурий (Бурстасовский, 1845–1907):

Православное богослужение есть одно из главных выражений любви к Богу и лучшая школа для развития общительности среди членов прихода, ибо здесь, в храме, сотни души сливаются воедино (...) соединяются души пастырей и пасомых, клира и народа. Так, по крайней мере, должно быть в идее. К сожалению, настоящая постановка православного церковного богослужения не вполне содействует этому молитвенному слиянию душ пастыря и пасомых. (...) В то время, как клир возносит песни, благодарения, прошения и славословия, народ остается как бы в виде постороннего слушателя; отсюда поразительная разница в настроении присутствующих за богослужением мирян в православных храмах, с одной стороны, и инославных – с другой, разница же не в нашу пользу<sup>16</sup>.

«У православных есть молитва в церкви, но нет молитвы Церкви», – с горечью писал анонимный автор казанского еженедельника<sup>17</sup>. Другой южанин отмечал:

В настоящее время богомолец при богослужении находится в каком-то пассивном состоянии: за него молятся, за него читают и поют на клиросе молитвы, а богомольцу предоставлено стоять, молчать и... думать о чем ему угодно<sup>18</sup>.

Вот как описывал храмовое богослужение священник из Бессарабии Феодор Богос, который в 1915 году как будто предвидел массовое отпадение людей от Церкви, действительно случившееся спустя немного лет:

Все это совершается больше по какой-то традиции, вековой привычке, чем по ясно осознанному требованию души. Едва ли кто отчетливо сознает, что в храме братья-христиане собираются для общей молитвы, для того, чтобы согласным хором прославить величие Отца Небесного. (...) Да и не удивительно. Ведь до сих пор еще народ не принимает личного участия в богослужении и является лишь безмолвным зрителем. Все время он предоставлен самому себе. Любопытно, как он старается по-своему коротать время. [*Подает записку, поставит свечку, поцелует икону*]. А после этого и кроме этого он уже больше ничего не знает, что ему еще следует делать в храме. Впрочем, никто и не требует от него больше ничего.

Покончив со своим личным делом, богомолец сливается с толпой других молящихся, одинаково равнодушных, безмолвных и скучающих. Терпеливо выжидают конца службы, в которой ничего не смыслят, и затем расходятся по домам, унося с собой чувство физического утомления и смутное сознание выполненного долга.

При таких условиях остается удивляться, как это до сих пор еще окончательно не атрофировалось у народа желание ходить в церковь, откуда еще берется это трогательное усердие к храму. (...)

Для развития религиозно-молитвенного настроения нужны, конечно, прежде всего осмысленность и проникновенность церковной службы. (...) В самом деле, если смысл богослужения – непонятен, чтение и пение – невразумительно, так откуда явиться восторгу, сиянию и ликованию? Если народ выходит из церкви с пустотой и безразличием в душе (...) то в этом заключается большой грех духовенства (...) и тем более опасный, что за давностью он перестал уже тревожить совесть. (...)

Вместо проникновенного и осмысленного чтения, у нас часто слышится торопливое, бессвязное бормотанье, сливающееся порой в сплошной гул. Разве может кого-нибудь умилить это специально «дьячковское» чтение? Впрочем, наш клирик об этом и не мечтает. Раб буквы устава – он только о том и думает, как бы в самое короткое время вычитать все кафизмы, тропари и стихиры. (...)



Всему бывает предел. Можно ожидать, что истощится терпение даже самой незлобивой паствы, и нас могут оставить. Какая дерзость, – кощунственное словоизвержение называть богослужением. Разве это может быть угодно Богу? А разве это нужно людям?<sup>19</sup>

Профессор литургики Московской духовной академии и священник московского храма Христа Спасителя Илия Гумилевский видел в разобщенности молящихся не столько вину духовенства, сколько проявление глубокого кризиса христианской церковной общины:

В современный храм современные христиане идут каждый «своим» путем из «своего» уголка, творит «свою» молитву, скорбит «своей» скорбью и радуется «своей» радостью. (...) Вот печальный факт наших дней, вот причина паралича общественной молитвы, вот объяснение безжизненности современного богослужения. (...) Здесь – чужие друг другу. Они – не община, а случайное собрание в храме Христовом. (...) Реформаторы православного богослужения, прежде всего сделайте это богослужение общественным (...) тогда и только тогда соберутся на молитву живые во Христе.

Единственный выход о. Илия видел в «возрождении первохристианской общины из недр самой Церкви Христовой». Пока этого не произошло, по его мнению, «народ почти безучастен ко всему, что совершается в храме. Самое большое он – на религиозном зрелище», а если и молится, то «совершает, собственно свою молитву, совершенно случайно совпадающую со смыслом отправляемого богослужения»<sup>20</sup>.

Быть может, все это – субъективные впечатления священников, которым трудно из алтаря уследить за религиозным настроением молящихся в храме? Но вот удивительно схожие мысли мирянина А. Никольского, высказанные семью годами раньше. Народ, по его словам,

идет в церковь с желанием помолиться, но и молитвы-то общей, сознательной-воодушевленной и нет! Его запас горячего чувства пропадает. Теперешнее богослужение не высекает молитвенного огня из душ верующих. Все себя чувствуют чужими друг другу. (...) Притом же никто не понимает ни мысли, вложенной в богослужение, ни молитв. (...) Печальное зрелище наше богослужение! На ложном месте оно покоится – удалить от участия народ. Требуется коренная его переделка. Богослужение должно сделаться общей молитвой, а не представлением (...) процесс охлаждения публики к церемониям налицо»<sup>21</sup>.

На чрезмерное разрастание пышной церемониальности богослужения, особенно архиерейского, в ущерб молитвенному содержанию сетовал даже такой столп церковного консерватизма, как К.П. Победоносцев<sup>22</sup>. Другие авторы высказывались в намного более резких выражениях. Например, религиозный публицист В. Германов писал:

Наше благолепие убивает живой дух богослужения, содержание его. Декорация заслонила смысл и идею. (...) Совершители богослужения превращаются в артистов, чувствующих себя на виду у публики; последняя критически созерцает и слушает. (...) Устранение духа создает искусственность и бездушную форму. Так постепенно произошло окаменение нашего богослужения, невнимание к его смыслу. (...) Сколько непонятных выражений, потерявших смысл действий»<sup>23</sup>.

Миряне не скупилась на упреки духовенству. Так, врач Сергей Апраксин сетовал на крайне небрежное отношение пастырей и служителей Церкви к богослужению. Небрежение это проявляется двояко: 1) огромными пропусками и сокращениями службы, и 2) крайне небрежным, иногда граничащим с кощунством, исполнением того, что осталось не пропущенным. Все, что придает церковной службе красоту, смысл и содержание, чем обуславливается ее великое просветительно-воспитательное значение, или пропущено, или сокращено до крайности. От многих прекрасных служб осталась одна голая или с обрывками содержания схема, слишком мало говорящая и уму, и сердцу (...) Богослужение перестало быть школой. (...) То, что не пропущено, исполняется крайне небрежно, без всякого старания; священнослужители проникнуты, по-видимому, одним только чувством – поскорее окончить тягостное для них богослужение. (...) Картина получается прямо безотрадная. Выходишь нередко из храма не с радостным и умиленным сердцем, а с разочарованным, негодующим...»<sup>24</sup>.

Те же недостатки возмущали и профессора Варшавского университета П.В. Верховского, известного церковного историка и юриста (1879–1932):

Неужели (...) наше духовенство не могло понять, что таким образом великое дело живого общения человека с Богом сведено к ряду формул, непонятных народу? Я утверждаю, что духовенство должно прежде всего познать самого себя, понять, что это оно разогнало из храмов молящихся, оставаясь само равнодушным к религиозным запросам своей паствы<sup>25</sup>.

\* \* \*

Каждое из этих свидетельств можно дополнить десятками других. Но достаточно и приведенных выше высказываний, чтобы сделать следующие предварительные выводы:

- состояние литургической культуры в предреволюционной России вызывало глубокое неудовлетворение у многих членов Православной Церкви «сверху донизу»;
- среди главных недостатков существующего положения называли непонятность богослужебных текстов, неразумные и механические сокращения богослужения, обедняющие его смысл, разобщенность и пассивность молящихся, подмену учительности богослужения театральностью.

К детальному анализу этих и других недостатков богослужения мы обратимся в следующих тематических главах. При этом нас, естественно, будет особенно интересоваться вопрос о возможных мерах преодоления указанных пороков, которые, как нетрудно заметить, и поныне остаются болезнями нашей церковно-богослужебной жизни.

## **Глава 2. Вопрос о богослужебном языке**

Из всех литургических проблем, которые обсуждались в предсоборный период, наибольшее внимание привлекал вопрос о недоступности для молящихся текста наших богослужебных книг. На эту тему больше всего писали и чаще всего спорили на разного рода церковных собраниях. Почти все признавали, что те или иные перемены в наших богослужебных книгах необходимы. Лишь изредка раздавались голоса сторонников сохранения их в неприкосновенном виде. Другое дело, что признавая неудовлетворительность существующего текста, участники дискуссии расходились в своих предложениях – от радикального перевода всего богослужения на русский язык до минимального редактирования хотя бы самых невразумительных и попросту неверно переведенных мест.

## Постановка вопроса в Отзывах епархиальных архиереев

Особый интерес представляют суждения о богослужебном языке и об исправлении богослужебных книг, напечатанные в 1906 г. в составе четырехтомного собрания *Отзывов епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе*<sup>26</sup>. Содержащиеся здесь документы (по первоначальному замыслу К.П. Победоносцева не подлежавшие опубликованию) составлялись преосвященными при содействии особых епархиальных комиссий. В ряде случаев учитывались предложения, специально подготовленные епархиальными съездами духовенства и мирян. Отзывы, затрагивающие широкий круг вопросов, согласно синодальному циркулярному указу от 27 июля 1905 г., надлежало представить в канцелярию Синода к декабрю, чтобы они могли послужить основой для предварительной разработки материалов к предстоящему Собору. В действительности же материалы из 64 епархий еще и в начале 1906 года продолжали поступать в Петербург.

В 31 отзыве содержались предложения включить в повестку предстоящего Собора вопрос о богослужебном языке и тексте богослужебных книг<sup>27</sup>. Анализ этих документов показывает, что архиереи и их помощники использовали в своей работе некоторые из публикаций по вопросам церковной реформы, которые к тому времени уже появились в печати. Так, в петербургской газете «Слово» 11 июня 1905 г. впервые, кажется, было публично высказано мнение группы московских священников: «Все богослужение должно быть совершаемо на безусловно всем ясном и понятном языке»<sup>28</sup>. О малопонятности церковнославянского языка даже для специально изучавших его священников писал в том же месяце еженедельник СПбДА «Церковный вестник»<sup>29</sup>. Но наиболее очевидно влияние брошюры киевского миссионера священника С.М. Потехина, разосланной осенью 1905 г. в качестве бесплатного приложения всем подписчикам популярной среди духовенства газеты «Русское дело».

О. Савва прежде всего разъяснил своим читателям, что «предметы веры», которыми, согласно императорской резолюции от 31 марта 1905 г., предстояло заняться будущему Собору наряду с «предметами церковного управления», это и есть вопросы богослужения: ведь содержание догматов веры неприкосновенно, поэтому обсуждаться может лишь «обряд церковный, в который Церковь заключила свое учение». В частности, вопросу богослужебного языка и исправления богослужебных книг Потехин уделил пассаж, который был затем почти дословно повторен в отзывах архиепископа Рижского Агафангела<sup>30</sup> и епископа Орловского Кириона<sup>31</sup>, а в слегка измененном виде вошел в доклад епархиального совещания, представленный Синоду епископом Енисейским Евфимием (Счастневым, 1839–1913), который сам, впрочем, не разделял эту точку зрения:

Язык наших богослужебных книг требует самого тщательного исправления. Уже со времени перевода Библии на русский язык встал с неотложностью вопрос о переводе богослужебных книг на язык, доступный пониманию. Но любовь русского народа к славянскому языку и значение его для соединения всех славянских племен в родной православной вере заставляет желать, чтобы богослужебным языком для православного русского народа оставался славянский. Но в таком случае необходимо немедленно приступить к исправлению богослужебных книг. Язык их, сохранив греческое построение речи и словопроизводство, совершенно скрывает, а весьма часто и искажает до ереси смысл и содержание многих богослужебных чтений и песнопений. Только немедленным исправлением этого языка до возможности понимания его и не учившимися славянской грамоте возможно сохранить любовь и преданность нынешнего поколения к церковному языку. Конечно, выпуск исправленных богослужебных книг не должен упразднить и умалять значения существующих ныне, во избежание повторения печальных событий Никонова исправления<sup>32</sup>.

В том же духе (сохранить в качестве богослужебного языка **славянский**, но сделать его **доступным пониманию, пересмотрев и исправив** текст богослужебных книг) высказались и многие другие архиереи: архиепископы Арсений Харьковский (Брянцев, † 1914), Анастасий

Воронежский (Добрадин, † 1913) и Афанасий Донской (Пархомович, † 1910), епископы Гурий Симбирский, Назарий Нижегородский (Кириллов), Тихон Костромской (Василевский, † 1926), Евсей Владивостокский (Никольский, † 1922), а также Новгородская и Олонецкая епархиальные комиссии<sup>33</sup>. Епископ Смоленский Петр (Другов, † 1917/18) призывал осуществить эту неотложную задачу скорее, «чем в былое время, когда исправления длились едва ли не веками»<sup>34</sup>.

Владыка Петр, впрочем, считал насущным и возможным не только «исправление языка богослужебных книг», но «даже **перевод их вновь**, с более правильной конструкцией речи, заменой устаревших слов новыми и приближением к языку **новославянскому**». Схожими были предложения архиепископа Ярославского Иакова (Пятницкого, † 1922):

Возвышеннейшее богослужение наше из-за пристрастия к умершему языку превращается в непонятное словоизвержение (...). Сельские пастыри хорошо сознают этот недостаток богослужения, выражают жалобы, но бессильны помочь горю. Мудрено ли, что крестьянин иной предпочитает церковной возвышенной, но непонятной песни неумную, но понятную сектантскую песню (...). Если по многим причинам нельзя говорить о переводе богослужебных книг на русский язык, то необходимо обсудить вопрос об исправлении существующего церковнославянского перевода богослужебных книг с устранением из него всех архаизмов и греческого расположения слов в предложениях или же немедленно приступить к новому переводу их на новославянский язык, всем понятный и вразумительный»<sup>35</sup>.

Такую же позицию занимали епископы Стефан Могилевский (Архангельский, † 1914) и Иоанн Полтавский (Смирнов, † 1919), которые еще более настойчиво писали о необходимости «нового капитального перевода наших богослужебных книг на новославянский язык (...) с полным приближением его синтаксической конструкции к речи русской», причем главными целями нового перевода должны стать «правильность в содержании и возможная удобопонятность в языке»<sup>36</sup>. Комиссия Архангельской епархии, предложения которой направил в Святейший Синод епископ Иоанникий (Казанский), считала возможными не только синтаксические, но и лексические заимствования из русского языка для большей понятности такого нового славянского перевода<sup>37</sup>.

Св. Тихон, епископ Алеутский и Североамериканский (будущий Всероссийский патриарх) также был сторонником нового перевода:

Для Русской Церкви важно иметь новый славянский перевод богослужебных книг (теперешний устарел и во многих местах неправильный), чем можно будет предупредить требование иных служить на русском обиходном языке<sup>38</sup>.

Другие архиереи ограничились указанием на необходимость сделать язык богослужебных книг **общедоступным, понятным для народа**, не предвещая, будет то **обновленный славянский или русский**. Таковы отзывы епископов Серафима Полоцкого (Мещерякова, † 1932?), Владимира Екатеринбургского (Соколовского, † 1931), Аркадия Рязанского (Карпинского, † 1913), а также киевского епархиального миссионера Н.А. Белогорского (его доклад был представлен в Синод митрополитом Флавианом) и Пермской епархиальной комиссии<sup>39</sup>.

Весьма критически оценивал язык существующих богослужебных книг епископ Минский Михаил (Темнорусов, † 1912):

Желательно, чтобы богослужения в храме совершались на понятном для богомольца языке. (...) Наши богослужебные книги и отчасти Библия переведены на такой язык, на каком ни один славянин не говорил и не писал. Это язык книжников, часто малосведущих как в славянском, так и в греческом языке. А между тем православному русскому народу приходится слушать богослужение на этом языке, испытывая крайние трудности в понимании Священного Писания и богослужебных молитв и песнопений. Непонимание богослужебного языка самими чтецами и певцами делает их небрежными, читающими и поющими поспешно, неотчетливо, невразумительно. Богомольцы же (...) скушают при богослужении, становятся невнимательными, равнодушными к богослужению – к его глубокому содержанию и высокой поэзии. Посему настоятельная нужда сделать новый перевод священных и богослужебных книг<sup>40</sup>.

Архиепископ Иркутский Тихон (Троицкий, † 1911) предлагал будущему Собору рассмотреть вопрос о переводе всего богослужения с церковнославянского языка на русский, или об изменении в словосложении своем церковнославянского языка в более понятную и близкую к складу русской речи форму. Такой перевод есть настоятельная необходимость. Церковнославянский язык непонятен более чем для половины русских людей<sup>41</sup>.

Наиболее решительная и развернутая апология **богослужебного употребления русского языка** содержалась в докладе *О желательной постановке миссионерского дела в соответствии с манифестами 17-го апреля и 17-го октября 1905 года*, который был представлен епископом Архангельским Иоанникием:

Наше богослужение имеет религиозно-нравственное и воспитательное значение. Оно будет вполне достигать своей цели, когда будет совершаться на языке, понятном для всех, то есть на родном русском языке. Священное Писание говорит: «Пойте Богу разумно». Апостолы проповедовали на всех языках и на всех языках молились с верующими. У нас в России есть литургия на языке латышском, зырянском, мордовском, но нет богослужения на своем родном наречии. Сектанты некоторых совращают и потому, что их простое, понятное богослужение совершается по-русски<sup>42</sup>. (...) Богослужение совершается на малопонятном, а для многих и совершенно непонятном славянском языке. Будучи великолепным по своему содержанию, оно остается непонятным, а вследствие этого – и без желательного влияния на простой народ. Поэтому полезно было бы славянский язык в церковном богослужении заменить русским. Такая замена даст для очень многих великое счастье участвовать в богослужении (...) не одним только стоянием в храме, но участвовать разумно. (...)

Можно русский язык ввести в употребление постепенно. Пусть сначала богослужение на русском языке совершается изредка (...). Со временем оно будет все более и более учащаться. Начинать употребление в богослужении русского языка нужно с городов и вообще с тех мест, где народ более развит, более сочувствует этому. Это имеет удобство в том отношении, что в городах (...) всегда имеется несколько храмов, и не желающие присутствовать при богослужении на русском языке будут иметь возможность присутствовать при богослужении на славянском языке. (...) Не нужно и священников принуждать к совершению богослужения на том или ином языке (...). Нужно предоставить это на благоусмотрение местных епископов и приходских пастырей. Пусть от прихода зависит заменить славянский язык русским или же до поры до времени оставить славянское богослужение. Постепенность в этом деле нужна даже для самих священников и, вообще, людей интеллигентных. (...) Даже для них сразу перейти на русский язык было бы тяжело и неприятно. Ведь на русском языке молиться мы как будто не умеем (...) Может быть, за первым богослужением на русском языке мы не получим удовлетворения своей душе, потому что дело это для нас ново, нужно к нему привыкнуть<sup>43</sup>.

Допустить богослужение на русском языке по желанию прихода предлагали также кишиневские епархиальные миссионеры и члены причта Выборгского кафедрального собора; последние считали нужным параллельно вести и работу по упрощению славянского текста<sup>44</sup>. Вносились и предложения о частичном использовании русского языка – при чтении Апостола, Евангелия или Псалтири<sup>45</sup>.

Попробуем подвести первые итоги. Ясно было, что первый Поместный Собор после двухвекового перерыва сможет обсудить лишь важнейшие вопросы церковной жизни. Тем не менее, **почти половина преосвященных сочла необходимым включить в список этих важнейших и вопрос о непонятности церковнославянского богослужебного текста.**

- Большинство архиереев, затронувших эту проблему в представленных ими отзывах, вслед за св. Феофаном Затворником склонялись к предложению о создании **нового славянского перевода или о капитальной ревизии существующего** (границу между этими позициями во многих отзывах трудно провести отчетливо).

- **«Новославянский»** язык, предлагаемый некоторыми архиереями, должен был иметь синтаксис, максимально близкий к строю русской речи; возможным представлялось и использование русских слов, если не находилось славянских синонимов, достаточно

понятных для носителей русского языка. Впрочем, точное содержание этого выражения осталось невыясненным.

- Нашлись, однако, и убежденные сторонники **богослужения на русском языке**, предлагавшие вводить его постепенно и с непременным учетом пожеланий приходов. На первый план при этом выступали миссионерские соображения. Распространение сектантства, не сдерживаемого более полицейскими мерами, наглядно продемонстрировало притягательность для народа доступного богослужения на родном языке.

- Иные архипастыри оставляли открытым вопрос о выборе русского или «новославянского» языка, полагая, что он должен решиться на самом Соборе.

## Обсуждение на съездах и собраниях духовенства

Приходские священники ближе архиереев стояли к своей пастве, потому еще острее переживали непонятность для народа совершаемого ими богослужения. На епархиальных съездах 1905–1906 гг., которые вырабатывали пожелания для предстоящего Собора, неоднократно поднимался вопрос об исправлении текста богослужебных книг с целью сделать его более доступным для молящихся. Соответствующие резолюции были приняты, например, на съездах Ставропольской, Гродненской, Ярославской, Забайкальской, Уфимской и Полоцкой епархий, на благочиннических собраниях Балтского уезда Подольской епархии<sup>46</sup>. А на съездах 1905–1908 гг. во Пскове, Оренбурге, Харбине и еще нескольких епархиях были одобрены предложения постепенно вводить в богослужение русский язык<sup>47</sup>. Миряне, которых кое-где стали приглашать на подобные собрания, откровенно признавались, что не понимают большей части того, что читают и поют в церкви<sup>48</sup>.

Вот некоторые выдержки из доклада сельского священника Михаила Елабужского<sup>49</sup> на Вятском епархиальном собрании 1906 года:

Богослужение не вполне соответствует развитию, запросам и нуждам современных христиан, и прежде всего – вследствие мертвого своего языка, делающего самое богослужение скучным, глубокое содержание его не усвоенным и несравненные красоты церковной поэзии совсем незаметными. Не только простые богомольцы, но даже мы, духовные, несмотря на специальную подготовку к славянскому чтению и постоянную практику, многого не понимаем в богослужении. (...) И почему же молитвенное настроение возможно внушить лишь непонятными словами (...), а нельзя вызвать его самым содержанием песнопений, трактующих на родном языке о Боге, душе, спасении? Мы глубоко убеждены, что необходимо перевести богослужение наше на приличный и доступный молящимся русский язык, в соответствие словам ап. Павла: «В церкви хочу лучше пять слов сказать умом своим, нежели тьму слов на незнакомом языке» (1Кор.14:19)<sup>50</sup>.

В состоявшихся прениях пятеро священнослужителей и восемь мирян (в основном крестьяне) поддержали докладчика; за сохранение церковнославянского текста выступили двое священников и трое мирян; наконец, трое священнослужителей предложили компромиссный вариант «новославянского» языка. Однако всех участников собрания удовлетворила следующая формулировка: «Употребление богослужебных книг на русском языке поставить в зависимость от желания прихожан». С такой поправкой собрание одобрило резолюцию о желательности перевода богослужебных книг на русский язык<sup>51</sup>.

Показательно, что на предшествовавших этому епархиальному собранию благочиннических съездах в шести округах по инициативе «снизу» был выдвинут вопрос об упрощении богослужебного языка, причем в двух округах предложено было постепенно переходить на русский<sup>52</sup>.

На епархиальном съезде Костромского духовенства, состоявшемся в том же году, также обсуждался (по инициативе собрания клириков Кологривского округа) вопрос «о пользе перевода богослужебных книг на русский язык и разрешения совершать богослужение на русском языке в тех церквах, в коих последует согласие и желание прихожан»<sup>53</sup>. Однако результат голосования оказался иным, чем в Вятке. Было высказано, например, такое мнение:

Постепенное ознакомление с церковно-богослужебными книгами на русском языке естественно помогло бы разрешению в положительном смысле вопроса о принятии богослужения на русском языке вообще; но возможен открытый протест против введения русского языка в церковном богослужении со стороны лиц, строго держащихся веками установленных церковных порядков, особенно в раскольничьей местности; возможна и утрата того величия церковной службы (...) к какому привыкли православные христиане.

В итоге собрание постановило признать весьма желательным постепенное исправление славянского текста богослужебных книг, а также издание – «и, по возможности, в скором



времени» – перевода всех богослужебных книг на русский язык, но для домашнего, а не для церковного употребления. Постановление было одобрено епископом Костромским Тихоном<sup>54</sup>.

Быть может, наиболее сбалансированное решение было принято на епархиальном съезде 1908 года в Симбирске: духовенство просило своего епископа ходатайствовать перед Святейшим Синодом

об ускорении пересмотра и исправления славянского перевода церковно-богослужебных книг, (чтобы) непонятные слова и выражения в богослужебных книгах были заменены понятными, со внесением последних в текст, а не на брег (поле. – Н.Б) и чтобы некоторые части богослужения позволено было совершать на русском языке в тех приходах, в которых от этого не произойдет соблазна<sup>55</sup>.

Вопрос о богослужебном языке обсуждался и в столице, на четырех многочисленных (до пятисот участников) пастырских собраниях в ноябре-декабре 1906 г., созданных по инициативе совета Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви. Общество занималось активной миссионерской деятельностью среди питерских рабочих; председателем его совета в то время был протоиерей Философ Орнатский, впоследствии настоятель Казанского собора, расстрелянный большевиками в 1918 г. На трех собраниях председательствовал первоприсутствующий член Святейшего Синода митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский), на четвертом – его викарий епископ Гдовский Кирилл (Смирнов), будущий митрополит Казанский, исповедник и мученик.

Уже на первом заседании 17 ноября митрополит указал, что предложенные советом Общества вопросы о богослужебной реформе выходят за пределы компетенции собрания, поскольку затрагивают всю Русскую Церковь. Однако заинтересованность как пастырей, так и приглашенных мирян в средствах оживления церковного богослужения была так велика что обсуждение все же состоялось, а начатая в зале собрания дискуссия продолжилась на страницах церковной печати<sup>56</sup>.

Наиболее подробно на вопросе о богослужебном языке остановился настоятель Суворовской церкви и законоучитель Смольного института протоиерей Георгий Шавельский<sup>57</sup>:

Наши предки довольствовались благочестивыми воздыханиями, а их современные потомки требуют разумной молитвы. Теперь ощущается необыкновенно сильная потребность в том, чтобы каждое слово богослужения было понятно. Этого желают, этого ждут верующие, особенно принадлежащие к интеллигентному классу. (...) Настоит великая нужда подумать по этому поводу и принять меры к устранению этого явления. Что нужно сделать для этого: ввести ли в богослужение русский язык или ограничиться раздачею молящимся книжечек с переводом и пояснениями богослужения, или сделать еще что либо, я не берусь указывать<sup>58</sup>.

Интересно, что столичные «либеральные батюшки» в целом оказались более сдержанными при обсуждении вопроса о богослужебном языке, чем многие их провинциальные собратья. Не проявили особого реформаторского пыла в этой области и члены знаменитой *группы 32-х*, реорганизованной к этому времени в «Братство ревнителей церковного обновления»<sup>59</sup>. Активные его члены священники Павел Раевский (будущий обновленческий митрополит Ярославский) и Петр Кремлевский предлагали ограничиться заменой наиболее непонятных и неблагозвучных слов. Последний, в частности, заявил:

Молитвы, переведенные на обычных разговорный и будничны́й язык, которым мы изрыгаем брань и хулу и разные нечистые слова, несколько ослабят свое впечатление на религиозное чувство, а потому достаточно лишь ограничиться уяснением и упрощением славянского языка (заменить *халу́ги* словом «изгороди», *каталетасма* – завеса и т.д.<sup>60</sup>

Против всяких изменений в богослужебных книгах выступали священник Екатерининской церкви на Петергофском проспекте Павел Цветаев и протоиерей Екатерининского собора в Царском Селе Афанасий Беляев. По поводу слов Херувимской песни «Ангельскими невидимо дориносима чинми» последний сказал:

Лучших слов (...) и придумать нельзя. Тут самое непонятное в сознании верующей души представляется чем-то неземным, величественным, святым и страшным, – на языке обыденном непередаваемым<sup>61</sup>.

Правда, профессор церковной археологии Покровский и епископ Кирилл попытались все же выяснить смысл этих слов, при чем возник спор, так как обнаружилось, что эти два ученых мужа понимают их по-разному...

Никакого практического результата эти петербургские заседания не дали и дать не могли, поскольку дело о церковных реформах, на которые рассчитывали многие участники, было отложено в долгий ящик. Митрополит Антоний, к концу 1906 года имевший уже намного более реалистическое представление о возможности скорого созыва Собора и проведения реформ, высказал такую точку зрения по интересующему нас вопросу о богослужебном языке:

Что касается вопроса о переводе богослужения на русский язык, то я (...) принципиально не против перевода, и, может быть, это будет сделано, но на это дело потребуется много лет, а применить к практике его возможно будет разве лишь в отдаленном будущем (одновременно с богослужением на славянском языке)<sup>62</sup>.

Как в столице, так и в провинции инициаторами возбуждения на съездах и собраниях вопроса о богослужебном языке чаще всего становились священники и миряне, занятые миссионерским служением. Они острее других сознавали, какой урон наносит непонятность богослужения успеху православной миссии. Новые политические условия принесли инославным христианам значительно большую свободу в их проповеднической деятельности. А православные миссионеры лишились возможности опираться на привычную для многих из них поддержку государственной власти в борьбе с сектантством и расколом. Они считали, что Церковь должна в этой новой для нее ситуации «конкурентной борьбы» подумать об эффективности своих усилий и прислушаться к пожеланиям народа.

О необходимости обновления богослужебного языка говорили, например, окружной миссионер священник Стефан Забродский на съезде духовенства в местечке Богуславе, Каневского уезда (май 1905), харьковский епархиальный миссионер И.Г. Айвазов на миссионерском съезде южных епархий (Одесса, сентябрь 1905), самарский епархиальный миссионер священник Димитрий Александров<sup>63</sup> на пастырском собрании в Самаре в 1908 году<sup>64</sup>. Тамбовский епархиальный миссионерский съезд в 1906 г. признал, что непонятность богослужебного языка является одной из основных причин успеха сектантства<sup>65</sup>. В 1908 г. весьма представительный и в целом вполне консервативный по направлению IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве (640 участников, из них 35 архиереев) одобрил предложение созданной им противосектантской комиссии «приблизить к пониманию народа церковно-богослужебный язык, употребляемый в Православной Церкви»<sup>66</sup>. Предложение съезда было направлено в Святейший Синод; здесь, однако, дело ограничилось рекомендацией «для наилучшего понимания богослужебного языка стараться соблюдать ясность и отчетливость в чтении и пении»<sup>67</sup>.

Товарищ председателя этой противосектантской съездовской комиссии, херсонский епархиальный миссионер Кальнев<sup>68</sup>, еще в апреле 1906 года на заседании VI отдела Предсоборного Присутствия (по делам веры) заявил:

Если богослужебный, во многом непонятный для народа славянский язык не будет настолько упрощен, чтобы его все понимали (...) – общее недовольство сектантов Православною Церковью будет всегда существовать, отпадения от нее недовольных будут продолжаться<sup>69</sup>.

Однако в отделе было принято решение не затрагивать вопросов богослужения ввиду их сложности, отложив дело «до завершения переустройства нашего церковного управления»<sup>70</sup>.

Проявившийся в начале предсоборного периода энтузиазм епархиальных съездов, связанный с ожиданием скорых перемен, со временем пошел на убыль: священники убедились, что никакой практической реализации их предложения не получают. Поэтому делегаты съездов последнего перед революцией десятилетия, как правило, ограничивались

обсуждением рутинных хозяйственных вопросов вроде сметы свечного завода, отчета эмеритальной кассы или размеров выплаты за чистку ретирад епархиального училища. На короткий срок толчок к содержательным дискуссиям дало определение Синода о мероприятиях по улучшению приходского устройства, принятое в феврале 1916 года по инициативе нового петербургского митрополита Питирима (Окнова). Например, Елисаветовское пастырское собрание Донской епархии внесло следующее предложение:

Необходимо ввести в употребление в церковном богослужении русский язык, вместо славянского, но предварительно нужно пересмотреть и исправить во всех богослужебных книгах и песнопениях совершенно непонятные славянские выражения и дать такую расстановку слов, чтобы получился надлежащий смысл, и предоставить право пастырям вводить совершение церковных служб на русском языке, где это будет найдено применимым<sup>71</sup>.

В первые годы соборного движения вопрос о языке богослужения приобрел такую остроту, что обсуждался даже и в политических собраниях. В апреле 1906 года Союз русского народа совместно с другими крайне правыми политическими организациями провел Всероссийский съезд русских людей. На нем, наряду с резолюциями о запрещении вольных университетов и о всемерном ограничении евреев, было принято особое постановление о церковно-богослужебной реформе. По мнению членов съезда, в такой реформе надобности нет, однако постепенная замена непонятных слов и оборотов речи в богослужебных книгах «вполне ясными и понятными словами на *славянском* же языке» все таки необходима<sup>72</sup>.

О переводе богослужения говорили и на собраниях научного характера. Выдающийся литургист А.А. Дмитриевский, выступая с лекцией в Киевском религиозно-просветительном обществе 21 марта 1907 г., обосновывал нежелательность такой реформы главным образом эстетическими соображениями («утратится красота, поэзия богослужения») и указывал на неизбежные трудности перевода<sup>73</sup>.

Сходные мнения высказывали М.А. Новоселов<sup>74</sup> и о. Н.А. Преображенский<sup>75</sup> на заседании Общества любителей духовного просвещения (Москва, 1910) при обсуждении реферата о реформе богослужебного языка, предложенного Н.И. Кедровым<sup>76</sup>. Однако член того же Общества священник Н. Лебедев<sup>77</sup> возразил, что уже несколько лет пользуется в храме русскими переводами некоторых богослужебных текстов, а также заменяет русскими отдельные непонятные слова в славянском тексте молитв – по примеру известного московского подвижника протоиерея Валентина Амфитеатрова, – и при этом «фонетическое чувство у народа нисколько не оскорбляется»<sup>78</sup>.

Встречаются и другие сообщения о практических опытах частичного употребления русского языка в церковном богослужении (чаще всего при чтении Священного Писания), предпринимавшихся в предсоборный период и даже еще в XIX веке. Их инициаторы – как правило, сельские священники – сообщали о положительном восприятии таких нововведений со стороны своих прихожан<sup>79</sup>.

По-видимому, практика частичной русификации богослужебных текстов и литургических возгласов была довольно распространенной в последние годы перед революцией. Нам удалось обнаружить только один пример отрицательной реакции на нее – в статье астраханского протоиерея, отмечавшего: «Некоторые иереи, особенно из военных, стремятся заменить церковнославянский язык при богослужении – современным русским языком, в целях якобы большей его понятности простому народу». Возражения автора (в основном эстетического порядка) вызывала, в частности, неустойчивость, а иногда и неправильность «самодельных переводов богослужебных возгласаний»<sup>80</sup>. Однако его собрат из сельского прихода придерживался противоположного мнения: «Хорошо делают некоторые священники, что заменяют во время богослужения непонятные слова понятными, напр., вместо *ны* говорят нас, вместо «любы» – любовь, вместо «живот» – жизнь и т.п.»<sup>81</sup>.

Наибольший интерес, пожалуй, вызвала статья священника Николая Пономарева, настоятеля церкви в селе Сок-Кармала Самарской епархии, который, желая «достичь того, чтобы прихожане «едиными устами и единым сердцем» славили Бога, (...) рискнул на

всенощном богослужении завести чтение на русском языке псалма 33-го (...) шестопсалмия, кафизм, канона, первого часа и апостола на литургии». По словам о. Николая, русское чтение было горячо одобрено как крестьянами, составляющими его приход, так и «заезжими интеллигентами» и соседними священниками; вдова псаломщика заметила, что «ранее она шептала свои особенные молитвы, а ныне молится общею церковною молитвой». Наконец, в 1911 году священник доложил об этой новой практике своему епископу, и владыка Константин (Булычев), учитывая добрые отклики членов прихода и отсутствие нестроений среди них, благословил продолжать употребление русского языка в богослужении<sup>82</sup>.

Статья Пономарева была перепечатана в ряде инопархиальных изданий<sup>83</sup>. По словам обозревателя столичного журнала «Отдых христианина» (который также воспроизвел ее в основной части), «это верный знак, что статья коснулась больного места нашей церковной жизни и пришлось по сердцу духовенству»<sup>84</sup>.

Наконец, можно упомянуть, что на Поместном Соборе священник хутора Воздвиженки Глуховского уезда Черниговской губернии (где располагалось основанное Н.Н. Неплюевым Крестовоздвиженское трудовое братство) Александр Секундов сообщил о практике чтения в его приходе Апостола и Евангелия на русском языке и отметил: «Это производит сильное впечатление на народ. К нам приходят богомольцы и из других приходов и бывают очень удовлетворены тем, что понимают богослужение»<sup>85</sup>.

\* \* \*

Какие выводы можно сделать из материалов дискуссии о богослужебном языке на епархиальных съездах и иных церковных собраниях предсоборного периода?

- Необходимость исправить хотя бы наиболее непонятные места существующего богослужебного текста была в то время практически общепризнанной. Мнение архиереев, высказанное во многих *Отзывах*, разделял их клир.

- Не ограничиваясь этим, некоторые участники дискуссии (составлявшие большинство на некоторых съездах или собраниях духовенства и мирян) предлагали разрешить совершение богослужения на русском языке – полностью или частично. В целом, активных сторонников такого решения среди духовенства было больше, чем среди архипастырей.

- Чаще всего подобные предложения исходили от сельских и вообще провинциальных священников, а также от епархиальных миссионеров. Выявленные материалы не подтверждают распространенных в полемической литературе 1990-х годов утверждений, будто в авангарде «стремления к радикальной модернизации (...) богослужебного чина» стояли прежде всего столичные священники из «группы 32-х»<sup>86</sup>.

- Возражения против литургического употребления русского языка основывались на а) практических трудностях перевода; б) эстетических соображениях и желании отвлечь сознание молящихся от повседневной жизни, в которой «мы изрыгаем брань и хулу»; в) опасениях нового раскола.

- Сторонники русского перевода придавали приоритетное значение дидактическому воздействию богослужения.

- Отдельные опыты использования русских текстов в богослужении, предпринимавшиеся священниками по собственному почину и, судя по всему, не встречавшие осуждения со стороны епископов (поскольку священники не затруднялись сообщать о них в печати), убеждали их в положительном восприятии подобных изменений со стороны большинства простого верующего народа.

## Дискуссия в церковной печати

Церковная периодика 1905–1917 годов дает наиболее полное представление об аргументах как сторонников, так и противников введения русского языка в церковную службу. В начале предсоборного периода дискуссия была особенно оживленной. Первые ее материалы, появившиеся в печати в 1905 году, успели оказать заметное влияние на *Отзывы епархиальных архиереев*. Опубликование же *Отзывов*, в свою очередь, вдохновило «новаторов» и встревожило их консервативных оппонентов. Поэтому именно на 1906 год приходится пик публикаций на интересующую нас тему. Характерно, что многие из них подписаны псевдонимами или инициалами авторов. С одной стороны, надежда на церковные реформы еще представлялась вполне реальной: в Петербурге заседало высочайше учрежденное Предсоборное присутствие; не далее как в минувшем декабре государь признал необходимым «произвести некоторые преобразования в строе нашей отечественной Церкви» и объявил о твердом намерении созвать Поместный Собор «в ближайшее по возможности время»<sup>87</sup>. В то же время по местам уже поползли слухи, что Собора, «всеми верными сынами Церкви ожидаемого», как говорилось в царском рескрипте от 27 декабря 1905 года, ждать придется долго, может быть – очень долго...

У чрезмерно отличившихся ревнителей реформ начались первые неприятности. За наступлением политической реакции скоро последовал и конец недолгой церковной «оттепели». 1907 год ознаменовался закрытием целого ряда периодических изданий, отражавших взгляды сторонников церковного обновления (столичные «Век», «Православный путеводитель» и «Церковный голос», казанская «Церковно-общественная жизнь», вятские «Епархиальные отголоски» – редактор последних был даже выслан из города). Редакции «Церковного вестника», влиятельного еженедельника столичной духовной академии, митрополит Антоний сделал выговор за пропаганду «незрелых идей». Издатели некоторых других журналов не стали дожидаться окриков и поспешили подправить свою репутацию в глазах начальства.

После 1911 года, в трудный для Церкви период возрастающего влияния Григория Распутина, материалы по вопросам богослужебной реформы появляются в центральной печати все реже (хотя в некоторых провинциальных изданиях дискуссия продолжается – так, только в Самарских епархиальных ведомостях за 1910–1916 гг. было помещено десять статей на тему о богослужебном языке). Новое оживление наступает лишь в начале 1917 года – опять же в связи с политическими переменами и возобновлением надежды на Собор.

Впрочем, основные доводы как защитников славянского, так и сторонников русского языка к этому времени были уже сформулированы, благодаря чему почва для обсуждения вопроса о языке богослужения на Поместном Соборе была подготовлена достаточно основательно. На страницах предсоборной церковной периодики, просмотренной при подготовке этой книги, было выявлено около 150 публикаций, так или иначе затрагивающих тему литургического языка. Примерно две трети из них – в пользу русского перевода богослужения.

Любая попытка систематизации материала этой дискуссии неизбежно страдает известным схематизмом. В частности, говоря о «сторонниках» и «противниках» использования в богослужении русского языка, или о «новаторах» и «консерваторах», надо иметь в виду, что речь не может идти о каких-то монолитных и непримиримых лагерях, состоявших из носителей прямо противоположных убеждений. Среди тех, кого условно можно назвать «новаторами», встречались, конечно, люди, чрезмерно увлекающиеся. Однако в большинстве своем они осознавали неизбежные трудности, стоящие на пути реализации их идей. Некоторые из них, признавая возможность и желательность богослужения на русском языке, в качестве альтернативной или ближайшей предварительной меры предлагали употребление «новославянского» перевода<sup>88</sup>. В среде «консерваторов» тоже преобладали люди, не склонные идеализировать состояние наших богослужебных текстов и разделявшие обеспокоенность их малопонятностью.

Граница между «новаторами» и «консерваторами» к тому же была подвижной. Так, в уже упоминавшейся статье священника Павла Третьякова (с. 42, прим. 39) автор выступает как умеренный защитник литургического употребления русского языка. А четырьмя годами ранее (с. 38, прим. 19), он был склонен считать непреодолимыми препятствия к введению русского богослужения, ссылаясь на пример волнений в Греции, которые были вызваны попыткой перевода Евангелия на современный язык<sup>89</sup>. Быть, может, положительный опыт его собрата по епархии Н. Пономарева побудил о. Павла несколько скорректировать свою позицию.

Наблюдалось и обратное движение. Настоятель Космодамиановского собора в г. Грозном протоиерей Иоанн Попов в ноябре 1908 г. выступил в епархиальном журнале с призывом к *братьям-пастырям* читать Евангелие и Великий канон на русском языке, а также «умолять своих архипастырей, архипастыри – Синод – скорее созвать, открыть всероссийский собор с вселенскими патриархами, чтобы на нем *первым долгом* обсудить и порешить насущнейший вопрос нашего времени – о нашем богослужении». Одновременно о. Иоанн объявил о следующем намерении:

За свой личный страх и риск, испрошу разрешения у своего Архипастыря совершить раз-другой литургию на русском языке, с общенародным пением, с произнесением иереем не только возгласов, но и чудных молитв, которые он теперь читает «тайно». Прихожан в течение нескольких воскресных дней приготовлю к этой крупной «новости». И уверен, что среди моих городских (...) прихожан православных не будет это нововведение, этот опыт какой-либо соблазняющей диковинкой...<sup>90</sup>

Статья Попова была перепечатана в петербургском журнале и вызвала ряд полемических откликов<sup>91</sup>. Тем временем на Владикавказской кафедре сменился архиерей: в сентябре 1908 года ушел на покой епископ Гедеон (Покровский), который знал и ценил о. Попова (долгое время служившего ключарем кафедрального собора), на его место был назначен епископ Агапит (Вишневский)<sup>92</sup>. В марте 1909 г. в епархиальных ведомостях была помещена новая заметка Попова, в которой он – явно по начальственному указанию – публично отрекался от прежних взглядов, каялся, что три месяца назад причислил себя «чуть не к реформаторам», «сам поддался соблазну и других ввел в соблазн»<sup>93</sup>.

Использованная ниже схема изложения: *аргументы «новаторов» – возражения «консерваторов» – контраргументы сторонников русского языка*, – тоже достаточно условна. Однако она удобна, поскольку в основных чертах отражает ход дискуссии. Естественно, что ее инициаторами стали поборники перемен. Их первые публикации породили достаточно много откликов. Например, статья священника из Ростова-на-Дону Александра Лиховицкого, напечатанная в «Церковном вестнике» в апреле 1906 года, вызвала не менее шести ответных критических выступлений (не считая тех, где имя автора прямо не упоминается)<sup>94</sup>. Критики Лиховицкого не ограничивались опровержением его аргументов. Они предлагали свое видение проблемы и путей ее разрешения. Новые участники дискуссии, в свою очередь, не только отвечали на возражения «консерваторов». Для многих из них важным представлялось выражение своей позиции, основанной как на личном опыте, так и на учете уже высказанных аргументов<sup>95</sup>. Конечно, они часто повторяли друг друга. Но нам кажется полезным отметить, насколько широк был круг участников этой действительно соборной дискуссии начала XX века, включавшей не только священников и мирян столицы и других крупных городов, но и жителей российской «глубинки», включая окраины империи. Во всяком случае это, думается нам, свидетельствует о том, насколько насущным и важным уже в начале XX века представлялся доселе не разрешенный вопрос литургического языка и понимания литургических текстов.

## Аргументы «новаторов»

1. На первый план в их многочисленных публикациях, естественно, выдвигалось соображение о **недоступности (или малодоступности) церковнославянских богослужебных текстов и слова Божия в славянском переводе для понимания большинства мирян, что неизбежно приводит к снижению учительного воздействия православного богослужения.**

«Нам говорили некоторые приходские батюшки, – писал автор одной из таких статей, – читаешь народу Евангелие. Стараешься ясно, отчетливо произносить каждое слово. Делаешь все, что возможно, по иерейской совести... И в то же время жуткое сомнение закрадывается тебе в душу: а что, если «они» ничего-то ничего из читаемого тобой не понимают?!»<sup>96</sup> При попытке расспросить прихожан о прочитанном «жуткие сомнения», как правило, вполне подтверждаются... Тем же чувством делился о. Константин Стефанович, известный своей благотворительной деятельностью в Петербурге:

В тяжелом положении находится русский приходской священник при совершении богослужения. Он сознает, что при всем своем усердии не может воодушевить молящихся теми высокими мыслями, какие заключаются в церковных молитвах и песнопениях, и не в состоянии пособить своему горю. Большая часть наших богослужебных песней и молитв так составлена, что они становятся понятными только после тщательного толкования. Правда, священник мог бы истолковать непонятные слова и выражения церковных песнопений, но в таком случае пришлось бы совершать богослужение на двух языках. Не лучше ли было бы упростить богослужение?<sup>97</sup>

С ним вполне согласен настоятель Эржепольской церкви Полоцкой епархии священник Кирилл Зайц: «Не странно ли, что молитву надо «объяснять»? Ведь молитва должна быть свободным обращением ума и сердца к Богу»<sup>98</sup>.

Подобный риторический вопрос задавал и новгородский епархиальный миссионер о. Стефан Рябчиков:

Не лучше ли (...) говорить с русским народом по-русски в таком важнейшем деле, как прославление Божества и молитва к Нему?<sup>99</sup>

Будущий московский священномученик протоиерей Александр Хотовицкий, в то время настоятель кафедрального собора и издатель православного журнала в Нью-Йорке, писал:

Общее суждение людей, которые поставлены в обязанность учить паству, таково, что непонимание языка славянского есть ужаснейшая преграда, отделяющая народ от церкви, мешающая именно проникновению в сознание паствы тех высоких истин, которыми полны песнопения... И выходит, что прекраснейший материал вероучительный, нравоучительный и апологетический если не погибает, то ослабляется и принижается до значения второстепенного, а то и до значения вовсе ненужного в богослужении балласта!<sup>100</sup>

Похожие мысли высказывали священники из разных российских епархий:

Достаточно взять любую богослужебную книгу, чтобы извлечь из нее бесконечный ряд совершенно непонятных слов и речений. (...) По поводу невразумительности, непонятности богослужебного текста и скорбят все те, кому дорого православное богослужение, кто хочет возратить ему великое воспитательное значение, низведенное до минимума мертвым славянским языком с его архаическими формами и конструкцией речи<sup>101</sup>.

Долго тянется служба, но много ли выносит христианин из храма? С горечью приходится дать отрицательный ответ. Редкое, редкое слово поймет слушатель, да и оно, скользнув по поверхности сознания, тотчас же исчезает, так как предыдущие и последующие мысли читаемого, по большей части, ему непонятны<sup>102</sup>.

В большинстве сельских приходов один понимающий приходится на 3000 непонимающих, и этот один есть сам священник, в городских же – один на 300. Следовательно, в настоящее время для громаднейшего большинства прихожан богослужение совершается на непонятном, мертвом языке<sup>103</sup>.

Как отмечали многие авторы, трудности в понимании церковнославянских богослужебных текстов испытывают не одни только миряне, но и представители духовного сословия, хотя для них «это почти родной язык сословной традиции, школы и ежедневной практики»<sup>104</sup>.

Так как я (...) несмотря на свою «ученость», худо понимаю язык даже церковнославянский, то я безусловно стою на той точке зрения, что вполне «разумное пение» возможно лишь при русском наречии для русских

– признавался один из сельских священников<sup>105</sup>.

Но если священнослужители или даже профессора церковной археологии могут запутаться в отдельных трудных местах богослужебных текстов вроде выражения *дориносима чинми* (см. выше, с. 37) или ирмоса *Любити убо нам...* который стал классическим примером невразумительности, кочующим из статьи в статью, то затруднения мирян все же другого порядка. Как отмечали двое прихожан на страницах столичного церковного журнала,

духовные писатели как будто затрудняются в приискании непонятных славянских выражений – во всяком случае, приводимые ими примеры ограничиваются (...) выражениями исключительными по своей непонятливости, в то время, как миряне нашли бы на каждой странице любой богослужебной книги непонятные для них слова и выражения. Опросите мирян, пастыри Церкви, и убедитесь в том, что даже из песнопений и молитв, постоянно повторяющихся на церковных службах, им понятно лишь очень и очень немного!<sup>106</sup>

Протоиерей Пантелеимоновской церкви в Петербурге Николай Дроздов делился с читателями результатами подобного опроса: никто из опрошенных им образованных столичных жителей, «понимающих химию, механику и тому подобные премудрости», не смог правильно перевести на русский широко употребляемые и не самые сложные церковнославянские песнопения:

Оказалось, что только один начал переводить «чуда преестественного», и то перевел эту песнь неверно: «Чудо очень естественное\*. Тут поставил точку, не продвинувшись дальше. (...) Пятнадцать других мужей (совершеннолетних) перевели почти однообразно слова «вся соний прелестнейша» в смысле: «все во сне прекрасно»<sup>107</sup>.

О непонятности церковнославянского языка даже для образованных мирян писал и другой петербургский священник, Иоанн Альбов:

Благодаря такому порядку вещей происходят такие курьезы, что русские образованные и благочестивые люди узнают красоту нашего дивного богослужения только прочитавши его в немецком или французском переводе<sup>108</sup>.

Известный «нововременский» публицист свидетельствовал:

Здесь, в Петербурге, при отличном служении, большая часть читаемого и поемого остается непонятной, без «света разума». А что же в сельских церквях, по деревням, воспринимает народ?<sup>109</sup>

Малограмотному мирянину, подтверждал земский врач М. Богоявленский, остается только смиренно повторять «Господи помилуй» и ненадолго оживляться лишь тогда, когда услышит пение знакомых молитв. «Но даже и их он не вполне ясно понимает или понимает по-своему»<sup>110</sup>. А ведь *неправильное* понимание богослужебного текста может оказаться еще более опасным, чем непонимание его, способствуя распространению суеверий и даже еретических толкований церковного богослужения.

Чего, думается, знакомее, как «милость мира» или «Твоя от Твоих», – а ведь не всякий сразу переведет и объяснит вам эти «знакомые» слова. (...) Каждый знает и то явление, что с виду понятные слова богослужения на самом деле значат не то, что соединяем в них в русском языке; «живот», «главизна», «наказание», «прелесть», «окалять», «хитрец» или «всехитрец» Бог... Все эти и бесчисленное множество других слов имеют на русском языке совсем другое значение, чем на славянском

– напоминал тот же о. Н. Дроздов<sup>111</sup>. Священник Владимирской епархии Григорий Нардов приводил примеры совершенно искаженного понимания церковнославянского текста



Священного Писания его прихожанами. Из-за этого слово Божие, читаемое в храме, не воздействует на души слушателей. Неужели на русском языке Священное Писание утратит свою боговдохновенность?<sup>112</sup>

**2. Непонимание слов богослужения приводит к утрате чувства общности в церковной молитве, к отчуждению между молящимися и священнослужителями, а в конечном счете порождает либо слепое обрядоверие, либо холодность к церковной службе.**

Храм – училище благочестия, но учат там языком непонятным, а потому человек лишь стоит смиренно, преклоняет колена и слушает хорошее пение, молясь «воздыханиями неизглаголанными» или своими собственными, не церковными – непонятными славянскими словами, и это – даже в такие святейшие моменты, как «херувимская песнь» и совершение таинства Евхаристии. Это – в лучшем случае. В худшем – смех и разговоры, критика пения... А детям что остается? Ведь (...) им не разобраться в достоинствах и недостатках напевов<sup>113</sup>.

Это грустное наблюдение о. Александра Лиховицкого фактически означает, что роль священнослужителей, чтецов и певцов сводится к созданию лишь некоего благочестивого фона для индивидуальной молитвы верующих... Именно так описывал происходящее в храме один из священников Симбирской епархии. По его мнению, от крестьян невозможно требовать сознательного отношения к богослужению. Они, конечно, молятся, но по-своему, кто как умеет;

наше же славянское богослужение в большинстве (случаев) служит лишь более или менее удачным аккомпанементом к их умной молитве. Подобное положение вещей, конечно, никто не станет считать нормальным. (...) Выход из него (–) совершение богослужения на понятном простому русскому народу русском языке<sup>114</sup>.

А вот мысли мирянина из Владимирской епархии:

Мы не можем не заметить одного существенного недостатка в нашем богослужении, а именно, мы не можем назвать его общественным богослужением в строгом и истинном смысле этого слова. Общественным в истинном смысле богослужение будет тогда, когда (...) молящиеся (миряне) умом и сердцем своим сознательно участвуют в совершающемся богослужении (...) Для большинства наших простых богомольцев совершающееся в храме – неудобовразумительно. Богослужение совершается, а они присутствуют за ним сами по себе. (...) Недаром в нашем народе сложились характерные фразы, определяющие его отношение к богослужению. В народе говорят: «Обедня отошла», – или так: «Были мы у Троицы, *отстояли* всеношну, обедню, молебен», и т.п. В этих ходячих фразах, созданных живым народным языком, скрывается глубокая психология. (...) Дело молящегося только в том, чтобы «отстоять» известное время в храме при богослужении, а не слиться с совершаемым всею душою.

От чего же зависит это печальное явление?

Немало причин тому, но прежде всего указывают на одну как бы главную, на наш богослужебный язык. (...) Нельзя не согласиться с справедливостью этого мнения<sup>115</sup>.

В очень близких выражениях описывал свои наблюдения украинский священник:

Некоторые из наших богослужений (...) при непонимании прихожанами славянского языка, больше вырабатывают в народе религиозное терпение, чем глубоко назидают его. Отсюда и выражение: «Отстоял службу»<sup>116</sup>.

Епископ Уфимский Андрей, прилагавший особые усилия к вовлечению мирян в активное служение Церкви, высказывался особенно резко:

На несчастный русский народ наложен тяжкий подвиг сверх сил – молиться только духом, ничего почти не понимая из богослужения. (...) «Не будьте дети умом», – говорит апостол. А наше правило церковной жизни говорит: «Только молчите и сидите смиренно! Это и хорошо, что вы ничего не понимаете, это гораздо спокойнее!»<sup>117</sup>

Он же побуждал свое духовенство бороться с ходячим мнением, согласно которому

книги духовные лишь нужны для требоисправления, для извлечения привычных звуков в известной обстановке. Этих звуков никто не понимает, никто ими не интересуется... Так и

совершаются наши требы: скороговоркою, бесчувственно, бессмысленно, без всякого назидания (...) Неужели не очевидно, откуда потом получается мысль, что всего этого непонятного и не нужно вовсе?<sup>118</sup>

Молодой сельский священник Самарской епархии Сергей Самуилов утверждал, что непонятное славянское богослужение

во многих случаях убивает в человеке дух, тушит искру Божию, доводит до того, что человек начинает славить Бога только одними устами, шептать без смысла усвоенные им, часто в искаженном виде, слова молитвы. (...) От беспросветной темноты религиозной воцарился в народе дух буквы, дух обрядоверия, если не хуже, не фарисейского лицемерия, и нет места живой свежей мысли<sup>119</sup>.

В статье, написанной десятилетием позже, накануне Октябрьской революции, известный киевский священник и духовный писатель, магистр богословия МДА (1887) о. Стефан Остроумов повторял примерно те же оценки. Он писал, что непонимание церковной службы превращает храмовую молитву в формальность и приводит к утрате сыновнего отношения человека к Богу.

Мирянам в храме часто бывает холодно и неприятно от этого малопонятного староболгарского языка (...) Молитва, нуждающаяся в переводе, перестает быть молитвою, не вызывает молитвенного настроения. (...) Молитва должна быть верхом ясности и не требовать ни объяснения, ни перевода. (...) Поправить положение можно только новым, ясным, близким духу и фонетике русского языка переводом богослужебных книг. От слабости понимания богослужения слаба молитвенная связь богомольцев между собою и (со) священнослужителями<sup>120</sup>.

Петербургский миссионер Д.И. Боголюбов одной из важнейших причин холодности народа к посещению храмов считал чувство обиды на непонятность богослужебного языка, «на то, что невразумительны церковные службы и что в массе своей за живую душу они уже не берут рядового христианина». Как не услышанное вовремя предупреждение звучат его слова о том, что в результате вырастает «средостение между Церковью и народом, которое грозит сейчас страшными опасностями для благополучия нашей пока еще верующей родины»<sup>121</sup>.

**3. В конечном счете непонятность церковного богослужения становится одной из существенных причин отпадения православных христиан от Церкви и уклонения их либо в религиозный индифферентизм, либо в иные конфессии.**

Этот аргумент очень часто встречается в предсоборной церковной периодике. Вот пастырские раздумья священника Самарской епархии, которому довелось служить в сельской местности, где значительную часть населения составляли баптисты:

Многие, не понимая церковных служб (...) охладевают к самой вере и впадают в религиозный индифферентизм, некоторые посещают сектантские собрания, а более слабые и открыто переходят в баптизм. Хотя малопонятность церковнославянского языка не единственная причина религиозного индифферентизма, а также отпадений от Православной Церкви, но, во всяком случае, одна из главных. Отсюда вытекает необходимость перевода нашего богослужения на понятный для всех родной русский язык. Дело это очень важное и трудное, но вполне возможное даже теперь, а в будущем неизбежное. (...) К сожалению, в настоящее время православные лишены возможности пользоваться за своим богослужением русской Библией. Вследствие этого получается, что святая Библия, изданная в русском переводе с благословения Святейшего Правительствующего Синода, более употребляется врагами Церкви Христовой для распространения всяких лжеучений, чем верными чадами ее для прославления за богослужениями истинного Бога и для своего назидания<sup>122</sup>.

«Сколько душ похищено у нас безграмотными, но просто изложенными псалмами сектантов!» – сокрушался протоиерей Александр Хотовицкий<sup>123</sup>. Другой член заграничного клира, псаломщик русского прихода в Стокгольме М.М. Леонович, предупреждал соотечественников, глядя на происходящее в России из страны победившего протестантизма:

Богослужебный язык так же мало понятен для народа (да и для интеллигенции), как латынь для католиков. *И если Церковь не сделает решительных шагов в этом направлении, то придется считаться с массовыми отпадениями*<sup>124</sup>.

О. Кирилл Зайц, также проходивший свое служение среди инославного окружения, отмечал деятельное участие мирян в богослужении как сильную сторону католической и лютеранской церковной жизни. По его мнению, непонятность богослужебного языка является одной из главных причин отчуждения православных от своей церкви. Надо дать православному народу то, чем сильно иноверие.

Народ жаждет сознательной христианской жизни, почему и бросается во все исповедания, отыскивая пищи для утоления душевного голода, который ему не дает из богатой своей сокровищницы Православие!<sup>125</sup>

Этот мотив богатой, но как бы запечатанной сокровищницы православного богослужения, (добавим от себя – по достоинству оцененной в XX веке многими западными христианами!) на разные лады повторяли очень многие авторы. Столичный публицист Н. Энгельгардт развивает его в связи с увлечением «образованного общества» мистическими лжеучениями:

Обладая величайшими сокровищами мудрости, красоты, богатствами религиозных идей, мы являемся «нищими богачами», так как не можем этими богатствами воспользоваться. Но духовная жажда томит. И вот тысячи русских людей, уходя от запечатанного кладезя церковного, разбредаются по мирской пустыне и, прельщенные миражами ее, уходят в различные секты, ищут там, где ничего нельзя найти или нищенски мало, сравнительно с богатствами, завещанными нам Византией. (...) Сокровища церковной мудрости остаются недоступными. О них просто не знают. И устремляются на распутье мистического бреда. (...) Внешняя красота богослужения, конечно, эстетически действует. Но разум остается тощ и не воспринимает ответов на свои запросы. И толпы интеллигентных людей обращаются за ответами на запросы своего разума в теософские и оккультные книги<sup>126</sup>.

По мнению Энгельгардта, богослужение на русском языке могло бы стать главным орудием борьбы с распространением сектантства. Священник Владимирской епархии Валериан Кедрин тоже верил, что «день введения русского богослужения был бы поистине днем торжества Православия на Руси», поскольку устранилась бы одна из главных причин успеха сектантской пропаганды<sup>127</sup>. А о. Иоанн Иванов надеялся, что в таком случае «многие наши сектанты придут к нам, и будем тогда вместе славить Бога на своем родном языке»<sup>128</sup>. В красочных тонах пророческой речи излагал свои чаяния уже известный нам о. Захария Мясников:

Прочистите источник воды живой русского народа, сделайте его доступным всему народу, пусть пьют досыта все желающие, – совершайте богослужение на понятном русском языке, и совершится чудо. (...) При богослужении на русском языке (...) отпадения в другие веры прекратятся, сектантство потеряет свой престиж. Ведь сектантство есть исчадие славянского языка, и коль скоро русский язык вступит в свои права, многие из сектантов раскаются и со всеми нами «будут поклоняться Отцу (действительно) в духе и истине» (Ин.4:23). Русский народ в радости будет почерпать воду из источников спасения (Ис.12:3)<sup>129</sup>.

Преувеличенные, быть может, ожидания одинокого читателя Библии из Бугурусланского уезда способны вызвать у кого-то улыбку. Однако искренность их не вызывает никаких сомнений – равно, как и правдивость многочисленных свидетельств его собратьев из других епархий, подобных следующему:

Уклонившиеся в разные секты простецы прямо объясняли иногда свой уход из Православия этою непонятностью, а потому и скукою в храме<sup>130</sup>.

Приглядываясь к жизни баптистов и евангелистов, общины которых в этот период распространялись весьма активно, некоторые православные находили немало поучительного для себя. По наблюдениям о. Сергея Самуилова, к протестантам «идут (...) чаще самые хорошие люди, которых не удовлетворяет непонятное православное

богослужение»<sup>131</sup>. Настоятель Грозненского собора тоже не чужд симпатии к баптистам – симпатии, соединенной с горечью утраты:

Сколько простоты и искренности в выражении религиозных чувств – особенно у новичков (...) И как глубоко жаль их: зачем порвали они единство Церкви? зачем увлекаются самоизмышленными молитвами, бросив, предавши забвению молитвы святоотеческие?<sup>132</sup>

Земский доктор замечает, что на собраниях евангелистов

у всех присутствующих живо работают и мысль, и чувство, так как и чтение священных книг, и пение духовных песен происходит на понятном родном языке, и потому никто из присутствующих не ощущает ни усталости, ни скуки, ни томления, каковые часто встретишь у присутствующих в православных церквях<sup>133</sup>.

А вот диакон из Тамбовской епархии делится своими покаянными раздумьями после посещения баптистского богослужения:

Да, мы, в большинстве своем, далеки от народа, не хотим пойти навстречу его религиозным запросам и все дело великого своего служения ограничиваем только мертвым, без души, отправлением положенного уставом богослужения и треб, да еще и на малопонятном для него языке (за последнее время все чаще и чаще прихожане ропщут на малопонятный для них славянский язык, в особенности под влиянием сектантских собеседований, где слово Божие читается на русском языке). Мы сами заставляем свою паству искать на стороне, помимо нас, удовлетворения своим религиозным запросам<sup>134</sup>.

Суммируя подобные наблюдения, обозреватель журнала «Отдых христианина», издававшегося Обществом распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, пишет:

Что привлекает наш народ в баптизм, в «евангельское христианство» и т.п.? Именно чтение в сектантских собраниях Священного Писания на русском языке. Сектанты читают Библию издания Св. Синода. И довольны очень. И идут к ним. – Вот, говорят, здесь понятно нам и слово Божие. (...) А в Православной Церкви мы – и глухи, и немые (...) И народ идет к сектантам. А у нас боятся, что если в церкви будут читать слово Божие на родном народу языке ина этом языке молиться, то народ, будто бы, из церкви побежит вон...<sup>135</sup>

Отметим, что о непонимании богослужения как одной из причин успешного инославного прозелитизма говорили не только сторонники перевода богослужения на русский язык, но и такие убежденные поборники сохранения и разъяснения славянского текста, как Н.Ч. Зайончковский<sup>136</sup>, который в своем обращении в Святейший Синод от 21 сентября 1912 года писал:

Православные храмы заметно пустеют, а собрания сектантов множатся и делаются все многочисленнее. Одной из причин этого грустного явления (...) является непонимание народною массою наших молитв и церковных песнопений. Не злонравие, не развращенность, не стремление к «протесту» толкает несчастных православных людей (...) к сектантам, а целый ряд неблагоприятных обстоятельств и, между прочим, потребность беседовать с Богом (Ему молиться) на понятном им языке, о котором так определенно и вразумительно говорит Апостол (1Кор.14), петь Богу хотя и простые, наивные, часто нескладные, иногда даже кощунственные (по недомыслию и невежеству), но им-то, молящимся, понятные песни, ибо другие, лучшие произведения высокого православно-христианского духа и чистейшей поэзии, в церк(овно)-славянской оболочке, им непонятны, для них как бы вовсе не существуют (...)

Православный русский человек должен читать молитвы дома и слушать богослужение в храме непременно на прекрасном, высоко церковнославянском языке. Но в то же время он должен, он имеет право понимать эти молитвы и это богослужение<sup>137</sup>.

4. Общим местом в аргументации сторонников богослужения на русском языке были также **успешные прецеденты перевода богослужения на иностранные языки и языки «инородческого» населения Российской империи**, возбуждавшие среди «новаторов» естественную ревность за родной язык.

«Странно и грустно!» – писал о. А. Лиховицкий. –

Японец, латыш, татарин, грузин, американец и англичанин могут слушать православное богослужение на родных, знакомых языках. Лишь один русский народ как будто не заслужил этого. Среди русских людей находятся такие, которые переводят богослужение на немецкий, латышский, татарский, грузинский, японский, китайский и английский языки; нет только людей, могущих перевести его с славянского на *русский!* (...) Мы переплываем моря, чтобы прозелитировать среди иностранцев, а свой народ, наш родной кормилец-народ, по милости нашей коснеет в религиозном мраке, ибо свет истины загражден от него славянскими вокабулами<sup>138</sup>.

Другим авторам осталось лишь дополнять перечень народов, более счастливых, нежели русский, включая в него абхазцев, алтайцев, бурят, вотяков (удмуртов), зырян, карел, киргизов, лопарей, молдаван, мордву, финнов, чувашей, чукчей, черемисов, эстонцев...<sup>139</sup>

На самом деле список языков, на которые попечением Святейшего Синода переводились богослужебные книги, может быть и еще расширен. Архивные документы свидетельствуют, что лишь за период с 1905 по 1915 год издавались и готовились к изданию различные богослужебные тексты на гагаузском, литовском, монгольском, осетинском, французском, чешском и шведском языках – сверх уже перечисленных выше<sup>140</sup>.

Как мертвым капиталом владея драгоценнейшей жемчужиной – своим родным, богатейшим по выражению тончайших изгибов мысли языком, упорно храним и с убытком для себя пускаем в оборот изветшавший от времени камень

– возмущался священник Иаков Тимофеев<sup>141</sup>. М. Леонович усматривал в том обиду для народного самосознания<sup>142</sup>. Право «нашего материнского языка на хвалу Богу в Церкви преподобных» отстаивал и журнал «Церковный голос»: «Ужели язык мертвых приятнее Богу, чем язык живых?»<sup>143</sup>

Наблюдая за жизнью русских и чувашских приходов в Самарской епархии, священник Захария Мясников отмечал противоположную динамику их развития: в то время, как среди русского населения Поволжья в конце XIX и особенно в начале XX века происходил весьма заметный отток из Православной Церкви в иные конфессии, чувашские приходы крепили и умножались, сектантство не пускало в них корней. Главную причину такого различия о. Захария усматривал в совершении богослужения на родном языке. Массовое отпадение от Православия крещеных татар он также считал расплатой за отступление от заветов святителей Казанских Гурия и Варсонофия. Их преемники «вместо христианского просвещения инородцев на их родных языках занялись русификацией их», а отсюда и родилось отступничество. В преодолении этой тенденции и в успехе новой миссии среди инородцев Мясников видел особую заслугу Н.И. Ильминского (1822–1891), добившегося не только преподавания, но и совершения православного богослужения на языках народов Поволжья<sup>144</sup>.

Кстати, именно положительное воздействие богослужения на родном языке на чувашское население использовал в качестве аргумента за русское богослужение другой священник Самарской епархии – уже упоминавшийся Н. Пономарев<sup>145</sup>. Позднее, на заседании Предсоборного совета епископ Уфимский Андрей также объяснял более высокую сравнительно с русскими религиозность татар в его епархии употреблением родного языка в богослужении<sup>146</sup>.

**5. Обращаясь к более глубоким пластам церковной традиции, «новаторы» усматривали богословские и исторические обоснования возможности богослужения на русском языке в миссионерской практике Православной Церкви, в служении апостолов Христовых и святых отцов, в событии Пятидесятницы, наконец, в образе земного служения Господа Иисуса Христа,**

Действительно, свидетельства Нового Завета едва ли оправдывают стремление к неизменности богослужебного языка. Священник В. М-ч, возможно, несколько недооценивал образность притч и речений Иисуса, но в целом был близок к правде, утверждая, что Спаситель проповедовал на языке

обыкновенном, разговорном, «уличном», на нем же изложил и образцовую молитву и, очевидно, больше заботился не о красоте или поэтичности Своих выражений, а о доступности пониманию простых людей Своего учения<sup>147</sup>.

Другой священник из Вятской епархии признавался, что монотонное чтение непонятных славянских текстов приводит ему на память упрек Господа Иисуса: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и желающих войти не допускаете» (Мф.23:13)<sup>148</sup>. Псаломщик М. Леонович так истолковывал слова Христа «суббота для человека, а не человек для субботы» (Мк.2:27):

Это значит, что ни традиции, ни предания старцев, ни привычные формы жизни и культа не имеют непреложного значения. (...) Богослужебная реформа должна направить все свои усилия на то, чтобы удовлетворять современным религиозным потребностям<sup>149</sup>.

Протоиерей Стефан Остроумов тоже толковал этот текст применительно к переводу богослужения:

Дорожить стариной похвально, но не хорошо – приносить в жертву этой старине сознательность веры и живость чувства; не добро условному и служебному придавать значение безусловного и существенного<sup>150</sup>.

Обращаясь к апостольскому наследию, «новаторы» часто ссылались на тексты 1Кор.14 о «незнакомых языках». Хотя «в полном смысле эти слова неприменимы к нашему богослужебному языку, но они намечают ясно принцип, которым нужно руководствоваться в церковно-богослужебной практике»<sup>151</sup>. В отказе от богослужебного использования русского языка некоторые авторы усматривали также своего рода пренебрежение «даром языков», ниспосланным в день Пятидесятницы, и даже противоречие апостольскому обычаю<sup>152</sup> или – апеллируя к последующей церковной истории – измену кирилло-мефодиевской традиции<sup>153</sup>. Наиболее эмоционально выражал эти мысли священник А. Лиховицкий:

Что, если интеллигенция и народ (...) скажут: Церковь для нас, богослужение для нас и для наших детей<sup>154</sup>, а не для одних епископов и священников... Что, если эти теперь одинокие голоса (...) потребуют богослужения на русском языке? Что скажем в ответ мы, духовные вожди народа?! Мы укажем на традицию, на историю, но история будет против нас – сошествие Святого Духа на апостолов, говорение на разных языках пред отправлением на проповедь. Против нас станет апостол языков, св. Павел, который, должно быть, проповедовал коринфянам и римлянам на их языке или на языке государственном того времени, а у нас таковой русский.(...) Против нас – свв. Кирилл и Мефодий и св. Стефан Пермский, несущие проповедь и богослужение славянам и зырянам на их наречиях<sup>155</sup>.

Среди других авторитетных имен, на которые чаще всего ссылались сторонники обновления богослужебного языка – великий миссионер, апостол Японии св. Николай (Касаткин) и особенно святитель Феофан Затворник, подвергавший критике неудовлетворительное состояние славянских богослужебных книг<sup>156</sup>.

## Возражения «консерваторов»

1. Прежде всего, некоторые из них энергично **оспаривали или считали сильно преувеличенным основной тезис своих оппонентов о непонятности церковнославянского языка.**

Пожалуй, наиболее талантливо и ярко выразил эту позицию К.П. Победоносцев в статье, напечатанной в 1906 году в журнале «Странник», а затем – брошюрой, экземпляры которой рассылались по особому списку, составленному автором<sup>157</sup>.

К сожалению, в последнее время у нас – и в духовно-учебных заведениях, и в так называемом образованном обществе – растерялось знание славянского языка и ослабела привычка к нему. Отсюда возникло ни на чем не основанное представление о непонятности славянской речи для народа в церковном богослужении. И наконец слышим, что из среды духовенства идут предложения перевести богослужение на русский язык. Но это в сущности была бы не реформа, а крайне легкомысленная, бесцельная и опасная для единства Церкви революция, разрушающая весь характер и все значение для народа нашего богослужения. Наш церковнославянский язык – великое сокровище нашего духа, драгоценный источник и вдохновитель нашей народной речи. (...) Ведь он – искони родной, свой нашему народу; на нем образовался нормальный, классический строй русского языка, и чем дальше отступает от этого корня язык литературы, тем более портится, теряет определительность и ясность, и тем менее становится родным и понятным народу. (...)

Родной славянский язык понятен всякому русскому человеку. Темнота некоторых песнопений, лирического свойства, зависит не от языка, а от тяжелой конструкции греческой фразы, выражающей восторженную молитвенную хвалу или имеющей таинственное значение. Выразить ее на русском языке – значило бы сделать ее еще менее понятной<sup>158</sup>.

Г.А. Соколов, как и К.П. Победоносцев, считал, что славянский язык непонятен лишь для интеллигенции и для некоторых духовных лиц, идущих у нее на поводу, но отнюдь не для простого народа. Народ любит храм – значит, любит и славянский язык, который «был понятен народу и в прежние века, понятен и теперь». А если язык богослужения, как утверждают сторонники его перевода, «далек от жизни, чужд русскому языку», то «это именно и есть существенная причина, почему славянским языком дорожит народ», желающий в храме удалиться от суетной повседневности<sup>159</sup>. Те же мысли высказывал священник Александр Полиевктов:

Церковно-славянский язык – корень современного русского языка и для простолюдина, вследствие этого, не так малопонятен... Мы знаем несколько начетчиков, могущих прочесть наизусть несколько страниц из Маргарита, Толкового Апостола. Где же трудность понимания церковнославянского языка? Церковно-славянский язык мало доступен только для той части интеллигенции, которая выросла и воспиталась на литературном языке и имеет мало общего по своим понятиям с церковнославянским и русским народным языком<sup>160</sup>.

Противопоставление простого народа и оторвавшейся от него, а потому и маловосприимчивой к славянскому языку интеллигенции было общим местом тогдашней полемики:

Интеллигенты русские – это не дикинно – говорить и по-русски не умеют. Из-за них же не заменяют славянские слова какой-нибудь тяжеловесной и неуклюжей неметчиной!<sup>161</sup>

2. Другие авторы признавали, с теми или иными оговорками, неудобопонятность многих богослужебных текстов, но либо **не считали недостаток понимания большой бедой, либо предлагали другие меры к исправлению положения (улучшение чтения и пения, преподавание церковнославянского языка в школах, разъяснение в проповедях, распространение пояснительной литературы).**

Житель Гатчины Петр Шишипторов писал:

Не все же малопонятно. Очень многие прошения на ектениях вполне понятны. Да, наконец, что может быть понятнее: «Господи помилуй!» или «Поддай Господи!»?

Стоит обратить внимание на католиков – они молятся в своих храмах на еще менее понятной латыни, но разумно и благоговейно, благодаря молитвенникам с параллельными текстами на национальных языках.

Но что же мешает и нам завести у себя подобные книжки?<sup>162</sup> Правда, у нас много безграмотных; но что же мешает священникам объяснять народу богослужение, начав с литургии?<sup>163</sup>

Киевский автор М. Иустинов считал, что отдельные трудные места могут быть и исправлены, но в целом находил трудности преувеличенными:

Действительно ли в нашем богослужении все так уж непонятно, что не остается никакого места для назидания и увещания?.. Во всяком случае: ектении и многие церковные песнопения в достаточной мере ясны и для простого человека<sup>164</sup>.

Заслуженный профессор гомиетики Киевской духовной академии В.Ф. Певницкий также признавал, что в богослужебных текстах «встречаются частные неудобопонятные выражения». Но так ли это важно? По мнению профессора, главное в храме – это молитвенное настроение, ведь святыня воспринимается прежде всего сердцем, а не умом.

При встречающихся выражениях малопонятных, народ уловляет общий дух, характер и смысл чтений и пений, слышимых в церкви, и при понимании и усвоении главного душою молящегося при богослужении, может быть, не происходит большого вреда от того, что ускользают от внимания некоторые частности и не во всей полноте входит в разумение верующих предлагаемое в церкви (...) Едва ли кто станет утверждать, по крайней мере, мы не представляем того, чтобы народу непонятны были моления и пения (...) Божественной литургии (...) Не думаем также, чтобы ему непонятны были слова Евангелия, читаемого на славянском языке<sup>165</sup>.

Сельский священник ставил в пример детей, которые, если и не понимают чего-то в службе, все же умиляются богослужением.

Да и взрослый человек в храм идет не столько для размышления, сколько для отдохновения и умиротворения душевного<sup>166</sup>.

Законоучитель и настоятель Троицкой церкви в Казани о. Евгений Сосунцов, напротив, считал непонимание смысла серьезным препятствием к сосредоточенной молитве – как для детей, так и для взрослых. Но выход он видел в более продуманной системе школьного преподавания.

Надеяться (...) на то, что православное богослужение понятно само по себе каждому русскому человеку, наивно. При попытках перевода многих молитвословий со славянского языка на русский возникают значительные трудности даже у людей, обладающих специальной подготовкой, имеющих возможность обратиться к грамматическим и филологическим тонкостям изъяснений, а для обыкновенного молящегося затруднения встречаются в значительно большем количестве и притом в таких выражениях, которые для образованных людей совершенно понятны. Вследствие привычки к обилию непонятного в языке Церкви многие из мирян и не стараются хоть сколько-нибудь понять смысл богослужения и присутствуют в храме рассеянны. Этим свойством особенно страдают дети<sup>167</sup>.

Священник Плисской церкви Полоцкой епархии Петр Серебренников также признавал, что «простой народ действительно мало понимает славянский язык», однако полагал, что это не мешает крестьянам быть более религиозными, чем люди образованные. Для лучшего понимания со временем

нужно образовывать народ, а до тех пор пока достаточно довольствоваться влиянием хотя бы и на одно его чувство<sup>168</sup>.

Священник Н. Виноградов тоже склонялся к мысли о достаточности эмоционального воздействия:

Как раз масса народа и не требует для религии умственного развития. Простонародье не жалуется на малопонятность славянского языка. (...) Дело в том, что слово Божие и вдохновенные молитвословия и песнопения гораздо больше говорят сердцу, чем уму<sup>169</sup>.



Один из орловских священников даже утверждал, что понимание богослужебного текста вредит религиозному чувству: при полном понимании пропадает поэтический восторг.

Скажу вам, что есть какое-то особенное удовольствие в том, чтобы не понять смысла церковных песнопений с высокоглубоким содержанием: это я не только по себе знаю, но и по другим лицам. (...) После того, как смысл песнопения вскрыт прикосновением сухо-синтаксического ножа русского речепостроения, – оно (песнопение) как будто теряет немного в очаровании, каким до этого владело<sup>170</sup>.

Однако его архиерей отнюдь не разделял такую точку зрения. Будущий священномученик Серафим (Чичагов, 1856–1937) в то время епископ Орловский, опираясь на *Отзывы епархиальных архиереев*, признавал крайнюю серьезность вопроса о понимании богослужения:

Судя по отзывам Преосвященных (...) везде пришли к заключению, что наша православная служба, которой дивятся сами инославные христиане, ввиду ее священно-поэтической высоты и разнообразия форм, остается наполовину мертвою для громадного большинства русских людей.

Присоединяясь к мнению своего предшественника по кафедре епископа Кириона о необходимости исправления языка богослужебных книг<sup>171</sup>, владыка Серафим напоминал:

Однако для того, чтобы народ понимал литургию, участвовал в общественной молитве и знал, о чем надо молиться в известные моменты этой службы, недостаточно, если литургия будет служить даже на русском языке; нужны знания, а следовательно, обучение и объяснение.

В связи с этим всему епархиальному духовенству вменялось в обязанность ежегодно на воскресных чтениях в школах объяснять порядок богослужения и изучать Псалтирь на русском языке по переводу преосвященного Порфирия (Успенского)<sup>172</sup>.

Возвращаясь к вопросу о роли ума и «сердца» в восприятии молитвенных текстов, следует отметить, пожалуй, наиболее уравновешенный во всей полемической литературе предсоборного периода анализ этой темы в другой статье уже цитированного выше священника Е. Сосунцова, который справедливо отмечал:

Всякая молитва представляет собою произведение духовно-поэтическое, а потому не нуждается в разъяснении каждого отдельного штриха, каждой черточки. Молитва служит не столько потребностям ума, сколько наклонностям чувства. Чувство же не может быть заключено в строго определенные рамки, и некоторая таинственность в выражении его содействует более сильному влиянию его на людей. *Некоторая доля* таинственности, неизвестности, *не переступающая границ разумности*, заставляет сладко сжиматься наше сердце и уносит нас от земли в далекие выси надзвездных миров (...)

Полное отрицание разумности и планомерности в поэтических произведениях, известное под именем импрессионизма, декадентства, неофутуризма, пока не приобрело всеобщего признания, да и едва ли когда-либо приобретет его. Чувство неотделимо от сознания и не может разъединяться с ним; чувство и сознание не исключают друг друга. (...) Но и подведение поэтических произведений под мерку холодного рассудка ведет к понижению поэтического и религиозного чувства<sup>173</sup>.

Надо иметь в виду, что помещавшиеся в различных «толковых молитвословах» и учебниках Закона Божия русские переводы молитв и песнопений, не предназначенные для богослужебного употребления, обыкновенно отличались сухой прозаичностью. Вероятно, это наложило отпечаток на многие высказывания в защиту церковнославянского текста – хотя присущая ему «доля таинственности» во многих случаях явно выходила за *границы разумности* для большинства читателей и слушателей.

Преподаватель Рязанской духовной семинарии протоиерей Павел Алфеев призывал прежде всего «улучшить и возвысить церковное чтение до идеальной высоты, а не переделывать текст читаемого». Если же и хорошее чтение не дает ясного понимания, то помочь делу должны школы и пастыри Церкви.

Нужно народ возвышать до понимания всего в религии, а не религию подгонять под уровень понимания народа<sup>174</sup>.

Известный духовный писатель архиепископ Никон (Рождественский, 1851–1918) принципиально признавал возможность улучшения богослужебного текста, но главным условием понимания тоже считал правильную постановку образования. На пороге революции, в 1917 году, он с любовью вспоминал времена своего детства, когда грамоте учились у дьячков. По его мнению, вся беда в том, что под влиянием интеллигентского «просвещения» и в результате происков масонов

славянский язык почти устранили из школы. (...) Старались, чтобы дело обучения было как можно легче, чтоб дети учились играючи. (...) Но таким образом с первых дней воспитания дети отучались от борьбы со всякими трудностями, привыкали к лености мысли. (...) Теперь кричат уже о замене церковнославянского языка русским, даже в богослужении. Сохрани нас Бог от такого кощунства! Надо кричать наоборот о том, чтобы учить детей по-славянски, начиная от буквы<sup>175</sup>.

Однако несмотря на все эти призывы практическая постановка преподавания церковнославянского языка на протяжении предреволюционного периода оставляла желать лучшего. Преподаватели жаловались, что все еще не подготовлен полный круг необходимых пособий по объяснению молитв и церковных песнопений для школы и для внебогослужебных собеседований<sup>176</sup>. В земских школах преподаванию славянского языка уделялось мало времени, а учителя постоянно возбуждали вопрос об исключении его из программы<sup>177</sup>.

3. Многие участники дискуссии обращали внимание на **особые достоинства церковнославянского языка, которых, по их мнению, лишен язык русский.**

Так, профессор СПбДА по кафедре церковной археологии и директор Императорского археологического института Н.В. Покровский (1847–1917) считал, что

в русском переводе богослужебное слово утратит неизбежно по местам силу экспрессии и возвышенность характера, подобно тому, как это бывает в случаях переложения стихотворно-поэтической речи на обыкновенную прозаическую речь. Последовательная точная замена славянских слов и выражений русскими повлечет за собой нежелательную тривиальность речи<sup>178</sup>.

В качестве примера, подтверждающего невозможность перевода богослужебной поэзии на русский язык, епископ Прилуцкий Сильвестр<sup>179</sup> указывал на тексты, которые в русском переводе, по его мнению, звучали бы неприлично:

Как, например, передать разговорной речью следующие выражения: «Блаженно чрево, носившее Тя, и сосца, яже еси ссал» (Лк.11:27); «ложесна бо Твоя престол сотвори, и чрево Твое пространнее небес содела» (Задостойник); «всяк мужеский пол ложесна разверзая, свят Богу» (Канон Сретения, ирмос 9)<sup>180</sup>.

Преимущественно эстетическими соображениями обосновывали невозможность или нежелательность богослужения на русском языке и другие авторы. Священник Владимирской епархии Владимир Побединский указывал на следующие преимущества славянского языка перед русским:

Его красота, глубина мысли, его церковность и умиленность – все это в высшей степени благотворно и религиозно действует на душу христианина, чего вряд ли можно ждать от русского текста богослужения<sup>181</sup>.

Русский язык – лучший среди всех языков современной Европы, считал протоиерей Павел Алфеев, но все же со славянским сравниться не может: «Ни один язык на земном шаре, за исключением древнегреческого, не отличается таким благозвучием, как славянский»<sup>182</sup>.

И. Афанасьев из Вятской епархии, рассуждая о превосходстве славянского, шел еще дальше: он не уступал первенства и греческому, а невозможность перевода богослужения на русский язык обосновывал доводами не только эстетического, но и догматического характера:

Один только славянский язык, между всеми человеческими языками, отличается необыкновенною гибкостью, мягкостью, художественностью, благозвучностью, плавностью и

другими качествами, благодаря которым и явилась возможность создать великие художественные церковно-богослужебные песнопения.

Нет, русский язык по своей музыкальной благозвучности далеко уступает славянскому языку и поэтому на нем мы не можем иметь тех церковных песнопений, какие дает славянский язык (...) В славянском языке одно какое-нибудь слово выражает такую глубокую мысль, что в русском языке для выражения этой мысли потребуется целое предложение. Многие славянские слова, имеющие особое догматическое значение, невозможно перевести на русский язык без извращения и искажения догматических истин, без впадения в какую-нибудь ересь или религиозное заблуждение<sup>183</sup>.

Были и другие авторы, которые настаивали на неотделимости вероучительных истин от их церковнославянского выражения. По мнению Г.А. Соколова, «содержание церковных песнопений неотделимо от формы»; славянская книга «даже самым видом письмен (...) влечет в высший мир возвышенных созерцаний и настроений, христианского подвига и нравственного совершенства». Поэтому перемена языка фактически равносильна перемене веры: «Где у нас на Руси для целей религиозных вместо славянского употребляют русский язык, там уже нет православия»<sup>184</sup>.

Идея сакрального, иератического языка, по существу своему непременно отличного от языка повседневного человеческого общения, была распространенным аргументом в ходе дискуссии о переводе богослужения. Будущий священномученик Пермский, в то время епископ Тихвинский Андроник (Никольский, 1870–1918) справедливо указывал:

Богослужебный язык всегда и у всех народов особый от разговорного, как и в общезнании мы несколько особым языком объясняемся с высокими особами; это так необходимо и психологически естественно<sup>185</sup>.

Конечно, более точным представлялось бы говорить во втором случае не об особом языке, а об ином *стиле*. Однако защитники славянского были склонны забывать о различии стилей русского языка. Так, профессор Певницкий считал, что замена священного славянского языка русским будет означать переход на «язык улицы или язык нынешней развязной литературы», что, конечно, уменьшит благотворное воздействие церковных молитв и песнопений.

Нужно твердо держаться славянского текста, чтобы не утратить связи с православной церковностью. Будет брошен этот язык, считающийся священно-церковным, и заменен простым обыденным языком, произойдет обмирщение церковного дела и низведение его с высоты, ему подобающей, в близкий уровень с простыми будничными явлениями. (...) Вред, отсюда происходящий, значительно может перевешивать ту пользу, которая ожидается от большей понятности церковных песнопений и молитв, изложенных на русском языке<sup>186</sup>.

По мнению епископа Сильвестра, нуждам богослужения наилучшим образом удовлетворяет язык, остановившийся в своем развитии:

Язык, переставший быть живым и разговорным, по необходимости кристаллизуется и тем исторически обеспечивает точность для обозначаемых им понятий. (...) Каждый разговорный язык, поскольку он живой, постоянно подвергается изменениям, как изменяется и сама жизнь, которую он выражает. (...) В течение столетия живой язык обыкновенно подвергается значительным переменам. Возможно ли святыню Евангелия и все богослужебные песнопения и молитвы перелагать на разговорное наречие по мере изменений живого языка?<sup>187</sup>

В то время, как одни авторы стремились доказать, что славянский язык вовсе не «мертвый», поскольку он находится в молитвенном употреблении, а кроме того, подвергается, хотя и медленно, определенным изменениям<sup>188</sup>, другие не затруднялись говорить о преимуществе славянского именно как *мертвого* языка:

В звуках славянской богослужебной речи почил молитвенная благодать (...) мы на ней слышим только молитву и слово Божие; ее священный характер не может профанироваться вульгарным употреблением ее, потому что славянская речь есть уже мертвая, а не живая речь

– писал епископ Оренбургский Мефодий<sup>189</sup>. С наибольшей отчетливостью эту мысль выразил о. Виноградов:

Наилучшим языком церкви является именно мертвый, а не живой, служащий для повседневных потребностей, язык. (...) Входя в храм, верующий человек приходит в дом Божий и за порогом храма оставляет и суетные формы, в которые облекается земная жизнь, оставляет и суетный язык. (...) Как же в это исключительное, неземное место внесем мы с собою обыденную, разговорную речь, которую мы так опошлили, так осушили? (...) Нельзя одни и те же слова и выражения употреблять и в минуты шутивого веселья или в припадках раздражения и злобы – и в беседе с Богом, в минуты покаяния, в часы славословия, благодарения, прошения<sup>190</sup>.

Священник В. Пестряков, как и ряд других авторов, охотно ссыался на Н.И. Ильминского, который, желая подчеркнуть естественный, общечеловеческий характер потребности в обособленном от жизни языке молитвы, указывал на практику иных религий – иудаизма, ислама, индуизма, буддизма<sup>191</sup>.

Отношение «консерваторов» к русскому языку было неоднородным. Иные из них признавали его высокие достоинства, но находили, что как по эстетическим, так и по пастырским соображениям сохранение славянского языка в качестве богослужебного все же предпочтительно<sup>192</sup>. Для других авторов русский язык – «бесцветный», «разговорный-обыденный», «язык гостиных, площадей и улиц» и даже «язык базарно-житейской суеты», «язык кухни и базара»<sup>193</sup>. В общем следует признать, что и оценки церковнославянского языка в высказываниях «новаторов» различались не менее широко.

Наконец, некоторые авторы ставили действительно серьезный вопрос: на *какой* русский язык могло бы быть переведено наше богослужение? В частности, обращали внимание на наличие в России множества *диалектов*, достаточно несходных друг с другом<sup>194</sup>; указывали и на то, что *литературный* русский язык в значительной степени непонятен простому народу – быть может, даже больше, чем церковнославянский<sup>195</sup>, – а язык современной *интеллигенции* чрезвычайно засорен иностранными словами<sup>196</sup>.

**4. Церковнославянский язык как средство духовного единения всех славянских народов** – вот еще один из аргументов дискуссии о богослужебном языке.

В Чехии и Болгарии, Сербии и Черногории, – указывал епископ Сильвестр, – везде православный славянин во святых храмах услышит теперь на доступном для него церковнославянском языке слово Божие и молитвы церковные, и он ясно почувствует свое духовное единение с Господом Богом и людьми<sup>197</sup>.

Отказ же от славянского богослужения означал бы утрату этого объединяющего начала, которое имеет важное духовно-культурное (а может быть, и политическое) значение<sup>198</sup>.

**5. Отказ от привычного для церковного народа славянского языка приведет к нарушению мира и единства в Церкви, к возмущению верующих или даже расколу, – считали «консерваторы».**

Каждому из молящихся известно, как иное слово будило в душе молитвенное чувство, оживляло священный образ, вызывало память прошлого и прежней молитвы, – и все это неужели может и должно пропасть! Нет, видно всего этого не чувствовали нынешние реформаторы богослужения.

– с горечью восклицал К.П. Победоносцев<sup>199</sup>.

В.Ф. Певницкий, вспоминая печальные результаты реформы патриарха Никона, ожидал еще больших нестроений при переходе на русский язык в церковной службе.

Священный язык, входящий во все богослужебные чины, – это один из камней в фундаменте живого здания Церкви (...) Будете вынимать этот камень и заменять его другими, можете поколебать утвердившийся строй Церкви и вместо мнимой пользы принесете большой вред.

Притом, считал профессор, такая мера, послужив едва ли нужной уступкой людям малоцерковным, нанесла бы «оскорбление благочестивому чувству тех, которые составляют соль земли»<sup>200</sup>. Белорусский священник выразил эту же мысль по-своему:

Богослужебный церковнославянский язык по понятиям народа сверхчеловеческий – божественный язык. Чтый да разумеет! Для кого менять язык богослужебный? Для интеллигенции? Не стоит. Она, во-первых, церкви не любит, а во-вторых, станьте им угодничать, так зачеркнете посты, выбросите брак, словом из христианства сделаете не союз Бога с человеком, а прихвостень нечистого<sup>201</sup>.

Ярко описывал пагубные последствия отмены славянского богослужения и Г.А. Соколов:

Трудно и представить ту скорбь, и то смущение, и то лишение, подобное смерти любимого и близкого нам человека, которые почувствовали бы верующие, у которых отняли славянский язык.

Такое оскорбление религиозного чувства, считал астраханский преподаватель, неизбежно оттолкнуло бы многих от Церкви<sup>202</sup>. Священник Пестряков считал, что замена славянского языка русским таит угрозу «новых религиозных катастроф (...) новых расколов и разделений»<sup>203</sup>.

Подробнее всех описывал возможные последствия реформы священник Виноградов:

Народ не умеет различать идеи от формы, в которую воплощена эта идея. В сознании народа религия слилась с культом. Если вы не верите этому, загляните в русскую историю. (...) Такая крупная реформа, как замена славянского богослужебного языка русским при современной необразованности массы народа, положит начало новому (...) страшному расколу (...) Этот раскол грозит полным уничтожением Русской Православной Церкви. Не надо забывать, что у нее есть опасный непримиримый враг – старообрядцы. (...) Малейшего новшества в Православной Церкви достаточно, чтобы масса народа хлынула из православных храмов в молельни старообрядцев! Народ не отдаст священного языка Церкви! Народ не позволит «изгнать славянщину»! (...)

Предположим невозможное: народ при современных условиях позволит упразднить богослужебный славянский язык. Но у кого достанет жестокости – произвести над миллионами душ тяжелую операцию?

Новый язык церкви, новые слова и выражения не найдут в нашем сердце отклика привычки, привязанности с детских лет. Странно будет слышать новые речи в храме. Мысли-то останутся все те же, а для слуха все новое. Каждая фраза священного и богослужебного текста срослась с нашей душой, сплелась с самыми сильными и нежными струнами сердца.

Религиозная жизнь целого поколения будет потрясена предполагаемой нами реформой. (...) С переменой богослужебного языка целому поколению пришлось бы переучиваться: усвоенный на память текст не будет совпадать с богослужебным. (...) И окажется, что мы во всяком случае враждебно будем относиться к новому языку церкви. А простой народ сделает проще: он уйдет от нового языка туда, где звучит, потрясая сердца, родной, привычный священный язык.

При этом священник, однако, делал важную оговорку:

Конечно, нельзя указывать истории путь. Быть может, со временем создадутся благоприятные условия для замены славянского богослужебного языка русским<sup>204</sup>.

Другие авторы, которые, как и о. Виноградов, не были принципиальными противниками использования русского языка в богослужении, также призывали к предельной осторожности при всех рассуждениях и тем более практических действиях в этом направлении: «Мы твердо обязаны помнить, что церковное богослужение не безразличный для русского народа предмет»<sup>205</sup>. В одной из неподписанных статей автор – человек явно консервативных убеждений – настаивал:

Реформирование богослужения, малопонятное для народа, можно совершить только с согласия и по желанию народа. (...) Даже Собор Русской Церкви не вправе обсуждать этот вопрос иначе, как по инициативе мирян. (...) Начинать это дело нужно не сверху, а снизу (...) Скажут: служите сами, для своего удовольствия, мы найдем себе иных пастырей, для которых дороги учение и предание Церкви Православной, ее постоянная верность себе. Вот если бы вся Церковь, носительница Духа Божия, нашла, что современное богослужение не удовлетворяет ее, тогда вы смело говорите о реформе богослужения<sup>206</sup>.

Наконец, Н. Колосов предлагает православным «поучиться у католиков их мудрому такту», с которым они избегают толков об упразднении латинского богослужебного языка и тем самым сохраняют прочность своей церковной организации – по мнению автора, «одной из наиболее совершенных»<sup>207</sup>.

6. Распространение сектантства, по мнению некоторых, могло бы даже усилиться от разрешения богослужения на русском языке:

Пока простой народ не имел русского перевода Библии, он в простоте сердца веровал, а с появлением русской Библии он стал ее читать, потом по-своему понимать и толковать непонятные места Библии, и кончилось тем, что русская Церковь приобрела сектантство. Как бы чего подобного не случилось и при переводе богослужебного языка

– писал священник Херсонской епархии о. Иоанн Миронов<sup>208</sup>. О. Владимир Побединский беспокоился, не принесет ли русское богослужение больше урона Церкви через усиление раскола, нежели пользы от возвращения сектантов<sup>209</sup>. А священник церкви при Самарской земской больнице Стефан Богородицкий опасался, что введение в богослужение русского языка может быть воспринято как капитуляция Православной Церкви перед сектантством<sup>210</sup>.

7. **Возможно ли преодолеть неизбежные трудности переводческой работы?** На этот вопрос «консерваторы» были склонны отвечать отрицательно.

«Может ли духовное творчество нашего времени подняться на высоту творчества наших предков? – спрашивал епископ Прилуцкий Сильвестр. – Признаём совершенно невозможным достойное повторение теперь духовного творчества в отношении богослужебного языка»<sup>211</sup>. «Имейте в виду, что комиссия по исправлению одного служебника работала не менее двадцати лет, пока не вымерла», – саркастически напоминал Н.В. Покровский<sup>212</sup>.

Кто будет переводить богослужебные книги? «Разве у нас есть какой-нибудь религиозный поэт, которому можно было бы поручить это величайшее дело?» – спрашивал священник С. Недельский, справедливо полагавший, что для богослужебного употребления не годятся учебные переводы вроде тех, которые печатаются в школьных пособиях. – «Я убежден, не найдется ни одного святого поэта даже для перевода божественной литургии, утренних и вечерних молитв»<sup>213</sup>. О. Стефан Богородицкий тоже не видел в современной ему России достойных мастеров слова: на седалище Пушкина и Лермонтова «сели Горькие, Андреевы, Куприны, Арцыбашевы и прочие порнографисты», от поэтичности русского языка скоро останется одно воспоминание<sup>214</sup>. Окружной благочинный из Мценского уезда протоиерей Василий Ключарев напоминал, что кроме вдохновения для этой работы нужна еще и ученость<sup>215</sup>. А о. Н. Виноградов сформулировал целый ряд условий, необходимых для создания русского текста богослужения, равноценного славянскому:

Найдется ли достаточное количество людей глубоко религиозных, одаренных большим литературным талантом, которые смотрели бы на перевод богослужебных книг на русском языке, как на подвиг жизни, как на святое, безусловно необходимое для народа дело?<sup>216</sup>

8. **Большие трудности представляет согласование нового богослужебного текста с музыкой.**

Все наше церковное пение органически, неразрывно соединено с словом богослужебного текста, к этому слову примерено и без него немыслимо. Изменить этот текст – значит разрушить эту живую вековую связь и разрушить вместе со словом все церковное пение и исказить безобразно чин богослужения. (...) Поставьте вместо славянского текста русскую деланную фразу – исчезнет и цезура, и ритм, и смысл каждой отдельной фразы, и весь лад пения, к ней примеренный

– отмечал К.П. Победоносцев<sup>217</sup>. Протоиерей Алфеев также находил невозможным «из-за непонимания славянского языка уничтожать все знаменитые высокохудожественные композиции гениальных композиторов»<sup>218</sup>.

Священник С. Недельский выдвигал нелегкий практический вопрос:

Где новаторы найдут столько новых псаломщиков и особенно – кем они заменят народные хоры, члены которых понаслышке выучили осмогласие и всякое церковное

тение?»<sup>219</sup>

#### 9. «Русский язык – не панацея от церковных нестроений».

Этот тезис выдвинул профессор Покровский, желая несколько охладить пыл «новаторов». Допустим, хороший русский перевод все же удалось выполнить.

Однако будет ли этим достигнута идеальная ясность богослужения, и будут ли все понимать русскую богослужебную речь совершенно ясно и определенно? Нет и нет. Богослужебный язык возвышенный и поэтический. Поймет ли простолюдин оду Державина «Бог»? Поймет ли он Илиаду Гомера в русском переводе? Поймет ли стихотворение Пушкина «Пророк»? (...) Для совершенно ясного понимания богослужения необходимо общее и богословское образование, обширная начитанность, постоянное обращение с песенным материалом и проникновение в его дух и характер, знание строя богослужения (...) Ясно, что один перевод богослужения на русский язык не вносит абсолютной ясности в эту область; ясность достигается путем научного изучения, а затем путем школьных и пастырских изъяснений (...) Русское богослужение для простецов все-таки будет не вполне ясным, как и славянское<sup>220</sup>.

Того же мнения держался епископ Мефодий:

Имея в виду народную массу, многое ли приобретется для понимания богослужебного языка, если славянский язык заменить русским? Очень немногое, почти ничего<sup>221</sup>.

«Ревнитель благочестия» из числа русских американцев в своем отклике на статью о. А. Хотовицкого<sup>222</sup> называл работу по переводу богослужения на русский язык «бесплодной и невозможной, ибо для нее художников нет. и не будет. И нужды в ней нет» – поскольку лирическое содержание песнопений «не требует логического построения и анализа фразы (...) Если же требуется осветить мыслью, толкованием и звуки, и образы, это дело не перевода, а устного толкования». По мнению «ревнителя», перевод не решит проблемы понимания «деланных фраз греческого словосочинения», любимых народом преимущественно в силу привычки; в качестве примеров он называет ирмосы Великой Субботы, Богоявления, канон Андрея Критского, содержание которого, насыщенное ветхозаветными образами, независимо от языка «совсем непонятно массе, не знающей этой истории»<sup>223</sup>.

Автор, печатавшийся на страницах самарского журнала под криптонимом *Пр-й С-н*, также считал, что причина непонятности богослужебных текстов, включая и Псалтирь, лежит не в церковнославянских грамматических формах и даже не в наличии слов, имеющих в русском языке другое значение, а в самом содержании этих текстов, которое «выше народного понимания». Апостольские чтения, «если бы дьячок читал их по книге Синодального перевода на русское наречие», все равно остались бы большей частью непонятными для малограмотного народа. Поэтому «немного выгадали бы мы в понятности богослужения чрез замену в богослужении языка древнеславянского новославянским». Впрочем, обсуждение этого вопроса автор считал просто «неблаговременным», хотя и признавал его «одним из важнейших» в церковной жизни. Коль скоро весь материал, подготовленный для Собора, отложен в сторону и ждет своей очереди, дискуссия не может иметь практического значения. Не возражая принципиально против богослужения на русском языке, *Пр-й С-н* желал лишь, чтобы оно не было для всех обязательно, справедливо указывая на многих лиц, которые могут молиться по славянской Псалтири, несмотря на изобилие непонятных мест, и не могут – по понятному, но сухому русскому тексту<sup>224</sup>.

10. Ссылки «новаторов» на **миссионерскую практику Православной Церкви и их новозаветные аргументы** также не остались без возражений.

Епископ Сильвестр, признавая, что Господь Иисус Христос и апостолы действительно проповедовали на современных им живых языках, утверждал, однако, что молились они «обыкновенно на классическом языке библейских писателей»<sup>225</sup>. Едва ли серьезный исследователь Нового Завета признал бы справедливость такого тезиса – молитвы Иисуса, известные нам из Евангелий, не дают для него никаких оснований, равно и все то, что мы знаем о жизни первохристианских общин.

Дар языков в день Пятидесятницы, по мнению о. И. Миронова, – лишь исключительное явление из жизни ранней Церкви, ничего не говорящее о возможности русского перевода молитв<sup>226</sup>. Владыка Сильвестр избрал другой ответ своим оппонентам:

Не подобен ли апостольскому языку Пятидесятницы наш церковнославянский язык, который в основе современных нам славянских языков находится и потому одинаково является понятным для всех славян, восточных, южных и западных?<sup>227</sup>

Столь же уверенно он отвергал аналогии с практикой Церкви по отношению к «мелким нашим инородцам»: по его мнению, последние, в отличие от русских, «переживают начальную стадию в своей исторической жизни, – поэтому оказалась нужда и явилась возможность создавать религиозную письменность для инородцев»; кроме того, «наш церковнославянский язык крайне затруднителен для них», чего нельзя сказать о русских<sup>228</sup>. Н. Колосов считал, что совершение богослужения на инородческих языках допускается лишь в видах некоего снисхождения – как «временный церк(овно)-педагогический прием»<sup>229</sup>.

Профессор Покровский отвергал также связь обсуждаемого вопроса с кирилло-мефодиевской традицией:

Ссылка на Константина философа, водившего славянское богослужение у моравов совершенно в иных условиях, в иной обстановке, не имеет в настоящее время существенно важного значения<sup>230</sup>.

Епископ Андроник со значительно большим основанием указывал на неточность некоторых апелляций к опыту японской миссии святителя Николая (владыка сам с 1897 по 1907 г. трудился в ее составе). По его словам, в отличие от переводов Священного Писания, выполненных протестантскими миссионерами,

для многих христиан, а для наших православных всех без исключения, перевод пр(еосвященного) Николая оказывается более совершенным главным образом потому, что он написан на языке тоже особенном, как и наш славянский сравнительно с русским<sup>231</sup>.

В заключение этого обзора необходимо напомнить, что подавляющее большинство «консерваторов», выступавших против перевода богослужебных книг на русский язык, признавало не вполне удовлетворительным нынешнее состояние их церковнославянского текста. Некоторые авторы считали достаточным исправить в них наиболее «темные» и неудобопонятные места. Другие признавали необходимость сплошного пересмотра и редактирования богослужебных книг, видя именно в этом наилучшую альтернативу идее русского перевода. Предложения такого рода будут рассмотрены в следующей главе, посвященной вопросу об исправлении богослужебных книг.



## Контраргументы сторонников русского языка

1. Признавая, что многие слова и выражения в церковнославянском тексте **достаточно понятны**, сторонники русского языка считали, что его использование поможет тому, чтобы *«не нечто, а все целиком из богослужения входило в душу»*<sup>232</sup>.

Несомненно, народ усваивает общий смысл и характер богослужения; но зачем пренебрегать в таком деле полнотою, целостностью?

– возражал консерваторам о. Димитрий Силин, добавляя, что от неполноты понимания славянской речи

происходит то, что народ и не ищет «разумения»: «не нам понимать», – и остается в жалком, беспомощном неведении самого важного в жизни<sup>233</sup>.

2. **«В молитве важнее сердце»**. – «Конечно. Никто против этого не спорит», – отвечал тот же Силин.

Но если при полной преданности и при горении сердца разуместь все, что предназначено для разумения и восприятия верным, молящимся, то кому и чему это повредило бы? (...) Неужели погибнет живая молитва, неужели мы развратим простые сердца, если откроем им весь свет и разум нашего богослужения?<sup>234</sup>

Другие авторы также оспаривали ложное противопоставление ума и сердца:

Непонимание богослужения только затрудняет для человека принимать в нем участие сердцем. Человек должен молиться всей душой, всеми силами ее, а душа человека состоит не из одних чувствований<sup>235</sup>.

3. **«Улучшить преподавание славянского языка»**. – Но если, судя по очевидным результатам, это не удастся и духовной школе (о чем много раз писали сами защитники славянского)<sup>236</sup>, то как же практически осуществить эту мечту в светских учебных заведениях, – отвечали сторонники богослужения на русском языке<sup>237</sup>. Те из них, которые были связаны с преподавательской деятельностью, указывали, что значительное время, необходимое на освоение этого предмета, приходится отрывать от преподавания вероучительных дисциплин.

Большинство законоучителей опытно убеждены в том, что на введение малолетних школьников в курс хоть несколько сносного понимания церковнославянских слов и выражений уходит много золотого времени (...) Не приходилось бы преодолевать таких трудностей, затрачивать столько труда и времени, если бы текст молитв заучивался на русском родном языке<sup>238</sup>.

– писал священник Иаков Тимофеев, посвятивший много лет преподаванию Закона Божия школьникам.

О том же свидетельствовал о. В. Статиров. По его мнению, длительные усилия научить крестьянских детей славянскому языку не дали ощутимых результатов:

И вот теперь, после полустолетнего неудачного опыта, мы остаемся в старом положении: народ и теперь, как тогда, не понимает богослужения; более того, мы отгоняем от церкви многих хороших чад, потому что не питаем их душ, потому что голодны они на нашей церковной трапезе<sup>239</sup>.

Священник Е. Самуилов призывал считаться с тем обстоятельством, что славянский язык может быть исключен из программы многих народных школ без согласования с Церковью<sup>240</sup> – что и произошло в действительности всего через несколько лет.

4. **Древность церковнославянского языка, привычка к нему и богатство связанных с ним молитвенных ассоциаций** не являются, по мнению «новаторов», решительными препятствиями к употреблению русского языка в богослужении.

Наиболее пылко оспаривал доводы традиционалистов священник Силин:

Если я вижу, что славянский текст скрадывает содержание Писания и молитв для большинства народа, если вижу, что народ от этого духовно голодает и жадно кидается на русский текст, какой предлагают ему сектанты, и если несмотря на это я упорно утверждаю, что народ – невежда, изменник, что славянский язык должно сохранить навсегда, потому

что он *наш* привычный богослужебный язык, потому что он освящен *долговременным* употреблением в Церкви, то, очевидно, я – сторонник псевдоцерковности, согласный принести содержание в жертву форме, духовное – в жертву плотскому, божественное – в жертву человеческому. (...) Что радостного совпадать во внешних звуках с молитвою отцов и разногласить в духе? А мы несомненно в этом разногласим, так как для предков славянский язык был живым, а для нас он полумертв; они горели духом от ярко понятных для них речений, а мы увядаем от застарелости, уродливости, полумертвенности чуждых уже для нас слововыражений и оборотов. Предки не давали заповеди коснеть в языке: это противно богозданной природе развития человеческого духа. (...) Люди с живым религиозным чувством (...) не примешивают к религиозным отношениям, имеющим своим предметом только одного Бога, «особенного почитания» к языку. Эта примесь ведет к буквопоклонству<sup>241</sup>.

Сходные мысли высказывал в харьковской «Церковной газете» некто П.Л. (возможно – профессор философии КДА П.И. Линицкий, 1839–1906):

Мы, говорят, привыкли «ассоциировать молитвенное настроение» с известными славянскими словами и оборотами, а с заменой этих последних обыкновенной русской речью не станем уже испытывать в храме таких благоговейных чувствований, какие испытываем теперь. Но это совершенно напрасное опасение. Для создания новых ассоциаций потребуется всего лишь несколько лет, и для следующего за нами поколения родной язык будет представляться столь же священным, как славянский кажется теперь для нас. И притом, понимая богослужение, наши дети и внуки станут ассоциировать известные религиозные чувства и настроения с содержанием молитв и песнопений, а не исключительно с их внешним выражением, как это делается теперь<sup>242</sup>.

**5. Доводы о неуместности русского языка в богослужении, основанные на эстетических соображениях,** побуждали «новаторов» защищать выразительные достоинства родной речи, а порой и оспаривать односторонние, с их точки зрения, похвалы славянскому языку.

«Что касается эстетики, то здесь вкусы очень различны, а привычки случайны», – считал профессор КДА В.И. Экземплярский. Мистическую же глубину православному богослужению придает не «бессмыслица читаемого», а обряды и символы, которыми оно насыщено<sup>243</sup>.

Уже цитированный выше П.Л. считал преувеличенными похвалы звучности и величавости славянского языка. На самом деле это скорее особенности восприятия, связанные с контекстом, в котором этот язык звучит.

Не потому он употребляется при богослужении, что действительно обладает всеми этими качествами, а, наоборот, потому кажется нам имеющим их, что мы слышим его только в храме, не употребляя в общежитии. Сам по себе русский язык несомненно совершеннее, проще и изящнее славянского<sup>244</sup>.

Д. Силин, не отрицая привязанность всякого православного человека к существующему чину богослужения («мы вросли в него; говорить о его недостатках так же больно, как о недостатках своего лучшего идеала»), считал, тем не менее, необоснованным сведение функций русской речи к обслуживанию лишь бытовых потребностей.

Откуда же вдруг русский язык стал так плох, что будто бы стыдно и грешно посвятить его Богу? Как много у наших проповедников поразительных по глубине религиозного чувства проповедей: они потрясали сердца слушателей, и ничего «неприличного», ничего унижительного для высоких религиозных чувств не было в том, что они излагались «простым» русским языком. Молитва великого киевского старца Парфения пользуется глубоким почтением в широком кругу верующих, и она, однако, написана самым простым русским языком, и это ее нисколько не умаляет: наоборот – будь она написана по-славянски, в ней не было бы такой непосредственности и искренности<sup>245</sup>.

Своего рода «доказательством от противного» в пользу литургического употребления русского языка, с точки зрения анонимного критика, могла бы послужить молитва, составленная на славянском языке по случаю празднования 300-летия дома Романовых в 1913 году<sup>246</sup>. Справедливо отмечая, что молитва эта написана «искусственно-

подражательным языком, языком далеко не умелым и как бы славянским», неизвестный автор ставил вопрос: почему же нельзя хотя бы вновь создаваемые молитвы и богослужебные тексты составлять на том языке, которым органично владеют авторы?

Неужели и до сих пор наш чистый, ясный, простой русский язык не достоин того, чтобы нам, православным христианам, можно было излагать наши молитвы в храмах к Отцу Небесному на этом, дарованном русскому народу языке?<sup>247</sup>

Размышляя о том, каким должен быть язык русского литургического перевода, сторонники реформ признавали необходимость творческого развития особого возвышенного стиля на основе языка классической русской литературы. При этом многие из них обращали в свою пользу тот же аргумент, на который неоднократно указывали «консерваторы» (Победоносцев, Покровский, Певницкий и другие): славянский язык нам не чужой. «Ведь и наш русский язык вырос в чистом своем виде из славянского и есть поэтому плоть от плоти его», – напоминал священник Димитрий Ахматов в своей статье, опубликованной в 1911 году<sup>248</sup>. Почему же тогда ценители славянского «не видят или не желают видеть красоты, могущества и других ценных качеств русского слова»? Указывая на разнообразие стилей русского языка в зависимости от сферы применения, о. Димитрий утверждал:

Может быть выработан и церковно-богослужебный стиль в русской речи. (...) Характер языка [русского] богослужения должен быть особенным, специально церковным, а никак не разговорным, употребляющимся для обыденных житейских отношений и предметов. А при этом условии не может быть и речи о профанации священного текста. (...) Мы не хотим окончательно порывать связи с языком славянским. (...) Оставаясь на почве славянского наречия можно будет сохранить и русский язык в его неповрежденной первоначальной чистоте от иноземных влияний и засорений всякими неологизмами<sup>249</sup>.

М. Богоявленский в ином ракурсе рассматривал тот же вопрос об «иноземных влияниях». Самая их возможность, по мнению этого автора, свидетельствует прежде всего о способности русского языка ассимилировать недостающую лексику. И если многие чужеродные слова «стали вполне русскими», то неужели русский язык не может обогатиться за счет церковнославянских выражений, коль скоро для них не найдется подходящих русских аналогов?<sup>250</sup>

Священник А. Лиховицкий пример нужного стиля усматривал в русском переводе Библии:

Языком богослужения должен быть *литературный* русский язык, а не разговорные наречия. Он дал прекрасную, не тривиальную и никак не вульгарную форму Священному Писанию, в частности Евангелию (...) То же будет и с богослужением<sup>251</sup>.

Да это так естественно – оставить без перевода многие обрусевшие славянские слова, которые оставляют богослужению прежнее «велелепие»; ведь такие слова, как «чертог», «колесница» и тому подобные нет нужды заменять; во многих местах весь *перевод* будет состоять лишь в замене непонятных славянских падежных и глагольных окончаний понятными русскими<sup>252</sup>.

С ним соглашался и другой сторонник перевода богослужения, скрывшийся за псевдонимом *сына Церкви*:

Русский язык столь же приличен и богат для выражения св(ятых) истин, как и древнеславянский. Доказательство налицо: русский перевод Библии. Чем он ниже по достоинству перевода славянского?<sup>253</sup>

Протоиерей А. Хотовицкий и еще один анонимный автор находили, что более удачным стилистическим образцом для перевода богослужебных чинов может служить победоносцевский перевод Нового Завета, в котором

весьма счастливо сохранены колорит и прелесть славянского языка, а вместе с тем устранены пережившие себя славянизмы<sup>254</sup>.

Соблюдено полнейшее достоинство, пролагающее дорогу к употреблению этой книги при богослужениях. Так неужели же не найдется ревнителей, которые бы, так же последовательно, приблизили церковный язык к вящему пониманию народа, перестроили

бы то, что вовсе не дается пониманию, пощадив и красоту речи, и дух ее, и музыкальность, – пощадив сердце русского человека!<sup>255</sup>

Похожей была и переводческая программа о. Д. Силина. Ссылаясь на Пушкина, Плещеева, Тургенева он старался показать, что перевод богослужебных текстов на русский язык вовсе не предполагает низменного, вульгарного стиля. На ироническое предположение Певницкого, что ирмос «Отверзу уста моя» надобно будет перевести на русский как «Открою рот свой», Силин – обращая против своих оппонентов их же тезис о насыщенности славянской речью русской поэзии – возражает, что Пушкин все же писал по-русски, а не по-славянски, но это не помешало ему сказать: «Отверзлись вещие зеницы», «И он к устам моим приник». Поэтому в цитированной фразе ирмоса достаточно будет изменить одну букву: «Отверзу уста *мои*» – «и русификация достигнута». Находится место в *русской* словесности и для таких слов, как «жезл», «чело», «ланиты». Во все не надо менять «перст Божий» на «Божий палец» (это еще один саркастический выпад Певницкого). А вот «рамена» вышли из употребления и стали непонятны – «ничего нет страшного» заменить их словом «плечи». В русских молитвенных текстах о. Димитрий предлагал сохранить не только славянский лексический материал, но и некоторые грамматические формы славянского языка, прежде всего – звательный падеж (сохраненный и в русском переводе Евангелия):

«Господь Иисус Христос, Сын Божий, помилуй меня!» – Холодно, грубо. Непременно нужно сказать: «Господи, Иисусе Христе...», «Отче наш» (...)

Есть у нас и возвышенный, эстетический склад речи, который может еще и еще возвыситься и очиститься и стать вполне достойным стилем языка религии (...) Что встретятся большие затруднения при русификации богослужения, это несомненно. Но преодолеть их во всех отношениях будет полезно; из-за этого не должно останавливать великого для Церкви и славы Божией дела. Но необходимо заметить, что некоторые места богослужения при русификации или целиком сохраняются, или потерпят едва заметные изменения. Например: «О плавающих, путешествующих...», «Пресвятую, Пречистую...» и т.п.<sup>256</sup>

Сознавая громадную трудность предстоящей работы, Силин хотел бы видеть будущих переводчиков подобными евангельскому книжнику, наученному Царству Небесному, который *выносит из сокровищницы своей новое и старое* (Мф.13:52). По поводу некорректного ведения полемики, тот же автор пишет: кто не желает реформы богослужебного языка,

может нарисовать картину, как неразумные и неблагоговейные люди взялись делать эту реформу, и все, действительно, закричат, что это кошунство. Но справедлив ли такой прием? (...) Конечно, было бы верхом безумия делать в Церкви реформы в духе хулиганской революции и реформации (...) Для дела обновления нужны люди, настолько чуткие, чтобы не упустить ни одной еще живой и прекрасной ноты из старого и не принять ни одного неверного тона из нового, чтобы сочетать только одно прекрасное, дорогое. (...) Никто не думает, что можно сесть, как попало перетяпать на русский язык богослужебные книги, – вот и реформа. Нет, в этом деле нужны не ученые, не ремесленники, а творцы.<sup>257</sup>

О. Сергей Самуилов также отмечал, что противники богослужения на русском языке, говоря о невозможности перевода, о неминуемой утрате поэтичности, имеют в виду буквальный, учебный перевод-подстрочник. Такой перевод действительно невозможно употреблять в богослужении. Литургические переводы должны передать мысль богослужебного текста – «хотя бы и не тем оборотом речи»<sup>258</sup>.

Церковный публицист из Киева Кирилл Тихомиров считал, что

дело это не может быть начато без основательной подготовки. Того богослужебного стиля, которым должны быть изложены церковные песнопения и молитвословия, наша духовная литература еще не выработала. Нужно отдать должное внимание звучным и привычным уху славянским формам и не смотреть на этот перевод как на гимнастическое упражнение в передаче славянских грамматических форм на русский язык в строгом

согласии с тем, что пишется в современных учебных руководствах русского правописания<sup>259</sup>.

Его петербургский коллега А. Палицкий надеялся, что в будущем удастся избежать тех недостатков, которые свойственны существующим переводам богослужебных текстов, выполненным без учета стилистики и ритмики песнопений.

Стоит прочесть даже сравнительно хорошие и тщательно сделанные переводы на русский язык песнопений пасхальной утрени, чтобы понять всю разницу в стиле. Такой характер переводов в значительной части является результатом их излишнего буквализма и неперменного желания приблизиться к чистоте и простоте разговорной речи. Последнего совсем не нужно. Проза разговорного языка будет всегда несколько резать ухо в храме. В каждом языке есть различие стилей<sup>260</sup>.

Другой автор считал, что к предстоящему делу перевода надо привлечь людей науки и художников слова; совместная работа их может дать нужные результаты: найдется и художественная экспрессия и устранился неуместная в молитве тривиальность<sup>261</sup>.

Священник Павел Ильинский, предостерегавший от поспешности и предлагавший (как и многие другие) на первых порах ограничиться употреблением русского текста Священного Писания, в июле 1917 года, за месяц до открытия Поместного Собора выражал свое убеждение, что переводчиков богослужебных песнопений нельзя *назначить*. Но при положительном решении принципиального вопроса о возможности перевода они могут *явиться*. И тогда делом Церкви будет одобрить или отвергнуть плоды их труда – как это бывало с авторами духовных песнопений в прошлые века церковной истории:

Производить реформу в этой области религиозного чувства и поэзии нужно людям, одаренным духом религиозного творчества. Это может быть сделано только постепенно, когда Церкви будет дана свобода в этой области. Тогда могут явиться члены Церкви песнотворцы и песнописцы новых творений или переложения прежних на современный язык. Церковь может принять их труды в свое употребление<sup>262</sup>.

Отвечая священнику Петру Кремлевскому в связи с его выступлением на пастырском собрании в Петербурге<sup>263</sup>, о. Николай Дроздов удивлялся:

Неужели русский язык есть язык только извозничьих дворов и артелей ломовиков? Не говорим уже о литературных памятниках на русском языке, о произведениях светской литературы... Как можно было забыть Библию на русском языке? Как было не вспомнить, что и в Божьих храмах святое Евангелие читается и по-русски – в день святой Пасхи? На каком языке говорит свои проповеди с церковной кафедры враг русского языка? Неужели на славянском?<sup>264</sup>

В непоследовательности Дроздов упрекал и К.П. Победоносцева:

Как будто один славянский язык благословлен Богом для «отражения глубины мыслей», а русский язык – родное детище славянского – рожден для «отражения» лишь мелочей и пустяков. Пересол и в похвалах неприятен! Пусть бы еще речь шла исключительно о тексте, впервые сказанном на славянском языке, как на оригинале. Но ведь среди наших молитв и песнопений великое множество переведено с греческого языка, на котором богослужебная поэзия увидела впервые свет Божий. Оригиналы, полагать надо, всегда выше своих подражаний, переложений, переводов. И поэтому, если воистину мы пожелали бы обонять свежее благоухание «мысленных кринов земного рая Божия» – церковных песнопений и молитвословий, то нам необходимо научиться греческому языку, дабы в подлинниках читать богослужебные чины<sup>265</sup>.

## **6. Ценность эстетической аргументации как таковой ставилась под вопрос поборниками реформ.**

Приведем ряд высказываний участников дискуссии, которые неодинаково оценивают достоинства славянского богослужебного текста, но сходятся в том, что пастырские соображения Церковь должна ставить выше эстетических.

Вам говорят о богатстве фонетики славянского языка, о большей выразительности и красоте его. Вполне соглашаясь с этим, мы должны сказать, что все это богатство не

ощутимо для лиц, мало понимающих язык. Согласитесь с тем, что красоту языка может чувствовать лишь тот, кто в совершенстве владеет им<sup>266</sup>.

Во имя чего у нас поддерживается неприкосновенность богослужебного языка? Все доводы за оставление его в практике вовсе ничего не имеют общего с интересами веры и благочестия, с теми целями, которым служит богослужение. Они относятся ближе всего к интересам славянской филологии, чему место не в храме, а в специальных школах. (...) Какое зло причиняет наше желание служить филологии и нежелание уважать религиозные потребности народа, – на это укажет всякий, кому приходилось иметь дело с отпавшими от Православной Церкви сектантами. Они в один голос начинают историю своего отпадения с обвинения нашего богослужения в непонятности его языка<sup>267</sup>.

На достоинство и полезность богослужебного языка нельзя смотреть с точки зрения одного безотчетного чувства. (...) Нельзя поэтому, не погрешая против правды, защищать богослужение малопонятное и малоосмысленное и считать его полезным христианину и приятным Богу<sup>268</sup>.

До восторгов ли нам красота и сокровищами богослужебных чинов, если эти красоты и сокровища запутаны темными покровами непонятого языка, как будто они составляют объекты старой *disciplinae arcaeanae*, некие *тайны*, нарочито скрывающиеся от непосвященных и доступные лишь «избранныкам»! Между тем, как идеальная задача богослужения – не только «едиными устами», но и единым сердцем всех молящихся, а не одних «избранных» славить и воспевать пречестное и великолепое имя Божие<sup>269</sup>.

Эти иерархи, духовные лица и просто образованные миряне, любители церковной старины, никак не могут подойти близко к психологии простого крестьянина, стоящего в храме и ничего, кроме отрывочных фраз, не понимающего. Им до некоторой степени чужда и психология простого молитвенного настроения, так как они привыкли смотреть на храм, как своего рода театр, привлекающий к себе художеством, величественной обстановкой и вообще эстетикой<sup>270</sup>.

Что влечение сердца и выработанный вкус ученых и вообще образованных представителей христианства будет на стороне славянского языка, – это можно сказать без всяких исторических справок. Причин для этого несколько. Прежде всего, для ума религиозно-образованных людей славянский язык не представляет никаких затруднений, – им он вполне понятен, а сытый по голодному, как говорит пословица, никогда не погадает. (...) Затем, образование в условиях современной культуры, замешанное на дрожжах античности, всегда обостряет вкус в сторону искусственной стилизации. (...) И русские церковники, незаметно для самих себя, делают поклонниками стилизованного православия; для них торжественность славянской речи и ее местами малопонятность кажутся чуть ли не зерном церковности. Это свое отношение к православному богослужению они стараются перенести на «народную душу», сроднившуюся будто бы со славянской речью. Как мало народная душа сроднилась со славянской речью, об этом достаточно говорит та легкость, с которой переходит крестьянин от православного богослужения к сектантским радениям, и те бесчисленные недоразумения, к которым приводят непонятные выражения славянской речи<sup>271</sup>.

Не будем спорить (...) о сравнительном эстетическом достоинстве славянского и русского языков: это дело и вкуса, и привычки, и развития. Конечно, развитый человек поймет и оценит многие перлы наших богослужебных церковнославянских книг. Но ведь богослужение для всех. Нужно, чтобы все находили наилучшее выражение своих молитв. Мы ничем не можем утешиться, если для большинства верующих большая часть ценных перлов богослужебного творчества пропадает<sup>272</sup>.

**7. Серьезной критике в работах «новаторов» подвергалась сама идея особого сакрального языка,** которую ревностно защищали сторонники неприкосновенности славянского, прибегая даже к авторитету раввинов, браминов и мулл.

Тезис о «языке Церкви», противопоставляемом «языку театра», не нов. Он был выдвинут в 20-е годы XIX века адмиралом А.С. Шишковым в его борьбе с русским переводом Библии<sup>273</sup>. Но насколько соответствует существу христианской веры, веры в

Боговоплощение принцип разделения человеческого существования на сакральную и профанную сферы? Уместны ли здесь ссылки на иные религиозные традиции? Не должен ли язык Церкви быть языком самой жизни?

Над этими вопросами рассуждали сторонники реформ, мыслившие в согласии с идеей *воцерковления жизни*, которая получила развитие в России в предреволюционные годы.

По мнению о. Димитрия Силина, сакральный язык действительно создает в храме особое настроение, отличное от того, какое человек испытывает в жизни. Но в этом-то и опасность!

Церковь – нечто особенное, жизнь – другое. (...) Религия отодвигается из жизни за величественно-красивые ширмы, и жизнь лишается души, освящения, религиозной правды. Двухязычие всегда было синонимом двоедушия, непоследовательности, лицемерия. А между тем христианин должен быть одним и тем же везде: и в храме, и среди житейской борьбы. Его слово должно всегда дышать благодатью<sup>274</sup>.

Мы мыслим, чувствуем, говорим, страдаем, жалуемся всегда на своем обыденном языке, и от этого наши чувства не становятся пошлыми или безжизненными (...) Для людей живого религиозного чувства Отец Небесный ближе земного; и наряжаться пред Ним в архаическую речь для них кажется особенно странным и неестественным, противным живому порыву живой нужды и искреннему благоговению<sup>275</sup>. Говорить, что от ясной речи «дело Церкви» – содержание религии – будет чем-то прозаическим, обыденным, значит не сознать вполне, что говоришь; говорить так – неблагоговейно. (...) Только неверию свойственно полагать силу религии в гипнозе при посредстве внешних форм и действий<sup>276</sup>; но когда это высказывает верующий, слишком преувеличивая значение внешних форм религиозной жизни и соглашаясь лучше не видеть ясно сущности ее, чем расстаться с туманом ее оболочки, то не правда ли, что мы имеем дело в таком случае с воззрениями не до конца продуманными? (...) Чем яснее для нас само существо веры и чем более оно нам открывается (...) тем больше пред ним наш благоговейный трепет. И с этим бесконечно растущим реальным благоговением не сравнима благоговейность мистическая, искусственная. Последняя проявляет свою немощную природу в том признании, что для нее святых сойдет в разряд обычных явлений, если примет ясную, понятную и живую форму. Поэтому она и стоит за древний язык, хотя бы речения его были уже маловразумительными, хотя бы молитвы были полными непонятных омертвелых слов, не волнующих души ясностью и огнем мысли и чувства. (...) Итак, нет оснований стоять за древние языки в силу их мистического значения. Религия должна иметь самую ясную, самую простую и самую живую форму, если мы хотим, чтобы она переродила нашу жизнь, если мы хотим быть истинно благоговейными<sup>277</sup>.

Очень близкими были и суждения протоиерея Стефана Остроумова, который высказывал также мысль о важности богослужения на русском языке с точки зрения религиозного освящения нашей речи:

Обуславливать благоговение темнотою богослужебных речений значит не верить в назидательность христианского богослужения со стороны его содержания (...) Как освятились чрез богослужебное употребление эти «паки», «выну» (то есть непрестанно), «тать» и «еда», так и звучное слово русское освятится и возвысится, сделавшись посредствующим между Богом и человеком (...) Слово русское стоит такой участи<sup>278</sup>.

Впрочем, по справедливому замечанию священника В. Статирова, литературный русский язык «уже и освящен в храме: на нем всегда произносятся поучения, на нем же наряду со славянским читается пасхальное евангелие».

Кроме уличного русского языка есть другой русский язык, язык чистый, возвышенный и святой. Это язык наших великих церковных проповедников. На языке этих великих людей по-нашему, не грешно и вполне прилично величать и славить Бога<sup>279</sup>.

Супрасльский архимандрит Николай не без основания считал, что последователи идеи сакрального языка подражают «тем римским патерам, которых св. Кирилл, просветитель славян, называл *пилатниками*, держащимися трехязычной ереси»<sup>280</sup>.

**8. Трудности перевода**, как мы уже отмечали, осознавались его сторонниками. Тем не менее, они считали эти затруднения преодолимыми, а оппонентов упрекали в недостатке надежды на неоскудевающие творческие силы Церкви.

Если, действительно, Господь отнял у нас дарования, если только бесталанные и нудные канцелярии и комиссии будут перекладывать богослужение на язык бездушный и мертвый (можно и по-русски написать мертвым языком), то, конечно, мы должны протестовать против этого, как против святотатства и кощунства<sup>281</sup>.

М. Богоявленский обращался к опыту предыдущих переводов богослужебного текста:

Если (...) Кирилл и Мефодий, будучи не славянами, сумели сохранить в переводе дух греческого подлинника, то неужели теперь во всей Русской Церкви не найдется лиц высокого духовного строения души и поэтического дара, которые сумели бы и в русских духовных песнопениях сохранить всю красоту, силу и дух подлинника? Сумел же Жуковский передать гомеровскую Одиссею русскою речью, сохранив дух ее. Сумели же славянские переводчики дух греческого подлинника сохранить в славянском переводе; почему же невозможно этого сделать в русском переводе?! Неужели Русская Церковь действительно оскудела духовными дарованиями? Я не только верю, но и знаю, что не перевелись они еще в ней<sup>282</sup>.

Если наша древняя Русь не страшилась совершать такие подвиги и не раз совершала книжное исправление, не обладая такими учеными силами, какими ныне обладаем мы, то никакие отговорки в этом направлении не могут быть приемлемы и извинительны для нас, имеющих четыре академии!<sup>283</sup>

– вторил ему священник В. Ивановский.

Протоиерей Дроздов указывал на постепенность работы: «семидесяти толковникам» тоже понадобилась сотня лет на дело перевода Библии. Судя по продуктивности комиссии, исправлявшей служебник (аргумент Покровского)<sup>284</sup>,

полный круг богослужебных книг на русском языке мы, пожалуй, и через сто лет не получим: (...) исправление осталось, как крыловский воз, и ныне на том же месте, что и двадцать лет назад, до умертвил комиссии. Суть дела, однако, не во времени, какое потребует на исправление книг, а в признании неотложной нужды в этой работе, в выработке плана для ее осуществления и начатии дела – с Божьею помощью. Может быть, на первых порах ограничатся изданием обновленных важнейших служб<sup>285</sup>.

М. Богоявленский напоминал, что «если для передачи духовных песней нужно ждать дарований», то Священное Писание уже переведено на русский язык, как и некоторые части богослужебных книг (например, каноны в переводе Ловягина и др.). Можно было бы уже теперь разрешить их литургическое употребление, отредактировав, по возможности, в стилистическом отношении<sup>286</sup>.

**9. Реальные трудности музыкального переложения новых текстов также не надо преувеличивать до невозможности**, считали сторонники перевода.

Ведь речь не идет о скоропалительном и повсеместном переходе на использование *только* русского языка. Поэтому многие песнопения могли бы долгое время сохраняться в неприкосновенности. Со временем появятся и высокохудожественные музыкальные произведения с новым, русским текстом – «не оскудел гений русской земли!»<sup>287</sup>. Кроме того, затруднения связаны в основном с использованием сложных нотных композиций – а чрезмерное увлечение партесным пением и без того осуждалось многими современниками, осуждавшими светский характер «концертных номеров» и ратовавшими за возвращение к традициям древнерусского распева. Если же говорить о традиционном осмогласном пении, то применить его к русскому тексту нетрудно – с этим соглашался и профессор Покровский<sup>288</sup>.

Полемизируя с ним и с К.П. Победоносцевым, о. Н. Дроздов ставит под вопрос «неразрывную связь текста с мелодией»:

Так ли? А разве мы не знаем о «подобнах» и «самоподобнах», о «доме Евфрафове», служащем образцом для подражания. Раскройте *Типикон*, и вы на каждой странице встречаете – кондак, гл. 3, подобен: «Дева днесь»; седален, гл. 8, подобен:



«Повеленное...»; или в *Октоихе*: «по сему напеву и прочие ирмосы петь». Все, как один: может ли быть тут неразрывная связь мелодии и текста? Каждый ирмос имеет свою особую мысль: один говорит о фараоне, другой об Ионе, третий о Вавилоне, а напев один<sup>289</sup>.

**10. Русский перевод действительно не решает всех проблем восприятия богослужебных текстов.** С этим тезисом «консерваторов» также соглашались ревнители преобразований. Недостаток богословских знаний, слабость общей культурной подготовки останутся серьезными препятствиями к полному пониманию богослужения. «Но все-таки разница будет значительная при введении русского языка. К тому же, не следует ли из двух зол выбирать меньшее? Лучше относительная ясность, нежели общая темнота», – писал о. Д. Ахматов<sup>290</sup>.

Священник Евгений Самуилов, считавший неспособность народа понимать священные и богослужебные тексты сильно преувеличенной, спрашивал своих оппонентов:

Неужели же язык богослужения не имеет никакого значения для понимания богослужения? Неужели «все равно» на русском наречии народ понял бы богослужение настолько же, насколько понимает его и на славянском? (...) Почему же наши русские сектанты, пользующиеся русским переводом Библии, многое в ней понимают? Неужели они богословски образованнее православных вообще и православной интеллигенции в частности?<sup>291</sup>

Впрочем, некоторые полемические отклики сторонников перевода скорее подтверждали аргументацию их консервативных оппонентов. Так, священник Иоанн Альбов писал:

Народ влагает свое богатое религиозное чувство в непонятные ему слова, но соединяет с ними часто совсем другой смысл. Сколько раз мне приходилось слышать от благочестивых людей из народа, что «иже херувимы» значит хоругви<sup>292</sup>.

Ясно, что как ни переведи херувимскую песнь, херувимы-то в ней все равно останутся!

**11. Единение славянских народов** на почве единого богослужебного языка защитники реформы не считали достаточным основанием для отказа от богослужения на русском языке. Разве недостаточно в качестве объединяющего начала общего для них исповедания православной веры? По мнению того же Ахматова, «препятствовать насаждению русского языка в обиходе церковной речи по соображениям мирского характера – значит приносить благо нашей Церкви в жертву человеческим интересам», – притом политического свойства<sup>293</sup>.

Убедительно отвечал на аргумент о славянском единстве симбирский священник:

Случаи посещения черногорцем нашего храма чрезвычайно редки. Резонно ли поэтому лишать массу русских людей наслаждения сознательно участвовать в богослужении из-за того только, что когда-нибудь, может быть, вздумается сербу или болгарину пожаловать к нам в храм? Думается, что будет благоразумнее лишить такого наслаждения одного славянина, чем оставлять без религиозного утешения миллионы простых богомольцев русских<sup>294</sup>.

**12. Опасность внутрицерковных нестроений и расколов, а также усиления существующего старообрядческого раскола** в связи с введением богослужения на русском языке была, конечно, наиболее веским практическим аргументом против реформы. Это хорошо понимали и сторонники последней, уделяя много внимания вопросу о проведении в жизнь предлагаемых ими мер. Они призывали учесть горький опыт прошлого и осуществлять все изменения в духе соборности, с пастырской осмотрительностью и постепенностью. Другим важным аргументом оставался успех протестантских миссионеров, который требовал от Церкви ответных действий.

Священник Захария Мясников убеждал:

Раскол появился не вследствие исправления книг, а вследствие насилия Никона. (...) Истину православный народ всегда поймет и примет, но только не нужно ее навязывать силою, а достаточно показать и предоставить свободному выбору самого народа. (...) Никакого запрещения на современное славянское богослужение, конечно, не может быть; для желающих оно останется, как и греческое, на все времена. Надо только признать за русским языком, как и за всеми другими, его священное право<sup>295</sup>.

Реформа патриарха Никона действительно была очень неудачна, – писал о. Д. Силин.

Но неужели должны умереть из-за этого все порывы к живой одушевленной религиозности? (...) Что произошло в прошлом, то произошло по личным грехам тех и других деятелей-противников. Много было ошибок. Но ошибки учат, а не должны наводить столбняк, панику. (...) Прошное многому нас научило. Теперь возможна реформа только в строго церковном духе: при голосе и согласии всех верных, без тени насилия, с полным благоговением к существующему обряду, с необходимой свободой для старого и нового. (...) Реформаты, евангелики, баптисты и прочие сектанты (...) увлекают за собою немалые тысячи русского люда. А мы все будем стоять и думать, не взбунтуются ли православные, если вдруг все ясно и понятно для них станет в богослужении?<sup>296</sup>

О том же напоминал о. Н. Дроздов:

«Твердое стояние на одной точке», как мы видим, не спасает Православие от сект и расколов. Так стоит ли столь сильно бояться перемен?<sup>297</sup>

Весьма остро полемизируя с о. Стефаном Богородицким<sup>298</sup>, священник Сергей Самуилов утверждал, что капитуляцией перед сектантством является скорее отказ от использования русского языка:

Из истории Церкви видно, что иные традиции отживали свой век и уступали место новым (...) И когда, пренебрегая историей, Церковь будет отказываться от всяких улучшений из-за преувеличенной боязни раскола, то это, действительно, значит капитулировать<sup>299</sup>.

Другой автор считал, что несправедливо для Церкви из-за страха перед упреками старообрядческих раскольников отказывать в удовлетворении «настоятельной духовной потребности своих действительных чад»<sup>300</sup>.

Еще один анонимный писатель винил «вершителей судеб Русской Церкви» в том, что они,

опасаясь породить *новое* старообрядчество на Руси, не хотели дать русскому человеку чина богослужения на понятном ему языке, но зато дали возможность искать этого понятного богослужения где-то на стороне, далеко уже не в лоне Церкви<sup>301</sup>.

Протоиерей Стефан Остроумов указывал, что опасения церковной катастрофы вроде тех, что высказывал профессор Певницкий<sup>302</sup>, свидетельствуют о затаенном неверии в жизнеспособность Церкви:

Любители славянского языка страдают иногда страхом церковных преобразований. Они представляют себе Церковь старым-престарым домом, который не может выдержать и частичного ремонта и при первых звуках топора рухнет весь (...) Церкви вредна неподвижность, а не преобразования. Когда в Вифезде происходило движение вод, тогда получали исцеление больные<sup>303</sup>.

Не надо решать за народ, – убеждал о. А. Лиховицкий. Вопрос о переводе богослужения по инициативе Собора, Предсоборного Присутствия или Святейшего Синода мог бы пройти предварительное обсуждение на приходских, пастырских и благочиннических собраниях. Результаты следовало бы представить в особую комиссию – вместе с соображениями епархиальных архиереев, консисторий, духовных академий. Согласно этому плану, решение вопроса – с учетом собранных мнений – должен принять Собор. Если оно окажется положительным, практическое осуществление дела перевода надо было бы поручить особой комиссии или «ученой конгрегации». А за время работы над переводом приходские священники успеют подготовить народ к реформе<sup>304</sup>.

Священник Д. Силин предлагал план допущения «новообрядного единоверия» (по аналогии с единоверием старообрядческим)<sup>305</sup>. Он считал, что при наличии пробных текстов богослужения на русском языке, которые прошли бы предварительную цензуру церковной власти, священноначалие могло бы благословить их употребление в качестве опыта, установив определенные правила дальнейшей работы. А затем –

вся Церковь будет судьей. И одно войдет, будет принято в церковную жизнь, привьется к ней, другое – нет, как всегда бывало при общенародном и церковном творчестве.

Мера влияния и широта распространения «новообрядного единоверия» в Русской Церкви определятся со временем, в зависимости от того, обнаружатся ли в среде этого

церковного движения проявления благодати Божией и расцвет духовных дарований<sup>306</sup>. Никакой угрозы целостности Церкви тут нет – ведь полного богослужебного единства в ней не было никогда, и в особенности в цветущие, наиболее творческие века первоначального христианства, как справедливо напоминал о. Остроумов<sup>307</sup>.

Самое главное, повторяли все сторонники русского перевода, – не проводить реформу насильственно, «сверху». Это действительно может привести к опасным последствиям. Но если бы церковная власть, в случае принципиально положительного решения вопроса, лишь *разрешала* к употреблению переводы, следя за удовлетворительностью их качества, то, как уверял о. К. Стефанович,

от этого не произойдет раскола, как не было его тогда, когда перевели на русский язык Библию. Только насилие создает сектантство и раскол, а любовь, проявленная в желании сделать для нашего народа богослужебные книги более понятными, может лишь вызвать чувство благодарности в сердцах тех, кто желает молиться сознательно на понятном языке<sup>308</sup>.

На опыт с переводом Библии ссылался и религиозный публицист Н. Смоленский:

Те же опасения высказывались тогда, когда шла речь о разрешении русского перевода Библии. Ведь не прошло еще ста лет, как получилась возможность пользоваться для домашнего и классного употребления русской Библией, как были подвергнуты тяжелому наказанию видные духовные деятели за то, что осмелились перевести на русский язык книги Св. Писания<sup>309</sup>. Теперь никого не смущает русская Библия, и она служит самым лучшим доказательством, что русский язык не унижает, не умаляет достоинства священных книг<sup>310</sup>.

Священник Михаил Ракитский предлагал в виде опыта ввести поочередное совершение богослужения на русском и славянском языках, чтобы выяснить, как отнесется народ к новому начинанию<sup>311</sup>. Высказывались также предложения вводить чтение на русском языке какой-нибудь одной части богослужения (преимущественно библейских текстов), потом, при положительной реакции прихода, расширяя употребление русского языка. Так, петербургский протоиерей Павел Городцев, настоятель церкви Св. Александра Невского при Институте инженеров путей сообщения и профессор богословия в Женском медицинском институте, был уверен:

Понятное, осмысленное и благоговейное чтение слова Божия понравится народу; он постепенно будет привыкать молиться теми словами, на том родном языке, на котором он мыслит, чувствует и рассуждает, и будет желать и требовать, чтобы и прочие священно-церковные богослужебные молитвы и песнопения постепенно переводились бы на русский язык<sup>312</sup>.

Настоятель Дмитриевской церкви в Новгороде, друг и многолетний корреспондент В.В. Розанова протоиерей Александр Устынский (1854–1922) в своей брошюре, представленной им вниманию Поместного Собора, также предлагал вводить русский язык в богослужение постепенно, начиная с чтения на нем псалмов, Апостола и Евангелия<sup>313</sup>.

Священник Иаков Извеков советовал для начала разрешить в виде опыта чтение канонов на русском языке в домовых церквях<sup>314</sup>. Впрочем, священник Смоленской епархии Валерий Соколов, напротив, считал, что совершение богослужения на русском языке – хотя бы изредка – особенно нужно «в глухих сельских приходах»<sup>315</sup>.

Особенной разработанностью отличались предложения о. Сергия Самуилова:

1) начинать введение русского богослужения в городах, где есть несколько храмов, чтобы не ущемлять тех, кто предпочтет прежнее богослужение на церковнославянском языке;

2) в каждом приходе вводить русский язык не иначе, как по желанию большинства прихожан и после предварительного разъяснения как с церковного амвона, так и в частных беседах;

3) после первой службы на русском языке продолжать служение на церковнославянском, а тем временем выяснять настроения прихожан;

4) если «в известной местности противники реформы будут возбуждать народ и будет грозить опасность, что реформа послужит поводом к уклонению от церкви хотя одного

человека, то в таком случае лучше пока остаться с славянским богослужением»;

5) новые опыты служения на русском можно возобновить через месяц или два, постепенно учащая их в случае положительного восприятия<sup>316</sup>.

Разумная позиция «новаторов», надо отметить, способствовала пониманию со стороны тех, кто отдавал предпочтение славянскому богослужению. Так, киевский священник Н. Смирнов не принадлежал к числу сторонников богослужения на русском языке и считал нежелательным введение его постановлением предстоящего Собора. Однако он соглашался с необходимостью дальнейшего обсуждения этого вопроса и даже практических опытов употребления русского языка в богослужении:

Опыт чтения по-русски шестопсалмия, псалмов на часах и кафизмах, что местами уже введено, покажет степень полезности употребления при богослужении именно русского языка. И если ходом истории наша Церковь приведена будет к необходимости богослужебного употребления русского языка, то дело перевода церковнославянского текста совершится в атмосфере именно общесознанной потребности, а не теоретически только оцениваемой пользы<sup>317</sup>.

В том же киевском журнале «Церковно-общественная мысль» и тоже в сентябре 1917 года была помещена статья Н. Глокке, выступавшего, в духе идей Ильминского, за сохранение церковнославянского языка в его древнейшей форме. Тем не менее, он считал возможным и богослужение на русском или украинском языках – лишь бы на их введении не настаивали, предоставив такое право лишь желающим<sup>318</sup>.

Несомненно, отношение «консерваторов» к употреблению в богослужении русского языка могло бы измениться в случае появления достойных по качеству переводов богослужебного текста. Законоучитель, выступавший в качестве убежденного ревнителя церковнославянского, тем не менее высоко оценил перевод Псалтири проф. П. Юнгера и признавался:

Перевод «Помилуй мя, Боже» прямо великолепен: вся красота славянского текста удержана, и мы не могли устоять перед искушением – прочитали этот псалом в своей школе на молитве<sup>319</sup>.

## Итоги дискуссии

Что нового добавила более чем десятилетняя дискуссия в церковной печати к тем соображениям, которые были высказаны в начале предсоборного периода – в *Отзывах епархиальных архиереев* и на епархиальных собраниях, которые воспринимались как подготовка к Собору?

- Хотя основные аргументы в пользу пересмотра богослужебных книг и языка богослужения были сформулированы еще в 1905–1906 годах, обсуждение вопроса в более спокойной атмосфере помогло всесторонне осмыслить различные варианты решения проблемы понимания богослужебных текстов.

- Благодаря выступлениям «новаторов» актуальность проблемы понимания стала достаточно очевидной для самых разных слоев церковного общества. Вероятно, именно это побудило Святейший Синод уже в предсоборный период приступить к практическим шагам по исправлению славянского текста богослужебных книг (см. ниже, гл. 3).

- Однако предложения о переходе в богослужении на русский язык встретили серьезные возражения со стороны защитников сохранения славянского. Наиболее важными из них, с нашей точки зрения, являлись указания на а) возможные негативные последствия реформы в плане сохранения церковного единства, б) необходимость пастырского учета чувств верующих, привыкших к славянскому богослужению и не готовых к его изменению, в) реальные трудности переводческой работы и создания русского текста, который отвечал бы высоким эстетическим критериям.

- В процессе диалога с «консерваторами» сторонники русского языка постарались учесть эти соображения и сформулировали более отчетливые и продуманные программы действий. Эти программы касались как методики перевода (язык должен сохранять возвышенный стиль богослужебной поэзии, в него должна войти необходимая доля славянской лексики, перевод должен быть творческим, но одновременно бережным, на него понадобится немало времени, потребуется рецепция Церкви – в лице иерархии, с одной стороны, и народа – с другой), так и практического проведения реформы (постепенность, добровольность, согласие пастырей и народа, использование русского языка на первых этапах при чтении Слова Божия).

Разумеется, это не значит, что «консерваторы» и «новаторы» достигли ко времени Собора полного согласия и взаимопонимания. На протяжении предсоборного периода между ними продолжалась довольно острая полемика. Ясно, что речь шла, в конце концов, не о «техническом» вопросе литургики, не просто о языке богослужебных песнопений и молитв. Это был спор о языке Церкви в ее отношениях с окружающим миром и его культурой, о понимании традиции и ее соотношения с творчеством.

Сравнительно частный повод послужил выявлению двух принципиальных позиций, двух установок сознания.

Для одной стороны ключевыми были слова «защитить», «отстоять».

Для другой – «донести», «передать».

Для одних на первом месте были красота, глубина, цельность богослужения.

Для других – его учительность, действенность, назидательность.

Одни дорожили возможностью ухода от суетного мира и отдыха души в святой атмосфере храма.

Другие стремились к освящению повседневности, к преобразению мира, воцерковлению жизни.

Одни предпочитали заботу о *малом стаде*, о тех, кого Господь *избрал от мира* и кто *глас Его слышит* в глаголах родной им с детства славянской речи.

Другим не давала покоя мысль об *овцах, яз/се не суть от двора сего*, о том, что и *тыя подобает привести* ко спасению.

Можно сказать и так: речь по существу шла об отрицании или приятии *Мира*.

Каждому из верующих ближе, свойственнее какая-то одна из этих позиций. Не следует, однако, недооценивать и противную. Обе они, при всей их противоречивости, изначально присутствуют в христианском *мировоззрении*. Это нетрудно подтвердить длинным рядом новозаветных текстов и святоотеческих цитат. И обе в той или иной мере укоренены в сознании каждого из нас. Обе нужны в теле Церкви – как десница и шуйца, как рассудок и сердце.

Подлинно *соборное* решение вопроса о богослужебном языке не могло сводиться к «победе» одной «партии» над другою, к вытеснению одной тенденции и абсолютизации другой. На Соборе должна была состояться подлинная *встреча*, открывающая возможность для творческого синтеза и взаимообогащения. Оппонентам предстояло, глядя друг другу в лицо, сказать свою правду, но и услышать правду другого.

Состоялась ли такая встреча? Думаю, что да – или, скажем осторожнее, *отчасти* да, несмотря на то, что к ней было множество препятствий, из которых далеко не все отпали в ходе Собора.

И предсоборная дискуссия имела в этом плане большое значение, хотя далеко не все из активных участников обсуждения вопроса на Соборе публично обозначили свою позицию до его начала.

## Накануне Собора

## Епархиальные съезды

«Происшедший у нас государственный переворот (...) обеспечил и Церкви возможность и право свободного устройства», – говорилось в послании Святейшего Синода от 29 апреля 1917 года, которое извещало Православную Российскую Церковь о предстоящем созыве долгожданного Поместного Собора<sup>320</sup>.

Надежды «новаторов» оживились. На епархиальных съездах, избравших делегатов на Собор, вновь обсуждались вопросы церковной реформы. Некоторые из них, вырабатывая «наказы» своим избранникам, обсуждали и литургические вопросы, прежде всего – вопрос о богослужебном языке.

Рекомендации Собору были разноречивы.

Так, состоявшийся в Новочеркасске съезд духовенства и мирян Донской епархии принял следующую резолюцию:

Стремясь придать богослужению (...) целесообразный – учительный характер, Съезд признает неотложным реформирование языка богослужения в том смысле, чтобы он был в возможной степени упрощен, приближен к родному русскому языку<sup>321</sup>.

Постановление Курского епархиального съезда гласило:

Упростить церковно-богослужебный славянский язык.

Читать паремии, псалмы, Апостол и Евангелие, где пожелают прихожане, на русском языке<sup>322</sup>.

В том же духе составлен пространный журнал Новгородского съезда:

В целях большего влияния церковного богослужения на душу верующих, в целях противодействия сектантским богослужебным собраниям, необходимо, чтобы в Православной Русской Церкви, согласно указанию ап(остола) Павла ((1) Кор.14:19), все совершалось на понятном языке. Таким языком безусловно должен быть признан не так называемый славянский, вернее древнеболгарский, а наш родной русский язык. А потому наши богослужебные книги должны быть как можно скорее изданы в свободном русском переводе с греческого языка. Если же такой перевод богослужебных книг на русский язык представляется в настоящее время почему-либо невозможным, то в таком случае следует немедленно приступить к исправлению славянского текста до степени его понимания молящимися и к изданию богослужебных сборников с пояснением и подстрочными примечаниями для мирян. Чтение одного слова Божия за богослужением, особенно св. Евангелия и Апостола, должно совершаться на русском языке<sup>323</sup>.

На епархиальном съезде во Владивостоке вопрос о языке богослужения обсуждался целых полдня. После оживленного обмена мнений и целого ряда обстоятельных речей принята резолюция с пожеланием

чтобы богослужебным языком остался по-прежнему язык церковнославянский, но с необходимыми для понимания изменениями и исправлениями<sup>324</sup>.

Похожее постановление было принято и на Псковском съезде<sup>325</sup>.

Вологодский епархиальный съезд духовенства и мирян тоже уделил немало времени обсуждению этой темы, ранее уже поднимавшейся на собраниях в приходах. Так, о. Тихон Шаламов (отец известного впоследствии писателя) огласил постановление приходского собрания вологодской Михаило-Архангельской церкви с пожеланием, «чтобы богослужение совершалось на национальном русском языке». Заслушав доклад смотрителя Вологодского духовного училища В.К. Лебедева, избранного делегатом на Собор от мирян Вологодской епархии<sup>326</sup>, съезд, однако, проголосовал за реформу богослужебного языка (44 голоса против 10), но против замены славянского языка русским, предпочтя обновление славянского текста. Затем голосованием были одобрены следующие тезисы из доклада Лебедева:

**Не следует заменять славянский язык при богослужении русским.**

а) Русский народ привязан к церковнославянскому языку и любит его.



б) Богослужение, как святыня и душа церковной жизни, имеет нужду в особом священном языке.

в) Молитвы и песнопения на славянском языке производят особенное эстетически-религиозное впечатление.

г) Чрез замену славянского языка русским не достигается идеальная ясность богослужения.

д) Замена церковнославянского языка русским при богослужении соединена с большими трудностями; слово богослужебного текста органически-неразрывно соединено с церковнославянскими мелодиями.

е) Церковнославянский язык более чем русский может осуществлять свое назначение, то есть заменить греческий подлинник Слова Божия и церковных песнопений.

**Богослужебный славянский язык имеет для нас, русских, национальное значение.**

а) Он благотворно влияет на развитие русского языка.

б) Он объединяет всех русских людей, живущих и живших в разных местах нашего отечества и в разное время.

в) Он способствует нашему национальному возрождению и воспитанию.

г) Он служит орудием объединения всех славян.

**Меры для достижения большей вразумительности богослужения на славянском языке.**

а) Широкое знакомство с славянским языком в храме и в школе всех типов.

б) Авторитетное исправление в богослужебных книгах некоторых отдельных оборотов, слов, неправильностей.

в) Правильный перевод богослужебных книг на русский язык с необходимыми пояснениями для домашнего употребления верующими.

г) Церковнославянское чтение и пение должно быть более осмысленное, прочувствованное, проникновенное, и чрез то будет достигнута большая понятность содержания читаемого и того, что поется<sup>327</sup>.

Резолюция Калужского съезда кратка и вполне однозначна:

Желательно, чтобы и на будущее время службы совершались на церковнославянском языке<sup>328</sup>.

Требование родного языка в богослужении особенно остро звучало на Украине— конечно, не без влияния общей политической атмосферы, в которой доминировали национальные мотивы.

Украинский епархиальный съезд в апреле заявил, что славянский язык мало понятен украинскому народу, а совершаемые на нем церковные службы «не благоприятствуют подъему религиозного чувства», в связи с чем постановил:

Ввести пока проповедование Слова Божия и чтение Евангелия при богослужениях на родном украинском языке, объясняя народу великое значение для народа его материнского языка<sup>329</sup>.

Одесский епархиальный съезд принял следующее постановление:

Все чада Православной Церкви пользуются драгоценным даром свободного проявления своего религиозного чувства и культа на своем родном языке и со своими обрядовыми особенностями<sup>330</sup>.

Предложение читать на украинском языке Евангелие и Апостол (с согласия прихожан), а также упростить язык богослужебных книг было принято и епархиальным съездом в Полтаве<sup>331</sup>. Однако в Харькове архиепископ Антоний (Храповицкий) решительно воспротивился обсуждению вопроса о богослужебном языке и, вопреки пожеланиям своего духовенства, наотрез отказался благословить чтение Евангелия по-украински в кафедральном соборе даже раз в году на пасхальной литургии. По сообщениям печати, владыка заявил при этом: «Все великие нации молятся не на том языке, на каком говорят на базаре»<sup>332</sup>.

Любопытно, что позиция будущего преемника митрополита Антония на посту первоиерарха Зарубежной Церкви была совсем иной. Кишиневский епархиальный съезд,

состоявшийся в августе 1917 года под председательством епископа Анастасия (Грибановского) постановил:

Богослужение, церковное чтение и пение в кафедральном, соборе, в церкви архиерейского дома митрополии, во всех церквях главного областного города, во всех городах Бессарабии, также во всех приходах со смешанным составом населения, – при наличии молдаван, – совершается обязательно на языках церковнославянском и церковно-молдавском.

Во всех приходах Бессарабии, населенных исключительно молдавским населением, богослужение, церковное чтение и пение совершается на молдавском языке<sup>333</sup>.

Впрочем, богослужение на молдавском в Бессарабии совершалось и ранее, а в 1916 году на епархиальном съезде по делам внутренней миссии было принято предложение епископа Анастасия совершать богослужение *преимущественно* на молдавском языке<sup>334</sup>.

Наконец, Всероссийский съезд духовенства и мирян 11 июня 1917 года предложил предстоящему Собору включить в свою программу «вопросы богослужебного свойства (о русском языке, о книгах и т.п.)»<sup>335</sup>.

## Предсоборный совет

С учетом всех этих выступлений, а также церковной дискуссии предшествующих двенадцати лет, на первом заседании VI отдела Предсоборного совета<sup>336</sup> (по делам веры и богослужения, о единоверии и старообрядчестве), которое состоялось в Петрограде

15 июня под председательством члена Святейшего Синода архиепископа Финляндского Сергия, к числу важнейших тем предстоящего обсуждения на Соборе был отнесен вопрос о совершении богослужения на малороссийском и русском языках. Подготовить соответствующий доклад было поручено профессору П.П. Кудрявцеву<sup>337</sup>.

Доклад Кудрявцева был представлен в заседании отдела 10 июля<sup>338</sup>. Его основные мотивы уже знакомы нам по материалам *Отзывов*, съездов и церковной печати предсоборного периода, однако окрашены и яркой индивидуальностью автора.

Несмотря на все возражения защитников старины, заявил докладчик, *принципиальное* решение вопроса о допустимости богослужения на русском или украинском языках очевидно. Не могут же именно эти языки «составлять из себя какого-то печального исключения».

Язык, имеющий не только Пушкина и Лермонтова, Тургенева и Гончарова, Достоевского и Толстого, но и рядом с ними Филарета и Иннокентия, Хомякова и Рачинского, – язык, обладающий относительно богатой богословской и философской литературой, объявляется каким-то изгоем среди других языков (...) Неужели наш богатый, гибкий и выразительный язык непригоден для той цели, какой тысячу лет тому назад не без успеха послужило какое-то из наречий древнеболгарского языка? (...) Наш родной язык не может пожаловаться на бедность. Найдутся в нем слова и для передачи богослужебных молитв и песнопений.

Столь же очевидна, по мнению Кудрявцева, и *актуальность* вопроса о переводе богослужения. Это – требование жизни, что особенно ярко показали недавние епархиальные съезды на Украине. Да и по существу дела ясно, что «обязательным для нас примером Христа и апостолов (...) требуется, чтобы слова молитвы и назидания были понятны тем, для кого они предназначаются». Итак, думать надо уже не о том, вводить или не вводить русский и украинский языки в богослужение, а о том, «как наилучшим образом, к пользе душ наших, сделать это нелегкое дело».

Однако практическое осуществление назревшей реформы неизбежно столкнется с серьезными трудностями. «Разве в течение веков церковнославянский язык не сделался интимно-близким сердцу православного русского человека?» Но дело не только в силе привычки. Существующие переводы библейских и богослужебных текстов, считал докладчик, сплошь неудовлетворительны в стилистическом отношении. В отличие от многих цитированных выше авторов, Кудрявцев невысоко ставил Синодальный перевод Библии, язык которого, по его мнению, напоминает «семинарско-канцелярский жаргон».

Вот и представьте теперь, что в наше богослужение введут переведенные таким именно языком молитвы и песнопения – небольшое же это будет приобретение.

К тому же перевод может нарушить взаимосвязь элементов храмовой эстетики.

Раз вы замените церковнославянский язык богослужения русским, то богослужение не будет гармонировать ни с архитектурой храма, ни с его иконописью. (...) Это не значит, что ради сохранения стиля нельзя даже и поднимать вопроса о введении в богослужение русского или украинского языка. Нет, раз Пушкин, не переставая писать на новом русском языке, умел воссоздавать стиль старинной русской речи, то отчего не допустить возможности такого переложения богослужебных молитв и песнопений на русский язык, при котором бы сохранился внутренний стиль этих молитв и песнопений? Это, конечно, возможно, но для своего осуществления требует и любви к делу, и литературного вкуса, и творческого дара. (...) Много нужно подлинного религиозного вдохновения для того, чтобы найти на современном языке такие слова, какие проникли бы в сердца<sup>339</sup>, привыкшие к иным словам.

Призыв к литургическому творчеству – ключевой мотив доклада Кудрявцева. Поэзия богослужебных текстов не терпит буквального, механического перевода. А художественное ее переложение непременно предполагает творческий подход, условием которого является сопричастность религиозному вдохновению великих церковных поэтов прошлого. Но длительный период инерции препятствует развитию творческих сил в Церкви, которого особенно настойчиво требует теперь бурно меняющаяся жизнь общества.

Мы в церковной области не привыкли к творчеству. В течение веков мы главным образом хранили то, что получили. Хорошо, конечно, и это: все-таки мы вступаем в новый период нашей истории не с пустыми руками.

Однако Господь ждет от нас не только сохранения, но и приумножения дарованных Им талантов. Именно в творчестве человек достигает уподобления Богу и обретает высшую из земных радостей. Конечно, подлинно церковное творчество расцветает лишь на почве бережно хранимого наследия.

Мы, церковные люди, не люди без роду и племени. Патриархи, пророки, апостолы, исповедники и мученики, отцы и учителя Церкви, византийские песнотворцы, – все это наши предки, оставившие нам в наследство бесценные духовные сокровища. Безумно было бы отрекаться от этих сокровищ. Без связи с прошлым не может быть богатого творчества. Возьмите религиозную поэзию наших сектантов: ясно, просто, умирительно, но в то же время бледно, жидко, пресно, невыразительно.

Кудрявцев, в отличие от многих, летом 1917-го уже отчетливо сознавал, какой серьезной угрозой для Церкви могут обернуться революционные события в России. Удастся ли в скором будущем создать достойные богослужебного употребления тексты на русском и украинском языках? Все зависит от решения другого, более фундаментального вопроса:

В какую полосу своей истории вступает наша Русская Церковь? В полосу ли уединенного хранения «малым стадом» пребывавших<sup>340</sup> в вере сообщенных предками религиозных сокровищ или в полосу творческого расцвета церковно-религиозных сил нашего народа? О, если бы второе! (...) Будет у нас религиозное одушевление – тогда не механически, а органически обновится наше богослужение, и слова нашего родного языка зазвучат не с меньшею силою, нежели та, какою были преисполнены слова языка церковнославянского.

Доклад завершался следующими тезисами:

Введение в богослужение русского или украинского языка допустимо.

Немедленная и повсеместная замена в богослужении церковнославянского языка русским или украинским языком и неосуществима, и нежелательна.

Частичное применение русского и особенно украинского языка в богослужении (чтение Слова Божия, отдельные молитвы и песнопения, тем более замена или пояснение отдельных речений русскими или украинскими речениями, введение новых молитвословий на русском языке в случае одобрения их Церковью) допустимо и в известных условиях желательно.

Заявление какого-либо прихода о желании слушать богослужение на русском или украинском языке в меру возможности подлежит удовлетворению.

Противоположную точку зрения на том же заседании представлял доклад епископа Пермского Андроника, во многом повторявший его прежние выступления в печати<sup>341</sup>:

Было бы странно говорить с Богом на языке обычном, если и в беседе с людьми, высшими себя, мы пользуемся и языком не обыденным, а возвышенным (...) Если же обратимся к особенно высоким нашим богослужебным молитвам и песнопениям, то увидим, что без унижения всей дивной красоты их, так умиляющей, радующей и волнующей набожную душу, – без этого никак нельзя изложить их на русском наречии, хотя бы и самом безукоризненном. (...) Попытки же такого рода весьма неудачны.

Таким образом, владыка тоже указывал в основном на препятствия эстетического характера – однако, в отличие от Кудрявцева, считал эти препятствия непреодолимыми.

Кроме того, он полагал, что перевод богослужения на русский язык возмутит «всех благочестивцев и особенно простой народ набожный», а это «может привести даже к новому и сильнейшему старого расколу».

В качестве альтернативных мер епископ Пермский предлагал продолжить уже начатое Синодальной комиссией исправление славянского текста богослужебных книг<sup>342</sup> (отметив, впрочем, что у «благочестивцев» и это исправление «вызвало много тяжких недоумений и смущений в совести»), а также издавать русские переводы основных частей богослужения для домашнего изучения, разъяснять богослужение в проповедях, добиваться лучшего обучения славянскому в школах и на приходах и т.п.

В прениях по докладу Кудрявцева выступили еще 10 членов Предсоборного совета, в том числе председатели трех других его отделов, а также делопроизводитель отдела Н.М. Гринякин. Никто из выступавших не разделял мнения преосвященного Андроника, все они более или менее определенно высказались в пользу допущения переводов богослужения на национальные языки<sup>343</sup>.

Председатель VI отдела архиепископ Волынский Евлогий<sup>344</sup> отметил всесторонность доклада Кудрявцева, «принципиально оспаривать который нельзя». Литургическое творчество – естественное проявление жизни Церкви, сказал владыка Евлогий. Но практическое осуществление реформ должно быть постепенным, надо прислушиваться к мнению церковного народа. Первым шагом могло бы стать чтение Священного Писания за богослужением на понятном языке.

За пересмотр и упрощение славянского текста, который «как бы нарочно затемняет смысл», высказался архиепископ Финляндский Сергей<sup>345</sup>, с сожалением отметив: «Чем выше праздник, тем непонятнее служба».

Протоиерей Симеон Шлеев<sup>346</sup>, избранный в Предсоборный совет от единоверцев, отвергал опасения раскола и советовал не бояться усиления нападков со стороны старообрядцев: «Среди старообрядцев многие не станут спорить из-за перевода; старообрядцы от понятного и разумного не отрешаются. Нужно разрешить перевод желающим приходам, причем в переводе выбрать золотую середину, чтобы избежать вульгарности».

«Осторожность при переложении нужна, но нельзя ее преувеличивать. Нельзя отказывать просящему богослужения на русском языке. Право русского языка в церкви должно быть признано. (...) Нужно открывать простор творчеству», – предложил профессор Московской духовной академии Громогласов<sup>347</sup>, повторивший тезис о. Д. Силина о том, что языковая раздвоенность мешает христианизации повседневной жизни.

Не страшиться трудностей перевода призывал также присутствующий в Синоде протоиерей Александр Рождественский<sup>348</sup>: «Ведь и славянские переводчики не передали всей глубины греческого текста, и никто их не осуждает». Конечно, перевод должен быть творческим, а вводить его в церковную жизнь следует постепенно.

Сторонником перевода на русский язык оказался глубокий знаток литургической культуры Б.А. Тураев<sup>349</sup>. Он выразил убежденность, что «Великая Россия даст поэта», которому будет по плечу такая задача. Однако в монастырях и кафедральных соборах профессор предложил сохранить славянский текст богослужения.

Опытный миссионер Д.И. Боголюбов, в то время – инспектор Воронежской духовной семинарии, считал необходимым прежде всего подумать о народе, который говорит: «Священно, а ничего не понимаешь», – и, если нужно, «пожертвовать эстетикой».

В пользу русского перевода богослужебных книг выступили также архиепископ Платон, епископ Андрей (Ухтомский), протоиерей Ф. Филоненко<sup>350</sup>.

Заседание завершилось единогласным одобрением тезисов доклада Кудрявцева<sup>351</sup> – с оговоркой, что «Преосвященный Андроник подал голос за перевод церковных книг лишь для домашнего употребления». Дополнительно были приняты следующие тезисы:

Творчество в богослужении допустимо и возможно. Дальнейшие работы Особой комиссией по переводу, исправлению и упрощению славянского языка в церковных книгах желательны.

Работы Комиссии Высокопреосвященного Сергия, архиепископа Финляндского и Выборгского по сему предмету желательны<sup>352</sup>.

За недостатком времени заслушать и обсудить эти тезисы в общем собрании предсоборного совета не удалось<sup>353</sup>.

## Обсуждение на Поместном Соборе

Среди 23 отделов, образованных на открывшемся 15 августа 1917 г. Всероссийском Поместном Соборе, видное место занял *Отдел о богослужении, проповедничестве и храме*, председателем которого был избран архиепископ Евлогий. Повышенный интерес к тематике отдела проявился уже в многочисленности его состава: для работы в нем записалась почти треть членов Собора – 171 человек, в том числе 33 архиерея<sup>354</sup>. Правда, не все они принимали регулярное участие в работе, поскольку каждый член Собора мог записаться в несколько отделов.

На втором заседании отдела, 5 сентября 1917 года, архиепископ Евлогий выступил с программной речью о задачах предстоящих трудов. Он, в частности, сказал:

Открытое в богослужении великое богатство его духовного содержания в весьма значительной степени удалено от верующего сердца. Эта великая священная книга часто запечатана семью печатями и недоступна для многих. Многие православные христиане плохо знают и мало понимают православное богослужение. Мне кажется, что задача работ нашего Отдела и должна именно состоять в том, чтобы приблизить к пониманию верующих содержание христианского богослужения, сделать его дорогим достоянием сердца, облегчить путь, через который свободно вливались бы в душу христианина его благодатные струи (...) облегчить возможность каждому желающему жить в его священной атмосфере. (...)

Имеет (...) большое значение (...) и самый текст и язык богослужения. Основным требованием в этом отношении является мысль о том, чтобы все богослужение доходило до ума и сердца христианина. Таким образом возникает вопрос об исправлении церковно-богослужебного текста, а также о приближении его к нашей родной речи, о возможности перевода священно-богослужебных книг на русский язык и т.д.<sup>355</sup>

Ввиду разнообразия предложенных к обсуждению проблем решили учредить пять подотделов; один из них был назначен для обсуждения вопроса о богослужебном языке.

## Работа подотдела о богослужебном языке

С 9 по 26 сентября 1917 г. подотдел, председателем которого его члены единогласно избрали епископа Оренбургского Мефодия<sup>356</sup>, провел пять заседаний. На каждом из них присутствовало от 17 до 11 членов Собора<sup>357</sup>. На первом заседании был оглашен протокол VI отдела Предсоборного совета от 10 июля и принятые тезисы, а также доклад епископа Андроника. Позднее был вновь заслушан и доклад Кудрявцева. В общей сложности на заседаниях подотдела прозвучало 54 выступления (в том числе семь заранее подготовленных докладов) 39 участников. Из числа выступавших 20 высказались за литургическое употребление русского и украинского языков, 16 – *против*, позиция троих осталась не вполне определенной. По итогам обсуждения были приняты тезисы доклада Собору<sup>358</sup>, составленные на основе предложений Предсоборного совета. Замечательно, что в итоге были учтены практически все представленные в подотделе точки зрения, за исключением самых крайних.

Текст этих тезисов (большей частью они были сформулированы архиепископом Евлогием) приводится ниже – с комментарием, который освещает ход дискуссии, предшествовавшей их одобрению.

**1) Славянский язык в богослужении есть великое, священное достояние нашей родной, церковной старины, и потому он должен сохраняться и поддерживаться как основной язык нашего богослужения.**

Первый тезис отражал позицию прежде всего консервативно настроенных членов подотдела – таких как архиепископ Кавказский и Ставропольский Агафодор<sup>359</sup>, епископ Андроник, епископ Омский Сильвестр<sup>360</sup>, священники Василий Прилуцкий<sup>361</sup>, и Аристарх Пономарев<sup>362</sup>, смотритель Вологодского духовного училища В.К. Лебедев, череповецкий окружной судья Н.Ф. Миклашевский, генерал Л.К. Артамонов<sup>363</sup>. «Отнять у нас, сроднившихся с славянским богослужением, славянский язык – оторвать часть нашей души», – говорил епископ Мефодий.

Нам дорога каждая иота. В крайнем случае, пусть употребляется параллельно славянский язык с русским, но не прогоняется совершенно первый. Миллионы душ молились на этом языке, проповедники Слова Божия вещали этим языком, и для меня лучше смерть, чем лишение славянского богослужения (35).

Еще больше пафоса прозвучало в словах Н.И. Троицкого<sup>364</sup>:

К священному славянскому языку, хранителю глаголов Божиих, как некоему златому ковчегу, да не коснется рука скверных, – да не прострет ее враг на искажение драгоценнейшего достояния всего славянского мира (8).

Вместе с тем, ценность славянского богослужебного текста в большинстве своем отрицали и те члены Собора, которые настаивали на введении русского (или украинского) языка в литургическое употребление.

Потребность в допущении русского языка очевидна, и это необходимо признать при всей нашей любви к славянскому, на котором мы воспитаны и с которым мы сроднились

– сказал Б.А. Тураев (32 об.). Архиепископ Евлогий выступал за перевод; вот, однако, его слова: «Я преклоняюсь перед славянским языком, понимаю, что это – язык художников молитвы, освященный веками» (34 об.). Самая же формула об *основном* языке богослужения взята из выступления секретаря подотдела П.В. Поповича<sup>365</sup>, который также предлагал допустить употребление, *наряду* со славянским, и русского языка.

**2) В целях приближения нашего церковного богослужения к пониманию простого народа признаются принципиально права русского и украинского языка для богослужебного употребления.**

Изложенный в редакции Н.И. Знамировского<sup>366</sup> и А.В. Новосельского<sup>367</sup>, этот тезис опирался на выступления сторонников перевода. Среди них, кроме уже упоминавшихся, следует назвать протоиерея Николая Брянцева<sup>368</sup>, священников Павла Ильинского<sup>369</sup>,



Михаила Елабужского<sup>370</sup>, Михаила Марина<sup>371</sup>, семинарских преподавателей Н.И. Кедрова<sup>372</sup>, М.Н. Котельникова<sup>373</sup>.

«Народные массы не понимают богослужения, – говорил владыка Евлогий.

Как же сделать, чтобы великие, священные слова в полноте вливались в душу народную? (...) Простые люди шепчут в церкви под пение и чтение церковных молитв, песнопений свои молитвы, не слушая того, что читается и поется. (...) Прошу подумать об этом темном народе, для которого пропадает просветительная сила нашего богослужения, для которого является поэтому соблазнительным сектантство с его простыми, понятными молитвами (34 ОБ.–35).

Самаркандский священник Петр Ратьковский<sup>374</sup> красочно обрисовал в своем докладе состояние простого человека, молящегося в храме за непонятным ему славянским богослужением:

Только обрывки фраз, неясные образы, туманные мысли остаются в голове, образуя какой-то хаос. Человек быстро утомляется от умственного напряжения. Непонятные слова и выражения (...) вызывают рассеянность, невнимание и скуку. (...) Мысль невольно перескакивает на посторонние, житейские предметы. Человек (...) как бы в забытьи... При каком-либо особо дошедшем до слуха возгласе или громком пении он очнется на минуту, вспомнит, где он, с большим усилием попытается вернуть мысль к богослужению, к молитве, но бедной мысли опять не за что ухватиться, и человек снова забылся. (...) А поскучав так за богослужением несколько, а может быть и много раз, он уже больше не хочет идти в храм. (...) И на будущий раз он старается найти какой-либо предлог, чтобы во время богослужения остаться дома (44 ов.–45).

Протоиерей Иоанн Ильин<sup>375</sup> утверждал:

Только нам, епископам, священникам, ученым понятен славянский язык<sup>376</sup>, но мой псаломщик уже не понимает, что читает из апостола. Если мы не вступим на путь реформы, чрез 10 лет церкви будут пустыми. Не назидается народ в наших храмах и идет к сектантам. (...) Если бы свв. Кирилл и Мефодий жили теперь, то, конечно, они перевели бы священные книги не на славянский язык, а на понятный народу – русский (36).

О том же говорили в своих выступлениях протоиерей Терентий Теодорович<sup>377</sup>:

Богослужением нужно не любоваться, а попытаться сделать его близким народу. Не уважая свой язык, мы не уважаем себя (38 об),

– и священномученик Александр Хотовицкий:

Перевод безусловно необходим, ибо изгонять верующих из церкви из-за непонимания славянского языка преступно. (...) Закрывать двери Православия отказом от введения русского языка в богослужение из-за красоты формы славянского языка нецелесообразно. Примеры перевода некоторых книг за границей дали блестящие результаты (33).

Хотовицкий, ссылаясь на заграничный опыт, предлагал также оставить в русском богослужебном тексте некоторые славянские выражения – подобно тому, как «английский богослужебный язык отличается от разговорного»<sup>378</sup>.

Надо отметить, что *принципиальное* признание литургических прав русского языка не составляло непреодолимого препятствия для разумных сторонников славянского. Епископ Мефодий, готовый, по его словам, умереть за славянскую службу, за два года до Собора писал: «*Принципиально* вполне можно согласиться, что русский язык с таким же правом может стать богослужебным языком, как и славянский язык»<sup>379</sup>. Влияние этого высказывания на формулировку второго тезиса представляется вполне вероятным. Правда, оренбургский владыка считал ранее – и продолжал считать во время Собора – что замена славянского на русский нецелесообразна и даже вредна по практическим соображениям. Тем не менее он был готов к диалогу, поскольку признавал, что «мысль о замене славянского богослужебного языка русским языком (...) высказывается иногда людьми весьма далекими от каких-либо обновленческих замахов»<sup>380</sup>.

Достижению согласия во многом способствовало одобрение следующего тезиса, заимствованного из доклада Кудрявцева:

**3) Немедленная и повсеместная замена церковнославянского языка в богослужении русским или украинским неосуществима и нежелательна.**

Споры это положение не вызывало. Даже наиболее пылкие сторонники богослужения на русском языке подчеркивали необходимость постепенного, осторожного его введения, чтобы исключить всякое принуждение по отношению к тем, кто предпочтет молиться, как и прежде, по-славянски. Священник Стефан Сабинин<sup>381</sup> предлагал вообще отказаться от споров на тему «русский или славянский»:

Я бы вопрос поставил иначе: допустимо ли частичное и постепенное введение русского языка в богослужение? Никто не думает о немедленной и полной замене славянского языка русским. (...) Один из ораторов от имени народа говорил, что народ не желает реформы, но от имени же народа могу сказать обратное. Отношение к вопросу на местах разное (37 об.).

Протоиерей Ильин предполагал, что Собор должен разработать план проведения реформы – «не так, как при Никоне, а постепенно, без насилий» (36 об.). Протоиерей Брянцев и И.В. Фигуровский<sup>382</sup> предлагали опробовать богослужение на русском языке в домовых церквях или в церкви Московской духовной семинарии, чтобы выяснить отношение народа.

**4) Частичное применение русского и украинского языка в богослужении (чтение слова Божия, отдельные песнопения и молитвы, замена отдельных слов и речений и т.п.) для достижения более вразумительного понимания богослужения при одобрении сего церковною властью допустимо и при известных условиях желательно.**

В основе формулировки лежит тезис Кудрявцева (ср. выше, с. 129); выделенные слова добавлены по предложению В.К. Лебедева<sup>383</sup>.

Полный и удовлетворительный по качеству перевод на русский язык всего корпуса богослужебных книг оставался делом будущего и, может быть, довольно отдаленного. Это хорошо понимали и сторонники такого перевода. Однако они предлагали уже сейчас разрешить исполнение по-русски тех частей богослужения, для которых переводы имеются. Прежде всего речь шла о чтениях из Священного Писания (Тураев, о. Ильинский, о. Иоанн Щукин<sup>384</sup>).

С таким решением в подотделе готовы были согласиться и многие представители консервативного крыла. Епископ Мефодий считал возможным читать по-русски паремии и половину кафизм (другую половину – по-славянски)<sup>385</sup>. Он допускал также «по примеру Римской Церкви» введение в службу дополнительных частей, исполняемых на русском языке: по его мнению, это могли бы быть канты св. Димитрия Ростовского, стихиры св. Иоанна Дамаскина в стихотворном переложении А.К. Толстого или стихотворения из «Лепты»<sup>386</sup>.

Кудрявцев предлагал использовать в церковном богослужении молитвы, составленные на русском языке св. Тихоном Задонским, Филаретом Московским, киевским старцем Парфением. Он ссылаясь также на положительный опыт чтения канонов по русскому переводу в г. Луге Петроградской епархии и в других местах<sup>387</sup>.

**5) Заявление какого-либо прихода о желании слушать богослужение на русском или украинском языке в меру возможности подлежит удовлетворению при одобрении перевода церковною властью.**

Окончательная редакция тезиса была представлена епископом Мефодием (он прибавил выделенные слова к предложению Предсоборного совета). Такое решение на заседаниях подотдела поддерживали Попович, Знамировский, о. Ильинский, инспектор гимназии из Черниговской губернии А.Ф. Гораин.

**6) Святое Евангелие в таких случаях читается на двух языках, славянском и русском (или украинском).**

Это условие было включено по особому настоянию председателя подотдела<sup>388</sup>.

**7) Необходимо при Высшем церковном управлении иметь особую комиссию, как для упрощения и исправления церковнославянского текста богослужебных книг, так и для перевода богослужения на русский (или украинский) язык.**

Трудно сказать, насколько удачной была мысль объединить два разные дела в рамках одной комиссии. Однако одобрение подотделом этого тезиса означало, что как защитники славянского, так и сторонники русского готовы признать актуальность обеих задач (исправления и нового перевода) и предлагают церковному руководству предпринять практические шаги в указанных направлениях. Необходимость упростить славянский богослужебный текст отмечали почти все, кто выступал в подотделе за его сохранение – за исключением двоих. Казак из Акмолинской губернии Ф.Г. Зибарев сообщил: «В народе говорят, что придет антихрист, и знамен(и)ем пришествия его будет то, что станут отнимать книги и дадут новые» (36). Несравненно более образованный Н.И. Троицкий также усматривал в самой постановке вопроса о языке богослужения коварные происки – правда, не столько антихриста, сколько кайзера Вильгельма, который стремится «уничтожить славянство», для чего и покушается инспирировать отмену либо искажение славянского языка. А потому «да будет все так, как было создано св. церковью и пребыло на Православной Руси до сего дня»; не следует и исправлять богослужебные книги, ибо даже «делать изменения в строе речи ради более удобного ее понимания, замену устаревших слов (...) нельзя без ущерба для оригинала» (5 а, 8 об.).

**8) Желательно издание богослужебных книг на двух параллельных языках – славянском и русском (или украинском), а также издание отдельных книжек с параллельными текстами, заключающих в себе церковно-богослужебные молитвословия.**

Такие предложения высказывали епископ Сильвестр, Лебедев, Знамировский и другие члены подотдела. Параллельные издания (которые, впрочем, издавались и до Собора) в какой-то степени могли способствовать лучшему пониманию славянского текста. Однако о. Марин не без основания считал, что готовиться к церковной службе на дому с помощью таких книг едва ли сможет даже интеллигенция, не говоря уже о простом народе (38). Священник Елабужский считал, что русские переводы могут первоначально использоваться для домашнего употребления, а со временем найти свое место и в церковной службе<sup>389</sup>.

**9) Желательно широкое ознакомление с церковно-славянским языком богослужения как чрез изучение его в школах, так и путем разучивания церковных песнопений с прихожанами для общецерковного пения.**

Тезис внесен на голосование В.К. Недельским, преподавателем Литовской духовной семинарии. С подобными предложениями выступали епископы Мефодий и Сильвестр, а также Лебедев. Возражений этот пункт не вызвал – один лишь Попович напомнил собравшимся о складывающихся политических условиях, при которых «богослужение может оказаться единственной школой христианского просвещения и нравственности» (29 об.).

**10) Употребление церковно-народных гимнов на русском языке на внебогослужебных беседах по одобренным церковною властью сборникам признается полезным.**

Принято единогласно по предложению Знамировского, который указывал на успех такой практики в Перми (36 об., 42).

**11) Издать русский перевод Библии с текста богомудрых LXX толковников. Перевод должен быть снабжен указанием разночтений, темных и переносных мест по русской Библии с еврейского языка.**

Заключительный пункт был взят из доклада епископа Мефодия, который справедливо считал, что русский перевод Септуагинты может оказаться более подходящим для литургического употребления, чем Синодальный перевод Библии, в основу которого положен еврейский масоретский текст<sup>390</sup>.

Сравнивая тезисы, выработанные в соборном подотделе, с подготовительными материалами Предсоборного совета, нетрудно заметить признаки усиления консервативных настроений. На первый план вышло утверждение о славянском как основном богослужебном языке. Литургическое употребление русского языка по-прежнему допускается, но с некоторыми дополнительными оговорками. В новом документе

совершенно отсутствует один из важных тезисов Предсоборного совета о допустимости богослужебного творчества – он даже не выносился на голосование.

Можно указать на две основные причины такого смещения акцентов.

Во-первых, к концу сентября 1917 г. все более очевидными становились неблагоприятные для Церкви последствия происходящих политических перемен. В этой тревожной атмосфере охранительные устремления, естественно, набирали силу.

Во-вторых, на Соборе весь спектр внутрицерковных позиций и настроений был представлен более адекватно, чем в составе членов Предсоборного совета, лично приглашенных Синодом или избранных от академий и университетов. При рассмотрении вопроса в отделе Предсоборного совета против богослужения на русском языке выступал один лишь владыка Андроник. В соборном подотделе ревнители церковнославянского ели и оставались в меньшинстве, то были все же достаточно многочисленны. И представители большинства пошли, думается, по единственно верному пути, стремясь не к использованию численного перевеса, а к максимальному сближению позиций<sup>391</sup>.

- Сохранение церковнославянского как основного языка богослужения, при условии принятия мер к упрощению и исправлению славянского богослужебного текста, а также к улучшению знакомства прихожан с церковнославянским языком, – все эти предложения учитывали убеждения церковных «консерваторов».

- Однако задача приближения богослужения к пониманию народа, в том числе путем употребления русского (и украинского) языка также была признана важной и своевременной. При этом были сформулированы важные условия введения богослужения на русском языке:

- изъятие желания со стороны конкретного прихода;
- контроль церковной власти за качеством переводов;
- осмотрительность и постепенность практических шагов;
- сохранение элементов славянского языка в русском (украинском) богослужении:

чтение Евангелия непременно на двух языках.

Тем самым, фактически были признаны главные принципы непринудительной реформы богослужебного языка на основе «новообрядного единоверия», которые предлагались многими участниками предшествовавшей Собору дискуссии.

Однако епископ Мефодий, по-видимому, не был удовлетворен достигнутыми уступками «новаторов». При завершении работы подотдела он заявил, что войдет в заседание отдела о богослужении с собственным докладом – в дополнение к утвержденному докладу подотдела, который, по единогласному избранию, должен был представить Кудрявцев. Впрочем, в протоколе отмечено, что представленные тезисы доклада преосвященного Мефодия (в архивном деле их нет) в целом совпадают с принятыми подотделом (42 об).

## Дальнейшее рассмотрение доклада<sup>392</sup>

До рождественских каникул ни тот, ни другой доклад заслушать не успели. Отдел о богослужении, проповедничестве и храме занимался другими вопросами: о церковной проповеди (по этой теме был подготовлен и принят Собором соответствующий доклад), о церковном искусстве и охране памятников церковной археологии, о богослужебном уставе.

Деятельность Собора возобновилась 20 января 1918 года. Епископ Мефодий 1/14 февраля телеграммой из Оренбурга запросил соборную канцелярию «существуют ли занятия Собора»<sup>393</sup>. Получив положительный ответ, он, однако, так и не смог выехать в Москву – вероятно, по условиям гражданской войны. Тем не менее 20 марта владыка направил в адрес Собора докладную записку с просьбой «разрешение вопроса о богослужебном языке Церкви отложить до будущего времени, тем более, что вопрос не требует спешности».

В этом документе епископ Мефодий отмечает, что «огромной важности вопрос» о богослужебном языке к настоящему времени «изучен много в возможной полноте и составлен по нему обширный доклад». Видимо, речь идет о личном докладе преосвященного, поскольку доклад подотдела, принятый 21–26 сентября, уместается на одной странице. Далее владыка высказал следующие опасения:

В специальном подотделе о богослужебном языке большинством голосов были вынесены предложения, принятие которых во всем их объеме без ограничений, по моему искреннему убеждению, может внести смущение в среду верующих и повлечь за собою не полезные последствия для блага Церкви<sup>394</sup>.

Соборная канцелярия 11/24 апреля направила это письмо на усмотрение отдела о богослужении, проповедничестве и храме. Однако к этому времени занятия 2-й сессии Собора уже завершились.

Интересны в своем роде и другие письма, поступившие в богослужебный отдел из соборной канцелярии за время второй сессии. Приведем их с сохранением особенностей орфографии оригинала.

Крестьянин с. Быстрицы Слуцкого уезда Минской губернии Сергей Григорьевич Прудзило писал 1 марта 1918 г. из Петроградского лазарета (куда он, судя по всему, попал из действующей армии):

Честь имею осмелиться доложить и всепокорнейше просить Церковного Собора о великой нужде всех благочестивых и боголюбивых православных христиан, как грамотных так и неграмотных которые очень нуждаются в переводе церковно славянского наречия на русское наречие и это так необходимо нужно и каждому желательно (...) Об этом много говорить не буду ибо каждому человеку известно что Спаситель наш Господь Иисус Христос учил людей на их родном языке на котором они друг с другом между собою разговаривали. И еще чтение на русском переводе так необходимо в церкви нужно как необходимо нужен для слепого человека вожак, который бы мог слепого вести той дорогой, по которой слепому нужно идти (...) Христиане бывшие в церкви во время божественной литургии и *слышавшие Евангельское* чтение и когда они придут домой то домашние спрашивают их что батюшко читал из

Евангелия на этот вопрос *бывшие в церкви отвечают я и сам ничего не понял* очем батюшко читал из Евангелия и об этом очень многие говорят что чтение из Св. Евангелия на славянском языке никак нельзя понять. А вот, *хорошо было-бы, еслибы священники читали св. Евангелие порусский* ведь тоже слова Самого Господа Спасителя нашего Иисуса Христа. (...) А мы так несчастные что слов Господних не слышим на нашем родном наречии.

Суть прошения заключалась в следующем:

*Разрешить* нашим духовным отцам православным священникам *читать св. Евангелие* на нашем родном Русском языке а так же и *св. Апостольские послания и святой Канон покаянный св. Андрея Критского* все это православным необходимо нужно<sup>395</sup>.

Псаломщик Александров-Невской церкви Николаевской слободы Астраханской епархии Василий Квитко, находившийся на военной службе в Кишиневе, в своем «Втором послании Священному Всероссийскому церковному собору» делился обеспокоенностью по поводу перехода многих знакомых ему солдат в баптизм:

Я много слышал не довольство, что на непонятном языке совершается в нашей церкви богослужение. Сектанты внушают свое учение на основании слов св. Апостола Павла, – что мол лучше сказать несколько понятных слов, нежели тьму на незнакомом языке<sup>396</sup>.

Настоятель Воскресенской церкви на Семеновском кладбище в Москве, магистр богословия протоиерей Сергей Муратов в прошении на имя Святейшего Патриарха просил издать хотя бы По-следование ко Святому Причащению с благодарственными молитвами «не на славянском, малопонятном для темного, простого народа, а на *русском языке*»<sup>397</sup>.

Эти документы, конечно, не могут дать надежного представления о том, насколько широко желание реформы в области богослужебного языка было распространено среди народа и духовенства. Но, во всяком случае, они свидетельствуют о существовании в церковной среде ожиданий такого рода, обращенных к Собору. Вместе с тем, слышны были и разумные призывы к осторожности. Член Собора из Ялты протоиерей Сергей Щукин, известный и в предреволюционные времена пастырской отзывчивостью на вопросы современности, в своем письменном докладе отмечал:

Если бы дело шло, чтобы в нашей литургии, в наших церковных службах заменить разом славянский язык языком русским, я не согласился бы с этим. Я боялся бы, что в эти тревожные дни, когда рушится вокруг все, к чему мы привыкли, боялся бы, что люди придут в церковь, услышат новые слова и скажут: это не та церковь, которую мы чтим, которую знаем и любим, и уйдут от нас. Родные нам, они не узнают в нас своих и уйдут, чтобы отыскать или создать себе новую церковь.

Лишь чтение Евангелия и Апостола, по мнению о. Сергия, «непременно должны происходить и на русском языке»<sup>398</sup>.

Заявление владыки Мефодия рассматривалось только 25 июля 1918 года, на первом заседании отдела после начала 3-й сессии Собора. Состав отдела, как и Собора в целом, к этому времени сильно поредел<sup>399</sup>. Среди 23 собравшихся членов отдела не было ни председателя (архиепископ Евлогий участвовал только в 1-й сессии Собора), ни его товарищей. Избранный докладчиком Кудрявцев, как и большая часть членов Собора с Украины, не смог приехать ни на вторую, ни на третью сессию. Лишь 5 членов отдела из этого нового состава принимали ранее участие в обсуждении вопроса о богослужебном языке<sup>400</sup>.

Работу приходилось начинать как бы заново. Архиепископ Назарий (Кириллов) предложил дожидаться приезда владыки Мефодия. И.А. Карабинов считал, что лучшим решением вопроса было бы продолжение трудов Комиссии по исправлению славянского текста богослужебных книг, членом которой он сам одно время являлся<sup>401</sup>. Единоверческий епископ Симон (Шлеев), который был избран заместителем председателя отдела, указал на «поражающее непонимание народными массами смысла богослужения и забвение русским народом основ христианской жизни», из чего сделал вывод, что «заботы о богослужебном языке стоят больших трудов, но не по переводу и коренной ломке или переделке, а по упрощению богослужения». Священник Артоболевский<sup>402</sup> «указал на средний путь – исправление конструкции греко-славянского языка и испорченных мест». Е.Н. Трубецкой<sup>403</sup> и епископ Зиновий<sup>404</sup> говорили об опасности «потери векового наследия красоты богослужебного языка». При этом кн. Трубецкой «настаивал на необходимости установления принципов для обсуждения и, в этих целях, – обстоятельного доклада обо всем сделанном по вопросу». Сделать такой доклад согласился А.В. Новосельский, принимавший участие в работе подотдела<sup>405</sup>.

На заседании 5 августа при участии уже 40 членов отдела доклад Новосельского был заслушан<sup>406</sup>. После краткой дискуссии о процедуре дальнейшей работы участники заседания согласились, что нет смысла заново обсуждать вопрос по существу и можно

переходить к постатейному чтению тезисов с последующим голосованием. Л.К. Артамонов, в частности, заявил:

Я ярый защитник славянского богослужебного языка, но считаю, что (...) вопрос разработан основательно[,] и нового теперь мы не скажем, а потому суждения по существу бесполезны. (...) Я предлагаю прямо перейти к тезисам, в которых высказано все существенное<sup>407</sup>.

Такого же мнения придерживались и защитники русского оо. Филоненко и Хотовицкий. Однако по предложениям ряда участников голосование было отсрочено на неделю, чтобы размножить тезисы и предоставить новым членам отдела возможность лучше с ними ознакомиться.

Дискуссия о порядке обсуждения была продолжена на заседании 12 августа<sup>408</sup>. Некоторые новые члены отдела были настроены приступить к повторному рассмотрению вопроса, однако большинством голосов было принято решение о переходе к постатейному голосованию. Епископ Симон напомнил, что «вопрос этот разрабатывался уже десятки лет (...) он настойчиво выдвигается самою жизнью и требует безотлагательного решения»; к тому же подготовленный отделом доклад еще предстоит рассматривать на заседаниях Собора.

В ходе состоявшегося обсуждения первые десять тезисов подотдела были одобрены с внесением ряда поправок, отраженных ниже (выделены полужирным новые вставки, зачеркнуты изъятые фрагменты тезисов подотдела; *курсивом* даны наши комментарии к тексту)<sup>409</sup>.

1. Славянский язык в богослужении есть великое священное достояние нашей родной, церковной старины, и потому он должен сохраняться и поддерживаться как основной язык нашего богослужения.

*Предложение А.В. Васильева отменить данный пункт, сохранив 3-й и 4-й, было отвергнуто. Изъятие слова*

2. В целях приближения нашего церковного богослужения к пониманию простого народа признаются принципиально права общерусского и украинского малороссийского языков для богослужебного употребления.

*«принципиально» усилило признание «литургических прав» современных языков. Здесь и далее слова «русский» и «украинский» заменены на «общерусский» и «малороссийский» по предложению В.В. Богдановича. По-видимому, это было своего рода реакцией на проявления украинского национализма и церковного сепаратизма.*

3. Немедленная и повсеместная замена церковнославянского языка в богослужении общерусским или украинским малороссийским неосуществима нежелательна и нежелательна неосуществима.

*Изменение порядка слов акцентирует внимание на нежелательности немедленной и тотальной реформы, даже если бы она оказалась осуществимой. Опустить этот пункт предлагали диакон Н. Ливай и Л.К. Артамонов.*

4. Частичное применение общерусского или украинского малороссийского языка в богослужении (чтение слова Божия, отдельные песнопения, молитвы, замена отдельных слов и речений и т.п.) для достижения более своевременности и желательности вразумительного понимания богослужения причастичной реформы. одобрении сего церковною властью допустимо и при известных условиях желательно и в настоящее время.

*В новой редакции усилен акцент на своевременности и желательности причастичной реформы.*

5. Заявление какого-либо прихода о желании ~~Предложение снять условие «одобрения~~ слушать богослужение на общерусском или ~~перевода церковною властью» было~~ украинском малороссийском языках в меру ~~утвергнуто; более того, в новой редакции~~ возможности подлежит удовлетворению при ~~поусилено требование употреблять перевод~~ одобрении перевода церковною властью. ~~лишь после его одобрения.~~

6. Св(ятое) Евангелие в таких случаях читается ~~на двух языках, славянском и русском или~~ *В.В. Богданович предлагал опустить этот пункт. Предложение не принято.* украинском малороссийском.

7. Необходимо немедленно образовать при Высшем церковном управлении иметь особую *В новой редакции данного пункта, как и пп. 8, 9, дополнительно акцентирована* комиссию, как для упрощения и исправления ~~церковнославянского текста богослужебных~~ *безотлагательность мероприятий по* книг, так и для перевода богослужения ~~на улучшение понимания богослужения.~~ общерусский или украинский язык *Заключительная часть прибавлена по* малороссийский и иные употребляемые *в предложению прот. В.И. Синцова. Она* православной русской церкви языки, при чем *подчеркивает, что возможны и частные* комиссия должна принимать на рассмотрение *опыты перевода, которые через комиссию* как уже существующие опыты подобных *могли бы получить церковную апробацию* переводов, так и вновь появляющиеся.

8. Желательно Высшее Церковное Управление неотлагательно должно озаботиться изданием богослужебных книг на двух параллельных языках славянском, общерусском или украинском малороссийском и иных, *Не принято предложение Р.Э. Сапина* употребляемых в православной русской церкви *исключить данный пункт как избыточный* языках, а также изданием таковых *же при наличии п. 1.*

отдельных книжек с параллельными текстами, заключающих в себе избранными церковно-богослужебными молитвословиями и песнопениями.

9. Желательно Необходимо принять меры к широкому ознакомлению с церковнославянским языком богослужения как чрез изучение его в школах, так и путем разучивания церковных песнопений с прихожанами для общего церковного пения.

10. Употребление церковно-народных стихов, гимнов на русском и иных языках на внебогослужебных собеседованиях по одобренным церковною властью сборникам признается полезным и желательным.

~~11. Издать русский перевод Библии с текста богомудрых LXX толковников. Перевод должен быть снабжен указанием разночтений, темных и переносных мест по русской Библии, в котором уже изучается данный вопрос. еврейского языка.~~ *Пункт снят в связи с организацией на Соборе особого Библейского отдела, в*

Для представления доклада Собору единогласно был избран А.В. Новосельский. По установленному порядку, текст доклада передали в Соборный совет. Но времени для его обсуждения в общем заседании Собора уже не оставалось. Обстоятельства заставляли прекратить соборную сессию – на ее продолжение попросту не было средств. Банковские счета Церкви были арестованы еще зимой, а теперь было захвачено представителями советской власти и здание семинарии, где размещалось общежитие соборян, вывезены



заготовленные для них продукты. Таким образом, целый ряд докладов, подготовленных соборными отделами, рассмотреть на этой оборвавшейся сессии не удалось.

По предложению Соборного совета<sup>410</sup> доклад *О церковно-богослужебном языке* 12 сентября, на одном из последних общих заседаний, был передан Собором<sup>411</sup> на разрешение Совещания епископов, в состав которого входили все присутствующие архиереи. Уже после закрытия общих заседаний Собора Епископское совещание 22 сентября заслушало доклад и, в свою очередь, постановило передать его на рассмотрение Высшему церковному управлению<sup>412</sup>, то есть Священному Синоду с Патриархом во главе, что и было исполнено Соборным советом 15 октября 1918 г.<sup>413</sup>

Что означало такое решение? По мнению В. Котта, доклад отдела о богослужении, проповедничестве и храме был передан Высшему церковному управлению «для руководства и использования в данном вопросе», то есть «ВЦУ в этом вопросе должно им [докладом. – Н.Б.] руководствоваться и по мере необходимости проводить его в жизнь (в определенном смысле он являлся документом, переданным законодательной властью власти исполнительной)»<sup>414</sup>. Это не совсем точно<sup>415</sup>. Корректнее выразил суть дела А. Кравецкий: «Передача доклада Высшему церковному управлению означала, что он *может быть* проведен в жизнь без обсуждения на общем заседании»<sup>416</sup>. Однако утверждение того же автора, что «постановление [О церковно-богослужебном языке. – Н.Б.] *было принято*, и Высшее церковное управление имело полное право осуществлять его» также неточно в первой своей части.

Действительно, в соответствии с постановлением Собора от 31 января 1918 г., на последнем соборном заседании 7/20 сентября было решено «уполномочить Соборный совет все доклады, которые останутся нерассмотренными Собором, препроводить на разрешение Высшего церковного управления, а сему управлению предоставить, по бывшим примерам, вводить выработанные отделами предначертания в жизнь по мере надобности полностью или в частях, повсеместно или в некоторых епархиях». При этом в первоначальном, январском постановлении было оговорено, что с возобновлением занятий Собора предложения отделов все же должны быть представлены на рассмотрение Собора<sup>417</sup>.

Таким образом, передача не рассмотренного Собором по существу, а стало быть и *не принятого* доклада в ВЦУ означала, что Святейший Патриарх и Священный Синод *могут* по своему усмотрению и по мере надобности вводить в жизнь предложения отдела, но отнюдь *не обязаны* делать это.

## После Собора

Естественно, что круг первоочередных забот церковной администрации оказался теперь совсем иным. Русская Церковь вступила в полосу жесточайших преследований. Борьба за выживание отнимала все силы и не позволяла заняться неспешной творческой работой. Значительная часть подготовленных Собором докладов так и не дождалась рассмотрения по существу. В том числе – доклад о богослужебном языке.

В документах Высшего церковного управления удалось обнаружить только одну ссылку на этот доклад. Он был зачитан на совместном заседании Священного Синода и Высшего Церковного Совета 25 июня 1919 г. при рассмотрении рапорта епископа Черкасского Назария (Блинова), викария Киевской епархии, в котором владыка Назарий, управлявший в то время Киевской епархией, просил разрешения на использование в богослужении украинского языка<sup>418</sup>. Кроме того, на заседании было оглашено постановление Украинского Собора 1918 года о сохранении церковнославянского языка в богослужении<sup>419</sup>. Сторонников богослужения на украинском языке призывали подчиниться решению, которое вынес Украинский Собор, указав, однако, что вопрос о языке богослужения будет вновь рассмотрен Всероссийским Поместным Собором, когда окажется возможным созвать его<sup>420</sup>.

Известно также, что 23 апреля 1920 г. Священный Синод заслушал рапорт епископа Богородского Никанора<sup>421</sup>, единоверческого викария Московской епархии, с просьбой о разрешении ему приступить к разработке вопроса о чтении при богослужениях на русском языке. К сожалению, в имеющемся архивном деле нет никаких указаний на принятое по этому рапорту решение<sup>422</sup>.

Имеются сведения о том, что русский язык после Поместного Собора успешно употреблялся в некоторых частях богослужения (в соответствии с 4 тезисом соборного отдела) в храмах Петроградской епархии при поддержке священномученика митрополита Вениамина<sup>423</sup>. Имели место такие опыты и в Москве – причем, насколько можно судить по позднейшим документам митрополита Сергия и его Синода, по благословению святителя Тихона<sup>424</sup>. Интересны тюремные воспоминания протоиерея Михаила Чельцова о «пении Священного Писания на русском языке при богослужении и камере Дерябинской тюрьмы осенью 1918 года. Хотя после нескольких опытов (первоначально обусловленных отсутствием славянского текста) о. Михаил отказался от своего прежнего мнения «о необходимости совершать богослужение на русском языке» и убедился в эстетических преимуществах славянского, важно отметить, что в то время русский язык в церковной службе отнюдь не воспринимался в качестве приметы обновленчества<sup>425</sup>.

Решение проблемы богослужебного языка в послесоборные годы продолжало восприниматься как важная и неотложная задача Православной Церкви. Так, в изданном по благословению митрополита Вениамина церковном календаре на 1921 год было указано:

Вопрос о правах русского языка или других славянских переводов, кроме употребляемых (...) является своевременным для обсуждения<sup>426</sup>.

Вероятно, такое обсуждение происходило в Богослужебной комиссии при Обществе православных приходов Петрограда и его губернии, которая действовала в 1921 году<sup>427</sup>.

Примером такого обсуждения является речь профессора П.П. Мироносицкого<sup>428</sup> «О языке богослужения», произнесенная на актовом заседании в Петроградском Богословском институте 24 мая 1921г.:

Я уверен, – все в этом собрании одни отчетливо видят, другие внутренне чувствуют, что на открывшемся перед нами пути церковного обновления наша мысль и наше дело не могут обойти вопроса о языке богослужения, который долго и терпеливо где-то в стороне ожидал своей очереди, а теперь стал перед нами во весь свой рост. Итак, чтобы нам идти далее, надо с ним считаться.

Главной причиной непонятности богослужебных текстов Мироносицкий считал плохое качество существующего славянского перевода, поэтому выход он видел на первом этапе в продолжении трудов по исправлению богослужебных книг путем обогащения

церковнославянского языка русской лексикой, устранения излишнего буквализма перевода, исправления вкрапившихся в него ошибок. Дальнейшую задачу профессор видел в живом творческом развитии богослужебного языка:

Нам непонятны иные церковные песнопения и отдельные места не потому, что они изложены по-церковнославянски, а потому, что излагатели не руководились требованиями художественного стиля, а пользовались языком примитивно. (...) Жизненный процесс, благодаря которому современный церковный язык так далеко ушел от древнеславянского и так любезно вступил в союз или ассимиляцию с языком живой русской беседы, не закончен и не должен быть закончен. Надо дать ему свободу развития, следствием чего должен явиться воистину русский возвышенный стиль церковных гимнов. (...) Пусть славянский язык становится все живее, благодаря русскому, а русский все богаче, благодаря славянскому, – и да будут они едино<sup>429</sup>.

Однако чрезмерные вольности некоторых священнослужителей по отношению к богослужебному чину побудили Патриарха Тихона выступить с обращением к архипастырям и пастырям Православной Российской Церкви от 17 ноября 1921 г. за № 1575, которое мы ввиду его важности приводим полностью:

Ведомо нам по городу Москве, и из других мест Епархиальные Преосвященные сообщают, что в некоторых храмах допускается искажение богослужебных чинопоследований отступлениями от Церковного устава и разными нововведениями, не предусмотренными этим уставом. Допускаются самовольные сокращения в чинопоследованиях и даже в чине Божественной Литургии. В службах праздников выпускается почти все, что составляет назидательные особенности праздничного богослужения, с обращением, вместо того, внимания на концертное исполнение обычных песнопений, не положенных по уставу, открываются царские врата во время, когда не следует, молитвы, которые положено читать тайно, читаются вслух, произносятся возгласы, не указанные в служебнике; шестопсалмие и другие богослужебные части из слова Божия читаются не на церковнославянском языке, а по-русски; в молитве отдельные слова заменяются русскими и произносятся вперемежку с первыми; вводятся новые во время богослужения действия, не находящиеся в числе узаконенных уставом священнодействий, допускаются неблагоговейные или лицемерные жесты, не соответствующие требуемой существом церковной службы глубине чувства смиренной, трепещущей Божия присутствия души священнослужителя.

Все это делается под предлогом приспособить богослужебный строй к новым требованиям времени, внести в богослужение требуемое временем оживление и таким путем более привлекать верующих в храм.

На такие нарушения церковного устава и своеволия отдельных лиц в отправлении богослужения нет и не может быть нашего благословения.

Божественная красота нашего истинно назидательного в своем содержании и благодатно-действенного церковного богослужения, как оно создано веками апостольской ревности, молитвенного горения, подвижнического труда и святоотеческой мудрости и запечатлено Церковью в чинопоследованиях, правилах устава, должна сохраняться в Святой Православной Русской Церкви неприкосновенною, как величайшее и священнейшее ее достояние. Совершая богослужение по чину, который ведет начало от дней древних и соблюдается во всей Православной Церкви, мы имеем единение с Церковью всех времен и живем жизнью всей Церкви. Посему, если, с одной стороны, было бы несправедливо представлять себе богослужение чем-то омертвело неподвижным и навсегда законченным, ибо Церковь благодатно исполнена жизни и Дух Святой премудро восполняет полноту Церкви новыми спасительными формами жизни Церковной, то с другой стороны, изменения и нововведения в богослужении никак не могут быть делом отдельных лиц и обществ; это есть дело всей Церкви, которое долго зреет в глубинах недр церковных, испытывается и приемлется сознанием всей Церкви и осуществляется духовно-правомощными органами Церкви, каковым органом в нашей Российской Церкви является Поместный Собор. Лишь

при таком отношении к изменениям и нововведениям в строе церковном пребудет неизменным великое и спасительное единение основ и преданий церковных.

Бывший в 1917–1918 гг. Церковный Собор в Москве приступил к рассмотрению возникших запросов об исправлениях в нашем богослужении, но не имел времени закончить своих работ. Это предстоит завершить будущему Собору, когда он состоится. До того времени **предлагаем** Архипастырям и пастырям нашей Российской Церкви воздержаться от богослужебных нововведений, дабы неосмотрительностью в сем деле не подать повода к смущениям среди верующих и не вызвать разделения в Церкви. А где такие новшества уже есть, **предписываем** всем органам Церковного Управления, до Благочинных включительно, принимать все меры к искоренению этого нездорового явления нынешнего времени<sup>430</sup>.

Совершенно естественно, что в тяжкое время гонений, когда само существование органов Высшего церковного управления находилось под постоянной угрозой, задача сохранения Предания Церкви и поддержания церковного единства представлялась первоочередной. Тем не менее в Обращении принципиально признается важность развития новых форм церковно-богослужебной жизни при условии их рассмотрения и одобрения Церковью на следующем Поместном Соборе (созыв которого первоначально планировался в 1921 году). Именно «до того времени» архиереям и священникам было предложено «воздержаться от богослужебных нововведений».

После ареста Патриарха Тихона те же утверждения повторил временно замещавший его во главе церковного управления митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский) в своем послании всем членам Православной Русской Церкви от 18 июня 1922 г.:

Мы не отрицаем необходимости некоторых видоизменений и преобразований в богослужебной практике и обрядах. Некоторые вопросы этого рода были предметом рассмотрения Всероссийского Поместного Собора 1918 года, но не получили решения вследствие преждевременного прекращения его деятельности по обстоятельствам тогдашнего времени<sup>431</sup>.

Выражая надежду на созыв Собора, «который правомерно (...) рассмотрит все то, что необходимо и полезно для нашей церковной жизни», митрополит Агафангел также призывал воздерживаться от самовольных нововведений, которые «могут вызвать смятение совести у верующих, пагубный раскол между ними, умножение нечестия и безысходного горя».

Именно таковы были последствия обновленческого раскола, в это время представлявшего наибольшую опасность для Русской Православной Церкви. Как известно, его руководители, пользовавшиеся в то время конъюнктурной политической поддержкой органов советской власти, решили перехватить инициативу в области литургических реформ. В результате сама идея каких-либо богослужебных преобразований оказалась надолго скомпрометированной, поскольку ассоциировалась с красным обновленчеством в сознании тех, кто сохранил верность гонимой Патриаршей или Тихоновской Церкви. Вероятно, именно с этим связано распоряжение митрополита Петра (Полянского) благочинным и настоятелям московских храмов от 14 сентября 1925 г., в котором патриарший местоблюститель заявил о недопустимости «введения русского языка в богослужебную практику»<sup>432</sup>.

Анализ планов и практических попыток богослужебной реформы у обновленцев не входит в задачи настоящей книги. Ограничимся ссылкой на выводы А.Г. Кравецкого, сделанные на основании изучения обширного материала обновленческой периодики:

Обновленчество 20-х годов не следует рассматривать как непосредственное продолжение предсоборных дискуссий. Под именем церковного большевизма это течение возникает сразу после революции и подпадает под осуждение Собора 1917–1918 г. Именно Собор, а не возникшие после революции политизированные церковные группировки, являлся носителем идей подлинного церковного обновления.

Представление об обновленчестве как преемнике дискуссий начала века активно пропагандировалось в обновленческих изданиях и в последующие годы стало общепринятым. Нам представляется более соответствующей действительности иная схема развития событий. Сразу после революции выделяется группа священников, стремящихся к

созданию альтернативных органов церковного управления, пользующихся поддержкой новой власти, чего-то вроде коммунистического синода. В 1922 г., после ареста патриарха Тихона, это движение приобретает официальный статус. До освобождения Патриарха живоцерковников интересуют лишь вопросы борьбы за власть, а также вопросы о женатом епископате и второбрачии клириков.(...)

Освобождение Патриарха и начавшийся массовый отход от обновленчества заставляет лидеров движения искать оправдание собственного существования вне сферы политики. В обновленческой периодике появляются сочувственные статьи о Соборе 1917–1918 гг. (число этих статей возрастает после смерти Патриарха Тихона), активизируется реформаторская деятельность, вспоминаются предсоборные дискуссии о церковных реформах.

Однако несмотря на реформаторские декларации, в действительности богослужебная реформа обновленцами так и не была проведена. Не считая отдельных приходов или маргинальных малочисленных групп (прежде всего это созданный Антонином Грановским Союз церковного возрождения) работы по переводу и редактированию богослужебных текстов практически не велись. Лишь после «Декларации» митрополита Сергия 1927 г. начинается деятельность организованной обновленческим синодом комиссии по исправлению богослужебных книг, но издать подготовленные ею материалы уже не удалось.

Единственным действительно заслуживающим внимания переводческим опытом являются работы священника Василия Адаменко. В 20-е годы ему удалось подготовить и издать ряд богослужебных книг на русском языке. Любопытно, что его переводы без энтузиазма встречались обновленческими лидерами<sup>433</sup>. Обновленческий синод так и не санкционировал богослужебное употребление этих переводов. Если обновленческий синод обвинял прот. В. Адаменко в самочинии, то митр. Сергей (Страгородский), принявший покаяние В. Адаменко, благословил совершаемое им богослужение на русском языке<sup>434</sup>.

В 1930 г. заместитель Патриаршего местоблюстителя, принимая в общение о. Василия (в монашестве – Феофана) Адаменко из Нижнего Новгорода, разрешил ему и его общине по-прежнему совершать богослужение на русском языке. При этом официальным актом Синода было подтверждено право епархиальных архиереев разрешать то же самое в пределах своих епархий, если они найдут это полезным для Церкви<sup>435</sup>.

Сведениями о практической реализации этого Постановления в других епархиях в довоенный период мы не располагаем. Однако следует признать, что когда впоследствии (начиная с 70-х гг.) некоторые архипастыри благословляли богослужебное чтение Священного Писания и части литургических текстов в русском переводе, они имели для этого достаточные церковно-канонические основания.

## Точка не поставлена

Какое значение для Церкви **сегодня** может иметь описанная в этой главе дискуссия? Проблема богослужебного языка и понимания богослужения остается крайне актуальной; более того, актуальность ее возросла сравнительно с дореволюционным периодом – по причинам, которые изложены в документах Архиерейского Собора 1994 года<sup>436</sup>.

Конечно, реализация изложенных выше программ (включая итоговую разработку богослужебного отдела Поместного Собора) не может быть механической. Многие изменились в жизни Церкви и в жизни общества. Некоторые аргументы как сторонников, так и противников реформы богослужебного языка давно уже устарели. К сожалению, почти прекратилось теперь богослужение на языках малых народов России, на которое ссылались в свое время ревнители службы на русском языке. Научный и творческий потенциал нашей Церкви ныне, после долгих и обескровивших Церковь гонений, далеко не тот, что в начале века. Если до революции актуальной была внешняя угроза в лице старообрядческого раскола (сегодня почти совершенно утратившего влияние), то теперь более опасной является внутренняя оппозиция, сгруппированная вокруг всевозможных псевдостарцев, открыто пренебрегающих авторитетом священноначалия.

С другой стороны, мы понимаем, что теперь нам трудно рассчитывать на повсеместное преподавание церковнославянского языка в начальной школе. Едва ли кто-нибудь станет спорить, что среди нынешних верующих способность правильно понимать церковнославянские тексты встречается значительно реже, чем до революции. А вот степень доступности для народа литературного русского языка радикально изменилась в лучшую сторону благодаря всеобщему школьному образованию советского периода – при всех его недостатках. Массовая миграция населения России и стран бывшего СССР в течение всего XX века привела к почти полному стиранию диалектных особенностей, наличие которых в старой России было одним из аргументов дореволюционных «консерваторов». Церковнославянский язык в значительно меньшей степени может считаться теперь выражением единства православных славянских народов: многие сербские и отдельные болгарские приходы предпочитают ныне молиться на своем родном языке, хотя в других храмах по-прежнему употребляется церковнославянский – особенно в монастырях и кафедральных соборах, как предлагал у нас Тураев. И никаких церковных расколов, никаких заметных нестроений из-за этого не случилось. В братской Сербской Церкви одним из инициаторов перевода богослужебных чинов на современный сербский язык был глубоко почитаемый подвижник и богослов, ревнитель православного консерватизма архимандрит Иустин (Попович)<sup>437</sup>. Да и католики, на которых поглядывали в поисках аргумента ревнители древнего богослужебного языка в России, тоже оставили свою латынь.

И все же нам непременно надо внимательно вслушаться в доводы наших предшественников – членов великого Собора 1917–1918 годов, участников предсоборной дискуссии. Они проделали огромную работу и оставили нам ценное наследие. Не их вина в том, что очень многое из задуманного в те годы им не удалось осуществить. Это надлежит выполнить нам.

В заключение хотелось бы напомнить центральное утверждение доклада П.П. Кудрявцева: практическое разрешение вопроса об обновлении нашего богослужения, о творческом развитии литургической культуры зависит более всего от общего состояния творческих сил Русской Церкви. Наступит ли их долгожданный расцвет теперь, когда все внешние препятствия к тому вроде бы отпали?

Увы, препятствия внутренние преодолеваются едва ли не труднее. Материалы Собора 1994 г. оказались как будто замолчаны. На них даже не ссылаются в ходе продолжающихся полемических выступлений. Нездоровая подозрительность, самоуверенность, нетерпимость, – а проще сказать, недостаток любви, которую только и создается тело Церкви, пока что

мешают нынешним приверженцам консервативной и новаторской тенденций по-настоящему встретиться, чтобы услышать другую сторону – с предельной серьезностью и уважением.

Бесплодное дело – рассуждать, кто больше в этом виноват. Важно другое: сможем ли мы исцелиться от этих недугов? Сможем ли от разрушительного противостояния перейти к диалогу, к осуществлению той самой соборности, о которой порою с легкостью говорим всуе? Сможем ли вовремя вспомнить о тех, кто стоит далеко от наших внутренних споров и нуждается в нашем участии и внимании?

Хочется надеяться. Иначе миссия Русской Церкви в окружающем ее обществе не может быть успешна. Кто нас услышит, если мы не желаем слушать ни своих отцов, ни друг друга?

### Глава 3. Вспомогательные переводы

Издание вспомогательных или «пояснительных» русских переводов важнейших богослужебных текстов – не для богослужебного, но для учебного употребления – считали полезным средством для лучшего понимания богослужения многие авторы предсоборного периода. Одни из них находили такую меру лучшим ответом на требования служить по-русски (например, архиепископ Андроник)<sup>438</sup>. Другие видели во вспомогательных переводах скорее паллиативное средство – «если не для применения в самом богослужении, то по крайней мере для пользования мирян»<sup>439</sup>, порой выражая надежду, что со временем такие переводы найдут себе место и в самом богослужении<sup>440</sup>.

Предложения такого рода были включены в *Отзывы* епископов Полоцкого Серафима (Мещерякова), Архангельского Иоанникия (Казанского), Полтавского Иоанна (Смирнова) и некоторых других архиереев<sup>441</sup>; высказывались они также в печати и на собраниях духовенства<sup>442</sup> и, наконец, получили одобрение в богослужебном отделе Поместного Собора<sup>443</sup>.

По-видимому, мысль о внедрении молитвенников с параллельными церковнославянским и русским текстом была позаимствована у католиков<sup>444</sup>; иногда в пример ставили и протестантов:

Лютеране имеют великолепный, достоподражательный обычай носить в кирки молитвенники и по ним следят за богослужением,

– писал о. Николай Дроздов<sup>445</sup>. Некоторые предлагали завести такой обычай и у нас – как будто забывая, что прихожане русских православных храмов не имеют в своем распоряжении пюпитров на спинках скамеек, которыми с удобством пользуются западные христиане. Довольно трудно представить себе плотную толпу молящихся в православном храме с увесистыми томами толковых молитвословов в руке или подмышкой. А в какой руке держать шляпу? А как перекреститься?

Новые опыты таких вспомогательных, учебных переводов в немалом количестве публиковались в начале XX века. Не будем все их перечислять – подробный библиографический обзор этих изданий представлен в статье Б.И. Сове<sup>446</sup>. Многие из них пользовались хорошим спросом: сообщается, что быстро расходились тиражи в сотни тысяч экземпляров<sup>447</sup>. Это свидетельствует о действительно возросшем желании лучше понимать богослужебные тексты. Показательным представляется и адресованное в Святейший Синод письмо банковского служащего из Гатчины П.И. Шишипторова с предложением ознаменовать 1500-летие кончины св. Иоанна Златоуста (1907) изданием на русском языке для употребления мирянами во время богослужения полного текста литургии, носящей его имя:

Очень многие миряне, даже образованные и благочестиво настроенные, не понимают смысла и значения нашего дивного и высоко-назидательного богослужения и, в частности, важнейшего из них – божественной литургии. Этот прискорбный факт настолько общеизвестен, что распространяться о нем нет надобности. (...) Такое издание принесло бы, по моему разумению, несомненную пользу, так как облегчило бы для мирян понимание смысла и значения важнейшего из богослужений<sup>448</sup>.

По ряду причин остановимся лишь на одной книге, появление которой в 1912 году привлекло наибольшее внимание. Это *Большой толковый молитвослов* (именно так хотел назвать книгу автор), по цензурным условиям получивший при печати довольно тяжеловесное заглавие: «Молитвы и песнопения православного молитвослова (для мирян) с переводом на русский язык, объяснениями и примечаниями»<sup>449</sup>. Во-первых, эта работа отличается наибольшей полнотой состава; во-вторых, исполнена она была с особой тщательностью – тексты переводились с греческого, но с учетом и славянского перевода, расхождения которого с греческим подлинником оговорены в примечаниях; в третьих, принципы перевода были отчетливо сформулированы и обоснованы в предисловии к книге; в четвертых, ее публикация породила острую полемику, в ходе которой дополнительно



уяснялись цели вспомогательного перевода; в пятых, наконец, как составитель и переводчик этой книги Н.Ч. Зайончковский<sup>450</sup>, укрывшийся за псевдонимом *Николай Нахимов*, так и его главный оппонент П.П. Мироносицкий<sup>451</sup> принимали участие в работе Комиссии по исправлению богослужебных книг, которая станет предметом нашего рассмотрения в следующей главе; председатель этой Комиссии архиепископ Сергей и другой видный иерарх архиепископ Волынский Антоний участвовали в редактировании книги, которая, по совокупности всех этих признаков, явно перерастает значение одного из частных опытов.

История публикации книги такова. В феврале 1911 года действительный статский советник Зайончковский, получивший образование в области классической филологии, а ранее уже выпустивший под тем же псевдонимом учебник по Закону Божию<sup>452</sup>, обратился в Святейший Синод с прошением о рассмотрении и, в случае положительной оценки, напечатании в Синодальной типографии подготовленного им толкового молитвослова<sup>453</sup>. В прошении содержится развернутое обоснование нужды в таком издании с указаниями на темные места и иные недостатки славянского перевода молитв, затрудняющие их понимание. Прошение снабжено ссылками на *Отзывы епархиальных архиереев* и публикации церковной печати, а также критическим разбором уже существующих аналогичных изданий. В частности, Зайончковский писал:

Церковнославянский язык все менее становится нам понятным, о чем свидетельствует ежедневный опыт каждого наблюдателя и указания наших иерархов, что даже священники не понимают многих церковных песнопений, добавим от себя, и молитв (см. перевод их в учебниках Закона Божия и Толковых молитвословах). (...) Наиболее поэтические и умильные молитвы и песнопения Православной Церкви, как напр(имер) творения такого выдающегося поэта как св. Иоанн Дамаскин, уже в переводе на славянский язык, в действительности, потеряли и поэзию, и умильность, иногда до смысла включительно; русским же людям вся церковная поэзия сделалась почти недоступной, «чужой» по языку.

(...) Протекло со дня крещения Руси 923 года, а русский православный народ вместе со своим духовенством до сих пор не понимают, что собственно они произносят в молитвах и поют в храме Божиим. А между тем в этом понимании настоит великая и все возрастающая потребность. (...) Теперь народ, прошедши школу, хотя бы начальную, привыкает относиться ко всему сознательно, желает и молиться, по наставлению Апостола, не только сердцем, но и умом. Это его законное право, и, не имея возможности реализовать его в Церкви Православной, он уходит к еретикам, которые научают его петь гимны, ему понятные, и таким образом, сознательно вступать в общение с Господом Богом. Пора положить этому конец.

Из документов архивного дела видно, что переводчик предварительно обсуждал свою инициативу с обер-прокурором Святейшего Синода С.М. Лукьяновым, по-видимому, заручился поддержкой архиепископа Волынского Антония (Храповицкого) и показывал свою работу профессору А.А. Дмитриевскому<sup>454</sup>. В результате такой подготовки прошение Зайончковского было рассмотрено Синодом 10 февраля, в день его поступления в синодскую канцелярию (редчайший случай!) и, по заранее согласованному плану, направлено вместе с рукописью на рассмотрение архиепископу Антонию и проф. Дмитриевскому<sup>455</sup>.

Отзыв владыки Антония (в целом положительный, с небольшими поправками – в основном по составу сборника) был предоставлен уже через месяц<sup>456</sup>. Однако Дмитриевскому понадобилось более года, чтобы после трехкратного напоминания канцелярии Синода прислать свое суждение. Профессор, признаваясь, что успел проштудировать лишь четверть рукописи, указывал на недостаток литургических, церковно-археологических и богословских познаний у переводчика, что привело к некоторым ошибкам и не позволило избежать «двусмысленности и тривиальности».

Потребность в таком труде в наше время весьма настоятельна, и попытка г. Зайончковского может быть приветствована с радостью. Но объять необъятное не под силу даже и такому труженику и горячему почитателю красот нашего церковного богослужения и

глубокому знатоку греческого языка, каким является названный автор. (...) Труд Н.Ч. Зайончковского (...) в своем настоящем виде далек от желательного совершенства и не чужд таких промахов, авторизовать которые именем Св. Синода[,] я полагал бы[,] едва ли удобно<sup>457</sup>.

На основании этого отзыва Святейший Синод в мае 1912 г. отказал Зайончковскому в удовлетворении его прошения. Однако к тому времени переводчик уже был приглашен архиепископом Сергием (Страгородским) к участию в работе Комиссии по исправлению богослужебных книг (членом которой являлся и Дмитриевский), что усилило его позиции. Проявив чрезвычайную настойчивость, Зайончковский все же добился выхода книги в октябре 1912 года, хотя и с измененным заглавием и без желанного грифа «С благословения Св(ятейшего) Синода»<sup>458</sup>, но с более скромным указанием: «От Санкт-Петербургского духовно-цензурного комитета печатать разрешается». Корректуру читал архиепископ Сергей; он же помог Зайончковскому получить разрешение Святейшего Синода.

Задачу своего труда переводчик определил следующим образом:

Да не подумает кто-либо, что мы желали бы молитв, особенно богослужения на русском языке. Боже сохрани! *Херувимская, Свете тихий, Волною морскою, даже Отче наш* и проч. и проч. на русском языке – это нечто такое, что при первых же звуках заставило бы нас бежать из храма (...) Мы настаиваем на том, что русский православный человек должен читать молитвы дома и слушать богослужение в храме непременно на родном нам, высоком, прекрасном церковнославянском языке; но что в то же время каждый русский человек *должен, имеет право* понимать молитвы и богослужение<sup>459</sup>.

В соответствии со своим убеждением, что «подлинник наших молитв и песнопений должен оставаться неприкосновенным и незаменимым»<sup>460</sup>, Зайончковский заведомо сухим и прозаическим стилем своего перевода как будто желал подчеркнуть неприемлемость русского языка для богослужебного употребления. Он последовательно избегал славянизмов, которые, по мнению других переводчиков помогают «держат русский текст на уровне «высокого стиля»», предпочитая поэтичности «чистоту и правильность русского языка»; с другой стороны, неприемлемой для него является и русификация славянского текста. Так, «даже замена привычного нашему уху "*живота*" словом *жизнь*" производит на него «самое неприятное впечатление»<sup>461</sup>.

Предложенный переводчиком подход вызвал противоречивые отклики. В газетах появились хвалебные рецензии. Священник В. Семеновский в «Колоколе» желал книге самого широкого распространения и отмечал, что она будет полезна не только для мирян:

Этим молитвословом с большим успехом воспользуется и наше духовенство, которое прежде всего нуждается в подобных трудах<sup>462</sup>.

Еще более восторженными были оценки рецензента «Нового времени»:

Появление книги – великий праздник! Скольким людям теперь открыта дверь в святую сокровищницу! С этой книги начнется эпоха: сколько людей будут иметь возможность сознательно, проникновенно читать молитвы! И сколько людей полюбят наше богослужение! Православный человек обязан ее иметь<sup>463</sup>.

«Вполне безукоризненным» называл молитвослов Нахимова священник А. Ларин, горячо рекомендовавший книгу законоучителям и всем благочестивым мирянам<sup>464</sup>. «Богословский библиографический листок» тоже отозвался сочувственно, но в более сдержанных выражениях:

Не все частности его перевода бесспорны (...) но мы не берем на себя задачу оценки труда г. Нахимова, предоставляя это лицам, более компетентным. Бесспорным нам представляется одно: труд г. Нахимова, человека искренно верующего, есть первая серьезная попытка передать на русском языке точный смысл и несравненную красоту греческого текста наших молитв, попытка, исполненная с большим знанием дела, с любовью к нашему церковнославянскому тексту, который по возможности им сохраняется, и с искренним желанием принести посильную пользу Церкви. (...) К великому делу, им начинаемому, должен быть приложен соборный разум наших богословов-лингвистов, и

только по долгому и тщательному обсуждению возможно ожидать, чтобы русский текст наших молитв появился в том совершенном виде, какой требуется от него его исключительным религиозным значением<sup>465</sup>.

А вот официоз Синода «ввиду исключительного положения, какое должна занять книга г. Нахимова в нашей церковной литературе» пригласил выступить с ее критическим разбором известного специалиста в области богослужебного языка П.П. Мироносицкого<sup>466</sup>, который ранее уже полемизировал на страницах того же журнала с Нахимовым-Зайончковским по поводу его опытов перевода<sup>467</sup>.

Магистр богословия Мироносицкий не без иронии относился к усилиям «мирянина» (читай: дилетанта) Нахимова:

Даже и у «мирян» жажда ясности от богослужебных песнопений приняла нетерпеливый характер. Мы видим, что в ожидании лучшего «свыше» миряне начинают действовать по принципу «помогай себе сам»<sup>468</sup>.

Это довольно меткая характеристика исторического момента: ожидание каких-либо действий со стороны церковных «верхов» действительно затянулось, а та работа, которая все же велась (прежде всего, деятельность Комиссии по исправлению богослужебных книг), оставалась скрытой от публики. Иронический тон критика встретил резкую отповедь мирянина:

Да, для нас, мирян, понимание молитв и церковных песнопений не менее, если не более важно, чем для духовенства; мы тоже члены Церкви, и нас во много тысяч раз больше, нежели лиц духовных; ни из какой области церковных интересов мы никем не исключены<sup>469</sup>.

В ответ же на справедливые вопрошания то и дело приходится слышать очень почтенную и освященную временем, но для нас, «мирян», совершенно невыносимую формулу: «Сие надлежит понимать духовно и притом двояко»<sup>470</sup>.

Необходимо отметить, что Мироносицкий и сам занимался русскими переложениями богослужебных текстов<sup>471</sup>. Тем не менее, в рецензии на книгу Зайончковского он утверждал, что русские переводы богослужебных песнопений

во многих случаях (...) совсем не нужны. Когда нам перекладывают на русскую речь песнопения, ясные и в церковнославянской, то получается только подстрочник (...) Напротив, в случаях трудных «перевод» является в сущности установлением нового текста, который будет понятен читателю лишь после пространных, большею частью филологических объяснений<sup>472</sup>.

«Страшная, протокольная проза», некрасивость, будничность «рабского перевода-подстрочника», – такие упреки (во многом, пожалуй, справедливые) Мироносицкий адресовал труду Зайончковского, который, по мнению критика, может использоваться «лишь теми лицами, которые совсем не привыкли разбираться в церковнославянском языке»<sup>473</sup>.

Конечно, Мироносицкий, чуткий знаток литургической поэзии, в действительности не столько оспаривал нужду в русских ее переводах, сколько отстаивал преимущество собственного подхода к этому делу. Действительно, его переводы, тщательно отделанные в литературном отношении, ритмичные и уснащенные славянизмами, обладают самостоятельной ценностью и годились бы даже для литургического употребления<sup>474</sup>. Быть может, однако, он недооценивал многочисленность тех, кто «совсем не привык разбираться в церковнославянском». Зайончковский же, совсем не помышляя о создании достойной замены славянскому тексту, художественностью пожертвовал изначально. Он стремился «лишь дать ключ к пониманию подлинника», подобно тому, как это делают на уроках объяснительного чтения<sup>475</sup>. «Что делать, если мы не поэты? – оправдывался переводчик. – Да, сперва истолкуем, а наши преемники истолкованное (понятное), несомненно, облекут в литературно-художественную форму»<sup>476</sup>.

Острые выпады рецензента были связаны также с интерпретацией ряда «темных» мест богослужебного текста – таких, как *Известно спасется еже по образу... Столп злобы богопротивным, ирмосы Крест начертав Моисей... Любити убо нам... и Морский пучинородный китов внутренний огонь...* (6 ирмос канона Успения). Всего Мироносицкий

сделал 10 «крупных» и 15 «мелких» поправок к переводу Нахимова-Зайончковского. Переводчик нехотя признал справедливыми «лишь 1½» крупных и не более 4 мелких замечаний, причем ответ свой выдержал в не менее резких тонах<sup>477</sup>. Этим дело не кончилось: последовала новая порция критики Мироносицкого<sup>478</sup>, вызвавшая новые возражения переводчика, наконец-то озаглавленные «Несколько последних слов г. П. Мироносицкому»<sup>479</sup>, причем на этот раз в желчную полемику, разразившуюся на страницах синодского журнала, втянулась и редакция, снабдившая заметку своими примечаниями.

В позднейшей исследовательской литературе также встречаются разноречивые оценки работы Зайончковского: Б.И. Сове считал, что его переводы выполнены «не всегда удачно»<sup>480</sup>; специалисты по церковнославянской филологии А.Г. Кравецкий и А.А. Плетнева видят в молитвослове Нахимова «наиболее серьезные опыты перевода богослужебных текстов на русский язык»<sup>481</sup>. Не входя в филологическую оценку этого труда, обратим внимание на церковно-общественное значение оживленной дискуссии, связанной с выходом книги. Она во многом способствовала обнаружению:

- трудности понимания существующего славянского перевода богослужебных текстов не только для рядовых посетителей храма, но и для образованных знатоков славянского и греческого языков;
- проблем перевода литургических текстов на русский язык, связанных как с выявлением смысла, так и с установлением стилистического соответствия.

Доколе славянский язык остается основным языком нашего богослужения, дотоле будет существовать нужда и в изъяснительных изданиях церковных песнопений и молитвословий с переводом их на русский язык. Ощущается такая нужда (не вполне удовлетворенная существующими изданиями) и в наше время. Возможно, наилучшие по качеству из таких параллельных русских текстов со временем окажутся пригодными и для литургического употребления.

## Глава 4. Исправление богослужебных книг

В главе 2-й мы рассматривали дискуссию о языке богослужения главным образом в аспекте спора «славянский или русский». Как уже упоминалось (см. выше, с. 90), большинство тех участников дискуссии, которых мы условно называли «консерваторами», считали необходимым полное или частичное исправление существующего текста богослужебных книг. На предложениях такого рода, а в особенности на практических мероприятиях церковной власти в этой области, предпринятых в предсоборный период, мы подробнее остановимся в настоящей главе.

Известно, что необходимость исправления, а то и нового перевода богослужебных книг признавали многие русские церковные деятели XIX века. В их числе – святители Феофан Затворник и Иннокентий Московский, епископ Екатеринославский Августин (Гуляницкий), протоиереи Александр Невоструев, Тарасий Серединский, Михаил Боголюбский, Сергий Смирнов, профессор МДА А.П. Голубцов и другие<sup>482</sup>. Предпринимались и практические шаги к исправлению книг со стороны Высшей церковной власти – но столь вяло и нерешительно (ввиду настороженного отношения консервативной части иерархии и верующих), что многолетняя деятельность Комитета, учрежденного в Москве святителем Иннокентием в 1869 году, а потом Особой комиссии в Санкт-Петербурге (1881–1885) не увенчалась заметными результатами (см. выше, с. 85). Продолжительные труды частных лиц по выявлению мест, нуждающихся в исправлении (о. А. Невоструева) или по созданию новых церковнославянских переводов (епископ Августин<sup>483</sup>) не получили никакого официального церковного отклика и потому фактически были похоронены.

Кроме того, даже среди сторонников исправления отсутствовала ясность относительно программы книжной sprawy. Протоиерей Невоструев видел главную задачу исправления в устранении ошибок перевода с греческого подлинника. Епископ Августин и одобливший его переводы святитель Феофан больше думали о повышении удобопонятности славянского текста для русского богомольца за счет упрощения и некоторой русификации синтаксиса, удаления «устарелых» слов, то есть не находящих параллелей в русской лексике или имеющих в русском языке другое значение. Н.И. Ильминский, напротив, считал желательным возвращение к древнейшим формам славянского языка, восходящим ко временам святых Кирилла и Мефодия.

В начале XX века дискуссия о книжной справе получила новый импульс в связи с началом подготовки Собора.

## Обсуждение вопроса в печати

## До «отзывов епархиальных архиереев»

Самыми заметными публикациями, появившимися еще до начала собственно предсоборного периода, были статьи о. Иакова Извекова, М.В. Добронравова и протоиерея Димитрия Мегорского, которые стремились привлечь внимание церковной общественности к неудовлетворительному состоянию текста богослужебных книг.

Извеков, ссылаясь на программную статью епископа Августина<sup>1</sup>, вполне соглашался с предложенной в ней программой исправления перевода богослужебных книг (замена архаичных слов, отказ от «неприятного смешения греческого синтаксиса с славянскими оборотами речи и даже преобладания первого» и устранение многочисленных неточностей, искажающих смысл перевода) и призывал поскорее приступить к новой книжной справе, предлагая и некоторые образцы возможных исправлений<sup>2</sup>.

В опубликованной анонимно год спустя статье преподавателя Харьковской духовной семинарии М.В. Добронравова также повторялись ссылки на епископа Августина и Феофана Затворника и предлагалась методика книжного исправления, в общих чертах схожая с извековской:

1 *Августин, еп.*

2 *Извеков. Неотложное дело.* В статьях 1902 года о. Извеков выступал только за исправление славянского перевода; позднее он предлагал допустить в богослужение и русские переводы наиболее трудных для понимания текстов (см. выше, с. 115).

1) исправить ошибки перевода с греческого;

2) «чисто славянские слова, редко встречающиеся и потому непонятные нам, а также и слова, употребляющиеся у нас, русских, в ином значении, чем в славянском языке, можно заменить синонимическими словами, общими русскому и славянскому языку и для нас понятными»;

3) «несколько изменить расположение слов в церковном тексте, сообразно с русской конструкцией речи»;

4) в некоторых местах заменить двойной винительный и двойной именительный творительным падежом;

5) полные и краткие прилагательные выбирать вне зависимости от наличия члена в греческом оригинале;

6) дательный самостоятельный в некоторых случаях передавать придаточным предложением;

7) повсеместно опустить местоимения *иже, яже, елее* в значении греческого члена<sup>484</sup>.

Программу Добронравова можно назвать некоторым синтезом воззрений епископа Августина и Н.И. Ильминского. У последнего был позаимствован тезис о замене церковнославянских слов и форм русскими как «порче» славянского языка, который, будучи языком мертвым «не допускает в себе каких-либо особенных изменений, сравнительно с его прежним видом». Августин иногда допускал подобную правку. По мнению Добронравова, слова, нововведенные епископом Екатеринославским в церковнославянский язык (например, замены *вредныя увечным, работа рабство, удобрение украшение, преимущ превосходящ, ум разумение* и т.п.), должны восприниматься как «руссизмы, имеющие право существовать в церковнославянском языке не в большей степени, чем барбаризмы», к каковым он относит греческие слова (*есмирнисмено вино, иматисма, сударь, епендит*). Практической реализацией этой программы стала серия исправленных переводов, опубликованных Добронравовым в 1903–1910 гг.<sup>485</sup> К сожалению, эти тексты, как и переводы Августина, не стали предметом широкого обсуждения<sup>486</sup>. Церковная власть никак не откликнулась на их появление.

В 1904 г. была опубликована статья о. Д. Мегорского, в которой автор пытался убедить церковную общественность в необходимости «сознаться, «гордость всякую отложше», что в этих [славянских богослужебных. – Н.Б.] книгах не все обстоит благополучно»<sup>487</sup>. Аргументы в основном совпадали с доводами Извекова и Добронравова. Длинный список ошибочно

переведенных или не поддающихся уразумению мест из богослужебных книг и прежде всего из Постной Триоди завершался словами:

Представленного материала, думаем, вполне достаточно, чтобы прийти к тому заключению, что пересмотр и исправление нашей Постной Триоди – дело неотложное и пренеобходимое!<sup>488</sup>

Статья не осталась незамеченной. Между прочим, высказанное в ней замечание о смысле Херувимской песни – что глагол *δουροφέρω* означает вовсе не *носить на копье* (копьях), но *ходить (охранять, сопровождать) с копьем*, а потому как само слово *дориносимый*, так и его расхожее толкование (про воинов, которые будто бы поднимали на копьях и щите императора) являют яркий пример вкравшейся по недоразумению нелепицы<sup>489</sup> – облетело страницы многих духовных журналов и послужило причиной немалого конфуза для законоучителей<sup>490</sup>.

В 1905 г., в ходе дискуссии о предстоящем Соборе, публикации в пользу исправления богослужебных книг, естественно, активизируются. Выдающийся петербургский миссионер, создатель Александро-Невского общества трезвости священник Александр Васильевич Рождественский (1872–1905) заявил на страницах редактируемого им журнала:

Большое горе Православной Церкви заключается и в том, что до сих пор мы принуждены петь каноны, стихиры и другие церковные песнопения в таком дурном славянском переводе, что большинство молящихся ничего не понимает. Надо исправить текст, приблизить его к пониманию молящихся<sup>491</sup>.

Сочувственные отзывы критики встретила опубликованная в 1905 г. под псевдонимом *София Благодушная* повесть «Как он пошел в народ»<sup>492</sup>. Слабая в художественном отношении, книга, однако, привлекла внимание читателей благодаря тем рассуждениям о церковных реформах, которые автор вложил в уста главного героя повести псаломщика Андрея Одинокого. Затронут здесь и вопрос о богослужебных книгах:

Наше богослужение слабо действует на народ. (...) Прежде всего (...) тут играет роль то обстоятельство, что наши богослужебные книги заключают в себе много слов и выражений, не только непонятных народу, но непонятных нам самим, церковнослужителям. (...) Если мы многих выражений не понимаем, то каково же верующему народу слушать все это? Ведь подумайте только, что значит стоять в церкви и не понимать больше половины того, что там говорится! Неудивительно, что народ скучает в церкви. (...) Но зачем же никто не исправит наших богослужебных книг? Почему Церковь наша, российская, так долго держит этот вопрос под спудом? (...) Неужели нельзя поручить это дело нашим духовным академиям или правщикам при синодальных типографиях (...)? Сколько столетий нам еще придется ждать ясного и понятного для всех богослужения? (...) Ведь мы таким образом теряем интеллигенцию, теряем наиболее размышляющих людей из народа<sup>493</sup>.



## «Отзывы епархиальных архиереев» и продолжение дискуссии в 1906 году

Особый интерес представляют суждения об исправлении богослужебных книг, напечатанные в 1906 г. в составе четырехтомного собрания *Отзывов епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе*<sup>494</sup>.

Наиболее подробную программу действий предложил епископ Нижегородский Назарий, для убедительности поместивший в своем отзыве пространный перечень не поддающихся разумению или неверно переведенных мест из наших богослужебных книг. Далее владыка писал:

После патриарха Никона, книжные исправления которого кончились так печально для Русской Церкви, дело книжной sprawy как будто совсем упразднено; по крайней мере, об нем никому ничего не известно. Да и на деле видно, что нет ныне организованной sprawy. Правда, замечаются исправления в некоторых новых изданиях; но видно, что они делаются случайно, по чьему-то личному усмотрению и произволу, без определенного плана и системы и весьма разнообразно. Такими исправлениями церковно-богослужебные книги не улучшаются, а несходство их все более и более увеличивается.

Ввиду всего изложенного, признается настоятельно необходимым безотлагательно организовать дело исправления церковно-богослужебных книг, поставив его на широких и свободных научных началах и вверив ученым профессорам, пастырям Церкви и просвещенным благочестивым мирянам. Исправления эти должны иметь ту главную цель, чтобы церковно-богослужебные книги сделать вполне удобопонятными современному православному русскому народу. Руководясь этой целью, справщики должны совершенно отрешиться от прежнего пристрастия к строю греческой речи и изложить церковные чтения и песнопения применительно к строю и складу современной русской речи, не нарушая, однако, общего склада славянской речи и свойственной ей музыкальности. (...) Справщики едва ли обратят внимание на все то, что подлежит исправлению в церковно-богослужебных книгах со стороны их содержания. Поэтому признается необходимым, чтобы предварительно были опрашиваемы относительно этого предмета приходские священники и чтобы исправления, прежде окончательного утверждения и издания, публиковались для возможной критической проверки обществом<sup>495</sup>.

Следом за *Отзывами* в 1906 г. появился целый ряд публикаций, призывающих безотлагательно приступить к исправлению богослужебных книг<sup>496</sup>. Во многом они служили ответом авторов более консервативного направления на возбуждение в печати и на епархиальных съездах вопроса о литургическом употреблении русского языка. В частности, профессор Н.В. Покровский (см. выше, с. 76) предлагал:

Нужно исправить славянский текст богослужебных книг и устранить его неудобовразумительность там, где это необходимо. Это не будет реформа в строгом смысле слова, а лишь исправление неправильностей и неясностей в языке. (Для этой цели) при нашем центральном духовном управлении должны быть учреждены ученые конгрегации или ученый комитет, заключающий в своем составе представителей всех научных дисциплин, имеющих тесное отношение к церковной жизни<sup>497</sup>.

С подобной инициативой почти одновременно выступил также начальник Архива и Библиотеки Святейшего Синода К.Я. Здравомыслов. Еще в 1902 г. его предшественник на этом посту А.А. Завьялов представил Синоду проект положения об Издательском комитете, который, в частности, занимался бы «постепенным и последовательным исправлением в новых изданиях языка книг Св(ященного) Писания, а затем и книг церковно-богослужебных»<sup>498</sup>. Проект, несомненно, был подготовлен Здравомысловым, который занимал тогда должность архивариуса. В 1906 г. он решил напомнить об этом предложении в анонимной статье, которая была помещена на страницах «Церковных ведомостей». Повторяя содержавшиеся в отчете Архива Святейшего Синода за 1901 г. критические замечания о непоследовательных и несогласованных исправлениях, которые вносятся в текст богослужебных книг типографскими справщиками<sup>499</sup>, Здравомыслов отмечал:

Много говорилось и говорится о малопонятных словах и выражениях в тексте богослужебных книг. Но никогда эти толки так не усиливались, и никогда вопрос о пересмотре текста священных и богослужебных книг не выступал с такою настойчивостью, как теперь. Это и понятно. От церковного Собора все ждут решения и этого важного и назревшего вопроса. Одни предлагают совсем устранить из богослужения славянский язык, заменив его русским; другие рекомендуют только упростить славянский язык, для чего – иначе и более правильно перевести непонятные по прежнему переводу слова и выражения в священных и богослужебных книгах. Так или иначе, а сделать теперь что-нибудь нужно будет<sup>500</sup>.

Критика существующей практики внесения исправлений в богослужебные книги вызвала возражения со стороны заинтересованных лиц. Спустя несколько дней после выхода номера со статьей Здравомыслова в редакцию «Церковных ведомостей» поступила заметка старшего помощника справщика Санкт-Петербургской синодальной типографии (СПбСТ) Д. Соколова «Об издании священных и богослужебных книг по благословию Святейшего Синода»<sup>501</sup>. Следом за ней из Москвы пришла другая заметка, к которой управляющий Московской синодальной типографией С.Д. Войт приложил письмо с требованием немедленной публикации данного ответа<sup>502</sup>. Представители обеих типографий отрицали произвол справщиков и утверждали, что без тщательного контроля со стороны Синода или уполномоченных Синодом лиц никакие поправки в текст не вносятся. В записке, поступившей из МСТ, кроме того, излагалась точка зрения ее управляющего на вопрос исправления богослужебных книг:

Едва ли кто будет оспаривать, что вопрос о пересмотре богослужебных и священных книг – вопрос назревший; совершенно верно, что вопрос этот чрезвычайно важен и требует серьезного, кропотливого и продолжительного труда. (...) Что касается рассуждений об учреждении Комитета для пересмотра священных и богослужебных текстов, то (...) здесь возникают серьезные возражения. Прежде всего, такой Комитет может быть учрежден при Московской синодальной типографии, которая есть колыбель и доселе главнейшее место печатания священных книг. Москва не только имеет на это полное историческое право, но и представляет все удобства для занятий членов этого будущего Комитета. Ее синодальные книгохранилища (типографское и б(ывшее) Патриаршее) заключают в себе наиболее полное собрание книг старопечатных и, что всего важнее, в них хранятся корректурные экземпляры этих изданий и древние греческие богослужебные рукописи. Будущий Комитет не должен играть роли и даже должен совершенно отказаться от мысли преобразоваться в какое-то главное управление по делам духовной печати. Его единственная задача – пересмотреть все книги библейские и богослужебные и произвести в них необходимые исправления, на основании древних памятников, старопечатных книг и новейших трудов по изучению церковно-библейской истории и археологии. Возлагать же на Комитет какое-то предварительное рассмотрение книг, подлежащих печатанию «по благословию Святейшего Синода», значит бесполезно тормозить и усложнять его занятия и вносить в живое дело мертвый формализм. И за это типографии должны еще взять на себя бремя ежегодного вознаграждения неограниченного количества членов Комитета.

Мотивы С.Д. Войта очевидны: он прежде всего стремился оградить от критики подведомственное ему учреждение и не допустить образования нового органа, который мог бы в чем-то ограничивать его самостоятельность. Комитет по исправлению книг, считал он, вообще-то можно учредить, но ни в коем случае не *над* Синодальной типографией, а *при* ней, то есть под контролем ее руководства. Забегая вперед, отметим, что те же соображения и в дальнейшем определяли отношение управляющего МСТ к делу книжной sprawy. Однако решающего значения позиция Войта уже не имела: прошли те времена, когда он мог опираться, по его собственным словам, на «постоянное, неограниченное доверие и поддержку К.П. Победоносцева»<sup>503</sup>.

Ни записка Соколова, ни опровержение из МСТ не были опубликованы в «Церковных ведомостях». Сохранились лишь черновые заметки Здравомыслова к ответу на эти критические отклики:

Возвращаемая статья (...) ровно ничего не говорит о необходимости общего пересмотра текста всех священных и богослужебных книг. Между тем этот-то вопрос и стоит теперь перед собором русской церкви. Справиться с этим великим и неотложным делом только и может целое общество ученых, литургистов, филологов и др(угих) специалистов, об организации которого главным образом и говорится в статье № 11-го. (...) Для этого необходим ученый издательский Комитет в Петербурге или в Москве – это безразлично. (...) Помогите двинуть дело общего пересмотра текста всех священных и богослужебных книг и организовать его, – это единогласная просьба и желание всех верующих, это необходимо для блага церкви и для общенародного просвещения<sup>504</sup>.

Вслед за Извековым, Добронравовым и Мегорским, другие авторы также начали выступать с конкретными предложениями по исправлению погрешностей славянского перевода. Например, известный филолог-классик, профессор Московского университета С.И.Соболевский (1864–1963) указывал в 1906 году, что невразумительное диаконское возглашение «премудростию вонмем» представляет собою неверный перевод греческого ἐν σοφίᾳ πρόσχωμεν – нужно: «*премудрости* вонмем»<sup>505</sup>. В том же году крупнейший церковный историк академик Е.Е. Голубинский (1834–1912) отпечатал на свои средства 100 экземпляров брошюры «К вопросу о церковной реформе»<sup>506</sup>, в которой предлагал, в числе прочего, исправить хотя бы «бросающиеся в глаза частности» в богослужебных книгах, пока не будет предпринят их всеобъемлющий пересмотр (необходимый, с точки зрения автора). Вот некоторые замечания Голубинского:

Ектении диаконские начинаются выражением: «Миром Господу помолимся», – и это «миром» есть собственно бессмыслица, ибо слово «мир» значит тут не общество людей, а согласие, любовь. По-гречески: ἐν εἰρήνῃ τοῦ Κυρίου δεηθῶμεν, и по-русски должно быть: «В мире Господу помолимся» (то есть в мире, в любви между собой...).

Вместо «благодарим Господа» нужно «возблагодарим Господа», ибо по-гречески: Εὐχαριστήσωμεν τῷ Κυρίῳ. (...) «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся» – нужно: «Твоя от Твоих Тебе приносим всецело (всесовершенно; διὰ πάντα = διαπάντος) и за все. (По-гречески: Τὰ σὰ ἐκ τῶν σῶν σοὶ προσφέρωμεν κατὰ πάντα καὶ διὰ πάντα). (...) «Возлюбим друг друга...» нужно: «Облобызаем друг друга» (ἀγαπήσωμεν ἀλλήλους).

В пасхальном светильне: «Плотию уснув яко мертв» слово «мертв» опять представляет бессмыслицу, ибо выходит: плотию умерши как мертвый, нужно: «плотию уснув яко смертен» (по-гречески: ὡς θνητός)<sup>507</sup>.

Из других частных инициатив можно отметить систему упорядочения орфографии богослужебных книг, разработанную священником Н.А. Романским<sup>508</sup>, и поправки к «похвалам» Великой Субботы, предложенные А. Зверевым<sup>509</sup>.



## Предыстория

У истоков создания Комиссии стоят труды уже упоминавшегося выше настоятеля столичной Входеоерусалимской Знаменской церкви, а с 1904 г. – Казанского собора протоиерея Димитрия Тимофеевича Мегорского (1841–1909), много лет преподававшего греческий язык в Санкт-Петербургской духовной семинарии<sup>511</sup>.

Настоятельство, преподавание и активная деятельность в области церковной благотворительности не помешали ему посвящать долгие часы кропотливому труду по сличению славянского и греческого текста богослужебных книг. Возможно, именно желание продолжать этот труд побуждало о. Мегорского дважды просить епархиальное начальство об освобождении его от обязанностей благочинного и долгое время отказываться от престижного и выгодного назначения настоятелем Казанского собора<sup>512</sup>.

24 октября 1903 г. протоиерей Димитрий обратился к митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию (Вадковскому) с запиской о неудовлетворительном состоянии текста богослужебных книг. Приведенные здесь примеры в которой приводились примеры разнообразных погрешностей славянского перевода<sup>513</sup> во многом совпадали с теми, что перечислены в уже цитированной статье Мегорского (см. выше, с. 186). К записке была приложена 20-страничная тетрадь с перечнем ошибок, обнаруженных в первой половине Постной Триоди (до пятой недели Великого поста). При помощи специальной системы обозначений о. Димитрий выделял:

1) «слова, исправление которых могло бы быть произведено в самом тексте» (в эту группу вошли наиболее грубые погрешности);

2) слова, которые «неудобно исправлять в тексте» – предлагалась поправка «на брезе» (т.е. на полях) или внизу страницы;

3) «слова, подлежащие исключению» и

4) слова, которые «могли бы пока остаться без исправления».

Многочисленные погрешности в передаче глагольных форм, как отмечал податель записки, большей частью были оставлены без указания<sup>514</sup>. Доклад Мегорского заканчивался словами: «Прилагаемый при сем в особой тетради скорбный список погрешностей, замеченных в нашем славянском Триодионе, может быть много продолжен, если на то воспоследует соизволение Вашего Высокопреосвященства»<sup>515</sup>.

Владыка Антоний благословил продолжение работы, а рукопись о. Димитрия 31 декабря с приложением собственного рапорта направил на рассмотрение в Синод<sup>516</sup>, который два месяца спустя принял следующее определение:

Признавая предпринятый протоиереем Знаменской церкви гор. Санкт-Петербурга Димитрием Мегорским труд по сличению славянского и греческого текстов церковно-богослужебных книг полезным, Святейший Синод определяет: преподать протоиерею Мегорскому благословение на продолжение начатого труда, а представленную им рукопись передать на рассмотрение заслуженному профессору Санкт-Петербургской Духовной Академии Ловягину<sup>517</sup>.

Тем временем Мегорский представил митрополиту и вторую тетрадь на 24 страницах с указанием погрешностей в оставшейся части Триоди<sup>518</sup>. Поэтому профессор греческого языка Евграф Иванович Ловягин (1822–1909), известный переводчик на русский язык богослужебных канонов и литургийных текстов<sup>519</sup>, в своем донесении правлению СПбДА от 14 апреля 1904 г. анализировал уже обе рукописи:

Изречения славянского текста Триоди, выписанные о. Протоиереем в двух тетрадях, действительно требуют исправления, потому что они неудобопонятны по своей устарелости или ошибочны по неисправности перевода с греческого языка или по несообразности со смыслом песнопений, или по типографским опечаткам; объяснения о. Протоиерея (...) вообще правильны и показывают опытность его в этом деле.

Однако у Ловягина вызвала возражения предложенная о. Димитрием система маргинальных поправок, которая, по справедливому замечанию профессора,

по крайней мере бесполезна; в богослужебной книге, употребляемой в церкви, чтец никогда не будет читать этих дополнительных слов, которые только пестрили бы страницы книги, а молящийся слушатель никогда не услышит их.

Кроме того, Ловягин указывал, что в материалах для исправления Мегорский подчас приводил от двух до четырех синонимических вариантов.

Это доказывает, что для одного человека трудно избрать подлежащее выражение из многих синонимов или взять на себя ответственность за удачный выбор такого выражения; для этого дела следует составить Комитет из лиц опытных и знающих греческий и церковнославянский языки, который по общему согласию своих членов избрал бы для замены прежнего слово самое точное, удобопонятное, не из числа слов новейшей русской словесности, а соответственно характеру церковнославянских песнопений. (...) Тот же Комитет мог бы собрать большее количество греческих изданий богослужебных книг (...) и таким образом в исправленной Триоди сохранилась бы целостность ее древнего перевода<sup>520</sup>.

7 мая тетради Мегорского вместе с отзывом Ловягина были вновь представлены на благоусмотрение Синода<sup>521</sup>.

В том же месяце о. Димитрий доставил митрополиту Антонию свой новый труд – замечания на Пентикостарион, составленные по аналогичному образцу<sup>522</sup>. Прележав полгода в канцелярии Синода, эта тетрадь также была направлена на отзыв Ловягину. Второе донесение профессора, в котором повторялись ранее высказанные оценки и предложения, поступило в синодальную канцелярию 17 января 1905 г., после чего рассмотрение дела приостановилось на два года<sup>523</sup>. Возможно, отложить его в сторону заставили революционные события и возбуждение вопроса о созыве Собора.

## Начало работы

К началу 1907 г. были закончены подготовительные труды Предсоборного Присутствия, но Собор за этим, как известно, не последовал. Теперь появилась возможность вернуться к рассмотрению приостановленного дела о книжной справе. Публичная дискуссия 1905–1906 гг. не оставляла сомнений в своевременности этого начинания. По-видимому, нужда «двинуть дело», о которой незадолго до этого писал Здравомыслов<sup>524</sup>, была уже осознана членами Святейшего Синода, что и выразилось в определении от 15 февраля – 2 марта 1907 г.:

Признавая предпринятый протоиереем Мегорским труд исправления богослужебных книг отвечающим потребностям времени, а предложенный профессором Ловягиным порядок его исполнения правильным, Святейший Синод определяет:

1) образовать под председательством *Преосвященного Финляндского* Комиссию в составе членов: Тайного Советника Евграфа Ловягина, протоиерея Димитрия Мегорского, профессора С(анкт-)Петербургской Духовной Академии статского советника Николая Глубоковского и справщика С(анкт-)Петербургской Синодальной Типографии коллежского советника Николая Чуриловского, с предоставлением *Преосвященному Председателю* в случае надобности приглашать в эту Комиссию сведущих лиц по своему усмотрению, и

2) поручить сей Комиссии рассмотреть представленные протоиереем Мегорским рукописи и свое заключение, с возвращением рукописей, представить Святейшему Синоду<sup>525</sup>.

Отметим, что Синод приведенным определением создавал, собственно, комиссию *ad hoc* по рассмотрению рукописей о. Д. Мегорского, а не постоянную *Комиссию по исправлению [славянского текста] богослужебных книг*, как стали называть ее позднее. Такое наименование, подразумевающее расширение компетенции, впервые появляется в заглавии первого доклада Святейшему Синоду, подготовленного Комиссией в конце 1907 г. В исходящих же от Синода документах новое название Комиссии встречается лишь начиная с 1909 г.<sup>526</sup> В статье известного церковно-общественного деятеля А.А. Папкова, которая была напечатана в официальном органе Синода в сентябре 1907 г. и стала первым публичным упоминанием о деятельности Комиссии, последняя именуется «временным учреждением для пересмотра и исправления некоторых из наших богослужебных книг»<sup>527</sup>.

Из уже упоминавшегося доклада, датированного 18 декабря 1907 г., известно, что Комиссия приступила к работе 27 марта, и, заседавшая трижды в неделю (с перерывом на три летних месяца), к концу года в основном завершила пересмотр и исправление текста Постной Триоди. Е.И. Ловягин, к тому времени уже 85-летний, судя по отчету, не принимал участия в заседаниях. Зато архиепископ Сергей, воспользовавшись предоставленным ему правом, привлек к работе ряд других ученых. Таким образом, постоянными участниками заседаний Комиссии в 1907 г. были: протоиерей **Димитрий Тимофеевич Мегорский**; профессор СПбДА **Николай Никанорович Глубоковский** (1863–1937)<sup>528</sup>; справщик СПбСТ **Николай Фавстович Чуриловский**<sup>529</sup>; начальник Архива и Библиотеки Святейшего Синода **Константин Яковлевич Здравомыслов** (1863–1933)<sup>530</sup>; помощник библиотекаря Императорской Публичной библиотеки **Хрисанф Мефодьевич Лопарев** (1862–1918)<sup>531</sup>; исправляющий должность доцента СПбДА по кафедре литургики **Иван Алексеевич Карабинов** (1878–ок. 1932)<sup>532</sup>.

Кроме указанных лиц, в трудах Комиссии в 1907 г. принимали участие: академики **Алексей Иванович Соболевский** (1856–1929) и **Василий Васильевич Латышев** (1855–1921); профессора СПбДА **Иван Евсеевич Евсеев** (1868–1921), **Дмитрий Иванович Абрамович** (1873–1955)<sup>533</sup> и **Владимир Николаевич Бенешевич** (1874–1938)<sup>534</sup>; член Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета архимандрит **Мефодий** (Великанов, 1852–1914)<sup>535</sup>; заведующий богословским отделением Императорской Публичной библиотеки **Афанасий Иванович Пападопуло-Керамевс** (1856–1912)<sup>536</sup>, а также (в самом

конце года) уволившийся от академической службы и переехавший на жительство в Петербург **Алексей Афанасьевич Дмитриевский** (1856–1929)<sup>537</sup>.

В докладе от 18 декабря 1907 г., который был подписан всеми постоянными участниками заседаний, кроме о. Димитрия Мегорского<sup>538</sup>, содержится развернутое изложение задач Комиссии в понимании ее председателя и членов, а также текстологических и редакторских принципов, положенных в основу труда справщиков<sup>539</sup>:

О характере работ Комиссии нужно сказать следующее:

1. Созванная не для нового перевода богослужебных книг, а лишь для исправления существующего, Комиссия считала себя свободной от задачи: предварительно критическим путем установить подлинный текст богослужебных книг, что потребовало бы весьма сложной научной работы, сличения разных греческих рукописей и т.п. Комиссия видела пред собою гораздо более скромную задачу: исправить принятый в богослужебную практику нашей Церкви церковнославянский (Никоновский) перевод, устранить его неточности и ошибки, а главным образом, сделать его возможно понятным не только для читающего (для него наш перевод и теперь почти везде понятен), но и для слушающего. Для этой же цели представлялось вполне достаточным сличить наши богослужебные книги с существующими печатными греческими, что Комиссия и делала, пользуясь для Постной Триоди венецианскими изданиями 1768, 1839 и 1901 годов; униатскими *Римским* 1879 и *Болонским* 1724 годов; и для Страстной Седмицы Константинопольским патриаршим изданием 1906 года и «*Чином*» по рукописи Иерусалимской библиотеки (по изд(анию) Керамевса СПб. 1894 г.) Под руками Комиссии были также старопечатные Триоди патриархов Иова (1589 г.), Гермогена и Иосифа (1648 г.); киевские митр(ополита) Петра Могилы 1640 и 1631 г., рукописные славянские: XII века с нотами № 423 из Моск(овской) Синодальной Библиотеки; XV и XVI веков из Библиотеки Архива Св(ятейшего) Синода. [Старые славянские переводы были особенно полезны в тех случаях, когда приходилось подыскивать более понятный оборот или слово для замены иногда слишком еллинистующего принятого у нас перевода.] В некоторых же случаях Комиссия чрез своих членов (А.И. Соболевского, К.Я. Здравомыслова, Х.М. Лопарева и др.) обращалась за справками и к древним греческим рукописям, хранящимся в библиотеках Публичной и Академии наук, а также и в Москву в Синодальную типографию.

2. При сличении разных текстов основным всегда считался принятый у нас Никоновский, и от него Комиссия позволяла себе отступать в пользу греческого лишь тогда, когда были основания предполагать недосмотр или неточность, и из греческих редакций давала предпочтение всегда той, которая совпадает с нашим текстом. Иногда этот последний предпочитался даже согласному указанию всех греческих изданий: это – там, где он находил себе столь же согласную поддержку в славянских рукописях и старопечатных изданиях (особенно одновременную и в московских, и в киевском) и где были все основания предполагать в славянском тексте особую редакцию, может быть столь же авторитетную, как и те, на которых основаны греческие издания. В исключительных же, очень редких случаях отдавалось предпочтение старому переводу не только пред греческими, но и пред принятым нашим переводом, когда старое чтение явно имело на своей стороне и логику, и естественный контекст речи. Напр(имер), 38-й стих Похвал на Непорочнах в Великую Субботу: «Якоже лев, Спасе, уснув плотию, яко некий скимен **мертв** возстаеши, отложив старость плотскую». Здесь слово "**мертв**" заменено словом "**млад**", как в старых славянских изданиях. Несомненно, здесь более уместно прежнее чтение и по противоположению «старости», и по естественному ходу речи (возстаеши мертв...).

3. Непонятность текста наших богослужебных книг зависит, не считая присутствия в нем некоторых уже архаических оборотов и выражений, главным образом, от излишней буквальности перевода. Невыгодно для себя отличаясь в этом отношении от переводчиков древних, умевших, не боясь отступить от буквы, с замечательным искусством чистой славянской речью передавать иногда самые тонкие извороты и идиотизмы (идиомы. – Н.Б.) греческой речи, – наши новые переводчики задались целью передать греческий текст так, как он стоит, со всеми его особыми оборотами и даже с расположением слов, которое в



стихотворных греческих канонах, по требованию стиха, бывает весьма произвольно. Этим буквализмом объясняется и появление в нашем богослужебном тексте новых искусственно сочиненных слов, которые, с фотографической точностью воспроизводя греческие слова, в то же время или не дают *никакого* ясного представления на славянском языке, или же выражают совсем не то, что хочет сказать греческое слово. Напр(имер), известное: «Самоистукан бех» (в старых: «Кумира ся себе сотворих»); «Странствия Владычня» (учреждения или угощения Владычня); благоутробие (вм(есто) милосердие), не кому (уже не) и т.п. Соответственно этому, стремясь сделать наш богослужебный текст возможно более понятным, Комиссия старалась удалять из текста слова и предложения архаические («обращение», «оляденевший») и искусственно сочиненные с греческого; заменяла прямой речью такие обороты, как винительный с неопределенным, родительный самостоятельный; наконец, наиболее широко пользовалась случаем, не заменяя слов, изменить их расстановку. Особенно часто применялся последний прием в читаемых, а не поемых частях богослужения (тропари канонов, седальны и пр(очие)). Там, где в богослужебном тексте встречалось выражение, заимствованное из Св(ященного) Писания, особенно из Нового Завета, Комиссия обыкновенно старалась, по возможности, буквально повторить евангельский и вообще библейский текст. Поэтому, напр(имер), молитва мытаря, систематически передаваемая в наших богослужебных книгах как: «Боже, очисти мя грешного», Комиссией проектирована согласно принятому евангельскому славянскому тексту: «Боже, милостив буди ми грешному». Чем вернее в богослужебных книгах будут воспроизводиться библейские слова и выражения, тем прочнее будет ассоциация в уме слушателя и тем понятнее для него будет то или другое место богослужебной песни или тропаря.

4. В тех же видах сделать наш богослужебный текст наиболее понятным, проф. А.А. Дмитриевский возбудил вопрос, нельзя ли в наших богослужебных книгах ввести обычную, а не славянскую пунктуацию (т.е. знаки ? / и пр(очие)) или, по крайней мере, расставить знаки препинания соответственно смыслу речи. Теперешняя наша пунктуация часто воспроизводит греческую, имевшую целью отметить лишь стихотворные строки, и, конечно, иногда может скорее затемнить речь, чем облегчить ее понимание. Вполне присоединяясь к мысли о необходимости обратить должное внимание на расстановку знаков препинания в наших богослужебных книгах, как на одно из средств к правильному пониманию их смысла, а отсюда к правильному чтению и пению, Комиссия решила вопрос о введении русской пунктуации представить на рассмотрение Высшей церковной власти, полагая, что если такое введение признано будет желательным, то его может сделать легко сама типография при печатании.

5. Комиссией рассмотрен и исправлен текст всей Постной Триоди. Остались неисправленными лишь следующие части:

а. Каноны *на утрени 1-й в Неделю 2-ю Вел(икого) Поста*, на повечерии в Неделю православия, в Вел(икие) Четверг и Пятницу, п(отому) ч(то) ни в греческих, ни в славянских триодях прежних редакций, *доступных Комиссии*, этих канонов не оказалось.

б. **Все синаксари.** По мнению Комиссии, синаксари не представляют из себя в собственном смысле богослужебного текста. Это лишь просто назидательное чтение, подобное чтению толкового Евангелия, проповедей и т.п. Нет особенной цели, ни оснований удерживать для синаксарей славянского языка, а прямо перевести их на современный русский (может быть, в некоторых местах переделав их) и издать в виде особой книжки *или печатать в виде приложения к Триоди и славянским шрифтом*. Тогда, может быть, само собой восстановилось бы чтение синаксарей за богослужением (почти всюду забытое) и приносило бы слушающим несомненную пользу. Некоторым прецедентом для нас мог бы служить пример Петра Могилы, в Триоди которого синаксари все переведены на местный западно-русский говор.

в. **Тексты, целиком взятые из Св(ященного) Писания, как-то псалмы, паремии, прокимны.** Дело в том, что текст Св(ященного) Писания, употребляемый в наших богослужебных книгах, значительно разнится от текста обычной нашей славянской Библии[

приближаясь более к Лукиановской редакции<sup>540</sup>]. В некоторых местах богослужебный текст распространеннее, в других сокращеннее издаваемого Святейшим Синодом. Ввиду этого, прежде чем приступить к какому-либо исправлению библейского текста в богослужебных книгах, необходимо решить принципиальный вопрос, которая из двух редакций: синодальная или богослужебная заслуживает наибольшего уважения и должна быть положена в основу всяких исправлений. Притом, исправления эти должны уже *тогда* простираться не одни богослужебные книги, но и на славянскую Библию, *так как* существование на практике двух славянских текстов, несомненно, очень неудобно во многих отношениях. Конечно, решение этого принципиального вопроса требует многолетней и весьма сложной работы, но нового издания богослужебных книг задерживать оно не должно. Все библейские тексты могут быть вынесены в особые книги (паримийники, псалтири и пр(очие)); богослужебные же тексты в собственном смысле могут издаваться независимо от них.

[6. Наконец, Комиссия [по инициативе] ввиду частного мнения профессора А.А. Дмитриевского представляет на благоусмотрение Высшей церковной власти вопрос, не благовременен ли, вместе с изданием нового перевода Постной Триоди, восстановить и древнее деление двух Триодей. Постная Триодь прежде кончалась пятком шестой седмицы, когда, действительно, и поется: «Душеполезную совершивше четыредесятницу», Цветная же начиналась с субботы Лазаревой и недели Цветоносной.]

г) **Приложение в конце Триоди** (песни Троицны, седальны из Октоиха, повесть о неседальном, главы Марковы и пр(очее)) как не принадлежащее к составу Триоди. Исправить эти части необходимо одновременно с Октоихом и Типиконом.

Представляя при сем правленный экземпляр Триоди Постной, Комиссия покорнейше просит Святейший Синод указать ей, признаются ли правильными начала, на которых Комиссия вела свой труд, и должна ли она продолжать свои работы в том же духе, приступив теперь же к исправлению Пентикостариона?<sup>541</sup>

Ответа на поставленные вопросы Комиссия ожидала в течение года: Синод не спешил с рассмотрением представленного доклада. Лишь 11–18 декабря 1908 г. было принято синодальное определение, проект которого подготовил председатель Комиссии<sup>542</sup>:

Принятые Комиссией общие начала исправления текста одобрить и благословить ее продолжать свою работу в том же направлении;

пунктуацию оставить прежнего славянского образца, изменив лишь расстановку знаков препинания сообразно смыслу речи;

синаксари оставить на славянском языке, исправив их текст до возможной удобопонятности;

не касаясь пока общего вопроса о сравнительном достоинстве библейского славянского текста Синодального и находящегося в богослужебных книгах, предложить Комиссии исправить библейский текст богослужебных книг так, как он есть, сличив его лишь с богослужебными текстами греческими и старопечатными;

изготовленные Комиссией труды передавать в СПб. Синодальную Типографию для напечатания, предоставив г. Обер-Прокурору указать формат издания и продажную цену его; объявить председателю Комиссии Преосвященному Финляндскому, членам Комиссии и всем принимавшим участие в ее работах благодарность Святейшего Синода за их труды; о чем и послать Преосвященному Финляндскому указ<sup>543</sup>.

Вскоре последовало дополнительное определение Синода от 31 января–3 февраля 1909 г., предписывающее окончательно изготовленные корректурные листы Триоди перед сдачей в типографию представлять на рассмотрение митрополиту Санкт-Петербургскому<sup>544</sup>.

Занятия Комиссии возобновились 21 января 1909 г.; до 27 апреля, когда члены Комиссии разошлись на летние каникулы, состоялось 17 заседаний. Их постоянными участниками, кроме председателя, были Дмитриевский, Здравомыслов, Чуриловский и Лопарев; на двух заседаниях присутствовал также Пападопуло-Керамевс, лишь на одном – Карабинов<sup>545</sup>. О. Димитрий Мегорский скоропостижно скончался 26 января, вернувшись домой после второго в 1909 году заседания Комиссии<sup>546</sup>. Так и не довелось ему ни

подержать в руках издание исправленной Триоди, ни принять личное участие в рассмотрении составленных им замечаний к переводу Пентикостариона. Зима 1909 года ушла на исправление синаксарей Триоди, в храмах практически не читавшихся.

18 апреля 1909 г. архиепископ Сергей обратился в Святейший Синод с представлением, в котором – несомненно, по настоянию И.Е. Евсеева<sup>547</sup> – вновь поставил вопрос о паримийном тексте Постной Триоди. Дело в том, что подготовленное самим же архиепископом Сергием и принятое Синодом определение от 11–18 декабря 1908 г. содержало в себе противоречие. С одной стороны, паримийный текст предлагалось исправить «так, как он есть» – стало быть, сохранить внесенные после 1672 г. изменения, сделанные под влиянием «четьей» редакции, зафиксированной в Московской Библии 1663 г. С другой же стороны, при исправлении было рекомендовано сличать паримийный текст «с богослужебными текстами греческими и старопечатными», основанными на иной редакции. Надо было сделать выбор: либо возвратить «прежнюю богослужебную редакцию паримийного текста, что поставило бы нашу Триодь в полное согласие с греческими и старопечатными книгами», либо «примириться с фактом уже состоявшейся замены прежнего текста библейным»<sup>548</sup>.

Другое предложение, содержавшееся в этом представлении – внести в богослужение Великого Пятка и Великой Субботы уставные указания о чине выноса плащаницы – было выдвинуто, вероятно, по просьбе А.А. Дмитриевского, который в 1907 году уже затрагивал этот вопрос в публичной лекции<sup>549</sup>.

Кроме того, владыка Сергей предлагал ради сокращения объема Триоди исключить из ее состава Марковы главы, имеющиеся и в Типиконе, а также «Повесть о неседальном», которая в основном повторяет синаксарь субботы Акафиста (последний в таком случае предлагалось несколько расширить).

На сей раз ответ Синода последовал быстро. В определении от 30 апреля – 21 мая 1909 г. все предложения архиепископа Сергея отклонялись, поскольку принять их «Святейший Синод не находит достаточных оснований»<sup>550</sup>.

Таким образом, к весне 1909 года работа Комиссии по исправлению Триоди Постной была в основном завершена. Весенние заседания были посвящены пересмотру Пентикостариона. Успели исправить службы первых двух седмиц – Светлой и Фоминой<sup>551</sup>.

### Попытки противодействия?

При чтении архивных документов создается впечатление, что, несмотря на поддержку митрополита Антония, Святейший Синод в целом относился к трудам Комиссии с большой осторожностью, стараясь не привлекать к ним излишнего внимания, а также, по возможности, свести к минимуму все отличия новоисправленных книг от старого их текста. Характер правки, которую архиепископ Сергей вносил в доклад Комиссии от 18 декабря 1907 г., позволяет предположить, что эти настроения членов Синода были ему известны. Объяснялись они, вероятно, общим усилением консервативных тенденций в церковной жизни, наблюдавшимся (параллельно с аналогичными изменениями в государственной политике) уже в течение 1907 г. и нараставшим в последующий период. Требования церковных преобразований, связанные с ожидавшимся созывом Собора и открыто высказывавшиеся в 1905–1906 гг., постепенно затихали. В этих условиях были предприняты некоторые попытки наиболее консервативных кругов если не остановить, то хотя бы ограничить, насколько возможно, деятельность Комиссии по исправлению богослужебных книг.

Мы уже упоминали о резкой реакции управляющего МСТ в марте 1906 г. на предложение о создании Издательского комитета или Комитета по исправлению книг. Дальнейшие события еще не раз причиняли С.Д. Войту серьезное беспокойство.

В конце 1906 г. Контроль при Святейшем Синоде провел проверку финансовой отчетности МСТ и выявил понижение доходов по типографскому капиталу вследствие непродуманной издательской политики. В связи с этим Комиссия для предварительного рассмотрения сметы специальных средств Святейшего Синода на 1907 г. предложила учредить Особый наблюдательный комитет, который осуществлял бы контроль за работой Синодальных типографий<sup>552</sup>. В этом комитете, по мысли Сметной комиссии, могло бы сосредоточиться руководство всей издательской деятельностью Святейшего Синода. При обсуждении вопроса в заседании Синода 18 декабря, митрополит Антоний предложил поручить Наблюдательному комитету и заботу о справе священных и богослужебных книг<sup>553</sup> (напомним, что Комиссия архиепископа Сергия была учреждена двумя месяцами позже). Синодальным определением от 20 декабря 1906 г. Хозяйственному управлению совместно с Контролем при Святейшем Синоде было поручено представить проект положения о новом Комитете.

С.Д. Войт был официально уведомлен об этом решении 10 января<sup>554</sup>. Однако уже 22 декабря, опираясь на сведения своих информаторов в Петербурге, он отправил директору Хозяйственного управления СВ. Праведникову энергичный протест против «проекта, придуманного в бюрократическом кабинете», который будто бы угрожает развалом всей издательской деятельности Синода. В случае осуществления этого замысла неминуемо произойдет «крах всего дела, сопряженный с опасностью никогда не наладить его снова», так как «все синодальные издания отойдут в руки частных предпринимателей и самые Синодальные типографии в ближайшем будущем придется упразднить»<sup>555</sup>. В столь же угрожающем духе выдержаны и последующие письма Войта к Праведникову от 28 декабря, 9 января и 1 февраля, а также официальная докладная записка от 23 января<sup>556</sup>. По словам последней, МСТ «искони представляла собою, так сказать, религиозную, духовную и научную в православном смысле Академию книгопечатания»; попытки взять под контроль ее деятельность – не что иное, как политическая диверсия:

Если (...) стеснение свободы действий Типографии повлечет за собой уменьшение производства и сбыта религиозных и духовно-нравственных изданий, то это всецело надо считать могучей помощью в развращении масс, к которому стремятся революционные агитаторы<sup>557</sup>.

Ответа на свои послания Войт не получил. Мало того, 27 февраля 1907 г. «Биржевые ведомости» поместили заметку «Дело о несправедливой отчетности в Синоде», которая затем была перепечатана в ряде других изданий<sup>558</sup>. Речь в ней шла о «растратах и неправильной отчетности заведующего Московской синодальной типографией Войта». «Вот каков результат возбуждения Контролем при Св. Синоде неосновательных вопросов о моей деятельности во вверенной мне Типографии», – с возмущением писал Войт С.В. Праведникову, требуя официального опровержения и привлечения клеветников к ответственности<sup>559</sup>. Управляющий Контролем при Святейшем Синоде П.С. Даманский официально уведомил об отсутствии в его производстве дела о растратах в МСТ, директор Хозяйственного управления засвидетельствовал Войту крайнее возмущение ложью газетчиков, а «Правительственный вестник» вскоре поместил требуемое опровержение<sup>560</sup>. Впрочем, пересуды все же не утихали<sup>561</sup>. В такой обстановке управляющий попытался возвысить значение своей типографии и одновременно привлечь немалые средства из государственного бюджета (52 000 рублей в год), выдвинув масштабную программу «противодействия революционной заразе» путем бесплатного распространения в народе духовно-нравственных изданий МСТ и литографических портретов царской семьи.

Для этой цели при МСТ предполагалось учредить особую Издательскую комиссию с номинальным главою в лице викарного архиерея. Фактическим руководителем, конечно же, оставался бы С.Д. Войт: «Товарищем (председателем) явится Управляющий Московской Синодальной Типографией), коему вверяется главное руководство всеми работами»<sup>562</sup>. Но и эта затея в конце концов, несмотря на поддержку Хозяйственного управления при Синоде и будто бы обещанное содействие Столыпина, кончилась неудачей. Войту еще раз пришлось убедиться, что петербургское начальство холодно относится к его инициативам<sup>563</sup>.

Тем временем Хозяйственное управление, в соответствии с определением Синода, разработало проект Положения о Наблюдательном комитете по делам синодальных типографий. На этот документ С.Д. Войт отозвался разгромным отзывом, который 24 августа 1907 г. был направлен обер-прокурору. Здесь повторяются все прежние аргументы, уже фигурировавшие в письмах к Св. Праведникову. Особый интерес для нас представляют те страницы отзыва, которые прямо связаны с вопросом исправления богослужебных книг. Любопытны и пометки, оставленные на полях отзыва (по всей видимости, они принадлежат товарищу обер-прокурора Святейшего Синода А.П. Роговичу): По § 7 Положения о Комитете, ведению последнего подлежит наблюдение за проверкою текста существующих Синодальных изданий по первоисточникам и сношение по сему предмету с разными учреждениями и лицами.

Вопрос об исправлении текста Священного Писания, книг богослужебных и других первостепенной важности едва ли удобно поднимать в теперешнее время, когда наблюдается такое сильное падение религиозности, когда шатание умов достигло до высшего напряжения. Если в такое время начать исправление привычных текстов, может получиться в виде неожиданного результата – появление второго раскола, который уже нельзя будет прекратить средствами, применявшимися в старину. Появление же раскола послужит в пользу крайним партиям: одни будут радоваться нестроению в религиозной области, другие воспользуются недоверием к установленным привычным текстам, недоверием к печатавшей их типографии (...).

*Но и ошибки в бого-  
служебных книгах порождают  
раскол. (...) И вот эти ужасы  
произойдут несомненно  
тогда, когда Св(ятейший)  
Синод, вооруженный (нрзб)  
силами богословской науки,  
возьмет на себя это дело? А  
если его будет вести С.Д.  
Войт (исправление  
богослужебных книг!!), то ни  
нового раскола, ни революции  
не произойдет! Так и  
запишем. Р.*

Частичные поправки в текстах время от времени непрерывно производятся в типографии и, без всякого лишнего шума, предоставляются на утверждение в Святейший Синод. Этот порядок не смущал и не затрагивал любопытство общества и не вызывал праздных словоизвержений, на которые так падка современная печать.

По-моему, нет оснований менять установившийся порядок и учреждать особое бюрократическое учреждение для надзора за проверкою текста Синодальных изданий. Повторяю, что поднимать вопрос об исправлении книг в настоящее время, значит послужить успеху как революционных и сектантских организаций, так и поддержать аппетиты хищников книжного рынка.

*Что же, автор полагает,  
что С.В. Праведников, А.П.  
Рогович или П.С. Даманский  
сами возьмут на себя  
исправление книг? Нет, они  
не настолько самонадеянны.*

(...) Что скажет православный народ, если его потребности вовремя и в достаточной мере перестанут находить удовлетворение? Кто явится ответчиком перед народом в этом стеснении его основных душевных потребностей? Кто оградит Московскую типографию от справедливых сетований народа на то, что она перестала быть его верной и надежной служительницей.

*Мания величия.*

Войт расточал свои аргументы понапрасну: ввиду учреждения Комиссии, возглавляемой архиепископом Сергием, функции контроля за исправлением текста синодальных изданий не были предусмотрены окончательным вариантом проекта Положения о Наблюдательном комитете<sup>564</sup>. Вскоре и вся затея с комитетом была отложена в долгий ящик<sup>565</sup>.

Однако 15 октября 1908 г., немногим более года после отзыва, в котором книжная справа объявлялась начинанием несвоевременным и опасным, управляющий МСТ по собственному почину обратился в Хозяйственное управление при Святейшем Синоде с донесением совсем иного содержания:

В числе современных церковных вопросов не последнее место занимает вопрос о пересмотре и исправлении церковно-богослужебных книг. Исправление этих книг имеет вековую историю, но и доселе нельзя утверждать, что церковно-богослужебные тексты не нуждаются в поправках. Напротив, с распространением научного образования (...) возникают новые требования в отношении к исправлению упомянутых книг. Является особенный повод и прямое побуждение исследовать, не накопилось ли в ученых изысканиях таких ценных показаний, с коими необходимо считаться при каждом печатном повторении священного текста, достаточно ли вразумителен сей текст для бесконечно растущего круга новых читателей, и в самом печатании повсюду ли соблюдается должная осмотрительность<sup>566</sup>.

Что же побудило С.Д. Войта изменить свою позицию? Дело исправления книг, независимо от его пожеланий, все же началось, и никакой возможности влиять на его ход у честолюбивого управляющего МСТ не оставалось. Выход из неприятной ситуации можно было видеть в том, чтобы вернуться к предложениям 1906 года о создании подконтрольного Войту нового органа, который заменил бы комиссию архиепископа Сергия либо занял главенствующее по отношению к ней положение. Автор донесения предлагает «образовать в ведении церковного правительства особое учреждение», имеющее целью «собрание различных трудов по исследованию священных текстов и правильное пользование ими трудами при повторении изданий». По мнению Войты, тот факт, что комиссия с такой же задачей уже действует в Петербурге,

не уменьшает необходимости в настоящее время устройства особого Комитета и именно в Москве. Напротив, ввиду исторического права и неоспоримых удобств весьма желательно было бы организовать такое учреждение на Старом Печатном Дворе, при Московской Синодальной Типографии. Здесь сосредоточено печатание всех богослужебных книг, имеется под руками богатое хранилище книг старопечатных и архивных документов, относящихся к истории исправления книг, сюда издавна привыкли обращаться ревнители духовного просвещения и грамотеи с различными вопросами. Такой Комитет беспрепятственно мог бы действовать и при существовании Комиссии при Святейшем Синоде. Труды по пересмотру книг могли бы быть по взаимному согласию разделены между ними и идти одновременно, от чего дело, столь важное, быстрее бы двигалось вперед.

Членами предполагаемого комитета, согласно представленному проекту Положения о нем, стали бы прежде всего управляющий МСТ и ее служащие, при (достаточно формальном) председательстве какого-нибудь епископа (кандидатуру которого вызывался подобрать сам же Войт)<sup>567</sup>.

Попытка не удалась. В предложении Хозяйственного управления Святейшему Синоду от 20 января 1909 г. (вероятно, согласованном с архиепископом Сергием), говорилось:

Дело исправления богослужебных книг (...) уже начато особой Комиссией, учрежденной при Святейшем Синоде, где, по важности сего дела, оно и должно быть сосредоточено, дабы постоянно находиться под ближайшим и непосредственным наблюдением Святейшего Синода. Эта Комиссия естественно и должна стоять во главе дела исправления и улучшения текста церковно-богослужебных и библейских книг. Посему вопрос о потребности в учреждении для сего дела еще особого Комитета при Московской Синодальной Типографии, а равно о целесообразности проектированного Управляющим этою Типографией Положения о сем Комитете подлежит предварительному обсуждению означенной Комиссии при Святейшем Синоде<sup>568</sup>.

Синод заслушал дело 24 октября 1909 г. и приказал в ходатайстве Войта отказать<sup>569</sup>. А через три месяца, после подведения итогов финансовой ревизии МСТ, ее управляющему предложено было незамедлительно подать в отставку.



## Издательский совет

Интересно, однако, что спустя еще три года, при новом обер-прокуроре В.К. Саблере и первоприсутствующем члене Святейшего Синода митрополите Владимире (Богоявленском), который сменил сочувствовавшего деятельности Комиссии митрополита Антония († 1912), идея отставленного Войта обрела новую жизнь.

25 января 1913 г. Саблер подал на рассмотрение Синода обширную записку, подготовленную директором Хозяйственного управления А.А. Осецким, с обоснованием необходимости нового церковного учреждения, которое сосредоточило бы в одних руках все дела, касающиеся издательской деятельности Церкви<sup>570</sup>. Затронут в записке и вопрос об исправлении богослужебных книг, ошибки и погрешности которых «не только затрудняют пользование ими как учительным материалом, но, при неопытном употреблении этого материала, могут привести к несогласным с православным учением выводам»<sup>571</sup>. В историческом обзоре ранее предпринимавшихся мероприятий упоминается деятельность Комиссии по исправлению богослужебных книг, равно как и неудавшаяся попытка Войта создать альтернативный ей Особый комитет при МСТ. На сей раз автор записки предлагает «расширить круг ведения Комиссии, распространив таковое на книги Священного Писания, учительные и символические», для чего следует образовать «особое учреждение, ближайшей задачей которого должно быть собиране различных трудов по исследованию священных текстов и правильное пользование ими трудами при повторении изданий»<sup>572</sup>.

По-видимому, новое учреждение должно было сменить собою действующую Комиссию архиепископа Сергия. Такому выводу, во всяком случае, соответствует разработанное на основании записки Положение об Издательском совете при Святейшем Синоде, высочайше утвержденное 21 марта 1913 г. и вскоре опубликованное в официальном органе Синода на основании синодального определения от 26 марта – 4 апреля<sup>573</sup>. Согласно § 6 Положения, к ведению Совета относятся, в частности, все дела по изданию богослужебных книг и их исправлению:

Издательский совет приводит к единообразию тексты различных изданий книг библейских и богослужебных, производит в них необходимые улучшения на основании древних памятников, старопечатных книг и новейших исследований в области библейской истории, археологии и филологии<sup>574</sup>.

Как уже отмечал Б.И. Сове<sup>575</sup>, этот параграф почти дословно повторяет пассаж из упомянутого выше проекта Положения об Особом комитете при МСТ, представленного С.Д. Войтом в 1909 г. Тогда проект был отвергнут Святейшим Синодом и расценен как недолжное посягательство на область компетенции существующей Комиссии по исправлению богослужебных книг. Теперь, при изменившихся обстоятельствах, аналогичный проект был принят и даже удостоен высочайшего утверждения. Вероятно, согласовывалась с Царским Селом и кандидатура председателя Издательского совета. На эту должность 4 апреля был назначен член Святейшего Синода и Государственного Совета преосвященный Никон (Рождественский, 1851–1918), бывший Вологодский<sup>576</sup>. Высшего богословского образования владыка Никон не имел, зато пользовался (в отличие от архиепископа Сергия) репутацией крайне правого по политическим убеждениям поборника самодержавия<sup>577</sup>.

Вскоре, 6 мая, владыка Никон был возведен в сан архиепископа, при этом в высочайшем рескрипте была особо отмечена важность задач Издательского совета<sup>578</sup>.

Казалось, можно было ожидать окончательного упразднения, прежней Комиссии и перехода ее дела в руки Издательского совета. Однако в ближайшие после назначения месяцы архиепископ Никон был занят исполнением другого высочайшего повеления, находясь в командировке на Афоне для усмирения имяславцев. Да и впоследствии Издательский совет, собравшийся на свое первое заседание 25 ноября 1913 г.<sup>579</sup>, так и не приступил к осуществлению объявленной задачи по производству необходимых улучшений в богослужебных книгах – ни под руководством архиепископа Никона, ни в период председательства сменившего его с июля 1916 г. епископа Черниговского Василия

(Богоявленского, 1867–1919)<sup>580</sup>. Быть может, «отодвинуть в сторону» архиепископа Сергия с его Комиссией не удалось отчасти и по той причине, что вскоре после назначения владыка Никон тоже впал в немилость<sup>581</sup>.

По справедливой оценке о. А.П. Рождественского, «дальнейшее существование Издательского совета ясно показало безжизненность начал, положенных в основание его деятельности. (...) Десяток книг и брошюр, изданных Советом за четыре года его существования, едва ли стоят тех затрат, какие были на него сделаны Св. Синодом»<sup>582</sup>.

## «Новорожденный Триодион»

После годичной задержки, связанной с ожиданием решения Синода, Комиссия, как уже было сказано, быстро завершила работу над первоначальной правкой Триоди. Первые 16 листов, в соответствии с определениями Синода, 12 марта 1909 г. поступили в СПбСТ для напечатания корректурных экземпляров. Оставалось определить формат издания (богослужебные книги обычно печатались либо листовым форматом, либо в  $\frac{1}{8}$  долю листа). Для выяснения наличных остатков Триоди того и другого формата управляющий СПбСТ А.В. Гаврилов, готовый немедленно приступить к новой и, по-видимому, интересной для него работе, 20 марта обратился с запросом в Московскую типографию<sup>583</sup>. Несмотря на то, что старых Триодей листового формата оставалось на складах вдвое больше, чем экземпляров издания в  $\frac{1}{8}$  долю (2998 и 1352 соответственно)<sup>584</sup>, Гаврилов предлагал Хозяйственному управлению все же выпустить новоисправленную книгу в наиболее удобном формате *in folio* и притом повышенным пятитысячным тиражом, «в предположении, что названная книга с исправленным текстом будет иметь на первый раз со стороны монастырей и состоятельных церквей значительный спрос»<sup>585</sup> – хотя уже известно было, что «обязательной рассылки нового издания по церквам не предполагается»<sup>586</sup>. К отношению прилагались и уже отпечатанные образцы набора трех видов – в лист, в четвертую и в восьмую долю.

С.Д. Войт тем временем предпринял срочные усилия, чтобы перехватить эту работу. Его ходатайство о передаче печатания Триоди в Москву, кроме прежних аргументов от исторического права, было мотивировано и финансовыми соображениями. Издание книги в Петербурге потребовало бы отливки дополнительных шрифтов. А для МСТ этот труд «является своим, привычным и исполняемым более быстро и более дешево», – докладывал директор Хозяйственного управления С.В. Праведников обер-прокурору Святейшего Синода С.М. Лукьянову. Правда, довод о *быстроте* печатания входит в странное противоречие со следующим предложением доклада:

Что же касается ведения корректуры, то оно представляло бы неудобства при печатании книги в Москве лишь в том случае, если бы издание обусловлено было кратким сроком. При отсутствии же спешности, корректуры могут пересылаться для просмотра в Петербург по почте.

А спешность с хозяйственной точки зрения как раз и не желательна – ведь если экземпляры старой Триоди останутся нераспроданными, типография понесет убытки. Поэтому следовало бы

постановить правилом, чтобы новые исправленные издания богослужебных книг выпускались в продажу не прежде, как по распродаже всех экземпляров старого издания, к чему не может быть препятствия по существу дела, так как исправленными книгами не предполагается сразу же заменить книги прежних изданий, с изъятием из обращения последних, но замена книг будет происходить постепенно, по мере того, как старые книги будут выходить из обращения по ветхости<sup>587</sup>.

Одобренное Лукьяновым, это предложение 30 апреля было внесено в канцелярию Синода и утверждено определением от 25 августа–24 сентября 1909 г.<sup>588</sup> При этом Московская типография была предупреждена, «чтобы на заглавных листах книг, печатаемых в исправленной редакции, не делалось никаких отметок о произведенном их исправлении». Как мы увидим далее, такое решение, закреплявшее полусекретный характер книжной sprawy, оказало негативное влияние на процесс церковной рецепции исправленных книг.

Архиепископ Сергей, по его собственным словам, узнал о состоявшемся определении случайно. В докладной записке от 15 октября 1909 г. владыка настоятельно просил Синод пересмотреть весьма нежелательное для Комиссии решение о переносе печатания Триоди в МСТ, которое сулило множество затруднений в работе. Ведь в случае издания книги в Петербурге корректорское наблюдение предполагалось возложить на члена Комиссии Н.Ф. Чуриловского. «Главное же, – писал архиепископ Сергей, – печатание в Москве страшно и без всякой пользы замедлит дело»<sup>589</sup>.

Ходатайство председателя Комиссии было отклонено. Правда, СПбСТ в конце концов согласилась предоставить Чуриловскому достаточно времени для выполнения «чужой» работы, да и качество набора у московских печатников оказалось достаточно высоким<sup>590</sup>. Но опасения архиепископа Сергия о задержке издания оказались вполне основательными.

После семимесячной проволочки в связи с переменой типографии, в ноябре-декабре 1909 г. в Москву была выслана примерно половина листов, исправленных в ходе коллегиальных заседаний Комиссии в 1907 г. и в январе-апреле 1909 г.<sup>591</sup> Постепенно выработалась следующая методика работы Комиссии над издаваемым текстом Триоди. Набранные корректурные листы направлялись в Архив Святейшего Синода, который стал центром координации всей дальнейшей деятельности Комиссии (а начальник Архива К.Я. Здравомыслов фактически принял на себя обязанности ее секретаря). Отсюда отпечатанные листы рассылались членам Комиссии, в составе которой остались к этому времени Здравомыслов, Дмитриевский, Лопарев и Чуриловский. С 26 ноября 1911 г. (когда большая часть работы была уже выполнена) к ним присоединился Н.Ч. Зайончковский<sup>592</sup>. По настоянию председателя, каждому из них на дополнительную правку полученной из Москвы порции текста, обычно составлявшей 2–3 печатных листа, отводилось не более трех дней (что вызывало особенное неудовольствие профессора Дмитриевского<sup>593</sup>). Срок был действительно очень сжатым, поскольку вносившаяся на этом этапе правка, как показывают сохранившиеся корректурные экземпляры Дмитриевского, Лопарева и Чуриловского, имела не только корректорский, но в значительной степени и содержательный характер<sup>594</sup>.

Исправленные листы отсылались архиепископу Сергию в Выборг (если владыка в это время не присутствовал в Синоде). Председатель Комиссии принимал или отвергал предложенную ее членами правку, нередко вносил собственную, затем листы возвращались Чуриловскому. На последнего возлагалась окончательная проверка орфографии и пунктуации, а также обеспечение единообразия при повторениях исправленного текста в других местах Триоди и контроль за систематическим проведением по всей книге принятых Комиссией исправлений: например, «благоутробие» повсеместно заменялось на «благосердие», «живот» на «жизнь»<sup>595</sup>. Сверенный таким образом текст пересылался в Москву для белого набора, затем вновь вычитывался председателем и направлялся митрополиту Антонию (первые восемь листов ввиду отсутствия первосвященника, находившегося на лечении, подписывал митрополит Киевский Флавиан (Городецкий)). Митрополит Санкт-Петербургский в отдельных случаях оставлял на корректуре свои пометки. Архиепископ Сергей представлял необходимые объяснения или вносил дополнительную правку. И лишь затем в МСТ окончательно возвращались подписанные к печати листы.

Понятно, что такая многоступенчатая работа продвигалась довольно медленно. Но все же самые значительные задержки возникали по вине работников МСТ. Так, изготовление первоначальной корректуры первых двух листов книги, отправленных в Москву 5 ноября 1909 г., заняло пять месяцев. На получение их 6 апреля 1910 г. владыка Сергей откликнулся из Выборга в письме Здравомыслову:

С великой радостью получил я сегодня первые листы нашей Триоди. Будем молиться, чтобы дожить нам и до последних<sup>596</sup>.

Шестью днями позже он вновь писал тому же адресату:

Все-таки, Московская Типография к Пасхе поднесла нам нечто вроде красного яичка<sup>597</sup>.

Еще месяц ушел на внесение правки и почти полтора месяца – на печать белой корректуры, которая в окончательно утвержденном виде вернулась в Москву лишь 18 июня<sup>598</sup>. Не менее четырех раз председатель Комиссии обращался в МСТ – лично и через К.Я. Здравомыслова – с просьбами ускорить работу<sup>599</sup>. Типография обыкновенно отвечала, что уж теперь-то «дело пойдет быстро и регулярно»<sup>600</sup>. О переживаниях владыки Сергия, связанных с задержками в работе, свидетельствуют его письма Здравомыслову из Выборга:

16 декабря 1910 г.: Вот уже две недели, как посланы листы к м(итрополиту) Антонию (...) и – ни слуху ни духу. Хорошо, если время уходит на проверку нашей работы. Но я боюсь, что посланные листы просто (нрзб) завалились в кабинете среди старых газет, а еще

вероятнее – покоятся в канцелярии, так как секретарь не может тратить время на такие мелочи. Между тем, если и впредь утверждение пойдет таким темпом, тогда мы и в 1921 году не кончим Триоди. Нельзя ли сделать какого-ниб(удь) обходного движения для выручки злополучных листов? (...) Очень хотелось бы иметь своевременно хотя бы исправленный текст великого канона<sup>601</sup>.

8 января 1911 г. [вслед за поздравлением с Новым годом]: Да даст нам Бог увидеть в продолжение его напечатанной нашу «Триодь». Что-то она очень не торопится расстаться с нашей Комиссией<sup>602</sup>.

3 марта 1911 г.: Очень у нас медленно дело идет. Просто отчаяние берет<sup>603</sup>.

Наконец, к 1 сентября 1912 г. были отпечатаны все 72 листа новой Триоди<sup>604</sup>. Однако некоторые из них, по настоянию Чуриловского, пришлось перепечатывать<sup>605</sup>. Лишь 24 декабря 1912 г. восемь сброшюрованных экземпляров Постной Триоди – только для членов Комиссии – были, наконец, высланы из МСТ<sup>606</sup>. Получив посланную ему в Выборг книгу, архиепископ Сергей 5 января ответил Здравомыслову:

Сейчас получил с почты новорожденный наш «Триодион». Благодарю Вас за эту посылку и, вместе, взаимно поздравляю Вас с сим радостным событием в нашей Комиссионной жизни<sup>607</sup>.

Но в спешке изготовленные к празднику экземпляры оказались дефектными и были заменены исправными 6 февраля 1913 г. На другой день отправили с нарочным в Петербург и подносные экземпляры, которые владыка Сергей вручил членам Святейшего Синода перед началом заседания 11 февраля<sup>608</sup> – вместе с представлением о поощрении безмездных трудов членов Комиссии и о выделении денег для приобретения нужных ей книг<sup>609</sup>. Оба ходатайства были удовлетворены<sup>610</sup>. А старый запас Триоди в V долю листа к этому времени был практически исчерпан<sup>611</sup>, так что книга, отпечатанная тиражом в 3000 экземпляров, по-видимому, немедленно поступила в продажу.

В феврале 1915 г. вышло в свет новое издание Триоди – на этот раз *in folio*, в той же исправленной редакции и таким же трехтысячным тиражом<sup>612</sup>. На 1916 г. было намечено и повторение издания 1912 г. *in octavo*<sup>613</sup> – прежний запас постепенно подходил к концу. Соответствующая смета была утверждена<sup>614</sup>. Но обстоятельства военного времени привели к резкому подорожанию издательской деятельности и снижению спроса на книги; начатую уже в 1917 г. работу по печатанию нового издания из-за революционных событий так и не удалось завершить<sup>615</sup>. К февралю 1917г., согласно данным ревизии имущества МСТ, было продано более 2500 экземпляров Триодиона 1912 г. и лишь около сотни экземпляров более дорогого издания 1915 г.<sup>616</sup>

На основе исправленного Триодиона в 1913 г. МСТ выпустила новый тираж (5000 экземпляров) книги «Службы на каждый день Страстных седмицы Великого Поста» (Ч. 1–2). Это – единственная из богослужебных книг с исправленным Комиссией текстом, которая была переиздана за послереволюционный период (кажется, скорее по недоразумению, чем по сознательному выбору новых издателей)<sup>617</sup>.

В 1916 г. планировалось выпустить исправленное издание «Служб на первую седмицу Великого поста» в двух книгах, но из-за трудностей военного периода осуществить это намерение не удалось<sup>618</sup>.

## Пентикостарион

Работа Комиссии над славянским текстом Пентикостариона началась на весенних заседаниях 1909 г. До летних каникул успели исправить службы первых двух седмиц – Светлой и Фоминой. Затем правка Триоди Цветной долгое время не продвигалась в связи с затяжкой печати Постной Триоди, а также из-за отсутствия председателя Комиссии в Петербурге, что сделало невозможным проведение общих заседаний. 6 апреля 1910 г. архиепископ Сергей с большим сожалением писал К.Я. Здравомыслову:

Пентикостарион, очевидно, будет ждать еще неопределенное время. Какая досада, что такое важное дело у нас делается кое-как, подвержено всяким случайностям<sup>619</sup>.

16 декабря 1910 г. в письме к тому же адресату владыка Сергей высказал следующее предложение:

Мною просмотрен и исправлен (применительно к принятым в Комиссии началам) почти весь Пентикостарион (остались недели 1½). Я сравнил текст с тремя греческими изданиями (...) и старопечатным Киевским. Если всю эту работу, которую я сделал, мы будем вторично делать в Комиссии, – то потребуется по меньшей мере год (притом, еще неизвестно, когда мне придется снова быть в Петербурге). Потом, год наша работа будет дожидаться рассмотрения в Синоде. И, наконец, года два-три уйдет на печатание, при чем все мы будем снова перерабатывать свою работу, вносить новые исправления и под(обное). Не лучше ли дело несколько сократить? М(ожет) б(ыть), остальные члены Комиссии согласятся, чтобы я представил свою работу прямо в Синод, и, после разрешения, мы стали бы печатать тем же порядком, как и теперь, т. е. корректура рассылалась бы по всем членам Комиссии, а если бы я случился в Синоде, то мы бы стали просматривать корректуру в общем заседании. В конце концов работа принадлежала бы всей Комиссии и по существу ничего бы не потеряла, а между тем выигрыш во времени получился бы значительный. Не переговорите ли вы об этом с остальными членами Комиссии?<sup>620</sup>

Через две недели Здравомыслов сообщил владыке о положительном результате переговоров. Заручившись согласием своих помощников и запросив из Петербурга Пентикостарион с исправлениями, внесенными весной 1909 г., архиепископ Сергей в очень сжатый срок завершил правку и 26 января 1911 г. отослал в Святейший Синод белой экземпляр. В сопроводительном представлении владыка Сергей указывал:

При своих исправлениях я имел под руками два венецианские печатные греческие издания (1801 и 1860 гг.; две разные редакции) и одно римское 1884 г. (особенно авторитетное в отношении исправности текста). В случаях же необходимости (правда, такие случаи были очень редки) обращался за справками и к нашим старопечатным славянским изданиям. Те же издания имела у себя и Комиссия, обращаясь иногда чрез своих членов (профессора Дмитриевского и г. Лопарева) к рукописям и изданиям, хранящимся в Публичной библиотеке и др(угих) книгохранилищах. Но привлекать к своим работам весь научный аппарат постоянно и систематически мы не имели никакой нужды, так как в задачу Комиссии не входило установить редакцию исправленного текста: эта редакция нам была уже дана в принятом в богослужебную практику церковнославянском тексте. Поэтому вышеупомянутые справки приходилось делать только или в случаях очевидной неисправности церковнославянского перевода (напр(имер), в службе Живоносному Источнику), или в случаях каких-либо недоумений<sup>621</sup>.

Текст 15 паремий, входящих в состав Пентикостариона в старой богослужебной редакции, архиепископ предлагал для единообразия с Постной Триодью заменить «библейным». Профессор Евсеев больше не участвовал в работе Комиссии, так что отстаивать достоинство *восточной Вульгаты*, как называл он славянскую богослужебную редакцию Библии, было теперь некому.

Прошло еще восемь месяцев, прежде, чем Синод определением от 16 сентября–13 октября 1911 г. разрешил печатание корректурных листов Пентикостариона, вновь объявив владыке и членам Комиссии благодарность за труды<sup>622</sup>.

9 ноября корректура Пентикостариона была отправлена для набора в МСТ, которая, несмотря на многократные напоминания, не спешила приступить к этой работе<sup>623</sup>. Более года корректура пролежала в Москве без движения, и лишь 16 февраля 1913 г., после окончательного завершения дела с изданием Постной Триоди, в Петербург начали поступать отпечатанные листы Триоди Цветной. Теперь архиепископ Сергей, присутствуя в Святейшем Синоде, проводил большую часть времени в столице, поэтому правка частично обсуждалась в регулярных заседаниях Комиссии. Работа не прекращалась и в каникулярный период: даже уезжая на отдых или в командировки, члены Комиссии оставляли Здравомыслову свой адрес для высылки новых листов Пентикостариона<sup>624</sup>. Состав Комиссии к этому времени несколько изменился. В работе над корректурой Цветной Триоди уже не принимал участия А.А. Дмитриевский, зато к прежним членам присоединились П.П. Мироносицкий<sup>625</sup> и Л.Д. Аксенов<sup>626</sup>. Возможно, в правке участвовал и ректор СПб ДА епископ Анастасий, со 2 октября 1913 г. посещавший заседания Комиссии<sup>627</sup>. Из-за бесконечных задержек по вине МСТ<sup>628</sup> правка была завершена лишь в июне, а печатание Пентикостариона – в августе 1914 г.<sup>629</sup>. Первые экземпляры книги были выпущены из типографии 8 октября<sup>630</sup>.

О содержательной стороне той правки, которая вносилась в текст Пентикостариона на заключительном этапе работы, дают представление сохранившиеся корректурные экземпляры Мироносицкого и Чуриловского<sup>631</sup>.

В корректуре Н.Ф. Чуриловского (как и в его же экземпляре Триодиона) содержится правка двоякого характера. Преобладает по объему чисто корректорская работа, а также правка, связанная с согласованием редакции повторяющихся текстов. Эти исправления, внесенные чернилами, практически полностью перешли в окончательный текст. Но кроме них, в корректуре есть и стилистические поправки, выполненные карандашом, часто – отмеченные вопросительным знаком, иногда – с предложением нескольких вариантов и со ссылками на греческий оригинал. Такие исправления были использованы далеко не во всех случаях. Работу над корректурой Чуриловский вел с 19 февраля 1913 по 13 июня 1914 г.

П.П. Мироносицкий, судя по его пометам на листах корректуры, участвовал в исправлении Пентикостариона с 18 мая 1913 по 9 марта 1914 г. Правки он вносил значительно меньше, чем Чуриловский. На начальных стадиях работы Мироносицкий еще не слишком хорошо освоил принятые в Комиссии методы, и его поправки в значительной части были отвергнуты председателем. Потом ему удалось более плодотворно включиться в общий труд. Правка иногда сопровождалась пометой: *удобнее для пения*. Порой Мироносицкий предлагал инверсии слов; нередко указывал на содержащиеся в тексте библейские аллюзии, чтобы уточнить смысл и обосновать предлагаемый перевод. Как и Дмитриевский, Мироносицкий был склонен настаивать на более строгом соответствии перевода греческому оригиналу. Видно, что председатель Комиссии, отвергая или «смягчая» в ряде случаев предложения Мироносицкого, руководствовался скорее противоположным соображением: он предпочитал держаться поближе к существующему славянскому тексту, отступая от него лишь в тех случаях, когда это представлялось вполне обоснованным.

Ниже приводятся некоторые варианты правки Чуриловского и Мироносицкого – как вошедшие в окончательный текст, так и не использованные в нем.

| Адрес текста             | Текст до исправления   | Правка Чуриловского | Правила Мироносицкого | Окончательный текст |
|--------------------------|------------------------|---------------------|-----------------------|---------------------|
|                          | Предварѣшья            | Предварѣшья         | Предварѣшья           | Предварѣшья оўтро   |
| Ипакои Пасхи             | оўтро іаже ѿоўтро іаже | схоўтро             | сѣщья                 | бѣшья сѣ марією     |
|                          | маріѣн                 | марією              | сѣ марією             |                     |
| Канон Пасхи, п. 4, тр. 1 | мѣжеіѣн                | іѣкѣ мѣжеіѣн        | вѣ снѣдѣ даѣмын       | іѣкѣ мѣжеіѣн        |
|                          | оўбѣ                   | пѣлѣ, оўбѣ          | пѣлѣ                  | или іѣдѣомын...оўбѣ |
|                          | іѣкѣ разбѣрзый         | разбѣрзый           | непорѣченѣ            | же разбѣрзый        |

[illegible]



|                                                            |                                                                                                                                  |                                                                                              |                                                                                                        |
|------------------------------------------------------------|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----------------------------------------------------------------------------------------------|--------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Седм., утренняя,<br>канон<br>Богородице, п.<br>4, тр. 2    | престѣша<br>страстѣи<br>смертонѡныа<br>бл҃госл҃ва, бл҃госл҃ва,<br>ѣкѡ ѣкѡ                                                        | ...страдѣнїа<br>смертонѡныаа                                                                 | престѣша страдѣнїа<br>смертонѡныаа                                                                     |
| Там же, п. 6,<br>тр. 1                                     | воистиннѹ<br>истѡчника, истѡчникъ,<br>воспѣваемъ тѣ́воспѣваютьъ тѣ́<br>чѣ́ла чѣ́ла                                               | воистиннѹ<br>истѡчникъ, истѡчникъ,<br>воспѣваемъ тѣ́воспѣваютьъ тѣ́<br>чѣ́ла чѣ́ла           | бл҃госл҃ва<br>воспѣваютьъ тѣ́<br>чѣ́ла, ѣкѡ<br>воистиннѹ<br>истѡчникъ слѡ́ва                           |
| Там же, п. 7,<br>тр. 4                                     | сокрѹшенїа бж҃е, сокрѹшенїа бж҃е<br>гноѣвнцъ, гноѣвнцъ, ѿ<br>вреды лѡ́кѡвѣхъ вреды лѡ́кѡвѣхъ                                     | сокрѹшенїа бж҃е, сокрѹшенїа бж҃е<br>гноѣвнцъ, гноѣвнцъ, ѿ<br>вреды лѡ́кѡвѣхъ вреды лѡ́кѡвѣхъ | ѣзвы сокрѹшенїа бж҃е ѿ<br>гво́зди́нныа, гво́здей, ѿ ѣзвы<br>ра́ны тѣ́жкїа тѣ́жкїа                      |
| Субб. свѣтел.<br>седм., 4<br>стихира на<br>хвал.<br>Неделя | бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е<br>бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е                                                                   | бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е<br>бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е                               | бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е<br>(для пенїя бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е<br>лучше бы)                 |
| Фомина,<br>утрениа,<br>канон, п. 1, тр.<br>1               | мра́чнѡ бж҃е<br>ѿгна грѣ́хѡ то же<br>нашего                                                                                      | зимѹ... (ср.<br>Ин.1-:22)                                                                    | зимѹ ѿгна грѣ́хѡ<br>нашего                                                                             |
| Там же, тр. 2                                              | краснѣтъ<br>избѣ́лнныа то же<br>люди<br>оукра́и ѣже оукра́и ѣща<br>внѹ́трѣ внѹ́трѣ,                                              | оукра́шѣтъ...                                                                                | Увеселяетъ,<br>улаждаетъ<br>(тѣ́рпей)<br>бесѣ́лнѣтъ избѣ́лнныа<br>люди<br>оукра́и внѹ́трѣнная<br>тѣ́бѡ |
| Среда 2 седм.,<br>утрениа, на<br>стихове<br>Слава и ныне   | добродѣ́тельми добродѣ́тельми,<br>ѣкѡ ѣкѡ ѿ бж҃и прѣкрасна<br>лїстѣ́емъ, лїстѣ́емъ, ѿ<br>дшѣ́, ѿдшѣ́, ѿ<br>оукра́ишиа оукра́ишиа | ѿ бж҃и прѣкрасна                                                                             | добродѣ́тельми,<br>ѣкѡ лїстѣ́емъ,<br>дшѣ́, ѿ бж҃и<br>прѣкрасна                                         |
| Среда 2 седм.<br>Вечера, на<br>стихоне ст. 2               | бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е<br>бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е                                                                   | бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е<br>бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е                               | бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е<br>бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е                                         |
| Неделя 3,<br>утрениа, канон<br>ин. богород. 6<br>п.        | бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е<br>бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е                                                                   | бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е<br>бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е                               | бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е<br>бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е                                         |
| Неделя 4,<br>стихира<br>анатоліева 3-я                     | бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е<br>бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е                                                                   | бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е<br>бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е                               | бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е<br>бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е                                         |
| Четверток 5                                                | бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е<br>бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е                                                                   | бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е<br>бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е                               | бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е<br>бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е бж҃е                                         |

седм. Вечера,  
на Господи  
воззвах ст. 2

попѣшѣхѣ

потѣшѣхѣ

|               |             |      |          |      |           |           |           |
|---------------|-------------|------|----------|------|-----------|-----------|-----------|
|               | прилѣгѣ     | и́лы | прилѣгѣ  |      | и́        | и́лы      | и́ныя     |
| Среда 6 седм. | хвалѣніа    |      | тристѣгѣ |      | прилоѣнію | коприлѣгѣ | тристѣгѣ  |
| Вечера,       | на тристѣгѣ | не   | хвалѣніа | и́лы | хвалѣнію  | хвалѣніа  | не приѣша |
| литии ст. 2   | приѣша      |      | и́ныя    | не   | тристѣгѣ  | не        |           |
|               |             |      | приѣша   |      | приѣша    |           |           |
| Там же, ст. 4 | добрѣтѣ     |      | то же    |      | красѣтѣ   | красѣтѣ   |           |

Уже через год, в сентябре 1915 г. МСТ выпустила тиражом 5000 экземпляров еще одно издание исправленного Пентикостариона – на этот раз в формате *in octavo*<sup>632</sup>. Кроме того, исправленный текст лег в основу нового издания «Последования во святую и великую неделю Пасхи и во всю Светлую седмицу», которое было отпечатано той же типографией в январе 1915 г. в количестве 10 000 экземпляров<sup>633</sup>. В изданный МСТ в марте 1915 г. сборник «Молитвы, чтомья от предстоятеля во дни различных праздников и молений церковных» (тираж – 1500) молитвы из Постной и Цветной Триодей вошли также в новой, исправленной редакции<sup>634</sup>.

## Продолжение работы: Октоих

Выпуском в свет исправленных Триодиона и Пентикостариона была завершена та работа, для которой, согласно определению Синода, и была учреждена в 1907 г. Комиссия во главе с архиепископом Сергием. Однако 28 января 1911г., через день после представления в Святейший Синод вчерне исправленного Пентикостариона, председатель Комиссии обратился к митрополиту Антонию с письмом, в котором просил возбудить в Синоде рассмотрение вопроса о продолжении начатого дела. Намеченная архиепископом Сергием и доныне, к сожалению, не реализованная программа работы в этой области сохраняет, как нам представляется, высокую значимость для Русской Православной Церкви:

Оканчивается послушание, данное нам Святейшим Синодом (теперь останется только наблюдение за печатанием разрешенного текста). Но очень не хотелось бы думать, что вместе с этим оканчивается и все вообще дело исправления наших богослужебных книг, так своевременно начатое и так необходимое для нашей Церкви. Если давно нуждались в исправлении Триодъ Постная и Пентикостарион, то не менее их нуждаются в исправлениях и остальные наши богослужебные книги. И в них часто славянский текст неудобовразумителен (особенно, если не самому читать, а слушать чтение, притом довольно беглое, какое чаще всего бывает в церкви). Притом, эта неудобовразумительность также часто зависит не от трудности самой материи, а от причин совсем случайных, ничтожных и легко устранимых: от устарелых выражений, от не совсем исправного перевода, а всего больше от расстановки слов (так как наши переводчики обыкновенно следовали греческой расстановке, которая в произведениях стихотворных бывает иногда очень произвольна). По временам за богослужением приходится испытывать чувство искреннего сожаления, что высокое и в высшей степени назидательное содержание церковных песнопений или канонов остается запечатанной книгой для простых (да и не для простых только) богомольцев, которые, между тем, богослужебными чтением и пением, главным образом, и питаются духовно. Но это явление не только достойно сожаления, оно и прямо вредно для Церкви, особенно в настоящее время всевозможных шатаний и колебаний. Охлаждение к православной вере и церкви чаще всего начинается с охлаждения к православному богослужению, а это последнее нередко мотивируется непонятностью богослужения. Было бы поэтому в высшей степени полезно и своевременно пересмотреть и исправить славянский текст и остальных церковно-богослужебных книг и, именно, на тех же началах и основаниях, какими, с одобрения и утверждения Св(ятейшего) Синода, руководствовалась наша Комиссия и, в частности, я при своей единоличной работе; т.е. не вновь переводить богослужение (для чего потребовалась бы громадная предварительная работа установки текста), а, принимая за данное существующий в богослужебной практике славянский перевод и сохраняя его по возможности неприкосновенным (особенно в местах, наиболее привычных уху богомольца и наиболее ему дорогих), устранить из этого перевода лишь то, что явно мешает его удобовразумительности, исправить расстановку слов, очевидные ошибки перевода, заменить особо устарелые обороты и слова более новыми, и под(обное). Да иного исправления в нашем богослужении едва ли и можно желать и даже допустить.

Что касается вопроса о том, в каком порядке или очереди исправлять богослужебные книги, то обыкновенно указывают или на типикон, требник, служебник, псалтырь [так в тексте. – Н.Б.] с воследованием, или же на октоих и mineю месячную. Со своей стороны я бы всецело склонился ко второй группе, и на следующих основаниях. Нам нужно и важно сделать понятным прежде всего наше общественное богослужение, потому что оно касается без исключения всех христиан, недостатки перевода там чувствуются всеми, вред от промедления с исправлениями, а равно и польза от последних наиболее заметны именно здесь. Между тем, служебник и типикон всегда останутся лишь в руках совершителей богослужения или же уставщиков; с требником рядовому мирянину приходится встречаться только в случаях треб, то есть довольно редко и далеко не всем. Псалтырь же со

восследованием содержит, наоборот, повседневное богослужение, текст которого настолько привычен для всякого более или менее постоянного богомольца, что едва ли даже и удобно вносить в этот текст какие-либо изменения, особенно прежде, чем будут исправлены другие части богослужения. Необходимо, следов(ательно), начать со второй группы: с октоиха (1-я и 2-я части) и минеи (12 книг месячных, праздничная и общая). Очередь между этими книгами всего удобнее установить сообразно нужде в новом издании каждой из них: исправлять раньше ту книгу, которой меньше всего на складе и которую раньше других предполагается печатать<sup>635</sup> (...)

Приобретая некий практический навык в этой работе, а вместе с тем, располагая некоторыми необходимыми для нее знаниями и достаточным теперь свободным временем для кабинетных занятий, я бы с величайшей готовностью предоставил себя в распоряжение церковной власти для продолжения дела исправления книг, в крайней необходимости которого для Церкви я твердо убежден<sup>636</sup>.

Митрополит Антоний 31 января направил отношение архиепископа Сергия в Синод<sup>637</sup>. Определение по нему было принято 16 сентября – 13 октября 1911г., одновременно с разрешением на печатание Пентикостариона:

Признавая (...) продолжение работ Комиссии по исправлению славянского текста богослужебных книг желательным, Святейший Синод определяет: 1) поручить названной Комиссии рассмотреть и исправить текст нижеследующих книг в таком порядке: а) Октоих, б) Минея общая и в) Минея месячная, и представить свои работы Святейшему Синоду на утверждение, и 2) об исправлении текста прочих богослужебных книг иметь суждение по исполнению Комиссией порученной ей работы<sup>638</sup>.

Работа Комиссии над исправлением Октоиха началась 9 ноября 1911 г. Исправление первой части Октоиха (гласы 1–4) продолжалось до 16 апреля 1914 г., за это время в Архиве Святейшего Синода состоялось 60 заседаний Комиссии. В них регулярно участвовали архиепископ Сергий, Здравомыслов, Чуриловский, Лопарев и Мироносицкий; несколько реже посещали заседания Аксенов, Зайончковский, Дмитриевский и епископ Анастасий. Всеми заседаниях (с декабря 1911 по март 1912г.) участвовал Б.А. Тураев<sup>639</sup>. Однажды присутствовал епископ Омский Владимир (Путята). Приглашали на заседание Комиссии и А.А. Палкова, который еще в 1907 г. выступал в поддержку исправления богослужебных книг<sup>640</sup>, однако он не принял участия в работе. Над исправлением служб 1 гласа трудились на 26 заседаниях Комиссии<sup>641</sup>, но дальше дело шло все быстрее и быстрее: 4 глас исправили за 9 рабочих дней, а правка служб 8 гласа потребовала всего четырех заседаний.

Об окончании предварительной работы над первой частью Октоиха председатель Комиссии 19 апреля 1914 г. доложил Синоду и получил разрешение напечатать в МСТ первую часть Октоиха в исправленном виде<sup>642</sup>. Оригинал выслали в типографию 25 апреля с указанием архиепископа Сергия «ныне же приступить к печатанию», однако корректурные листы начали поступать в Петроград лишь 10 ноября<sup>643</sup>. Несмотря на бесконечные напоминания и просьбы ускорить дело, печатание корректуры продолжалось до января 1916 г. К этому времени был уже подготовлен текст второй части Октоиха, исправленный за год в 22 заседаниях Комиссии с 24 апреля 1914 по 24 апреля 1915 г. при участии архиепископа Сергия, епископа Анастасия, Здравомыслова, Чуриловского Мироносицкого, Лопарева и Аксенова<sup>644</sup>. По-видимому, вторая часть так и не была набрана в типографии, которая не сумела завершить набор и части первой, намеченной к печати в 1916 г. тиражом 5000 экземпляров при формате *in folio*<sup>645</sup>. Хотя печатание окончательно исправленных листов и началось еще в 1915 г., одновременно с набором первоначальной корректуры, продолжить эту работу в 1916 г. не удалось из-за трудностей военного времени – «частию вследствие недостатка искусных наборщиков и частию вследствие недостатка в данном сорте бумаги», как объяснял в своем отчете управляющий МСТ А.С. Орлов<sup>646</sup>, Ни резкое письмо последнему от Здравомыслова в январе 1917 г. с просьбой «в возможной скорости уведомить (...) о причине такого замедления в предпринятом с благословения Св(ятейшего)

Синода деле», ни обращение в Синод архиепископа Сергия по тому же вопросу, написанное тремя месяцами позже, не помогли делу<sup>647</sup>.

К сожалению, обнаружить подготовленные Комиссией корректурные экземпляры Октоиха не удалось. В исследованных архивных делах отсутствуют также указания относительно методики работы, использованных для исправления изданий Октоиха и т.п.

## Минеи

Более подробные сведения сохранились о работе над исправлением Минеи. Исправление Праздничной Минеи заняло 24 заседания с 1 мая 1915 по 30 марта 1916 г. и было выполнено силами тех же лиц, которые правили вторую часть Октоиха. Для справок употреблялись пять различных изданий греческого *Ανθολόγιον*'α (Рим, 1598 и 1888; Венеция, 1788 и 1848; Афины, 1905); использовались также славянская рукописная Минея 1542 г. и печатные 1650 и 1750 гг.<sup>648</sup>

Минею сентябрьскую Комиссия в том же составе исправляла с октября 1916 по январь 1917 г.; на эту работу потребовалось 13 заседаний. Незамедлительно приступили и к правке октябрьской Минеи. Работа остановилась 3 мая в связи с занятостью архиепископа Сергия делами по подготовке Поместного Собора. На последнем заседании Комиссии правили канон из службы апостола Иакова Алфеева (9 октября)<sup>649</sup>.

О работе Комиссии на этом этапе дают представление записи заседания, состоявшегося 12 октября 1916 г. Это нечто вроде наброска будущей программной записки, в который позднее вносились многочисленные дополнения.

Приступив к пересмотру славянского текста «Минеи – месяц сентябрь», члены Комиссии имели под руками издание означенной книги на греческом языке – римское 1888 г. и два афинских 1904 и 1905 гг., рукопись Синодального архива XV в. № 394 и перепечатанную с Иосифовского издания 1645 г.

*Постановили:* а) включать в месячные минеи в соответствующих местах службы святым, помещенные в дополнительной минее (...).

б) Места, хотя и несоответствующие греческому печатному тексту, но по смыслу и контексту речи вполне допустимые, а равно и места не поддающиеся исправлению без греческого текста, – иметь в виду для проверки с греческими рукописями<sup>650</sup>.

Несоответствия славянского текста богослужебных книг редакции печатных греческих изданий выявлялись Комиссией и раньше, при работе над Триодями. Однако прежде к греческим богослужебным рукописям обращались лишь в редких случаях, поскольку было решено, что исправление текста основывается на существующей славянской редакции. По-видимому, при работе над Минеями случаев такого несоответствия оказалось значительно больше, что побудило расширить источниковую базу справки. С этой целью Н.Ф. Чуриловский в начале 1917 г. был на две недели командирован в Москву, где изучал славянские и греческие рукописные Минеи в библиотеках МСТ, Патриаршей и Румянцевского музея. Из Москвы он 13 января писал Здравомыслову:

Я (...) пришел к довольно серьезным заключениям. Пришлось лишний раз убедиться, что наш славянский богослужебный текст образовался не случайно и даже не в Никоновское время, а пришел к нам из глубины веков и явился результатом упорного, опытного и проникнутого любовью к Христовой вере труда многих поколений. Представляя собою большую духовную и историческую ценность, он требует большой осторожности в обращении с ним. Всего менее, при исправлении его, наша Комиссия может доверяться греческим печатным изданиям; теперь уже всем известно, что все эти издания в свое время были обработаны и отпечатаны для «грекосов» разными католическими монахами, не без участия и лукавой Конгрегации пропаганды. Вчера и сегодня я рассматривал по греческим рукописям все сомнительные места, встречавшиеся нам при чтении сентябрьской минеи и в конце минеи праздничной; оказалось, что во всех случаях, за исключением одного (...) наш славянский текст находит для себя подтверждение в греческих харатейных списках. При этом замечательно, что чем древнее греческий текст, тем ближе он подходит к нашему славянскому тексту. Но известные греческие минейные рукописи не восходят далее XII в.; между тем в той же Патриаршей Библиотеке имеется круг наших славянских миней также XII в. Для нашего дела этот круг имеет немаловажное значение, так как дает довольно ясное понятие о греческих текстах еще более раннего времени, не дошедших до нас<sup>651</sup>.

В Петербург Чуриловский вернулся с четырьмя греческими рукописными Минеями. В дальнейшем к работе по сверке исправляемого текста с греческими и славянскими богослужебными рукописями предполагалось привлечь архимандрита Никольского единоверческого монастыря в Москве Никанора<sup>652</sup>, с включением его в состав Комиссии, однако осуществить этот план, видимо, уже не удалось<sup>653</sup>.

Не ограничиваясь проверкой существующего славянского текста, справщики на сей раз решили дополнять его заново переведенными недостающими песнопениями из греческих Миней.

В процессе правки прежде всего устранялись очевидные ошибки и опечатки. Вот некоторые примеры из сентябрьской Минеи<sup>654</sup>:

| <i>Число</i> | <i>Адрес</i>                                   | <i>Напечатано</i> | <i>Читай</i> |
|--------------|------------------------------------------------|-------------------|--------------|
| 3            | канон, п. 1, тр. 3                             | ясно*             | яко          |
| 3            | канон, п. 8, богородичен                       | насладившийся*    | насадившиися |
| 7            | 2-го канона п. 1, тр. 1                        | заступай*         | Созонте      |
| 22           | конец кондака и икоса ап. Кодрату              | благоутробие      | аллилуиа     |
| 23           | служба св. Иоанна Предтечи, <i>passimogloх</i> |                   | онемел       |
| 24           | канон, п. 6, тр. 1                             | юношеское         | девическое   |
| 24           | стих. 1 на хвалитех                            | жених             | чертог       |

Далее, заменялись «устаревшие», по выражению справщиков, славянские слова, например:

тезоименне соименне; вечнующую вечную; рачением любовию; кратир сосуд; на руку во объятиях; целений исцелений; сопряжение двоица; низоревностных долу влекущих; преестественно паче естества; утварь царская украшение царское; агкира якорь; окормление управление; одождение излияние; реть рвение; во уметы ни во что; вжиляемь укрепляемь; дхне вдохнул; озареньми лучами; возбнув воспрянув; неятна неплена; невредно непорочно; легание лежание; отнюд вся; приятелище вместилище<sup>655</sup>.

В большинстве случаев, как мы видим, справщики либо искали синонимические замены для славянских слов, вызывающих ложные ассоциации у слушателей ввиду наличия русских паронимов, либо подбирали синонимы с корнями, известными слушателям церковнославянского текста благодаря их употреблению в русском языке. Как бы в оправдание подобных замен члены Комиссии выписывали места, подтверждавшие, что «вводимые выражения встречаются в старых книгах» (например, отмечено, что в Минеях употребляется не только слово «живот», но и «жизнь»; встречается слово «древле», а не только «иногда», попадаетея прилагательное «мысленный», которым можно заменить слово «умный»). Целый ряд примеров особо выписан под рубрикой: «Иногда в старинных книгах лучше сказано»<sup>656</sup>.

Этими черновыми заметками исчерпываются известные нам данные о работе Комиссии над исправлением Миней. Правленный текст, по-видимому, не был отправлен в типографию; подготовленные материалы хранились в Синодальном архиве, но судьба их после революции остается неизвестной.

### Последний эпизод: политическая справа

Вскоре после Февральской революции, 7 марта, указом Святейшего Синода Комиссии было поручено произвести «исправление богослужебных чинов и молений ввиду происшедшей перемены в государственном управлении»<sup>657</sup>, то есть попросту удалить молитвы об императоре и царствующем доме, предложив образцы для замены соответствующих текстов в богослужебных книгах. На эту работу потребовалось лишь одно заседание<sup>658</sup>. Упоминания о не существующем более императоре заменили на *христолюбивое воинство, (богохранимую) Державу Российскую (и благоверное Временное правительство ея), крестоносныя люди или крестоносное Отечество наше*; в некоторых молитвенных обращениях место императора заняли выражения *верные рабы Твои* или *наследие Твое*.



## Восприятие трудов Комиссии

«Теперь подождем, как нас будут ругать одни за дерзость, другие за трусость. Мы же будем утешать себя, что сделали для Церкви полезное дело, за которое со временем, м(ожет) б(ыть), кто-ниб(удь) из христолюбцев и поблагодарит нас», – писал владыка Сергей К.Я. Здравомыслову 5 января 1913 г., по получении экземпляра новоисправленной Постной Триоди<sup>659</sup>.

Отклики современников на издание исправленных Триодей оказались немногочисленными. В значительной степени причиной тому был негласный характер работы Комиссии. Правда, отдельные упоминания о ее деятельности все же проникали в печать<sup>660</sup>. Нередко они появлялись с запозданием, а то и в искаженном виде – например, в *Колоколе* председателем Комиссии назван почему-то еп. Феофан (уж не Затворник ли?), *Калужский церковно-общественный вестник* лишь в феврале 1908 г. сообщил, что «в Синоде поднят вопрос о пересмотре богослужебных книг», *Вера и жизнь* поместила информацию о начале работы новой Комиссии только в 1914 г., а автор другого журнала летом 1915 г. полагал, что работа Комиссии уже прекратилась<sup>661</sup>. За время деятельности Комиссии в печати появилось немало новых публикаций, авторы которых указывали на необходимость исправления богослужебного текста, но в большинстве случаев, похоже, не знали, что такая работа уже ведется.

Заслуженный профессор Киевской духовной академии В.Ф. Певницкий в середине 1908 г. выражал сожаление о том, что деятельность комиссий, занимавшихся тем же делом во второй половине XIX в., имела негласный характер – «вероятно, от излишнего опасения, как бы известие о предпринимаемом исправлении богослужебных книг не произвело неблагоприятного впечатления на известную часть православного русского народа»<sup>662</sup>. Было ли автору в то время известно о продолжающейся уже около года в Санкт-Петербурге работе аналогичной комиссии и об участии в этой работе его бывшего коллеги по академии А.А. Дмитриевского? Похоже, что нет; во всяком случае, в тексте статьи нет на то никаких указаний.

Три года спустя востоковед Д.М. Позднеев, указывая на необходимость пересмотреть перевод богослужебных книг, ссылаясь лишь на неопределенные слухи, что «существует где-то и с какого-то времени комиссия, занимающаяся этим делом... Но в церкви до сих пор читаются такие переводы, которые совершенно не выдерживают никакой критики»<sup>663</sup>. С призывом к исправлению богослужебных книг один из авторов выступал на страницах церковной газеты и в 1917г., по-видимому, также ничего не зная о существовании Комиссии архиепископа Сергия<sup>664</sup>.

Увы, Святейший Синод не последовал призыву преосвященного Назария организовать дело исправления книг «на широких и свободных научных началах», с предоставлением церковному сообществу возможности критической проверки исправлений прежде их окончательного утверждения и издания (см. выше, сс. 188–189). По прошествии времени стало ясно, что скрытность в деле богослужебных исправлений не принесла желаемых результатов. Она не могла избавить Синод от ожидавшихся нареканий как из лагеря старообрядцев, так и со стороны приверженцев буквы из среды православных верующих.

Образцом критики со стороны последних может служить поступившее в Синод анонимное заявление, автору которого «Господь ясно сказал посредством жребия, что исправлять церковные книги нет надобности», так как на них «лежит благодать Божия, которая до того чувствительна, что малейшая неосторожность (...) удаляет благодать». Поэтому «истинно духовный человек никогда не осмелится посягнуть на такую святыню: такой человек, видя какую-либо простую опечатку, не решится ее тронуть, не спросивши Господа» (видимо, опять же посредством жребия?)<sup>665</sup>.

А в старообрядческом журнале был помещен ядовитый отзыв о новой Триоди, в котором особое внимание было обращено как раз на отсутствие указаний о произведенных исправлениях: «Через это достигается то, что книжные изменения не получают никакой

гласности, и новые книги сходят за самые обыкновенные. Какая цель преследуется этой таинственностью, мы не знаем»<sup>666</sup>.

Отсутствие объяснений при выпуске исправленных изданий лишь порождало неизбежные недоумения (вплоть до анекдотических случаев, когда на клиросе певцы пытались исполнять какое-либо песнопение, глядя при этом в книги с разными редакциями текста), а порой и вызывало тяжкие смущения совести у людей церковных<sup>667</sup>.

Даже сторонники исправления богослужебных книг испытывали чувство подозрительности к делу, почему-то совершаемому втайне, несмотря на его очевидную общецерковную значимость.

В 1914 г. профессор Киевской духовной академии по кафедре литургики священник Василий Прилуцкий<sup>668</sup> читал в Церковно-историческом и археологическом обществе при академии доклад «О новоисправленной Постной Триоди»<sup>669</sup>, содержание которого известно нам лишь в позднейшем кратком пересказе автора:

Я (...) старался объективно показать, чем была Триодь раньше и чем стала теперь. И многие сказали, что нужно поторопиться купить старую Триодь<sup>670</sup>.

С другой стороны, полтавский учитель М. Кедров одобрял тот взгляд на дело исправления, которого придерживалась Комиссия – «исправлять лишь темные места славянского текста, изменять словорасположение, сохраняя красоты богослужебного языка»; действуя в том же духе, он предложил вниманию читателей собственный опыт исправления сретенского канона<sup>671</sup>.

Несколько позднее, в 1917 году, была опубликована и вполне хвалебная рецензия на новоисправленную Постную Триодь:

В настоящее время Триодь Постная уже исправлена. (...) Пишущему это данный факт принес самую искреннюю радость. Сделанные исправления совпали с его заветными думами и желаниями относительно церковно-богослужебных книг.

Приведя ряд примеров произведенных в тексте Триоди замен, рецензент заключает:

Того, что мною отмечено, думаю, вполне достаточно, чтобы ясно видеть, как сильно приближены перлы восточно-православной поэзии к мысли и совести христиан. Вот один из образцов истинно-православной реформы!<sup>672</sup>

Дискуссия об исправлении богослужебных книг и о дальнейшей деятельности Комиссии имела место также в богослужебном отделе Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. При этом высказывались и критические замечания. Так, Б.А. Тураев, одно время принимавший участие в работе Комиссии, сказал:

Что касается исправлений существующего славянского перевода, то это дело крайне трудное, требующее первоклассных ученых сил и большого количества времени и, может быть, десятилетий; причем оно не всегда бывает исполнено безупречно. Пример действующей при Св(ятейшем) Синоде Комиссии дает в этом отношении поучительный урок<sup>673</sup>.

А о. Василий Прилуцкий выразил Комиссии пожелание «более обращать внимание на поэтическую сторону произведений, на дух их»<sup>674</sup>.

Однако продолжение работы по исправлению богослужебных книг считали необходимым практически все члены Собора, выступавшие по этому вопросу<sup>675</sup>.

## Дальнейшая судьба книжной sprawy

Организацию дальнейшей деятельности Комиссии затрагивали два доклада отдела о богослужении, проповедничестве и храме, переданные Совещанием епископов на усмотрение Высшего церковного управления. В одном из них (*О церковно-богослужебном языке*) предлагалось расширить полномочия Комиссии, поручив ей не только исправление славянского текста богослужебных книг, но и работу по переводу богослужения на русский, украинский и другие употребляемые в Русской Православной Церкви языки<sup>676</sup>. В другом докладе (*Об упорядочении богослужения*) сферу деятельности Комиссии наметили еще более широко, включив в нее все вообще богослужебные вопросы<sup>677</sup>.

В соответствии с предложением Собора, Священный Синод Православной Российской Церкви под председательством святителя Тихона 11 ноября 1918 г. поручил владыке Сергию (теперь митрополиту Владимирскому) рассмотреть вопрос о создании при Синоде «постоянного учреждения для заведывания богослужебными делами»<sup>678</sup>. Однако усиливающиеся преследования Церкви не позволили тогда осуществить этот замысел. Реквизиция синодальных типографий сделала невозможным издание уже исправленных Октоиха и Миней.

После войны, в новых и относительно благоприятных условиях существования Церкви попытка возобновить деятельность по исправлению богослужебных книг была предпринята бывшим членом Поместного Собора 1917–1918 гг. епископом Афанасием (Сахаровым)<sup>679</sup>. В 1957 году он возглавил учрежденную по благословию патриарха Алексия I (резолюция от 6 ноября 1956 г.) постоянно действующую Календарно-богослужебную комиссию. Из документов, опубликованных А.Г. Кравецким и А.А. Плетневой, видно, что владыка Афанасий рассматривал создание этой комиссии как осуществление – с задержкой на сорок лет – предложения Собора. Дело исправления богослужебных книг епископ Афанасий считал «чрезвычайно важным, настоятельно необходимым и неотложным», посвятив ему многолетние труды<sup>680</sup>. Однако, проведя семь заседаний, комиссия в 1958 году прекратила свою деятельность. По-видимому, при тогдашних условиях церковной жизни взгляды и намерения ее председателя не могли найти полной поддержки со стороны священноначалия. В письме от 8 сентября 1958 г. владыка признавался: «Я очень болезненно переживаю разгон комиссии, очень скорблю, что из-за моего неумения подлаживаться, неумения держать нос по ветру, ликвидировано очень нужное дело»<sup>681</sup>.

Возобновились заседания комиссии лишь в 1969 году, спустя семь лет после смерти преосвященного Афанасия. Теперь ее возглавил председатель Издательского отдела Московской Патриархии епископ (ныне митрополит) Волоколамский Питирим (Нечаев). На второй день работы, 11 февраля, комиссия рассматривала вопрос о подготовке издания Постной Триоди<sup>682</sup>. Покойный епископ Афанасий в свое время настаивал на том, что изданная по благословию Святейшего Синода исправленная редакция Постной и Цветной Триодей «теперь является единственно узаконенной и потому обязательной для всех храмов Русского Патриархата»<sup>683</sup>. Предложение «исходить из Триоди, исправленной архиепископом Финляндским Сергием» – с «чисткой отдельных мест» (вероятнее всего, упоминаний императора), объяснением трудных оборотов, приложением словаря и некоторых других дополнений – было высказано и на заседании возобновленной комиссии. Епископ Питирим задал, однако, следующие вопросы:

- 1) Почему Минеи и Триоди архиепископа Сергия не получили признания?
- 2) Нельзя ли найти архивы, узнать методы его работы?

Н.Д. Успенский ответил, что «люди привыкли к прежней редакции песнопений Постной Триоди (...) а изменения нарушали музыкальный ритм песнопений». Архивных материалов о работе архиепископа Сергия, как полагал профессор, не сохранилось.

Окончательное решение вопроса в протоколе не зафиксировано. Но в 1974 году, когда Издательский отдел Московской Патриархии выпустил в свет фототипическое издание Триоди Постной, прототипом была избрана неисправленная редакция. В неисправленном

виде была переиздана и Цветная Триодь (1975). Едва ли можно сомневаться, что если бы патриарху Сергию было суждено дожить до времени, когда Московская Патриархия смогла возобновить издание богослужебных книг, решение оказалось бы другим! К сожалению, результат десятилетнего подвижнического труда квалифицированных специалистов, заслуживший в свое время одобрение и благословение Святейшего Синода, оказался таким образом утраченным для церковного употребления – хотелось бы надеяться, что лишь временно.

## Перспективы на будущее

Будут ли наследие Сергиевской комиссии, работы епископа Афанасия и других тружеников книжного исправления, наконец, востребованы нашей Церковью? Удастся ли нам реализовать ту программу дальнейшей работы, которая была намечена владыкой Сергием в 1911 году, и завершить дело, «так необходимое для нашей Церкви», по словам почившего Первосвященника?<sup>684</sup> Спустя 83 года Святейший Патриарх и Архиерейский Собор Русской Православной Церкви признали важность и своевременность этой задачи в сегодняшних условиях в связи с развитием миссии Церкви в современном обществе<sup>685</sup>. Однако мы все еще не видим зримых результатов, которые могли бы свидетельствовать, что задача не только осознана Церковью, но и успешно решается. Синодальная богослужебная комиссия год спустя была учреждена, хотя состав ее оказался более узким и однородным, чем предусматривалось в соборном решении<sup>686</sup>. Из отчетов, публикуемых в церковной печати, видно, что комиссия провела немало заседаний. Прodelана и полезная работа по составлению и редактированию служб новопрославленным русским святым. Обсуждались и некоторые другие частные вопросы богослужебной практики. Но до сих пор ничего не слышно о практических шагах комиссии к осуществлению главного поручения Собора: сделать более доступным пониманию смысл богослужебных текстов.

На пути к реализации определения Архиерейского Собора 1994 года, очевидно, встречаются препятствия двоякого рода. С одной стороны, исправление богослужебных книг, как признавал один из его участников, «дело крайне трудное, требующее первоклассных ученых сил и большого количества времени»<sup>687</sup>. Из этого бесспорного утверждения иногда делают необоснованный вывод, будто на сегодняшний день нашей Церкви не под силу приниматься за такой труд. Неужели в деле, столь важном для духовного возрастания паствы, у нас меньше оснований надеяться на помощь Божию и на выявление талантливых, подвижнически настроенных тружеников, чем, скажем, в деле восстановления внешнего благолепия церковных зданий?

С другой стороны, любым изменениям в богослужебных книгах препятствует резкая критика со стороны тех, кто, по словам Святейшего Патриарха Алексия II, воспринимает «употребляемые в Церкви культурные средства, относящиеся к прошлым векам (...) как нечто имеющее ценность, сопоставимую с ценностью неизменных вероучительных истин»<sup>688</sup>.

Примеров такой абсолютизации всего *привычного* очень много. Достаточно представительным в этом плане стал уже упоминавшийся во Введении сборник «Богослужебный язык Русской Церкви: История. Попытки реформации», ответственный редактор – архимандрит Тихон (Шевкунов)<sup>689</sup>. Нападки его авторов обращены прежде всего против патриарха Сергия как, якобы, «одного из немногих сторонников радикальной русификации богослужения»<sup>690</sup>, предтечи «современных обновленцев», или, более сдержанно, «одного из ведущих реформаторов в неудавшейся реформе богослужебного языка». Известный факт недолговременного уклонения митрополита Сергия в обновленческий раскол в 1922 году здесь рассматривается как «вполне закономерное следствие его многолетней деятельности именно на поприще исправления богослужебных текстов, одним из проявлений которой была работа в Комиссии по исправлению богослужебных книг»<sup>690</sup>. Покаявшись в расколе, владыка Сергей, по мнению авторов, заодно отрекся от своих дореволюционных взглядов на исправление книг, что подтверждается странным аргументом: «В Патриаршей Церкви богослужебных книг с реформаторской правкой не издавалось»<sup>691</sup>, – можно подумать, что без правки они издавались при жизни патриарха Сергия. При этом «конечную цель реформаторов» начала XX века (протагонистом которых объявлен будущий патриарх) усматривают даже «не в языке», а в том, чтобы, ни много ни мало, «разрушить единство Церкви»<sup>692</sup>.

Главными обвинениями против членов Комиссии по исправлению богослужебных книг называются «реформаторство», пренебрежение Священным Преданием Церкви и

нарушение некоего «святоотеческого правила (? – Н.Б.) о том, что нельзя тронуть даже один камушек, чтобы не рухнуло все здание»<sup>693</sup>. Говорится также о «неприятии новых «исправленных» книг православным народом, хранителем Священного Предания»<sup>694</sup>. Опирается этот довод лишь на свидетельство Б.И. Сове, согласно которому «исправленные издания богослужебных книг (...) распространялись довольно медленно, встречая во многих местах (например в Валаамском монастыре) оппозицию. Исправленный текст ирмосов почти нигде не привился, так как певчие пользовались старыми нотными книгами»<sup>695</sup>.

Однако приведенные выше<sup>696</sup> архивные данные свидетельствуют, что за четыре года с 1913 по 1917 были проданы 2500 экземпляров из трехтысячного тиража новоисправленной Постной Триоди, в то время как продажа аналогичного неисправленного издания за такой же период с 1909 по 1913 г. составила менее 1400 книг. И это несмотря на экономические трудности военного времени! Те экземпляры исправленных Комиссией книг, которые мне случилось видеть не в библиотеках, а на церковных клиросах, носили явные следы длительного употребления. Певчие, привыкшие к старым текстам, действительно испытывали неудобства, поскольку исправленный текст не успели издать в нотной редакции, а произведенные изменения не решились официально объяснить. Но клиросные певчие – это еще не весь народ Божий, а Валаамский монастырь, при всем уважении к этой замечательной обители – еще не вся Церковь. Насколько известно, никакой «оппозиции» не вызвали и неплохо разошлись по храмам недавно переизданные Псково-Печерским монастырем «Службы на каждый день Страстных седмицы» в исправленной Комиссией редакции<sup>697</sup>. Хочется надеяться, что будут переизданы в полном объеме, ставшие библиографической редкостью, исправленные Триодион и Пентикостарион. Санкция Высшей церковной власти на их употребление дана уже давным-давно. Желательно было бы не повторять ошибок прошлого и снабдить эти издания внятным и авторитетным разъяснением характера и целей произведенных в них исправлений. А далее «усилие соборного церковного разума», к которому призвал в 1994 году Святейший Патриарх, рано или поздно проложит путь к продолжению начатого труда.

## Глава 5. Упорядочение богослужебного устава

## Общие замечания

Обсуждение богослужебно-уставных вопросов на Поместном Соборе уже нашло внимательного исследователя в лице А.Г. Кравецкого, который в ряде публикаций 1994–1998 г.г. представил вниманию читателей доклады профессоров И.А. Карабинова, Б.А. Тураева и о. В.Д. Прилуцкого, сделанные в Богослужебном отделе Собора, а также изложил общий ход дискуссии по вопросу об изменениях в уставе и опубликовал подготовленный отделом доклад «Об упорядочении богослужения»<sup>698</sup>. Поэтому в настоящей главе мы сосредоточим внимание преимущественно на более ранних материалах, освещающих дискуссию по вопросам богослужебного устава в предсоборный период.

Предложения относительно практики совершения Божественной литургии станут предметом рассмотрения в 6 главе; в 7 главе мы приведем обзор тех предложений, которые затрагивают богослужения Требника. Таким образом, в данной главе рассматриваются лишь выступления по уставным вопросам, которые носят общий характер или относятся к службам суточного круга.



## Изменяемость устава

Вопрос о внесении изменений в действующий богослужебный устав был поставлен на повестку дня предстоящего церковного Собора уже в «Отзывах епархиальных архиереев» – этой теме уделено внимание в документах из 27 епархий.

Епископ Минский Михаил (Темнорусов), обосновывал постановку вопроса об изменении устава, историей постепенного формирования нынешнего богослужения<sup>699</sup>.

В докладе «О желательной постановке миссионерского дела...», представленном епископом Иоанникием (Казанским), говорилось:

Древняя Церковь не смотрела на богослужение как на что-то неподвижное, догматически-неизменное. Церковь в лучшие времена своей жизни пользовалась широким правом изменять богослужение. Наш церковный устав особенно нуждается в изменении, как приспособленный для монахов, но никак не для мирян<sup>700</sup>.

Епископ Астраханский Георгий (Орлов, † 1912) также считал пересмотр церковного устава необходимым:

Эта священная книга, предназначенная регулировать формы и порядок церковного богослужения, не подвергается никаким изменениям с 1682 года, и за этот продолжительный срок неподвижности успела приобрести в глазах ревнителей благочестия характер чего-то вечного, догматически неизменного; но именно вследствие этого устав перестает быть регулятором церковной жизни: церковная практика развивается помимо устава (...) не только в приходских церквях, но и в монастырях и соборных храмах уставная служба сделалась редкостью. Устав мало-помалу превращается в исторический памятник, а богослужебная практика, теряя под собою почву, постепенно вступает на шаткий и опасный путь произвола; но произвола в церковной жизни быть не должно: все в Церкви, и особенно богослужение, должно совершаться по известному порядку, авторизованному властью Церкви. Поэтому, если церковный устав устарел, если некоторые его требования уже не исполняются, если уставный строй рассчитан на монастырскую жизнь, то необходимо реформировать устав и приспособить его к законным запросам верующего мирянина, чтобы устав сделался понятным и удобоисполнимым и в современных условиях жизни. Тогда устав может сделаться снова жизненным руководителем церковной жизни; требования духовного начальства следовать уставу будут не пустым звуком, а совершенно жизненными и удобоисполнимыми; а церковно-богослужебная практика несомненно приобретет устойчивость и однообразие. Реформа устава находится в полном согласии с предыдущей деятельностью церкви в этом направлении<sup>701</sup>.

О том же писал архиепископ Иркутский Тихон (Троицкий):

В настоящее время (...) устав существует почти номинально, нигде не выполняясь во всей полноте и точности. При соблюдении общей схемы богослужебного устава, частности его подлежат сокращениям и изменениям по личному усмотрению священников. Это обстоятельство заставляет желать установления единообразного и общеобязательного богослужебного устава. Таковой должен быть выработан путем возможного сокращения нынешнего устава, хотя и с сохранением существующего его вида, но уже не подлежать практическому сокращению по усмотрению<sup>702</sup>.

На отрицательные последствия уставного формализма указывал епископ Самарский Константин (Булычев):

В основе современного способа совершения богослужения лежит тот же ветхозаветный принцип: «Сотворивый та человек жив будет в них», – для спасения необходимо выполнить все предписанное уставом: «проклят всяк, кто не исполняет всего, что написано в книге» (Гал.3:10) устава (...) Отсюда – наше церковное чтение, в котором мысли слушающих невозможно поспевать за словами чтеца. Отсюда – все разнообразные компромиссы в выполнении богослужебного устава, когда мы стараемся сделать вид, по крайней мере, будто бы мы выполняем устав<sup>703</sup>.

В церковной печати выступления на тему изменения устава стали появляться с весны 1905 года, и некоторые из этих ранних публикаций, несомненно, оказали влияние на «Отзывы». Так, в уже упоминавшейся статье священника Саввы Потехина «О церковном Соборе»<sup>704</sup> содержалось указание на монастырский характер нашего устава. «Изменить мирскую жизнь применительно к монастырскому уставу нет возможности», – писал автор, предлагавший будущему Поместному Собору создать специальный, творчески переработанный устав для приходских церквей<sup>705</sup>. Предложения о. Саввы дословно повторяются в отзывах епископа Кириона Орловского и архиепископа Агафангела Рижского, а также в докладе А.Г. Смирнова, утвержденном Енисейским епархиальным совещанием, и в постановлении благочиннического собрания Балтского уезда Подольской епархии<sup>706</sup>. Похоже, они оказали заметное влияние и на заключение кишиневских епархиальных миссионеров, пермской епархиальной комиссии и епископа Петра Смоленского<sup>707</sup>.

Более подробно на этой же теме останавливался в июньской публикации «Церковного вестника» священник Ф. Богос. Развивая мысль о неприменимости монастырского устава в мирском быту, он писал:

Типикон распределил отдельные части богослужения таким образом, чтобы монастырские насельники могли освящать церковной молитвой полночь и утренний рассвет, полдень и вечерние сумерки. Этот самый устав был введен и в приходские церкви. Понятно всякому, что такой устав в его целом виде совершенно не подходит к условиям мирской жизни. Собственно говоря, для приходских церквей нужно было составить другой, сокращенный типикон. Этого не сделали, и печальные результаты налицо. Предки наши, фанатически преданные букве закона, без всяких рассуждений приняли монастырский устав и пытались точно выполнить все его требования. Но вотще! Устав оказался неприменимым к укладу мирской жизни (...) Что делать? Буквopоклонники (...) придумали читать и петь «наскоро», проглатывая целые слова и превращая священное богослужение в какое-то неразумное бормотание. (...) Богомольцы стойко выдерживали целые часы и усердно «били» поклоны, полагая всю цель молитвы в физическом изнурении тела. (...)

В монастырях (...) мыслимо вполне беспрепятственно выполнять все требования устава и править службу «неспешно». А вне монастырских стен совсем иная жизнь и требования совсем иные. Прислушиваясь к голосу этой жизни, надо пересмотреть церковный устав и произвести некоторые сокращения<sup>708</sup>.

Смелее всех о церковном уставе высказывался псаломщик Андрей Одинокый – персонаж повести «Как он пошел в народ», отмеченной многочисленными откликами церковной печати 1905–1906 гг.<sup>709</sup>:

Почему-то у нас привыкли смотреть на устав как на нечто священное, догматическое, неприкосновенное. «Ах, Боже мой, он отступил от устава!..» (...) И говорящие так, повидимому, думают, что устав сочинен и передан нам апостолами, если не Самим Иисусом Христом.

Устами своего героя автор напоминал, что на самом деле богослужебный устав

был первоначально составлен частными монахами для частных, местных монастырей в Палестине (Савва Иерусалимский, в VI в.) и Византии (Феодор Студит, в VIII в.); что он не рассматривался никакими соборами, не только вселенскими, но даже и частными; что содержание его менялось неоднократно, вырабатывалось (...) путем практики и получило настоящую свою форму уже у нас, в России, лишь к XVII веку... Писали монахи для монастырей и монахов, а у нас его применили к приходским, светским церквям и мирянам; писали на Востоке, в чуждых нам странах, а применяют у нас, на Севере, где и люди иные, и климат другой; писали в V-XV веках, применяют в XX веке, когда и понятия, и условия жизни чрезвычайно изменились. (...) И что же получилось от такого странного заимствования? А получилось то, что мы благодарим Господа в церкви за появление света, когда как раз наступает ночь; что мы служим утру вечером и вечерню – утром (...) Почему же наша Церковь не снизойдет к немощам людским, почему не применится к изменившимся условиям жизни? Почему не войдет в положение мирян?<sup>710</sup>

Священник Павел Ильинский выражал схожие мысли:

Ревнителям церковного устава следует помнить, что в Церкви Христовой никогда не было в богослужебной практике совершенного единообразия, и не может быть, потому что Церковь вселенская, соборная носит в себе дух свободы, по завещанию Основателя. (...) Поэтому несвойственно вселенской Церкви составлять уставы с мельчайшими указаниями церковной практики: в этом предоставляется свобода местным церквям<sup>711</sup>.

Об исторических основаниях изменяемости богослужебного устава писал Н.Н. Пальмов:

Приспособление содержания и продолжительности служб к составу молящихся и условиям их жизни составляет отличительную черту древнего богослужения на Востоке, освященную примером великих отцов Церкви. На Востоке же, с древних времен, установилось различие в типиконах церквей: соборных, монастырских и приходских – с весьма крупными отличиями как в отношении содержания, так и продолжительности служб. Приспособляемость к обстоятельствам времени ясно дает о себе знать и теперь на Востоке, а также и в богослужебной практике славянских земель. В предисловии к современному греческому, очень сокращенному в сравнении с нашим, типикону, переведенному и на славянский язык в Болгарии, прямо и решительно говорится (цитируем по славянскому переводу): «Позволено есть... святейшим церквей предстоятелям... чинорасполагати в знании священный устав, по потребам времен и мест, по обстоятельствам в церкви на молитву собравшихся людей... во иных бо обстоятельствах имут совершати молитву сущии в мире и отраде и благостоянии, во иных сущии в пустынях и в путешествиях и на войне, во иных во священных обителях живущии, а во иных иже во отшельничестве и молчаличестве ангельски подвигающиеся» (...) Между тем, в практике Русской Церкви для всех храмов является *de jure* обязательным один монастырский устав, столько уже времени регулирующий наше богослужение<sup>712</sup>.

В то же время Пальмов призывал к осторожности при проведении богослужебной реформы, подчеркивая необходимость опираться при этом на основательные знания в области исторической литургики и бережно относиться к чувствам приверженцев церковной старины.

Не торопиться с уставной реформой советовал и его коллега из СПбДА Н.В. Покровский в своем выступлении на пастырском собрании петербургского духовенства (декабрь 1906 г.)<sup>713</sup>:

Если устав – не догмат и не канон, то он, как и история, подлежит изменениям. Но вопрос этот обширный и в настоящее время не своевременный. Ставить его теперь значит придавать ему большее значение, чем какое он имеет на самом деле. Да если бы и удалось его реформировать или дать в замену принятого другой устав, определенный и ясный, то цели – точного исполнения его во всех храмах – не достигнем. У нас есть средство применять к делу и существующий устав умело и целесообразно: в богослужебной практике есть некоторое единство, и им нужно пользоваться. Сокращения устава на практике неизбежны, но сокращать нужно умеючи. Если, например, опустим все стихиры – уничтожим целый отдел и искалечим службу, а если вместо 6 стихир пропоем 2, от этого ничего по существу не изменяется. Но если будем сокращать по одному шаблону, это покажется многим – по человеческой слабости – скучным и снова запросят изменений. Нельзя забывать, что богомольцы разных храмов – различные по вкусам и требованиям люди. На всех одно шаблонное сокращение не угодит, а, напротив, явится уздою, связывающей свободу. Производить (...) изменения в уставе и вообще в богослужении путем законодательным, посредством особых правил и постановлений, едва ли есть надобность. Пастыри Церкви нигде и никогда не задавали себе вопроса: не составить ли нам междочасие? Все службы сложились исторически, а не в силу канонических постановлений<sup>714</sup>.

О. Иаков Извеков также соглашался с мнением, что введение обязательного для всех приходских церквей богослужебного устава излишне, поскольку

в каждой церкви сокращения и отступления от устава выработаны самою жизнью, приспособлены к потребностям данного прихода и молящихся (...) С этой точки зрения единообразие богослужебной практики не является вовсе желательным.

Однако и он считал необходимым указать минимальные требования или границы в сокращении, переступать которые не следовало бы<sup>715</sup>.

Сходную позицию в дискуссии об уставе занимал и бывший обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев:

Древний устав нашего богослужения (...) без сомнения требует, – применительно к потребностям нашего времени и к экономическому складу нынешней общественной жизни, – многих сокращений, когда они могут быть допущены без нарушения существенных частей богослужебного обряда. Но эти сокращения давно уже указаны потребностью приходской жизни и допускаются повсюду на практике – в мере, соответствующей потребностям жизни, местному обычаю и желанию прихожан. (...) Необходимо в сем отношении оставить место удовлетворению в каждом приходе и местного обычая, и благочестивого желания местной паствы, чтобы не возмутить благочестивого чувства в народе. (...) И нежелательно, и небезопасно сочинение нового, обязательного для прихода сокращения богослужебного состава и обряда: достаточны были бы, когда бы признано было нужным, указания – лишь для клира и для совести священнослужителя – некоторых сокращений, которые могут быть допускаемы без сомнения<sup>716</sup>.

К подобным выводам пришли и на некоторых епархиальных съездах – например, в Перми (январь 1906), где созданная духовенством особая комиссия по вопросу о достижении единообразия в отправлении церковных богослужений и треб сочла «совершенно невозможным издать Типикон в сокращенном виде», поскольку практика приходов слишком разнообразна – в одном месте придется прибавлять, в другом убавлять; предложено было лишь держаться прежних обычаев в каждом приходе, а в городах и больших селах, где несколько храмов, постараться на месте договориться о некоем единообразии во избежание укоризны от прихожан<sup>717</sup>.

На опасность соблазна и нового раскола в Церкви в случае введения нового устава указывал в своем докладе на Съезде русских людей (Москва, 1906) священник Николай Миловский<sup>718</sup>, защищавший существующую практику разнообразного по длительности богослужения в различных приходах<sup>719</sup>. Священник Самарской епархии Александр Сухов, признавая практическую невозможность соблюдения устава, считал пересмотр его ненужным:

Невольное невыполнение устава Церкви (...) не отнимает спасительности у церковных служб (...) Устав церковный с его непомерно длинными службами есть (...) тот идеал, к выполнению которого в частях и должен стремиться каждый (...) Идеал (...) необходим, иначе невозможно и думать о совершенствовании...<sup>720</sup>

Подобные соображения высказывал также ректор Олонецкой духовной семинарии архимандрит Фаддей (Успенский)<sup>721</sup>:

Зачем насильственно стеснять порывы духа (...) Ведь еще и теперь есть много людей, которые никак не могут примириться с сокращением богослужебного чина, не только среди монахов, но и благочестивых мирян. Не предпочитают ли и теперь подобные миряне тех священников и те храмы, где службы идут по уставу церковному, без искажений? Не отделятся ли от Церкви новые «старообрядцы», которые не в состоянии будут перенести искажение богослужебных книг? Не установится ли лишняя преграда между Церковью и прежними старообрядцами?<sup>722</sup> Кроме того, по самому существу дела, ведь нельзя создать одного определенного устава для приходских церквей: ведь один приход состоит из ревнителей благочестия, благолепных служб, в иной храм ходят люди, занятые житейскими делами и не имеющие времени на долгие службы или люди, тяготящиеся такими службами; иные церкви назначены для малолетних детей и т.п. Придется создавать несколько уставов. Да если бы и создан был один общий сокращенный устав или несколько, произвол не прекратился бы; слишком уже вкоренился произвол в совершителей богослужения, чтобы они беспрекословно подчинились новому уставу и перестали допускать в нем сокращения<sup>723</sup>.

В другой статье о. Фаддей предлагает такое решение уставного вопроса:

Если кому тяжело быть за всей службой, тот ведь может прийти не на целую службу, а на часть ее, как обыкновенно и делает большинство богомольцев на всех службах, даже кратких<sup>724</sup>.

Однако с еkkлезиологической точки зрения едва ли можно считать такой выход более целесообразным, нежели разумный пересмотр устава: участие в богослужении призвано выявлять молитвенное единение церковной общины, а не просто служить удовлетворению индивидуальных религиозных потребностей.

В своих воззрениях о. Фаддей близок к архиепископу Антонию (Храповицкому), учеником и постриженником которого он был. Владыка Антоний в выступлении на заседаниях Предсоборного Присутствия (1906) тоже указывал на отступление от устава как препятствие для сближения старообрядцев с Церковью и, признавая неизбежность сокращений, предпочитал допускать уклонения от уставных норм на практике, но не пересматривать самый устав. Антония в равной степени возмущали «батюшки на съездах», желавшие, по его словам, «сократить службы церковные до возможной степени», и регенты («наемные разночинцы светского звания, совершенно невежественные и часто безобразные»), произвольно вставляющие в богослужение «отвратительные концерты» да малограмотные акафисты<sup>725</sup>. Несомненно, под влиянием архиепископа Антония было принято и постановление IV Всероссийского миссионерского съезда в Киеве (1908):

Просить Святейший Синод предписать по епархиям, чтобы время, посвящаемое на богослужение (1½–2 часа) употреблялось бы на возможную полноту и уставность службы, а не на бесполезные для назидания концерты<sup>726</sup>.

Впрочем, недовольство растянутыми, сентиментальными и «оперными» партесными песнопениями выражали в те годы многие. Автор статьи, перепечатанной в нескольких журналах, сетовал на «жалкое, постыдное стремление гоняться за эффектами в богослужении, за театральным, противным духу церковной молитвы пением».

Забыли божественную поэзию духоносных отцов (...) забыли в погоне за жалкими, страстными мотивами театральной оперы. Плакать от горечи хочется, видя такое пренебрежение церковного чина. (...) А возьмите вы те же самые 2 часа, какие у нас употребляются на всенощное бдение, да употребите их с толком, и вы в 10 раз улучшите богослужение<sup>727</sup>.

Некоторые авторы отказывались признавать позволительность каких-либо отклонений от уставной нормы. Так, С.И. Голощапов в реферате, прочитанном в пастырско-просветительном кружке при МДА, тоже сетовал на превращение богослужения в оперный спектакль и увещевал:

Сколько ни сокращайте, всегда найдутся люди, которым все будет казаться долго. Они погонят вас еще и еще скорее. Стыдно нам слушать их. Ведь мы забываем, что есть другая часть, которая хочет молиться, как следует. Вот эти люди дороги, и надо бояться, как бы их не разогнать. (...) Вы будете чисты перед Богом и людьми, если будете служить по церковному уставу, не приноравливаясь к прихоти народа, а исполняя чин, положенный св(ятыми) отцами<sup>728</sup>.

О том же писали священники А. Полиевктов и Д. Волосатовский:

С рассуждениями (...) об изменении продолжительности служб и отмене устава согласиться могут лишь те из интеллигенции, которые все равно в храм не пойдут, какие бы там не отправлялись службы. (...) Лишь при смиренном сознании своей немоги, при детском преклонении пред богослужебным строем восточной Церкви возможно возвращение в наше холодное сердце благодатных даров<sup>729</sup>.

Зачем нарушать красоту и стройность нашего богослужения в угоду разным лукавым лентяям?<sup>730</sup>

В подобном духе высказывался и миссионер Николай Следников:

Желающие странного обновления Церкви на новых началах говорят о сокращении богослужебного устава, доселе употреблявшегося в Православной нашей Церкви, об изменении в чине богослужебном, в его строе и порядках. Они хотят посягнуть на великое сокровище, какое заключается в наших богослужебных книгах, они намереваются лишить

искренно верующих людей тех высоких благодатных даров, какие получают православные чрез участие в церковном богослужении в настоящем его составе.

Вместе с тем выясняется, что этот автор по сути желает того же, что и обличаемые им «сократители»:

По нашему мнению, на предстоящем церковном Соборе необходимо подтвердить, что ни под каким видом в богослужении не может быть сокращаемо и оставляемо, чтобы это подтверждение являлось законом для пастырей, не знающих иногда границ своим самовольным сокращением устава<sup>731</sup>.

Попробуем сделать некоторые предварительные выводы.

- Сокращение или даже более серьезная переработка действующего богослужебного устава возможны и необходимы, – считали сторонники уставной реформы. Потребность в последней мотивировалась несоответствием норм монашеского быта, на которые ориентирован существующий устав, радикально отличным от них условиям современной жизни мирян.

- Консервативные оппоненты «реформаторов», предпочитавшие сохранение status quo, в большинстве своем не отрицали исторической изменчивости уставных предписаний и признавали тот факт, что по уставу, строго говоря, богослужение (почти) нигде не совершается. Однако пересмотр писаных уставных норм они считали опасным и бесполезным. Опасным – поскольку такая ревизия могла бы вызвать возмущение и раскол, а также еще более отдалить от Церкви уже отпавших от нее раскольников; бесполезным – поскольку богослужебная практика привычно отстает от нормы и развивается не по писанным узаконениям. Некоторые возражения, кажется, были плодом недоразумения: их авторы считали, что появление переработанного устава не даст возможности желающим придерживаться более полного по объему богослужения.

- Интересно отметить, что в ряде случаев авторы, условно называемые здесь «консерваторами», фактически оказывались защитниками свободы священника и прихода совершать богослужение так, как им нравится (с большей или меньшей оглядкой на неизменные и недостижимые нормы Устава).

Как и в случае с реформой богослужебного языка<sup>732</sup>, а может быть, даже в большей степени, сторонники уставной реформы не составляли однородного лагеря. О переработке и приспособлении устава, об упорядочении церковной службы говорили многие, но едва ли говорили при этом об одном. Попробуем выделить основные тенденции, проявившиеся в ходе дискуссии о богослужебном уставе в предсоборный период. Конечно, разграничение их имеет также условный характер, поскольку одни и те же авторы часто руководствовались одновременно несколькими мотивами.

## Обуздать произвол!

Именно так можно обозначить основное побуждение довольно многочисленной группы выступлений. Их авторы – назовем их *ревнителями*– полагали, что введение пересмотренных и более реалистических уставных норм не удалит современную богослужебную практику от идеала уставности, но приблизит к нему, положив конец чрезмерным, бесконтрольным и часто безграмотным сокращениям.

Епископ Нижегородский Назарий (Кириллов)<sup>733</sup> в своем *отзыве* указывал на «необдуманное, малоосмысленное и нередко совсем бессмысленное» сокращение богослужения, которое он считал проявлением формального отношения священнослужителей к службе «как ремеслу, а не как к живому делу».

Многие сокращения церковных служб, по своей давности и распространенности, стали обычны и повсеместны и принимаются как должное, – и почти никто не замечает их малоосмысленности. Но кто замечает, тот скорбит душой, ропщет и возмущается.

В качестве примера владыка называл сокращения предначинательного псалма, первой кафизмы и полиелейных псалмов на всенощной, изобразительных антифонов на литургии.

В названных случаях обычно поются несколько отдельных стихов, выбранных из псалмов без всякой связи и логической цельности и стройности. Но к этим сокращениям так привыкли, что как будто и не замечают их и находят, что это так и быть должно. Есть сокращения совсем бессмысленные. Таково (...) пение стихов из хвалитных псалмов перед великим славословием, когда оно начинается стихом «Сотворити в них суд написан» (...) От частого или даже всегдашнего употребления и эти нелепые сокращения стали обычными (...) Произвол и личное усмотрение исполнителей в сокращении церковных служб доводят православное церковное богослужение до такого искажения, что оно не только утрачивает стройность, высокую идейность и смысл целого, но даже не имеет осмысленности в частях. Поэтому представляется совершенно необходимым, чтобы это крайне ненормальное явление в области церковного богослужения было предметом самого серьезного обсуждения на предстоящем Поместном Соборе. Естественно ожидать такое постановление Собора, которым будет строго воспрещено православным священно-церковнослужителям делать какие-либо произвольные сокращения в церковных службах и будет вменено в обязанность следовать указаниям церковного устава. Но нельзя при этом не обратить внимание предстоящего Собора на то, что сокращение церковных служб в наших православных храмах стало потребностью значительной части русского общества, и эта потребность пустила такие глубокие корни, что вырвать их едва ли удастся даже и Собору. Продолжительность церковных служб стала обременительна не только образованным классам общества, свободно относящимся к церковной обрядности, но отчасти и простому народу. При истовом чтении и пении продолжительность церковных служб еще более увеличится, и тогда еще более будут обременяться ею, хотя бы служба по исполнению и была поставлена на должную высоту. Ныне более, чем когда-либо, раздаются голоса о реформе церковно-общественного богослужения в таком направлении, чтобы оно удовлетворяло все классы русского общества: настойчиво говорят и о сокращении его, и о новом составлении применительно к современному настроению<sup>734</sup>.

Подобные замечания высказывал и епископ Смоленский Петр (Другов):

Ни для кого не тайна, что богослужебный устав истово исполняется только в немногих, почти единичных обителях; в остальных же монастырях и приходских храмах ни в чем так не выражается ярко воля настоятеля, как в нарушении устава, – воля, переходящая в совершенный произвол, вследствие чего чин богослужения, не говоря об утрате глубокого содержания, одухотворенного единством мысли и идеи и выраженного в пластических формах, предлагается молящимся в уродливом виде. (...) Церковь обязана принять меры к пресечению грубого искажения по произволу церковного устава. Посему предстоящему Собору необходимо (...) выработать такую обязательную норму церковных повседневных богослужений для приходских храмов, которая, сохраняя в себе всю полноту и глубину

содержания, в то же время соответствовала бы условиям современной жизни и ее нуждам и удовлетворяла религиозные чувства и потребности чад Церкви Православной<sup>735</sup>.

Аналогичные предложения (которые кратко можно было бы выразить так: узаконить разумные сокращения, чтобы положить конец нелепым и бессмысленным) выдвигали епископы Иоанн Полтавский (Смирнов) и Евлогий Холмский (Георгиевский)<sup>736</sup>, а также Евсейий Владивостокский<sup>737</sup>. Последний выражал надежду, что выработанный Собором сокращенный устав поможет обуздать

нерадиво и лукаво мыслящих пастырей, которые оправдываются обыкновенно тем, что у нас-де не монастырь, что во всех церквах сокращают и что если растягивать службы, то и богомольцы не будут ходить. Уж если необходимы сокращения Типикона, то лучше указать для них определенные границы<sup>738</sup>.

Приходские священники также отмечали, что сокращения делаются произвольные: в одном месте опускают одно, в другом – другое. (...) Иногда выбрасываются наиболее существенные части чинопоследования и оставляются маловажные.

Дело можно поправить изданием сокращенного (наряду с полным) последования церковных служб, считал о. Михаил Аполлосов:

Это внесло бы однообразие в отправление церковных служб, уничтожило бы произвол в этом деле<sup>739</sup>.

Многие пастыри соглашались, что сокращения порой принимают безобразный характер. «Выражение Типикона (...) *еще изволит настоятель* некоторыми настоятелями понимается широко до абсурда», – писал священник Валдайского уезда Новгородской епархии Михаил Либеровский. «У нас, по пословице, в каждом монастыре свой устав и каждый молодец на свой образец». Особый соблазн наблюдается при смене священников – ведь каждый из них «изволяет» по-своему. Выход из такого положения – в упорядочении богослужебного устава. Этим делом должен бы заняться Собор, но пока он не собрался, необходимые решения могут быть приняты и в пределах епархии<sup>740</sup>. А если ни высшая церковная власть, ни епархиальное начальство не решаются урегулировать объем сокращений, то стоит ли винить духовенство в произволе? «Где личное усмотрение, там неизбежен произвол, злоупотребление», – считал о. Михаил Левитов<sup>741</sup>. На неизбежность такого положения, доколе типик остается лишь номинальной нормой, фактически – недостижимым идеалом богослужения, указывал и профессор СПбДА И.А. Карабинов: «Признается должным приближаться к типику, но оказывается возможным почти бесконечно от него и удаляться»<sup>742</sup>. Справедливы замечания ректора Астраханской духовной семинарии протоиерея Николая Летницкого:

Если принято и почти неофициально узаконено уклонение от устава, то кто и где может указать границы этого уклонения? Богослужебная практика не должна быть плодом произвола, – непременно она должна быть точным выражением известного порядка, авторизованного высшей властью Церкви. Богослужебные формы должны как создаваться, так и исправляться людьми опытными, авторитетными, а не зависеть от случайной прихоти того или другого лица; и если неумолимая жизнь показывает, что существующий церковный устав в некоторых своих подробностях перестает быть руководителем богослужения и обращается в исторический памятник, то он, следовательно, должен быть подвергнут авторитетному пересмотру и в этих именно своих подробностях Церковь изменен и приспособлен к жизни верующих.

Опасным и вредным для Церкви Летницкий считал такое отношение к уставным нормам, когда

формы и порядок богослужения, определяемые уставом, приобретают в сознании верующих догматический авторитет (...) когда и сама церковная власть, считаясь с указанным сознанием верующих, опасается изменять и усовершенствовать устав и оставляет его неприкосновенным, как бы это были сами догматы или же символы всецело апостольского происхождения. Это случилось у нас<sup>743</sup>.



Пожалуй, наиболее непримиримо относились к практике произвольных сокращений некоторые миряне. П. Шишипторов жаловался на беспорядок в столичных храмах:

В одной и той же церкви один священник опускает то, что оставляет другой. (...) Такое отношение к богослужению можно объяснить только крайней небрежностью, соединенной с надеждой, что несведущий в церковном богослужении народ таких бессмысленных опущений не заметит и против (...) непонятного бормотанья – не вознегодует<sup>744</sup>.

Самыми ревностными обличителями нарушений уставности оказались два врача – Василий Николаев и Сергей Апраксин. Первый из них, отставной военный доктор из бывших старообрядцев, живо описывает свои переживания от изуродованного богослужения. Его статья, как и уже цитированная выше<sup>745</sup> статья С. Апраксина, – своего рода памятники, по которым ученые-литургисты смогут судить о реальном состоянии богослужения в России начала XX века. От всенощного бдения остались лишь огрызки, каждый раз одни и те же – трудно понять, какой праздник отмечается. Первый час читается «тайно». На литургии после великой ектении сразу поют последний стих псалма 102; псалом 145 всегда пропускают; хорошо, если хоть споют «Единородный Сыне». Зато как дойдут до заупокойной ектении, спешка кончается: минут 15–20 читают помянники. «Откуда вдруг такая ревность?»<sup>746</sup> Отпевание и панихида – не утешение в скорби, а пущее горе: поют одни концы песнопений, без подлежащего и сказуемого, остальную часть предложений священник якобы прочитал про себя. И прочее, и прочее, и прочее.

Такого безобразия не было, вспоминал Николаев, до сокращения церковнослужительских штатов в 1869 г.<sup>747</sup> А теперь его оправдывают словами: публика утомляется... Если кто и утомляется – так это лишь «интеллигенция», а на нее оглядываться не стоит: во-первых, она составляет менее 10% населения, а во-вторых, этих утомленных и короткой службой в церковь не заманишь<sup>748</sup>.

Что же делать? Уж если приходится службу сокращать, пусть этим займется Собор, предпримет реформу богослужения, выработает новый устав – но с тем, чтобы он уже неуклонно соблюдался. Предлагал Николаев и собственный проект «восстановления порядка богослужения» – с умеренными сокращениями всенощного бдения<sup>749</sup>. К этой теме, впервые затронутой им в 1906 г., В. Николаев (уже более, чем семидесятилетний) вновь обратился шесть лет спустя, в период кратковременного оживления соборных ожиданий. Теперь он писал:

Необходимость, не говорим реформы, но упорядочения нашего богослужения настолько созрела, что медлить с разрешением этого вопроса невозможно<sup>750</sup>.

Нижегородский врач Сергей Апраксин, в недавнем прошлом – неверующий, обратившийся к Богу в 1900 году после перенесенной тяжелой болезни<sup>751</sup>, завершает скорбный лист недугов богослужебной практики укорами в адрес духовенства: это от их произвола и небрежности служба стала такой искалеченной, что больше утомляет, чем вдохновляет молящихся. Причем утомляет не длиной, а бессмысленностью, ведь от спешки почти ничего нельзя понять из читаемого... В последнее время эта тенденция сокращения и искажения службы проникла и в монастыри. Прогноз доктора Апраксина:

Если не будет положено этому предела, то в непродолжительном времени хорошей, истовой уставной службы нигде нельзя будет встретить, и ревнителям ее ничего другого не останется, как посещать единовещерские храмы<sup>752</sup>.

Предложенное лечение: монахов надо заставить исполнять устав, а в приходах, если уж невозможно по условиям времени возратить приходской службе прежнюю полноту ее форм, то необходимо выработать новую норму, при которой служба была бы не так продолжительна, но в то же время сохранила бы в себе все то, что придает ей красоту и содержание (...) и вменить в обязанность ни в каком случае от этой нормы не отступать<sup>753</sup>.

Единственную надежду Апраксин возлагал на Поместный Собор, потому что местные епархиальные власти, сознавая неудобоисполнимость уставной службы в приходских храмах, в то же время не считают себя правомочными предложить какую-либо сокращенную форму и предоставляют дело своеволию настоятелей<sup>754</sup>. Стремясь привлечь внимание будущих членов Собора к уставному вопросу, С. Апраксин проявил упорство, граничащее с

маниакальностью: свою статью он успел весной 1905 года опубликовать практически одновременно в трех духовных журналах, зачитать в качестве реферата в собрании нижегородского духовенства и подать в виде записки митрополиту Антонию с просьбой доложить о существе дела на предстоящем Соборе или хотя бы в заседании Синода<sup>755</sup>. В августе 1907 года Апраксин вновь сделал аналогичное сообщение на миссионерском съезде в Нижнем Новгороде, текст его был также опубликован не менее, чем в трех журналах<sup>756</sup>. Весьма сочувственная рецензия на эту последнюю публикацию появилась в старообрядческом журнале:

Когда читаешь его доклад, то так и кажется, что писал его старообрядец, – до того весь склад мышления и аргументы его – старообрядческие и проникнуты идеей церковности и незыблемости всех уставов и установлений церковных. (...) Мы рекомендуем нашим читателям непременно приобрести, прочитать и распространять эту брошюру<sup>757</sup>.

## «Лучше мало, да хорошо, чем много – да безалаберно»

Это изречение уже знакомого нам *Андрея Одинокого*<sup>758</sup> – далеко не одинокого, как выяснилось, в своих воззрениях – отражает позиции другого крыла сторонников уставной реформы. Среди тех, кто решился защищать сей принцип публично, мы уже не находим архиереев, хотя, по справедливому замечанию профессора П.П. Кудрявцева, «не только в приходских, но и архиерейских церквах богослужение совершается с некоторыми сокращениями»<sup>759</sup>. Подобные соображения выдвигались главным образом приходскими священниками или мирянами, тесно связанными с церковной деятельностью. Это – церковные реалисты, и аргументы их обычно самые простые, обращенные к здравому смыслу. Раз уж в действительности идеалистические пожелания не сбываются и практически ни у кого не получается служить «по уставу» да при том без спешки, так не лучше ли пересмотреть устав?

Священник Александр Смирягин, указывая на множество обязанностей приходского пастыря, утверждал:

Волей-неволей приходится или служить с пропусками, или читать так быстро, что присутствующие почти ничего не могут понять из читаемого. (...) Если бы приходские священники решились исполнять все требы по уставу, без всяких сокращений, то едва ли успели бы управиться с одной этой обязанностью. (...) Для искоренения дьячковского бормотанья епархиальные начальства употребляли и употребляют много карательных мер, рассылают циркуляры (...) а все толку мало. Не хотят понять, что если бы на псаломщицкое место поступил сам Демосфен, то, при теперешнем положении духовенства, и он в скором времени стал бы читать не лучше дьячка из какой-нибудь Босоноговки... (...) Сторонники быстрого чтения говорят: «мы хоть и бормочем, зато, *согласно уставу, ничего не пропускаем*». (...) Если бы епархиальное начальство не наказывало духовенство за пропуски в службах, то дьячковское бормотание скоро совсем бы исчезло<sup>760</sup>.

Если невозможно прочитывать всего или многого из положенных молитв ясно, понятно и выразительно, то пусть дозволено будет читать меньше, но так, чтобы это некоторое оставляло след в душе молящихся,

– писал священник петербургской церкви Воскресения Христова на Екатерининском канале Николай Антонов<sup>761</sup>. Братство святителей Московских придерживалось того же убеждения:

бесспорно лучше, чтобы прочитывалось меньше, но внятно, чем все, положенное по уставу, но невразумительно<sup>762</sup>.

К подобному выводу пришли на своем благочинническом съезде и батюшки из Онежского уезда: «Лучше петь и читать немного, но толково и со смыслом»<sup>763</sup>. Их собрат из Архангельской епархии указывал, что в противном случае

все это «борзо» прочитываемое (...) останется мертвым капиталом. Это будет для чтеца какая-то трудная гимнастика, а для слушающих богомольцев – «биением воздуха»<sup>764</sup>.

Весьма ясно передавал суть дела Е.Е. Голубинский в статье «Благие желания (*pia desideria*) относительно Русской Церкви», написанной еще в 1881 году, но опубликованной лишь посмертно:

Нынешний устав (...) есть устав монастырский, представляющий службы в таком объеме, что если бы совершать всенощные бдения и заутрени так истово, чтобы все читаемое и поемое на них было совершенно ясно для присутствующих, то они выходили бы до такой степени продолжительными, как в приходских церквах это совсем невозможно (и как это и в самих монастырях вполне соблюдается только на одном Афоне). Чтобы сократить службы до продолжительности, которая возможна и в приходских церквах, их и принуждены совершать так, чтобы значительная часть поемого и читаемого совсем не могла быть разбираема присутствующими и только понапрасну била их уши. Ясно, что это есть вовсе не естественное положение дела, которое должно быть устранено: невозможно совершать служб надлежащим образом в полном объеме устава, потому что нельзя и нет

основания заставлять мирских быть монахами (и притом только афонскими); но бессмысленно и совершать службы так, чтобы присутствующие вовсе не разбирали того, что читается и поется (...) следовательно, для достижения возможности последнего необходимо сократить службы<sup>765</sup>.

Итак, «лучше прочесть один псалом вместо двух, но только ясно, отдельно, вразумительно», – советовал П.П. Кудрявцев<sup>766</sup>. А известный духовный писатель Е.Н. Погожев (Е. Поселянин) писал:

Эта гоньба за вычитыванием, скажу даже оттараториваньем во что бы то ни стало, каким бы то ни было до безобразия неясным образом, непременно известного количества псалмов имеет в себе что-то чисто языческое. Как будто Бог нуждается в этой именно порции псалмов. Мысль приличная для индийского факира, а не для христианина<sup>767</sup>.

## «Успокоить совесть священника»

авторитетным решением вопроса об уставных сокращениях призвал священник Михаил Утробин на Вятском епархиальном собрании 1906 года<sup>768</sup>. Подобные мысли высказывал его собрат из Орловской епархии:

Сокращая богослужебный устав, каждый пастырь тяжко согрешает, как разоритель устава, соблазняет верующих. (...) Такая мысль всегда тяготила, тяготит пастыря, и, несмотря на все это, грех сокращения богослужения остается и в нем повинны все пастыри. Как быть? Кто властен разрешить эту коллизию в душе пастыря, этот его грех? Конечно, никто иной, как Церковь<sup>769</sup>.

Но если сокращение богослужения фактически стало повсеместным и при действующем уставе – зачем еще сокращать и переделывать последний? Такую позицию, как уже отмечалось, занимали К.П. Победоносцев, Н.В. Покровский, архиепископ Антоний (Храповицкий) и другие просвещенные консерваторы, не склонные чересчур корить священников за *разумное* отступление от буквы устава.

Нельзя так просто менять устав, – возражал Покровскому о. Николай Дроздов. Ведь и действующий Устав духовных консисторий гласит (ст. 35): «Богослужение совершается по церковному уставу без произвольных изменений и нововведений». В этом деле нужны консультации компетентных специалистов, *соборное*, а не единоличное решение священника – «дабы не явиться (...) вместо благообразного *обновления* неблагочинному *искажению* чинов»<sup>770</sup>.

«Священник обыкновенно встречает своего епископа, дрожа от страха», – признавался анонимный *служитель алтаря*. Одна из причин – отсутствие реально действующего устава. Сокращают (особенно всенощные) повсюду.

Но на вопрос, как именно сокращать эти службы, авторитетного ответа в нашей Церкви не имеется, и поэтому в разных местностях так называемые всенощные бдения совершаются различно: в одних церквях допускается одно, в других другое. (...) Указаний в уставе на это нет, и епископ имеет право за это сокращение подвергать священника взысканию. (...) Нередко в одной епархии наказывают священников за то, что в другой епархии считается обычно практикуемым и одобряемым. (...) На эти обстоятельства мы указываем потому, что они часто служат для раздражительного владыки побуждением для публичного выговора, наказания священнику<sup>771</sup>.

Действительно, как отмечал столичный священник Петр Кремлевский,

в одних церквях на всенощной поют «Блажен муж», в других опускают; в некоторых на «Господи возвах» поют одну стихирю, а в некоторых сельских целых десять. В одних церквях читают кафизмы (больше или меньше), в других вовсе пропускают; в некоторых на каноне читаются все тропари, в других только три, в иных один, а в некоторых вовсе ничего не читают; тоже стихирь «на стиховне» и «на хвалите» (...) Надо подумать и придти к соглашению. Надо выработать нормальный средний устав, которого должны придерживаться приходские церкви, не лишаясь, впрочем, свободы допускать в случае необходимости отступления<sup>772</sup>.

С пониманием относились к проблеме и некоторые архиереи. Архиепископ Воронежский Анастасий (Добрадин) в своем отзыве 1905 года сообщал о просьбе назначенного им епархиального совещания дать на предстоящем Соборе определенные указания относительно допустимых сокращений богослужения, добавив, что «без такого пересмотра священники по-прежнему будут стоять в ложном положении»<sup>773</sup>. Архиепископ Ярославский Иаков (Пятницкий) отмечал:

Произвольные сокращения тяжело ложатся на совесть совершителей богослужения: один из пунктов ставленнического допроса перед рукоположением во священника требует, чтобы принимающий рукоположение обещался совершать богослужение «без произвольных изменений и сокращений». Это обещание ставленник подтверждает затем присягою с целованием св. Евангелия и св. Креста. Между тем с первых же шагов пастырь замечает,

что богослужение везде совершается с произвольными сокращениями, что без сокращений нельзя и обойтись, они являются неизбежным горем. С другой стороны, сокращения эти, как дело произвола, являются крайне разнообразными (...) Отсюда – взаимные осуждения и духовных, и мирян<sup>774</sup>.

Епископ Минский Михаил (Темнорусов) еще сильнее акцентировал внимание на порочном характере сложившегося раздвоения между уставом и жизнью:

Из 50 тысяч церквей Российской империи в 49 тысячах богослужение совершается с чрезвычайными самовольными сокращениями, а также с поспешностью, с дурным чтением и пением: всенощное бдение 1–3 часа, литургия – 45 минут, а вечерни и совершенно не бывает. В сокращении службы происходит полный произвол, зависящий от воли настоятелей, а особенно чтецов и певцов. И так дело идет и в деревнях, и в столицах, и в кафедральных соборах, и в монастырях. Все погрешают против устава, и это так часто, повсеместно и почти всеми совершается, что этот грех приобрел право гражданства, считается делом обычным: иного порядка как будто и не может быть. Конечно, трудное дело совершать богослужение в течение 12 часов, еще труднее стоять в храме и молиться в течение этого времени. Нельзя этого достигнуть никакими приказаниями и наказаниями. Где устав выполняется в совершенстве и притом разумно, там это является как подвижничество, тоже не для всех доступное, или точнее – доступное для немногих. (...) А между тем, по праву ли поступают те, кто сокращает устав по своему произволу? Едва ли!

Итак, в 49 тысячах церквей Православной Русской Церкви творится беззаконие, вошедшее в привычку, хотя и смущающее совесть многих. Что же делать, чтобы не творилось это беззаконие? То же, что творили св. Василий Великий, св. Иоанн Златоуст и другие (...) Церковь не только вселенская, но и поместная имеет право сокращать чины богослужебные, каким пользовалась до настоящего времени<sup>775</sup>.

Со стороны воспитательной подходил к тому же вопросу смотритель Оренбургского духовного училища Ф. Макарьев. В Церкви, отмечал он, сосуществуют два устава:

Один – в церковно-богослужебных книгах, «протяженно сложенный» (...) фактически выполняемый (...) лишь в немногих, избранных монастырях, другой – в действующей церковно-богослужебной практике, весьма далекий от книжного устава по своей полноте и вместе весьма разнообразный в разных «весях» и «градах» Руси православной.

Изучать первый как будто и бессмысленно – его все равно не выполняют. Таким образом ученикам внушается: то, чему учат в школе, к жизни не имеет отношения. Сомнительный воспитательный прием... А если изучать практику, встает вопрос – какую? Она ведь всюду разная. Выход один – необходимо пересмотреть устав<sup>776</sup>.

## Пришедше на запад солнца... исполним утреннюю молитву?

Один из аспектов несоответствия между реальной жизнью и уставными нормами вызывал особенно дружную критику со стороны архиереев, духовенства и мирян. Это расхождение существующих богослужебных текстов с изменившимся временем изменения богослужений.

Архиепископ Ярославский Иаков (Пятницкий) писал в своем *отзыве*:

Необходимы известные границы, переступить которые считалось бы непозволительным. В самом деле, можно ли при каких угодно обстоятельствах примириться с совершением литургии Преждеосвященных Даров в 6 или 7 часов утра при пении *Да исправится молитва моя* и проч.?<sup>777</sup> Нечто подобное представляют из себя наши всенощные, на которых еще при последних, а иногда даже и не последних лучах заходящего солнца чтец уже при чтении шестопсалмия возглашает: *Аз уснух и сплах, восстах... Боже, Боже мой, к Тебе утреннюю... поминах Тя на постели моей, на утренних поучахся в Тя... утро молитва моя предварит Тя... слышану сотвори мне заутра милость Твою*. Потом священник возглашает: *Слава Тебе, показавшему нам свет*, и, наконец, диакон приглашает: *Исполним утреннюю молитву нашу*<sup>778</sup>.

На пастырском собрании в Петербурге настоятель Спасо-Сенновской церкви священник Александр Петровский выражал свое недоумение:

Как же не смущаться совестью священнику, например, при чтении с вечера за всенощным бдением тайных молитв, в которых он благодарит Бога за проведенную ночь (...) ?<sup>779</sup>

Другой священник задавался подобным вопросом:

Обращаться утром с молитвой к Богу и просить мирного и святого вечера, который уже прошел, не есть ли невнимание к молитве?<sup>780</sup>

«И неужели грех упорядочить, улучшить это?» – спрашивал по тому же поводу их сельский собрат<sup>781</sup>.

На епархиальном собрании в Вятке священник Михаил Елабужский предлагал:

Необходимо содержание молитв приурочить ко времени их совершения, дабы не петь вечерних молитв и не заявлять, что мы пришли *на запад солнца*, тогда как на самом деле светает утро, и не возглашать при наступлении ночи: *Слава Тебе, показавшему нам свет*<sup>782</sup>.

По поводу этого выступления состоялась оживленная дискуссия, в ходе которой высказались 12 депутатов. Епископ Глазовский Павел (Поспелов) находил, что «если есть выражения, не соответствующие времени, то это никого и нисколько не смущает». Другие указывали на неудобство разделения вечерни и утрени, которое могло бы служить выходом из создавшегося положения: в городе никто не приходит в храм рано утром, в селе – не пойдут вечером. В результате значительным большинством голосов (110 против 6) была все же принята резолюция: «Богослужение должно быть приспособлено ко времени его совершения»<sup>783</sup>.

Минимальный вариант такого приспособления предложил о. Иаков Извеков:

В богослужении утрени, если оно совершается с вечера, следовало бы в начале просительной эктении опускать слово «утреннюю» в прошении «исполним утреннюю молитву нашу Господеви»; вместо «дне всего совершенна» читать «вечера»; в великом славословии слова: «сподоби, Господи, в день сей без греха сохраниться нам» изменять таким образом, как они читаются на вечерне: «в вечер сей», или на повечерии: «в ночь сию»; молитвы, положенные во время шестопсалмия для тайного чтения священнику, вечером не читать, а прочитывать их дома утром вместе с утренними молитвами или в храме пред литургиею<sup>784</sup>.

Этим вопросом занималась также Варшавская епархиальная комиссия 1905 года, которая предлагала более естественное решение:

Ввиду несоответствия некоторых молитв и священнодействий всенощного бдения времени, в которое оно обычно совершается, т.е. вечеру или утру, а также большой

сложности и продолжительности этой службы, если ее совершить истово, лучше было бы разделить это богослужение на две части – вечерню и утреню, и совершать их в положенное для них время, как это делается в восточных церквах, оставив совершение всенощного бдения принадлежностью только немногих великих праздников, и тогда совершать его поздно, так чтобы утренние моления падали уже на утреннее время, после полуночи<sup>785</sup>.

Со ссылкой на практику других Православных Церквей тот же выход предлагал и А.А. Дмитриевский<sup>786</sup> в своей лекции, прочитанной в 1907 году в Киеве:

На Востоке все всенощные бдения давно отошли в область преданий. С вечера там совершается одна вечерня, часов с 7 утра – утренняя, начинается прямо шестопсалмием, – после утрени, без часов, – литургия, все богослужение продолжается 2–2½ часа...<sup>787</sup>

Особое решение нашел архиепископ Иаков:

Нужно положительно воспретить совершение всенощных с 5-ти или 6-ти часов вечера. А так как народ привык уже под воскресенья и праздничные дни в городах вечером бывать за праздничным богослужением, то в удовлетворение религиозной потребности набожных лиц можно дозволить совершать под эти дни великую вечерню и малое повечерие, на котором по славословии, а лучше перед славословием петь воскресный и праздничный канон, предваряя его, пожалуй, и полиелеем и завершая великим славословием. Резкого нарушения церковного устава при этом не произойдет, служба же составит подобная нынешней всенощной, только без утренних молитвословий. А утреню священники, конечно, должны совершать утром в положенное время<sup>788</sup>.

Нечто подобное предлагал в своей повести Е.С. Швидченко:

Почему наша Церковь (...) не образует из «вечерни» и «утрени» одного цельного, небольшого, но логичного богослужения, которое всецело относилось бы к вечеру дня, в то время, как литургия одна, сама по себе, составила бы утреннее богослужение?<sup>789</sup>



## Выявить наиболее ценное

«Материала действительно высокохудожественного и поэтического Церковь накопила немало», – писал в 1906 году стокгольмский псаломщик М. Леонович, –

но он и доньше находится в хаотическом состоянии: идейной группировки и сознательного выбора сделано еще не было. Отсюда загромождение всего богослужения бесчисленными повторениями<sup>790</sup>.

Протоиерей А. Хотовицкий предлагал:

надо разумно и как можно содержательнее использовать хотя то небольшое количество времени, какое паства дает нам из своего дня. Т.е. надо выпустить из состава службы ненужные повторения, искусственно привнесенные сюда, и восстановить и удерживать твердо то, что дает красоту чину церковному и питает душу православного человека, но что, к сожалению, по произволу и из-за экономии времени отбрасывается, – именно, стихиры, каноны и пр.<sup>791</sup>

Предложения такого «сознательного выбора» содержатся и в «Отзывах епархиальных архиереев».

Сократить для приходских церквей чинопоследования некоторых общественных служб (особенно всенощного бдения) с тем, чтобы (...) главный смысл (идея) каждого чинопоследования, выраженный в известных молитвах, песнопениях или обрядах, рельефнее выделялся для слушателей, не заслоняемый разными второстепенными молитвами и песнопениями в составе службы

предлагала Архангельская епархиальная комиссия<sup>792</sup>.

Комиссия Олонецкой епархии призывала «избегать повторения» и «оставить только то, что является наиболее целесообразным в условиях современной жизни»<sup>793</sup>. Похожие рекомендации представила и Варшавская комиссия:

Выработать для приходских церквей особую норму устава, приблизительно наполовину сокращенную против монастырской, избрав для сего из многочисленных положенных по уставу переменяемых (стихир, седальнов, канонов и т.п.) то, что есть в этом роде в наших богослужебных книгах наиболее прекрасного, художественно содержательного, и предписав это избранное обязательно и неотложно выполнять во всех приходских церквах<sup>794</sup>.

Интересен и альтернативный вариант, предложенный, возможно, с учетом практики Римской Церкви:

Распределить многочисленные стихиры и псалмы для прочтения один раз не в годичном, а в двухгодичном круге богослужения<sup>795</sup>.

Для высвобождения времени, которое можно было бы заполнить изменяемым богослужебным материалом, чаще всего предлагали сократить повторяемые ектении. Кроме Варшавской и Архангельской комиссий<sup>796</sup>, такую меру находил полезной и святитель Тихон, а также многие другие авторы<sup>797</sup>. Один из них указывал:

Оставляют, так сказать, кости богослужения без мускулов тела: оставляют ектении, возгласы священника, песнопения суточного богослужения и выпускают изменяемые его части. (...) Особенно странным представляется так называемая «всенощная» (...) мы слышим по дважды три большие ектении, бесчисленное количество малых и кое-что из остального состава службы<sup>798</sup>.

Обозреватель петербургского журнала сетовал

Наше богослужение (...) порою томит богомольца и свою стереотипную монотонностью, повторяемостью одних и тех же формул. Если в нашей приходской церкви был бы вполне приемлем и выполним тот монастырский чин, который имеет в виду наш церковный устав, то эта монотонность не так чувствовалась бы за обилием вводных, изменяемых частей. Но в сельских церквах, а еще больше в столичных домовых, три четверти изменяемых частей богослужения в силу необходимости опускаются. И остаются в сущности повторяющиеся одна за другою ектении, да некоторые общеизвестные от частого повторения возгласы и песнопения. Все богатство церковной поэзии: стихир, канонов, лежит

мертвым кладом. (...) Практика настоятельских сокращений служб, притом в большинстве случаев, как раз пошла по пути исключения живых изменяемых частей богослужения (...) Гораздо лучше было бы, не оставляя сокращения богослужебного чина на волю настоятелей, выработать особый порядок службы, совершаемой сокращенно ради нужды или немощи молящихся<sup>799</sup>.

В качестве яркого примера неразумной приверженности шаблону В. Германов приводил совершение во многих храмах последования Страстей Господних (утрени Великого Пятка): «вычитываются все малые ектении, и опускаются седальны и антифоны», то есть наиболее содержательная и специфическая часть этой службы<sup>800</sup>.

На Рижском епархиальном соборе под председательством архиепископа Агафангела<sup>801</sup> осенью 1905 года были выработаны следующие предписания относительно ектений на всенощном бдении:

а) на вечерне: пропустить сугубую ектению, так как те же моления повторяются на весьма часто совершаемой литии, тем более, что та же ектения произносится на утрени; молитву главопреклонения читать вслух;

б) на утрени: пропустить великую, просительную и все малые ектении на каноне и между кафизмами, оставить малые ектении по кафизме и по 9-ой песни канона<sup>802</sup>.

Протоиерей Павел Городцев предлагал исключить из вечерни благословение хлебов, как рудимент утратившего актуальность монастырского обычая храмовой трапезы посреди бдения. В связи с отсутствием оглашенных и кающихся в притворе, отпали, по его мнению, и основания для выхода на литию накануне великих праздников. На утрени о. Павел предлагал после кафизм читать и толковать Евангелие, а после шестопсалмия – читать или пересказывать историю праздника либо житие святого. Помазание елеем он считал необходимым совершать по уставу, после отпуска утрени, чтобы хождение молящихся не препятствовало слушанию канона<sup>803</sup>.

Практическое нормирование допустимых сокращений в изменяемых частях службы, по мнению одного из участников дискуссии, должно стать предметом попечения не столько центральной церковной власти, сколько епархиальных епископов:

Разумные сокращения – рукою непременно знающе – возможны, но не могут и не должны быть одинаковы для всех. Это дело епископа, знающего народ своей епархии, и его обычаи и потребности – дать не закон, но руководственное наставление иереям и причтам, что возможно было бы сократить<sup>804</sup>.

Попытки такого нормирования предпринимались в отдельных епархиях и даже благочиниях в предсоборные годы<sup>805</sup>. Так на собрании новгородского духовенства 14 декабря 1910 года викарный епископ Тихвинский Андроник (Никольский)<sup>806</sup> дал следующие указания:

На «Господи возвах» следовало бы петь хотя бы 6 стихир; при этом надо принимать во внимание не один только октоих, но по уставу прибавлять и стихиры из минеи. На «стиховнах» должно быть не менее двух стихир, чтобы между ними был псаломский «стих» и они оправдывали бы свое название, – затем слава и ныне – богородичен; а в поспразднстве стихир праздника. (...) Канон есть самая важная часть всенощного или утреннего богослужения. Так как в большинстве случаев положено бывает три канона, то из каждого канона на каждой песни читать по 2 тропаря, всего, значит, на 6. А при 4 канонах в воскресный день, если восьми тропарей покажется слишком много, то или соединить воскресный и крестовоскресный каноны по сходству их содержания в один и оставить всего то же количество тропарей 6, или же во всяком случае прочитать хотя по 1 тропарю из каждого канона (воскресный, крестовоскресный, Богородице и святого), всего на 4. (...) На хвалитех было бы желательным 2 стихиры пропеть и 2 еще хотя бы прочитать, слава – стихира евангельская, и ныне – «Преблагословенна...», а в праздники – слава и ныне, праздника. По славословии обязательно петь воскресные тропари «Днесь спасение...» или «Воскрес из гроба...» – это в воскресные дни, а в праздники тропарь праздника или празднуемого святого с богородичным<sup>807</sup>.

Более краткую норму приняли на благочинническом съезде в 1905 году священники 3 округа Онежского уезда Архангельской епархии:

Стихиры на «Господи воззвах» петь только в продолжении каждения священником храма, когда кончится каждение, петь «И ныне» и богородичен или догматик. На стиховне петь первую стихирю без стихов в воскресные дни, и со стихами и чтением стихир – в великие праздники. «Бог Господь и явися нам» петь трижды, затем тропарь однажды и богородичен. Кафизму читать одну, только не одни и те же псалмы или части псалмов кафизмы, а разные. В каноне ирмос петь, читать три тропаря, а катавасию петь после третьей, шестой, восьмой и девятой песней. На «хвалитех» петь одни стихи, «и ныне» – богородичен<sup>808</sup>.

Однако и такой состав богослужения представляется достаточно полным при сопоставлении с «Уставом церковным, приспособленным к употреблению в домовых церквях» из архивного фонда рукописей Святейшего Синода. По указанию этого документа, датированного 1900 годом, «воскресное всенощное продолжается 1 час и 15 минут» и предусматривает пение только одной стихиры на «Господи воззвах», одного тропаря на вечерне и на «Бог Господь»; шестопсалмие сокращено до 3 псалмов (3, 87, 142), на кафизме из трех слав читаются только избранные стихи, поются 3 воскресных тропаря «по непорочных», совершенно опускаются степенны, канон состоит из 4 песней (1, 5, 8, 9), на каждой из которых читается по одному тропарю, «Честнейшую» поют с двумя стихами из 6, стихиры «на хвалитех» опущены, кроме последней, как и тропарь по великом славословии<sup>809</sup>. Праздничное «бдение» дополнено литией и включает все песни канона (по одному тропарю)<sup>810</sup>. Многочисленные пометки, сделанные разным почерком, разными чернилами и карандашом, указывают, что тетрадь находилась в практическом употреблении – скорее всего, в церкви при одном из учебных заведений.

Предельной краткостью отличались также богослужения в придворных и армейских церквях. Богослужебная секция I Всероссийского съезда военного и морского духовенства (июль 1914) в своем докладе предложила:

Продолжительность службы для всенощной и литургии определить приблизительно в 1½ часа, а на двенадцатые праздники (...) продолжительнее. Для судовых церквей служба может быть еще сокращеннее (1¼)<sup>811</sup>.

Протопресвитер армии и флота Г.И. Шавельский<sup>812</sup> в своих воспоминаниях рассказывает о безуспешной попытке получить благословение Святейшего Синода на составленный им в 1915 году по образцу придворного распорядка сокращенный устав богослужения для военных и морских церквей. Тем не менее, соответствующие указания с разрешения государя были изданы и разосланы в войска<sup>813</sup>. В приказе духовенству действующей армии от 30 мая – 1 июня 1916 г. протопресвитер указывал:

Гоняться следует не за количеством, а за качеством. В военное время богослужение не может и не должно быть продолжительно: совершение богослужения по уставу невозможно; пропуски и сокращения неизбежны. Но необходимо, чтобы сокращения были сделаны разумно. (...) Во избежание неудачных сокращений и соблазнительного для молящихся разнообразия, предлагаю к сведению напечатанный ниже порядок, принятый в большинстве придворных и домовых петроградских церквей. Удлинение службы сравнительно с этим порядком, конечно, не возбраняется, где время и обстоятельства позволят сделать это<sup>814</sup>.

Приведенный распорядок всенощной близок к рукописному уставу 1900 года, с той разницей, что шестопсалмие сокращается до 4 псалмов, на каждой из 4–5 песней канона читается по 2–3 тропаря; ектении произносятся великая и сугубая на вечерне, великая, просительная и одна малая (по каноне) на утрени<sup>815</sup>. Надо иметь в виду, что указания Шавельского были направлены не на сокращение, а именно на упорядочение службы: по воспоминаниям протопресвитера, составить эту инструкцию его побудило посещение всенощной, на которой «были пропущены все стихиры и шестопсалмие, не было прочитано ни одного стиха из канона»<sup>816</sup>.

Вносившиеся в предсоборный период предложения по пересмотру устава не сводились к спискам сокращений. Например, дополнить устав отсутствующими в нем указаниями

относительно выноса плащаницы предлагал в 1907 г. профессор А.А. Дмитриевский<sup>817</sup>. По его мнению, не следует, как это обычно делают, вновь полагать плащаницу посреди храма после утрени Великой Субботы. На последующей литургии «поются уже воскресные песнопения, читается воскресное Евангелие, – Христос же находится во гробе – явная несообразность»<sup>818</sup>. Позднее, в 1909 г., профессор безуспешно пытался провести соответствующие предположения через Святейший Синод<sup>819</sup>.

Кроме того, киевский литургист предлагал вернуть на свои первоначальные места молитвы утрени, что ныне тайно читаются священником во время шестопсалмия (хотя они не имеют с последним никакой связи). Из-за этого священник, вопреки ясным указаниям устава, не может ни читать, ни слушать шестопсалмия, а оторванные от молитв возгласы после ектений утрачивают смысл<sup>820</sup>.

## Константинопольский устав?

Доклад о действующем «Уставе церковном по чину Христовой Великой Церкви»<sup>821</sup> был предложен на совместном заседании VI и VII отделов Предсоборного Присутствия в мае 1906 г. архиепископом Сергием (Страгородским), председателем VII отдела<sup>822</sup>.

Константинопольский устав, сообщил преосвященный, не предусматривает всенощных бдений и чтения часов в воскресные и праздничные дни. На воскресной утрени Евангелие читается после Песни Богородицы, перед великим славословием; непосредственно за последним начинается литургия. По мнению будущего патриарха,

такая концентрация богослужения, несомненно, удачно примиряет два противоположных течения в церковном обществе. Ревнителю могут прийти на все службы и услышать их во всей полноте. Тот же, кто не имеет сил или времени на это, может прийти только утром и даже во второй половине утрени, и все-таки не лишится участия в наиболее умирительных и назидательных священнодействиях.

Однако под влиянием председателя VI отдела архиепископа Антония (Храповицкого) обсуждение доклада не состоялось, «принимая во внимание, что все-таки попытка сокращений может производить соблазн и смущение в верующей душе». Со стороны о. Михаила Чельцова, одного из участников работы VI отдела, такая уклончивость вызвала резкую критику:

Ведь все хорошо знают, что вопрос о богослужении – самый больной и самый насущный наш вопрос. (...) Боязнь принципиальности и прямоты в постановлениях, стремление отделаться безопасным и легким сказывается в каждом журнале отдела<sup>823</sup>.

Сторонником обращения к Константинопольскому уставу, «который явится в деле исправления образцом и приведет в единство нашу разнообразную практику», выступал также А.А. Дмитриевский<sup>824</sup>.

Наконец, 8 марта 1915 г. в своей речи на годовичном акте СПбДА И.А. Карабинов попытался обратить внимание на Студийский типик – основу современного Константинопольского – как на возможное решение уставной проблемы в Русской Церкви. По мнению профессора, такие преимущества Студийского устава, как ясность его предписаний и сравнительная с Иерусалимским простота и умеренность способствовали бы упорядочению богослужения в России. Вдобавок Студийский устав в прошлом долгое время употреблялся в Русской Церкви, так что его введение не представлялось бы чем-то совершенно новым.

Пример св. Феодора, стремившегося в своем уставе согласить палестинскую богослужебную норму с трудовым строем своего общежития, показывает, что на деловую жизнь нельзя смотреть просто как на досадную помеху, препятствующую выполнить букву типика. С историко-литургической точки зрения принятый в Студийском уставе способ сокращения богослужения представляется наиболее верным<sup>825</sup>.

Дальнейшее развитие эта тема получила в дискуссиях на Предсоборном Совете (см. ниже).

## Попытки возрождения уставного богослужения

Здесь стоит упомянуть прежде всего знаменитую *историческую всенощную*, отслуженную после двухлетней теоретической и полуторамесячной певческой подготовки 10/11 ноября 1912 г. в Святодуховской церкви Братского монастыря при Киевской Духовной Академии. Продолжалась всенощная около восьми часов и не обошлась без мелких недочетов, несмотря на высокую квалификацию и долгую подготовительную работу ее главных организаторов – профессоров КДА священника Василия Прилуцкого<sup>826</sup> и М.Н. Скабаллановича, который и описал это замечательное событие в своем «Толковом Типиконе»<sup>827</sup>.

Киевский опыт – «вероятно, первый и единственный в России после XVII в.» – был задуман «для фактического опровержения (...) пагубного для Типикона мнения о практической неосуществимости всего устава всенощного бдения»<sup>828</sup>. Скабалланович считал эту цель достигнутой. Более здравой, однако, представляется оценка Б.И. Сове:

Киевская всенощная вызвала к себе большой интерес со стороны местной церковной интеллигенции, но одновременно показала невозможность ее регулярного служения не только в приходских храмах, но и в кафедральных соборах и даже в монастырях<sup>829</sup>.

Близкое суждение высказал в богослужебном отделе Поместного Собора инспектор Смоленского епархиального женского училища священник Петр Чельцов:

По отзыву одного из (...) участников этого всенощного бдения, оно было самым наглядным доказательством того, что в наши дни такое богослужение и неисполнимо, и, пожалуй, невозможно. История не повторяется<sup>830</sup>.

Намеченное повторение, при котором предполагалось исполнять песнопения большим знаменным распевом (что еще на 3–4 часа удлинило бы службу), насколько известно, так и не состоялось. Правда, в 1915 г. подобный литургический эксперимент был воспроизведен в храме Владимирской духовной семинарии<sup>831</sup>.

Описание киевской всенощной в книге Скабаллановича вызывает у читателя смешанные чувства – от восхищения до недоумения.

Псалом 33-й (...) был проговорен (...) вышло очень эффектно. (...) Гвоздем всенощной оказался полиелей. (...) Два руководителя службы, могущие проговорить наизусть всю 2-ю главу Типикона, так сказать, по очереди за всенощной теряли голову (...) Большинство исполнителей решило на следующий день, что они в течение всенощной были как бы пьяные. Ни о какой усталости не могло быть и речи. (...) Оригинальный, неслыханный концерт.

Не без основания религиозный публицист В. Германов хотел задать исполнителям вопрос:

Их воодушевление имело ли религиозно-молитвенный характер, вело ли оно их к небу, или это был тот нервный, физиологический подъем, который испытывает всякий исполнитель необычайного, оригинального концерта? (...) Я не говорю уже о том, как быть с таким уставом сельскому батюшке, если бы он хотел быть верным Типикону. Мне важно другое. Нужна ли эта утонченная уставность в целях молитвы? (...) Происходит подмена религиозного чувства<sup>832</sup>.

Тем не менее стремление возродить уставность богослужения хотя бы в монастырях заслуживает, конечно, положительной оценки. Еще одним его проявлением стало постановление Всероссийского монашеского съезда, состоявшегося в июле 1917 года:

Богослужение в монастырских храмах совершается по Типикону, к исполнению которого обители прилагают всемерное старание<sup>833</sup>.

В период деятельности Поместного Собора М.Н. Скабалланович выступил с призывом к повсеместному восстановлению уставной службы в монастырях:

Что требования устава не исполняются в мирских, приходских церквях, с этим еще можно помириться (...) Но что уставные требования не выполняются в монастырях, – для этого решительно никаких оправданий и извинений быть не может. Тогда для чего же

монастырь? (...) Во всей России нет монастыря, где можно было бы услышать совершенно уставное богослужение. Для этого надо ехать на Афон. Не укоризна ли это для русского монашества? В наиболее следующих уставу монастырях богослужение по сравнению с требованиями устава сокращено *вчетверо*. (...) Монастыри обратили себя исключительно в места совершения некоторых треб (...) Вот что занимает у них все время<sup>834</sup>.

Принятое на Поместном Соборе определение «О монастырях и монашествующих» соответствует предложению киевского профессора:

Важнейшим предметом внимания монастырского начальства и усердия братии должно быть строго уставное (по Типикону) церковное богослужение без пропусков и без замены чтением того, что положено петь<sup>835</sup>.

При точном соблюдении этого правила пришлось бы служить именно так, как это было в Киеве 10 ноября 1912 года. Насколько нам известно, осуществить такое предначертание ни в одном из русских монастырей доселе не удалось.

## Обсуждение проблем устава в Предсоборном совете

При рассмотрении плана работ Собора 15 июня 1917 года на заседании VI отдела Предсоборного совета<sup>836</sup>, в компетенцию которого входили богослужебные вопросы, председательствовавший архиепископ Финляндский Сергей назвал в первую очередь «вопрос о составлении и введении в обиход сокращенного богослужебного устава»<sup>837</sup>. Докладчиком был избран И.А. Карабинов, который представил 13 июля сообщение «О Типике Великой Христовой Церкви и степени применимости его в практике Русской Церкви»<sup>838</sup>, во многом близкое к его более раннему докладу на ту же тему (см. выше, сс. 297–298). Введение Константинопольского устава в полном объеме профессор считал нецелесообразным, однако полагал возможным воспользоваться представленными в этом типике приемами сокращения Иерусалимского устава для предотвращения самовольных и безграмотных сокращений на местах.

На недостатках существующей практики сокращений подробнее остановился в своем докладе епископ Пермский Андроник<sup>839</sup>. По его словам, сокращение изменяемых частей богослужения и «концертный» характер его совершения привели к тому, что служба ласкает слух и зрение, но не возводит людей к Богу. Вместе с тем владыка признавал, что «не одна только леность человеческая привела к сокращению богослужения, но и естественная необходимость сделать это». Для упорядочения сокращений епископ Пермский предложил свой проект, в основном повторявший пожелания, высказанные им новгородскому духовенству в бытность тамошним викарием<sup>840</sup>. Дополнительно владыка предлагал при соединении в приходах вечерни с утреней произносить на вечерне ектении великую, просительную и малую, а на утрене – сугубую, просительную и малую по 3 песни канона. Доклад заключался предложением:

Отступление от указанных правил должно быть рассматриваемо непременно как преступление против веры и Церкви, как преступление против должности священнослужителя, – преступление, караемое по соответственному карательному уставу<sup>841</sup>.

Председательствовавший архиепископ Евлогий предложил решить два основных вопроса:

желательно ли сокращение и нормирование богослужения; желательно ли введение в Русской Церкви устава церкви Константинопольской<sup>842</sup>.

С учетом состоявшейся дискуссии были одобрены следующие тезисы для соответствующего отдела Поместного Собора:

Об упорядочении церковного богослужения:

Желательно нормировать богослужение русской Церкви, в целях его единообразия.

Желательны некоторые сокращения богослужения, вызываемые условиями жизни.

Желательно подразделение в этом отношении церквей: а) соборных б) приходских (городских и сельских) и в) домовых<sup>843</sup>.

Просить Поместный Собор Русской Церкви образовать Особую комиссию для работ по сокращению богослужения, в целях единообразия (сокращение ненужных концертов, искусственных привнесений в богослужение, ектений, кафизм и др.; неизменяемые части богослужения и части богослужения, в которых изображается праздник, не сокращаются). По условиям жизни и желанию прихожан время совершения богослужения устанавливается не в одни часы<sup>844</sup>.



## Уставные вопросы на Поместном Соборе

## Общий обзор дискуссии

В соответствии с предложениями предсоборного Совета и выступлениями, прозвучавшими на первых двух заседаниях отдела о богослужении, проповедничестве и храме (31 августа и 5 сентября 1917 г.), было решено создать подотдел «О богослужебном уставе и упорядочении богослужения»<sup>845</sup>. Работа этого подотдела, продолжавшаяся около месяца, освещается только отчетами священника Павла Ильинского<sup>846</sup>, поскольку протоколы заседаний (если они и велись) обнаружить нам не удалось.

## Работа в подотделе

В уставный подотдел записалось 19 членов Собора, в том числе 3 архиерея – Иоанн Рижский, Евсевий Псковский и Димитрий Симферопольский, избранный председателем<sup>847</sup>. Однако в дискуссиях участвовали и другие члены богослужебного отдела, включая председателя последнего архиепископа Евлогия. Насколько можно понять из отчетов Ильинского, подотдел провел только три заседания, после чего обсуждение было перенесено в отдел.

Ильинский сообщал, что в подотделе скоро обозначились «два течения». Одни, вслед за председателем подотдела, стояли за неприкосновенность богослужебного устава, считая, что сокращение его поведет к дальнейшим произвольным изменениям, а новый устав все равно не удовлетворит все приходские церкви и только уронит в глазах многих авторитет Собора. Поэтому владыка Димитрий предлагал, во избежание соблазна, не поднимать на Соборе вопрос о сокращении устава, предоставив решать его епархиальным архиереям и учреждаемым при них советам.

Архиепископ Евлогий, напротив, стоял во главе тех, которые считали необходимым выработать определенный сокращенный, но обязательный для исполнения уставной порядок, чем можно было бы предотвратить самовольные сокращения и искажения службы на местах<sup>848</sup>.

Сам Ильинский явно принадлежал ко второй группе, о чем свидетельствует подробный пересказ его выступления на заседании 14 сентября. Оспаривая мнение о неприкосновенности устава, о. Павел указывал на историческую обусловленность предписаний Типикона, приспособленных к строю монастырской, но не мирской жизни. Существующая же адаптация устава к практике приходского храма страдает серьезными недостатками – сокращение изменяемых частей обезличивает службу, перенос времени богослужения приводит к смысловым несообразностям. Вечерню следовало бы отделить от утрени и совершать каждую службу в свое время. Особой комиссии по составлению уставного чина для приходских церквей надо выбрать из многих богослужебных песнопений лучшие по форме и содержанию, наиболее доступные по ясности мысли и указать необходимый минимум обязательных для исполнения песнопений. Предлагал Ильинский и собственный проект умеренных сокращений, особенностями которого является последовательное по порядку чтение Псалтири при исполнении кафизм (1 псалом на «славу»; из этой последовательности исключаются псалмы шестопсалмия и часов) и отсутствие ектений на утрени, соединяемой с литургией<sup>849</sup>.

Итогом работы подотдела стали следующие **тезисы**:

Ныне действующий богослужебный устав сложился на протяжении почти четырнадцати веков истории христианской церкви. Отражая в себе богослужебные порядки разных эпох и различных местностей, современный Типикон есть, однако, устав по существу монастырский. Как таковой, он является наиболее исчерпывающей по полноте богослужебной нормой, как бы стремящейся осуществить во внешней обстановке апостольскую заповедь о непрестанной молитве.

Как норма идеальная, устав не всегда и не везде может быть выполняем во всех своих подробностях.

Монастыри неуклонно следуют действующему уставу во всей полноте, так как владеют средствами к этому. Уставное, в собственном смысле монастырское богослужение соответствует главной и изначальной задаче иночества – пребывать в непрестанном молитвенном подвиге, даст почувствовать сладость этого подвига и приходящим в монастырь мирянам и явится чрез то самым величайшим миссионерским средством.

В собственно приходских храмах устав сообразно средствам выполняется с сокращениями.

Поместный Собор полномочен произвести пересмотр устава в видах применения его к средствам приходских храмов. Для сей цели Собором учреждается особая комиссия.

Настоящим Собором подобное деяние выполнено быть не может. Но для упорядочения богослужебной практики Поместный Собор издает определение, в коем а) напоминает чадам Православной Церкви великое значение богослужебного устава; б) обличает те беспорядки, которые вызваны небрежением к нему; в) преподает руководственные указания, дающие обязательный для приходских храмов уставный минимум. Для домовых церквей возможно преподать особые указания.

Наряду с этим принимаются меры к оживлению нашего богослужения между прочим и участием в нем молящихся<sup>850</sup>.

## Продолжение обсуждения в отделе

Эти тезисы были оглашены в общем собрании отдела о богослужении, проповедничестве и храме 10 октября 1917 года. К этому заседанию подотдел подготовил еще три доклада по уставным вопросам.

**Проект руководственных указаний**, о которых говорится в тезисе 6, был представлен в докладе **Б.А. Тураева**<sup>851</sup>. Ссылаясь на то, что «история богослужения и церковный устав знают не один пример сокращений и упрощений», профессор обосновывал право Поместного Собора «сделать ряд указаний и разъяснений для упорядочения того более краткого образа отправления богослужений, каковой ныне наблюдается в приходских храмах». По примеру греческих и румынских церквей, признавалось возможным в праздничные дни начинать литургию непосредственно после великого славословия на утрене, опуская завершение последней и часы. Утреню дозволялось начинать с возгласа «Слава Святей...», опуская двупсалмие и полунощницу – кроме воскресной полунощницы, которую рекомендовалось повсеместно совершать «по киевскому чину» там, где не служитя всенощное бдение. При совершении же всенощного бдения предлагалось опускать первый час как дневную службу, которая неуместна с вечера; допускалось также опущение сугубой ектении на вечерне с литией и молитвы «Спаси, Боже, люди Твоя...», с сохранением, однако, ее завершения: «Молим Тя...»

Чтение Псалтири предлагалось упорядочить следующим образом, чтобы обеспечить полное прочтение всех псалмов, хотя и с более растянутым кругом: 1-й антифон 1-й кафизмы резервировался за субботним вечером, 17 кафизма – за утреней субботы, а 18 кафизма сохранялась для будних вечеров (по 3 псалма ежедневно); остальная Псалтирь должна последовательно читаться на утренях по 1 или 2 «славам» (вместо 1 или 2 кафизм) в обычные дни, а в Четыредесятницу – по 4–5 «слав» на утрене и часах (причем из трех псалмов каждого часа допускается поочередное чтение одного; библейские песни на утрене исполняются неопустительно). Если же богослужение не совершается ежедневно, Псалтирь читается подряд, без выделения 17 и 18 кафизм. На утренях великих праздников допускалось заменять рядовые кафизмы антифонным пением избранных праздничных псалмов (со ссылкой на устав Великой Церкви и итальянские списки Студийского устава). Пение псалмов (по возможности антифонное) вместо чтения их рекомендовано и в седмичные дни.

Стихиры всех родов (на «Господи воззвах», на стиховне и на хвалитех) предлагалось петь не менее двух из каждой группы (например, 2 воскресные, 2 «восточные» и 2 из минеи), а из каждого канона читать не менее одного тропаря. Впрочем, на воскресной утрене допускалось читать все тропари воскресного канона и 1–2 тропаря минеи, перенеся крестовоскресный и богородичный канон Октоиха на молебен после воскресной вечерни. На этом молебне можно было бы вычитывать и евангельские зачала предстоящей седмицы, если в храме нет ежедневного богослужения.

Более строгое отношение предусматривалось к исполнению гимнографических текстов службы храма, двенадцатых праздников (от предпразднства до отдания), а также обеих Триодей: их предлагалось исполнять без опущений, но и без предписанных по уставу повторений («колько их есть»). Канон Пасхи предписывалось петь даже и с повторениями (с разрешением опускать в воскресные дни до отдания Пасхи канон недели, который будет затем читаться в седмичные дни). Предложено восстановить почти повсеместно опускаемое отдание службы храмового праздника на вечерне того же дня и чтение канона храма на субботних утренях.

В дни памяти русских святых обязательные полиелеи предписывались только для святых кн. Владимира, Антония и Феодосия Печерских, Сергия Радонежского и святителей Московских, причем службы вселенским святым никогда не должны отменяться.

Ограничивалось употребление позднейших акафистов, которые не следует вставлять во всенощное бдение, но служить ради них, при желании, особую службу. В то же время было

предложено возродить употребление ценнейших произведений древней гимнографии, например, кондаков преп. Романа Сладкопевца, которые незадолго перед тем были изданы в славянских переводах.

Признавая, что «время служб, предписанное уставом, не всегда выполнимо в условиях мирского быта», проект, тем не менее, предлагал всенощные начинать как можно позже, а часы с вечерней в постовые дни не раньше 11 часов. Помимо бдений, служение утрени вечером, а вечерни утром «должно быть навсегда и повсеместно запрещено».

Профессор **И.А. Карабинов**<sup>852</sup> представил историческую справку о происхождении и развитии действующего у нас богослужебного устава. В своем докладе он стремился показать несостоятельность представления о существующем уставе как чисто монашеском произведении, – а именно такое мнение было едва ли не общим местом в предсоборной полемике об уставной реформе<sup>853</sup>. Указывая на древнейшие составные части служб суточного круга, восходящие к богослужебным обычаям соборного храма Гроба Господня и Великой церкви Константинополя, Карабинов настаивал на важности сохранения этих структурных основ литургической архитектоники, все более вытесняемых из богослужебной практики (например, псалмов вечерни и хвалитных псалмов утрени). В предсоборной дискуссии на этот вопрос обращали мало внимания – чаще говорили о неоправданном сокращении изменяемых частей. Кроме того, в докладе подчеркивалась историческая множественность типиков, разнообразие их версий и сосуществование разнородных типикарных норм даже в русской церковной истории. Таким образом, докладчик выступал как против нигилистического отношения к уставу, так и против ложного представления о его незыблемости, закладывая должную теоретическую основу для новой редакции Типикона.

В докладе **о. Василия Прилуцкого**<sup>854</sup> речь шла «о не порядках в нашей богослужебной практике». На множестве конкретных примеров было показано, как далеко она отошла не только от буквы, но и от духа уставного богослужения. Нет удовлетворительного объяснения отступлению от установленного уставом времени начала служб Великого поста и некоторых праздников – навечерии Рождества Христова и Богоявления, Великой Субботы, чем умалется особый, незаурядный характер этих богослужений. Нивелирование праздничных и будничных служб происходит и при соединении простодневной вечерни с утреней, которое наблюдается, по словам о. Василия, «теперь не только в домовых церквях, но и в соборных, а иногда и в монастырях» (в наше же время, добавим, стало практически повсеместным). Та же тенденция прослеживается и во всеобщем забвении постовых служб с пением «Аллилуиа» в седмичные дни Рождественского и Петровского постов. Совершенно не соответствует уставу сложившаяся практика постоянного пребывания священнослужителей во время совершения всех служб суточного круга в алтаре, откуда они изредка исходят – вместо того, чтобы, напротив, лишь иногда входить туда в определенные моменты службы. Ну, а «сокращение богослужебного устава, в своей основе вызванное, конечно, необходимостью, сделалось теперь явлением как бы даже законным, своего рода обычным правом». Один из вдохновителей исторической «киевской всенощной»<sup>855</sup> справедливо отмечал, что многие сокращения, даже в неизменяемых частях службы, стали уже незаметными для большинства совершителей богослужения, так что соблюдение устава «могло бы теперь показаться каким-то противоуставным новшеством». Особенно смело сокращения производятся в изменяемых частях, включая первостепенные по важности и поэтической ценности. В результате «службы совершенно обесцвечены, лишены идейности праздников, чересчур подведены под какой-то общий шаблон» и «до утомительности похожи одна на другую».

Не предлагая никаких конкретных рецептов, доклад Прилуцкого, однако, привлекал внимание членов отдела к тому разрыву между требованиями устава и богослужебными обычаями, который сложился к началу XX века и требовал от Собора принятия мер по упорядочению литургической практики.

После докладов Карабинова, Прилуцкого и Тураева, а также оглашения вышеприведенных тезисов, председатель уставного подотдела архиепископ Димитрий предложил перейти к постатейному обсуждению. Однако архиепископ Евлогий,

председательствовавший в общем заседании отдела, предпочел сначала выслушать «общие суждения по поводу тезисов»<sup>856</sup>.

Общая дискуссия о проблеме упорядочения богослужения, начатая 10 октября, продолжалась до 17 октября в течение трех заседаний. В ходе ее высказывалось немало ценных замечаний, однако в целом обсуждение имело несколько сумбурный характер. Многие участники путались в понятиях. Так, генерал Л.К. Артамонов, с одной стороны, заявлял: «Нельзя злоупотреблять временем. Время – деньги, говорят американцы. Нельзя трудящемуся рабочему человеку выстаивать за богослужением 2½ часа» и говорил о необходимости «устранить длинноты службы», – с другой же, утверждал, что «сокращения церковного Устава для нас не желательны»<sup>857</sup>. Н.Ф. Миклашевский также выступал против сокращения устава, но одновременно – за упразднение всех кафизм и замену их проповедью<sup>858</sup>. Епископ Якутский Евфимий считал, что любители церковного устава отнесутся с осуждением к его переработке; с точки зрения самого епископа, усовершенствование богослужения должно искать «не на пути сокращения устава, а на пути его удлинения». Вместе с тем владыка считал, что выполнение предлагаемого богослужебно-уставного минимума займет слишком много времени, а потому подобные меры не прекратят «богослужебной анархии»<sup>859</sup>. Соблазнительным считал указание от лица Собора определенного объема сокращений и Н.И. Знамировский, предпочитавший указать на особо недопустимые нарушения устава из встречающихся в практике<sup>860</sup>. «Народ ко всяким изменениям отнесется с подозрением», – предупреждал сельский священник из Пензенской епархии Евфимий Куликов<sup>861</sup>.

Представители простого народа на Соборе подтверждали это опасение. Казак Ф.Г. Зибарев сказал: «Что до изменений в церковном уставе, то здесь я не согласен, согласно данному мне избирателями поручению, уступить ни одной точки»<sup>862</sup>. Все сокращения – от лениности и нерадения, «служить надо не народу, а Богу, людей нет, ангелы стоят и молятся», потому никакого минимума не надо, – решительно заявил крестьянин Вытегорского уезда А.И. Июдин<sup>863</sup>. Его поддержал бывший старообрядец вятский крестьянин И.В. Курбатов, сообщивший, что он никогда не перешел бы в Православие, если бы богослужебный устав был неполон; минимум не нужен, исполнять же устав следует по силе (то есть, по-видимому, как придется)<sup>864</sup>. «Устав должен быть неприкосновенен, но осмысленное сокращение богослужения может быть (...) Я против искажения устава», – сказал единоверческий священник Петр Волков, полагавший, вероятно, что меру этой осмысленности лучше устанавливать каждому самостоятельно<sup>865</sup>.

Другие ораторы горячо поддерживали идею упорядочения и пересмотра устава. Невозможность соблюдения всех уставных требований в приходской практике доказывал настоятель Люблинского собора Холмской епархии протоиерей Эмилиан Бекаревич: «Если у нас ввести полное уставное богослужение, народ не вынесет его»<sup>866</sup>. Существующий устав практически невозможно не сокращать, – признал миссионер из крестьян А.Д. Зверев. Предлагаемая подотделом регламентация фактически станет расширением, а не сокращением существующего порядка богослужения<sup>867</sup>. «Вопрос у нас не в уменьшении или сокращении требований устава, а в упорядочении их», – говорил настоятель Гродненского кафедрального собора протоиерей Иоанн Корчинский, выступавший за выработку уставного минимума, который выделялся бы в богослужебных книгах при помощи особого шрифта<sup>868</sup>. Такое предложение высказывал и инспектор Петроградского епархиального училища В.В. Успенский<sup>869</sup>. «Поставить богослужение так, чтобы оно было живым», удалить его «мертвенные части», дабы молящиеся не присутствовали в храме пассивно, предлагал священник Михаил Марин<sup>870</sup>. Протоиерей Николай Цветков настаивал на более систематическом ведении дискуссии под руководством опытных профессоров-литургистов с тем, чтобы выработать «чин послабления» устава и одновременно «реставрировать богослужение», освобождая его от безвкусных искажений, подобно тому, как реставрируется в наше время древняя иконопись и старинные напевы. «Собору нельзя медлить в деле упорядочения богослужения. Здесь полная разруха. (...) Ныне богослужения в (московских) храмах совершаются крайне небрежно», – свидетельствовал этот видный московский

пастырь<sup>871</sup>. «Приблизить богослужение к идеям устава и к жизни», указав «границы, за которые не должны переходить сокращения богослужения», призывал Г.И. Булгаков. По его мнению, создание устава, исполнимого для приходских храмов и вполне приемлемого для мирян, настоятельно необходимо. Однако эта задача требует долгой работы специалистов и не может быть завершена в течение Собора, который может, однако, поставить такую задачу и сформировать соответствующую комиссию<sup>872</sup>. Такое же мнение высказал в самом начале обсуждения владыка Евлогий<sup>873</sup>; повторяли его и другие ораторы – В.В. Успенский<sup>874</sup>, священник Стефан Сабинин, который предлагал отделу выделить те изменения, что могут быть осуществлены незамедлительно, а об остальных дать поручение комиссии<sup>875</sup>.

Председатель отдела архиепископ Евлогий был вынужден неоднократно напоминать участникам заседаний:

Мы говорим не о сокращении Устава, а об упорядочении нашего богослужения. Устав полностью почти нигде ныне не соблюдается. (...) Если сокращения необходимы, то чтобы оно не было неупорядочено, беспредельно.

(Отдел) стоит на пути не сокращения устава, а на пути борьбы с бесчинствами, проявляющимися в этой области. Он будет бороться с произвольными искажениями богослужения.

К прискорбию моему, я все слышу речи о том, будто бы мы посягаем на богослужебный устав, хотим сломать его. Мы только боремся с тем, что вошло в богослужебную практику как беспорядок (...) Если мы создаем, что должны исполнять устав, но однако не исполняем, потому что его нельзя исполнить, то Собор укажет, что же именно должно подлежать непременно исполнению<sup>876</sup>.

После подобных разъяснений владыка 19 октября 1917 года представил членам отдела тезисы для доклада Собору, подготовленные председателем на основании докладов Карабинова, Прилуцкого и Тураева, а также «несвязных пожеланий», высказывавшихся в ходе прений<sup>877</sup>. Обсуждению этих тезисов и постатейному голосованию по ним были посвящены 8 из 12 заседаний отдела, оставшихся до закрытия первой сессии Собора (последнее состоялось 30 ноября).



## Доклад отдела «Об упорядочении богослужения»

Ниже мы приводим окончательный текст тезисов, вошедших в состав доклада и относящихся к теме данной главы (предложения относительно совершения божественной литургии и богослужений требника будут помещены в следующих главах), сопровождая их указаниями на ход дискуссии в отделе<sup>878</sup>.

Совершение богослужения в современной русской церкви страдает многими важными недостатками, причиняющими существенный вред делу Православия и вызывающими справедливые порицания и осуждение. Главнейшими из таких недостатков являются произвольное изменение порядка и состава богослужения (сокращения, вставки и т.п.), а также небрежность в его исполнении. Причины этих недостатков разнообразны. В них повинны часто и совершители богослужения, не всегда достаточно знакомые с Церковным Уставом и часто не обладающие надлежащим пониманием богослужения и развитым литургическим вкусом. Часть вины затем лежит и на молящихся, слабая ревность коих нередко побуждает исполнителей богослужения поступаться строгостью уставных предписаний. Наконец, некоторый повод для перечисленных недочетов дает и самый строй нашего богослужения: его Устав не всегда и не во всем подходит к условиям современной жизни, равно как и некоторые другие стороны нашего богослужения нуждаются в пересмотре и исправлениях. Сознывая ее средоточия<sup>879</sup>, Отдел находит возможным предложить Священному Собору следующий план и меры к упорядочению нашего богослужения:

### *1. А. Рядовое богослужение*

1. Заповеданный нашим Церковным Уставом богослужебный строй хотя и образовался в окончательном виде в монастырях православного Востока, но его основой послужили богослужебные обычаи соборных храмов Иерусалима и Константинополя, вследствие чего этот Устав не может быть признан чисто монашеским произведением.

2. Как свод богослужебных преданий двух важнейших Церквей православного Востока и как произведение многовекового богослужебного опыта, действующий Церковный Устав должен быть сохраняем в качестве высшей нормы нашего богослужения.

3. Во всей своей полноте Церковный Устав является трудноисполнимым.

4. Наши монастыри должны по возможности строго соблюдать уставной порядок богослужения с дозволением заменять для тропарей канонов, а также для кафизм пение чтением по принятому обычаю.

«О введении полного Устава, при исполнении которого богослужение может длиться 24 часа, особенно ревнуют иноки, так пусть они его и исполняют», – предложил настоятель собора в Чимкенте протоиерей Александр Юновидов (180). Разграничить правила для монастырских и мирских храмов, ссылаясь на историческую традицию, призывал священник Михаил Елабужский (194 об.)<sup>880</sup>. Допущение замены пения чтением было предложено о. Н. Цветковым, поправку корректировал о. В. Прилуцкий (198 об.).

5. Что касается мирских храмов, то Церковный Собор, отнюдь не одобряя каких-либо сокращений в Уставе, но снисходя к немощи молящихся и к условиям современной жизни, а также основываясь на истории Устава, знающей случаи смягчения уставных требований, равно как ввиду разрешения самого Устава при некоторых обстоятельствах сокращать богослужение, может допустить известные послабления уставных требований.

О необходимости «исполнимой нормы Устава» говорил епископ Дмитровский Иоасаф (178)<sup>881</sup>. Карабинов указывал, что священники чаще всего нарушают устав по необходимости; он предлагал не ронять авторитет Собора, возлагая «бремена тяжкая и бедне носимая (Мф.23:4)» (179–179 об.). «Необходимо твердо и ясно сказать, что сокращение дело возможное и допустимое. Во всей полноте устав исполнять немислимо», – заявил священник из Кубанской области Николай Карташев. По его мнению, если от такого признания некоторые и соблазняются, несмотря на предпринятые разъяснения, это меньшая беда, чем соблазн для всей Церкви, порождаемый существующим положением.

Тем не менее издание уставного минимума в виде таблицы о. Николай считал бесполезным, чтобы не приводить всех к «казенному однообразию, введение которого может вызвать только ненужную ломку» – надо учитывать условия местного быта и традиции (190–191). А о. Аристарх Пономарев решительно возражал «против всякого изменения и сокращения церковного устава, этого драгоценного наследия седой и святой старины» (212 об.). В защиту богослужебного минимума, однако, выступили епископ Прокопий (194 об.–195)<sup>882</sup> и – как ни странно – крестьяне Июдин и Курбатов. Первый из них теперь прямо утверждал: «Я сторонник сокращений устава для приходских церквей», – второй заявил: «Я не настаиваю на полном уставе, но прошу, чтобы он не сокращался произвольно и беспорядочно» (197–197 об.).

Обсуждению следующего пункта предшествовала общая дискуссия относительно нормы богослужения для приходов. Голосованием было решено, что указать некоторые границы богослужебной реформы должен сам Собор, оставив будущей комиссии проработку деталей (198 об.–199).

6. Для упорядочения рядового богослужения в приходских храмах предлагается:

а. Не допускать замены положенного по Уставу произвольными вставками, например кафизм – акафистами или проповедью, литийных стихир – концертом и т. п.;

В защиту акафистов выступали архиепископ Владивостокский Евсевий, настоятель Макариево-Унженского монастыря архимандрит Виссарион, о. А. Пономарев, псаломщик из Боровска Ф.К. Кузнецов (а против их чтения – архиепископ Симферопольский Димитрий), однако председатель разъяснил им, что речь идет не о запрете акафистов, а о том, чтобы их не вставляли, где не положено (213 об.–214 об.).

б. Псалтирь стихословить в объеме не менее одной «славы» вместо целой кафизмы. В церквах, где службы не совершаются ежедневно, возможно последовательное чтение всей Псалтири по «славам» без отношения к седмичному расписанию стихословия. В дни великих праздников рядовое стихословие можно заменить чтением или (антифонным) пением особых праздничных псалмов;

Предложение Тураева (поддержанное священником из Карса Алексием Параскевовым) о перераспределении псалмов с целью обеспечить полное вычитывание Псалтири встретило критику со стороны архиепископа Евлогия, архимандрита Виссариона, священника Михаила Елабужского, В.К. Недельского, которые считали неудобным отступать от имеющегося в уставе расписания кафизм (206–206 об., 223 об., 226 об.). После длительного обсуждения на двух заседаниях отдела единогласно было одобрено предложение читать по одной «славе» из кафизмы, с тем, чтобы за три недели каждая кафизма была прочитана полностью. Предложение читать в последовательном порядке Псалтирь при богослужении, совершаемом не ежедневно, было одобрено 16 голосами против 13. Не встретило возражений предложение о пении избранных псалмов

В праздники (217 об.–218, 226 ОБ.–227 об.).

в. Чтение шестопсалмия не должно быть сокращаемо; не подобает опускать 50-й псалом и хвалитные псалмы на утрени;

Принято единогласно на том же заседании 3 ноября. Было отвергнуто голосованием предложение о сокращении некоторых ектений (епископ Смоленский Феодосий [Феодосиев], протоиерей Виктор Поярков). Против него выступили Карабинов, архимандрит Виссарион и настоятель Белогорского монастыря Пермской епархии архимандрит Варлаам (Коноплев)<sup>883</sup>.

г. Песнопения Триодей и великих праздников должны исполняться без пропусков, хотя бы и без повторений. В дни воскресные, будничные и в меньшие праздники из стихир на «Господи, воззвах», стиховных, литийных, хвалитных должно петь не менее половины положенных как из Октоиха, так и из Минеи. Отнюдь не должна опускаться на воскресной утрени стихира евангельская, воскресные тропари по непорочным не должны сокращаться. Должно быть восстановлено уставное пение тропарей, кондаков, степени и седальнов. Из каждой песни канона должно читать не менее четырех тропарей, хотя бы по одному из каждого канона.

В основе этих предписаний лежат предложения Тураева, несколько видоизмененные архиепископом Евлогием. Предложение епископа Феодосия и архимандрита Варлаама установить правилом чтение шести тропарей на каждой песни канона было отклонено большинством голосов (229 ОБ.–230 об.).

Из-за опасения «ломки уклада церковно-приходской жизни» отклонено было содержащееся в докладе Прилуцкого (и поддержанное о. И. Артоболовским, Тураевым, епископом Пахомием, архимандритом Варлаамом и протоиереем из Владикавказа Иоанном Завитаевым<sup>884</sup>) предложение призвать к соблюдению уставных сроков начала богослужений, хотя бы в особые постовые и праздничные дни (246–246 об.).

8. Богослужение в кафедральных соборах и храмах при духовных учебных заведениях приближается к монастырскому, в домовых – к приходскому.

## *II. Меры к упорядочению богослужения*

15. Существующая при Св(ященном) Синоде Комиссия для исправления богослужебных книг преобразуется в постоянное учреждение, которое кроме книжного исправления должно вообще ведать богослужением и решать все относящиеся к нему вопросы.

Предложение внесено архиепископом Евлогием (175).

16. При исправлении богослужебных книг в ближайшую очередь следует пересмотреть текст нашего Типика, так как последнее его исправление было произведено еще в конце XVII века. При этом пересмотре необходимо предписания о службах русским святым изложить совместно со службами .святым вселенским и вставить устав о выносе Плащаницы.

Учтены предложения Прилуцкого и владыки Евлогия, указавших на противоречия в Типиконе. В поддержку этого мнения выступал епископ Черниговский Пахомий (173 об.–174 об.)<sup>885</sup>. Против исправления Типикона выступил епископ Астраханский Митрофан, считавший действующий устав неприкосновенной драгоценностью (174 об.)<sup>886</sup>. Однако после обсуждения тезис был принят 19 октября единогласно.

17. Наряду со славянским Типиконом следует издать русский перевод с более полным, ясным и общедоступным изложением уставных предписаний, снабженный предисловием, раскрывающим историю и значение Церковного Устава.

19. В новом издании Минеи службы русским святым следует изложить в соответствии с правленным Уставом.

23. Необходимо принять все возможные меры к тому, чтобы совершители богослужения знали Церковный Устав; для этого, между прочим, следует поднять преподавание науки о богослужении в Духовных школах, а также озаботиться изданием ежегодников, дающих все нужные уставные указания на каждый богослужебный день.

24. Для привлечения внимания молящихся к богослужению и вообще для поддержания в них сознательного отношения к последнему необходимо издание всякого рода популярных книжек с богослужебными текстами, их переводом, изъяснениями и т. п.

25. Собор обращается с особым посланием к совершителям богослужения, в котором он, с одной стороны, призывая благословение Божие на усердных и истовых его исполнителей, с другой – должен призвать всех к точному соблюдению настоящих постановлений.

## Судьба доклада

25 января 1918 года, на первом заседании отдела, которое состоялось после рождественского перерыва в деятельности Собора, было решено представить Собору окончательно сформулированные тезисы доклада «Об упорядочении богослужения». Совет Собора 14/27 февраля постановил: «Доклад передать на предварительное ознакомление Святейшего Патриарха и членов Соборного Совета»<sup>887</sup>. В результате такого ознакомления было принято решение направить доклад на рассмотрение Епископского совещания, которое, заслушав доклад, постановило:

Действующий ныне Церковный Устав должен быть сохранен в качестве высшей нормы нашего богослужения; совершители же богослужения призываются к истовому отправлению оного, допуская сокращения с крайней осмотрительностью, чтобы не смутить ревнителей церковной уставности. Не внося на Соборное рассмотрение этого доклада, напечатать его на пишущей машине и разослать Преосвященным для приблизительного руководства по вопросу об уставном сокращении<sup>888</sup>.

По-видимому, это постановление не было тогда же исполнено. Вскоре после завершения второй сессии Собора, 10/23 апреля 1918 года, Совет Собора на основании соборного постановления от 31 января<sup>889</sup>, передал целый ряд докладов, не рассмотренных в общих заседаниях, «на благоусмотрение Высшего Церковного Управления». В этом списке значится и доклад «Об упорядочении богослужения»<sup>890</sup>.

После возобновления деятельности Собора, 17/30 июля 1918 года, замещающий председателя отдела о богослужении, проповедничестве и храме епископ Охтенский Симон (Шлеев) и иеромонах Афанасий (Сахаров) запросили этот доклад для ознакомления вновь вступивших членов отдела, который к тому времени значительно обновился в своем составе. Одновременно отдел принял решение «ввиду запросов с мест, просить высшее начальство о скорейшем распубликовании ко всеобщему сведению» доклада «Об упорядочении богослужения»<sup>891</sup>. 15/28 августа доклад был вновь заслушан Епископским совещанием под председательством святителя Тихона. Постановили:

Остаться при прежнем постановлении, передав Св(ященному) Синоду в копии доклад Отдела о богослужении и настоящий журнал Епископского Совещания для приведения в исполнение постановления Преосвященных Архипастырей<sup>892</sup>.

Не удовлетворившись таким решением, 34 члена Собора направили в Соборный совет следующее заявление:

Совершение богослужения в современной Русской Церкви страдает многими недостатками, в значительной степени умаляющими его назидательность, благолепие и благодатное воздействие на душу молящихся. Устранение их, желательное и необходимое при всяких условиях, становится особенно повелительным долгом в переживаемый ныне Русскою Церковью период тяжких гонений на нее со стороны враждебных христианству сил. Имея это в виду, нижеподписавшиеся члены Собора почтительнейше просят Собор *вменить в обязанность* органам Высшего Церковного Управления *безотлагательно принять все необходимые меры* к усовершенствованию русской церковно-богослужебной практики, руководствуясь в этом святом деле выработанными «Отделом о богослужении, проповедничестве и храме», но не рассмотренными в общем заседании Собора по недостатку времени докладами «Об упорядочении богослужения» и «О церковном пении»<sup>893</sup>.

Собор заслушал это заявление 30 августа/12 сентября и утвердил предложение Соборного совета «ввиду краткости оставшегося времени до окончания занятий Собора» передать упомянутые доклады на разрешение Патриарха и Синода<sup>894</sup>.

Председатель богослужебного отдела владыка Евлогий впоследствии вспоминал, что святитель Тихон «не нашел возможным представить этот труд отдела на обсуждение пленарного заседания Собора, опасаясь, что санкция Собора в вопросе сокращения церковной службы может вызвать соблазн у верующих»<sup>895</sup>. Однако ценность этого

свидетельства – в принципе, вполне правдоподобного – снижается тем фактом, что ко времени рассмотрения данного доклада Евлогий уже не принимал участия в работе Собора. Кроме того, подобная судьба постигла многие доклады, подготовленные соборными отделами, поскольку процедура их рассмотрения в пленарных заседаниях оказалась довольно продолжительной, а время занятий Собора было вынужденно сокращено.

## После Собора

Об особой осторожности, с которой Высшее церковное управление было склонно относиться к вопросу об урегулировании уставных проблем в то крайне сложное для Церкви время, свидетельствует и дальнейшее развитие дела.

Менее, чем через два месяца после закрытия Собора, 29 октября/11 ноября 1918 года, Святейший Патриарх и Священный Синод Православной Российской Церкви рассмотрели доклад «Об упорядочении богослужения» и приняли следующее постановление:

Принимая во внимание

1) что допускаемые ныне произвольные изменения порядка и состава богослужения действительно причиняют существенный вред делу Православия и вызывают справедливые порицания и осуждения,

2) что принятый ныне в Православной Церкви Устав, представляя собою свод богослужебных преданий двух виднейших Церквей Православного Востока (Константинопольской и Иерусалимской) и являясь произведением многовекового богослужебного опыта, должен и впредь быть сохраняем в качестве высшей нормы православного богослужения,

3) что в то же время, по снисхождению к немощам молящихся и к условиям современной жизни, могут быть допускаемы и некоторые послабления уставных требований, каковые послабления только не должны быть произвольными и не должны касаться существенных частей православного богослужения и

4) что намечаемые в сих целях названным Отделом меры к упорядочению общественного (рядового) и частного (внерядового) богослужения представляются допустимыми к проведению в церковно-богослужебную жизнь, –

5) сообщить о таковых мероприятиях секретными циркулярными указами епархиальным Преосвященным, поручив им,

а) пригласить пастырей церкви к истовому совершению богослужения и к особой осмотрительности в отношении допущения сокращений в богослужении, дабы не смутить совести ревнителей церковной уставности, и

б) при разрешении вопросов об уставных сокращениях руководствоваться приводимыми в докладе Соборного Отдела о богослужении, проповедничестве и храме предположениями,

6) постановления означенного Отдела, касающиеся создания при Св(ященном) Синоде постоянного учреждения для заведывания богослужебными делами и намечаемых сему учреждению задач, а равно и высказанное в заявлении 34 членов Собора пожелание о скорейшем издании особого руководства для священнослужителей, содержащего в себе ясные и точные уставно-богослужебные указания на каждый день церковного года, передать на отзыв председателя существовавшей при Святейшем Синоде Комиссии для исправления богослужебных книг Преосвященного Митрополита Владимирского Сергия, и

7) доклад Отдела об упорядочении церковного пения препроводить на предварительное рассмотрение и отзыв Митрополита Новгородского Арсения<sup>896</sup>.

Документальными свидетельствами о действиях архиереев в связи с получением упомянутого в постановлении *секретного циркулярного указа* мы не располагаем. Однако в собственной епархии Святейшего Патриарха через полгода, 21 апреля/4 мая 1919 г., был утвержден и разослан по приходам за подписью председателя епархиального совета протоиерея Виктора Кедрова<sup>897</sup> «Примерный единообразный чин богослужений для приходских храмов города Москвы», включающий указания об уставных сокращениях для воскресной всенощной и литургии<sup>898</sup>. Они близки к предложениям соборного отдела, хотя и не вполне соответствуют им. Так, кафизмы читаются по одному псалму из каждой славы (всего 6 псалмов на утрени); ясно, что это не обеспечивает прочтения всех псалмов, поскольку выбираются преимущественно короткие. Ничего не говорится о псалме 50, хвалитные псалмы могут опускаться (до «Сотворити в них суд написан»).

Осуществить идею о создании «постоянного учреждения для заведывания богослужебными делами», по-видимому, так и не пришлось. Во всяком случае, отзыв митрополита Сергия нам неизвестен. Можно предположить, что он оказался бы похожим на отзыв митрополита Арсения по докладу «Об упорядочении церковного пения», представленный в июле 1919 года в соответствии с вышеприведенным постановлением Синода: «Изложенные в докладе Отдела меры (...) хотя и целесообразны, но не благовременны, так как рассчитаны на нормальное течение церковной жизни»<sup>899</sup>.

Впрочем, постановлением Синода от 26 июля 1919 года и совместным постановлением Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета от 2 августа 1919 г. был образован *Комитет по упорядочению богослужебного чина вообще и церковного пения в частности*, действовавший недолгое время под председательством митрополита Новгородского Арсения в составе архиепископа Коломенского и Можайского Иоасафа (Каллистова) и членов ВЦС протопресвитера Николая Любимова и псаломщика А.Г. Куляшева. Однако он был наделен значительно более узкими полномочиями, ограничивая свои задачи устранением искажений и несанкционированных новшеств из богослужебной практики московских приходов.

2 декабря 1919 года комитет, уже проведший 4 заседания, докладывал Патриарху, что разосланный в мае «Примерный единообразный чин» не соблюдается в церквях Москвы.

К выдающимся и особенно грустным явлениям в московской богослужебной практике следует прежде всего отнести то неблагоговейное, даже просто небрежное совершение богослужения не только в будние дни, но даже и в торжественные праздники, которое замечается почти во всех московских храмах: не говоря уже о всевозможных нарушениях требований богослужебного устава, сокращения, допускаемые обычно в богослужении, простираются иногда до возмутительного искажения богослужебного чина.

Кроме того, наблюдается быстрый рост «видоизменений и новшеств», которые «часто являются прямым нарушением указаний церковного устава, или в лучшем случае произвольным его толкованием, и во всяком случае вносят соблазнительное для верующих разнообразие в богослужебную практику». В этой связи комитет предлагал Патриарху сделать распоряжение о недопущении нововведений, «как самочинных деяний, несанкционированных Высшею церковною властью», разослать новый циркуляр, предупредить об увольнении виновных, благочинных обязать следить и доносить немедленно о нарушениях, а викариев просить как можно чаще посещать московские храмы<sup>900</sup>.

Святейший Патриарх, Священный Синод и Высший Церковный Совет в совместном заседании 5 декабря 1919 года одобрили предлагаемые «мероприятия по упорядочению богослужебного чина в церквях города Москвы» и направили указ о их проведении в жизнь входившему в состав комитета архиепископу Крутицкому Иоасафу<sup>901</sup>, который после кратковременного ареста вскоре умер, чем, вероятно, и закончилось дело.

Отголоском его, по всей видимости, стало приведенное нами выше Обращение Патриарха Тихона от 17 ноября 1921 г. в котором речь также идет об «искажении богослужебных чинопоследований отступлениями от Церковного устава и разными нововведениями, не предусмотренными этим уставом», о том, что «в службах праздников выпускается почти все, что составляет назидательные особенности праздничного богослужения»<sup>902</sup>.

В распоряжении Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра благочинным и настоятелям храмов Москвы и Московской области от 14 сентября 1925 года содержится еще одно, очередное решительное заявление о недопустимости «произвольного сокращения и изменения богослужебного последования в ущерб молитвенному и праздничному содержанию», равно как и других нарушений устава<sup>903</sup>. Кто, однако, определит границу, за которой сокращение становится «произвольным», если священноначалие даже самые общие соображения на этот счет рассылает в *секретных* циркулярах?

По условиям послереволюционного времени не удалось, конечно же, реализовать и те предложения богослужебного отдела Собора, которые были направлены на повышение богослужебной культуры посредством образовательных и церковно-административных мероприятий:

а) обращение особого внимания на изучение церковного устава и литургики в духовно-учебных заведениях с преимущественным при этом обращением внимания на практическую постановку изучения этих предметов;

б) необходимость собирания время от времени благочиннических съездов под руководством местных преосвященных для обсуждения вопросов о правильной постановке и порядке совершения церковного богослужения с тем, чтобы то или иное решение выработанных на этих съездах вопросов немедленно распространялось местными благочинными среди членов епархиальных причтов;

в) устройство время от времени краткосрочных курсов по епархиям для ознакомления и должного наблюдения за правильностью уставного богослужения;

г) устройство особых псаломщических школ в епархиях для подготовки опытных и сведущих руководителей в лице псаломщика при отправлении богослужений<sup>904</sup>.



## Частные вопросы богослужебной практики

## Богослужение постов

Вопрос о фактически забытых требованиях устава совершать постовую службу покаянного характера с пением «Аллилуиа» вместо «Бог Господь», земными поклонами и чтением молитвы Ефрема Сирина в определенные дни Рождественского, Петровского и Успенского постов был затронут в докладе о. Прилуцкого и вновь поднят Б.А. Тураевым на заседании отдела 19 октября 1917 года в связи с приближением Рождественского поста<sup>905</sup>. На следующем заседании состоялось обсуждение этого вопроса. Тураева поддержали Карабинов, В.П. Клевезаль, Г.И. Булгаков, о. С. Кудрявцев, о. К. Зайц. Несмотря на скептическое отношение монашествующих членов отдела (архиепископ Евлогий, архимандриты Варлаам и Паисий), которые небезосновательно считали, что такое начинание едва ли привьется, решено было внести соответствующий доклад на Собор. В докладе Б.А. Тураева говорится, что предлагаемое восстановление забытых требований устава полезно «для возбуждения в народе покаянных чувств в переживаемую неслыханно тяжелую годину»<sup>906</sup>.

По предложению Соборного совета, Собор 11 ноября, за четыре дня до начала Рождественского поста, передал доклад в Синод «для надлежащих распоряжений»<sup>907</sup>. Постановление Собора было исполнено Синодом в определении от 13 ноября<sup>908</sup>.

Можно предположить, что распоряжение о том, чтобы в определенные дни, не относящиеся к Великому посту, вместо служения литургии править постную службу с поклонами, было воспринято как неслыханное новшество и едва ли усердно исполнялось<sup>909</sup>. Обычай, а не устав, стал нормой богослужебной жизни не только в приходах, но и в монастырях. Собственно, и всякий устав является лишь письменным отражением обычая. Плохо, однако, когда этот обычай стыдливо скрывается за ширмой незыблемого Устава и не поддается ни богословскому осмыслению, ни контролю священноначалия.

## Служба индикта

В сентябре 1917 года в Соборный совет, в соответствии с Уставом Собора, поступило заявление более чем тридцати членов с предложением безотлагательно заполнить пробел в современном новогоднем богослужении, перенеся «последование индикта» (нового года) с 1 сентября на 1 января, дополнив существующее последование новогоднего молебна или восстановив древний чин «летопродства». К заявлению была приложена брошюра преподавателя МДС Н.А. Виноградского с подробным обоснованием этих пожеланий<sup>910</sup>. Материалы передали в отдел о богослужении, где о. В. Прилуцкому поручили подготовить на них отзыв, представленный на заседании 30 ноября<sup>911</sup>.

По мнению о. Василия, совершать службу индикта 1 января неудобно: на этот день и так приходится празднование Обрезания Господня и память св. Василия Великого. Вместо этого он предложил восстановить отмененный при Петре I древний византийский «чин исхождения индикта» – «в высшей степени трогательный и умильный», предполагающий участие патриарха и царя. Этот чин мог бы заменить существующий новогодний молебен, совершаемый в полночь на 1 января (такой обычай появился в Петербурге и в Москве в начале XX века, а в 1911 году был рекомендован Святейшим Синодом для повсеместного употребления, причем в журналах сообщалось, что храмы в новогоднюю ночь обычно бывали переполнены).

Владыка Евлогий не поддержал археологических устремлений Прилуцкого, заметив, что хотя прежняя служба и содержательнее, она, вероятно, небезосновательно была отставлена и заменена нынешним молебном, который тоже совсем не плох. К тому же новый год – скорее гражданский, чем церковный праздник. После обсуждения решили: службу 1 января оставить без изменений, а новогодний молебен обогатить материалом из сентябрьской службы индикта. Соответствующий проект (значительно расширяющий новогодний молебен включением канона и другого гимнографического материала из утрени 1 сентября) был представлен Прилуцким и одобрен отделом. Пожелание приспособить к современным условиям отмененный с уничтожением патриаршества древний «чин летопродства» и совершать его в Большом Успенском соборе тоже было включено в соответствующий доклад<sup>912</sup>.

Однако Соборный совет 4 декабря вернул доклад в отдел с предложением пересмотреть и дополнить молитву, входящую в состав чина (она была в неизменном виде заимствована из прежнего молебна)<sup>913</sup>. К 8 декабря эта работа была выполнена и проект возвращен в Соборный совет с двумя вариантами молитвы: «более распространенной формы» (в нее включены продиктованные историческим моментом прошения: «Утоли вся шатания и раздоры земли нашей...») и древней молитвы («из Требников Патриарших с пропуском поминовения и моления о царях»)<sup>914</sup>.

На последнем до рождественских каникул заседании Собора 9 декабря доклад рассмотреть не успели, а новый год приближался. Поэтому Соборный совет направил проект в Синод, который 18 декабря принял определение:

Предписать совершить молебствие в день наступающего 1918 года по обычному чинопоследованию с включением в оное прилагаемой при сем молитвы<sup>915</sup>.

Текст молитвы («распространенная форма» из проекта отдела) вскоре был опубликован<sup>916</sup>.

## Календарная проблема

Введение декретом Совнаркома нового календарного стиля с февраля 1918 года ставило перед Церковью вопрос о времени церковных праздников. Обсудить его Собор на заседании 27 января 1918 г. поручил богослужебному отделу совместно с отделом о правовом положении Церкви в государстве<sup>917</sup>. На соединенном заседании отделов 29 января под председательством митрополита Арсения большинство выступавших (профессор МДА С.С. Глаголев, епископ Никандр [Феноменов], И.А. Карабинов, профессор Московского университета С.А. Котляревский, преподаватель Тобольской гимназии А.А. Васильев, член Симбирского окружного суда С.П. Руднев, профессор Петроградской духовной академии П.Н. Жукович) признали невозможным немедленный переход на григорианский календарь в церковной жизни. Другие (В.И. Яцкевич, Н.Д. Кузнецов, С.Н. Булгаков) считали этот вопрос для Церкви непринципиальным. Тем не менее, неудовлетворительность существующего юлианского календаря была отмечена многими участниками заседания. По итогам дискуссии были приняты следующие предложения, 30 января утвержденные общим заседанием Собора по докладу Соколова:

- 1) В течение 1918 г. Церковь в своем обиходе будет руководиться старым стилем и
- 2) поручить Богослужебному Отделу разработать в подробностях дело применения стилей во всей жизни Церкви<sup>918</sup>.

Такая разработка была продолжена на следующем заседании богослужебного отдела 22 февраля/7 марта<sup>919</sup>. Более подробное освещение проблемы было поручено С.С. Глаголеву и профессору Петроградской духовной академии И.И. Соколову, которые представили свои доклады по календарному вопросу 15/28 марта<sup>920</sup>.

Глаголев считал, что большая астрономическая точность григорианского календаря не искупает его исторической порочности, связанной с наличием «несуществующих дней». Однако православная пасхалия «разошлась с небом и нуждается в исправлении». Канонически такое исправление возможно. Правила предписывают праздновать Пасху *независимо* от иудеев, а вовсе не обязательно *после* них – странно было бы для Церкви ставить себя в какую-либо зависимость от иудейской практики. Вместе с тем решение подобных вопросов требует действий, совместных со всеми Православными Церквями и не может быть осуществлено немедленно.

Отношение прочих автокефальных Церквей к вопросу календарной реформе подробно осветил в своем докладе проф. Соколов. Он призывал к сугубой осторожности:

Реформа неизбежно должна коснуться вековых традиций православной Церкви относительно времени празднования Пасхи Христовой и соединенных с нею других праздников и церковных времен. Реформа (...) может вызвать в народе тревожную смуту с оттенком церковно-религиозного разномыслия и подать повод к неблагоприятному для Церкви схизматическому движению<sup>921</sup>.

Григорианский календарь, как папское новшество, уже в 1583 г. был соборно осужден патриархами Константинопольским и Александрийским. Подобные оценки многократно повторялись на греческом Востоке и в последующие века. Вопрос о календарной реформе вновь обсуждался многими Поместными Церквями в 1902 году по инициативе патриарха Константинопольского Иоакима III; при этом выяснилось более или менее негативное отношение Церквей к перемене календаря, что и было отмечено в окружном послании Иоакима III от 12 мая 1904 г. Вместе с тем, проблема несовершенства юлианского календаря все же существует. Однако ее разрешение во многом зависит от характера взаимоотношений между православным Востоком и инославным Западом в целом; при сохранении существующего положения Соколов считал календарную реформу делом «почти безнадежным». Во всяком случае, окончательное решение вопроса может произойти «только по общему церковному суду».

По итогам состоявшегося обсуждения Глаголев и Соколов подготовили доклад «О сохранении старого стиля для церковного исчисления до времени решения вопроса о

реформе календаря всею Православною Церковью», который был одобрен на заседании богослужебного отдела 20 марта/2 апреля и представлен в Соборный совет 30 марта/12 апреля<sup>922</sup>. В докладе предложено оставить юлианский календарь в церковном употреблении не только на 1918-й, как в прежнем соборном Деянии, но и на 1919-й и последующие годы, до общеправославного решения вопроса. Ради достижения такого согласия патриарха просят обратиться с особой грамотой к патриарху Константинопольскому, чтобы вновь осведомиться о мнении всех Православных Церквей. Необходимо издать православный календарь на 1919 год с указанием дат как по старому, так и по новому стилю. Сформированной отделом комиссии по вопросу о введении нового стиля в составе епископа Пахомия (Кедрова) и профессоров Глаголева, Соколова, Карабинова, Тураева, Жуковича предлагается продолжить свою работу и по окончании Собора.

Соборный совет 10/23 апреля препроводил этот доклад на рассмотрение Высшего церковного управления<sup>923</sup> (это решение было одобрено Собором на последнем заседании 7/20 сентября 1918 г.<sup>924</sup>).

В соответствии с поручением Собора, Высший Церковный Совет 7/20 декабря 1918 г. рассмотрел представленный доклад и одобрил мнение о необходимости общеправославного решения по данному вопросу; Святейшего Патриарха просили с этой целью вступить в сношения с Поместными Церквями<sup>925</sup>. Относительно же новогоднего молебна раньше было решено, что его можно совершать как по новому, так и по старому стилю – «в зависимости от желания прихожан»<sup>926</sup>.

Во исполнение постановления ВЦС святитель Тихон 21 января 1919 г. обратился к патриарху Константинопольскому Герману V<sup>927</sup> с предложением инициировать общеправославное обсуждение вопроса о календарном стиле. В послании изложены суждения соборного отдела и предложены четыре возможные решения: 1) сохранение юлианского календаря с допущением переноса лишь гражданского новолетия; 2) переход на новый стиль; 3) сохранение прежней пасхалии с переводом на новый стиль непереходящих праздников; 4) предоставление Автокефальным Церквям свободы избирать наиболее приемлемое по местным условиям решение календарного вопроса при сохранении церковного общения в любви. Каждое из этих предложений снабжено аргументами *pro et contra*<sup>928</sup>. Ответа из Константинополя не последовало. В Москве еще не знали, что тремя месяцами раньше патриарх Герман был вынужден удалиться на покой в результате бурного протеста православных греков против его компромиссной политики по отношению к турецким властям.

По получении известия об одобрении нового стиля Константинопольским совещанием представителей ряда автокефальных Церквей под председательством нового патриарха Мелетия (май-июнь 1923)<sup>929</sup>, патриарх Тихон 7 октября 1923 года созвал совещание бывших в Москве архиереев, на котором было решено ввести исправленный календарь и в Русской Церкви. Послание о реформе календаря со 2/15 октября было 1 октября подписано св. Тихоном (по признанию самого патриарха, под сильным давлением со стороны представителя ГПУ Е.А. Тучкова). Однако отпечатано это послание было только в начале ноября. А 8 ноября новым распоряжением святителя было определено «повсеместное и общеобязательное введение нового стиля в церковное употребление временно отложить» – принимая во внимание многочисленные протесты верующих, как объяснял патриарх в своем заявлении во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет от 30 сентября 1924 года. Впрочем, и в этом заявлении святитель Тихон признавал календарную реформу принципиально возможной, поскольку «юлианское летоисчисление не возведено Церковью в неприкосновенный догмат веры, но, связанное с церковным обрядом, допускающим изменения, само может подлежать изменению», – при условии невмешательства гражданской власти и при достижении всеправославного согласия по этому вопросу<sup>930</sup>.

## Отклики политических перемен

1. В декабре 1917 года о. В. Прилуцкий и еще 31 член Собора обратились в Соборный президиум с просьбой в спешном порядке принять постановление о том, чтобы в праздник Рождества Христова

не только более не служили молебн *об изгнании галлов из России и с ними двадцати язык*, как потерявший уже смысл при современных условиях политической жизни, но не служили бы в этот день *вообще молебн по поводу* событий политической или гражданской жизни<sup>931</sup>.

Соборный совет в связи с этим 7 декабря принял к сведению, что Святейшим Синодом уже сделано распоряжение об отмене указанного молебна<sup>932</sup>.

2. Предпринятое Святейшим Синодом немедленно после Февральской революции<sup>933</sup> исправление богослужебных текстов, в частности, исправленное ектенийное прошение «О богохранимой Державе Российской и благовременном Временном правительстве ея», после большевистского переворота вновь нуждалось в пересмотре. На заседании отдела 30 ноября 1917 года архиепископ Евлогий сказал:

Нам следовало бы указать относительно поминовения Правительства и властей за богослужением. Мы просили об этом доложить о. Прилуцкого; но ныне я слышу, будто в церквах явочным порядком уже вводится обычай не помянуть благоверное правительство.

Решено было отложить обсуждение вопроса до времени, когда правительство организуется<sup>934</sup>.

После зимнего перерыва в работе 34 члена Собора обратились в Соборный совет с предложением принять меры к введению единообразия молений о стране и власти. Заявление по решению Собора от 28 марта/10 апреля 1918 года было передано в богослужебный отдел, который 3/16 апреля поручил его рассмотрение комиссии под председательством епископа Пахомия (Кедрова) в составе Карабинова, Тураева и иеромонаха Афанасия (Сахарова)<sup>935</sup>. Через три дня, на последнем заседании второй сессии Собора, комиссия представила следующую формулу ектенийного возношения: «О страждущей Державе Российской и о спасении ея», без поминовения властей и воинства. В тропаре Кресту (и всюду, где прежде упоминалось имя царя) предлагалось испрашивать победы не императору и не «христолюбивому воинству нашему» (как было в мартовском Определении Синода), а «благоверным людям Твоим»<sup>936</sup>. Это решение и было передано на благоусмотрение Священного Синода.

Моление о «богохранимой стране Российской и о властях ея» было предписано распоряжением патриарха Тихона лишь в сентябре 1923 года, но, по позднему признанию митрополита Сергия, «тогда не привилось»; много нестроений породил и указ заместителя патриаршего местоблюстителя о таком поминовении, изданный в октябре 1927 года<sup>937</sup>.

3. С усилением гонений со стороны новой власти по отношению к Церкви и ее членам было связано заявление группы членов Собора во главе с ректором Пермской духовной семинарии архимандритом Матфеем о необходимости «преподать благословение от Собора исповедникам Церкви и защитникам ее, подтвердить церковное отлучение гонителям Церкви, считающимся православными христианами». Собор 22 февраля/7 марта 1918 года передал заявление на рассмотрение Епископского совещания<sup>938</sup>. При обсуждении дела в последнем на заседании 24 февраля/9 марта, святитель Тихон, уже анафематствовавший виновников кровавых расправ и гонителей Церкви в своем послании от 19 января/1 февраля<sup>939</sup>, предложил внести изменения в чинопоследование Торжества Православия, совершаемое в первое воскресенье Великого поста. Архипастыри «по довольному суждению постановили» изъять анафематизм 11 («Помышляющим, яко православные государи возводятся на престол не по особливому о них Божию благоволению, и при помазании дарования Святаго Духа к прохождению великаго сего звания в них не изливаются»), а после анафематизма 12 добавить новый:

Глаголющим хульная и ложная на Святую Веру нашу и Церковь, восстающим на святые храмы и обители, посягающим на церковное достояние, поношающим же и убивающим священники Господни и ревнители веры отеческия, анафема, трижды.

Добавлено было и многолетие «христианского благочестия ревнителем и защитником Христовы Церкви».

В тот же день Совещание епископов передало исправленный чин для сообщения Собору<sup>940</sup>, который на заседании 27 февраля/ 12 марта принял к сведению это постановление<sup>941</sup>.

## Евангельское чтение Страстной Пятницы

В марте 1915 года одесский житель Ф. Булатович<sup>942</sup> обратился к своему правящему архиерею, архиепископу Назарию (Кириллову) с вопросом о несоответствии в евангельском чтении на вечерне Великого Пятка. Чтение это составлено из повествований трех евангелистов (Мф.27:1–38; Лк.23:39–43; Мф.27:39–54; Ин.19:31–37; Мф.27:55–61). При прочтении такого составного текста у слушателя получается впечатление, будто уже после обещания Иисуса покаявшемуся разбойнику: «Днесь будеши со Мною в раи» (Лк.23:43), – оба разбойника «поношаста Ему» (Мф.27:44). Булатович предлагал исключить этот последний стих.

Указанная проблема ранее, в 1903 году, уже поднималась в анонимной статье, автор которой указывал даже, что

один известный нам боголюбец выражал желание платить приходскому диакону своему, чтобы тот пропускал эту не на месте поставленную строчку<sup>943</sup>.

Статья в то время не возымела никаких последствий. Теперь же владыка Назарий переслал письмо Булатовича председателю Комиссии по исправлению богослужебных книг архиепископу Финляндскому Сергию, который в мае ответил, что затронут «очень интересный вопрос», и автор письма прав, но возбудить дело о таком исправлении в Святейшем Синоде боязно – ведь станут потом говорить: «Синод дерзает исправлять даже Ев(ангелиста) Матфея»!

Дождавшись Поместного Собора, владыка Назарий отдал всю эту переписку в богослужебный отдел с предложением обсудить дело<sup>944</sup>. На заседании 22 февраля/7 марта 1918 года после непродолжительной дискуссии с участием епископов Пахомия (Кедрова) и Феодосия (Феодосиева), И.А. Карабинова и Н.И. Знамировского<sup>945</sup> решено было, что неудобно исключать что-либо из основного сказания Евангелия от Матфея; целесообразнее перенести на другое место вставку из Луки, исключив из нее «лишний» в этом случае стих 44. Таким образом, чтение предлагалось помещать в служебных Евангелиях в следующем составе: Мф.27:1–44; Лк.23:39–43; Мф.27:45–54; далее в прежнем виде: Ин.19:31–37; Мф.27:55–61. Получалось бы, что прежде оба разбойника поносили Иисуса, а потом один из них раскаялся; это не смущало членов отдела<sup>946</sup>.

Соборный совет 1/14 марта постановил доклад отдела по этому вопросу, представленный епископом Пахомием, рассмотреть совместно с докладом об упорядочении богослужения<sup>947</sup>. Незадолго до закрытия Собора оба доклада «ввиду краткости оставшегося времени» были переданы на разрешение Святейшего Патриарха и Священного Синода<sup>948</sup>. В заседании Синода под председательством святителя Тихона 19 ноября/2 декабря 1918 года доклад был рассмотрен. Подтвердив «желательность изменения Евангельского чтения на вечерне в Великий Пяток устранением из сего чтения (...) останавливающих на себе внимание несогласованност(ей)», Синод нашел, что предложенное решение «не устранил вполне таковых несогласованностей», а потому было признано за лучшее

вставку из Евангелиста Луки о раскаявшемся разбойнике (...) по прежнему читать после 38 ст(иха) главы XXVII-ой Евангелиста Матфея, но вместе с сим в повествовании Евангелиста Матфея о крестных страданиях Христа пропускать ст(их) 44 гл(авы) XVII, читающийся так: «Тожде же и разбойника, распятая с Ним, поношаста Ему», для чего в последующих изданиях богослужебного Евангелия делать в сем месте Евангелия от Матфея соответствующие указания<sup>949</sup>.

К сожалению, через 65 лет, когда представилась первая возможность осуществить такое издание в России, об этом определении никто уже не помнил. Неисполненным оно остается и поныне.



## Актуальное значение уставных проблем

Насколько вопросы, обсуждавшиеся в этой главе, сохраняют свое значение сегодня? Насколько могут быть уместными в нынешних условиях решения, предлагавшиеся без малого сто лет назад?

- Проблемы **изменяемости устава** не существует сегодня как проблемы богословской. Всякий, кто знаком с исторической литургией, прекрасно знает, сколь многообразны и изменчивы были церковные типики. И это совершенно естественно – ведь они отражали жизнь Церкви, меняющуюся в зависимости от ее условий. Но обращение существующего (нельзя сказать *действующего*) в Русской Православной Церкви устава в археологический памятник и длительное «замораживание» разрыва между реальной жизнью и книжной нормой привело к опасным последствиям, осознанным многими пастырями еще в начале XX века. Одно из таких последствий – разрыв между богословским пониманием роли устава и популярными представлениями, сложившимися в церковной среде. Перестав быть действующим правилом церковно-богослужебной жизни, устав в глазах благочестивых людей, мало знакомых с литургической наукой, приобрел характер чего-то вечного и принципиально неизменного. Отсюда – боязнь гласного признания необходимости перемен, боязнь, которую испытывала и продолжает испытывать значительная часть русского епископата и духовенства. Повидимому, эта пастырская проблема может быть разрешена только путем терпеливой разъяснительной работы.

- Случаи неумелого и неграмотного сокращения церковных служб ныне встречаются не реже, а скорее уж чаще, чем в дореволюционный период. Надо считаться с тем обстоятельством, что за последнее десятилетие по необходимости было посвящено в духовный сан немало священнослужителей, не получивших систематического богословского образования. Практика проведения благочиннических съездов или пастырских семинаров, посвященных вопросам богослужения, предложенная богослужебным отделом Собора, существует лишь в отдельных епархиях и является пока скорее исключением, чем общим правилом. Редки и отчетливые разъяснения правящих архиереев относительно применения богослужебного устава в условиях прихода. Поэтому разработка и публикация авторитетных указаний Высшей церковной власти по вопросу о приспособлении уставных норм к жизни современного прихода представляется весьма желательной. Такая мера способствовала бы повышению уровня литургической культуры в наших храмах, особенно сельских. Основой для подобных богослужебных указаний могли бы служить доклад «Об упорядочении богослужения», одобренный в 1918 году в качестве примерного руководства Епископским совещанием и Священным Синодом под председательством святителя Тихона, а также другие материалы Поместного Собора и предсоборного периода (например, рекомендации, принимавшиеся в отдельных епархиях).

- Ясные указания относительно допустимой адаптации уставных норм содействовали бы и улучшению моральной атмосферы в среде духовенства. Не только в Типиконе, но и во всевозможных богослужебных указаниях, которые каждый год издаются у нас в помощь священникам, а также в семинарских учебниках отражены требования, которые нигде реально не исполняются. Некоторые утверждают, будто это воспитывает смирение в служителях алтаря. На самом деле от этой раздвоенности (в книге одно, в жизни совсем другое) воспитывается лишь лукавство и нигилистическое отношение ко всем писанным правилам – еще с семинарской скамьи. Сокращения службы, совершаемые как бы исподтишка, отягощают совесть священнослужителей, чтецов и певцов, дают поводы к осуждению и соблазнам, омрачают лицемерием, неискренностью и недоверием отношения с архипастырем, благочинным, настоятелем и церковным народом.

- Вместе с тем, заслуживает внимания возражение «консерваторов» соборного и предсоборного периода, которые считали несостоятельной идею введения строгого уставного единообразия на основе новой нормы сокращения богослужений, представленной в качестве общеобязательной. История Церкви показывает, что полного единообразия в

отправлении богослужений на самом деле никогда не существовало. Попытка его внедрения могла бы привести к утрате тех элементов здоровой и допустимой вариативности богослужебных обычаев, которая только обогащает церковно-литургическую культуру.

- Стремление более совестливых священнослужителей не удаляться чрезмерно от буквы устава неизбежно приводит к торопливости в чтении, которое в результате становится почти совершенно недоступным для восприятия. И этот недостаток не изжит поныне, и не может быть изжит, пока у нас царствует законническое отношение к уставу. Спешное, механическое чтение распространено даже в храмах духовных школ и нередко рассматривается учащимися как своего рода доблесть. И если молящиеся в семинарской церкви как правило все же неплохо знакомы с содержанием хотя бы неизменяемых частей богослужения и способны распознавать их на слух, то в приходах дело обстоит иначе. Как в процессе практической подготовки священников и церковнослужителей, так и в документах церковного руководства следовало бы регулярно указывать на первостепенную важность качества, а не количества чтения. Тогда народ, возможно, начал бы вникать в содержание молитвословий и избавился бы от ощущения, что все это читается не для него, а «для Бога», просто потому что «так положено».

Опасная раздвоенность сознания проявляется в нашем отношении к явному несоответствию многих молитвословий изменившемуся времени их совершения. Привыкнуть можно ко всему, и мы постепенно перестаем замечать этот очевидный разлад между службой и жизнью. А люди, вновь приходящие в храм, либо учатся от нас бездумному отношению к молитвенным словам (которые становятся лишь неким фоном для личной молитвы), либо начинают подсознательно воспринимать все, что происходит в храме, как своего рода красивую игру, особая прелесть которой заключается как раз в том, что она почти никак не соотносится с окружающей скучной обыденностью. Таким образом мы культивируем ущербный тип церковности: литургическое благочестие, все более утрачивающее связь с реальной жизнью членов Церкви за пределами храма. Выход можно видеть только в творческом *развитии* литургической культуры, обращенной к современности. Способы преодоления создавшегося противоречия, которые предлагались и до Собора, и на Соборе, могли бы с успехом применяться для начала в отдельных приходах. А затем священноначалие могло бы судить о их успешности.

- Замена номинально действующего устава на Константинопольский или Студийский волевым решением церковной власти, конечно же, и неуместна, и невозможна. Однако надо признать, что *сосуществование* отдельных норм того и другого уставов в жизни различных церковных общин, уже имевшее место в русской церковной истории, нисколько не угрожало бы церковному единству – конечно, при условии соответствующей разъяснительной работы.

- Дальнейшие попытки усиленного осуществления не только духа, но и буквы существующего устава в образцовых монастырях, а иногда и в духовных учебных заведениях помогли бы создать своего рода заповедники уставной культуры, позволяющие оценить гармоническую красоту и стройность уставного богослужения. Любовь к последнему является необходимой предпосылкой всякого современного литургического творчества.

## **Глава 6. Совершение божественной литургии**

Этому центральному по своему значению христианскому богослужению, как и следовало ожидать, уделялось особое место в конкретных предложениях, направленных на усиление духовного воздействия церковной службы. Такие предложения высказывались как в предсоборный период, так и на Поместном Соборе. Обзор их мы представим по порядку совершения чина литургии.

## **Литургия оглашенных**

## Антифоны и малый вход

Активный член *Братства ревнителей церковного обновления* священник Петр Кремлевский выражал не совсем ясное пожелание: «Упорядочить в смысле приведения к единству первую часть литургии – антифоны»<sup>950</sup>. Крайний предел такого «упорядочения» намечал смелый герой *Софии Благодушной*:

Так называемые «антифоны» и «малый вход» с двумя малыми ектениями следовало бы опустить безусловно<sup>951</sup>.

О сокращении количества малых ектений, которое предлагали многие авторы, уже говорилось выше (с. 290–292). Интересная рекомендация принята в 1905 году Рижским епархиальным собором: вторую малую ектению предложено было заменить чтением вслух особенно содержательной молитвы третьего антифона («Иже общыя сия и согласныя даровавый нам молитвы...»)<sup>952</sup>.

На заседании богослужебного отдела Поместного Собора о. Василий Прилуцкий указывал на следующие широко распространенные нарушения богослужебного устава:

Почти полное игнорирование антифонов «по вся дни». Сокращение праздничных антифонов до 2-х стихов. Сокращение блажен и полное игнорирование стихов к (ним) или тропарей от канонов.

Беспорядочное исполнение тропарей и кондаков по входе<sup>953</sup>.

Б.А. Тураев также указывал на необходимость исполнения устава о пении вседневных антифонов в те дни, когда не положено пение «изобразительных»<sup>954</sup>. В соответствии с этими указаниями был составлен и общий доклад отдела:

В первой части литургии без всякого сокращения надлежит исполнять антифоны Господских праздников, антифоны изобразительные (при невозможности пропеть оба псалма полностью следует читать их), вседневные (в положенные дни) и блаженны со стихами к ним; по входе полностью и в уставном порядке петь тропари и кондаки. (...) Возглашение: Господи, спаси благочестивыя и услыши ны должно быть опущено<sup>955</sup>.

## Чтение Апостола и Евангелия

Согласно постановлению Рижского епархиального собора, «тайную молитву перед Евангелием священник читает вслух»<sup>956</sup>. Богослужебный отдел Поместного Собора в докладе «Об упорядочении богослужения» предложил «восстановить пение «аллилуиа» по Уставу на гласы аллилуиариев с выразительным исполнением последних»<sup>957</sup>.

Епископ Нижегородский Назарий (Кириллов) в отзыве 1905 года указывал:

Относительно евангельских чтений предлагают ввести обычай греческих церквей, чтобы они исполнялись на солеях, с обращением читающего лицом к народу. И против этого желания нечего сказать.

Такое же предложение содержалось в отзыве комиссии Олонецкой епархии<sup>958</sup>. В ноябре 1905 года чтение Евангелия лицом к народу было предписано духовенству Литвы в архипастырском послании архиепископа Никандра (Молчанова, 1852–1910)<sup>959</sup>. По отзывам священников Виленской епархии, эта перемена принесла весьма положительные результаты<sup>960</sup>. Одновременно такая же рекомендация была принята Рижским епархиальным собором под председательством архиепископа Агафангела (Преображенского)<sup>961</sup>. В 1914 году, по благословению епископа Таврического Димитрия (Абашидзе) аналогичная практика была введена в Севастополе<sup>962</sup>.

В поддержку повсеместного введения чтения как Евангелия, так и Апостола лицом к народу выступали и авторы статей, публиковавшихся в церковной печати. М. Григорьевский писал:

Такой способ чтения представляется вполне правильным, так как при нем все слова явственно слышатся молящимися, и может считаться самым плодотворным, напоминая собою благовестие Самого Спасителя, Который учил народы с возвышенного места или с корабля, конечно, обратившись к ним лицом. У нас ведется такое чтение Евангелий лишь на молебнах для отдельных лиц, и оно приносит молящимся сугубое поучение и утешение. Можно было бы ожидать усиленного воздействия слова Божия на предстоящих, если бы введен был и у нас существующий у греков способ чтения Евангелия на литургии<sup>963</sup>.

В обоснование такого же пожелания один из мирян указывал и следующее:

Едва ли кто будет оспаривать, что чтение Евангелия и апостольских посланий (...) предназначено для молящихся, а между тем мы не видим, чтобы имеющаяся практика отвечала своему назначению. (...) Ведь епископы и пресвитеры и так должны знать читаемое, а миряне иногда только и слышат слово Божие в храме<sup>964</sup>.

На IV Всероссийском миссионерском съезде (Киев, 1908) чтение Евангелия лицом к народу было предложено одновременно двумя комиссиями – противокатолической и противосектантской (последняя рекомендовала таким же образом читать Апостол). Общим собранием съезда предложение противокатолической комиссии было одобрено. Но, парадоксальным образом, четыре дня спустя общее собрание отклонило аналогичное предложение комиссии противосектантской<sup>965</sup>. Впрочем, когда Святейший Синод весной 1909 года рассмотрел постановления съезда, чтение Евангелия лицом к народу было допущено с разрешения местного архиерея<sup>966</sup>. О распространенности такой практики в годы, предшествовавшие революции, свидетельствуют опубликованные заметки некоторых священников<sup>967</sup>.

Предложения сделать подобное чтение повсеместным неоднократно звучали на заседаниях богослужебного отдела Поместного Собора<sup>968</sup>. После дискуссии было единогласно принято пожелание,

чтобы Евангелие читалось: священником – в царских вратах, лицом к народу, диаконом же – на середине храма, так же и апостол (...) на особо приготовленном возвышении<sup>969</sup>.

В окончательный вариант доклада, в целом одобренный Епископским совещанием и впоследствии Священным Синодом, этот пункт вошел в следующей формулировке:

Всякое богослужебное чтение должно совершаться на середине храма, на особом возвышении. Чтение Евангелия допускается лицом к народу<sup>970</sup>.

Однако в последующих документах Высшей церковной власти (Указ патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета от 5 декабря 1919 года и распоряжение митрополита Петра от 14 сентября 1925 года<sup>971</sup>) чтение Евангелия лицом к народу упомянуто в ряду дозволенных нововведений.

В предсоборный период неоднократно поднимался вопрос и о литургическом лекционарий. Епископ Назарий в своем отзыве выражал пожелание, «чтобы евангельские чтения были не столь кратки и отрывочны, как они положены по уставу». Более подробно та же мысль была развита в предложениях Варшавской консистории:

Необходимейшую принадлежность богослужения с самых первых времен существования Церкви Христовой составляло чтение слова Божия. В настоящее же время чтение слова Божия и особенно Евангелия и вообще Нового Завета не составляет центрального момента в церковном богослужении. Количественный состав ежегодных евангельских чтений подтверждает это: из 356 годичных чтений – 211 чтений заключают в себе по 10 стихов, 130 – свыше 10, и только 15 чтений – свыше 20 стихов. Вследствие такой краткости евангельских чтений они производят на молящихся слабое, мимолетное впечатление. Желательно удлинение евангельских чтений и вообще чтений из Нового Завета. Это удлинение могло бы быть уравновешено некоторыми возможными сокращениями в богослужении<sup>972</sup>.

Далее эту тему продолжал в своих статьях петербургский священник Николай Антонов. За воскресным и праздничным богослужением, писал он, прочитывается в течение года лишь 895 из общего числа 3800 евангельских стихов. Читаемые отрывки слишком кратки: «Едва внимание молящихся успеет настроиться, как чтение Евангелия уже прекращается»<sup>973</sup>. По наблюдениям автора, наибольшим воздействием на слушателей обладают продолжительные евангельские чтения – в праздник Крестовоздвижения, в Великий Четверг, в недели о слепом, о блудном сыне, о самаряныне. Некоторые зачала представляют собой лишь отрывки целостного повествования. Одни рассказы и поучения повторяются в течение года неоднократно, а другие недоступны большинству православных, потому что читаются только в будни. Среди последних – большая часть Нагорной проповеди (80 стихов из 110), беседа Спасителя с Никодимом, большинство притч (о плевелах, о зерне горчичном, о сокровищнице, о жемчужине, о заблудшей овце и др.), исповедание Петра, прощение грешницы...

Критические замечания Антонова были поддержаны его собратьями на пастырских собраниях 1906 года – о. Георгием Дьяковым в Петербурге и сельским священником Георгием Осокиным в Вятке<sup>974</sup>.

Выдвигались и более детализированные предложения. Некий «приходский священник» (быть может, тот же Антонов или, во всяком случае, автор, знакомый с его статьями) в 1913 году выступил в печати с такой программой: образовать воскресный и праздничный круг из более пространных чтений, объемом примерно в главу, чтобы за год этот круг охватил все Евангелие; при этом расположить чтения в таком порядке, чтобы за праздничные дни перед богомольцами прошла вся жизнь Спасителя; к этим рядовым чтениям по праздникам прибавлять чтение, соответствующее празднуемому событию; выработать и будничный круг из более кратких чтений, также расположенных в хронологическом порядке. Здесь же представлены критические замечания о некоторых праздничных чтениях. По мнению автора, Евангелие на литургии богородичных праздников скорее подходило бы к преподобным и праведным женам, а на пасхальной литургии, как и на литургиях Светлой седмицы следовало бы читать Евангелия о Воскресении Христовом<sup>975</sup>.

Менее значительные по объему, но легче осуществимые изменения предлагал священник Петр Кремлевский: дополнить пропущенные в нашем лекционарии начала перикоп, составляющие вводные слова к притчам о мытаре и фарисее (Лк.18:9), о неразумном богаче (Лк.12:15), о блудном сыне (Лк.15:10 или даже 15:1–10). Предложены были и некоторые разумные меры по перераспределению чтений с учетом посещаемости храмов на различных службах предпразднства и праздника Рождества Христова<sup>976</sup>.

Б.А. Тураев в докладе богослужебному отделу Поместного Собора предлагал вычитывать евангельские чтения предстоящей седмицы на молебнах, совершаемых после воскресной вечерни, чтобы и в храмах, где не совершается ежедневная служба, выполнялся годовой круг чтения Евангелия<sup>977</sup>.

В общих выражениях за увеличение новозаветных чтений в составе богослужения на Соборе выступали протоиерей Иоанн Завитаев, священник Николай Карташев, А.А. Востоков<sup>978</sup>. Накануне Собора такое предложение выдвинули депутаты Новгородского и Псковского епархиальных съездов, а также Н.Э. Глокке и В.И. Экземплярский<sup>979</sup>. Подобные мнения и ранее высказывались в церковной периодике<sup>980</sup>.

Обсуждался в богослужебном отделе и вопрос о соблюдении долгое время пренебрегавшегося в Русской Церкви уставного правила о «Воздвиженской отступке», требующего начинать чтение Евангелия от Луки вслед за неделей по Воздвижении. Соответствующее предложение было внесено в доклад «Об упорядочении богослужения»<sup>981</sup>.



## Ектений и молитвы после Евангелия

Для **сугубой ектении** Е.С. Швидченко предлагал некоторое сокращение:

Зачем нам столько отдельных прошений? (...) Многие прошения можно было бы соединить в одно, а некоторые и совершенно опустить. Например, все прошения о государе и царской фамилии, а также о воинстве их, могут составить одно прошение; следующие – о Св. Синоде, о епископе и о братии их – дадут второе прошение; а прошение о монашествующих и братии можно было бы совершенно опустить вне монастырей<sup>982</sup>.

**Чтение поминаний** на сугубой ектении и особенно на **ектении заупокойной**, тем более в воскресные и праздничные дни, вызывало много нареканий.

Такое поминовение чрезвычайно затягивает службу. Невольно рассеивается молитвенное настроение, когда диссонансом в стройный чин толково совершаемой литургии вставляется это кажущееся бесконечным перечисление имен. (...) В больших приходах (...) такое чтение продолжается 10, 15, 20 минут. Нужно признаться, что эти длинные минуты продолжаются тяжким испытанием для человека, пришедшего в церковь праздновать праздник. (...) Все прислушиваешься, ловишь возжеланные слова «и всех православных христиан», и куда за время этого томительного ожидания делось все твоё до того горячее, хорошее настроение, какой-то подъём духа?

– писал известный религиозный публицист Е.Поселянин (Погожев)<sup>983</sup>. Петербургский протоиерей Павел Городцев со знанием дела указывал на мотивы своих собратьев:

Поминовение усопших, совершаемое в воскресные дни, когда прочитываются не десятки, а сотни поминаний, не только без благоговения, но даже без знания тех лиц, имена которых произносятся, едва ли может пользоваться благоволением Божиим, и, вероятно, таких поминаний не было

А.А. Дмитриевский предлагал более простое решение: пусть, как на Востоке, во время херувимской песни священники вынимают части из просфор со словами: «Помяни, Господи!» – а имена произносят сами верующие<sup>984</sup>.

А о. Павел Городцев полагал, что такое поминовение верующими известных им усопших могло бы совершаться во время произнесения ектении, а также по освящении даров<sup>985</sup>.

Вопрос о поминовении умерших многократно обсуждался на заседаниях богослужебного отдела Поместного Собора. На недопустимость заупокойной ектении в воскресные и праздничные дни указывал в своем докладе 10 октября 1917 года профессор о. В. Прилуцкий<sup>986</sup>. Б.А. Тураев считал возможным поминовение усопших на ранних литургиях в воскресенье (после заамвонной молитвы и пения тропарей «Со духи праведных...»)<sup>987</sup>. Против гласного поминовения усопших по праздникам и воскресным дням выступали также архимандрит Варлаам, о. Сергей Кудрявцев, Д.И. Волков, К.И. Самбурский, Ф.Г. Зибарев<sup>988</sup>. Однако епископ Андроник (Никольский) напомнил, что «простолюдины только в праздники и посещают храм»<sup>989</sup>. В защиту существующей практики выступали также архимандрит Паисий, священник Михаил Елабужский, псаломщик К.Д. Минченко, крестьянин П.Я. Войный<sup>990</sup>. Они указывали, что крестьяне и рабочие не имеют возможности посещать храм по будням и по субботам. По итогам обсуждения 3 ноября 1917 года

голосованием принята отмена поминовенной ектении в воскресные и праздничные дни с условным допущением в эти дни поминовений в конце литургии и с практическим решением вопроса в будущем по совместному усмотрению пастыря и прихода<sup>991</sup>.

Этот же вопрос вновь возбуждался при уже значительно обновившемся составе членов отдела на заседаниях 30 июля и 8 сентября 1918 года. При этом отдел

постановил просить Священный Синод ныне же сделать распоряжение – о недопустимости согласно 169 ст(атье) Номоканона при Большом требнике пения «со святыми упокой» и возгласения поминовений живых и усопших, заупокойной ектении за воскресным и праздничным литургийным богослужением, а равно и о том, чтобы в прочие дни за каждой литургией произносилась одна лишь общая ектения (...) а не несколько

отдельных ектений, как это практикуется в настоящее время, особо для каждого поминаемого лица<sup>992</sup>.

Многие авторы предлагали исключить, по примеру греческой Церкви<sup>993</sup>, **ектению об оглашенных**, а на литургиях Преждеосвященных – и «о иже ко просвещению» вместе с соответствующими возгласиями об удалении этих категорий молящихся из храма, которые все равно никем и нигде не исполняются на деле. Такое сокращение находили уместным епископ Назарий (Кириллов), Варшавская епархиальная комиссия, о. Павел Городцев, о. Валерий Соколов и еще двое священников, Е.Е. Голубинский и даже ревнитель соблюдения устава В. Николаев<sup>994</sup>. Согласно постановлению Рижского епархиального собора, ектению об оглашенных надлежало выпустить, но молитву о них читать вслух<sup>995</sup>. Наиболее оправданным представляется предложение епископа Константина (Булычева): оставить соответствующие ектении в богослужебном употреблении

только там и тогда, где и когда оглашенные и готовящиеся к просвещению налицо в собрании верующих и, после ектении, преклоненные пред священнослужителем, могут выслушать читаемую вслух всей церкви молитву о них и тогда удалиться. Через это молитва об оглашенных опять получила бы настоящее свое значение, теперь совершенно ею утраченное<sup>996</sup>.

Такое же мнение выражали епископ Костромской Тихон (Василевский, 1867–1926) и смотритель Оренбургского духовного училища Ф.Макарьев<sup>997</sup>. В своем докладе об исправлении Служебника, представленном в сентябре 1917 года на заседании богослужебно-уставного подотдела Поместного Собора, такое предложение высказывал о. Василий Прилуцкий. Подотдел принял решение ектению в Служебнике сохранить, но поместить примечание, что произносится она лишь тогда, когда оглашенные действительно присутствуют в церкви<sup>998</sup>.

Совершенно удалить не только ектению об оглашенных, но и две последующие ектении верных перед великим входом предлагал в 1905 году, ссылаясь на «нынешнюю практику Сионской Церкви», епископ Полтавский Иоанн (Смирнов, 1844–1919)<sup>999</sup>. В поддержку такого решения выступал и Б.А. Тураев<sup>1000</sup>. Богослужебный отдел Поместного Собора сохранил ектении верных и одновременно предложил, чтобы при будущем исправлении Служебника тайные молитвы как этих, так и других ектений были расположены «так, чтобы они стояли непосредственно перед возгласами, являющимися заключением молитв»<sup>1001</sup>.

## **Литургия верных**

## Великий вход

Варшавская епархиальная комиссия предлагала опустить «отсутствующие в старопечатных служебниках поминания государя и Синода»<sup>1002</sup>. Отец Михаил Чельцов также ставил вопрос:

Не следует ли возвратиться к старине и на великом выходе за литургией делать только одно поминовение – последнее: «всех вас»?<sup>1003</sup>

Именно такая краткая форма поминовения была предложена для новой редакции Служебника и богослужебным отделом Поместного Собора:

«Всех вас да помянет Господь Бог во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков» (для диакона), «Да помянет Господь Бог всех вас во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков» (для священника)<sup>1004</sup>.

Однако Епископское совещание в заседании 4/17 марта 1918 года, заслушав доклад отдела, постановило:

На великом входе, при архиерейском служении, взамен бывших, говорить поминовения: а) «Великаго Господина нашего Святейшаго Патриарха Московскаго и всея России Тихона и Господина нашего Преосвященнейшаго (имя рек... местнаго)... б) Преосвященный Митрополиты, Архиепископы и Епископы и весь священнический и монашеский чин, – вас и всех православных христиан да помянет Господь Бог во царствии Своем всегда, и ныне и присно и во веки веков». При иерейском служении: а) Великаго Господина нашего Святейшаго Патриарха Московскаго и всея России Тихона и Господина нашего Преосвященнейшаго (имя рек... местнаго)...; б) «Всех вас да помянет Господь Бог во царствии Своем всегда, и ныне и присно и во веки веков»<sup>1005</sup>.

Указом патриарха и Священного Синода от 24 марта/6 апреля 1918 года о новом порядке поминовения было сообщено епархиальным архиереям<sup>1006</sup>.

Обсуждался на Соборе и вопрос о литургическом поминовении восточных патриархов, поднятый по инициативе витебского мирянина Кутляшева, поддержанной членом Собора о. Кириллом Зайцем. После довольно продолжительной дискуссии, состоявшейся в богослужебном отделе 23 июля и 12 августа 1918 года, в Соборный совет был направлен доклад, в котором предлагалось помянуть восточных патриархов лишь за архиерейским богослужением, «притом не поименно, а лишь в общих выражениях», за патриаршей же службой помянуть восточных патриархов по именам<sup>1007</sup>. Собор 19 сентября постановил передать доклад на разрешение Высшего церковного управления; в соответствии с этим Священный Синод 28 октября рассмотрел вопрос и постановил совершать поминовение предстоятелей иных Поместных Церквей только за патриаршим богослужением<sup>1008</sup>.

## Диаконские возгласения

Псаломщик Е.С. Швидченко в своей повести «Как он пошел в народ» предлагал опустить одну из двух почти идентичных просительных ектений – либо перед «Верую», либо перед «Отче наш»<sup>1009</sup>.

Удалить возгласение «Двери, двери...», связанное с ушедшим обычаем запирать двери церкви при начале литургии верных, предлагали Рижский епархиальный собор, священники А.В. и В. М-ч – последний считал нужным отказаться и от другого «археологического памятника» – возгласения «Станем добре...» (поскольку теперь и до этого возгласа все в храме стоят, а не сидят)<sup>1010</sup>.

Эти и другие предложения о сокращениях в составе литургии встречали и критические отклики. Епископ Смоленский Петр (Другое) возмущался в своем отзыве «нашими псевдолибералами»:

Таких реформаторов и св. Златоуст не удовлетворяет, и в его литургии предполагаются сокращения<sup>1011</sup>.

Профессор Дмитриевский тоже возмущался смелостью «непризванных радетелей». Если выпустить возглас «Оглашении изыдите», – говорил он в своей киевской лекции 1907 года, – то почему тогда не выбросить и слова «возлюбим друг друга», ведь обряда целования, к которому в древности приглашали эти слова, теперь тоже нет<sup>1012</sup>. Священник Александр Полиевктов выражал схожие убеждения:

Возгласы «елицы оглашении», «елицы ко просвещению», «двери, двери», «станем добре», – говорят и будут говорить многое сердцу молящихся<sup>1013</sup>.

## Анафора

Вопрос о чтении вслух евхаристических молитв многократно обсуждался разыми авторами в течение предсоборного периода, в том числе в *Отзывах епархиальных архиереев*.

«Не лишне (...) читать гласно некоторые тайные молитвы», – писал будущий патриарх, а тогда епископ Алеутский и Северо-Американский Тихон. Подробнее развивал эту мысль епископ Нижегородский Назарий:

Выражается желание, чтобы было разрешено читать вслух тайные священнические молитвы на литургии, дабы предстоящие имели полное представление о всем составе этой важнейшей церковной службы во всей ее целостности и последовательности. Это было бы согласно и с древностью. Всенародное чтение священнических молитв на литургии подняло бы молитвенный дух предстоящих.

С такими же предложениями выступали причт Выборгского кафедрального собора, комиссия Олонецкой епархии и автор доклада «О желательной постановке миссионерского дела...», представленного епископом Иоанникием Архангельским<sup>1014</sup>.

Наиболее пространно и пылко защищал гласное чтение анафоры псаломщик Швидченко устами своего литературного героя:

Странно... верующие приходят на евхаристию, то есть на преломление хлеба и на благодарение Господа, но как совершается преломление – они не видят, и что говорится при этом – они не слышат. Как же они после этого могут благодарить Господа? (...)

Каким образом случилось то, что «часы», «антифоны», «ектении» и прочие несущественные вещи исполняются подробно и открыто, во всеуслышание, а самые главные, существенные и возвышенные части литургии либо сокрыты от мирян, либо представлены в странных, не имеющих между собою, по-видимому, никакой связи отрывках? (...) В древней христианской Церкви при освящении даров ведь удаляли лишь оглашенных и язычников, но верующие оставались и видели и слышали все, что делал и говорил «предстоятель» (священник). Последующая же Церковь – греческая, а за нею и наша, взяла молитвы священника под сурдинку, оставив для слушателей лишь те отрывки, что поют певчие. (...)

Почему лишают нас, мирян, этих молитв? (...) Разве мы не царственное священство и род избранный, как говорит апостол? (...) Почему священники не читают громко, открыто всех молитв литургии? (...) Почему прячут их под спудом, а не выставляют на свет Божий, как яркий светильник?<sup>1015</sup>

На вопрос «каким образом это случилось» отвечала опубликованная вскоре в академическом «Богословском вестнике» статья профессора церковной археологии и литургики МДА А.П. Голубцова. Не останавливаясь подробно на исторической стороне этой работы, приведем лишь выводы Голубцова – человека науки, вовсе не похожего по темпераменту и складу ни на Швидченко, ни на его героя «псаломщика Одинокого»:

Народ вместо цельных молитв (...) слышит лишь так называемые *возгласы*, то есть окончания молитв (...) или краткие извлечения, отрывочные фразы из середины их, между которыми нет видимой связи, и нелегко восстановить ее тому, что не знаком с содержанием молитв и никогда не имел в руках служебника. Совершенно обратное явление представляла в этом отношении литургическая практика первых трех-четырех столетий: там гласное, общенародное произнесение молитв предполагалось само собой, являлось своего рода *conditio sine qua* поп самой литургийной службы.

В результате тайного чтения молитв литургия распалась на две параллельные части – одну предоставленную народу, другую отправляемую священником<sup>1016</sup>.

Ту же тему со ссылкой на Голубцова развивал десять лет спустя священник Т.С. Тихомиров:

Что же делать народу во время чтения молитв, сделавшихся тайными? Его заняли слушанием гимнов, которые не выражают содержания чинимой молитвы. (...) Раздвоилась церковь или даже растроилась: предстоятель молится, певцы поют, народ внимает непонятным по своей отрывочности возгласам предстоятеля и гимнам певцов. Композиторы призвали на помощь все свое умение, чтобы эти гимны сделать наиболее искусными. Предстоятель оказался отделенным от народа двойною стеною: стеною гимнов и стеною икон; его евхаристическая молитва, не одушевляемая народным вниманием и участием в ней, разбилась на части, и он потерял сознание, что это одна великая и святая апостольская молитва, что он говорит к народу или придаточными предложениями, или предложениями без сказуемых. Таково отличие нашей литургии в главной ее части от литургий не только апостольских, но и от литургий тех святых отцов, лики которых украшают наши служебники: *Василия Великого и Иоанна Златоустого*. «Не один священник приносит евхаристию, – говорил Златоуст своей пастве, – но и весь народ»<sup>1017</sup>.

О. Илия Гумилевский еще более резко осуждал существующую практику тайного чтения молитв – за то, что она полагает «средостение между сердцем народным и Богом живым»<sup>1018</sup>. В том же духе выступали в печати и на собраниях и некоторые другие священники<sup>1019</sup>. Духовенство Финляндской епархии на пастырском собрании в Сердоболе (декабрь 1905) вынесло постановление: просить о позволении читать евхаристическую молитву вслух. Архиепископ Сергей (Страгородский) зачитал протокол этого собрания на совместном заседании VI и VII отделов Предсоборного Присутствия. Предложение было отклонено – вероятно, по настоянию председателя VI отдела архиепископа Антония (Храповицкого)<sup>1020</sup>. Подобная судьба постигла в 1908 году предложение противокатолической комиссии Всероссийского миссионерского съезда:

Необходимо (...) представить на благоусмотрение предстоящего церковного Собора вопрос о чтении вслух тайных богослужебных молитв и особенно молитв евхаристического канона.

На общем собрании съезда под председательством того же владыки Антония эти инициативы были отвергнуты

как затрагивающие освященную церковным уставом и многовековым обычаем практику<sup>1021</sup>.

Обсуждался вопрос о гласном чтении литургийных молитв и на I Всероссийском съезде военного и морского духовенства в 1914 году. Предложение было отклонено, поскольку «такое может быть подведено под соборное осуждение двоегласия»<sup>1022</sup>.

Не имело последствий и предложение Г. Сербаринова, выдвинутое в связи с церковным празднованием 1500-летия кончины Иоанна Златоуста:

Хотя бы в сей день показать народу все глубокое значение литургии и для сего совершить ее *полностью, вслух, при открытых царских дверях*<sup>1023</sup>.

Из полемических возражений против гласного произнесения анафоры самый яркий образец принадлежит К.П. Победоносцеву, который в 1906 году, уже находясь в отставке, писал:

Иные реформаторы доходят в своих предложениях до искажения самого канона св. евхаристии, предлагая, чтобы тайные молитвы священника, положенные по чину литургии (...) читались вслух народа. Можно ли было бы подумать, что такие предложения идут от священника, совершавшего таинственное священнодействие литургии верных! Ведь священник совершает тайну (...) и в эти-то минуты предлагается ему прерывать молитвенное свое настроение и самую тишину молитвенного настроения церкви возгласением самых таинственных слов молитвы, и вместе с тем как бы приобщать все народное собрание к тому священнодействию, которое ему одному предоставлено призванною на него в рукоположении благодатию Святого Духа! Нет! Все мы, православные люди, должны оберегать и хранить в полноте великие сокровища нашего богослужения, завещанное нам древнею матерью-Церковью<sup>1024</sup>.

Выдвигались и возражения практического рода. На предложения *Софии Благодущной* о. Николай Дроздов отзывался так:

Симпатично, но ведь (...) служба удлинится, на горе лентяев. Да требуется огромное напряжение голоса, чтобы прочесть молитвы ясно на всю церковь. Нелегко и внимать читаемому, а не поемому, – без книг<sup>1025</sup>.

В связи с подобными препятствиями предлагались компромиссные варианты, например – читать не всю молитву, а «сколько потребно для установления смысла в возгласах священника»<sup>1026</sup>. А о. Петр Кремлевский опубликовал составленный именно в таком духе проект «уяснения центральных возгласов на литургии», первоначально сформулированный им в докладе на пастырском собрании в конце 1906 года. Предлагалось читать вслух вторую половину *praefatio; anamnesis* – частично, притом брать эти части то из златоустовой, то из василиевой литургии. Хорошим литургическим вкусом проект не отличался<sup>1027</sup>. Не совсем последовательно и решение Рижского епархиального собора читать вслух только *sanctus* и *intercessio*<sup>1028</sup>. Важно, однако, что Рижская епархия, возглавляемая архиепископом Агафангелом, с осени 1905 года стала единственной, где часть «тайных» молитв уже читали вслух, не дожидаясь решений Высшей церковной власти. По свидетельству астраханского протоиерея, к 1916 году такая практика распространилась и в других местах:

Ныне некоторые пастыри совершенно возгласно читают евхаристийный канон за литургией. Нельзя их за это осуждать, как равно порицать и тех, которые этого не делают<sup>1029</sup>.

Впрочем, в отдельных приходах она применялась и раньше, судя по написанной еще в 1910 году статье священника из Тирасполя:

В числе мер, способствующих деятельному и внимательному отношению молящихся к богослужению, следует отметить (...) велегласное чтение всех молитв, читаемых ныне священнослужителями втайне. (...) Моя двадцатилетняя практика приходского священника доказала мне, что велегласное чтение молитв вечернего, утреннего, литургийного богослужения (...) располагает молящихся к глубоко-внимательному и деятельному участию в богослужении<sup>1030</sup>.

В июне 1917 года депутаты Новгородского епархиального съезда предложили «восстановление первоначального порядка в совершении литургии, в частности: чтение евхаристической молитвы вслух»<sup>1031</sup>. С таким же призывом выступил председатель Киевского религиозно-философского общества Н.Э. Глокке<sup>1032</sup>. Убедительно освещал этот вопрос в своем докладе на заседании того же общества профессор В.И. Экземплярский, указывая, что из всего содержания литургии фактически сокращенным для мирян оказалось самое главное – центр богослужения, его душа. В тайном чтении евхаристических молитв Экземплярский видел проявление клерикализма, который становится преградой на пути верующего сердца ко Христу:

Миряне незаконно отделены от Христа в литургийном чине. Без участия всей церкви в молитвах евхаристического канона нет литургии как подлинно общего дела, потому что верующие не участвуют сознательно в благодарении Бога. Поэтому безжизненно и холодно у нас за литургией<sup>1033</sup>.

Одна из самых ярких статей на ту же тему принадлежит другому участнику заседаний Киевского религиозно-философского общества – будущему пастырю и мученику А. Жураковскому. За месяц до открытия Собора он с горечью писал о состоянии Церкви, обессиленной грехами своих членов, в результате чего святое Православие «поставлено вне жизни, светит нам только издали».

Наш литургический канон (...) в полноте изображает такое состояние Православия. Он также ушел от жизни, спрятавшись за высокой стеной иконостаса, как ушло от жизни наше христианство. Он перестал быть «общим делом» всех нас (...) Все молитвы канона – это тайные молитвы, скрытые от верных, они произносятся одним священником. Из глубины алтаря до нас доносятся только отдельные фразы, часто без начала и без конца, часто непонятные в своей оторванности от контекста. (...) Наш канон, мистически и догматически совершенный, психологически не совсем верен духу древних образцов. Он отразил в себе (...) внутренний сдвиг от коллективизма к индивидуализму<sup>1034</sup>.



Путь к подлинному евхаристическому возрождению Жураковский видел не столько в тех или иных богослужебных реформах, сколько в созидании евхаристических братских общин.

На заседаниях богослужебного отдела Поместного Собора гласное чтение евхаристических молитв отстаивали священник Николай Карташев, В.К. Недельский, И.А. Карабинов, фельдшер из Манчжурии И.И. Мельников<sup>1035</sup>. Однако епископ Андроник (Никольский) возражал против такого предложения, считая, что молитвы эти, полные возвышенной поэзии, едва ли будут понятны для слушателей, а удлинение богослужения испортит настроение молящихся, которые «начнут (...) утомляться, скучать, зевать и уходить из храма в самые важные богослужебные моменты». Достаточно, по мнению владыки, что заключительные слова этих молитв «исполняются нередко в прекрасном виде певческими хорами», создавая «игру в настроении», чему способствует тот факт, что «многие мелодии этих песнопений взяты из светских напевов»<sup>1036</sup>. При голосовании, которое состоялось 9 ноября 1917 года с участием 54 членов отдела,

пожелание о чтении вслух евхаристических молитв – отклонено большинством против 4-х<sup>1037</sup>.

Чтение вслух тайных молитв отвергнуто, как несанкционированное Собором новшество, в указе от 2 декабря 1919 и обращении патриарха Тихона от 17 ноября 1921 года<sup>1038</sup>. Тем не менее, сохранились свидетельства о том, что первоначально позиция святителя Тихона была иной. На благословение патриарха ссылался архимандрит Спиридон (Кисляков), основавший в 1917 году в Киеве Братство Иисуса Сладчайшего. В храме Братства молитвы евхаристического канона читались вслух (и при открытых царских вратах). По свидетельству о. Спиридона,

эти вдохновенные молитвы точно электрический ток пронизывали собою сердца молящихся и зажигали в них целое пламя сердечной любви ко Христу. (...) Через некоторое время, после смерти митрополита Владимира, батюшки города Киева добились у своего епархиального начальства, чтобы я снова служил литургию при закрытых царских вратах и отнюдь не читал вслух для народа евхаристические молитвы. Это было при правлении Киевскою епархией после смерти Владимира митрополита епископом Никодимом. Когда же митрополитом Киевским был назначен Антоний Храповицкий, то он перед всей делегацией нашего братства, ничтоже сумняся, заявил, что служить при открытых царских вратах и читать вслух для народа евхаристические молитвы поведет к хлыстовщине<sup>1039</sup>.

Позднее, в 1932 году, митрополит Сергей благословил иеромонаху Феофану (Адаменко) из Нижнего Новгорода «в виде исключения, чтение тайных молитв во всеуслышание», указав, что, «руководствуясь примером покойного Святейшего Патриарха» не находит препятствия к разрешению таких особенностей и в других епархиях<sup>1040</sup>.

Из других предложений можно отметить пожелания раскрыть подробнее смысл слов «Твоя от Твоих...» и произносить вслух на златоустовой литургии (как в литургии Василия Великого) слова «даде святым Своим учеником и апостолом, рек...»<sup>1041</sup>.

Попытки синтеза двух наших литургий, возможно, также восходят к повести *Софии Благодушной*, где предлагалось сделать литургию св. Василия основной в церковном употреблении, оставив литургию Златоуста для болящих и для домовых церквей, поскольку она, по мнению автора, «бесконечно уступает первой во всем – в силе, в экспрессии, в красоте, в поэзии»<sup>1042</sup>. В рецензии на повесть о. А. Глаголев писал:

Относительно гласного произношения евхаристических молитв и преимуществ литургии св. Василия Великого всецело присоединяемся к высказанным автором мыслям<sup>1043</sup>.

А о. Н. Дроздов считал полезным допустить хотя бы в некоторых храмах совершение древнейших литургий св. апостола Иакова и из *Постановлений апостольских*, которые, как считал петербургский протоиерей,

гораздо совершеннее сокращенных наших чинов. И естественно! Цельный чин производит впечатление более полное, чем чин сокращенный! (...) Как бы ни было гениально сокращение, но оно, видно, не оригинал, не цельный образ<sup>1044</sup>.

Особенно привлекательными считал Дроздов разнообразные ходатайственные молитвы древних литургий – о врагах, о внешних, о заблудших, о младенцах Церкви и проч.

Богатую ходатайственными прошениями молитву *intercessio* литургии Василия Великого предлагал читать вслух анонимный священник Вятской епархии:

Думается нам, что если бы эта молитва читалась вслух всей церкви, много святых добрых чувств пробудила бы она и сильнее скрепила бы связь между пастырем и его пасомыми... Они яснее видели бы в нем своего молитвенника пред Престолом Божиим<sup>1045</sup>.

Наконец, священник Александр Петровский в 1906 году совершенно справедливо указывал на неуместный характер вставки в анафору тропаря третьего часа, а также слов «преложив Духом Твоим Святым» – в литургию Василия Великого<sup>1046</sup>.

Относительно последней добавки профессор В.В. Болотов, называя ее «тупоумной», еще в конце XIX века писал, что по своей грамматической несообразности – «*nominativus* (μεταβολῶν) после длиннейшего *infinitivus* (...) *cum accusativo* (...) такая конструкция – просто клевета на Василия В(еликого) и его афинское образование»<sup>1047</sup>. Этот вопрос обсуждался по инициативе о. В.Д. Прилуцкого в богослужебно-уставном подотделе Поместного Собора, при чем было рекомендовано удалить позднейшую вставку (даже наиболее консервативные члены подотдела голосовали за такое решение)<sup>1048</sup>.

Богослужебный отдел, впрочем, не включил этот пункт в свой доклад Собору. Зато туда вошло указание относительно вставки тропаря, смягчающее существующий разрыв в тексте анафоры:

Тропарь 3-го часа: «Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа» печатается (...) мелким шрифтом и ставится пред словами: «Еще приносим Ти словесную и безкровную службу и просим и молим» (в Литургии Василия Великого пред словами «Сего ради, Владыко») <sup>1049</sup>.

В опубликованной незадолго до Собора статье протоиерея В. Металлова речь шла и о еще одной несообразности в славянском переводе анафоры Василия Великого. После слов: «Да обрящем милость и благодать со всеми святыми (...) и со всяким духом праведным, в вере скончавшимся» вне всякой грамматической связи следует перенесенное из литургии Златоуста возгласение: «Изрядно о Пресвятей...», продолжаемое затем поименным поминовением святых: «Святаго Иоанна пророка...». Металлов справедливо указывал, что надо было бы произносить: «Изрядно со Пресвятою...» и далее «Со святым Иоанном пророком...»<sup>1050</sup>.

Надо отметить, что такую поправку хотя бы в виде подстрочной глоссы уже предлагал в 1899 году старший помощник справщика СПбСТ Н.Ф. Чуриловский при подготовке четвертого издания Служебника (СПб., 1900), однако она была отвергнута митрополитом Киевским Иоанникием<sup>1051</sup>.

Обсуждался этот вопрос и в богослужебно-уставном подотделе Поместного Собора по инициативе о. В. Прилуцкого, однако определенного разрешения не получил<sup>1052</sup>.

## Иконостас и царские врата

Те же соображения о важности более полного участия церковного народа в совершении божественной литургии стояли и за пожеланиями сделать алтарь открытым для взоров мирян. Священник Василий Соколов отмечал:

Церковное богослужение в своей действенности весьма много зависит от степени близости служащих к молящимся. (...) Наше богослужение страдает в этом отношении одним большим недостатком, который стал уже за долгой практикой трудно устранимым. (...) Священнослужители отделены от народа иконостасом, в котором даже просветы в царских вратах иногда заширмованы завесой. (...) Много ли вынесет христианин из храма живых впечатлений от такой службы? Как известно, практика древней Церкви была совершенно обратна настоящему укрывательству служащих<sup>1053</sup>.

Для преодоления этого недостатка о. Василий предлагал приблизиться к нормам устава, предписывающим священнику находиться в алтаре не все время, а только в определенные моменты<sup>1054</sup>, а также оставлять царские врата открытыми «на более длинные периоды служб, нежели теперь принято»<sup>1055</sup>.

Сожаление об отчуждении мирян от священнодействия, происходящего в алтаре, выражал будущий священномученик о. Александр Хотовицкий:

Народ не видит священнослужителя, не слышит тех таинственных святейших молитв, не видит тех священных действий, какими обставлено важнейшее таинство Евхаристии, а лишь молитвенно откликается на часто непонятный для него возглас: «Поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще», или «Изрядно о Пресвятей» и т.д. И выходит, что священник должен выбирать за пределами литургии особое время, чтобы народу объяснить то, что народ мог бы знать и видеть сам<sup>1056</sup>.

О разобщенности клира и молящихся, о преобладании крайнего индивидуализма по отношению к божественной литургии и к причащению Святых Таин с болью писал и другой священник:

Евхаристические Дары унесены от верующих далеко, поставлены за деревянной перегородкой, туда же уходит и служащий, там он творит священнодействие, невидимо для присутствующих, там он произносит и моления, в большом храме, при слабом голосе служащего неслышны молящимся<sup>1057</sup>.

С особенной резкостью (в которой впоследствии пришлось публично покаяться) высказался настоятель грозненского собора о. Иоанн Попов, ополчившийся на

эти отгородки и перегородки от народа, когда прошло время укрывательства, а наоборот – давно настало время явить миру свет истины, сделать его общедоступным<sup>1058</sup>.

Е.Е. Голубинский «в видах особенного назидания молящихся» считал уместным вернуться к старинному образцу и «царские двери (...) делать низенькие, погрудные, каковыми они остаются у греков до настоящего времени»<sup>1059</sup>. В отзыве Олонецкой епархиальной комиссии содержалось такое предложение:

Иконостасы иметь в уменьшенном виде, царские врата при совершении литургии – открытыми<sup>1060</sup>.

Разрешить служение литургии верных с открытыми царскими вратами, как это бывает при архиерейском служении, предлагал на пастырском собрании в 1906 году петербургский протоиерей А.С. Лебедев, профессор богословия Императорской медицинской академии. Мысль эта вызвала много споров как на самом собрании, так и в церковной печати<sup>1061</sup>, но практических результатов не имела – как и отвергнутое общим собранием Миссионерского съезда в Киеве аналогичное предложение противокатолической комиссии, принятое по докладу священника Николая Бортовского<sup>1062</sup>.

Особенной и в этом случае оказалась Рижская епархия. По постановлению местного собора,

царские врата остаются открытыми до херувимской песни, потом закрываются до чтения «Верую», при этом опять открываются до причащения священнослужителей<sup>1063</sup>.

В Петербурге же и в Москве в начале XX века стали устраивать во вновь возводимых храмах невысокие иконостасы, как предлагал Голубинский. У архиепископа Антония (Храповицкого) эти церкви «почти без иконостасов»<sup>1064</sup> вызвали возмущение, выраженное им в двух статьях, специально посвященных апологии иконостаса (и, одновременно, редкого причащения). По мнению владыки, образцом должны считаться иконостасы XVII века, который представлялся автору вершиной развития церковного искусства в России. Высота таких иконостасов полностью скрывает алтарь, «но сие и подобает в наше грешное время»<sup>1065</sup>. Развитие нового вида алтарных преград закономерно отражает изменение церковного самосознания. Далеко не случайно

позднейшая церковная жизнь менее была исполнена того дерзновенного приближения к святыне и созерцания священных таинств, коим отличалось время мучеников: постепенно мирян лишили причащения в алтаре, вхождения в царские врата, прикосновения к престолу и созерцания тайносовершения.

В основе этих изменений лежит обмирщение Церкви, порождающее нарастание покаянного чувства в молитвословиях, значительно более редкое причащение и потребность скрыть от глаз святыню алтаря.

Большому глазу не полезно взирать прямо на солнце (...) Так бесполезно многогрешной общине после легкомысленно или даже преступно проведенной седмицы дерзновенно приближаться к престолу Божию, видеть и часто вкушать страшные тайны.

Исходя из такой идеализации прошлого и отрицательной оценки современного ему христианства архиепископ Харьковский считал, что ныне

мирянам бесполезно молиться в (...) храме при открытом алтаре, лишенном напоминания о нашей греховной удаленности от Бога.

Еще более бесполезен открытый алтарь для священников, о которых владыка, всегда недолюбливавший «кутейников», отзывался с особенной резкостью:

Сознавая, что все их молитвенные действия видны народу, иереи уже не заботятся о том, что их видит Господь Бог, и ангелы, и святые, а думают о том, чтобы аффектировать собою молящихся и, подобно ксендзам, постепенно превращаются из молитвенников в актеров, в кривляк, и тем делают свое служение мерзким пред Богом<sup>1066</sup>.

Тем не менее призывы к разрешению служения литургии при открытых царских вратах продолжали повторяться вплоть до времени созыва Поместного Собора. Так, в 1916 году Елисаветовское пастырское собрание в Донской епархии, обсуждая меры к улучшению приходской жизни, предложило:

Дабы молитвы священника, совершающего богослужение, и верующих слились в одну общую молитву, не следовало бы скрывать его за стеной; закрытый большую часть службы священник иногда так священнодействует, что голос его бывает не слышно, или же нельзя бывает разобрать его слов, и это естественно порождает холодность и равнодушие к общественной молитве, и было бы желательно совершать богослужения при открытых царских вратах, за исключением причащения священнослужителей в алтаре<sup>1067</sup>.

За чтение евхаристической молитвы при открытых царских вратах высказались в июне 1917 года депутаты Новгородского епархиального съезда<sup>1068</sup>. А новгородский протоиерей Александр Устынский и вовсе предложил

строить новые церкви, где того местные жители пожелают, без иконостасов, с открытым для взора всех престолом, при чем иконы можно ставить на восточной стороне алтаря<sup>1069</sup>.

В.И. Экземплярский, выступая в том же году на заседании Киевского религиозно-философского общества, говорил об угашении духа общинности, которому способствуют глухие иконостасы:

Евхаристия раньше служила и всегда должна служить самым интимным моментом общения в церкви друг с другом. (...) Наши иконостасы тягостно влияют на самый дух молитвы в церкви, одинаково удручая и предстоятеля, и молящихся. Мне лично не один

пастырь со скорбью говорил, что он страдает душою, преподавая мир верным, обращаясь к народу и видя перед собою глухую или узорчатую стенку<sup>1070</sup>.

На заседаниях богослужебного отдела Поместного Собора в пользу совершения литургии при открытых царских вратах выступали священник Сергей Кудрявцев, протоиерей Иоанн. Корчинский, архиепископ Евлогий, В.К. Недельский, священник Николай Карташев<sup>1071</sup>. Однако при голосовании по этому вопросу 9 ноября 1917 года

пожелание о совершении богослужения при открытых царских вратах, сверх указаний о сем устава, равно как и об устройстве низких, не сплошных иконостасов и царских врат – отклонено большинством<sup>1072</sup>.

Не удовлетворившись таким решением, священник Николай Карташев выступил с выражением особого мнения, предлагая открывать царские врата от начала литургии до чтения Евангелия включительно, а также от возгласения «Двери, двери» до «Святая святых»<sup>1073</sup>. Последствий это заявление не имело, как и направленная в адрес Собора записка настоятеля московской Спасской церкви в Наливках протоиерея Василия Гусева с просьбой «поставить вопрос о желательности открытия царских врат во время литургии» с целью более близкого участия мирян в богослужении и укрепления их молитвенного единения с предстоятелем<sup>1074</sup>.

В последующих распоряжениях Высшей церковной власти (указе от 2 декабря 1919, обращении патриарха Тихона от 17 ноября 1921, распоряжении митрополита Петра от 14 сентября 1925 года<sup>1075</sup>) подтверждалась недопустимость открытия царских врат в неположенные по уставу моменты службы.

## О веществах для Таинства Евхаристии

Послереволюционная продовольственная разруха поставила перед Церковью вопрос о возможности совершении Евхаристии при отсутствии пшеничной муки и виноградного вина. Богослужебный отдел Собора 25 июля 1918 года поручил И.А. Карабинову подготовить по этому вопросу доклад, который был представлен 7 августа. Предложения Карабинова сводились к уменьшению числа просфор и к использованию не только красного, но и белого виноградного вина, по примеру восточных Церквей. Однако после продолжительной дискуссии на заседаниях 7 августа и 8 сентября было решено

доложить Совещанию Епископов, что отдел, со своей стороны, находит возможным в случаях крайней нужды и невозможности достать пшеничной муки и красного виноградного вина, разрешить совершение Таинства Евхаристии: а) на просфорах, изготовленных не только из пшеничной, но и тщательно просеянной ржаной муки; б) на других сортах (как красного, так и белого) сладких виноградных вин; на виноградном соку, изюмном вине (согласно примеру Церкви Абиссинской), а равно и на ягодных соках или винах (вишневом, смородиновом, черничном)<sup>1076</sup>.

Епископское совещание 22 сентября передало доклад Высшему церковному управлению; осуждение его состоялось на заседании Священного Синода 9 ноября и завершилось принятием следующего постановления:

признавая намеченные в докладе Соборного Отдела о богослужении, проповедничестве и храме мероприятия, как к устранению затруднений в отношении приобретения пшеничной муки и красного виноградного вина для совершения таинства Евхаристии, так и к замене сих веществ в случае невозможности приобретения их др(угими) сродными им веществами, допустимыми к проведению в церковно-богослужебный обиход, сообщить о них епархиальным Преосвященным циркулярными указами, поручив им секретно уведомить о сем епархиальное духовенство и разрешить ему те мероприятия, которые направлены к облегчению добывания для церкви пшеничной муки и красного виноградного вина, принять к немедленному руководству, а всеми другими, как направленными к сокращению потребления в церквах означенных евхаристических веществ, так и особенно к замене их другими соответствующими веществами, — пользоваться по мере надобности и в соответствии с местными условиями церковной жизни, дабы не вызвать смущения и соблазна в верующем народе<sup>1077</sup>.

Соответствующий циркулярный указ был разослан 29 ноября 1918 года.

Без смущения среди части верующих обойтись не удалось: сохранились свидетельства о недоумениях, вызванных этим распоряжением<sup>1078</sup>. Однако его своевременность очевидна: иначе во множестве храмов вынужденно прекратилось бы совершение Евхаристии<sup>1079</sup>.

## К более «литургичной» литургии

Конечно, многих авторов, выступавших в предсоборный период с предложениями по изменению литургической практики, легко обвинить в недостаточном почтении к привычной и укоренившейся традиции. Порою для таких обвинений есть и реальные основания. Сторонники реформ действительно часто недооценивали болезненность резких перемен для значительного количества членов Церкви, сохраняющих верность до смерти тому образу молитвы и богослужения, к которому они привыкли с детства. Однако очевидно и другое: стремление ярче выявить основную сущность литургии и вернуть церковной «публике» права участников священнодействия имеет жизненно важное значение для Церкви. Шаги в этом направлении необходимы, и сегодня, пожалуй, еще более, чем в начале XX века.

- Принципиальная возможность сокращения тех или иных элементов литургии не подлежит сомнению. Она подтверждается всей историей наших богослужебных чинов. Однако практическая целесообразность таких мер определяется пастырскими соображениями и реальными условиями. В отсутствие оглашенных едва ли уместна ектения о них. Напротив, при наличии таковых общецерковная молитва о желающих стать членами приходской общины весьма желательна. Совершение литургии преимущественно для детей (например, учеников воскресной школы) или больных (в больничных храмах, в домах престарелых) побуждает к некоторому сокращению службы за счет менее существенных ее частей. Некоторые из предложений, высказанных в предсоборный период, могут быть использованы священноначалием при решении подобных вопросов.

- Чтение Евангелия и Апостола лицом к народу по существу вполне оправдано и с успехом апробировано в практике не только большинства Поместных Церквей, но и в ряде епархий нашей Церкви еще в предреволюционные годы. Невозможно найти сколько-нибудь убедительное богословское обоснование тому странному факту, что читающий слово Божие стоит спиной к народу Божию, к которому обращено это чтение.

- Вопрос о пересмотре лекционария достаточно сложен и едва ли принадлежит к числу первоочередных. Однако считать существующее расписание богослужебных зачал идеалом совершенства нет оснований<sup>1080</sup>. Осторожные поправки в сторону небольшого увеличения отдельных зачал (например, в случаях, указанных о. П. Кремлевским) вполне уместны. Возможна и выработка *дополнительного* круга чтений, которые могли бы с благословения священноначалия вводиться в употребление по желанию настоятелей приходов ради более полного знакомства прихожан со словом Божиим.

- Затяжное чтение помянников и ныне встречается во многих приходах. Как и прежде, оно диктуется прежде всего материальными соображениями; как и прежде, оно разрушительно действует на молитвенное настроение большинства прихожан. Нелегко осуществить более радикальные меры борьбы с этим уродливым явлением, которые предлагались некоторыми авторами в предсоборный период. Однако ограничительные меры паллиативного характера, как показывает опыт, приносят очень мало плода. Отношение к чтению помянников может измениться только в результате настойчивой пастырской работы и разъяснения подлинного смысла евхаристической молитвы.

- Поминование на великом входе тоже проявляет склонность к дальнейшему разрастанию. Ограничение его до формулы, утвержденной Епископским совещанием в 1918 году, с запретом самовольных вставок всевозможных «ктиторов, благотворителей, благоуукрашителей, жертвователей святого храма сего», было бы весьма уместно.

- Гласное чтение анафоры и некоторых других священнических молитв литургии, успешно практикуемое во многих Православных Поместных Церквях, в свое время получило принципиальное одобрение святителя Тихона и иных достойных архипастырей нашей Церкви. Оно составляло предмет настойчивых пожеланий той части предреволюционного духовенства, которая была наиболее озабочена миссионерскими задачами. А главное, оно соответствует самой сути литургии как «общего дела».

Разрешение священноначалия на чтение вслух евхаристических молитв там, где это представляется желательным для пастырей и приходов, принесло бы несомненную пользу для свидетельства Церкви и для созидания церковных общин.

- Давно пора удалить несообразную вставку преложив Духом Твоим Святым из литургии св. Василия, а тропарь третьего часа в обеих анафорах хотя бы перенести в более удобное место, как это предлагал богослужебный отдел Собора. Невнимание церковной власти к столь очевидным погрешностям создает неприятное впечатление безразличия к содержанию божественной службы.

- Отгороженность священника от мирян при совершении божественной литургии не только снижает отчетливую слышимость произносимых возгласов, но и психологически затрудняет единение пастыря с паствою в принесении общего благодарения Господу. Трудно понять, какими богословскими или каноническими аргументами обосновывается резервация права служения литургии с открытыми царскими вратами за удостоенными специальной награды протоиереями и архимандритами. Ясно, что возможность лучше слышать и видеть совершаемое священнодействие нужна прежде всего мирянам, а не маститым священнослужителям. Русская практика в этом вопросе, как представляется, уступает практике большинства Поместных Церквей. Необходимость приближения богослужения к пониманию мирян должна заставить нас всерьез подумать о пересмотре существующего порядка, являющегося одним из препятствий на пути литургического возрождения.



## Глава 7. Богослужения требника

Именно в области «частного богослужения», при совершении треб, достигали наибольшего размаха произвольные уклонения от указанного в книгах порядка. Об этом свидетельствовали обличители нарушений устава, это признавали и представители духовенства. Являются ли нерадивость священников и большая, чем в случае общественного богослужения, затруднительность контроля со стороны священноначалия исчерпывающими объяснениями этого факта, или в самом Требнике нужно что-то менять?

## Общие замечания

«Должны быть пересмотрены и чинопоследования, помещенные в Требнике», – заявила комиссия Олонецкой епархии в подготовленном ею, за смертью своего архиерея, отзыве по вопросу

О церковной реформе<sup>1081</sup>. Варшавская комиссия указала и желательное направление такого пересмотра:

Так как чины таинств крещения, венчания и елеосвящения чрезмерно длинны и не соответствуют физическому и психическому состоянию лиц, над которыми они совершаются, желательно некоторые молитвы сократить, а иные опустить<sup>1082</sup>.

В отзыве епископа Смоленского Петра (Другова), кроме того, говорилось:

Предстоящему Собору необходимо, первое всего, очистить чины богослужений (преимущественно в совершении таинств и других треб) от тех наслоений, которые с течением времени проникли в них<sup>1083</sup>.

Анализу конкретных предложений в этой области и будет посвящена настоящая глава.

## Таинство Крещения с сопутствующими чинопоследованиями

Важное пожелание, относящееся не только к крещению, но и к прочим таинствам (относимым, согласно позднейшей традиции, к «частному богослужению»), высказал в докладе «Об упорядочении богослужения» отдел Поместного Собора, предложив по возможности соединять их совершение с общественными богослужениями – «главным образом с литургией». Восстановлению древнецерковного восприятия таинства как дела всей Церкви особенно способствовало бы рекомендованное в этом докладе публичное совершение крещения перед праздничной литургией, сопровождаемое объяснением обрядов таинства и поучением молящихся<sup>1084</sup>. Инициатором предложения был о. Василий Прилуцкий, обративший внимание членов отдела на ущербность существующего порядка:

Новый человек входит чрез это таинство в церковное общество, а принимается он как-то украдкой, без участия всех членов этого общества. (...) Я не видел бы ничего предосудительного в том, чтобы крещение совершалось пред литургиею, против царских врат, на виду у всех, торжественно, с проповедью священника. В это время каждый вспомнил бы о своем собственном крещении<sup>1085</sup>.

## Молитвы первого и сорокового дня

Мы, совершители богослужения, слишком часто или сами фактически реформируем богослужение, или спешим иное прочесть преднамеренно скоро. Первые страницы Требника. Молитвы «в первый день по внегда родити жене отроча». Священник должен просить Бога избавить ее «от очес призора», простить «рабе Твоей, днесь родившей», всем *прикоснувшимся* к ней, даже дому, где «родися отроча». Как больно прежде всего чувствовать проникающий всю молитву дух осуждения акта рождения, столь чуждый нашей вере! (...) Каюсь: я (...) не читаю этих слов. Когда же мы дождемся избавления от тяжелой необходимости за свой личный страх изменять богослужение? Пусть не думают, что это делается с легкой душой!

– признавался читателям о. Константин Аггеев<sup>1086</sup>. Подобные же замечания по поводу молитв первого и сорокового дня высказывали и другие священники в 1905–1906 годах<sup>1087</sup>. Московский священник Николай Цветков, выступая на пастырском собрании, предложил «молитвы родительнице, молитвы при крещении (...) пересмотреть и согласовать с истинным христианским духом»<sup>1088</sup>. Епископ Полоцкий Серафим (Мещеряков) обращал внимание на «разность во взглядах на святость брака и чистоту брачных отношений у чиновоставителей венчания и «молитвы по внегда родити жене отроча»<sup>1089</sup>. Преподаватель Красноярской духовной семинарии И. Фигуровский также считал, что «молитвы жене родильнице составлены не без влияния апокрифов и (...) составители их имели ригористические воззрения на семейную жизнь»<sup>1090</sup>. Редактор одесской газеты «Христианская жизнь», профессор Новороссийского университета и настоятель университетской Александро-Невской церкви священник Александр Клитин указывал:

Здесь благословенный Богом и благословенный при совершении брака Церковью великий акт образования человека и рождения, который, по слову Спасителя, для матери дает радость, что человек родился в мир (Ин 16, 21), вносится в область скверны и беззаконий. (Такие выражения) не согласуются с представлением брака как союза Христа с Церковью<sup>1091</sup>.

В связи с этим Клитин предлагал на суд читателей и грядущего Собора свой проект редакционных изменений в молитвословиях первого и сорокового дня по рождении, а также «молитвы жене, егда извержет младенца». Последовательно удаляются фразы о грехе и скверне рождения, как выражающие, по мнению редактора, не христианский, но ветхозаветный взгляд: «Христос искупил нас от греха, проклятия и смерти (...) Во Христе все чисты и нет никого и ничего скверного». Удалены также прошения об избавлении родильницы «от всякаго яда, от всякия люто́сти, от всякия бури сопротивнаго, от духов лукавых, дневных же и noctных (...) от ревности и зависти, и от очес призора». Выражения «прости рабу Твою» заменяются на «исцели (или: помилуй и сохрани) рабу Твою». Некоторому сокращению подвергнуты также пространные *praefatii* молитв сорокового дня. Относительно молитвы жене, извергшей плод, Клитин замечал, что в случае невольного извержения плода не стоит называть и без того скорбящую женщину убийцей и «бросать в нее камень горького осуждения»<sup>1092</sup>.

Ближние взгляды выражены и в другой публикации, появившейся пятью годами позже. Автор анализирует только молитвы первого дня. Одобрив первую из них, он усматривает суеверные представления во второй молитве с ее прошениями об избавлении от «очес призора» (то есть так называемого *сглаза*) и «диавольского мучительства»:

Какому это «диавольскому мучительству» подвергается родительница? (...) Почему диаволу особенно интересно нападать на роженицу?

Но особенное недоумение вызывает третья молитва покаянного содержания:

Станным кажется то, что несмотря на соизволение и благословение Божие на рождение детей, родители все-таки являются «осужденными» за акт рождения ими младенца. Они подвергаются вине и должны просить «прощения». Такой взгляд на брак и

деторождение прямо противоположен св. Писанию и противен учению св. Церкви. Это – манихейство, т.е. ересь, осужденная вселенскими соборами.

Как и о. Аггеев, автор данной статьи обращает внимание на просьбу о даровании прощения «всему дому, в немже родися отроча, и прикоснувшимся ей» (родильнице):

Я, как врач, пришел оказать помощь больной; я, как иерей, пришел помолиться с нею Богу; я, как друг, пришел навестить больную по заповеди Христа же. В чем моя провинность – грех, в котором я должен просить прощения? (...) «Жена егда родит – радость ей»... Как же радость может уживаться совместно с сознанием виновности или преступности рождения?

Предложения сводятся к опущению всех молитв, кроме первой<sup>1093</sup>.

## Чин оглашения

Многих смущало очевидное несоответствие содержания чина преобладающей практике крещения младенцев. Ведь случаи крещения взрослых для подавляющего большинства священников того времени были крайне редкими исключениями. В связи с этим в 1905–1906 годах предлагались различные решения, часто малообдуманные и указывающие на недостаточное знакомство с литургической традицией. Например, тот же о. Клитин предлагал попросту совершенно опустить «молитвы во еже сотворити оглашенного». Священник Савва Потехин, а вслед за ним архиепископ Рижский Агафангел, члены Особого совещания Енисейской епархии и благочиннических собраний Балтского уезда Подольской епархии предлагали «чин оглашения оставить или перенести, соответствующе изменив его, на время сознательной жизни дитяти, например, на время первой исповеди»<sup>1094</sup>. Владыка Агафангел предлагал и такой вариант: перенести чин оглашения на «время церковного совершеннолетия, соединив с катехизацией и сделав последнюю обязательной для всех приходов». Наверно, здесь сказались положительные впечатления от наблюдения за практикой конфирмации у представителей западных исповеданий в Прибалтийском крае.

На совместном заседании VI и VII отделов Предсоборного Присутствия 13 мая 1906 года было одобрено предложение, «чтобы слова в чине крещения, применимые только к взрослым, опускались по отношению к младенцам»<sup>1095</sup>.

О. Савва Потехин и последовавшие за ним авторы предлагали также изменить «форму отрицания от сатаны, состоящую в дуновении и плюновении на пол (...) на более соответствующую настоящему времени форму полного отрицания»<sup>1096</sup>. Владыка Назарий (Кириллов), кроме того, считал, что «следовало бы по крайней мере сократить заклиательные молитвы» и исключить из чина

наставление об обряде поднятия и опускания рук, в действительности никогда и никем не исполняемое. Но признается нужным внести в чин крещения наставление об освящении тельного креста святою водою и о том, какую молитву произносить при его положении на крещаемого.

Укрывшийся за криптонимом священник находил, что заклиательные молитвы и обряды экзорцизма, подчеркивающие реальность дьявольской власти над душами людскими, грешат «несогласованностью с учением Библии о благодати и промыслительной деятельности Бога» и отражают мировоззрение человека древности. По мнению этого автора,

из молитв об оглашенных можно оставить только первую «О имени Твоем...» и последнюю «Владыко Господи Боже наш, призиви раба Твоего...» (на русск(ом) яз(ыке)) и отречение крещаемого (взрослого) от прежних убеждений и греховного образа жизни, исповедание веры во Христа (своими словами) и намерение следовать в жизни принципам Евангелия, все же прочее должно быть опущено<sup>1097</sup>.

С критическими высказываниями по поводу заклиательных молитв выступали и участники различных собраний, включая происходившие в далекой провинции. Впрочем, у таких критиков находились и оппоненты<sup>1098</sup>. Петербургский протоиерей Николай Дроздов защищал обряд плюновения:

Нехорошо плевать на того, кто достоин почестей, – а плевать на мерзость – закономерно<sup>1099</sup>.

Мирянин из Сибири тоже протестовал против опущения обряда отречения от сатаны:

Мне лично пришлось даже присутствовать при таком новомодном крещении, и признаюсь, я вынес впечатление, как будто таинство потеряло полноту своего значения. (...) Совсем ни к чему (...) выпускать из таинства крещения то, что не нравится людям, слишком высоко думающим о себе<sup>1100</sup>.

На Рижском епархиальном соборе в 1905 году было решено:

При совершении таинства крещения опустить три заклиательные молитвы; при обряде отречения от дьявола опустить дуновение и плюновение<sup>1101</sup>.

При обсуждении этого вопроса на Поместном Соборе, в отделе о богослужении, проповедничестве и храме, протоиерей Николай Цветков предлагал «выбросить все обращения к диаволу», священники Сергей Щукин и Иоанн Артоболевский считали полезным изъять обряд плюновения, а священник Василий Прилуцкий защищал его как уместное выражение верования Церкви в существование противостоящей христианину силы. Общего согласия по этому поводу члены отдела не достигли<sup>1102</sup>.

## Крещение и миропомазание

Высказывавшиеся в предсоборный период предложения сводились в основном к некоторому сокращению чина, учитывая, что таинства крещения и миропомазания с сопутствующими им «обрядами восьмого дня» теперь совершаются одновременно<sup>1103</sup>.

Предложение другого рода высказал в 1912 г. петербургский священник Михаил Галкин. Невзирая на печальную последующую судьбу этого человека, который вскоре после революции отрекся от Церкви и стал одним из видных деятелей антирелигиозной комиссии под председательством Емельяна Ярославского (М.И. Губельмана), представленный им в пору его священства проект не лишен интереса. Галкин указывал на чересчур неторжественную обстановку совершения таинства, когда в крупных городских приходах приходится в воскресные дни крестить по 20–30 младенцев. В промежутках между произнесением молитв неизбежно возникают паузы продолжительностью по 5–15 минут, в течение которых священник поочередно совершает те или иные священнодействия над каждым из крещаемых. Время это наполнено для остальных лишь ожиданием и скукой. В связи с этим М.В. Галкин предлагал: крестить преимущественно по воскресным дням, при открытых (после чина оглашения) царских вратах, с желательным участием диакона и обязательным – хора певчих, который заполнил бы паузы пением псалмов на русском языке. Подбор псалмов предлагался следующий:

- 1) Пс.8 – при обхождении младенцев с молитвой «во еже назнаменати отроча»;
- 2) Пс.41 и 42 – при таком же обхождении со словами «изжени из него...»;
- 3) Пс.22 – при помазании елеем;
- 4) Пс.31 (указанный в Требнике) – при совершении крещения;
- 5) Пс.66 и 79 – во время миропомазания;
- 6) Пс.114 – во время омовения мира;
- 7) Пс.120 – при пострижении власов<sup>1104</sup>.

В докладе об упорядочении богослужения, подготовленном VII отделом Поместного Собора 1917–1918 гг. содержатся указания на необходимость каждый раз заново освящать воду для крещения, не подменяя этого добавлением в купель воды святого Богоявления, крестить правильным трехпогружательным образом, допуская исключения лишь в самых крайних случаях «страха ради смертного», и непременно поучать восприемников «о важности и ответственности принимаемого ими на себя долга»<sup>1105</sup>.



## Воцерковление

В своем выступлении на заседании VII отдела Поместного Собора о. Василий Прилуцкий обращал внимание на очевидную несогласованность чина воцерковления, помещенного в наших требниках, с существующей практикой крещения младенцев. В настоящее время чин воцерковления совершается *после* крещения. В требнике же он включает молитвы, «которыми предположено, что еще не было совершено над новокрещаемым никакого таинства»<sup>106</sup>. В подготовленных отделом документах эта тема отражения не нашла.

## Таинство покаяния

## Общая исповедь

При говений нескольких сот человек за раз, в один день, когда исповедь, в силу чисто физических причин, состоит только в накрывании главы кающегося епитрахилью и чтении разрешительной молитвы, было бы весьма полезно следовать для этой цели должествующему быть установленным чину общей исповеди,

– писал о. Савва Потехин<sup>1107</sup>. Вынести вопрос о допустимости такой исповеди на предстоящий Собор предлагали епископ Рязанский Аркадий (Карпинский, 1851–1913), архиепископ Рижский Агафангел, отмечавший, что в его епархии по необходимости такая исповедь иногда совершается, Енисейское епархиальное совещание и один из округов духовенства Архангельской епархии, а также Пермская епархиальная комиссия<sup>1108</sup>. Епископ Полтавский Иоанн (Смирнов) указывал:

Совершение одиночной исповеди и с полным благовниманием к кающемуся является совсем невозможным у нас пред днями храмовыми и великими праздниками, особенно в монастырях, когда множество бывает пришлых для говения богомольцев. В сих случаях исповедь производится по пяти и по десяти человек за один раз. Не благоуместнее ли было бы во всех таких случаях допустить общую исповедь, какую совершает у себя известный кронштадтский пастырь о. Иоанн? При сем, оставляя одиночную исповедь как общее правило, не следует ли допустить общую исповедь только для определенных случаев, когда бывает массовое стечение богомольцев, не просящих у священника исповеди одиночной и готовых принять общую исповедь?<sup>1109</sup>

Архангельское духовенство считало, что после общей исповеди разрешение грехов должно подаваться каждому отдельно, но епископ Самарский Константин (Булычев) допускал, что после общего напоминания о грехах могла бы следовать и общая разрешительная молитва,

после которой бы получившие разрешение удалялись, а не уверенные в том, что и им принадлежит изреченное разрешение, оставались бы и доканчивали бы дело исповеди, раскрывая перед духовником состояние души своей, приводящее их в сомнение – разрешены ли и их грехи. (...) Такая исповедь (...) может быть очень действительным средством к возвышению духовной жизненности в приходе<sup>1110</sup>.

В церковной печати выступали как сторонники, так и противники этого нововведения. Среди первых укажем на известного публициста и духовного писателя Е. Поселянина, который писал об общей исповеди:

Она в руках вдохновенного и опытного пастыря может быть, несомненно, могучим орудием. Она, конечно, не может быть образом исповеди постоянной, и, при правильной постановке духовной жизни человека, непременно должно происходить частое очищение совести с наставлением духовника<sup>1111</sup>.

С противоположной оценкой выступил о. Николай Дроздов:

Ни в коем случае общую исповедь нельзя назвать таинством исповеди в православном понимании этого таинства. Общая исповедь в существе своем ровно ничем не отличается от «повседневного исповедания» нами своих грехов пред очами Бога всеведущего.

Зачитываемые на таких исповедях списки множества грехов, иногда вовсе не имеющих отношения к совести кающегося, способны принести больше вреда, нежели пользы: в сердце может запасть дотоле неведомое искушение<sup>1112</sup>.

Богослужебный отдел Поместного Собора после длительного обсуждения вопроса об общей исповеди, пришел к следующему заключению, отраженному в докладе «Об упорядочении богослужения»:

Исповедь есть главнейшее средство пастырского воздействия и должна совершаться с особой тщательностью. При массовом стечении желающих причаститься Святых Тайн, когда нет возможности совершать для каждого в отдельности чин исповеди (например, в войсках во время походов), допускается так называемая общая исповедь, но с восполнением ее для каждого исповедующегося частною исповедью, состоящею из

вопросов о наиболее тяжких грехах, лежащих на совести кающегося, и с прочтением для каждого исповедника разрешительной молитвы и наложением эпитимии<sup>1113</sup>.

В ходе заседаний, посвященных этой теме, высказывались самые различные мнения. Епископ Андроник считал общую исповедь возможной – но не в качестве общего правила, а как вынужденную меру при особо большом стечении богомольцев, под условием тщательной подготовки кающихся посредством поучения и непрямого сохранения тайной исповеди в качестве основной практики<sup>1114</sup>. Сходные суждения высказывали архимандрит Варлаам (Коноплев), петроградский протоиерей Петр Миртов, протоиерей Николай Цветков, протоиерей Терентий Теодорович. Другие – епископ Пахомий (Кедров), архимандрит Паисий, протоиерей Иоанн Артоболевский, А.М. Черноуцан, А.Д. Зверев – признавали за общей исповедью (беседой пастыря с кающимися о грехах и покаянии) лишь значение подготовки к частной исповеди. Третьи на основании канонических, историко-литургических и психологических доводов считали общую исповедь скорее вредной, чем полезной (архиепископ Евлогий, епископ Андрей [Ухтомский], И.А. Карабинов, А.В. Авдиев, Г.И. Булгаков)<sup>1115</sup>. При голосовании по этому вопросу лишь 4 члена отдела из 54 присутствовавших посчитали возможным признать общую исповедь в качестве нормы; точно таким же оказалось количество принципиальных противников применения общей исповеди в исключительных обстоятельствах<sup>1116</sup>.

### **«Тайносовершительная формула»**

При обсуждении вопроса об исповеди в отделе о богослужении, проповедничестве и храме И.А. Карабинов заявил: «Чин исповеди нашего Требника составлен в католическом духе». Наиболее существенной, «тайносовершительной» частью чина стала считаться формула отпущения: «Господь и Бог наш Иисус Христос...», которая имеет весьма позднее происхождение и заимствована из католических последований. Предложение Карабинова опустить эту формулу или приблизить ее к прежней разрешительной молитве было поддержано о. В. Прилуцким, но окончательного постановления по этому вопросу отдел не принял<sup>1117</sup>.

## Прочие чинопоследования

## Елеосвящение

В чине *елеосвящения* необходимо сделать изменение для совершения этого таинства одним священником, как это в действительности бывает,

– указывал священник Савва Потехин<sup>1118</sup>, с которым согласились архиепископ Рижский Агафангел и созданные в 1905 году для подготовки отзывов о реформе комиссии Пермской и Енисейской епархий<sup>1119</sup>.

При обсуждении вопроса в богослужебном отделе Собора на сокращении «очень громоздкого» чина соборования настаивал о. Николай Цветков, а священник из Владивостока Стефан Нежинцев, напротив, считал: «Это таинство необходимо совершать медленно». Священник В.Д. Прилуцкий напоминал, что «древняя Церковь не совершала его при последнем издыхании человека», а в наше время елеосвящение «совершается над теми, кто уже больше не думает жить». О. Василий считал полезным сделать соборование всеобщим в Великий четверг. Однако И.А. Карабинов выступал против совершения елеосвящения над здоровыми людьми, что превращало бы таинство исцеления в «суррогат покаяния»<sup>1120</sup>. Решений по данному вопросу не принималось.

## Брак

На Рижском епархиальном соборе в 1905 году обсуждался вопрос об отделении обручения от таинства брака и совершении первого на дому, где реально «зарученье» и происходит, но ввиду возможных случаев расторжения помолвки решили остаться при настоящей практике, а для церковного благословения сговора, проводов жениха и невесты в церковь и встречи их из церкви составить специальные молитвы и включить их в сборник молебных пений<sup>1121</sup>.

На епархиальном собрании в Вятке (1906) о. Михаил Елабужский предлагал изменить форму вопросов перед совершением бракосочетания:

Для чего-то требуется лицемерный иногда ответ, что брачующиеся ранее не обещались иному жениху или невесте, хотя и сознание в нарушенной клятве не служит препятствием венчанию<sup>1122</sup>.

В докладе «Об упорядочении богослужения» соборный отдел дал следующие рекомендации:

Таинство Брака надлежит совершать по возможности сразу после литургии; священнику надлежит располагать брачующихся приступить пред венчанием к причастию Святых Таин. По окончании бракосочетания священник поучает брачующихся словом назидания<sup>1123</sup>.



## Отпевания и молебны

В предсоборный период обсуждались главным образом произвольные и иногда безобразные сокращения при совершении этих чинопоследований. Высказывались пожелания о выработке единообразного порядка их совершения, который был бы совместим с реальными возможностями приходской практики и не давал бы повода к огорчениям и соблазнам молящихся. В соборном докладе «Об упорядочении богослужения» зафиксированы следующие указания:

Отпевание должно совершаться согласно с изложенным в Требнике чином (замена указанных в Требнике припевов на 17-й кафизме припевами из чина панихиды, а также пение трех песней канона вместо девяти не допускается). Отпевание совершается над каждым православным христианином, в вере скончавшимся; замена отпевания обрядом так называемого «печатания» могилы с совершением чина погребения спустя некоторое время после зарытия тела в землю не допускается.

При следовании погребальной процессии кресты, иконы и другие святыни носят с подобающим благолепием и таким же образом возвращаются в церковь.

Служение молебнов по просьбе отдельных лиц должно быть благочинным, согласно с положенными в Часослове последованиями общего молебна. Соединение молебных канонов более чем четырьмя святым не допускается. При обхождении прихожан с праздничным молитвословием за невозможностью совершать в каждом доме полный молебен допускается совершение краткого моления по такому чину: начальный возглас, тропарь и кондак празднику или святому, ирмос 9-й песни с припевом (в двенадцатые праздники) или «Достойно есть» (в день памяти чтимых святых), сугубая ектения и отпуст<sup>1124</sup>.

Предполагалось, что дальнейшим разрешением вопросов, связанных с совершением требоисправлений, займется особая Комиссия, которую предстояло, по мысли членов отдела, учредить Высшей церковной власти<sup>1125</sup>. Между прочим, Комиссия должна была взять на себя функции «исправления отдельных выражений в молитвах и замены малопонятных речений более понятными»<sup>1126</sup>. К сожалению, эта Комиссия так и не была сформирована из-за трудных обстоятельств церковной жизни в послесоборные годы.

## Вопросы для раздумий

Как видно из рассмотренных материалов, дискуссия по вопросам практики требоисправлений была не столь продолжительной и всесторонней, как по проблемам богослужебного языка или упорядочения общественного богослужения. Публикации на указанную тему предсоборного периода в основном ограничиваются начальными его годами, когда были еще очень сильны ожидания всесторонних преобразований церковной жизни в самое ближайшее время. Однако поставленные вопросы – как принципиального, так и частного характера – по существу все еще требуют решения. Ведь богослужебный отдел Собора по поводу богослужений Требника в основном ограничился лишь указаниями дисциплинарного свойства.

- Следует ли сохранять в неизменном виде молитвы по рождении ребенка, несмотря на давно уже подмеченное противоречие между их содержанием и тем пониманием деторождения, которое отражено в молитвах таинства Брака?

- Не пора ли задуматься над приспособлением чинопоследования Крещения, составленного для случая крещения одного человека (притом взрослого), к повсеместно распространенной ныне практике массовых крещений? В частности, не ввести ли в его состав краткого торжественного увещания, обращенного к крещаемым, к родителям, к восприемникам – наподобие того, которое священник каждый раз повторяет кающимся, приступающим к таинству исповеди?

- Не следует ли при сохранении славянского текста молитвословий хотя бы указать в необходимых случаях альтернативные формы окончаний для множественного числа, сплошь и рядом безжалостно искажаемые приходскими священниками, как правило совершенно незнакомыми со славянской грамматикой?

- А может быть, следовало бы все же снабдить точным, выверенным русским переводом хотя бы главнейшие для понимания части чинопоследования – во избежание кустарных, полуграмотных русификации текста «с листа», которыми, по нашим наблюдениям, занимаются очень многие священнослужители, руководствуясь понятным желанием более осознанного участия в таинстве людей, церковный путь которых еще только начинается?

- В связи с чрезвычайно своевременными призывами нашего священноначалия развивать практику катехизации, не следует ли подумать о молитвенной стороне процесса оглашения и преподать указания о том, как правильно разделить на части «молитвы о оглашенных», если они, в соответствии с древней церковной практикой, совершаются отдельно от крещения и бывают отнесены от него на известный промежуток времени?

Подобные вопросы, требующие церковного, соборного разрешения, можно задать и в связи с совершением прочих таинств и чинопоследований.

## Глава 8. Молитвенные тексты, смущающие совесть молящихся

Критическое внимание некоторых авторов предсоборного периода привлекали и недостатки в самом содержании богослужебных текстов. «Молитвы жене родильнице» (см. выше, с. 383–385) являются лишь одним из подобных примеров.

Проблема была поставлена уже в *Отзывах епархиальных архиереев*. Епископ Полоцкий Серафим (Мещеряков) выражал мнение, что наше богослужение в отдельных частях

не вполне служит точным выражением православного учения.(...) Так, несмотря на точное учение Православной Церкви об истинном смысле почитания святых икон, креста Господня, тем не менее некоторые части различных богослужебных чинов, например, акафист честному Кресту, носят на себе следы крайнего взгляда на этот вопрос, сводя почитание этих предметов чуть не к олицетворению и обоготворению. При этом заметно несколько материалистическое отношение к этим предметам, с признанием в них почти самосущей им присущей силы, действующей с необходимостью<sup>1127</sup>.

Епископ Полтавский Иоанн (Смирнов) отмечал в своем отзыве:

Желателен при переводе пересмотр молитв и песнопений для возможного смягчения в них тех частей содержания, которые смущают немощную совесть христиан нашего времени. Для примера можно указать в «Последовании ко святому причащению» на ту молитву Метафраста, в которой изложен подробный перечень грехов<sup>1128</sup>.

Несомненно, эту же молитву имел в виду преподаватель МДС Н.П. Розанов, поместив в своих «Московских письмах» следующий рассказ «одного светского человека»:

Я никак не могу переварить некоторых молитв, какие слышатся за богослужением. Вот, например, пред причащением у нас читаются такие молитвы, которые прямо разрушают то чистое и радостное, хотя и благоговейное настроение, с каким приступаешь к святой чаше, очистившись в таинстве покаяния. Ведь мы исповедались, отрясли прах от ног своих, а тут псаломщик докладывает снова, что мы осквернили «всякий уд свой» и перечисляет прямо неудобноизносимые вслух грехи. Около меня стоят мои дочери и племянницы-подростки, и я замечал иногда, что они с некоторого рода недоумением взглядывают на меня, как бы порываясь спросить, что это за грехи<sup>1129</sup>.

Действительно, содержащийся в этой молитве подробный перечень грехов, связанных с половой сферой («истицание, рукоблудие, деторастление...»), едва ли является самым подходящим назиданием для юных девиц<sup>1130</sup>.

Однако исключение из нового издания «Правил ко святому Причащению» 4-й молитвы, надписанной именем св. Симеона Метафраста, тоже вызвало недоумение и смущение. Осенью 1905 г. в печати появилась полемическая заметка ректора Олонецкой духовной семинарии, будущего священномученика Фаддея (Успенского), посвященная этому пропуску в *Правильным*:

Древнерусские благочестивые люди стояли «за един аз» в богослужебных книгах. Неразумная приверженность, но психологически она была понятна. А за целую молитву? Да нужно не просто стоять, – нужно бороться, нужно умереть, а не уступать ее духу времени. (...) Властный произвол (...) синодских чиновников (...) при попустительстве иерархии занес свою святотатственную руку над тем, чего он ни в коем случае не мог касаться. (...) Но ведь это же ужасно! (...) Значит, нужно бить усиленную тревогу. Ведь важно, если позволят сделать безнаказанно первый шаг, а там и пойдут эти искажения богослужебных чинов. Начало уже сделано<sup>1131</sup>.

На примере этого случая видно, с какими трудностями неизбежно столкнулась бы попытка редактирования богослужебных текстов со стороны их содержания. Но ведь не молчали и сторонники такого пересмотра.

«Что за странная поэзия?» – недоумевал герой повести Е.С. Швидченко по поводу таких богослужебных текстов: «Твоя поты, преславне, всю землю напоиша» (тропарь

мученику Гордию), – или: «Хврастная страстей яже от телесе востания, сечительно, Ниле блаженне, во бденной твоей ссекл еси молитве»<sup>1132</sup>.

Больше того: автор посягнул на Псалтирь, из материала которой в значительной степени составлено наше богослужение. Сетуя на чрезмерное обилие в церковной службе ветхозаветного материала, причем малоподходящего с христианской точки зрения, *псаломщик Одинокый* сыпал целыми подборками псаломских стихов, которые потом повторялись из выступления в выступление, из статьи в статью. Например:

Да будут яко прах пред лицом ветра, и ангел Господень оскорбляя их. Да будет путь их тьма и ползок, и ангел Господень погоняя их (Пс.34:5–6).

Да помрачатся очи их, еже не видети, и хребет их выну сляцы... Да будет двор их пуст, и в жилищах их да не будет живой (Пс.68:24; 26).

Внегда судитися ему, да изыдет осужден, и молитва его да будет в грех... Да будут сынове его сири, и жена его вдова... Да взыщет заимодавец вся, елика суть его, и да восхитят чуждии труды его... Да будут чада его в погубление, в роде едином да потребится имя его (Пс.108:7; 9; 11; 13).

Или из пророка Исаии: «Приложи им зла, Господи, приложи зла славным земли!» – «Тут уж чистая социальная революция проповедуется!» – комментировал герой повести<sup>1133</sup>.

Продолжить список было нетрудно, что и сделал приват-доцент (впоследствии профессор) Харьковского университета А.П. Кадлубовский в статье «О ветхозаветном элементе в нашем богослужении» (впрочем, автор указывал, что написал ее еще до знакомства с повестью *Софии Благодушной*).

Я не думаю отрицать высокого поэтического достоинства многих псалмов, – писал почтенный филолог и исследователь древнерусских житий святых, – многие места этих гимнов могут служить хорошим выражением религиозного чувства и для христианина. Но в целом едва ли можно сочувствовать преобладающей роли Псалтири в богослужении. (...) Псалмопевец слишком мало говорит о любви к человеку; напротив, в Псалтири немало проявлений духа ненависти и мести, суровости и нетерпимости – и к врагу Божию и к врагу народа Божия, и даже к личному врагу самого певца.

Приведя множество примеров проклятий, содержащихся в псалмах, Кадлубовский продолжал:

Если посетитель храма слышит в изобилии такие «яростные» речи, то это уже не вопрос только богослужения, это вопрос и общественной нравственности. (...) Ведь местами это просто проповедь человеконенавистничества. (...) Чтение Евангелия, внушающего любить врагов, делать добро ненавистникам, занимает ничтожное место в богослужении сравнительно с Псалтирью. Сущность дела уменьшается тем, что обычное безобразное чтение, господствующее у нас на клиросе, нередко устраняет мысль о возможности понять текст; но это положение дела не может, конечно, считаться нормальным<sup>1134</sup>.

В качестве яркого примера из числа текстов, которые у всех «на слуху», Кадлубовский приводил заключительные стихи Пс.148. Слова *блажен, иже имет и разбьет младенцы твоя о камень* цитировались затем и во многих более мелких публикациях, авторы которых предпочитали укрываться за псевдонимами<sup>1135</sup>.

Из возражений Кадлубовскому наиболее убедительным представляется ответ священника Николая Липского:

Конечно, могут быть и действительно бывают люди с *немошною* совестью, которые соблазняются там, где не должно соблазняться и которые квинтистически смотрят на христианство как на пассивную силу, обязывающую нас только страдать, терпеть и прощать, без всякого проявления активной силы христианства. (...) Между учением ветхозаветных книг и псалмов и учением новозаветных нет противоречия. А потому и употребление их по указанию нашей св(ятой) Церкви при нашем богослужении не должно вызывать никаких пререканий. (...) И в Ветхом Завете, и в Новом Бог есть не только милующий, но и карающий. (...) Ужели все мы сможем считать себя нравственно созревшими настолько, чтобы нам уже нечему было поучиться у Моисея, Давида, Исаии и других ветхозаветных писателей?

Даже если бы мы действительно *переросли* Ветхий Завет, его книги не должно изгонять из христианского богослужения — в них отражена наша священная история, — считал Липский<sup>1136</sup>.

## Есть ли пятна на солнце?

Нельзя сказать, что задача очищения наших богослужебных книг от текстов, смущающих пусть и *немогущую* совесть молящихся не осознавалась священноначалием. В разные времена осторожные поправки и мелкие изъятия с целью такого очищения предпринимались при переиздании молитвенников и богослужебных книг, в том числе и в послереволюционные времена. Так, в книгах, подготовленных к печати Издательским отделом Московской Патриархии, были устранены отдельные наиболее соблазнительные выражения из упоминавшейся молитвы Симеона Метафраста и некоторых других богослужебных текстов. Однако немало работы такого рода еще предстоит. В огромном массиве нашего богослужебного наследия по-настоящему «смутительных» слов немного. Но ведь ложка дегтя портит бочку меда! Не стоит забывать и евангельские слова о тех, через которых приходит соблазн...

Ясно, что задача проверки богослужебных книг со стороны их содержания, перевода, состояния текста может и должна осуществляться Высшей церковной властью (посредством учреждаемых ею специальных коллегиальных органов, вроде Комиссии по исправлению богослужебных книг), которая вполне правомочна принимать необходимые решения в этой области. Сложнее обстоит дело с текстами из Священного Писания. Думается, однако, что и здесь можно найти решение некоторых реально существующих проблем.

Конечно, не может быть и речи о какой-либо правке или редакции ветхозаветных библейских текстов. Однако признание их священного достоинства вовсе еще не предвещает вопроса об их использовании в христианском богослужении. Ведь большая часть ветхозаветного материала никогда не звучит в православном храме. Выбор определяется критерием целесообразности для назидания молящихся. Псалтирь вошла в состав нашего богослужения *in corpore*. Однако одни псалмы (в основном действительно *лучшие*) звучат в нем очень часто, другие – лишь изредка, в составе кафизм. Существуют и так называемые «псалмы избранные», в которые включены лишь жемчужины Псалтири, наиболее дорогие для нас ее молитвенные стихи, способные выражать наше, христианское отношение к Богу. Такого же рода стихи подбирались, как правило, составителями нашего богослужения для прокимнов. Значит, и из святого можно выбирать святейшее.

В огромном большинстве наших храмов кафизм в полном объеме не читают. Выборка псалмов молчаливо доверена чтецам. Те чаще всего руководствуются простым принципом: какой покороче. Если уж выбирать, можно выбирать и более творчески. В докладе богослужебного отдела Поместного Собора было, например, рекомендовано заменять рядовые кафизмы во дни великих праздников чтением или пением особых праздничных псалмов<sup>1137</sup>. Это одно из решений проблемы.

Еще один пример. В Финляндской Православной Церкви *На реках Вавилонских* поют обычно без заключительных стихов. И от этого, думается, духовное воздействие замечательного псалма не умаляется, а лишь возрастает<sup>1138</sup>.

Наконец, поскольку многие русские святые (такие, как преподобный Максим Грек, святители Димитрий Ростовский, Тихон Задонский) находили незастенчивым в известных отношениях использовать опыт инославных христиан, укажем, что в Римско-католической Церкви, как и в Церкви Англии, отдельные стихи некоторых псалмов в богослужебных книгах в настоящее время печатаются иным шрифтом или взяты в квадратные скобки. Среди них, в частности, мы обнаружим практически все те стихи, которые цитировались *Софией Благодушной* и А.П. Кадлубовским. В предисловии к англиканской Литургической псалтири о них коротко сказано: «Стихи в квадратных скобках (при пении) могут быть пропущены»<sup>1139</sup>.

В общей массе таких стихов немного. Но мед все же слаще без дегтя.

## Глава 9. Богослужебное творчество

Немало места на страницах этой книги пришлось уделить вопросу о сокращении нашего богослужения. Но неужели сокращение и есть единственное направление развития богослужебной жизни, ее приспособления к нуждам современности? Не нуждается ли наше богослужение и в некотором восполнении?

Эти вопросы активно обсуждались как в предсоборный период, так и на Поместном Соборе. Отчасти они уже затрагивались нами в главе 2, при рассмотрении вопроса о языке богослужения.

## Предсоборная дискуссия



## Постановка проблемы

Одним из первых выступлений на интересующую нас тему стал доклад депутата от Прибалтийского братства В. Карпова на Рижском епархиальном соборе осенью 1905 года:

Формы православного богослужения были составлены в V, VI и VII веках. Но человек не остается неподвижным, он постепенно меняется: перемены эти на небольшом промежутке времени незначительны, но они очень заметны через целое тысячелетие. Человек XX в. не то, что был человек IV или X в. (...) Формы богослужения не могут быть неподвижными. Религиозное чувство живое (...) Частое повторение одного и того же религиозного гимна не достигает цели, действие его на молящегося ослабевает. Поэтому необходимо также дать возможность священникам самим составлять новые гимны. Ереси тут нечего бояться, потому что эти гимны будут проверяться епископом. Таким правом (...) конечно, воспользуются не все священники, а более талантливые. Запас гимнов должен быть в достаточном количестве, чтобы было из чего выбрать священнику для богослужения (...) чтобы он был не только исполнителем одной раз навсегда установленной формы, но чтобы был до некоторой степени и творцом. (...) Все это особенно необходимо сделать для западных окраин нашего отечества, где население уже привыкло к пению гимнов<sup>1140</sup>.

Те же мысли в конце 1906 года подробнее обосновывал В.П. Ильинский:

Наше богослужение, помимо вневременного и неизменного христианского учения о вере, надежде и любви, отображает в себе еще и то, что составляло предмет особенного живого индивидуального интереса для древних христиан: их живые радости, живые надежды и вообще то, что преимущественно имело временный интерес. (...) Так появились прошения «о плавающих» – ведь в приморских странах многие зарабатывали плаванием; «о страждущих» – ведь многие христиане тогда томились в изгнании, а то и в рудниках. Были люди, особо посвятившие себя заботе о погребении, и вот появилось прошение «о труждающихся», точнее – о погребателях (υπέρ των κοψόντων).

(...) В наше время нет более «труждающихся» и «страждущих» в древнецерковном смысле; нет «пленных», изредка бывают оглашенные и очень мало в нашей континентальной стране «плавающих». Но у нас жизнь выдвинула такие формы труда, которые не менее опасны, чем плавание по морям, и которыми заняты у нас тысячи и даже миллионы людей (подземные работы, работы на фабриках и заводах, опасные для жизни по техническим условиям производства); между тем мы вынуждены повторять изо дня в день прошения о состояниях несуществующих или относящихся к совершенно незаметной части нашей Церкви, и в то же время молчать о вспомоществовании таким верующим, которые имеют несчастье заниматься трудом, не существовавшим в древнее время, или которые переживают такие состояния, которым почему-либо в древности не было уделено надлежащего внимания. (...) Люди нашего времени (...) не находят выражения всех своих надежд и радостей и всех религиозных движений своего духа, так как у нас поэтически-молитвенному творчеству строго воспрещен доступ к богослужению. (...) Нужно (...) чтобы не в сектантстве, а в Православной Церкви верующий находил выражение своих лучших дум, своих дорогих чаяний, своей тоски и житейских скорбей<sup>1141</sup>.

Тот же миссионерский мотив – не допустить ухода живых сил в сектантство! – выдвигал как побуждение к литургическому творчеству священник Николай Антонов. Наши церковные молитвы и песнопения, говорил он, прекрасно раскрывают догматическую, метафизическую сущность искупления. Но теперь людям ближе, важнее его психологическая и мистическая сторона. И сектанты уловили эту нужду.

Я (...) никоим образом не хочу говорить о замене наших исторически сложившихся чудных молитв, богатство которых далеко еще не исчерпано, но хочу говорить о дальнейшем их развитии, о поручении, в дополнение к ним, создать еще новые песнопения людям, действительно и высокого таланта, и высокой религиозности<sup>1142</sup>.

Священник В. Пестряков указывал, что в совершаемых ныне молебнах, как правило, нет особых прошений о конкретных потребностях христиан, в том числе и очень

распространенных (например, просьбы о помощи в семейных нестроениях, об избавлении от недуга пьянства). Подменой таких особенностей становятся суеверные представления о «специализации» святых, которым молебны заказываются.

Предстоящий Собор должен бы заняться составлением новых прошений и молитв по самым разнообразным случаям в жизни православных христиан (...) которых не предвидит наш требник. (...) Для пастырей было бы весьма полезно иметь молитвы и прошения, в которых нашло бы себе выражение горе обездоленных, помощи Божией требующих; пусть эти последние имеют возможность в храме вместе со священником выплакать свое горе и испросить помощи у Бога<sup>1143</sup>.

Сходные мысли крестьян передавал и о. В. Ивановский:

Обратился бы (...) молебен отпеть: жена страшится первых родов, чтобы ее утешил, вложил в нее бодрость, надежду на Царицу Небесную – да такого молебна нет. Сироты-дети остались, мать умерла, вся надежда осталась на Бога (...) так помолиться бы Ему, чтобы возрастил их – опять говорят, нет такого молебна! Есть общий молебен Богородице, на всякий случай: и на радость, и на случай горя – может ли он приблизительно хоть ответить на такие разнородные и противоположные потребности? Скажут, да ведь невозможно же ответить на всякий случай специальным молебном? (...) Отвечать (...) тем, что пригодно и на скорбь, и на радость, и мужчине, хотящему вступить в брак, и женщине, потерявшей мужа, – это тоже невозможно<sup>1144</sup>.

Крестьянин-сектант из литературной зарисовки одного священника вспоминает о своем прежнем опыте хождения в православную церковь:

Хочется пристать к молитве, но нет, не удастся: ты бы хотел о том, о другом помолиться, а там – служба совсем идет о другом. Не для тебя, мол, все это, ты ни при чем, без тебя обойдется<sup>1145</sup>.

Автор редакционной статьи в «Церковном голосе» обращался к народу Божию с призывом к молитвенному творчеству, мотивируя его своеобразным религиозным национализмом. В существующем ныне богослужении, говорится здесь,

прежде всего отсутствует вы, верующие люди, в качестве активных участников сего акта богообщения и взаимного служения, отсутствуют ваши дарования, ваш язык, биение вашего сердца и дыхание вашего времени. (...) Вы, русские христиане, приявшие учение Христово в детстве вашей исторической жизни, ужели имеете менее прав, чем эти старинные греки, на свой материнский язык, на свое религиозное творчество, на свои гимны и песни духовные? Нет, не менее, а более!

Гармонизация старого и нового, традиции и творчества – так видит автор дальнейший путь развития богослужебной культуры<sup>1146</sup>.

Священник Иаков Извеков, защищая мысль о необходимости живого богослужебного творчества, писал:

Ведь Церковь и теперь живет. И теперь в ней действует тот же Дух, разделяющий дарования «коемуждо, якоже хочет». Почему же нужно думать, что Церковь прекратила свое творчество, раз навсегда составивши свои песнопения и молитвы? Почему нельзя допустить, что она воодушевит и новых песнотворцев к новому славословию и молитвословию, более соответствующему потребностям и нуждам верующей души и запросам религиозно-общественной жизни современности (...)? И это не будет какое-либо либеральное новшество, а только развитие или продолжение литургической работы Церкви, обусловливаемое и необходимо требуемое самою ее внутреннею жизнью, ибо что не развивается и не совершенствуется, то и не живет. Необходимость живого и широкого литургического творчества вытекает из самого понятия о существе Церкви, как живого и вечно-деятельного организма. И новые песнопения не устраняют и не отменяют прежнего богатства богослужебных песнопений, а только дополняют их, служа к ним тесно связанным с ними прибавлением<sup>1147</sup>.

Именно верностью церковной традиции обосновывал необходимость литургического творчества священник Димитрий Силин: «Отрицать новое во имя старого значит враждовать

с духом старого: так разрывается живая внутренняя связь настоящего с духом традиции». Нужда в «новых песнях», считал о. Димитрий,

нисколько не умаляет нашего благоговения к незаменному и священнейшему наследству прошедших веков, какое мы имеем в нашем древнем богослужении. (...) Для каждой эпохи, для каждого народа, века, племени должны быть, кроме унаследованных и непреходящих, и свои песни, свои произведения духа. (...) Ничто бы так не подействовало на современное невежественно-гордое отрицание (...) как самостоятельная и живая современная религиозная песнь. Она показала бы, что мы не разогреваем только в себе безнадежно будто бы сту хающие чувства отцов, а горим тем же духом, вечно юным и без конца растущим, как и они. Нам даже нужно оживить в себе «сугубый дух» отцов, чтобы крепко противостоять духу века сего. А дух отцов был духом живой веры и могучего творчества<sup>1148</sup>.

Оживление надежд на расцвет русского литургического творчества с новой силой проявилось в революционном 1917 году накануне открытия Поместного Собора. Так, депутаты Новгородского епархиального съезда в июне среди желательных мер назвали

употребление за богослужением вместо песнопений византийского происхождения произведений русского творчества, разумеется, с одобрения центральной или епархиальной церковной власти; в особенности эта мера желательна по отношению к совершенно недоступному для народа богослужению двенадесятых праздников<sup>1149</sup>.

Аналогичное постановление было включено в «приговор» выборщиков делегатов на Собор от Архангельской епархии, за-, седавших под председательством викарного епископа Пинежского Павла<sup>1150</sup>.

Желательно, чтобы Собор допустил для людей религиозных и одаренных особыми талантами творить по влечению сердца богослужебные молитвословия<sup>1151</sup>.

Эти созвучные времени настроения нашли яркое выражение и в докладе П.П. Кудрявцева на заседании отдела Предсоборного Совета (см. выше, сс. 127–128).

## Прошлое и настоящее

Однако не впадаем ли мы в область бесплодных мечтаний? Допустим, что *принципиально* богослужбное творчество возможно и в наши дни (едва ли кто решится опровергать это). Но существуют ли к тому достаточные силы?

Небесный дар молитвы и песнопений отлетел от земной юдоли с прекращением первоначального подвижнически-христианского благочестия

– утверждал священник А. Полиевктов<sup>1152</sup>.

Епископ Омский и Семипалатинский Гавриил с едкой иронией отозвался о «реформаторах-обновленцах»:

Некоторые из столичных городов отцы духовные мечтают ввести в церковный чин произведения современных поэтов вместе с произведениями св. Иоанна Златоустого и Василия Великого и прочих вдохновенных учредителей чина богослужения, не считаясь с церковною мыслию и чувством. (...) Следовало бы им позаботиться об исполнении устава и об истовом богослужении, чем сочинять чины церковные с введением стихотворений Надсона<sup>1153</sup>.

Даже митрополит Антоний (Вадковский) выразил весьма скептическое отношение к самой возможности действительно ценного для Церкви литургического творчества в наши дни в своем выступлении на пастырском собрании петербургского духовенства в ноябре 1906 года. Трудно ведь представить, сказал владыка, чтобы вдруг явился церковный поэт выше Иоанна Дамаскина. Разве возможно после него прославить воскресение Христова возвышенней, вдохновеннее, сильнее? Допустим, верующим будет предоставлена свобода сочинять священные песни. Получится много таких произведений, которые завтра же забудутся<sup>1154</sup>.

Противоположное убеждение выражал неизвестный автор статьи о богослужбной реформе в петербургском «Церковном голосе»:

Нужно оставить ни на чем не основанный исторический предрассудок, что будто в наши дни в Церкви уже не может быть ни Романов Сладкопевцев, ни Иоаннов Дамаскинов, ни подобных этим песнопевцев и песнотворцев. Если их до сих пор не было в Русской Церкви, то (...) не потому ли, что Русская Церковь, неправильно поняв свои задачи в смысле стояния и охранения всего старого до последнего аза, чрез это в принципе заградила уста для всех могущих явиться и воспеть новые песни, и Дамаскиных, и Сладкопевцев?... В этом – роковое недоразумение, гибельное для жизни церковной. Мы не смеем, вопреки обетованию Спасителя, сказать, что Дух Святый ныне уже не сопребывает, с верующими, что благодать отлетела от Церкви на небо, что она не озаряет уже и не просвещает к религиозному творчеству смыслы и естественные духовные способности христианина. В глубине Церкви таятся, конечно, и религиозно-поэтические силы. Пусть только Церковь соизволит на это, хотя бы при условии строжайшего контроля, – и своды наших храмов в XX веке огласятся звуками новых песней хвалы и благодарения Богу новых песнотворцев!

И может быть, внимая этим звукам, христианские храмы наполнились бы вновь того самого религиозного одушевления, каким дышали греческие храмы времени трех святителей, когда в тех храмах «клир и людие» нередко пели только что вчера написанные песнопения...<sup>1155</sup>

Тот же тезис – отсутствие вдохновения вызвано отсутствием спроса – развивал о. Димитрий Силин:

Для творчества в области религиозной жизни нужны пророки. И вот нам кидают упрек: нет у вас пророков. Но почему их нет? Когда целое тысячелетие все живое, свое, творческое считалось безусловно нечистым, кощунством, ересью, когда систематически душилось вдохновение и живые порывы в области религии, – то откуда же быть пророкам? Они были в древности. Но они были подобострастны нам, они исповедывали себя грешниками; и однако они творили. Почему же и теперь люди веры и благодати не могут быть – и при неизбежной немощи – творцами? Творчество – закон духа; оно вызывает к могучему расцвету его

внутреннюю жизнь. Если бы это допускалось, то живые творческие силы росли бы у нас без конца; раз это «грех», то они атрофируются. (...) Запретом творчества в конце концов все можно атрофировать... *на радость врагам Церкви*, (...) Первые опыты новых творений могут быть, однако, слабы. Но они должны быть допущены: иначе мы не дождемся лучшего. (...) Нет основания отчаиваться в живых и творческих силах нашей русской Церкви. Океан благодати Божией никогда не обмелеет<sup>1156</sup>.

В сходном ключе написана и редакционная статья «Церковного голоса» (журнал издавался Обществом распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви):

В изгнании свободного движения и живых проявлений духа из богослужебной области сказывается неверие в жизнеспособность Церкви, усмешка авгуров времен упадка религии древнего мира, фанатическое буквопоклонение лицемеров, которых с такою божественной силой обличал Христос.

Обличая ложную зачарованность прошлым, автор статьи напоминает простую истину:

Ведь в старину люди творили и новое вводили, были вполне современными. – «Но то были люди святые», – возражают обыкновенно на это. Не всегда святые, отвечаем мы, – это во-первых, а во-вторых, сами-то святые сознавали себя не святыми, а грешными, и, тем не менее, причастившись духа веры, имели дерзновение творить и нововводить. Или, может быть, в настоящее время и самая святость невозможна? Есть христиане и с таким отчаянным исповеданием! (...) Вместе с изгнанием творчества (...) из церкви изгоняется искренность, заменяемая формами и формулами, которые уже омертвели. Все живое – нецерковно: таков конечный вывод нашего староверия. А здесь скрывается и другой кощунственный вывод, который делается на практике: «Церковно лишь то, что перестало быть органически живущим и приняло кристаллические формы мертвой природы». (...) А ведь церковь – дом Божий – дом для жительства, а не музей для хранения исторических реликвий<sup>1157</sup>.

Мирянин В. Карпов, как мы помним, ждал новых гимнов от священников. Но петербургский протоиерей Н. Дроздов видел круг песнотворцев более широким:

Кладенцы премудрости не рясами же только и клобуками прикрываются. Богу изволяюще, сила Божественная может обнаружиться там, где ее не ожидаем: не только грудные младенцы, но и бездушные камни способны бывают воспеть хвалу Богу. Говорили в уреченное время и ослицы. (...) «Необычно», скажете: мы, мол, привыкли получать «песни духовные» – от духовных особ. Но ведь не одни же монахи и священные лица бывали песнотворцами. (...) Поэтический дар (...) сходил на Божиих избранников, не взирая на их сан и общественное положение. Возвышенные церковные песни «Единородный Сыне», «О Тебе радуется» вылились из вдохновения мирских людей...<sup>1158</sup>

Неизвестный автор критического отклика на осторожные постановления Симбирского епархиального съезда в 1908 году пылко защищал идею созидательного развития литургической культуры, в которое могут внести вклад самые разные по общественному положению члены Церкви:

Патриархи, епископы, императоры, монахи, церковные и мирские люди вносили свои лепты в виде разных церковных песнопений в богослужебные чины. Церковные поэты, какого бы звания они ни были, воодушевлялись теплотою своей веры и приносили к подножию престола Божия свои церковные песни, и эти песни, если не содержали в себе ничего еретического, охотно принимались и вводились в употребление Церковью. Но вот уже давно никем и ничего в сокровищницу богослужебную не вносится. *Творчество* в богослужебном чине *прекратилось*. Мы полагаем, что это достойно величайшего сожаления и что нужно желать от всего сердца, чтобы *творчество* в богослужебной области *восстановилось*. (...) Старина свята, – об этом никто не спорит, но и нынешний христианин имеет не меньше прав, чем живший 1000 лет тому назад. Чины литургии и других богослужений, конечно, святы, но они понятны почти одним только священникам; не только неграмотные и грамотные простолюдины, но и светские образованные люди мало что в них понимают. (...) А что непонятно, то и неинтересно. (...) Церковь – для спасения людей, и

все, *вплоть до радикального изменения богослужебного чина*, по нашему мнению – полезно и желательно, только бы от этого не страдало существо веры<sup>1159</sup>.

Интересны, наконец, возражения энтузиастам литургического творчества, высказанные тогдашним студентом МДА П.А. Флоренским:

Конечно, духовная жизнь Церкви может вечно воплощать себя в неослабном литургическом творчестве. Но *это* творчество по плечу лишь духоносным мужам и женам, воистину стяжавшим Духа. «Дух веет, где хочет», но Дух не подлежит ведению комиссий, ученых коллегий; он не приурочивается ни специалистам, ни чинам, ни должностям, ни съездам, будут ли на них миряне с «решающим» или только с «совещательным» голосом. Но при попытке механически овладеть Духом литургическое творчество неминуемо превратится в фальсификацию. (...) К сожалению, это забывается при современных приглашениях к литургическому творчеству. Будет Дух, будет и новое творчество, и притом без всяких приглашений; не будет Духа, не явится и творчество, несмотря ни на какие призывы к нему<sup>1160</sup>.

Другой будущий пастырь-исповедник, А.Е. Жураковский, десятью годами позже выражал надежду на развитие творческого духа в литургических братствах, через которые, по его убеждению, придет будущее возрождение Русской Церкви:

В них переплавится церковное тело – и сделается вновь живым, трепетным. (...) И вот тогда именно из недр таких объединенных в любви братств и вырвутся новые молитвы (...) Литургия (...) восполнится словами новых формул, но восполнившись, не замрет в своей полноте. Раз начавшееся творчество не умрет. Как древле<sup>1161</sup> каждое богослужение было молитвотворчеством, так и ныне, верим и говорим безбоязненно, *каждая литургия должна стать и станет творческим и новым отзвуком на вечную музыку Прощальной беседы*<sup>1162</sup>.

## Конкретные нужды

Все цитированные нами до сих пор речи о новом богослужебном творчестве носили достаточно общий характер. Но в чем, собственно, нуждается Церковь? «Заказ» на новые молитвы и последования может дать любой приходской священник. Вот выступление о. Михаила Елабужского на епархиальном собрании в Вятке (1906):

Мы (...) не видим в наших книгах многих весьма нужных молитв и молитвенных последований, например, пред началом брачного предприятия, при освящении школы; даже нет молитвы на засеянных полях, так нужной нам по местным обычаям, нет молитвы перед пашнею, перед жатвою.

А если оторваться от местных нужд села? – Пожалуйста:

Почему бы, например, перед предстоящими выборами в Думу не издать особого моления о мире и вразумлении? Вообще, Церковь должна бы быть наиболее чуткой к жизненным запросам и своей богослужебной практикой должна бы удовлетворять самые разнообразные нужды пасомых<sup>1163</sup>.

Столичный священник Петр Кремлевский усматривал необходимость дополнить богослужение молитвами следующего рода:

- 1) *за народу* за все Отечество наше, за его благо и просвещение,
- 2) *за всех скорбящих* и обремененных, например, за больных, за бедных, за находящихся в темницах и в изгнании, чтобы Господь дал им духовную бодрость и силу переносить страдания, не допустил до уныния и т.п.,
- 3) *за воинову* особенно во время брани (о их здоровье и душевной целостности, о смягчении сердец и пр.),
- 4) *за учащихся* (чтобы Господь дал им разум и сохранил их чистое сердце),
- 5) *за злых людей* (чтобы Господь умягчил их сердца, обратил на путь правды и милосердия) и *за добрых людей* (чтобы Господь помог им бороться с соблазнами и не бояться гонений за правду)<sup>1164</sup>.

Священник В. М-ч предлагал увеличить число прошений и молитв о болящих<sup>1165</sup>; о. Николай Антонов считал первоочередными другие потребности:

Для освящения церковной обстановки, для освящения колодца и скота, для болящих существуют молитвы (...) Но где соответствующие им, простые и трогательные молитвы, которые освящали бы труд, быт, занятия и обязанности живых и трудящихся?<sup>1166</sup>

У В.В. Розанова была своя обида на Церковь:

Почему о путешествующих, воинствующих есть в эктении прошения, а когда наши жены рожают и мучатся, и боятся смерти, и ищут помощи – нет о них простого умиленного слова в эктении? (...) Молитвенное творчество, молитвенное созидание Церкви не кончено, не запечатано. (...) Но этого нет! И наши всемирные и прекрасные эктении о всем помнят, а такой центральный факт, как рождение – забыли и обошли молчанием. Мне это обидно; как семьянину – мне это больно<sup>1167</sup>.

Статья вызвала полемические отклики. Интересно, что пропустивший ее в печать духовный цензор, архимандрит Мефодий (Великанов), счел нужным сделать следующее примечание:

Мысль о молитве за «плодоносящих» и «рождающих» матерей (...) согласна с богооткровенным учением<sup>1168</sup>.

А.В. Карташев в связи с нашумевшим поступком некоего священника, совершившего церковное отпевание на могиле Л.Н. Толстого размышлял:

Нельзя погребать сознательного противника Церкви по чину друга и сына. Самые слова чина звучали бы дико и лживо. Тут Церковь права в своем отказе. Но не права она в своем абсолютном молчании. (...) Церковно-верующие друзья Толстого молятся и желают молиться о нем, как о заблуждающемся, и скорбят о нем, как о враге Церкви. И Церковь может и должна найти для этих переживаний детей своих соответственное выражение. Ничто не препятствует ей создать чин молений о религиозно-заблудившихся, о слепых

духовно, о соблазняющихся во Христе. Мало того. У Церкви есть героическая, сверхчеловеческая заповедь Учителя о молитве за врагов. В силу этой заповеди, мы вправе требовать от Церкви сверхчеловеческого величия: особого чина молитвы за врагов. Если бы был налицо такой чрезвычайный чин молитвы о милости Божией к еретикам и врагам Церкви, то он и должен был бы дать исход религиозному томлению церковных людей в чрезвычайном случае со смертью Толстого<sup>1169</sup>.

Другой пробел указан о. В. Ивановским:

Существует молитвенный чин «для входящих в дом нов», «на всаждение роя пчел во улий нов». Такое же величайшее событие религиозной жизни прихода, как прихождение пастыря нова в приход нов, – никаким молитвенным действием не освящается! (...) Уж на что незначительна и несущественна в деле спасения роль колокола, но и его водворяют на колокольню, на несущественную часть храма, по определенному чину, и молятся: «влей в онь силу благодати Твоя, яко да услышавше глас звука его, в благочестии и вере укрепятся». Так усердно молятся о бездушном приборе колокольни, которым орудует пономарь; а когда водворяют пастыря, и не на колокольню, а во святое святых храма (...) ни слова молитвы! Вот почему отсутствие чина на приход пастыря во приход нов должно считаться досаднейшим упущением, которое нужно исправить немедленно<sup>1170</sup>.

Во время войны с особой остротой встал вопрос, как молиться о без вести пропавших. В этом случае горе родных оказывается самым тяжелым: его нельзя утешить даже церковной молитвой<sup>1171</sup>.



## Формы богослужебного творчества

Итак, поле для творческих усилий достаточно велико. Но в какую форму они должны отлиться?

Все упоминавшиеся выше авторы отвергали рабское копирование имеющихся образцов. Можно ли считать действительно творческим занятием, например, сочинение акафистов, которым в XIX веке многие так увлекались?

Составляя акафист, вы должны рабски копировать его вполне искусственную форму, количество кондаков (13) и икосов (12), начальные слова их (Ангел, Видя и т.д.). По-гречески это еще понятно, ибо акафист представлял из себя акростих, и первые слова икосов и кондаков начинались буквами в порядке алфавита. Но по-славянски?.. Ни один мудрец не объяснит вам смысла этих неумелых подражаний. Недаром 99% акафистов представляет из себя набор фраз. И если, тем не менее, акафисты весьма любимы простым народом, то причина этого может быть усмотрена в краткости, а следовательно и большей понятности предложений второй половины каждого икоса. Народ бывает очень рад, когда уловит хоть несколько понятных звуков в богослужении. То же мы можем повторить и о новых службах в честь новых святых, – всюду рабское копирование прежних образцов, своего рода псевдоклассицизм церковный! Но как бы ни были хороши в свое время оды Пиндара, подражание им и копирование их в настоящее время прямо-таки немыслимо. К сожалению, истина эта, простая и очевидная, не может уместиться в сознании наших староверов<sup>1172</sup>

А вот с положительными утверждениями у сторонников богослужебного творчества дело обстояло слабей. Впрочем, это и понятно: как предугадать формы будущего? В. Карпов и о. Н. Дроздов говорили о гимнах, которые могли бы звучать и в храме – как это бывает в западных епархиях, особенно в Белоруссии и Малороссии. Относительно литургии Дроздов осмелился лишь поставить вопрос:

Можно ли допустить ныне составление нового чина литургии, оставивши, конечно, основное зерно древних литургий?<sup>1173</sup>

Впрочем, новгородский протоиерей Александр Устынский не сомневался в необходимости «предоставить епископам право сочинять новые литургии»:

Доселе мы пользовались готовыми греческими литургиями. Но где же русское литургическое творчество? (...) Чудные молитвы святителя Кирилла Туровского, задушевные «сти-хословия» св. Димитрия Ростовского и вдохновенные молитвенные возношения мыслей к Богу преосвященного Анатолия, архиепископа Могилевского, дают нам полное право надеяться, что русские святители могли бы создать новые, захватывающие и душу, и сердце чины литургии<sup>1174</sup>.

О. Николай Антонов также был уверен, что настало время усилить литургию новым молитвенным содержанием (...) предоставив большую свободу молитвенному творчеству совершителя богослужения<sup>1175</sup>.

Подобное пожелание высказывал и епископ Полоцкий Серафим (Мещеряков):

В деле совершения богослужения необходимо дать больше свободы его совершителям (...) Пусть в каждом богослужебном чине дается только существенное; остальное же можно предоставить усмотрению предстоятеля и сослужащих, которые могли бы несущественные части богослужения изменять, сообразуясь с различного рода внешними обстоятельствами и с нуждами и настроением молящихся. В таком случае можно надеяться, что молитва будет вытекать из потребности молиться, а не из обязанности совершать службу<sup>1176</sup>.

Священник Михаил Елабужский тоже призывал предоставить священнику право вслух творить свободную, вылившуюся из сердца и отвечающую настроению и частным нуждам паствы молитву. (...) Ведь это было бы лишь возвращением к порядкам апостольской Церкви<sup>1177</sup>.

Тогда сам собою, возможно, исправился бы тот недостаток наших служб, что в них «очень мало молитв о благоустроении земной жизни, Царства Божия на земле, так как

составители их, иерархи и иноки, – люди не от мира сего»<sup>1178</sup>. С аналогичным предложением выступал в уже цитированной статье священник В. Пестряков.

Однако митрополит Санкт-Петербургский Антоний при обсуждении подобной идеи на пастырском собрании высказал опасение, что следствием такой свободы может стать осужденный еще апостолом Павлом беспорядок в богослужбном собрании<sup>1179</sup>. Да и среди духовенства идея литургических молитв-экспромтов не пользовалась полной поддержкой: если за резолюцию о составлении новых молитв и последований на Вятском собрании проголосовали все 110 депутатов единогласно, то за «предоставление права священнику возносить свободную собственную молитву при богослужении» голосовало на 30 депутатов меньше<sup>1180</sup>.

В то самое время, когда на страницах журналов разгорались споры о возможности литургического творчества, оно в действительности не умирало в Церкви. Другое дело, что боязнь творчества проявлялась почти повсеместно, а огоньки вдохновения горели кое-где. Но если защитники творческого развития богослужения и были отчасти правы в своих мрачных описаниях недвижимого состояния церковной жизни, то свет в этой тьме все же светил, и тьма не объяла его.

Одним из самых ярких примеров могут служить, конечно же, сложившиеся в сердце святого кронштадтского пастыря, протоиерея Иоанна Ильича Сергиева «некоторые (...) тайные моления в прибавление к молитвам, тайно читаемым священнодействующим, по служебнику, на литургии верных, для пробуждения усиленных чувств благодарения и славословия Господа»<sup>1181</sup>. Не ставя здесь задачу анализировать плод молитвенного вдохновения подвижника, обратим лишь внимание на самый факт несомненного богослужебного творчества, притом включенного в сердцевину литургии. На молебнах же в частных домах о. Иоанн, по воспоминаниям его сослуживца протоиерея А.П. Попова, постоянно читал молитвы, «составленные им самим прежде или тут же им импровизированные и приновленные к данному случаю»<sup>1182</sup>.

Свои молитвы и прошения слагал для созданного им Александро-Невского общества трезвости (свыше 70 тысяч членов) другой замечательный священник того времени, Александр Васильевич Рождественский. В его приходе Воскресенской церкви Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви молитвы эти имели и литургическое употребление<sup>1183</sup>.

Наконец, пример иного рода. В 1906 году профессор МДА М.М. Тареев описал свои впечатления от посещения вместе с группой из двух десятков студентов академии Крестовоздвиженского трудового братства на хуторе Воздвиженка Глуховского уезда Черниговской губернии. Братство было учреждено в 1893 году Николаем Николаевичем Неплюевым ([1908]), известным и довольно своеобразным христианским деятелем. Членов братства (вместе с детьми) было к тому времени 195 человек. Надо иметь в виду, что Тареев в целом относился к деятельности братства и к воззрениям Неплюева достаточно критически<sup>1184</sup>.

Представляет несомненный интерес приведенное профессором Тареевым описание молитвенного собрания братства. Такие собрания, в дополнение к обычным богослужениям в храме, происходили еженедельно. Молитвы в собрании произносились частью священником, а частью – самими собравшимися членами братства –

без заранее установленной очереди, по непосредственному вдохновению. И самые молитвы, – живые импровизации, хотя большая их часть – первоначальные импровизации, с течением времени установившиеся для обычного употребления. (...) Молитвы произносились вдохновенно. Едва кончал один, начинал другой брат или сестра. В голосе каждого сказывалась индивидуальность, слышалась живая, по-своему чувствующая душа. Некоторые произносили молитвы с такою задушевностью, которая заразительно действовала на слушателей. Перед нами воскресала первобытная христианская община, водимая Духом Божиим<sup>1185</sup>.

Порядок собрания был следующий. Вначале священник читал молитву св. Иоанна Златоуста пред чтением слова Божия, затем следовало чтение Библии, потом священник произносил начальные молитвы, после чего члены братства продолжали эту молитвенную череду. Тареев приводит текст некоторых молитв: о царе, о России, о братстве, о блюстителе братства (т.е. Н.Н. Неплюеве), о любви в братстве. Кроме того, он упоминает еще молитвы о патриархах, Синоде, архиереях и пресвитерах христианских, о настоятеле братского храма, о воспитателях, о болящих, молитву Богородице за скорбящих, молитвы поминовения и покаяния, молитву священника за паству.

Минуты, проведенные нами на этом молитвенном собрании мы считаем наиболее памятными в своей жизни... Наша жизнь так бедна вдохновением, так принижена однообразными формами, что нужно считать счастьем наблюдать яркие блески живой жизни

– писал М.М. Тареев<sup>1186</sup>.

## **Вопрос о богослужебном творчестве на Поместном Соборе**

## Общая дискуссия

Как уже упоминалось выше, принятый в июле 1917 года тезис VI отдела Предсоборного совета о допустимости и возможности богослужебного творчества, не был включен в проект доклада о богослужебном языке, подготовленный соответствующим соборным подотделом двумя месяцами позже. При обсуждении этого проекта 12 августа 1918 года в VII отделе Собора вятский священник Александр Попов вновь предложил включить в доклад упоминание о возможности составления и допущения к богослужебному употреблению новых песнопений. Однако при голосовании это предложение принято не было<sup>1187</sup>.

Тем не менее вопрос о литургическом творчестве неоднократно поднимался на заседаниях VII отдела – главным образом в связи с необходимостью дополнить новыми чинами существующий Требник. Священник Василий Прилуцкий приводил такой пример:

Сооружается, например, железная дорога, строится громадный по величине мост – почему не может быть новой молитвы на освящение этих сооружений. Если в древности считали необходимым внести в требник молитву «над сосудом двоеушатым», над горшком, то, очевидно, было желание освятить молитвою всякое дело. И теперь можно бы написать особые молитвы и чины на освящение новых сооружений. (...) Мы должны, быть может, дополнить требник новыми чинопоследованиями и представить их на утверждение Собора<sup>1188</sup>.

В связи с этим Б.А. Тураев заметил, что в Требник на немецком языке, составленный настоятелем посольской церкви в Берлине протоиереем Алексием Мальцевым (1854–1915), уже включены некоторые новые чины, в том числе на освящение кладбища и железной дороги<sup>1189</sup>. Владивостокский священник Стефан Нежинцев отвечал, что все эти чины излишни – достаточно имеющегося в Требнике молебна на начало всякого доброго дела<sup>1190</sup>. Протоиерей Александр Хотовицкий, ссылаясь на собственную практику, предлагал использовать последования из униатского требника, однако И.А. Карабинов считал неудобным применять чины неправославного происхождения<sup>1191</sup>. Епископ Прокопий (Титов) полагал, что не полезно в молитве уделять чересчур много внимания земным, житейским делам<sup>1192</sup>. Этот тезис был энергично оспорен ялтинским протоиереем Сергием Шукиным:

Церковь (...) стремилась освятить молитвой почти все человеческие отношения. Да иначе и быть не могло. Путь на небо идет через землю и земное. Отнимите молитвы о земном, и земное уйдет от Церкви и христианства (...) Молитвы, направленные в сторону земного человеческого делания, занимают в церковном богослужении громадное место, и расширение их в эту сторону отвечает духу церковности и может быть приветствовано<sup>1193</sup>.

Позднее о. Сергей представил отделу подробный доклад с оправданием идеи личного богослужебного творчества священника:

Священник стоит иногда в церкви и читает акафист; и слышит, как люди сочувственно вздыхают, иные плачут. Он знает души этих людей, знает, о чем их наиболее сердечные молитвы, глубокие вздохи, сильные чувства. И видит с горечью, что не с этими бы словами надо прийти к ним; заговорить бы живым языком, обратиться непосредственно к душевной боли их и об этой боли сказать Богу в словах, всем понятных.

Доклад завершался следующими предложениями:

1. Разрешить в воскресные и праздничные дни устройство в церквях особых вечерних молитвенных собраний, на которых допустить личное молитвенное творчество священника и исполнение религиозных поэтических песнопений на русском языке.

2. Разрешение на устройство таких молитвенных богослужений дается епископом тем священникам, которые желают этого и которые к этому способны.

3. Если почему-либо устройство указанных богослужений в церкви не будет признано возможным, то допустить их устройство в школе или в каком-либо другом здании<sup>1194</sup>.

Отделом было рекомендовано лишь употребление русских церковно-народных стихов и гимнов (по одобренным церковной властью сборникам) на внебогослужебных беседах<sup>1195</sup>. Конечно, следует признать, что «внебогослужебные беседы», на

которых не только беседуют, но и поют молитвенные гимны и слушают слово Божие, в действительности есть одна из форм богослужения.

Кроме того, в докладе «Об упорядочении богослужения», который был окончательно принят отделом в январе 1918 года, на будущую Комиссию по богослужебным вопросам возлагалось поручение

заняться составлением некоторых новых чинопоследований, вызываемых потребностями современной жизни, а также составить особый чин на погребение диаконов<sup>1196</sup>.

### **Новые службы и чины**

За время работы Поместного Собора членами богослужебного отдела было рассмотрено и предложено вниманию Высшей церковной власти несколько новых или пересмотренных богослужебных последований.



## Служба Всем святым, в земле Русской просиявшим

Это – наиболее известный и вошедший во всецерковное употребление плод богослужебного творчества соборного периода. История установления соответствующего праздника и написания службы изложена одним из авторов последней, епископом Афанасием (Сахаровым)<sup>1197</sup>; уточнить этот рассказ можно по архивным документам Поместного Собора и Священного Синода.

Первое известное нам ходатайство об установлении ежегодного празднования «всем святым Российским, с начала Руси прославленным» с просьбой «почтить этот день особо составленную церковною службою» было направлено в Святейший Синод 20 июля 1908 г. крестьянином Судогодского уезда Владимирской губернии Николаем Осиповичем Газукиным. Прошение вскоре было отклонено синодальным определением от 18 октября – 5 ноября на том основании, что существующий праздник Всех святых включает и память святых русских<sup>1198</sup>.

Заслуга восстановления праздника русских святых, который в XVI-XVII веках отмечался кое-где в качестве местного, принадлежит Б.А. Тураеву. Именно он выступил с соответствующим докладом на заседании VII отдела 2/15 марта 1918 года. При этом докладчик предлагал переработать и восполнить новыми песнопениями существующую службу *Всем святым новым чудотворцем Российским*, составленную в XVI веке суздальским монахом Григорием, включив в нее, между прочим и поминовение в общей форме

еще не канонизированных, но или давно уже чтимых, или положивших душу за веру Христову – тех священномучеников и мучеников, которые пострадали в наши скорбные дни во время настоящего гонения на Церковь<sup>1199</sup>.

Доклад был одобрен отделом и передан Собору на рассмотрение, которое состоялось 20 августа 1918 года. Тема современного мученичества и на сей раз звучала в выступлении Тураева:

В наше смутное время возобновились гонения на Церковь и она вновь обагрилась кровию мучеников. В древней Церкви мученичество само по себе достаточно для причтения к лику святых. Мы отошли от этой практики, но не можем не благоговеть пред нашими великими современниками, которые доказали, что современная Россия способна производить не только смрадные продукты разложения, но и благовонные цветы верности до смерти Христу и Его заповедям. И мы будем в состоянии выразить нашу любовь и усердие к ним, чествуя их вместе со всеми святыми, прославленными в Российской земле<sup>1200</sup>.

Собор установил празднование памяти всех русских святых в первое воскресенье Петровского поста и постановил печатать в конце Цветной Триоди исправленную и дополненную службу им<sup>1201</sup>.

После этого Б.А. Тураев и иеромонах Афанасий (Сахаров) спешно принялись за составление службы. Выяснилось, что из службы монаха Григория можно заимствовать лишь небольшую часть материала. Тураев писал новые тексты, а о. Афанасий подбирал подходящие песнопения из отдельных служб русским святым<sup>1202</sup>. На предпоследнем заседании богослужебного отдела 8 сентября предложенный текст службы был одобрен и передан на рассмотрение Священного Синода<sup>1203</sup>.

Синод 18 октября направил службу на предварительное рассмотрение митрополиту Владимирскому и Шуйскому Сергию (Страгородскому), который уже через день вернул ее с одобрительным отзывом и некоторыми поправками, тропарь же составил заново («Якоже плод красный...»)<sup>1204</sup>.

18 ноября патриарх Тихон и Священный Синод благословили печатание новой службы под наблюдением и окончательной редакцией митрополита Сергия<sup>1205</sup>. 13 декабря епархиальным преосвященным был разослан циркулярный указ о восстановлении

праздника русских святых, а 16 июня 1919 года направлен и типографски отпечатанный текст службы с указанием совершить ее в ближайший воскресный день по получении<sup>1206</sup>.

После первого совершения службы 22 июня 1919 года в Петроградском Князь-Владимирском соборе митрополит Вениамин направил рапорт Патриарху: «Горячо молились православные чада Петрограда за истомленную землю Русскую»<sup>1207</sup>.

На этом, однако, история службы не закончилась. Осенью 1922 года ее текст был вновь пересмотрен и дополнен собором из пяти архиереев и четырех священников в 17 камере Владимирской тюрьмы, где оказался находившийся с 10 сентября под следствием владыка Афанасий. Соавтором дополненной службы стал священник Сергей Дурылин, составивший два тропаря канона и второй светилен<sup>1208</sup>. Здесь же 10 ноября была совершена служба в новом составе, а 14 ноября епископ Афанасий был осужден и направлен в Таганскую тюрьму, где 16 февраля 1923 года в одиночной камере освятил в честь всех русских святых походный антиминс своей «келейной церкви»<sup>1209</sup>.

В 1926 году богородичен к первоначальному тропарю службы, перенесенному на молебен, составил иеромонах Иоанн (Широков)<sup>1210</sup>.

Дополнять и редактировать службу русским святым владыка Афанасий продолжал многие годы, но и в конце своей жизни еще не считал эту работу завершенной<sup>1211</sup>.

## Чин погребения диаконов

Вопрос об особом чине диаконского погребения был выдвинут на заседании VII отдела 12 октября 1917 года В.К. Недельским<sup>1212</sup>; в ноябре члены отдела дважды проголосовали за составление такого чина и внесение его в Требник<sup>1213</sup>. Подготовительная работа была поручена Б.А. Тураеву, который составил проект с использованием чина погребения диаконов, существующего в Коптской Церкви, молитвы над скончавшимся диаконом из Ватопедского евхология XIV века, а также гимнографического материала из чина погребения мирян и иерейского погребения. Проект Тураева был представлен отделу 12 апреля 1918 года и с внесением некоторых поправок передан на благоусмотрение Епископского совещания<sup>1214</sup>.

23 апреля Соборный совет постановил передать доклад на рассмотрение Высшему церковному управлению, но это решение не было исполнено, поскольку 28 мая такой порядок рассмотрения не заслушанных Собором докладов был приостановлен ввиду скорого возобновления работы Собора<sup>1215</sup>. Однако и на третьей сессии Собор не спешил с рассмотрением доклада, что побудило 36 членов Собора с Тураевым во главе направить в Соборный совет заявление о спешном рассмотрении вопроса. Ввиду краткости времени, оставшегося до закрытия Собора, решение дела было 19 сентября передано Патриарху и Священному Синоду<sup>1216</sup>.

Синод рассмотрел доклад VII отдела 11 ноября 1918 года, предварительно заслушав отзыв митрополита Сергия, который находил, что «Священному Синоду самому, без Соборной санкции, едва ли удобно вводить этот чин в церковное употребление». При этом владыка Сергий исходил как из новизны самого чина, принятие которого может повлечь за собой требование особых погребальных чинов «для разных церковных должностей и классов церковного общества», так и из недостатков представленного проекта (чрезмерная длина одного из апостольских чтений, недостаточная выразительность как краткой молитвы из Ватопедского евхология, так и пространной молитвы из коптского чина). «Лучше или не вводить в «чин» особых молитв, или же составить новые, нарочито приспособленные к новому чину», – предлагал рецензент. Согласившись с этим отзывом, Священный Синод постановил отложить до будущего Собора решение вопроса о необходимости особого чина на погребение диаконов, а также рассмотрение представленного в докладе чина<sup>1217</sup>.

## Чин всенародного покаяния

19–26 июля 1918 года в ряде частных совещаний и закрытых заседаний члены Собора обсуждали опубликованное в советских газетах известие о расстреле Николая II. Официальное открытие заседаний Собора 19 июля началось служением в церкви Соборной палаты панихиды по бывшему государе, которую возглавил святитель Тихон. В слове, произнесенном в день празднования Казанской иконе Божией Матери 21 июля после городского крестного хода к Казанскому собору, патриарх назвал совершившееся убийство ужасным делом, с которым не может примириться христианская совесть, независимо от оценки государственной деятельности бывшего императора. «Мы должны, повинувшись учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его». В связи с этим выступлением 26 июля было принято соборное постановление: «Священный Собор (...) свидетельствует, что в сем патриаршем слове выражены те именно мысли и чувства, которые по долгу христианской совести должна исповедовать вся православно верующая Россия». Вместе с тем некоторые члены Собора отмечали, что екатеринбургское преступление есть только одно из множества проявлений жестокости и кровопролития, к которым, как и к убийству бывшего императора, «народ в общей массе цинически равнодушен» (выступление Н.Д. Кузнецова)<sup>1218</sup>.

7 августа члены Собора молились на панихиде по убиенному полгода назад митрополите Киевском Владимире (Богоявленском). Известия о новых гонениях, о новых мучениках за веру многократно продолжали поступать в продолжение работы третьей сессии Собора.

8 августа святитель Тихон подписал послание всем верным чадам Православной Российской Церкви с призывом к всенародному молитвенно-покаянному подвигу во время предстоящего Успенского поста и особенно трех последних его дней. Послание в сильных выражениях говорило о грехе, тяготеющем над народом, как о источнике бед и страданий России. «Грех помрачил народный разум (...) разжег повсюду пламень страстей, вражду и злобу», привел к массовым кровопролитиям и страданиям невинных, к открытому гонению на Церковь Христову. Народ, «забыв об едином на потребу», прельстился «великим соблазном чувственных земных благ». Оставшиеся верными Церкви и Родине призваны, подобно древним ниневитянам, плакать о великих грехах Отечества, пока оно не погибло до конца<sup>1219</sup>.

10 августа комиссия во главе с архиепископом Кишиневским и Хотинским Анастасием (Грибановским) представила Патриарху составленный специально для этих дней чин покаянного моления, вскоре изданный в типографии и разосланный по церквам. А 12 августа Священный Синод принял постановление о назначении по церквам дней всенародного покаяния и молитвы об избавлении Отечества от великой смуты<sup>1220</sup>.

Самый чин состоял из двух основных частей. *Канон молебный Господу Иисусу в скорби и обстоянии* был составлен дочерью петербургского протоиерея Екатериной Лебедевой. 26 июля он поступил из соборной канцелярии в VII отдел. Далее канон редактировали иеромонах Афанасий (Сахаров) и Б.А. Тураев<sup>1221</sup>.

Вторую часть составляло *последование литии, певаемое в нужди, скорби и обстоянии*, заимствованное из Большого Требника и дополненное комиссией Богослужебного отдела, включавшей епископа Пахомия (Кедрова), иеромонаха Афанасия и Тураева. Это последование «ввиду обстоятельств настоящего времени» было одобрено отделом к употреблению по воскресным дням после вечерни и во время крестных ходов; включенные же в последование прошения на великой и сугубой ектениях предлагалось возносить на всех службах. Соответствующее заключение отдела было передано Соборному совету «на благоусмотрение и надлежащее распоряжение Священного Синода» еще 19 апреля<sup>1222</sup>.

По завершении работы Собора Священный Синод 11 ноября направил это последование на отзыв митрополиту Владимирскому Сергию<sup>1223</sup>; 25 ноября ему же передали на рассмотрение весь состав последования, совершавшегося в дни всенародного покаяния минувшим Успенским постом, а 2 декабря – отдельно канон Е. Лебедевой<sup>1224</sup>.

Отзыв владыки Сергия, возможно, был продиктован не только литургическими, но и отчасти и политическими соображениями:

«Канон молебный», составленный г-жою Лебедевой, имеет темой общественное бедствие и стремится возбудить всенародное покаяние. В соответствии с этой целью, он преизобилует сильными, даже слишком сильными выражениями, могущими произвести впечатление на массу. Но в нем нет того тихого, благодатного умиления, которого ищет в церковном песнопении душа человека, переживающего какую-либо личную скорбь, болезнь или нравственное падение. В смысле умиленности, этот канон даже не может быть и сравниваем, напр(имер), с канонам Иисусу Сладчайшему или «Многими содержимь напастыми» или с так называемыми умилительными канонами Октоиха и многими богородичными на повечериях. Несомненно, к этим канонам и обратится человек, ищущий молитвенного утешения в скорби. Поэтому, признавая вполне естественным появление Канона г-жи Лебедевой в составе совершенно исключительного по своему поводу и назначению «Чина» всенародного покаяния, я бы не видел необходимости вновь печатать этот канон и вносить его в какую-либо общеупотребительную церковную книгу<sup>1225</sup>.

Последование литии, по мнению рецензента, тоже не стоит печатать вновь – достаточно разосланных в августе экземпляров, а обязательное внесение в каждую службу разработанных отделом ектенийных прошений могло бы лишь ослабить впечатление, производимое ими на молящихся<sup>1226</sup>.

Эти предложения были одобрены Священным Синодом на заседаниях 9 и 30 декабря. Совершение Доследования литии на вечернях и крестных ходах было предоставлено желанию духовенства, но вместо канона Лебедевой рекомендовано употреблять тексты более общего характера – умилительный канон рядового гласа Октоиха, или канон Богородице «Многими содержимь напастыми...», или иной. Одновременно замечено, что

прошения, возносимые только на литии, могут быть более заметны для народа и будут более производить умиление в сердцах молящихся, чем если бы эти прошения возглашались на всех церковных службах<sup>1227</sup>.

## Каковы перспективы?

Итак, из всех разработок соборного отдела лишь служба Всех русских святых прочно вошла в послесоборную церковную жизнь. Конечно, и в последующие годы предпринимались довольно многочисленные упражнения благочестивых церковных людей в составлении новых служб и акафистов. Среди этих опытов встречались и достаточно удачные или, во всяком случае, незаурядные. Достаточно вспомнить составленный на русском языке *Акафист благодарственный «Слава Богу за все»* митрополита Трифона (Туркестанова)<sup>1228</sup> или стихотворный гексаметрический *Канон в честь Боголюбской иконы Божией Матери* митрополита Сергия (Страгородского). В последние годы в связи с канонизацией многих русских святых потребность в новых гимнографических текстах особенно возросла.

Составлялись и новые чины – так, митрополит Мануил (Лемешевский) сложил *Последование мертвенное над усопшим архиереем*, епископ Афанасий – целый ряд молебных пений, в том числе *Об Отечестве* (1941), *О хотящих по воздуху шествовати*, *О сущих в скорбях и различных*, *О сущих в темницах и заточении*, *О прекращении войн и о мире всего мира*, *Пред началом учения отроков* и *Пред началом учения юношей и взрослых*<sup>1229</sup>. Совсем недавно появился у нас (из сербского Требника) и сразу приобрел особенную популярность у приходских и монастырских требоисправителей *Чин освящения колесницы* (попросту говоря, автомобиля).

В общем, как говорил владыка Евлогий на заседании VI отдела Предсоборного совета, «Церковь живет и потому творит. Составляются и теперь новые молебны, молитвы, акафисты». Но справедливыми остаются и другие слова архиепископа Волынского, сказанные им в продолжение этой мысли: «Правда, это творчество грубое и шаблонное»<sup>1230</sup>.

Большую часть опытов XX века трудно отнести к достижениям *богослужебного творчества*, если понимать эти слова в том смысле, какой придавали им в дособорной периодике и во время дискуссий в Предсоборном совете<sup>1231</sup>.

Даже владыка Афанасий, тонкий знаток богослужебного устава и славянского языка, писал, что «не считает себя песнотворцем», а потому «ограничивался, главным образом, тем, что из богослужебных книг избирал лучшее, выразительное и содержательное и приспособлял это» для службы Всех святых русских. Стихиры великомучеников Георгия и Димитрия Солунского, канон Московских святителей, молитва Вологодским святым стали образцами для соответствующих частей новой службы, значительную часть которой составили прямые заимствования<sup>1232</sup>.

Приходится признать правоту мнения, которое в предсоборное время, среди многих других, выражал священник Димитрий Силин: «На славянском языке можно только подделываться, а не творить вдохновенно (...) Это – не творчество»<sup>1233</sup>. Через четыре года после Собора о. Сергей Булгаков устами персонажа своих крымских *диалогов* высказывал близкие мысли: при обязательном сохранении для новых творений церковнославянской оболочки даже в самых лучших случаях

возможно только сознательное и заведомое подражание, стилизация, предполагающая, конечно, особую выучку и мастерство, но, разумеется, ограниченная в возможностях по недостатку лексического материала. (...) А мастеров архаической стилизации становится все меньше, если только остались. (...) Славянского языка в нашем распоряжении давно уже нет, а только одни его грамматические формы<sup>1234</sup>.

Что уж говорить про бесчисленные ремесленнические акафисты, о которых на Соборе с горечью говорил о. С.Н. Щукин:

И вот таким произведениям, где люди, часто неталантливые, старались искусственно подобрать непонятные, тяжелые слова на мертвом языке, где живые чувства намеренно вкладывались в мертвые формы, мы охотно даем место в церковном богослужении, а дать место живому, русскому, родному слову мы боимся<sup>1235</sup>.

Сбудутся ли надежды на возрождение творческого духа в православном богослужении, загоревшиеся еще в предсоборный период? Они все еще живы в Церкви – об этом свидетельствует, в частности, и Патриарший доклад на сравнительно недавнем Архиерейском Соборе 1994года. Но, конечно, прав Флоренский (а с ним и Кудрявцев, и многие другие уже цитированные нами авторы начала XX века): «Будет Дух, будет и новое творчество»<sup>1236</sup>, – Дух же не подвластен решениям даже и самой что ни на есть Высшей церковной власти.

Однако во власти человеческой – устранение очевидных препятствий для веяния Духа. В этом смысле вопрос о возможности нового богослужебного творчества, несомненно, тесно связан с вопросом о литургическом воцерковлении русского языка.

Не стоит страшиться оглядкой на недостижимые, кажется, вершины церковной поэзии прошлого. Во-первых, и в наследии этого прошлого далеко не все равноценно – сколько однообразного, шаблонного материала встречается и в наших старых, переведенных с греческого богослужебных книгах! А во-вторых, как говорил уже цитированный нами *Приходский священник* из «диалогов» Булгакова,

не все мы Демосфены или Филареты, а кое-как лепечем свои проповеди, и их слушают, потому что ждут в них дум и чувств сегодняшнего дня. Но для этого сегодняшнего дня, кроме застывших, негибких и неподвижных форм, наша церковная [литургическая] практика не имеет ответа, чем и пользуются секты с их молитвенной импровизацией<sup>1237</sup>.

Время, когда перед нашей Церковью стоял прежде всего вопрос о выживании, кончилось. А вопрос о нашем будущем – это, быть может, в первую очередь вопрос о творчестве, в том числе и богослужебном.

Разумеется, взлет творчества не может оказаться быстрым и повсеместным. Но со временем молодые побеги будущего, думается, все же начнут появляться там и тут. Они нуждаются в отеческой заботе и благожелательном внимании священноначалия. Тогда со временем они укрепятся, украсят Церковь Божию и станут плодовитыми ветвями древнего, но не иссохшего древа *благосеннолиственного*.



## Заключение

Некоторые предварительные выводы по итогам обсуждения отдельных литургических проблем уже были представлены в соответствующих главах. А окончательные выводы – они впереди. О них должна сказать свое слово сама жизнь Церкви. От проблем, которые были поставлены еще в начале века, нам никуда не уйти. Убежден, что время для их разрешения настало. В 1994 году это признал и Архиерейский Собор нашей Церкви.

Однако со времени Собора прошло уже почти шесть лет. К сожалению, за это время Синодальной богослужебной комиссии так и не удалось достигнуть сколько-то заметных результатов в решении конкретной задачи, поставленной Святейшим Патриархом: **«Сделать богослужение более доступным людям»**.<sup>1238</sup>

Более того, сегодня многие оспаривают саму возможность каких бы то ни было изменений в совершаемом нами богослужении. Даже в постановке и обсуждении подобных вопросов видят что-то неблагочестивое, неприличное. Ну, неужели церковную службу можно оценивать критическим взглядом? Но ведь одной из важнейших задач богословия как раз и является критическое сопоставление церковной практики – в том числе, конечно, и литургической – с основоположными нормами Предания Церкви. Такое сопоставление позволяет различать вечное и неизменное от преходящего и исторически обусловленного.

Полемика по некоторым литургическим вопросам (и порой очень острая полемика) тем временем продолжалась – особенно по таким темам, как проблема богослужебного языка и календарный вопрос. К сожалению, богословский и церковно-исторический уровень дискуссии большей частью оказывался невысоким, как отметил недавно председатель Синодальной богословской комиссии митрополит Минский и Слуцкий Филарет<sup>1239</sup>. Обсуждение вопросов по существу, на твердом основании Священного Предания Церкви, с точки зрения соответствия предлагаемых решений православной традиции и сегодняшним нуждам Церкви нередко подменялось всякого рода эстетическими, психологическими рассуждениями или просто аргументами *ad hominem*. Часто эта полемика принимала совершенно нецерковный по своему тону характер – с яростной нетерпимостью, с нападками на оппонентов в стиле выступлений на партсобрании при проведении очередной «чистки» рядов, что является очевидным непослушанием замечательному увещанию того же Собора 1994 года относительно разномыслия в Церкви и путей преодоления оных<sup>1240</sup>.

Одной из примет этих споров (как и многих других дискуссий последних лет по разным церковным вопросам) стала самоуверенная манера некоторых из их участников говорить от лица всей Церкви, подменяя своим мнением суждение ее соборной Полноты. Например, упомянутые решения Собора 1994 года фактически замолчаны и забыты – за последние пять лет я встретил лишь одну ссылку на них (в докладе А.И. Солженицына на Рождественских чтениях в 1996 году<sup>1241</sup>), хотя стараюсь внимательно следить за выступлениями по литургическим вопросам в печати, как церковной, так и светской.

Что же препятствует реальному развитию литургической культуры – развитию навстречу нашим современникам, о котором говорил Святейший Патриарх? Кроме интоксикации сознания поиском врагов (это печальное, но, в общем-то неизбежное последствие многолетнего засилья человеконенавистнической идеологии в нашей стране) важнейшей причиной, думаю, остается недостаточность богословской подготовки, в том числе в области литургики. Слабость образовательной базы порождает неуверенность, неспособность отличать главное от второстепенного. А отсюда – боязнь развития, боязнь любых перемен.

От этого недостатка были намного более свободны участники литургической дискуссии начала XX века. О них сегодня порою судят несправедливо. Их, например, обвиняют даже в том, что они будто бы не ценили, не понимали, не любили наше прекрасное православное богослужение. Неправда. Именно от того, что любили, они не могли молчать о недостатках, снижающих для многих его столь высокую ценность. Боль, а не равнодушие звучит в их словах.



Их именуют приверженцами или же идейными предшественниками «обновленчества», которое будто бы стало зрелым плодом стремления к богослужебным и иным реформам, зародившегося в предреволюционные годы. В действительности же с 1905 года и до открытия Собора за обновление Церкви (хотя и не одинаково понимаемое) выступали почти все лучшие ее представители. Никто из них – в отличие от сегодняшних мечтательных апологетов церковности синодального периода – не считал нормальным и приемлемым существовавшее положение вещей.

К сожалению, проследить послереволюционные судьбы многих авторов, цитированных в этой книге, не оказалось возможным. Но о некоторых мы все же знаем достаточно.

Из числа архиереев, которые в 1905 году отправляли в Синод свои отзывы о церковной реформе, до времени появления советского «обновленчества» дожили на родине и уцелели немногие. Среди них можно назвать Назария (Кириллова), в то время епископа Нижегородского, а впоследствии митрополита Курского. Его имя чаще других архиереев упоминалось выше, так как он уделял особенно много внимания вопросу о преобразованиях в богослужении, выступая за них решительнее большинства собратьев. А в 20-е годы он – тоже решительнее многих – противостоял обновленческому расколу, не уступая ни на шаг.

Часто ссылались мы и на архиепископа Рижского Агафангела (Преображенского), который тоже был одним из наиболее последовательных сторонников обновления богослужебной жизни. В своей епархии он, не дожидаясь Всероссийского Собора, уже в 1905 году совместно с Епархиальным собором осуществил программу богослужебных реформ. От своих взглядов в этой области он не отказывался и позднее, о чем свидетельствует его Послание архипастырям и всем чадам Православной Русской Церкви 1922 года. Но обновленческому расколу святитель, как известно, остался совершенно чужд.

Правда, епископ Серафим (Мещеряков), в 1905 году выступавший за богослужебные реформы (впоследствии митрополит Кавказский), в 1922 году признал обновленческое ВЦУ. Но на раскольничий собор 1923 года он уже не явился. А в 1924 году, вслед за митрополитом Сергием (Страгородским), вместе с которым он ранее признал «обновленцев», владыка Серафим принес публичное покаяние – и уже через две недели оказался на Соловках, а восемь лет спустя мученически закончил жизнь в Ростовской тюрьме.

Виднейшим деятелем обновленческого раскола из архиереев 1905 года стал, конечно, Вениамин (Муратовский), в то время – епископ Калужский, а у раскольников – митрополит Московский, подписавший акт о низвержении патриарха Тихона и скончавшийся без покаяния в 1930 году. Однако в своем отзыве 1905 года епископ Вениамин ни о каких литургических реформах не упоминает.

Убежденным поборником церковного обновления, в том числе и в литургической области, был протоиерей Михаил Чельцов. Однако он не только не примкнул к советским «обновленцам», но и был ими «лишен сана», пока сидел в 1922 году в камере смертника как сообщник священномученика Вениамина. В этом позорном решении главную роль сыграл лидер живоцерковников протоиерей Красницкий, который, в противоположность Чельцову, до революции в приверженности реформам отнюдь замечен не был.

Из одного уже этого сравнения можно видеть, сколь несходны между собою духовное обновление Церкви и конформистское красное обновленчество.

Примеры можно умножать. Непримируемыми противниками живоцерковников, сохранившими исповедническую верность Патриаршей Церкви и законному священноначалию, остались священномученик Александр Хотовицкий, священник Сергей Самуилов, Д.И. Боголюбов. А ведь все они выступали, в частности, за богослужение на русском языке.

А те священники, которые поверили лозунгам «обновленцев» и надеялись обрести в их движении поддержку своим искренним устремлениям к церковному обновлению в православном понимании этого слова, со временем убедились: в рядах «обновленчества» они – чужие и попали сюда по ошибке. Так произошло, в частности, с о. Василием Адаменко, с о. Димитрием Ахматовым.

Суд истории над обновленческим расколом состоялся. Один из его уроков в том, что подлинно церковное творчество, подлинно церковное обновление не вырастает на почве греховного самоутверждения и приспособленчества. Оно возможно лишь на основе органической связи с Преданием, живущим в Церкви, лишь при любовном и бережном отношении к наследию, принятому нами от отцов.

Но надо любить не только наше прошлое. В столь же бережном, любовном, внимательном отношении нуждаются и души наших современников, воспитавшихся в секуляризованном обществе. Мы не смеем сказать им: вы – не наши; станьте как мы, тогда и приходите в Церковь. Не вправе мы и по-фарисейски возлагать на них *бремена неудобноносимые*.

Наша Церковь, благодарение Богу, получила свободу. Сейчас она находится в новой для себя, очень трудной, но вместе с тем и чрезвычайно многообещающей ситуации, которая является вызовом для нас и требует от нас, людей Церкви, творческого ответа. К нам пришли – или, по крайней мере, через наши храмы *прошли* за последние десять лет миллионы новых людей. Мы крестили тех из них, которые этого пожелали. А потом – это надо честно признать – мы в значительной степени потерпели неудачу в приобщении этих людей к реальной жизни Церкви, в их христианском просвещении, в углублении их духовного опыта. И вот одни из них оказались номинальными православными, которые не понимают, зачем вообще ходить в церковь, если не надо кого-нибудь крестить или отпеть, другие стали членами иных церквей и адептами всевозможных сект и культов. Те, как оказалось, сумели донести до них свою весть, а мы не сумели. И ясно, что сколько бы мы ни боролись за защиту своей *канонической территории* от всякого рода поползновений, сколько бы мы ни старались возвести препятствия на пути прозелитизма, для успеха в евангельском уловлении душ нам требуются не столько внешние меры, сколько все же духовные усилия.

Конечно, реформы в столь чувствительной области церковной службы требуют величайшей чуткости, осмотрительности, ответственности. Конечно, они не должны быть скоропалительными, тем более – насильственными. Боже упаси. Но недвижно стоять на месте – столь же опасно.

Ведь многих прихожан мы уже потеряли – они перестали или почти перестали ходить в храм, а некоторые ушли с горьким чувством обиды на непонятность совершаемого там богослужения. Адресовать им упрек в нерадении – легко. Но, может быть, Господь не этого ждет от нас?

## Литературные источники

Настоящие имена авторов, подписавших свои публикации псевдонимами, если их удалось установить, приводятся в квадратных скобках, как и расшифровки криптонимов. При этом вопросительным знаком отмечены предположительные идентификации.

Сокращенные названия журналов, многократно встречающиеся в перечне источников, раскрыты в Списке сокращений. При ссылках на епархиальные ведомости имеется в виду неофициальная часть (отдел) журнала, если иное не оговорено.

*При подготовке настоящей книги были просмотрены полностью относящиеся к хронологическим рамкам изучаемого периода (1905–1918) комплекты следующих периодических изданий:*

Богословский библиографический листок; Богословский вестник; Век; Вера и жизнь; Вера и разум; Вера и Церковь; Всероссийский церковно-общественный вестник; Голос Церкви; Донская христианская мысль; Донской православный вестник; Душеполезное чтение; Епархиальные отголоски; Живая жизнь; Звонарь; Калужский церковно-общественный вестник; Костромской церковно-общественный вестник; Красный звон; Миссионерский сборник; Миссионерское обозрение; Московские церковные ведомости; Московский церковный голос; Народ; Народное образование; Отдых христианина; Отклики на жизнь; Отклики сельских пастырей; Пастырь; Правда Божия; Православно-русское слово; Православный путеводитель; Православный собеседник; Приходский священник; Приходский листок; Руководство для сельских пастырей; Сельский священник; Странник; Труды Киевской духовной академии; Христианин; Христианская жизнь; Христианская мысль; Христианское чтение; Церковная газета; Церковная правда; Церковная реформа; Церковное обновление; Церковно-общественная жизнь; Церковно-общественная мысль; Церковно-общественный вестник; Церковность; Церковные ведомости (и Прибавления); Церковный вестник; Церковный голос; Церковь и жизнь; Церковь и народ; Церковь и общество; Чтения в Обществе духовного просвещения; Архангельские, Астраханские, Калужские, Кишиневские, Нижегородские, Подольские епархиальные ведомости.

*Следующие периодические издания были просмотрены выборочно, за отдельные годы:* Американский православный вестник; Варшавский епархиальный листок; Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства; Вестник военного и морского духовенства; Воскресный благовест; Воскресный день; Воскресный листок; Голос истины; Голос свободной Церкви; Духовный вестник Грузинского экзархата; Известия по Казанской епархии; Известия по Санкт-Петербургской епархии; К свету; Колокол; Московские ведомости; Московский еженедельник; Нижегородский церковно-общественный вестник; Новое время; Пастырский собеседник; Пастырь и паства; Правда Православия; Православный благовестник; Ревнитель; Санкт-Петербургские ведомости; Саратовский духовный вестник; Свободное слово христианина; Холмская церковная жизнь; Церковь; Черниговские епархиальные известия; Благовещенские, Владивостокские, Владикавказские, Владимирские, Вологодские, Волынские, Воронежские, Вятские, Гродненские, Донские, Екатеринбургские, Екатеринославские, Енисейские, Забайкальские, Иркутские, Киевские, Костромские, Курские, Литовские, Минские, Могилевские, Новгородские, Олонецкие, Омские, Оренбургские, Орловские, Пензенские, Пермские, Полоцкие, Полтавские, Псковские, Рижские, Рязанские, Саратовские, Симбирские, Смоленские, Ставропольские, Таврические, Тамбовские, Тверские, Тобольские, Томские, Тульские, Туркестанские, Уфимские, Херсонские, Якутские, Ярославские епархиальные ведомости.

\* \* \*

1. А. = А. Заметки к журналам епархиального съезда 1908 года // Симбирские ЕВ. 1908. № 22. С. 682–689.

2. А.В. = А.В., *свящ.* Голос православного из Литовско-Белорусского края // ЦВк. 1906. № 48. С. 1580–1584; № 51–52. С. 1673–1678.

3. А.М. = АМ. Задачи миссионерской деятельности Церкви в настоящее время // Енисейские ЕВ. Красноярск, 1906. № 5. С. 174–179.
4. АЛ. = А.П., *свящ.* Заметки сельского священника // ЕО. 1906. № 34. С. 9–10.
5. Августин, *еп.* = Августин (Гуляницкий), *еп.* По поводу издания «Учебного Октоиха» и «Учебного Часослова» // ТКДА. 1888. № 11. С. 75–103.
6. Августин, *иером.* = Августин, *иером.* Нечто о богослужении // Олонецкие ЕВ. 1906. № 6. С. 235–239.
7. Аггеев = Аггеев К.[М.] Современные думы служителя Церкви // Московский еженедельник. М., 1906. № 13. С. 400–403; № 14. С. 429–432.
8. Айвазов = Айвазов И. Областной миссионерский съезд в Одессе // Екатеринославские ЕВ. 1905. № 33–34. С. 898–905.
9. Акт (Уфа) = Акт [Съезда духовенства Уфимской епархии 25–28 ноября 1905 г.] // Уфимские ЕВ. 1906. № 2. С. 80–85.
10. Акты = Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве Высшей церковной власти, 1917–1943. / Сост. М.Е. Губонин. М.: ПСТБИ, 1994.
11. Алфеев = Алфеев П.[И.], *прот.* К вопросу о введении общего церковного пения и русского языка при православном богослужении // МС. 1915. № 5–6. С. 461–464.
12. Альбов (1) = Альбов И., *свящ.* Церковь и интеллигенция // Кол. 1909. № 910. С. 1; № 911. С. 1; № 914. С. 1.
13. Альбов (2) = Альбов И., *свящ.* Еще о Церкви и интеллигенции (Ответ г. Кудину). // Кол. 1909. № 945. С. 1.
14. Анастасиев = Анастасиев И., *свящ.* Где же начало болезни? // Симбирские ЕВ. 1906. № 9. С. 309–319.
15. Андрей. Интеллигенты – Андрей [Ухтомский], *еп.* О чем думают умные интеллигенты? // Уфимские ЕВ. 1916. № 19. С. 628–630.
16. Андрей. О непонимании = Е[пископ] А[ндрей (Ухтомский)]. О непонимании народом богослужения // ОЖ. 1916. № 1 [ноябрь]. С. 46–47.
17. Андрей. Письма к пастырям = Андрей [Ухтомский], *еп.* Письма к пастырям Уфимской епархии // РдСП. 1914. № 24. С. 145–147; № 40. С. 91–96.
18. Андроник. Нужно ли? = Андроник (Никольский), *архиеп.* Нужно ли переводить на русский язык православное богослужение? – Благодатный огонь (Прил. к ж. «Москва»). М., 1998. № 2. С. 95–987
19. Андроник. Упрощать богослужение = Андроник [Никольский], *еп.* Упрощать богослужение или упорядочить его следует? / ИГИ. 1909. № 10. С. 161–162. Перепечатки: Астраханские ЕВ. 1909. № 19. С. 630–631; Ст. 1909. № 11. С. 639–640.
20. Антоний. Значение молитвы = Антоний [Храповицкий], *еп.* Значение молитвы для пастыря Церкви // Id. Полное собрание сочинений. Казань, 1900. Т. П. С. 235–254.
21. Антоний. Иконостасы (1) = Антоний [Храповицкий], *архиеп.* Какие сооружать иконостасы в новых храмах? // ВиР. 1914. № 14. С. 145–154. (Перепечатка: РдСП. 1914. № 39. С. 59–63; № 40. С. 87–91.)
22. Антоний. Иконостасы (2) = Антоний [Храповицкий], *архиеп.* Предание или произвол? (Продолжение статьи об иконостасах) // ВиР. 1914. № 14. С. 155–160. (Перепечатка: РдСП. 1914. № 41. С. 112–118.)
23. Антонов. Русские богословы = Антонов Н.[Р.], *свящ.* Русские светские богословы. СПб. 1912.
24. Антонов. Сектантство = Антонов Н.[Р.], *свящ.* Сектантство и борьба с ним // Санкт-Петербургские ведомости. 1908. № 154. С. 1–3.
25. Антонов. Условия = Антонов Н.[Р.], *свящ.* Условия возрождения церковно-приходской жизни в России // ИСПбЕ. 1906. № 11–12. С. 27–37; № 13–14. С. 32–56; № 15. С. 7–21; № 16–17. С. 24–38.
26. Антонов. Чтение = Антонов Н.[Р.], *свящ.* Отведено ли чтению Евангелия в нашем богослужении подобающее ему место и время? // Смоленские ЕВ. 1908. № 16. С. 645–649.

27. Аполлосов М.[В.], *свящ.* Реформа церковной жизни нашего Отечества. По поводу предстоящего Поместного Собора Российской Церкви // Воронежские ЕВ. 1906. № 5. С. 205–217.
28. Апраксин (1) = Апраксин С. Исповедь уверовавшего интеллигента. Киев, 1907.
29. Апраксин (2) = Православный мирянин [Апраксин С.А.]. К вопросу об упорядочении церковной службы. (Голос пасомого) // ИСПБЕ. 1905. № 9–10. С. 24–28.
30. Апраксин (3) = Православный [Апраксин С.А.] Об упорядочении церковной службы. (Голос пасомого) // ЦВк. 1905. № 16. С. 501–503.
31. Апраксин (4) = Апраксин С. Голос светского человека о просветительно-воспитательном значении православного богослужения и истовости его отправления // МО. 1905. № 11. С. 243–257.
32. Апраксин (5) = Православный [Апраксин С.А.] Что такое православное богослужение и во что превратили его наши «пастыри». (Предсоборные думы православного) // Правда Православия. СПб., 1907. № 12–13. С. 1–10.
33. Апраксин (в) = Вл. М-ов. [Рец. на:] Девять лет на лоне Православной Церкви. (Вторая исповедь уверовавшего интеллигента.) Доклад, читанный на миссионерском съезде в Н.-Новгороде 20 августа 1907 года. Врача С.А. Апраксина. // Церковь. М., 1908. № 1. С. 33–34.
34. Арсений = Арсений [Стадницкий], *архиеп.* Архипастырское воззвание // Новгородские ЕВ. 1911. № 50. С. 1615–1620.
35. Артемьев = Артемьев И., *свящ.* Миссионерский съезд в Нижнем Новгороде // Донские ЕВ. 1907. № 30. С. 911–914; № 31. С. 937–939.
36. Археология или жизнь? = Археология или жизнь? (Мысли по вопросу о богослужении) // ЦТ. 1906. № 27. С. 745–749.
37. Архиерейский Собор 1994 = Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. 29 ноября – 2 декабря 1994 г. Москва. Документы, доклады. М., 1995.
38. Афанасий = Афанасий (Сахаров), *еп.* О празднике Всех святых, в земле Русской просиявших, и о службе на сей праздник /Публ. А.Г. Кравецкого // УЗ РПУ. 1995. Вып. 1. С. 91–101.
39. Афанасьев – Афанасьев И. Церковнославянский богослужебный язык // Вятские ЕВ. 1906. № 24. С. 853–857.
40. Ахматов = Ахматов Д.[П.], *свящ.* К вопросу о замене богослужебного церковнославянского языка русским // МО. 1911. № 1. С. 13–29.
41. Баженов = Баженов И. К вопросу о богослужебной реформе // ВЦОВ. 1917. № 138. С. 2–3.
42. Балабуха = Балабуха Н. Современные вопросы // Цин. 1907. № 22. С. 8–12. Перепечатка: Астраханские ЕВ. 1907. № 14. С. 662.
43. Балашов (1997) = Балашов Н., *свящ.* История предсоборного движения: Вопросы упорядочения и развития литургической жизни Русской Православной Церкви по материалам церковно-общественной дискуссии 1905–1917 годов. СПб., 1997 (машинопись в библиотеке СПб ДА).
44. Балашов (1998) – Балашов Н., *свящ.* Язык богослужения: Из истории церковной дискуссии в России // Континент. М., 1998. № 98. С. 247–279.
45. Балтский уезд = Систематический свод постановлений благочиннических собраний всех восьми округов Балтского уезда // ОСП. 1906. Июнь. С. 485–490.
46. Б-в – Б-в Н., *свящ.* По поводу реформы духовного ведомства и духовных семинарий. // Смоленские ЕВ. 1905. № 22. С. 1127–1135.
47. Белкин = Белкин Б., *свящ.* Из «Великого канона». Во вторник на повечерии // Хр. 1909. Февраль. С. 225–227.
48. Бердега – Бердега Е., *свящ.* Мысли сельского священника по поводу предстоящего Всероссийского Собора и церковных реформ // ЦВк. 1906. № 23. С. 753–755.
49. Благодушная = София Благодушная [Швидченко Е.С.]. Как он пошел в народ: Повесть из жизни русского заграничного духовенства (Церковные вопросы и реформы).

СПб., 1905. Т. 1.

50. *Благочестивый* = *Благочестивый*. К вопросу о богослужебном чине (По поводу письма г. Христианина) // ЦОЖ. 1907. № 15. С. 461–462.

51. *Боголюбов* = *Боголюбов Д.И.* Религиозно-общественные течения в современной русской жизни и наша православно-христианская миссия. СПб., 1909.

52. *Богородицкий. В защиту* – *Богородицкий С.[Ф.]* свящ. В защиту церковно-богослужебного языка // Самарские ЕВ. 1912. № 11. С. 447–449.

53. *Богородицкий. Еще в защиту* = *Богородицкий С.[Ф.]* свящ. Еще в защиту церковно-богослужебного языка // Самарские ЕВ. 1912. № 19. С. 592–595.

54. *Богос (1905)* = *Богос Ф.,* свящ. О церковном чтении // ЦВк. 1905. № 22. С. 685–688.

55. *Богос (1915)* = *Богос Ф.,* свящ. Клиросное чтение и пение // Кишиневские ЕВ. 1915. № 36. С. 932–937.

56. *Богослужебный язык* = Богослужебный язык Русской Церкви: История. Попытки реформации. М.: Издание Сретенского монастыря, 1999.

57. *Богоявленский* = *Богоявленский М.* О богослужебном языке. (В связи с вопросом о православной миссии) // МО. 1905. № 10. С. 676–682.

58. *Богу слав* = Протоколы занятий съезда духовенства в местечке Богуславе, Каневского уезда // Киевские ЕВ. 1905. № 32. С. 814–819; № 33. С. 840–843.

59. *Болотов* – *Болотов В.В.* Заметки по поводу текста литургии св. Василия Великого (Письмо архиепископу Финляндскому Антонию) // ХЧ. 1914. Март. С. 281–298.

60. *Борисов* = *Борисов Л.* Письмо в редакцию // Владимирские ЕВ. 1906. № 13. С. 215–216.

61. *Брат* = *Брат*. Неуместная вставка // Церковное обновление: Прилож. к еженед. «Век». СПб., 1907. № 6. С. 46–47.

62. *Булгаков* = *Булгаков С.Н.,* свящ. У стен Херсониса // Символ. Париж, 1991. № 25. С. 169–342.

63. *Бурдуков* = *Бурдуков М.,* свящ. Отрадное явление в церковноприходской жизни // РдСП. 1906. № 13. С. 347–356.

64. *В защиту Требника* = *Участник съезда*. Посильное слово в защиту Требника // Ставропольские ЕВ. 1907. № 13. С. 720–727.

65. *В.В.* = *С[вященник] В.В.* Из письма священника-ценителя и знатока церковности // Орловские ЕВ. 1908. № 46. С. 1125–1127.

66. *В.С.Л.* = *В.С.Л.* По поводу вопроса о пересмотре и исправлении церковных богослужебных книг // Новгородские ЕВ. 1906. № 29. С. 837–840.

67. *Важная потребность* = *Б-в.* Важная потребность (О русском переводе богослужебных книг) // ЦВк. 1911. № 19. С. 574–575.

68. *Васильев* = *Васильев А.* Первое явление воскресающей соборности: Рижский епархиальный собор 20 сентября – 6 октября 1905 года // ПЦВ. 1905. № 48. С. 2047–2062.

69. *Верецагин* – *Верецагин Е.М.* Иже херувими тайно ѡбразѹюще – *cruх interpretatorum*: о литургических переводах с церковнославянского на немецкий // УЗ РПУ. 1996. Вып. 2. С. 233–262.

70. *Верховской* = *Верховской П.В.* Познайте самих себя. (Посвящается русскому православному духовенству) // ЦЖ. 1917. № 2. С. 19–21.

71. *Веселицкий* = *Веселицкий А.,* свящ. Сектант // Хр. 1909. Октябрь. С. 381–397.

72. *Вий* – *В-ий А.* К вопросу о богослужебной реформе // РдСП. 1906. № 27. С. 209–216.

73. *Виноградов* = *Виноградов Н.,* свящ. В защиту церковнославянского языка // НО. 1906. Т.2. № 7–8. С. 32–50.

74. *Виноградский* = *Виноградский Н.[А.]* Ощутительный пробел в современном новогоднем богослужении. Рязань, 1915. Первоначальная публикация: МС. 1915. № 9–10. С. 700–708. Пересказ: Астраханские ЕВ. 1915. № 33. С. 762–763.

75. *Волнин* = *Волнин А.* Обзорение журналов // ББЛ. 1906. Вып. 8–9. С. 346–363.

76. *Волосатовский = Волосатовский Д., свящ.* Как народ относится к Церковному Собору // Омские ЕВ. 1907. № 21. С. 23–27.
77. *Воронов (1968) = Воронов Л., прот.* К вопросу о так называемом «тайном» чтении священнослужителем евхаристических молитв во время Божественной литургии // БТ. 1968. Сб. IV, С. 169–180.
78. *Воронов (1971) = Воронов Л., прот.* Календарная проблема. Ее изучение в свете решения Первого Вселенского Собора о пасхалии и изыскание пути к сотрудничеству между Церквями в этом вопросе // БТ: 1971. Сб. VII. С. 170–203.
79. *Востоков (1912) = Востоков Б., свящ.* Самое необходимое для оживления церковно-приходской жизни // ОЖ. 1912. № 7. С. 43–54.
80. *Востоков (1913) – Востоков Б., свящ.* Необходимость Собора и его задачи // ОЖ. 1913. № 6. С. 12–20.
81. *Востоков (1916) = Востоков В., свящ.* О приходе // ОЖ. 1916. № 5. С. 43–47.
82. *Всепопданейший отчет = Всепопданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству Православного исповедания за 1905–1907 годы.* СПб., 1910.
83. *Второе собрание = Второе пастырское собрание столичного духовенства с представителями от мирян по вопросу о богослужении* // ЦГ. 1906. № 47. С. 1304–1307.
84. *Вяземский = Вяземский Николай, свящ.* К вопросу о трудности понимания богослужебного языка // КЗ. 1909. Ноябрь. С. 175–179.
85. *Г.П. = Г.П.* Триодь Постная в новоисправленном переводе // РдСП. 1917. № 4. С. 111–118.
86. *Гавриил = Гавриил [Голосов], еп.* К сведению духовенства Омской епархии. [Омск, 1907.] (Прил. к Омским ЕВ за 1907 г.)
87. *Галкин – Галкин М.[В.]* О чине св. крещения // ПСв. 1912. № 2 (вторая нумерация; 14 окт.). С. 4–7.
88. *Германов = Германов В.* Религиозный эстетизм // ЦОВ. 1913. № 33. С. 12–15; № 34. С. 8–10.
89. *Глаголев А. = Глаголев А.[А.], свящ.* Обзор печати по вопросам церкви и духовенства // Киевские ЕВ. 1906. № 12. С. 372–377.
90. *Глаголев Я. – Глаголев Я.* Несколько слов относительно сокращения богослужебного устава // ПП. 1906. № 16. С. 323–326.
91. *Глокке = Глокке Н.[Э.]* К реформе богослужения // ЦОМ. 1917. № 5. С. 14–17.
92. *Голос мирянина = Голос мирянина.* К предстоящему церковному Собору (По поводу «Проекта церковных реформ») // ЦГаз. 1906. № 22–23. С. 15–16; № 24–25. С. 15–16.
93. *Голощапов = Голощапов С.[И.]* Православное богослужение и его значение для обновления религиозно-церковной жизни // Хр. 1909. Февраль. С. 333–347; перепечатка: КЗ. 1909. № 5. С. 272–282 (2 паг.).
94. *Голубинский = Голубинский Е.Е.* О реформе в быте Русской Церкви. М., 1913.
95. *Голубцов А.П. (1905) = Голубцов А.[П.]* О причинах и времени замены гласного чтения литургических молитв тайным // ВВ. 1905. № 9. С. 69–75.
96. *Голубцов А.П. (1918) = Голубцов А.П.* Из чтений по церковной археологии и литургике. Сергиев Посад, 1918. Ч. II.
97. *Голубцов С А. Профессура = Голубцов С А., протод.* Профессура МДА в сетях Гулага и ЧеКа. М., 1999.
98. *Горный = Горный А.* Неписанные уставы // ОЖ. 1913. № 3. С. 72–77.
99. *Городцев = Городцев П., прот.* Религиозно-церковные вопросы. СПб., 1911.
100. *Григорьевский = Григорьевский М.* К вопросу о благоустройении церковного чтения // ЦТ. 1906. № 33. С. 897–904.
101. *Гумилевский И. = Гумилевский И.[В.], свящ.* Реформа или творчество? (Размышление над богослужением первых христиан) // ВВ. 1917. Т. II. Июнь-июль. С. 54–74. Сокращенная перепечатка: Свободное слово христианина. Киев, 1917. № 1. С. 41–44.
102. *Гумилевский Н. = Гумилевский Н.* К вопросу о причинах уклонения из Православия в сектантство // Омские ЕВ. 1908. № 6. С. 163–168.

103. *Д. С. = Д. С., свящ.* 4-е пастырское собрание 19 декабря 1906 г. // ИСПБЕ. 1907. № 4. С. 21–26.
104. *Далматов = Далматов К.[И.], свящ.* Вечерние и утренние церковные богослужения на предпразднство Благовещения Богородицы, на Благовещение и на собор Архангела Гавриила, перевод со славянского на русский язык. Казань, 1907.
105. *Дамаскин I = Дамаскин (Орловский), иеромонах.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Тверь, 1992. Кн. 1.
106. *Дамаскин II = Дамаскин (Орловский), иеромонах.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Тверь, 1996. Кн. 2.
107. *Дело патриарха Тихона = Следственное дело патриарха Тихона.* Сб-к документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М.: Изд-во ПСТБИ, 2000.
108. *Деяние (обновл.) = Деяние III Всероссийского Поместного собора, бывшего с 1 октября 1925 года, нового стиля, в городе Москве // Церковное обновление.* Рязань. 1926. № 1. С. 1–10.
109. *Деяния. I = Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния.* Изд. Соборного Совета. М., 1918. Кн. 1. Вып. 1.
110. *Деяния. III = Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния.* Изд. Соборного Совета. Пг., 1918. Кн. III.
111. *Деяния. VI = Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния.* Изд. Соборного Совета. М., 1918. Кн. VI.
112. *Деятельность Союза = Деятельность Союза духовенства и мирян в г. Архангельске // Архангельские ЕВ.* 1917. № 16. С. 330–335.
113. *Дмитриевский. Вынос плащаницы = Дмитриевский А.[А.]* Вынос плащаницы на вечерне в Великий пяток // РдСП. 1885. № 9. С. 252–259; *Idem.* Вынос плащаницы и Евангелия в Великую субботу и хождение с ними кругом храма // *Ibid.* № 10. С. 268–275.
114. *Дмитриевский. Рецензия = Дмитриевский А. А.* [Рецензия на кн.:] И. Мансветов. Церковный устав (Типик), его образование и судьба в греческой и русской Церкви // ХЧ. 1888. № IX-X. С. 561–570.
115. *Дмитриевский. Триодь = Дмитриевский А.[А.]* Триодь Цветная – песнь милующей и торжествующей любви // ПЦВ. 1913. № 15–16. С. 702–712.
116. *Дмитриевский. Утренние молитвы = Дмитриевский А.[А.]*. Утренние молитвы // РдСП. 1886. № 42. С. 180–192.
117. *Дневник = Дневник епархиального пастырско-мирянского собрания // ЕО.* 1906. № 51–52. С. 3–24.
118. *Добронравов (1) = \*\*\* [Добронравов М.В.]* Опыт исправления церковнославянского текста канонов на Рождество Христово // ВиР. 1903. № 1. С. 47–60.
119. *Добронравов (2) " \*\*\* [Добронравов М.В.]* Опыт исправления церковнославянского текста канонов на Рождество Христово // ВиР. 1903. № 2. С. 109–126.
120. *Добронравов (3) = \*\*\* [Добронравов М.В.]* Опыт исправления церковнославянского текста в канонах на Богоявление Господне // ВиР. 1903. № 23. С. 657–666; № 24. С. 743–750.
121. *Добронравов (4) = \*\*\* [Добронравов М.В.]* Опыт исправления церковнославянского текста в канонах на Пятидесятницу // ВиР. 1905. № 8. С. 431–448.
122. *Добронравов (5) = Добронравов М.[В.]* Опыт исправления церковнославянского текста в Великом каноне // ВиР. 1907. № 4. С. 423–442; № 5. С. 565–582; № 6. С. 729–747 (также отдельной книжкой: Харьков, 1907).
123. *Добронравов (6) = Добронравов М.[В.]* Опыт исправления славянского текста в Акафисте Пресвятой Богородице // ВиР. 1907. № 9. С. 285–295.
124. *Добронравов (7) – М.ВД. [Добронравов М.В.]* Опыт исправления церковнославянского текста в канонах на Страстную седмицу // ВиР. 1910. № 4. С. 417–434; № 5. С. 565–584.
125. *Доклад Добровольского = Доклад протоиерея Новочеркасской тюремной церкви Сергия Добровольского Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему*



Митрофану, архиепископу Донскому и Новочеркасскому. Новочеркасск, 1916. (Прил. к Донским ЕВ № 37.)

126. *Доклад Совета* – Доклад Совета Братства святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа общему собранию Братства по вопросу о церковном богослужебном чтении. 15 декабря 1911 года // МЦВ. 1912. № 3. С. 77–84.

127. *Дроздов В. = Дроздов Василий, свящ.* Наблюдения и заметки сельского священника // РдСП. 1916. № 41. С. 874–878.

128. *Дроздов Н. Боязнь новшеств = Дроздов Н.[Г.], прот.* Боязнь новшеств // ЦГ. 1907. № 7. С. 196–200.

129. *Дроздов Н. Вразумительно ли богослужение? = Дроздов Н.[Г.], прот.* Вразумительно ли богослужение? // ЦГ. 1907. № 5. С. 144–149.

130. *Дроздов Н. К вопросам = Дроздов Н.[Г.], прот.* К вопросам о богослужении (По поводу столичных пастырских собраний) // ЦГ. 1906. № 47. С. 1308–1309.

131. *Дроздов Н. К реформе (1) = Дроздов Н.[Г.], прот.* К реформе богослужения // ИСПБЕ. 1906. № 20. С. 14–20.

132. *Дроздов Н. К реформе (2) = Дроздов Н.[Г.], прот.* К реформе богослужения // ЦГ. 1906. № 41. С. 1094–1099; № 42. С. 1132–1137.

133. *Дроздов Н. Кто лучше? = Дроздов Н.[Г.], прот.* Кто лучше? // ЦГ. 1907. № 1. С. 14–17.

134. *Дроздов Н. На свежую могилу = Дроздов Н.[Г.], прот.* На свежую могилу // Кол. 1909. № 876. С. 3.

135. *Дроздов Н. Недоуменные вопросы = Дроздов Н.[Г.], прот.* Недоуменные вопросы // ИСПБЕ. 1906. № 23. С. 8–15.

136. *Дроздов Н. Неизменность – Дроздов Н.[Г.], прот.* Неизменность и стройность богослужебных чинов // ЦГ. 1907. № 20. С. 517–520.

137. *Дроздов Н. Об общей исповеди = Дроздов Н.[Г.], прот.* К вопросу об общей исповеди // ЦТ. 1907. № 13. С. 362–365.

138. *Дроздов Н. Ревнителю уставности = Дроздов Н.[Г.], прот.* Ревнителю уставности // ЦГ. 1907. № 2. С. 44–48.

139. *Думский = Думский Ф.[И.]* К вопросу о богослужебном языке Православной Русской Церкви // ЦВк. 1907. № 34. С. 1097–1098.

140. *Евсеев. Рукописное предание = Евсеев И.Е.* Рукописное предание славянской Библии // УЗ РПУ. 1995. Вып. 1. С. 6–28.

141. *Евсеев. Собор и Библия = Евсеев И.Е.* Собор и Библия // УЗ РПУ. 1995. Вып. 1. С. 29–42.

142. *Единство Церкви = Единство Церкви: Богословская конференция 15–16 ноября 1994 года.* М., 1996.

143. *Елабужский – Елабужский М.[С], свящ.* Реформа богослужения (Доклад на Вятском епархиальном пастырско-мирянском собрании 25 августа 1906) // ЕО. 1906. № 50. С. 10–16; № 51–52. С. 1–3.

144. *Епархиальное собрание = Епархиальное пастырское собрание* // Киевские ЕВ. 1907. № 51–52. С. 1239.

145. *Епархиальный съезд = Епархиальный съезд* // Кишиневские ЕВ. 1917. № 17. С. 314–315.

146. *Жарков = Жарков Аполлоний, свящ.* «Кстины» (Картинка из приходской жизни) // Уфимские ЕВ. 1906. № 19. С. 1208–1212.

147. *Желательные реформы = Желательные церковные реформы на предстоящем Всероссийском Поместном Соборе* // ВиР. 1907. № 16. С. 467–497.

148. *Живаго = Живаго С.* Пастырь Добрый и архипастырь наших дней // ВЦОВ. 1917. № 15. С. 1–2.

149. *Житие Афанасия – Житие святителя Афанасия, епископа Ковровского, исповедника и песнописца (1887–1962).* М.: Отчий дом, 2000.

150. *Жураковский* = *Жураковский А.[Е.]* Литургический канон теперь и прежде (К вопросу о церковной реформе) // ХМ. 1917. № 9–10. С. 3–26; № 11–12. С. 10–34.
151. *Журнал (Курск, 1917)* = Журнал № 2-й [Курского Чрезвычайного Епархиального Съезда]. 5 июля 1917 года // Курские ЕВ. 1917. № 26–27. С. 308–310.
152. *Журналы (Владимир, 1917)* = Журналы Владимирского епархиального съезда духовенства и мирян 3–6 мая 1917 года // Владимирские ЕВ. 1917. № 20–21. С. 215–224.
153. *Журналы (Вологда, 1917)* = Журналы Вологодского епархиального съезда духовенства и мирян, бывшего 20–30 июня 1917 года. Вологда, 1917 (Прил. к Вологодским ЕВ.)
154. *Журналы (Новгород, 1917)* = Акты и журналы Новгородского епархиального съезда депутатов духовенства и мирян. Новгород, 1917. (Прил. к Новгородским ЕВ.)
155. *Журналы (Тула, 1917)* = Журналы заседаний экстренного съезда духовенства и мирян Тульской епархии 15, 16, 17 и 18 мая 1917 года // Тульские ЕВ. 1917. № 23–24. С. 311–321.
156. *Журналы Предсоборного Присутствия* = Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб., 1906. Т. II.
157. *З..л Л. – З..л Л. [Лобов Захария, прот.?] Церковнославянский язык* // ДЧ. 1909. 4.1. С. 362–367.
158. *Заботы* = Заботы об устройении церковных богослужений // Орловские ЕВ. 1916. № 40–41. С. 799–800.
159. *Зайц* = *Зайц К.[И.], свящ.* В чем сила католицизма и лютеранства // Полоцкие ЕВ. Витебск, 1907. № 10. С. 333–340.
160. *Зайцев* = *Зайцев К., прот.* Время святителя Тихона. М.: Изд-во им. свят. Игнатия Брянчанинова, 1996.
161. *Заозерский А, свящ.* Всероссийский съезд духовенства и мирян // Московский церковный голос. М. 1917. № 16. С. 7.
162. *Зверев* = *Зверев А.* Две возможные поправки в церковнославянском переводе «похвал», поемых на утрени Великой Субботы // ПЦВ. 1907. № 14. С. 645–648.
163. *Здравомыслов* = *[Здравомыслов К.Я.]* О пересмотре текста священных и богослужебных книг // ПЦВ. 1906. № 11. С. 589–591.
164. *Зеленев* = *Зеленев Н., свящ.* Может ли быть принят Церковию проект изменений и сокращений в чинопоследованиях Требника, предлагаемый в 9-м № «Христианской жизни»? // Херсонские ЕВ. 1906. № 13. С. 328–335.
165. *Зеньковский* = *Зеньковский В.[В.], протопресв.* Пять месяцев у власти (15 мая – 19 декабря 1918 г.). Воспоминания. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1995.
166. *Зернов* – *Зернов Н.[М.]*. Реформа Русской Церкви и дореволюционный епископат // Путь. Париж, 1934. С. 3–15; *то же: Zernov N.* The reform of the Church and the pre-Revolutionary Russian episcopate // St. Vladimir's seminary quarterly. Crest-wood, N.Y., 1962. Vol. 6. No. 3. P. 128–138.
167. *И.В.С.* = *И.В.С.* Пастырское собрание // Кол. № 260. С. 2–3.
168. *И.С.* = *И.С.* Известия по Рязанской епархии // МС. 1905. № 2. С. 158–162.
169. *Иванов И.* = *Иванов И., свящ.* Краткая заметка о русском языке в православном богослужении // ХЖ. 1906. № 16. С. 4.
170. *Иванов П. (1)* = *Иванов П., свящ.* О пастырских собраниях // Симбирские ЕВ. 1908. № 12. С. 376–386.
171. *Иванов П. (2)* = *Иванов П., свящ.* Обзор деятельности епархиального съезда июньской сессии 1908 года // Симбирские ЕВ. 1908. № 15. С. 463–472.
172. *Ивановский* = *Ивановский В., свящ.* К вопросу о возрождении религиозной жизни прихода в связи с реформой пастырства и богослужения // Тульские ЕВ. 1917. № 5–6. С. 71–83.
173. *Идея* = Идея внутренней миссии // Кол. 1906. № 89. С. 3.
174. *Иерей. О языке* = *Иерей. О церковно-богослужебном языке* / Орловские ЕВ. 1916. № 24–25. С. 575–578.

175. *Иерей. Общая исповедь* = *Иерей. Общая исповедь* // РдСП. 1909. № 25. С. 169–175. Перепечатка: *Священник. Общая исповедь* // Симбирские ЕВ. 1909. № 24. С. 752–758.
176. *Из материалов Отдела* = *Кравецкий А.Г.* Священный Собор Православной Российской Церкви. Из материалов Отдела о богослужении, проповедничестве и храме // БТ. 1998. Сб. 34. С. 200–388.
177. *Избранные песнопения* = *Избранные песнопения утрени первого дня св. Пасхи* (В русском переводе) // Хр. 1909. Апрель. С. 724–729.
178. *Извеков. Неотложное дело* = *Извеков И., свящ.* Неотложное дело // Ст. 1902. Т. 2. № 8. С. 178–199; № 9. С. 325–337.
179. *Извеков. О реформе* = *Извеков И., свящ.* К вопросу о реформе церковного богослужения // КЦОВ. 1907. № 18. С. 1–4; № 19. С. 1–4.
180. *Известия* – *Известия и заметки* // Рижские ЕВ. 1906. № 3. С. 149–150.
181. *Извлечение (Пермь)* – *Извлечение из журналов экстренного Епархиального съезда духовенства...* // Пермские ЕВ. 1906. № 30. С. 636–639.
182. *Извлечения* = *Извлечения из трудов Первого всероссийского съезда военного и морского духовенства (1–10 июля 1914 года)* // Вестник военного и морского духовенства. СПб. 1914. № 15–16. С. 553–563.
183. *Иконостас* = *Иконостас: его происхождение, устройство и символическое значение* // Донская христианская мысль. Новочеркасск, 1917. № 13. С. 203–205.
184. *Ильенко* – [*Ильенко А.Х.*] Из Постной Триоди. Страсти Христовы // Полтавские ЕВ. 1908. № 10. С. 407–415.
185. *Ильинский В. (1906)* = *Ильинский В.[П.]* Реформа или реставрация? // ЦВк. 1906. № 45. С. 1461–1467.
186. *Ильинский В. (1907)* = *Ильинский В.[П.]* Кому первому каяться и в чем? // Звонарь. СПб., 1907. № 1. Паг. 2. С. 42–51.
187. *Ильинский П. (1915)* = *Ильинский П.[М.], свящ.* Из богослужебной практики // Архангельские ЕВ. 1915. № 11. С. 197–200.
188. *Ильинский П. (1917)* = *Ильинский П.[М.], свящ.* Неотложное дело. (К церковному Собору) // Архангельские ЕВ. 1917. № 14. С. 249–253.
189. *Ильинский П. (1917–18)* = *Ильинский П.[М.]т свящ.* Вопрос о богослужении на церковном Соборе // Архангельские ЕВ. 1917. № 23. С. 521–524; № 24. С. 551–555; 1918. № 4. С. 4; № 5. С. 4; № 7. С. 4; № 8. С. 3; № 10. С. 2–3; № 11. С. 4.
190. *Исповедь священника* = *Исповедь священника* // ЦОЖ. 1907. № 19. С. 563–567.
191. *Иустинов* = *Иустинов М.* К вопросу о богослужебной реформе // ЦиН. 1906. № 4. С. 8–9.
192. *К вопросу о богослужении* = *К вопросу о богослужении* // ЦТ. 1906. № 45. С. 1217–1219.
193. *К всероссийскому Собору* = *К всероссийскому Собору* // Новгородские ЕВ. 1906. № 9; Перепечатка: По вопросу об исправлении наших богослужебных книг // Минские ЕВ. 1906. № 7 С. 177–178.
194. *К.* = *К.* Несколько замечаний о церковных хорах. // Херсонские ЕВ. 1907. № 3. С. 101–104.
195. *К.П.* = *К.П. [Победоносцев К.П.]* О реформах в нашем богослужении. СПб., 1906.
196. *Кадлубовский* = *Кадлубовский А.[П.]* О ветхозаветном элементе в нашем богослужении // ЦГаз. 1906. № 7. С. 4–6.
197. *Как молиться?* = *Как молиться?* // РдСП. 1916. № 28. С. 616–617.
198. *Календарь 1921* = *О церковном богослужении* // Православный церковный календарь на 1921 год. Пг.: Изд. О-ва православных приходов Петрограда и его губернии, 1921. С. 25.
199. *Календарь 1922* = *Православный церковный календарь на 1922 год.* Пг., 1922.
200. *Каноны* = *Каноны на двенадцатые праздники. Русский и славянский текст* /Пер. свящ. Сим[еона] Шлеева. СПб.: СПбСТ, 1908.

201. *Карабинов = Карабинов И А.* Студийский Типик в связи с вопросом о реформе нашего богослужебного устава. Пг., 1915.
202. *Карташев = Карташев А. [В.]* Молитва о Толстом // Русское слово. М. 1913. № 2. С. 2.
203. *Квятковский = Квятковский Димитрий, свящ.* Где и в чем наше оружие? // Минские ЕВ. 1906. № 20. С. 566–574.
204. *Кедрин – Кедрин В., свящ.* Устранима ли одна из причин развития сектантства // Владимирские ЕВ. 1906. № 4. С. 65–68.
205. *Кедров М. = Кедров М.* Опыт исправления канона на Сретение Господне // Полтавские ЕВ. 1914. № 4. С. 228–233.
206. *Кедров Н.* = Реферат преподавателя духовной семинарии Н.И. Кедрова // ЧОЛДП. 1910. № 5–6. С. 375–379.
207. *Кипарисов = Кипарисов Н., свящ.* К предстоящему Собору Российской Церкви. Омск, 1906.
208. *Киреев = Киреев А.[А.]* VII Международный конгресс старо-католиков в Гааге и некоторые задачи нашей церковной жизни // БВ. 1907. № 10. С. 375–400.
209. *Кирицов = Кирицов И., свящ.* Письмо в редакцию // ОХ. 1911. № 5. С. 794–797.
210. *Ключарев = Ключарев В., прот.* О богослужебном языке нашей Церкви // Орловские ЕВ. 1916. № 17. С. 471–474; изложение: Ст. 1916. № 9–10. С. 545.
211. *Колосов. Против течения = Колосов Н.* Против течения (В защиту церковнославянского языка) // НО. 1912. Кн. 5–6. С. 567–573.
212. *Колосов. Русское духовенство = Колосов Н., свящ.* Русское духовенство за границей // ДЧ. 1905. № 10. С. 282–290.
213. *Комиссия (1914) = Комиссия по исправлению богослужебных книг* // ВиЖ. 1914. № 2. С. 85.
214. *Кондратьев = Е.К[ондратьев], свящ.* Из епархиальной хроники // ИСПБЕ. 1906. № 23. С. 16–26.
215. *Конференция 2000 = Богословская конференция Русской Православной Церкви «Православное богословие на пороге третьего тысячелетия».* Москва, 7–9 февраля 2000 г. Материалы. М.: Синодальная богословская комиссия, 2000.
216. *Кострома 1906 = Журналы епархиального съезда Костромского духовенства сессии 1906 года* // Костромские ЕВ. 1906. Ч. офиц. № 19. С. 267–368.
217. *Котт = Котт В. [К]* Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–18 гг. о церковно-богослужебном языке: Предыстория, документы и комментарии // Православная община. М., 1998. № 4 (46). С. 75–107.
218. *Кравецкий (автореф.) = Кравецкий А.Г.* Проблема исправления книг в истории церковнославянского языка XX века. Автореферат канд. дисс. М., 1999. (На правах рукописи.)
219. *Кравецкий (дисс) – Кравецкий А.Г.* Проблема исправления книг в истории церковнославянского языка XX века. М., 1999 (канд. дисс. в библиотеке Института русского языка им. В.В. Виноградова).
220. *Кравецкий, Плетнева. Деятельность Афанасия = Кравецкий А.Г., Плетнева А А.* Деятельность еп. Афанасия (Сахарова) по исправлению богослужебных книг // Славяноведение. М., 1996. № 1. С. 114–124.
221. *Кравецкий, Плетнева. Патриарх Сергей = Кравецкий А.Г., Плетнева А А.* Патриарх Сергей как литургист // ЖМП. 1994. № 5. С. 37–49.
222. *Кравецкий. Б.И.Сове = Кравецкий А.Г. Борис Иванович Сове* // УЗ РПУ. 1996. Вып. 2. С. 21–30.
223. *Кравецкий. Дискуссии = Кравецкий А.Г.* Дискуссии о церковнославянском языке (1917–1943) // Славяноведение. М., 1993. № 5. С. 116–135.
224. *Кравецкий. Комиссия – Кравецкий А.Г.* Календарно-богослужебная комиссия // УЗ РПУ. 1996. Вып. 2. С. 171–209.

225. *Кравецкий. Проблема языка* = *Кравецкий А.Г.* Проблема богослужебного языка на Соборе 1917–1918 годов и в последующие десятилетия // ЖМП. 1994. № 2. С. 68–87.
226. *Кравецкий. Проблемы Типикона* = *Кравецкий А.Г.* Проблемы Типикона на Поместном Соборе // УЗ РПУ. 1995. Вып. 1. С. 58–90.
227. *Кравецкий. Собор о расстреле Николая* = *Кравецкий А.Г.* Священный Собор 1917–1918 гг. о расстреле Николая II // УЗ РПУ. 1995. Вып. 1. С. 102–124.
228. *Краснитский* = *Краснитский И.* К вопросу о понимании церковного богослужения // Донской православный вестник. Новочеркасск, 1916. № 8. С. 361–366.
229. *Кремлевский (1906)* = *Кремлевский П.[М.], свящ.* Проект церковных реформ. СПб., 1906.
230. *Кремлевский (1907)* = *Кремлевский П.[М.], свящ.* К вопросу о реформе богослужения (обращение к пастырям Церкви) // ЦГ. 1907. № 3. С. 65–69.
231. *Кудин – Кудин ИЛ.* Нужно ли упрощение богослужения? // Кол. 1909. № 928. С. 1; № 929. С. 1.
232. *Кудрявцев* = *Кудрявцев П.[П.]* В храме и на приходе: Заметки и наброски по вопросам церковно-приходской жизни. Киев, 1907.
233. *Кузнецов* = *Кузнецов А.И.* Обновленческий раскол в Русской Церкви. Астрахань, 1959. Машинопись, библиотека СПбДА.
234. *Кульбуш* = *Кульбуш П., прот.* Третье пастырское собрание, 30-го ноября 1906 года // ИСПБЕ. 1907. № 1–2. С. 52–58.
235. *Курский съезд* = *Курский съезд представителей от православно-старообрядческого (единоверческого) клира и мирян* // Правда Православия. 1907. № 5–6. С. 26–30.
236. *Ларин. О преподавании* = *Ларин А., свящ.* К вопросу о преподавании Закона Божия // ВиЖ. 1912. № 5. С. 77–78.
237. *Ларин. Рецензия* = *Ларин А., свящ.* [Рец. на кн.:] Молитвы и песнопения православного молитвослова (для мирян) с переводом на русский язык, объяснениями и примечаниями Николая Нахимова // Полтавские ЕВ. 1913. № 14. С. 1038–1042.
238. *Левитин* = *Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. *Kiisnacht*, 1977. ТЛИ.
239. *Левитов М* = *Левитов М., свящ.* Набожность и подвиг любви // ЦОЖ. 1907. № 7. С. 196–200.
240. *Левитов П.* = *Левитов П.* Психологические основы и нравственно-воспитательное значение богослужебного культа // Екатеринославские ЕВ. 1908. № 32. С. 947–950.
241. *Лекция Дмитриевского* = *Н.* К вопросу об исправлении церковно-богослужебных книг (По поводу богословской лекции проф. А.А. Дмитриевского) // ЦОЖ. 1907. № 14. С. 428–431.
242. *Леонович* = *Л[еонови]ч М.[М.]* Богослужебная реформа // ХЖ. 1906. № 15. С. 3–4.
243. *Летницкий* = *Летницкий Н., прот.* Мысли и думы пастыря церкви о желательных реформах в области церковного богослужения, устава и положения о постах // Астраханские ЕВ. 1917. № 15. С. 435–451.
244. *Лещенецкий* = *Лещенецкий Тимофей, свящ.* Что требуется ныне от приходского священника для охранения православия и для борьбы с сектантством? // Киевские ЕВ. 1905. № 36. С. 913–917.
245. *Либеровский* = *Либеровский М., свящ.* По поводу статьи: «Пастырское собрание в г. Новгороде» // Новгородские ЕВ. 1911. № 4. С. 128–131.
246. *Липский* = *Липский Н., свящ.* О ветхозаветном элементе в нашем богослужении // ВиР. 1906. № 8. С. 405–418.
247. *Литургия на польском* = Православная литургия на польском языке // ЦОЖ. 1906. № 20. С. 690–691.
248. *Лихачев Д.С.* Русский язык в богослужении и в богословской мысли // Русское возрождение. Нью-Йорк-Москва-Париж. 1997. № 69–70.
249. *Лиховицкий (1)* = *Лиховицкий А.[В.], свящ.* О богослужебном языке Русской Православной Церкви // ЦВк. 1906. № 13. С. 391–396.

250. *Лиховицкий (2) = Лиховицкий А.[В.], свящ.* О богослужебном языке Русской Православной Церкви (По поводу критики г. Н. Покровского) // ЦВк. 1906. № 29. С. 938–942; № 30. С. 976–979; № 31. С. 1008–1011; № 32. С. 1041–1043; № 33. С. 1073–1075; № 34. С. 1109–1112.

251. *МЛ. Рецензия = МЛ., свящ.* [Рец. на кн.:] «Молитвы и песнопения Православного Молитвослова (для мирян(, с переводом на русский язык, объяснениями и примечаниями». *Николая Нахимова.* СПб., 1912. // Богословский библиографический листок. Киев, 1913. Вып. 2. С. 55–58.

252. *М.П. = М.П.* К вопросу о церковном богослужении и его языке в русской Церкви // Кишиневские ЕВ. 1906. № 30. С. 949–956; № 31. С. 983–988; № 32. С. 1021–1026; № 33. С. 1058–1063; № 34. С. 1085–1091.

253. *Макарий = Макарий, и[еромонах?].* Литургия католическая и православная // Хр. 1914. Октябрь–ноябрь. С. 241–246.

254. *Макарьев = Макарьев Ф.* Реформа духовно-учебных заведений и в частности духовных училищ // ХЧ. 1906. № 1. С. 136–145.

255. *Мамонов = Мамонов Д.* Мнение мирянина по некоторым церковным вопросам // Иркутские ЕВ. 1906. № 9. С. 245–249.

256. *Маркузе (1) = М-е [Маркузе И.К.].* Роман из жизни нашего заграничного духовенства. // НВ. 1905. № 10544. С. 2.

257. *Маркузе (2) = М-е [Маркузе И.К.].* Церковные вопросы. // НВ. 1905. № 10551. С. 2.

258. *Мегорский (†) = † Протоиерей Димитрий Тимофеевич Мегорский* // Кол. 1909. № 872. С. 4.

259. *Мегорский (1) = Мегорский Д.[Т.], прот.* Нужда исправления наших церковнославянских богослужебных книг // Православно-русское слово. СПб., 1904. № 2. С. 108–120; № 6. С. 503–518; № 9. С. 760–777.

260. *Мегорский (2) = Мегорский Д.[Т.], прот.* Нужда исправления церковнославянских богослужебных и учительных книг. СПб., 1904.

261. *Мельгунов = К.П. Победоносцев в дни первой русской революции (Неизданные письма к С.Д. Войту) /Публ. С. Мельгунова.* // На чужой стороне. Берлин, 1924. Т. VIII. С. 177–201.

262. *Металлов – Металлов Б., прот.* Разночтения в греческом и славянском служебнике // ЧОЛДП. 1917. Январь–март. С. 37–48.

263. *Мефодий = Мефодий [Герасимов], еп.* О богослужебном языке Церкви в связи с другими соприкосновенными вопросами церковной реформы // Оренбургские ЕВ. 1915. № 19–20. С. 268–276; № 21–22. С. 295–305; № 23–24. С. 315–323; № 25–26. С. 348–355; № 27–28. С. 367–374; № 29–30. С. 391–397; № 31–32. С. 419–423; № 33–34. С. 434–438; № 35–36. С. 457–462.

264. *Мечковская = Мечковская Н.Б.* Язык и религия. М.: Гранд, 1998.

265. *Миловский = Миловский Н.М., свящ.* О церковно-богослужебной реформе // ВиЦ. 1906. Т. I. С. 693–704.

266. *Миронов = Миронов И., свящ.* Еще о богослужебном языке в Православной Церкви // ХЖ. 1906. № 18. С. 1–2.

267. *Миронович = Миронович Владимир, прот.* О некоторых изменениях и дополнениях в церковных службах, возникших в недавнее время // Астраханские ЕВ. 1916. № 1. С. 7–11; № 2. С. 38–43.

268. *Мироносицкий. Воскресения день = Мироносицкий П.[П.]* Воскресения день. Пасха – Христос Избавитель в песнопениях пасхальной утрени. СПб., 1913.

269. *Мироносицкий. Доклад = Мироносицкий П.П.* К вопросу о языке православного русского богослужения // Комиссия по научному изучению Славянской Библии (Русская библейская комиссия), 1915–1929. Сб. архивных материалов. Отв. ред. К.И. Логачев и др. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 105–120.

270. *Мироносицкий. Несколько примечаний = Мироносицкий П.[П.]* Несколько примечаний к антикритике г. Нахимова // ПЦВ. 1913. № 12. С. 588–591.

271. *Мироносицкий. Похвальная песнь* = *Мироносицкий П.П.* Похвальная песнь памяти патриарха Гермогена // ВиЖ. 1912. № 5. С. 72–73.
272. *Мироносицкий. Пятдесятницу празднуем* = *Мироносицкий П.[П.]* Пятдесятницу празднуем. Тайна Пресвятой Троицы и Утешитель – Дух Святой в песнопениях недели Пятидесятницы. СПб., 1913.
273. *Мироносицкий. Тропарь* = *Мироносицкий П.[П.]* Тропарь 4-й песни Пасхального канона. (По поводу предложенного Н. Нахимовым нового перевода тропаря «Мужеский убо пол») // ПЦВ. 1912. № 3. С. 113–117.
274. *Мироносицкий. Ясное и сокровенное* = *Мироносицкий П.[П.]* Ясное и сокровенное в богослужебных песнопениях // ПЦВ. 1913. № 2. С. 90–99; № 3. С. 142–149.
275. *Миряне* = *Миряне Е. и В.* Беседы мирян // ИСПБЕ. 1909. № 4. С. 23–27.
276. *Мирянин. О введении русского* = *Мирянин.* К вопросу о введении русского языка в наше богослужение // Владимирские Ев. 1906. № 20. С. 289–292.
277. *Мирянин. О реформе* = *Мирянин.* К вопросу о богослужебной реформе // Владимирские Ев. 1906. № 8. С. 123–128; № 9. С. 133–138.
278. *Михаил* = *Михаил [Семенов], иером.* Отклики. (К 19 октября) // МО. 1903. № 16. С. 809–816.
279. *Молитвы и песнопения* = Молитвы и песнопения православного молитвослова (для мирян), с переводом на русский язык, объяснениями и примечаниями /Сост. Николай Нахимов. СПб.: Синодальная типография, 1912 [Репринт: М.: Донской монастырь, 1994].
280. *Молчанов* = *Молчанов Н., свящ.* В преддверии Собора // ИСПБЕ. 1907. № 13–14. С. 56–61.
281. *Монашеский съезд* = Постановления Всероссийского съезда представителей от монастырей, бывшего в Свято-Троицкой Сергиевой лавре с 16 по 23 июля 1917 года. М., 1917.
282. *Московский* = *Московский Н. [Розанов Н.П.]* Московские письма // ЦГ. 1906. № 2. С. 60–63; 1907. № 19. С. 502–504.
283. *М-ч* = *М-ч., свящ.* О таинствах // Живая жизнь. М., 1908. № 2. С. 31–42.
284. *М-ч В.* = *М-ч В., свящ.* О реформе богослужения // СС. 1908. Январь-февраль. С. 22–31.
285. *Мышцын* = *Мышцын В.Н.* По церковно-общественным вопросам. Сергиев Посад, 1906. Вып. 2.
286. *Мясников* = *Мясников З., свящ.* Источник воды живой // Самарские Ев. 1916. № 19. С. 319–326; № 20. С. 333–339.
287. *Н.В.Т.* = *Н.В. Т[рапани].* Епископ Афанасий (Сахаров). Воспоминание // Вестник РХД. Париж, 1983. № 139. С. 195–217.
288. *Н.П.* = *Н.П.* Русский язык за богослужением Православной Церкви // НЦОВ. 1917. № 13. С. 209–210.
289. *Надеждин* = *Надеждин А, прот.* Памяти о. протоиерея Димитрия Тимофеевича Мегорского. СПб., 1909.
290. *Назревшая необходимость* = *Н.* Назревшая необходимость богослужебной реформы // ЦГ. 1906. № 13–14. С. 425–428.
291. *Нардов* = *Нардов Г., свящ.* Церковнославянский язык // Владимирские Ев. 1906. № 43. С. 648–652.
292. *Нахимов. Вера* = *Нахимов Н. [Зайончковский Н.Ч.]* Вера, молитва и жизнь православного христианина. Краткая учебная книга православной веры Христовой. СПб., 1907.
293. *Нахимов. К истолкованию* = *Нахимов Н.* К истолкованию некоторых священных церковнославянских текстов // ПЦВ. 1911. № 51–52. С. 2287–2291.
294. *Нахимов. Моему критику* = *Нахимов Н. [Зайончковский Н.Ч.]* Моему благосклонному критику // ПЦВ. 1912. № 12–13. С. 536–540.
295. *Нахимов. Мой ответ* = *Нахимов Н.* Мой ответ на критику г. Мироносицкого // ПЦВ. 1913. № 12. С. 572–588.

296. *Нахимов. Несколько слов* = *Нахимов Н. [Зайончковский Н.Ч.] Несколько последних слов г. П. Мироносицкому* // ПЦВ. 1913. № 14. С. 687–688.
297. *Недельский* = *Недельский С, свящ.* К вопросу о богослужении на русском языке // Холмская церковная жизнь. 1906. № 12. С. 412–415.
298. *Неплюев* = *Неплюев Н.Н.* Голос верующего мирянина по поводу предстоящего Собора // ТКДА. 1906. № 6. С. 269–305; № 7. С. 393–427.
299. *Несколько слов* = *Несколько слов о православном богослужении* // Кол. 1906. № 118. С. 3.
300. *Несправедливые обвинения* = *Сельский священник. Несправедливые обвинения* // Полоцкие ЕВ. 1910. № 14. С. 354–363.
301. *Никандр* = *Никандр [Молчанов], архиеп.* Архипастырское послание к пастырям Церкви Литовской // ПЦВ. 1905. № 43. С. 1809–1822.
302. *Николаев (1906)* = *Николаев В.* Мысли мирянина, бывшего старообрядца-начетчика, о современном совершении богослужения Православной Церкви // РдСП. 1906. № 46. С. 230–244; № 47. С. 267–279; № 48. С. 297–310; № 52. С. 431–449.
303. *Николаев (1912)* = *Николаев В.* Мысли мирянина о современном исполнении церковных служб // ГЦ. 1912. № 9. С. 77–93; № 11. С. 95–118; № 12. С. 95–118.
304. *Николай* = *Николай, архим.* Ответ о. М. Романовскому на его статью, помещенную в № 44, 46 «Грод. Губ. Вед.» за 1905 г., под заглавием «Важный вопрос» // Гродненские ЕВ. 1906. № 4. С. 113–120.
305. *Никольский А.* = *Никольский А.* Мысли о богослужении // ПП. 1906. Т. I. С. 29–33.
306. *Никольский П.* = *Никольский П.* Пока еще не поздно. (О преподавании церковнославянского языка в народной школе) // ИО. 1915. Т. 1. Кн.3. С. 253–260.
307. *Никольский С.* = *Никольский С.* Постановления благочиннических съездов духовенства // Оренбургские ЕВ. 1906. № 1. С. 26–34.
308. *Никон. Профанация* = *Никон [Рождественский], архиеп.* Профанация священного языка // ВЦОВ. 1917. № 43. С. 2.
309. *Никон. Славянский язык* = *Никон [Рождественский], архиеп.* Славянский язык – родная стихия нашей церковности // ПЦВ. 1917. № 4. С. 73–75.
310. *Никон. Служение* = *Никон [Рождественский], архиеп.* Служение Церкви печатным делом. (Доклад Издательскому Совету при Святейшем Синоде) // ПЦВ. 1914. № 5. С. 248–257.
311. *Никонович* = *Никонович С, свящ.* О чтении Деяний апостольских в пасхальную ночь на русском языке // Полоцкие ЕВ. 1906. № 18. С. 614–615.
312. *Н-н* = *С[вященник?] И.Г. Н-н,* К вопросу о богослужебной реформе // ОХ. 1908. № 6. С. 32–51.
313. *Новиков* – *Новиков А.* Записки о сельской школе. СПб., 1902.
314. *Новлянский* = *Новлянский С.* Несколько слов о нашем богослужении // Псковские ЕВ. 1906. № 11. С. 268–269. Перепечатка: Иркутские ЕВ. 1906. № 18. С. 503.
315. *Новоселов* = *Новоселов М.А.* Письма к друзьям. М.: Изд-во ПСТБИ, 1994.
316. *О восьмой...* = *О восьмой и четвертой молитвах ко св. Причащению* // РдСП. 1886. № 36. С. 1–3.
317. *О замене* = *О замене богослужебного церковнославянского языка русским* // Минские ЕВ. 1906. № 9. С. 255–256; перепечатка: Кишиневские ЕВ. 1906. № 31. С. 1014.
318. *О занятиях* = *О занятиях IV Всероссийского миссионерского съезда в гор. Киеве* // ПЦВ. 1908. № 30. С. 1399–1410; № 31. С. 1447–1486; № 32. С. 1509–1532; № 33. С. 1567–1589; № 34. С. 1629–1645; № 35. С. 1680–1698; № 36. С. 1727–1741; № 37. С. 1783–1803; № 38. С. 1839–1855; № 39. С. 1889–1897.
319. *О новом порядке* = *О новом порядке поминовения при великом входе* // Владимирские ЕВ. 1918. № 7–8. С. 49.
320. *О реформе* = *О реформе богослужения* // НЦОВ. 1906. № 29. С. 796–798.
321. *О славянском Типиконе* = *Сельский священник.* К вопросу о «славянском Типиконе» // ЦОЖ. 1906. № 52. С. 1724–1725.



322. *О чтении молитв* = Д. О чтении литургийных молитв // Донская христианская мысль. Новочеркасск, 1917. № 10. С. 151–153.
323. *Об Издательском совете* = Об Издательском совете при Святейшем Синоде // ПЦВ. 1913. № 18–19. С. 796–821.
324. *Облеухов (1)* = Н.О. [Облеухов Н.Д.] Пастырское собрание 17 ноября // Кол. 1906. № 250. С. 2.
325. *Облеухов (2)* = Облеухов Н.Д.] О наших церковных реформах // Кол. 1906. № 252. С. 3.
326. *Огицкий* = Огицкий Д.П. Канонические нормы православной пасхалии и проблема датировки Пасхи в условиях нашего времени // БТ. 1971. Сб. VII. С. 204–211.
327. *Один...* = *Один из сынов Православной Церкви*. Письмо в редакцию // ЦОВ. 1913. № 14. С. 13–14.
328. *Одинцов* = *Одинцов, свящ.* Современное буквоедство // СС. 1911. № 3–4. С. 14–15.
329. *ОЕА* = Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. СПб., 1906. Ч. I–III; Прибавления.
330. *Определение № 1223* = Определение Святейшего Синода от 7 марта 1917 г. за № 1223 об исправлении богослужебных чинов и молитвословий // ЦВ. 1917. № 16–17. С. 83–86.
331. *Определение № 1799* = Определение Святейшего Синода от 9 марта–21 апреля 1909 года за № 1799, о постановлениях Киевского миссионерского съезда касательно мер внутреннего характера, предпринимаемых в предотвращение отпадений в католичество // ЦВ. 1909. № 21. С. 217–219.
332. *Определение М 3130* = Определение Святейшего Синода от 15 апреля – 4 мая 1909 года за № 3130, по поводу постановлений Киевского всероссийского миссионерского съезда о мерах борьбы с штундо-баптизмом и пашковщиною // ЦВ. 1909. № 23. С. 235–236.
333. *Определение № 4717* = Определение Святейшего Синода за № 4717 от 1–6 июля 1916 г. // ЦВ. 1916. № 29. С. 276.
334. *Определение № 6225* – Определение Святейшего Синода от 18 декабря 1917 года № 6225, о порядке совершения новогогоднего молебствия // ВЦОВ. 1917. № 169. С. 1.
335. *Орфеев* = Орфеев Г., свящ. К устранению одной из причин развития сектантства // Владимирские ЕВ. 1905. № 19. С. 551–552.
336. *Освободительное движение* = «Освободительное» движение и духовенство // Пензенские ЕВ. 1906. № 4. С. 175–179.
337. *Особые комиссии* = Действующие ныне при Святейшем Синоде особые комиссии // Кол. 1909. № 907. С. 2.
338. *Остроумов Н.* = Остроумов Н. Миссионерский съезд в Н. Новгороде // МС. 1907. № 6. С. 485–503.
339. *Остроумов С.* = Остроумов С, *прот.* К обновлению богослужения // ХМ. 1917. № 7–8. С. 124–136.
340. *Отчет ЦИАО* = Отчет Церковно-исторического и археологического общества при Киевской духовной академии за 1914 год. Киев, 1915 (Приложение к ТКДА. 1915. № 5).
341. *П. О Часослове* = П. О Часослове и Псалтири // НО. 1916. Кн.1. С. 21–27.
342. *П.Л.* = П.Л. О богослужении на русском языке // ЦГаз. 1906. № 22–23. С. 3–4.
343. *П.Ш.* = П.Ш., *мирянин* [Шишипторов П.И.]. «Храм Мой храм молитвы наречется» // ЦВк. 1906. № 40. С. 1300–1305; № 41. С. 1331–1333.
344. *Павел* = Павел, архиепископ Финляндский. Как мы веруем. Paris: YMCA-Press, 1990.
345. *Палицкий 1913* = Палицкий А. Церковное обозрение // ОХ. 1913. № 12. С. 899–922.
346. *Палицкий 1914* – Палицкий А. Церковное обозрение // ОХ. 1914. № 7–8. С. 132–147.
347. *Палицкий 1915* = Палицкий А. Церковное обозрение // ОХ. 1915. № 9. С. 472–486.
348. *Пальмов* = Пальмов Н.[Н.] О богослужебной реформе // РдСП. 1906. № 8. С. 201–210.

349. *Пантелеймон = Пантелеймон [Успенский], иером.* По Востоку и Западу // Хр. 1910. № 12. С. 333–351.
350. *Папков (1907) = Папков АА.* Об исправлении перевода богослужебных книг и о преобразованиях в наших богослужебных чинопоследованиях // ПЦВ. 1907. № 37. С. 1580–1582; № 38. С. 1634–1638.
351. *Папков (1911) – Папков А.[А.]* Настоятельная необходимость (О пересмотре русского перевода книг Нового Завета) // ЦВк. 1911. № 22. С. 665–668.
352. *Пастырские размышления = Священник.* Пастырские размышления о молитве, тайно читаемой священником на литургии св. Василия Вел(икого) после возгласа «Изрядно о Пресвя-тей» // Вятские ЕВ. 1908. № 9. С. 246–251.
353. *Пастырское собрание = Пастырское собрание в Петербурге* // Цин
354. *Пастырское собрание (Петропавловский) = Петропавловский А., диак.* Пастырское собрание в г. Новгороде // Новгородские ЕВ. 1911. № 1, С. 23–26.
355. *Пастырское собрание по вопросу о богослужении – Пастырское собрание* столичного духовенства с представителями от мирян по вопросу о богослужении // ЦГ. 1906. № 46. С. 1267–1269.
356. *Певницкий = Певницкий В.[Ф.]* О церковно-богослужебном языке // ПЦВ. 1908. № 26. С. 1217–1219; № 27. С. 1268–1273; № 28. С. 1315–1318; № 30. С. 1410–1412.
357. *Перед Собором = Перед церковным Собором: Труды московской комиссии по* церковным вопросам. М., 1906.
358. *Пестряков. В защиту = П[естряков] В.,[свят.]* В защиту церковнославянского языка // РдСП. 1911. Т. I. № 12. С. 264–278; № 13. С. 292–299; № 14. С. 324–334.
359. *Пестряков. Важный вопрос = Пестряков В., свят.* Важный вопрос церковно-богослужебной практики // РдСП. 1907. № 18. С. 1–6.
360. *Петр = А[рхимандрит] П[етр].* Порывы души к Богу (Из дневника инока) // ОЖ. 1912. № 4. С. 51.
361. *Петровский А. = Петровский А.[В.], свят.* Молитвы освящения даров в современном служебнике // ЦГ. 1906. № 29. С. 800–803.
362. *Петровский С. = Петровский С, прот.* Порядок совершения святой и божественной литургии св. Иоанна Златоуста. Опыт перевода с церковнославянского языка на язык русский. Одесса, 1908.
363. *Петропавловский = Петропавловский А., свят.* Упрощение богослужения // Кол. 1909. № 989. С. 3.
364. *Писаревский = Писаревский Н., прот.* Обрядово-богослужебная практика в греческой и русской Церкви // Ст. 1916. № 2–3. С. 3–10.
365. *Письма патриарха Алексия = Письма патриарха Алексия своему духовнику.* [М.]: Изд. Сретенского м-ря, 2000.
366. *Письма священника = Письма священника к своим сослуживцам об отношении* пастыря к своим церковным обязанностям. // Псковские ЕВ. 1907. № 7. С. 185–193.
367. *Планы = Планы и проекты церковной реформы* // Слово. СПб., 1905. № 174. С. 5.
368. *Плетнева (автореф.) = Плетнева АА.* Вопрос о богослужебном языке в конце XIX – начале XX века [Автореф. канд. дисс.]. М.: РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 1999. На правах рукописи.
369. *Плетнева (дисс.) = Плетнева АА.* Вопрос о богослужебном языке в конце XIX – начале XX века. М., 1999 (канд. дисс. в библиотеке Института русского языка им. В.В. Виноградова).
370. *Плетнева. Исправление = Плетнева АА.* Исправление богослужебных книг в начале XX века // Славяноведение. М., 1994. № 2. С. 100–116.
371. *По поводу = По поводу учреждения Издательского совета при Святейшем Синоде* // ЦВк. 1913. № 23. С. 689–692.
372. *Побединский = Побединский В., свят.* По поводу статьи *Устранима ли одна из причин развития сектантства?* // Владимирские ЕВ. 1906. № 7. С. 110–112.

373. *Поднесение клобука* – *Н.* Поднесение белого клобука митрополиту Антонию // *ПиП.* 1918. № 1–2. С. 19.
374. *Позднеев* = *Позднеев Д.[М.]* Впечатления Страстной недели // *НВ.* 1911. № 12599. С. 4.
375. *Покровский В.* = *Покровский Василий, свящ.* Что нам делать? // *Полоцкие ЕВ.* 1910. № 9. С. 236–242.
376. *Покровский Н. (1)* = *Покровский Н.[В.]* О богослужбном языке Русской Православной Церкви // *ЦВк.* 1906. № 15. С. 461–464; № 16. С. 492–496; № 17. С. 529–532.
377. *Покровский Н. (2)* = *Покровский Н.[В.]* О богослужбном языке Русской Православной Церкви (По поводу рассуждений о. Лиховицкого) // *ЦВк.* 1906. № 40. С. 1300–1305; № 41. С. 1331–1333.
378. *Полиевктов* = *Полиевктов А.[П.], свящ.* На современные темы. Вологда, 1914. Первоначальная публикация цитируемой статьи: *Вологодские ЕВ.* 1909. № 5. С. 95–101.
379. *Положение* = Положение об Издательском совете при Святейшем Синоде // *ЦВ.* 1913. № 18–19. С. 273–275.
380. *Полоцкий съезд* = Первый Полоцкий епархиальный съезд духовенства и мирян // *Полоцкие ЕВ.* 1906. № 18. С. 6–12.
381. *Пономарев* = *Пономарев Н., свящ.* О церковно-богослужбном языке // *Самарские ЕВ.* 1912. № 23. С. 692–696. Перепечатка: *Православная община. М., 1997.* № 6 (42). С. 83–86.
382. *Попов Г. (1905)* = *Попов Г.* Наши церковно-богослужбные песнопения и духовные песни сектантов (К вопросу о средствах миссии) // *Православно-русское слово.* 1905. № 13. С. 234–236.
383. *Попов Г. (1906)* = *Попов Г.* [Рец. на кн.:] С. Благодущная. Как он пошел в народ // *ЦТ.* 1906. № 3. С. 92–93.
384. *Попов И. (1)* = *Попов И.[Г.], прот.* Надо, непременно надо упростить наше богослужение, и как можно скорее! // *Владикавказские ЕВ.* 1908. № 46. С. 727–729.
385. *Попов И. (2)* = [Попов И.Г., прот.] Об упрощении богослужения // *ГИ.* 1909. № 5–6. С. 104–105.
386. *Попов И. (3)* = *Попов И.[Г.], прот.* Поправка к моей статье о богослужении // *Владикавказские ЕВ.* 1909. № 5. С. 148–150.
387. *Поселянин. Исповедь* = *Поселянин Е. [Погожее Е.Н.]* Исповедь // *ЦТ.* 1907. № 15. С. 410–414.
388. *Поселянин. Опасность* = *Поселянин Е. [Погожее Е.Н.]* Опасность обрядности // *ЦТ.* 1906. № 38. С. 1016–1018.
389. *Поселянин. Разговор* = *Поселянин Е. [Погожее Е.Н.]* Разговор (К вопросу о реформе богослужения) // *ЦТ.* 1906. № 19. С. 563–565.
390. *Поселянин. Церковь и жизнь* = *Поселянин Е. [Погожее Е.Н.]* Церковь и жизнь (Странности некоторых петербургских обычаев) // *ЦВк.* 1905. № 17. С. 528–529.
391. *Послание Вселенского Патриарха* = Послание Вселенского Патриарха о введении нового стиля // *Церковное обновление. Рязань.* 1924. № 2–3. С. 5–6.
392. *Постановление (Череповец)* – Постановление пастырского собрания 5 Благочиннического округа Череповецкого уезда // *Новгородские ЕВ.* 1906. № 4. С. 139–141.
393. *Постановление Заместителя* = Постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нем Патриаршего Синода о принятии в общение со Св. Церковью и о допущении русского языка в церковном богослужении от 10 апреля 1930 г. за № 69 // *ЖМП.* 1931. № 5. С. 2–3.
394. *Потехин* = *Потехин С., свящ.* О церковном соборе. М., 1905.
395. *Почему?* = Почему наше богослужение недостаточно влияет на верующих? // *Современное обозрение. СПб., 1907.* № 39. С. 154–155.
396. *Православный* = *Православный.* Насущная нужда // *ЦОЖ.* 1906. № 16. С. 548–551.
397. *Православный мирянин* = *Православный мирянин.* По поводу одной молитвы // *ЦОВ.* 1913. № 35. С. 9–12.

398. *Предсоборное Присутствие* = Журналы и протоколы Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб., 1907. Т. II.
399. *Приходский священник. О чтениях* = *Приходский священник. О евангельских чтениях за богослужением* // ЦВк. 1913. № 51–52. С. 1589–1593.
400. *Приходский священник. Русский язык* = *Приходский священник. Русский язык в православном богослужении* // ПСв. 1911. № 28–29. С. 2–4.
401. *Пр-й С-н (1906)* = *Пр-й С-н [Соковнин И., прот.?] Оживление прихода. И. Богослужение и учительство* // ЦГ. 1906. № 13–14. С. 397–402.
402. *Пр-й С-н (1910)* = *Пр-й С-н [Соковнин И., прот.?] Еще о языке церковнославянском как языке православного богослужения* // Самарские ЕВ. 1910. № 14. С. 924–927.
403. *Протокол Калужского съезда* = Протокол Калужского Епархиального съезда, состоявшегося 17 мая 1917 года // КЦОВ. 1917. № 24–25. С. 18–20.
404. *Протоколы Кишиневского съезда* = Протоколы Общеeparхиального съезда духовенства Кишиневской епархии (...) по делам внутренней миссии (...) 10–11 марта 1916 года в г. Кишиневе. Кишинев, 1916 (прил. к Кишиневским ЕВ. 1916. № 20–21).
405. *Протоколы Херсонского миссионерского съезда* = *Кальнев М.[А.] Протоколы Съезда миссионеров Херсонской епархии, состоявшегося в г. Одессе 27–29 сентября 1916 года* // МС. 1917. № 1–2. С. 76–85.
406. *Протопопов* = *Протопопов И., свящ.* Два-три слова о реформе православного богослужения // ДЧ. 1906. Ч. II. С. 466–469.
407. *Псков 1905* = Журналы съезда оо. депутатов Псковской епархии от 15–21 декабря 1905 года // Псковские ЕВ. 1906. № 4. С. 43–56.
408. *Пятидесятилетие* = Пятидесятилетие Высочайше утвержденной Комиссии по разбору и описанию Архива Святейшего Синода. 1865–1915. Историческая записка. Пг., 1915.
409. *Ракитский* – *Ракитский М.[С], свящ.* Поочередное служение в русских православных церквах на славянском и русском языках // Полоцкие ЕВ. 1907. № 10. С. 389–390; *перепечатка*: ЦВк. 1907. № 25. С. 816.
410. *Распоряжения Серафима* = Распоряжения Его Преосвященства, Преосвященнейшего Серафима, епископа Орловского и Севского, от 29 октября 1907 г. за № 5590. // Орловские ЕВ. 1907. № 45. Отд. офиц. С. 575–588; *частичная перепечатка*: По епархиям // Костромские ЕВ. 1907. № 24. С. 802.
411. *Ревнитель* = Еще по вопросу об упорядочении православного богослужения в Русской Церкви (Из письма ревнителя благочестия, см. № 8) // АПВ. 1906. № 12. С. 244–245.
412. *Резолюции Донского съезда* = Резолюции Чрезвычайного Донского епархиального съезда духовенства и мирян 1917 г. Новочеркасск, 1917 (Прил. к Донским ЕВ. 1917. № 17).
413. *Рецензия (Ирк.)* – [Рец. на кн.:] *К.П. Победоносцев. Новый Завет в новом русском переводе*. СПб., 1906. // Иркутские ЕВ. 1907. № 7. С. 221.
414. *Речменский. О языке* = *Речменский А., свящ.* О богослужебном языке // МЦВ. 1906. № 33. С. 348–351; № 34. С. 379–382.
415. *Речменский. Укоризна* = *Речменский А., свящ.* Возвышающая укоризна // ДЧ. 1905. № 12. С. 643–651.
416. *Рижский собор* = Рижский епархиальный собор. III: О богослужении // Рижские ЕВ. 1905. № 22. С. 1018–1035.
417. *Рождественский* = *Рождественский А.П.У прот.* О преобразовании Издательского совета при Святейшем Синоде // ВЦОВ. 1917. № 65. С. 2–3.
418. *Розанов В.* = *Розанов В.В.* Около церковных стен. СПб., 1906. Т. I–II.
419. *Розанов Н.* = *Московский Н. [Розанов Н.П.] Московские письма* // ЦГ. 1907. № 19. С. 502–504.
420. *Романский* = *Романский НА., свящ.* Наши богослужебные книги со стороны орфографии // ХЧ. 1907. № 7. С. 96–105.
421. *Руководственные указания* = Руководственные указания духовенству действующей армии. М., 1916.

422. СА.Л. = С[вящ.?] А.Л. О богослужении на русском языке // НЦОВ. 1908. № 3. С. 65–69; № 4. С. 93–95.
423. С.К. = С.К. [Клитин А.М., свящ.] Чинопоследования Требника // ХЖ. 1906. № 9. С. 3–4.
424. С.Л. = С... Л... По поводу заметок в «Мин. Епарх. Ведомостях» // Минские ЕВ. 1906. № 11. С. 322–324.
425. С.М.Ф. = С.М.Ф. Религиозный подъем // ДЧ. 1908. № 10. С. 203–220.
426. Самарин = Самарин ФД. О задачах братства святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа // Братская жизнь: Сб-к статей о возрождении русской жизни. СПб., 1910. Вып. V. С. 33–64.
427. Самойлович = С[амойлович] И., свящ. Несколько слов о сокращении церковной службы // Гродненские ЕВ. 1906. № 12. С. 367–368.
428. Самуилов (?) (1905) = Священник С. [Самуилов ?]. По вопросу о богослужебном языке // МО. 1905. № 13. С. 534–536.
429. Самуилов (?) (1910) = Священник старообрядческого прихода [Самуилов С. ?] В защиту равноправия в богослужении русского и славянского языков // Самарские ЕВ. 1910. № 13. С. 836–845.
430. Самуилов Е. (1) = Священник сектантского прихода [Самуилов Евгений]. Спорный вопрос и неопровержимый факт // Самарские ЕВ. 1910. № 5. С. 199–202.
431. Самуилов Е. (2) = Священник сектантского прихода. По вопросу о богослужебном языке // Самарские ЕВ. 1910. № 18. С. 1276–1281.
432. Самуилов С. (1905) = Самуилов С, свящ. О богослужении на русском языке // МО. 1907. № 9. С. 1337–1342.
433. Самуилов С. (1912) = Самуилов С, свящ. О богослужебном языке // Самарские ЕВ. 1912. № 18. С. 559–562.
434. С-в = Св И., свящ. Общая сельская исповедь (Сообщение сельского сибирского иерея) // Тульские ЕВ. 1917. № 5–6. С. 90–95.
435. Светозаров = Светозаров Ф., свящ. Богослужебный язык // Тамбовские ЕВ. 1906. № 26. С. 1191–1195.
436. Священник. О церковном чтении = Священник. К вопросу о церковном чтении // ЕО. 1906. № 68. С. 2–4.
437. Священник. По поводу... = Священник. По поводу статьи «К вопросу об упорядочении церковных служб» // ИСПБЕ. 1905. № 9–10 С. 29–31.
438. Священный Собор = Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор Деяний. Третья сессия /Сост. А.Г. Кравецкий и Г. Шульц. М.: Крутицкое Патриаршее подворье. О-во любителей церковной истории, 2000.
439. Семеновский = Семеновский В., свящ. [Рец. на кн.:] Нахимов Н. Молитвы и песнопения православного молитвослова (для мирян), с переводом на русский язык, объяснениями и приложением // Кол. 1912. № 2005. С. 4.
440. Сенатов. Книжная реформа = Сенатов В.[Г.] Новая церковно-книжная реформа // Слово Церкви. М., 1915. № 19. С. 443–444.
441. Сенатов. Характер реформы = Сенатов В.[Г.] Характер новой книжной реформы // Слово Церкви. М., 1915. № 29. С. 657–659.
442. Сербаринов = Сербаринов Г.[А.] 14 сентября 407 г. – 1907 г. (К 1500-летию со дня кончины св. Иоанна Златоуста // ЦВк. 1907. № 20. С. 636–639.
443. Сергиев = Сергиев (Кронштадтский) И.И., прот. Мысли о Церкви и православном богослужении. СПб. 1905.
444. Серебренников = Серебренников П., свящ. По вопросу о замене церковнославянского языка при богослужении русским // Полоцкие ЕВ. 1907. № 15. С. 494–495.
445. Сети = Сети «обновленного Православия». М., 1995.
446. Сидоров = Записки священника Сергия Сидорова. М.: Изд. Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1999.

447. *Силин = Силин Д.[В.], свящ.* Печальное недоразумение. (По вопросу о церковно-богослужебном языке). // БВ. 1910. № 7–8. С. 493–504; № 11. С. 446–466; № 12. С. 658–679.
448. *Сильвестр – Сильвестр [Ольшевский], еп.* О значении церковнославянского языка // МО. 1913. № 12. С. 545–558; *то же*: Полтавские ЕВ. 1913. № 32.
449. *Скабалланович (1) = Скабалланович М.[Н.]* Толковый Типикон: Объяснительное изложение Типикона с историческим введением. Киев, 1913. Вып. 1.
450. *Скабалланович (2) = Скабалланович М.[Н.]* Толковый Типикон: Объяснительное изложение Типикона с историческим введением. Киев, 1915. Вып. 2.
451. *Скабалланович. Чего мы ждем = Скабалланович М.[Н.]* Чего мы ждем от обновленных монастырей // Свободное слово христианина. Киев, 1918. № 1. С. 20–25.
452. *С-кий = С-кий В.* Религиозная эстетика или религиозная жизнь? // ВЦОВ. 1917. № 104. С. 2–3.
453. *Следников = Следников Н.* Из дневника миссионера: Внушительное предостережение // Вологодские ЕВ. 1906. № 9. С. 228–233.
454. *Служба всем святым = Служба Всем святым, в земле Русской просиявшим.* М., 1995.
455. *Служитель алтаря = Служитель алтаря.* Трудности архиерейского служения и причины бегства семинаристов от священства // ЦОВ. 1913. № 22. С. 8–14.
456. *Смирнов = Смирнов Н., свящ.* По вопросам богослужения // ЦОМ. 1917. № 4. С. 19–22.
457. *Смирягин = Смирягин А., свящ.* Виноваты ли мы? // Смоленские ЕВ. 1906. № 2. С. 95–102; № 3. С. 173–181; № 4. С. 247–253.
458. *Смоленский = Смоленский Н.* Сокрытые сокровища // ОХ. 1909. № 6. С. 137–151.
459. *Соболевский = Соболевский С.[И.]* О значении слов «премудростию вонмем» // Ст. 1906. № 10. С. 586–588.
460. *Собрание. IV = Священный Собор Православной Российской Церкви.* Собрание определений и постановлений. М., 1918. Вып. 4. М. 1918. Репринт: М., 1994.
461. *С-ов = А.С-ов, свящ.* Мысли при чтении «Требника» // ОСП. 1911. Январь-март. С. 86–92.
462. *Сове – Сове Б.И.* Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX–XX веках // БТ. 1970. Сб. V. С. 25–68.
463. *Сове. Евхаристия = Сове Б.И.* Евхаристия в древней Церкви и современная практика // Живое Предание: Православие в современности. Православная мысль. Париж, s.a. № 3. С. 171–195.
464. *Современное обновленчество – Современное обновленчество – протестантизм «восточного обряда».* М., 1996.
465. *Соколов В. Богослужебные реформы = Соколов В.* Богослужебные реформы // ВЦОВ. 1917. № 81 (30 июля). С. 1.
466. *Соколов В. О богослужении = Соколов Василий, свящ.* О церковном богослужении // Хр. 1910. Июнь-июль. С. 333–353.
467. *Соколов В. О преобразованиях = Соколов Валерий, свящ.* О преобразованиях в православном богослужебном чинопоследовании // Смоленские ЕВ. 1908. № 1. С. 8–12.
468. *Соколов Г. = Соколов ГЛ.* В защиту церковнославянского языка. Астрахань, 1910.
469. *Солженицын = Солженицын А.И.* «...Народ нуждается в помощи от Православной Церкви» // Москва. М., 1996. № 3. С. 180–185.
470. *Соловьев. Рецензия (1906) = П.И.С. [Соловьев И.И., прот.]* [Рец. на:] О реформах в нашем богослужении // ВиЦ. 1906. Т I. С. 542–547.
471. *Соловьев. Рецензия (1907) = [Соловьев И.И., прот. ?]* [Рец. на кн.:] М.Добронравов. Опыт исправления церковнославянского текста в Великом каноне // ВиЦ. 1907. Т I. Кн. 5. С. 796–799.
472. *Соловьев. Современные вопросы = [Соловьев И.И., прот. ?]* Современные церковные вопросы в понимании верующих людей // ВиЦ. 1907. Т I. С. 88–105.

473. *Солосин – Солосин И.[И.] Народное образование и церковнославянский язык* // НО. 1917. Кн. 1. С. 17–35.
474. *Сосунцов (1913) = Сосунцов Е.[Ф.], свящ. Научение молитве* // НО. 1913. Кн. 9. С.
475. *Сосунцов (1914) = Сосунцов Е.[Ф.], свящ. Объяснение богослужения* // НО. 1914. Кн. 5–6. С. 545–549.
476. *Софроний = Софроний (Сахаров), архим. Письма в Россию*. М.: Свято-Иоанно-Предтеченский м-рь, Братство св. Тихона, 1997.
477. *Сочувствующий = «Сочувствующий»*. К статье: «К вопросу о недостатках нашей богослужебной практики» // Архангельские ЕВ. 1909. № 5. С. 136–137.
478. *Спиридон = Спиридон [Кисляков], архим. Исповедь священника перед Церковью*. Киев, 1919.
479. *Список = Список вопросов, присланных духовенством и учреждениями в комиссию по разработке материалов к предстоящему епархиальному съезду*. Кострома, 1906. (Приложение к Костромским ЕВ. 1906. № 14).
480. *Ставрополь 1905 (1) = Пастырское собрание духовенства Ставропольской епархии* // Ставропольские ЕВ. 1905. № 19. С. 1058–1063.
481. *Ставрополь 1905 (2) = Пастырское собрание духовенства Ставропольской епархии* // ПЦВ. 1905. № 45. С. 1926–1929.
482. *Старорусский = Старорусский С. «Прогрессивное» движение в нашем духовенстве*. // Тамбовские ЕВ. 1905. № 27. С. 1186–1211. Перепечатки: Владивостокские ЕВ. 1905. № 23. С. 543–544; Вестник церковно-общественной жизни (приб. к ж-лу «Пастырский собеседник»). М., 1905. № 40–41. С. 168–164.
483. *Статиоров = Статиоров В., свящ. К вопросу о замене славянского языка при богослужении русским* // Симбирские ЕВ. 1906. № 6. С. 195–203.
484. *Стефан = Стефан (Корзун), иером. Сравнительный анализ разночтений в Триоди Постной издания патриархов Иосифа, Никона и Сергия (Недели подготовительные к Великому посту)*. Загорск: МДА, 1979 (машинопись в библиотеке МДА).
485. *Стефанович = Стефанович К., свящ. Богослужебный язык* / ЦВк. 1905. № 45. С. 1421–1422.
486. *Сухов = Сухов А., свящ. К вопросу о сокращении церковного устава* // Самарские ЕВ. 1906. № 3. С. 107–110.
487. *Съезд русских людей = Постановления Всероссийского съезда русских людей* // МВ. 1906. № 96. С. 2.
488. *Тамбов (1906) = Протоколы Третьего Тамбовского епархиального миссионерского съезда 1906 года* // Тамбовские ЕВ. 1906. № 14–15. Отд. оф. С. 260–275.
489. *Тареев. Живые души = Тареев М.М. Живые души. Очерки нравственных сил современной России. IV. Крестовоздвиженское трудовое братство* // БВ. 1906. № 4. С. 710–738; № 5. С. 60–81; № 6. С. 183–211.
490. *Тареев. Трагедия = Тареев М.М. Трагедия религии здравого смысла. (Памяти Н.Н. Неплюева)* // ОХ. 1909. № 1. С. 46–73.
491. *Терновец = Терновец Н.М. Мысли мирянина о реформах в Русской Церкви* // ОЖ. М., 1916. № 3. С. 1–11.
492. *Тимофеев = Тимофеев И., свящ. К вопросу о богослужебном языке* // МО. 1906. № 1. С. 62–64.
493. *Тихомиров К. (1915) – Тихомиров Кирилл. К вопросу об исправлении богослужебных книг* // РдСП. 1915. № 24. С. 595–599.
494. *Тихомиров К. (1916) = Тихомиров Кирилл. Сектантство и миссия* // Киевские ЕВ. 1916. № 6. С. 124–127.
495. *Тихомиров Т. = Тихомиров Т.С, свящ. На приходе: Священническая энциклопедия*. М., 1915. Т. I.
496. *Третье собрание = Третье пастырское собрание столичного духовенства с представителями от мирян по вопросу о богослужении* // ЦГ. 1906. № 49. С. 1367–1370.

497. *Третьяков (1910) = Третьяков П.[Г.], свящ.* «И начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещавать» // Самарские ЕВ. 1910. № 7. С. 389–395.
498. *Третьяков (1914) = Третьяков П.[Г.], свящ.* О богослужебном языке // Самарские ЕВ. 1914. № 3. С. 80–82.
499. *Трифон = Трифон (Туркестанов), митр.* Проповеди и молитвы. Материалы к жизнеописанию / Сост. иером. Афиноген (Полесский). М., 1999.
500. *Троицкий – Троицкий, прот.* Голос за неприкосновенность православного богослужения // ГИ. 1909. № 12. С. 201.
501. *Троицкий С. = Троицкий С.* [Рец. на кн.:] Благодушная София. Как он пошел в народ // Ст. 1906. № 2. С. 315–316.
502. *Указания 1999 = Богослужебные указания на 1999 год для священно-церковнослужителей.* М.: Издательство Московской Патриархии, 1998.
503. *Украинский съезд = Украинский епархиальный съезд* // НЦОВ. 1917. № 19. С. 238.
504. *Упрощение = Упрощение богослужебного языка* // ВиЖ. 1914. № 2. С. 85–86.
505. *У-ский = У-ский Т., свящ.* Думы пастыря // Орловские ЕВ. 1908. № 13. С. 323–332.
506. *Успенский = Успенский В., свящ.* Свободное слово // Кол. 1912. № 1813. С. 3.
507. *Уставное бдение = Уставное всенощное бдение* // Полтавские ЕВ. 1915. № 8. С. 744–745.
508. *Устьинский = Устьинский А.[П.], прот.* Тезисы для обновления быта религиозной стороны жизни православных христиан. Пг.: Изд. ж-ла «Вешние воды», 1917.
509. *Ф. = Ф.* Еще к вопросу о недостатках нашей богослужебной практики // Архангельские ЕВ. 1909. № 10. С. 304–305.
510. *Фаддей. Недоумение = Архимандрит Н., ректор духовной семинарии [Фаддей (Успенский)].* Тяжелое недоумение священнослужителя // ЦВк. 1905. № 43. С. 1355–1358.
511. *Фаддей. О торопливости – Фаддей [Успенский], архим.* Нечто о торопливости в богослужении // Олонецкие ЕВ. 1905. № 11. С. 475–476.
512. *Фигуровский = Фигуровский И.[В.]* Предкрещальные чины / / РдСП. 1907. № 26–29. С. 218–223.
513. *Флоренский = Флоренский П.[А.]* Плач Богоматери. [Вступительная статья к тексту русского перевода «Канона о распятии Господа и на плач Пресвятой Богородицы»] // Хр. 1907. Март. С. 601–606.
514. *Хотовицкий. О реформах = Х. [Хотовицкий АА.т прот.].* О реформах в нашем богослужении // АПВ. 1906. № 8. С. 152–157.
515. *Хотовицкий. Побольше благоговения = Х. [Хотовицкий А А., прот.].* Побольше благоговения! // АПВ. 1906. № 3. С. 47–48.
516. *Христианин = Христианин.* Письмо в редакцию // ЦОЖ. 1907. № 11. С. 342–343.
517. *Хроника (Владивосток) = Хроника епархиальной жизни* // Владивостокские ЕВ. 1917. № 10. С. 272–284.
518. *Цветков = Цветков Феодор, свящ.* О предсоборных думах православного // Смоленские ЕВ. 1908. № 3. С. 91–103.
519. *Церковное обозрение = Церковное обозрение* // ОХ. 1911. № 1. С. 132–166.
520. *Церковь на Украине = Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии.* 1917–1950 гг. Сб-к. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1997.
521. *Цыпин (1997) = Цыпин Б., прот.* История Русской Церкви, 1917–1997. М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского м-ря, 1997.
522. *Цыпин (1999) = Цыпин Б., прот.* Русская Православная Церковь. 1925–1938. М.: Изд. Сретенского м-ря, 1999.
523. *Чаяния = Чаяния и опасения прихожан Казанского собора* // Кол. 1909. № 875. С. 3.
524. *Чельцов. Воспоминания = Чельцов М.[П.]У прот.* Воспоминания «смертника» о пережитом. М.: Изд-во им. св. Игнатия Ставропольского, 1993.
525. *Чельцов. К Собору = Чельцов М.[П.], свящ.* К предстоящему церковному Собору // ЦГаз. 1906. № 3. С. 10–11.



526. *Чельцов. Неуспехи* = *Чельцов М.[П.], свящ.* Неуспехи нашей миссии. (По поводу постановлений VI отдела Предсоборного Присутствия) // ЦОЖ. 1906. № 34. С. 1125–1129.
527. *Четвертое собрание* = Четвертое пастырское собрание столичного духовенства с представителями от мирян по вопросу о богослужении // ЦТ, 1907. № 1. С. 30–32; перепечатка: ПП. 1907. Т.1. С. 76–78.
528. *Чистяков* = *Чистяков М., свящ.* Канон ко Пресвятой Богородице во всякой скорби // КЦОВ. 1915. № 33. С. 9–10.
529. *Чита 1906* = Журналы общепархиального съезда оо. и гг. депутатов от духовенства и мирян Забайкальской епархии, состоявшегося с 1 по 20 сентября 1906 года // Забайкальские ЕВ. 1907. № 1–4. С. 1–64.
530. *Чрезвычайное собрание* = Чрезвычайное епархиальное собрание духовенства и мирян Кишиневской епархии, состоявшееся в г. Кишиневе 19–25 апреля 1917 г. Кишинев, 1917 (прил. к Кишиневским ЕВ).
531. *Шавельский* = *Шавельский Г.[И.], протопресв.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. Т. I.
532. *Шкаровский. Иосифлянство* = *Шкаровский М.В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб.: НИЦ «Мемориал», 1999.
533. *Шкаровский. Петербургская епархия* = *Шкаровский М.В.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат: 1917–1945. СПб., 1995.
534. *Шмарин Петр» диак.* На похоронах у баптистов // Тамбовские ЕВ. 1906. № 10. С. 529–539.
535. *Экземплярский. О направлении* = *Экземплярский В.И.* О направлении церковной реформы. (Из доклада, читанного в закрытом собрании Киевского религиозно-философского об-ва) // ХМ. 1917. № 9–10. С. 90–111; № 11–12. С. 3–9.
536. *Экземплярский. Свобода* = *Экземплярский В.И.* Свобода // ХМ. 1917. № 3–4. С. 187–190.
537. *Энгельгардт* = *Энгельгардт Н.[А.]* Нищие богачи // НВ. 1912. № 13108 (8 сент.). С. 4.
538. *Balasov (1)* = *Balasov N.* Esiste una «lingua della preghiera»? // La Nuova Europa. Milano, 1998. № 1. P.61–77.
539. *Balasov (2)* = *Balasov N.* Lingua della liturgia, lingua della missione // La Nuova Europa. 1998. № 2. P. 35–53.
540. *Billington* = *Billington J.H.* The case for orthodoxy // The New Republic. 1994, May 30. P. 24–27.
541. *Filius Ecclesiae* = *Filius Ecclesiae.* Quaedam pia desideria // РдСП. 1907. № 23. С. 135–142.
542. *Manuil IV* = *Manuil [Lemesevskij], metropolit.* Die russischen orthodoxen Bischöfe von 1893 bis 1965. Erlangen: Oikonomia, 1986. Teil IV.
543. *N., миссионер* = *N., миссионер.* О церковно-богослужебном языке // МО. 1907. № 9. С. 1325–1326.
544. *NN.* = *NN.* Наблюдения и заметки сельского священника // РдСП. 1917. № 18. С. 512–514.
545. *P.S.* = *P.S.* Посильная добавка к важному вопросу (По поводу статьи «Насущная потребность нашего времени») // Ст. 1903. № 8. С. 177–187.
546. *Semper idem* = *Semper idem.* [Коринфский АЛ. ?] Обмирщение религиозных начал // МВ. 1900. № 52 (22 февр.). С. 3.
547. *X. О богослужении* = *X.* Кое-что о церковном богослужении. // Кишиневские ЕВ. 1915. № 11–12. С. 333–336.

\* \* \*

Для установления биографических сведений, кроме указанных выше, использовались следующие издания, статьи и материалы:

*Manuil (Lemesevskij), Metropolit.* Die russischen orthodoxen Bischöfe von 1893–1965. Erlangen: Oikonomia, 1979–1989. Teil I–VI.

- А[рхиер.] М[ануил].* Каталог «русских архиереев обновленцев». Чебоксары, 1956 (машинопись). Ч. I–III.
- Антонов В.В. Приходские православные братства в Петрограде (1920-е гг.) // Минувшее. М.: Atheneum-Феникс, 1994. Т. 15.
- Антонов В.В., Кобак А.В. Святые Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия. СПб., 1994–1996. Т. 1–3.
- Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге /Под ред. И.П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995.
- Васильков Я.В. Востоковеды Публичной библиотеки – жертвы репрессий // Восточный сборник. СПб., 1993. С. 232–235.
- Волков С. Последние у Троицы. СПб., 1995.
- Голиков А., свящ., Фомин С. Кровью убеленные. Мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики (1940–1955). М.: Паломник, 1999.
- Голубцов С.А., протод. Московская духовная академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. М., 1999.
- Голубцов С.А., протод. Московское духовенство в преддверии и начале гонений. 1917–1922 гг. М., 1999.
- Губонин М.Е. Патриарх Тихон и история русской церковной смуты. СПб.: Сатис, 1994. Кн.1.
- Древний Восток. М., 1980. Сб. 2. Памяти академика Б.А. Тураева.
- Евдокия, игуменья. Воспоминания об о. Сергии Щукине // Вестник РХД. Париж, 1977. № 122. С. 185–194.
- Журавский А.В. Жизнеописания новых мучеников Казанских: год 1918-й. Казань, 1995. Сб-к № 1.
- За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956. Биографический справочник /Общ. ред. прот. В.Воробьева. М.: ПСТБИ, 1997. Кн. 1.
- Именной список ректорам и инспекторам императорских духовных академий, духовных семинарий, преподавателям императорских духовных академий, смотрителям духовных училищ и их помощникам, состоящим в священном сане преподавателям духовных семинарий и училищ, священнослужителям при русских церквях за границей и начальникам заграничных духовных миссий на 1917 год. [Пг., 1917.]
- Краткий список лицам, служащим по ведомству православного исповедания на 1916 год. Пг.: 1916.
- Лабынцев Ю.А. Всеми православному миру. М., 1995.
- Лопарев Х.М. † Афанасий Иванович Пападопуло-Керамевс // Византийский временник. Пг., 1915. Т. XIX (1912). Отд. III. С. 188–212.
- Мальцев А.П., прот. Православные церкви и русские учреждения за границу (Австро-Венгрия, Германия и Швеция). Берлин, 1911.
- Муравьев Н., Лебедев Н. Проф.-прот. Д.И.Боголюбов // ЖМП. 1953. № 7. С. 6–9.
- Плюханов Б.В. РСХД в Латвии и Эстонии. [Париж]: YMCA-Press, 1993.
- Полищук Е.С. М.А.Новоселов и его «Письма к друзьям» // Новоселов М.А. Письма к друзьям. М.: ПСТБИ, 1994.
- Православие в Латвии: Исторические очерки. /Ред. А.В. Гаврилин. Рига: Благовест, 1997.
- Профессор М.Н. Скабалланович и его вклад в православную богословскую науку // ЖМП. 1973. № 3. С. 76–80.
- Пятидесятилетие Высочайше утвержденной Комиссии по разбору и описанию Архива Святейшего Синода. 1865–1915. Историческая записка. Пг., 1915.
- Румянцев П.П., прот. Из прошлого Русской православной церкви в Стокгольме. Берлин, 1910.
- Симбирская Голгофа /Сост. священник В.Дмитриев. М., 1997.
- Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священно-церковнослужителей и мирян Санкт-Петербургской епархии: XX столетие. СПб., 1999.

- Склярова М. Сосуд избранный. История российских духовных школ. СПб., 1994.
- Сове БЛ. Русский Гоар и его школа // БТ. 1968. Сб. 4. С. 39–84. Сорокин В., *прот.*, Бовкало АА., Галкин А.К. Открытие Петроградского богословского. Института в 1920 г. // Христианское чтение. СПб., 1997. № 14.
- Списки служащих по ведомству православного исповедания на 1917 год. [Пг., 1917].
- Списки студентов, окончивших полный курс императорской Московской духовной академии за первое столетие ее существования (1814–1914 гг.). Сергиев Посад, 1914.
- Список высших чинов центральных установлений Министерства внутренних дел. СПб., 1914. Ч.1.
- Список личного состава Министерства путей сообщения. Пг., 1916.
- Цыпин В., *прот.* История Русской Церкви, 1917–1997. М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского м-ря, 1997.
- Чуков Н., *прот.* Один год моей жизни. Страницы из дневника. Публ. В.В.Антонова // Минувшее. М.: Atheneum-Феникс, 1994. Т.15.
- Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб.: НИЦ «Мемориал», 1999.
- Справочники Весь Киев, Весь Петербург, Весь Харьков, Вся Астрахань, Вся Одесса, Памятные книжки и адрес-календари различных губерний за 1905–1917 годы.
- Дело Зарубежного Синода о гонениях большевиков на Православную Церковь в России. ГАРФ. Ф.6343. Оп. 1. Д. 264. Материалы web-серверов Православного Свято-Тихоновского богословского института ([www.kuzl.pstbi.ccas.ru](http://www.kuzl.pstbi.ccas.ru)) и Константинопольского Патриархата ([www.epnet.gr/patriarchs](http://www.epnet.gr/patriarchs)). Сообщения А.Г. Кравецкого, С. Дубровиной, Т.А. Богдановой (Российская национальная библиотека).

## Архивные материалы

1. *Ведомость* = Ведомость книг, предлагаемых к печати в 1916 г. РГАДА. Ф.1184. Оп.3 (1916). Д.5.
2. *Вопросы Контроля* = Дело МСТ с докладами г. директору Хозяйственного управления по поводу некоторых вопросов, возбужденных Контролем при Святейшем Синоде. РГАДА. Ф.1184. Оп.3 (1906). Д.175.
3. *Дело Зайончковского* = Дело по прошению Действ. Ст. Сов. Николая Зайончковского о рассмотрении составленного им «Большого Толкового Молитвослова». РГИА. Ф.796. Оп.193. Д.1203.
4. *Деяние 170* = Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяние 170. ГАРФ. Ф.3431. Оп.1. Д.173.
5. *Деяния 145–147* = Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния 145–147. РГИА. Ф.833. Оп.1. Д.21.
6. *Диаконское погребение* = Священный Собор Православной Российской Церкви. Отдел о богослужении, проповедничестве и храме. О чине диаконского погребения. ГАРФ. Ф.3431. Оп.1. Д.292.
7. *Доклады* = Священный Собор Православной Российской Церкви. Доклады Отделов и комиссий, представленные на рассмотрение и утверждение Общего собрания. ГАРФ. Ф.3431. Оп.1. Д.174.
8. *Журналы Предсоборного Совета* = Журналы отделов Предсоборного Совета. ГАРФ. Ф.3431. Оп.1. Д.578.
9. *Издательская комиссия* = Об учреждении Издательской комиссии при Московской Синодальной Типографии. РГИА. Ф.799. Оп.8. Отд. 1. Стол 2. Д.728.
10. *Канцелярия* = Канцелярия Духовного правления при протопресвитере военного и морского духовенства. По вопросам богослужебной практики (1915). РГИА. Ф.806. Оп. 5. Д.9483. 480
11. *Комиссия* = По Комиссии по исправлению богослужебных книг. РГИА. Ф.814. Оп.1. Д.120.
12. *Материалы* = Материалы о деятельности Священного Собора Православной Российской Церкви. РГИА. Ф.1579. Оп.1. Д.37.
13. *Материалы Типографии* = Материалы о деятельности Типографии в 1916 г. РГАДА. Ф.1184. Оп.3 (1917). Д.22.
14. *Молитвы* = По ходатайству Преосвященного Волынского о внесении в книгу «Молитвы, чтимая предстоятелем на молебных пениях» всех настоятельских молитв. *Присоединено: О напечатании Сборника «Молитв, чтимых от предстоятеля в дни различных праздников и молений церковных» по тексту Исправленного Триодиона и Пентикостариона.* РГИА. Ф.799. Оп.8. Отд. 1. Стол 2. Д.845.
15. *Наблюдательный комитет* = Об учреждении Наблюдательного комитета при Святейшем Синоде за действиями Синодальных типографий. РГИА. Ф.799. Оп.8. Отд. 1. Стол 2. Д.699.
16. *Наказы* = Священный Собор Православной Российской Церкви. О наказах членам Собора. ГАРФ. Ф.3431. Оп.1. Д.1.
17. *Новые книги* = О напечатании в Синодальных типографиях новых книг и об утверждении цен для них. РГИА. Ф.799. Оп.8. Отд. 1. Стол 2. Д.1207.
18. *О кредите* = Об открытии кредита Комиссии по исправлению богослужебных книг на приобретение научных пособий. РГИА. Ф.799. Оп.8. Отд. 1. Стол 2. Д.1056.
19. *О напечатании Триоди* « О напечатании в Санкт-Петербургской синодальной типографии книги «Триодъ Постная». РГИА. Ф.799. Оп.8. Отд. 1. Стол 2. Д.743.
20. *О новых чинах* = О новых богослужебных чинах и молитвословиях. РГИА. Ф.831. Оп.1. Д.80.

21. *О переписке* = О передаче из (...) Хозяйственного управления в Издательский совет при Святейшем Синоде переписки, касающейся издательских вопросов. РГИА. Ф.799. Оп.8. Отд. 1. Стол 2. Д. 1105.

22. *О поминовениях* = О поминовениях на великом входе при архиерейском и иерейском служении. РГИА. Ф.831. Оп.1. Д.84.

23. *О поощрении* = Дело по ходатайству преосвященного Финляндского а) о поощрении трудов Комиссии по исправлению богослужебных книг и б) об открытии сей Комиссии кредита в Хозяйственном управлении на приобретение нужных научных пособий. РГИА. Ф.796. Оп.197. Д.88 (VI отд., 1 стол).

24. *О пропуске молитвы* = По ходатайству управляющего МСТ о разъяснении возбужденного неизвестным автором вопроса о пропуске молитвы в Молитвенном правиле: «Яко на страшнем Твоем...». РГИА. Ф.799. Оп.8. Отд. 1. Стол 2. Д.556.

25. *О рукописях Мегорского* = О рукописях протоиерея Димитрия Мегорского, содержащих замечания по сличению славянского и греческого текстов книги «Триодь Постная». РГИА. Ф.796. Оп.187. Д.6946.

26. *О статье* = Дело Московской синодальной типографии относительно напечатанной в *Церковных ведомостях* статьи под заглавием «О пересмотре текста священных и богослужебных книг». РГАДА. Ф.1184. Оп.3 (1906). Д.151.

27. *О Триоди* = О печатании «Триоди Постной» с исправлением текста в Санкт-Петербургской синодальной типографии. РГАДА. Ф.1184. Оп.3 (1909). Д.43.

28. *О чинах* = Поместный Собор Православной Российской Церкви. Дело о чинах церковных молений. ГАРФ. Ф.3431. Оп.1. Д.290.

29. *О языке* = Священный Собор Православной Российской Церкви. Дело о церковно-богослужебном языке. ГАРФ. Ф.3431. Оп.1. Д.296.

30. *Об издании* = Об издании священных и богослужебных книг по благословению Святейшего Синода. РГИА. Ф.834. Оп.4. Д.26.

31. *Об исправлении* = Об исправлении текста Триоди Постной, Цветной Триоди, Октоиха членами Комиссии по исправлению богослужебных книг под председательством архиепископа Финляндского Сергия и о печатании новоисправленных богослужебных книг в Московской Синодальной типографии. РГИА. Ф.814. Оп.1. Д. 49.

32. *Об увольнении Войта* = Об увольнении от службы управляющего Московской синодальной типографией Войта. РГИА. Ф.801. Оп.1. Д.156.

33. *Об упорядочении* = Поместный Собор Православной Всероссийской Церкви. Дело об упорядочении богослужения. ГАРФ. Ф.3431. Оп.1. Д.291.

34. *Обращение* = Патриарх Московский и всея России. Обращение к архиереям и пастырям Православной Церкви. 4/17 ноября 1921 г. ГАРФ. Ф.550. Оп.1. Д.152. Л.3–4 об.

35. *Октоих* = О напечатании «Октоиха» в исправленном виде. РГАДА. Ф.1184. Оп.3 (1914). Д.98.

36. *Особый комитет (1)* = Дело по ходатайству Управляющего МСТ об учреждении при Московской типографии Особого комитета по исправлению богослужебных и церковных книг. РГИА. Ф.799. Оп.8. Отд. 1. Стол 2. Д.731.

37. *Особый комитет (2)* = Об учреждении Комитета для пересмотра богослужебных и других книг. РГАДА. Ф.1184. Оп.3 (1908). Д.176.

38. *Отдел* = Священный Собор Православной Российской Церкви. Отдел о богослужении, проповедничестве и храме. РГИА. Ф.833. Оп.1. Д.42.

39. *Отдел, Бумаги* = Священный Собор Православной Российской Церкви. Дело № 4 Отдела о проповедничестве, богослужении и храме. ГАРФ. Ф.3431. Оп.1. Д.287.

40. *Отдел, Письма* = Священный Собор Православной Российской Церкви. Дело Отдела о проповедничестве, богослужении и храме с мелкими бумагами, письмами и предложениями. ГАРФ. Ф.3431. Оп.1. Д.288.

41. *Отдел, Протоколы* = Священный Собор Православной Российской Церкви. Протоколы и стенограммы заседаний Отдела о проповедничестве, богослужении и храме. ГАРФ. Ф.3431. Оп.1. Д.283.

42. *Отчеты Архива* = Отчеты о состоянии Архива и Библиотеки Святейшего Синода. РГИА. Ф.814. Оп. 1. Д.129.
43. *Пасха* = О разрешении МСТ напечатать новое издание книги: «Последование во святую и великую неделю Пасхи и во всю Светлую седмицу». РГИА. Ф.799. Оп.8. Отд. 1. Стол 2. Д.1113.
44. *Пентикостарион* = О напечатании Пентикостариона в исправленном виде. РГАДА. Ф.1184. Оп.3 (1911). Д.33.
45. *Переписка Войта* = Личная переписка управляющего типографией. РГАДА. Ф.1184. Оп.3 (1907). Д. 243.
46. *Письма и доклады* = Священный Собор Православной Российской Церкви. Отдел о проповедничестве, богослужении и храме. Письма духовных и светских лиц о необходимости улучшения богослужений, доклады отдела... ГАРФ. Ф.3431. Оп.1. Д.286.
47. *Подотдел, Протоколы* = Священный Собор Православной Российской Церкви. Протоколы заседаний подотдела о богослужебном языке. ГАРФ. Ф.3431. Оп.1. Д.295.
48. *Постановления ВЦС (1918–1)* = Постановления Святейшего Патриарха и Высшего Церковного Совета. 1918. Ч. I. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д.14.
49. *Постановления Патриарха 1918/IV* = Постановления Святейшего Патриарха и Священного Синода Православной Российской Церкви. 1918. Ч. 4. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д.7.
50. *Постановления Патриарха 1918/V* = Постановления Святейшего Патриарха и Священного Синода Православной Российской Церкви. 1918. Ч. 5. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д.8.
51. *Постановления Патриарха 1919/II* = Постановления Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета. 1919. Ч. 2. РГИА. Ф.831. Оп.1. Д.23.
52. *Постановления Патриарха 1919/III* = Постановления Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета. 1919. Ч. 3. РГИА. Ф.831. Оп.1. Д.24.
53. *Постановления Патриарха 1919/IV* = Постановления Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета. 1919. Ч. 4. РГИА. Ф.831. Оп.1. Д.25.
54. *Предсоборный Совет, доклады* = Предсоборный Совет. Доклады отдела о богослужении. ГАРФ. Ф.3431. Оп.1. Д.581.
55. *Прибытие* = Священный Собор Православной Российской Церкви. Сообщения членов Собора о времени прибытия на Собор и удостоверения на получение железнодорожных билетов. ГАРФ. Ф.3431. Оп.1. Д.209.
56. *Просвещение* = Об организации религиозно-нравственного просвещения народа. РГАДА. Ф.1184. Оп.3 (1907). Д.138.
57. *Протоколы* = Протоколы Святейшего Синода. РГИА. Ф.796. Оп.209. Д.2654.
58. *Протоколы и письма* = Священный Собор Православной Российской Церкви. Протоколы и постановления епархиальных собраний и письма разных лиц по вопросам реформы Русской Православной Церкви. ГАРФ. Ф.3431. Оп.1. Д.580.
59. *Прошение Газукина* = По прошению крестьянина Николая Газукина об установлении особого дня для празднования памяти всех святых Российских. РГИА. Ф.796. Оп.189. Д.8295.
60. *Разрешение* = По вопросу о разрешении МСТ напечатать новым изданием Минею общую и Триодион в 8 д.л. РГИА. Ф.799. Оп.8. Д.1260.
61. *Распоряжения Патриарха* = Распоряжения Патриарха о порядке богослужения. РГИА. Ф. 815. Оп. 14. Д. 107.
62. *Растрата* = Дело МСТ о появлении в печати ложных известий о растрате в Типографии. РГАДА. Ф.1184. Оп.3 (1907). Д.120.
63. *Ревизия* = О производстве ревизии книжного имущества МСТ в феврале 1917 г. РГИА. Ф.801. Оп.1. Д.164.
64. *Сведения (1914)* = Сведения о деятельности Типографии за 1914 год. РГАДА. Ф.1184. Оп.3 (1915). Д. 135.
65. *Сведения (1915)* = Ежемесячные сведения о напечатании книг. РГАДА. Ф.1184. Оп.3 (1915). Д.22.

66. *Сводные данные (1)* = Священный Собор Православной Российской Церкви. Сводные данные о работе общего собрания и отчеты отделов. ГАРФ. Ф.3431. Оп.1. Д. 175.
67. *Сводные данные (2)* = Священный Собор Православной Российской Церкви. Сводные данные о работе общего собрания и отчеты отделов. ГАРФ. Ф.3431. Оп.1. Д. 176.
68. *Собрания* = Священный Собор Православной Российской Церкви. Дело об общих собраниях. ГАРФ. Ф.3431. Оп.1. Д.620.
69. *Соколов* = Соколов И.И. О некоторых особенностях в современной церковно-богослужебной практике на греческом Востоке. РГИА. Ф.834. Оп.4. Д.400.
70. *Списки* = Священный Собор Православной Российской Церкви. Отдел о проповедничестве, богослужении и храме. Списки членов Отдела, заявления о приеме, планы работ и другие материалы. ГАРФ. Ф.3431. Оп.1. Д.282.
71. *Списки членов* = Священный Собор Православной Российской Церкви. Списки членов по отделам. ГАРФ. Ф.3431. Оп.1. Д.177.
72. *Список исправлений* = Список исправлений, признанных необходимыми для Службника, изданного в 1882 г., с замечаниями управляющего СПбСТ А.В.Гаврилова и ст. пом. справщика Н. Чуриловского. РГИА. Ф.834. Оп.4. Д. 122.
73. *Триодионы* = Триодион, сиесть трипеснец. Экземпляр члена Комиссии по исправлению текста богослужебных книг А.А. Дмитриевского. РГИА. Ф.834. Оп.4. Д.89; То же. Экземпляр Х.М. Лопарева. Д.90; То же. Экземпляр Н.Ф. Чуриловского. Д.91.
74. *Устав* = Устав церковный, приспособленный к употреблению в домовых церквях. РГИА. Ф.834. Оп. 4. Д.87.
75. *Устав Братства* = Устав «Братства ревнителей церковного обновления» в С.-Петербурге и список лиц священного сана, состоящих членами Братства. РГИА. Ф.834. Оп. 4. Д.565.
76. *Черновики* = Разные черновые бумаги по подготовке к печати текстов Священного Писания. РГИА. Ф.834. Оп.4. Д.8.
77. *Последование Православия* = Священный Собор Православной Российской Церкви. Об изменении в чине «Последования Православия». ГАРФ. Ф.3431. Оп.1. Д.625.
78. *Шишипторов (1)* = По ходатайству мирянина Петра Шишипторова об издании Литургии св. Иоанна Златоуста на русском языке. РГИА. Ф.799. Оп.8. Отд. 1. Стол 2. Д.694.
79. *Шишипторов (2)* = По заявлению Петра Иванова Шишипторова с ходатайством об издании Литургии св. Иоанна Златоуста на русском языке. РГИА. Ф.796. Оп.188. Д.7921.
80. *Шлеев* = О разрешении свящ. Шлееву при издаваемом им журнале «Правда Православия» печатать в СПбСТ переводы на «русский язык стихир и канонов на воскресные и праздничные дни с помещением параллельно старопечатного текста. РГИА. Ф.799. Оп.8. Отд. 1. Стол 2. Д.665.
81. *III Собор* = Постановления III Поместного Собора Православных Церквей на территории СССР. ГАРФ. Ф.9550. Оп.15. Д.2.

## Список сокращений

АПВ = Американский православный вестник. Нью-Йорк, 1896–1918.  
ББЛ = Богословский библиографический листок. Киев, 1883–1916.  
БВ = Богословский вестник. Сергиев Посад, 1892–1918.  
БТ = Богословские труды. М., 1960–  
ВиЖ = Вера и жизнь. Чернигов, 1912–1917.  
ВиР = Вера и разум. Харьков, 1884–1917.  
ВиЦ = Вера и Церковь. М., 1899–1907.  
ВЦОВ = Всероссийский церковно-общественный вестник. Пг., 1917–1918.  
ВЦУ = Высшее церковное управление.  
ГАРФ = Государственный архив Российской Федерации  
ГИ = Голос истины. СПб., 1909–1916.  
ГЦ = Голос Церкви. М., 1912–1918.  
ДС = Духовная семинария.  
ДЧ = Душеполезное чтение. М., 1860–1917.  
ЕВ = Епархиальные ведомости.  
ЕО = Епархиальные отголоски. Вятка, 1906–1907.  
ЖМП = Журнал Московской Патриархии. М., 1931–1935, 1943–  
ИСПБЕ = Известия по Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1895–1917.  
Кол. = Колокол. СПб., 1905–1917.  
КазДА = Казанская духовная академия.  
КДА = Киевская духовная академия.  
КЗ = Красный звон. СПб., 1908–1910.  
КЦОВ = Калужский церковно-общественный вестник. Калуга, 1907–1918.  
МВ = Московские ведомости. Москва.  
МДА = Московская духовная академия.  
МО = Миссионерское обозрение. Киев, 1895–1916.  
МС = Миссионерский сборник. Рязань, 1891–1918.  
МСТ = Московская Синодальная типография.  
МЦВ = Московские церковные ведомости. М., 1880–1918.  
НВ = Новое время. СПб.  
НО = Народное образование. СПб., 1896–1917.  
НЦОВ = Нижегородский церковно-общественный вестник. Н. Новгород, 1906–1918.  
ОЖ = Отклики на жизнь. М., 1911–1917.  
ОСП = Отклики сельских пастырей. Киев, 1906.  
ОХ = Отдых христианина. СПб., 1901–1917.  
ПиП = Пастырь и паства. Харьков, 1915–1919.  
ПП = Православный путеводитель. СПб., 1903–1907.  
ПСв = Приходский священник. СПб., 1911–1913.  
ПЦВ = Прибавления к Церковным ведомостям. СПб., 1888–1917.  
РГАДА = Российский государственный архив древних актов.  
РГИА = Российский государственный исторический архив.  
РдСП = Руководство для сельских пастырей. Киев, 1860–1917.  
СПб ДА = Санкт-Петербургская духовная академия.  
СПбСТ = Санкт-Петербургская Синодальная типография.  
СС = Сельский священник. Киев, 1906–1908, 1910–1912.



Ст. = Странник. СПб., 1860–1917.  
ТКДА = Труды Киевской духовной академии. Киев, 1860–1917.  
УЗ РПУ= Ученые записки Российского православного университета апостола Иоанна Богослова. М., 1995–  
ХЖ = Христианская жизнь. Одесса, 1906.  
ХМ = Христианская мысль. Киев, 1916–1917.  
Хр. = Христианин. Сергиев Посад, 1907–1916.  
ХЧ = Христианское чтение. СПб., 1821–1917.  
ЦВ = Церковные ведомости. СПб., 1888–1918.  
ЦВк = Церковный вестник. СПб., 1875–1915.  
ЦГ = Церковный голос. СПб., 1906–1907.  
ЦГаз = Церковная газета. Харьков, 1906.  
ЦиН = Церковь и народ. Киев, 1906–1907.  
ЦОВ = Церковно-общественный вестник. СПб., 1912–1915.  
ЦОЖ = Церковно-общественная жизнь. Казань, 1905–1907.  
ЦОМ = Церковно-общественная мысль. Киев, 1917.  
ЧОЛДП= Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1910–1917.

## Примечания

- <sup>1</sup> - См. ниже, С. 99.
- <sup>2</sup> - Стоит напомнить, что первоначально этот бранный ярлык употреблялся применительно к митрополиту Сергию (Страгородскому) и его Синоду: «Синод же собран из так называемых подмоченных или ссученных епископов. ... Надеюсь и верю, что эта церковная нижегородская ярмарка под неообновленческим флагом потерпит полное посрамление» – писал в 1928 г. принадлежавший к «иосифлянам» еп. Нектарий (Трезвинский). Цит. по: Шкаровский. Иосифлянство. СС. 54–55.
- <sup>3</sup> - Архиерейский Собор 1994. 81–82.
- <sup>4</sup> - См.: Единство Церкви; Современное обновленчество; Христианский вестник. М., 1994. № 3–4 (65–66).
- <sup>5</sup> - Архиерейский Собор 1994, 82–83.
- <sup>6</sup> - Имеются в виду государства бывшего СССР, составляющие каноническую территорию Русской Православной Церкви.
- <sup>7</sup> - Архиерейский Собор 1994, 176–177.
- <sup>8</sup> - Кравецкий. Дискуссии; Кравецкий. Проблема языка (по содержанию практически тождественна предыдущей); Кравецкий. Проблемы Типикона.
- <sup>9</sup> - Balasov (1); Balasov (2); русский вариант этих статей был опубликован позднее в том же году: Балашов (1998). Первым подступом к настоящей книге стала кандидатская работа автора: Балашов (1997).
- <sup>10</sup> - Из материалов Отдела.
- <sup>11</sup> - Богослужебный язык. 129–146, 337–368.
- <sup>12</sup> - Сове.
- <sup>13</sup> - С 1920 г. – митрополит Курский; впоследствии был известен своей особо непримиримой позицией по отношению к обновленческому расколу. См.: Левитин. 131–132.
- <sup>14</sup> - ОЕА. III. 454.
- <sup>15</sup> - ОЕА. I. 440. После революции жизненный путь еп. Константина был очень запутанным. В 1922 г. он уклонился в обновленческий раскол, в чем потом покался. Подобное происходило в те годы и с другими архиереями, включая митр. Сергия. Однако особенность еп. Константина в том, что он переходил в обновленчество, а потом каялся неоднократно. В 1925 г. он примкнул к григорианскому расколу. Как отмечал митрополит Мануил, «в русском епископате о нем сложилась поговорка: Дух покаяния никогда не оставлял его даже и до гроба, при многократных переходах его из одного раскола в другой» (Manuil TV. 138). Впрочем, тот же автор свидетельствует, что еп. Константин «отличался как хороший проповедник и строгий по отношению к церковному уставу» (Ibid.). А бывший житель Самары К.И. Аникин, возмущавшийся неблагоговейностью службы в московских храмах, писал св. Тихону, что в Самаре еп. Константин «так прекрасно поставил церковную службу, довольно запущенную его предшественником ... что нигде мне не приходилось видеть так стройно и чинно поставленной архиерейской службы ... Он научил меня посещать храм Божий и понимать красоту православного служения в храме» (Отдел, Письма. 54).
- <sup>16</sup> - ОБА. II. 20.
- <sup>17</sup> - ЦОЖ. 1907. № 18. С. 538.
- <sup>18</sup> - К. 101.
- <sup>19</sup> - Богос (1915). 932–937.
- <sup>20</sup> - Гумилевский И. 58–59, 63, 65, 71–72. После революции о. Илия (1881–1965) продолжал служить в московских храмах до 1928 г., когда он отделился от митр. Сергия и вскоре был на 3 года сослан в Сибирь. По освобождении жил в затворе.
- <sup>21</sup> - Никольский А. 30–31.

<sup>22</sup> - См.: К.П. 4–6.

<sup>23</sup> - Германов. 13–14.

<sup>24</sup> - Апраксин (2). 501–502.

<sup>25</sup> - Верховской. 20.

<sup>26</sup> - ОЕА. Публиковались Отзывы и в «Прибавлениях к Церковным ведомостям» за 1906 г. – иногда с небольшими сокращениями. Существует тематическая подборка Отзывов, подготовленная специальной комиссией при Синоде: Сводки отзывов епархиальных преосвященных по вопросам церковной реформы. СПб., 1906. Это собрание не свободно от пропусков и ошибок.

<sup>27</sup> - Сводка соответствующих отзывов см.: Сове. 50–51. Здесь пропущены отзывы епископов Костромского Тихона (Василевского) и Владивостокского Евсевия (Никольского) – см. ОЕА. II. 544; Приб. 201, – а еп. Орловский Кирион ошибочно назван Полоцким. Краткий обзор литургических вопросов в ОЕА (не чуждый неточностей, перешедших в работы как Зернова, так и Сове из Сводок – см. выше, прим. 1) см.: Зернов, Недавно напечатана наиболее полная подборка выдержек из Отзывов на темы о богослужении: Богослужебный язык. 319–336. Некоторые отзывы здесь даны в значительном сокращении; еп. Пермский Никанор ошибочно именуется Никоном. Как и у Сове, пропущен отзыв еп. Костромского Тихона (ОЕА. II. 544), а также кишиневских миссионеров, представленный еп. Владимиром (ОЕА. I. 203). Отзыв Варшавской епархиальной комиссии не был утвержден скончавшимся архиеп. Иеронимом и представлен в Синод еп. Евлогием; отзыв причта каф. собора в Выборге также не был утвержден еп. Финляндским Сергием, а лишь сообщен им Синоду для сведения. Список отзывов, относящихся к интересующему нас вопросу, приведен еще в одной недавней работе: Котт. 82–83. В нем ошибочно указан еп. Калужский Вениамин (Муратовский) – на самом деле будущий обновленец не уделит ни одной строчки литургическим проблемам. На указанных страницах находится не его отзыв, а еп. Михаила Минского.

<sup>28</sup> - Планы.

<sup>29</sup> - Богос (1905). 686.

<sup>30</sup> - Агафангел (Преображенский, 1854–1928), впоследствии архиеп. Виленский и Литовский (1910), Ярославский и Ростовский (1913), митрополит (1917), член Высшего Церковного Совета (1918), временный Патриарший Местоблюститель (1922). Арестован в 1922, в ссылке в Нарымском крае (1923–1925), в Пермской тюрьме (1925–1926); в 1926 в Перми заявил о вступлении в права Патриаршего Местоблюстителя, но вскоре отказался от этого заявления ради церковного мира и вернулся в Ярославль; в 1928 отделился с группой архиереев от митр. Сергия; через 4 месяца возобновил общение с ним.

<sup>31</sup> - Кирион (Садзагелов или Садзагелишвили, 1854–1918), впоследствии еп. Сухумский (1906), Ковенский (1907); на покое (1908); еп. Полоцкий и Витебский (1915); уволен по прошению 1 августа 1917 г.; 17 сентября избран католикосом-патриархом всей Грузии; 1 октября интронизован в Мухете. Убит в июле 1918 г.

<sup>32</sup> - Потехин. 13; ср.: ОЕА. I. 529; // 316; III. 498.

<sup>33</sup> - ОЕА. I. 21, 147, 545; II. 20, 205, 212, 461, 544; III. 43, 201, 498.

<sup>34</sup> - ОЕА. III. 43.

<sup>35</sup> - ОЕА. Приб. 257.

<sup>36</sup> - ОЕА. I. 322–323; II. 336–337.

<sup>37</sup> - ОЕА. I. 371–372.

<sup>38</sup> - ОЕА. I. 537.

<sup>39</sup> - ОЕА. I. 176; II. 116–117, 395; III. 30, 591.

<sup>40</sup> - ОЕА. I. 40–41.

<sup>41</sup> - ОЕА. II. 245.

<sup>42</sup> - Этот же мотив звучал и в отзывах преосвященных Могилевского, Полоцкого, Рязанского и Ярославского, а также в докладе Н.А. Белогорского.

<sup>43</sup> - ОЕА. I. 335–336. Эта часть доклада представляет собой сокращенное воспроизведение статьи, опубликованной незадолго до составления Отзывов: Самуилов (?) (1905). 534–536.

<sup>44</sup> - ОЕА. I. 203; III. 443.

<sup>45</sup> - ОЕА. I. 399; II. 287.

<sup>46</sup> - См.: Ставрополь 1905 (1). 1061–1062; Ставрополь 1905 (2). 1928; ПП. 1905. № 10. СС. 461–462; № 11. С. 609; Чита 1906. 53; ЦГ. 1906. № 7. С. 217; ЦВк. 1906. № 6. С. 180; Балтский уезд. 486. На съезде Полоцкой епархии в Витебске звучали и предложения о замене славянского языка русским, которые не были, однако, приняты по настоянию еп. Серафима – см.: Полоцкий съезд. 10. На собрании духовенства Гродненской епархии в Красностоке с рефератом о пользе перевода богослужебных книг на русский язык выступал архимандрит Супрасльского монастыря Николай – см.: Николай. 11.

<sup>47</sup> - См.: Псков 1905. 46; Никольский С. 27; ЦОЖ. 1907. № 4. С. 124; ЦВк. 1908. № 28. С. 868.

<sup>48</sup> - См., например: Бурдуков. 349.

<sup>49</sup> - Михаил Стефанович Елабужский, священник Николаевской церкви с. Вавожа Малмыжского у. Вятской епархии. Впоследствии активный участник подотдела о богослужебном языке Поместного Собора.

<sup>50</sup> - Елабужский. 11–12.

<sup>51</sup> - Дневник. 3–5.

<sup>52</sup> - См.: ЕО. 1906. №№ 19, 21, 23, 6–27, 29.

<sup>53</sup> - Список. 1.

<sup>54</sup> - Кострома 1906. 275–276, 284.

<sup>55</sup> - Иванов П. (2). 467–468.

<sup>56</sup> - Сообщения и критические отклики см.: Облеухов (1, 2); Кондратьев; И.В.С.; Пастырское собрание; Пастырское собрание по вопросу о богослужении; Второе собрание; Третье собрание; Кульбуш; Четвертое собрание; Д.С; К вопросу о богослужении; Почему?; Дроздов Н. К вопросам; Дроздов Н. Кто лучше?; Дроздов Н. Ревнители уставности.

<sup>57</sup> - Георгий Иванович Шавельский (1871–1951) в 1911 г. был назначен протопресвитером военного и морского духовенства. После участия в Поместном Соборе и в организации Южно-Русского собора в Ставрополе, на территории, занятой Белой гвардией (1919), эмигрировал в Болгарию. Проф. богосл. ф-та Софийского ун-та, директор и законоучитель русской гимназии.

<sup>58</sup> - Третье собрание. 1369.

<sup>59</sup> - Личный состав см.: Устав Братства (Указано о. Г. Орехановым). Проект церковных реформ, принятый 19 декабря 1905 г. Союзом ревнителей церковного обновления (позднее переименованным в Братство), включал пожелание «упростить и приблизить к пониманию народа церковное богослужение» посредством, в частности, нового перевода богослужебных книг. См.: Кремлевский (1906). 4.

<sup>60</sup> - Д.С. 24–25; полностью текст доклада см.: Кремлевский (1907). Отклик прот. Н. Дроздова на это выступление см. ниже, с. 101.

<sup>61</sup> - Четвертое собрание. 31.

<sup>62</sup> - Третье собрание. 1370.

<sup>63</sup> - Впоследствии Серафим, еп. Кустанайский (1914), Челябинский (1916), Тверской (1919), митр. Саратовский (1928), Казанский (1933); член «Сергиевского» Синода (1920–1937); арестован (1925–1926), вновь арестован и расстрелян (1937).

<sup>64</sup> - См., соответственно: Богуслав. 816–817; Айвазов. 902; Третьяков (1910). 390.

<sup>65</sup> - Тамбов (1906). 270.

- <sup>66</sup> - О занятиях. 1642, 1681–1682.
- <sup>67</sup> - Определение М 3130. 235.
- <sup>68</sup> - Михаил Александрович Кальнев, магистр богословия, автор ряда трудов по православной апологетике и методике миссионерской полемики, впоследствии член Поместного Собора.
- <sup>69</sup> - Идея.
- <sup>70</sup> - Пред соборное Присутствие. 218.
- <sup>71</sup> - Доклад Добровольского. 41.
- <sup>72</sup> - См.: Съезд русских людей; ЦВк. 1906. № 16. С. 517. Основанием для постановления послужил доклад, вскоре опубликованный в одном из журналов консервативно-патриотического направления: Миловский. Его автор, Николай Михайлович Миловский (1861–1927), канд. богословия МДА (1887) служил в то время настоятелем московской церкви Воскресения на Остоженке, позднее – Ризоположения на Донской. В 1922 г. арестован по «делу об изъятии церковных ценностей», освобожден в 1923 г.
- <sup>73</sup> - Лекция Дмитриевского. 431.
- <sup>74</sup> - Михаил Александрович Новоселов (1864–1938?) – московский церковный публицист, издатель и общественный деятель, руководитель «Кружка ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой Церкви». В молодости толстовец. После революции член Временного совета объединенных приходов г. Москвы и «Братства ревнителей Православия»; с 1922 г. на нелегальном положении. По некоторым сведениям, пострижен в монашество с именем Марк и рукоположен во епископа «катакомбной» Церкви, составлявшей оппозицию митр. Сергию. Арестован в 1928 г. После 10-летнего заключения приговорен к расстрелу в Вологде.
- <sup>75</sup> - Николай Алексеевич Преображенский (1872–1916), канд. богосл. МДА (1897), диакон посольской ц. в Лондоне (1898), свящ. Василие-Кесарийской ц. в Москве (1908).
- <sup>76</sup> - Николай Иванович Кедров – магистрант МДА (1882), преподаватель Московской духовной семинарии. В мае 1906 г. он предлагал «внести в программу Собора хотя бы частичный пересмотр богослужебного чина» на собрании московской Комиссии по церковным и вероисповедным вопросам при Союзе 17-го октября, но эта тема не получила развития в дальнейших занятиях Комиссии, занятой преимущественно сословными интересами духовенства и спорами о власти епископов – нередко в стиле уличной революционной пропаганды (см.: Перед Собором. 342). Впоследствии делопроизводитель отдела Поместного Собора о богослужении, проповедничестве и храме.
- <sup>77</sup> - Николай Иванович Лебедев (1862 – после 1922) – священник Благовещенской церкви с. Степановского Бронницкого у. Московской губернии. В 1922 г. арестован и осужден (повторно) по делу об изъятии церковных ценностей.
- <sup>78</sup> - Кедров Н. Аргументы, представленные в реферате, в значительной части повторяют содержание двух ранее опубликованных статей: Назревшая необходимость; Н-н.
- <sup>79</sup> - См.: ЕО. 1906. № 68. С. 4; ЦГ. 1906. № 39. С. 1048; Никонович; Городцев. 152; Соколов В. Богослужебные реформы.
- <sup>80</sup> - Миронович. 9.
- <sup>81</sup> - NN. 514; ср.: Дроздов В. 874–875.
- <sup>82</sup> - Пономарев.
- <sup>83</sup> - См., например, Полтавские ЕВ. 1913. № 8. С. 590, – причем это уже перепечатка из Смоленских ЕВ.
- <sup>84</sup> - Палицкий 1913. 905. См. также: Третьяков (1914). 81–82. Приветствуя начинание о. Пономарева, автор этой статьи, священник Иверского монастыря в Самаре и законоучитель монастырской школы, указывает, однако, что в другом приходе подобные попытки встретили резкий протест со стороны прихожан и были прекращены, чтобы не вносить смуту.
- <sup>85</sup> - Отдел, Протоколы. 192.

<sup>86</sup> - См., например: Сети. 7.

<sup>87</sup> - См.: Всеподданейший отчет. 39.

<sup>88</sup> - Примером могут служить статьи о. Иакова Извекова: Извеков. Неотложное дело; Извеков. О реформе. В первой из них автор ведет речь об исправлении богослужебных книг, хотя и в самых настойчивых выражениях. Во второй о. Иаков, не оставляя своих прежних предложений, уже отдает предпочтение русскому переводу хотя бы наиболее трудных для восприятия частей богослужения, например, канонов. Ср. также: АМ. 177. Здесь также речь идет о переводе или «по крайней мере» значительном исправлении. Пскович Сергей Новлянский говорит о новом и лучшем переводе песнопений «с греческого (если не на русский) – на славянский язык». См.: Новлянский. 268. Таковы же предложения еп. Андрея (Ухтомского): «Нужны издания богослужебных книг, если не на русском языке, то, по крайней мере, напечатанные русскими буквами, с переводом непонятных слов» (Андрей. О непонимании. 47), а также законоучителя Тираспольского реального училища: Кирицов. 794–795.

<sup>89</sup> - В 1901 г. в Афинах вспыхнуло возмущение по поводу перевода Нового Завета на разговорный новогреческий язык, осуществленного писателем А. Паллисом. Уличные беспорядки, учиненные преимущественно студентами, повлекли за собой человеческие жертвы и увольнение на покой митрополита Афинского Прокопия.

<sup>90</sup> - Попов И. (1). 727–729.

<sup>91</sup> - См.: Попов И. (2); Андроник. Упрощать богослужение; Троицкий.

<sup>92</sup> - Впоследствии еп. Екатеринославский и Мариупольский (1911), архиеп. (1918), член Юго-восточного церковного собора (1919), возглавил самочинный Синод Автокефальной Украинской Церкви и запретил поминовение патр. Тихона (1919), лишен сана за учиненный раскол, затем принес покаяние, скончался в заключении после 1923.

<sup>93</sup> - Попов И. (3).

<sup>94</sup> - Лиховицкий (1); Покровский Н. (1); Лиховицкий (2); Покровский Н. (2); Недельский; М.П.; Волнин. 361–362; Мирянин. О введении русского. Александр Владимирович Лиховицкий – законоучитель и настоятель церкви Петровского реального училища в Ростове-на-Дону.

<sup>95</sup> - Впрочем, даже в последние предреволюционные годы в дискуссию порой вливались новые участники, как, например, мировой судья из Полтавской губернии, который, по-видимому, был мало знаком с написанным на эту же тему ранее и обосновывал свои предложения (служить на русском языке и т.п.) тем, что «хорошо знает народ». См.: Терновец. 3–4.

<sup>96</sup> - Церковное обозрение. 160.

<sup>97</sup> - Стефанович. 1421.

<sup>98</sup> - ЦОЖ. 1907. № 26. С. 799. Протоиерей Кирилл Иоаннович Зайц (1869–1948) впоследствии служил миссионером в Даугавпилсе, в 1917 член Поместного Собора от Полоцкой епархии, затем настоятель кафедральных соборов в Гродно и Риге, преподаватель Рижской семинарии, в 1941–1944 гг. возглавлял Псковскую православную миссию. Скончался в советском концлагере.

<sup>99</sup> - К всероссийскому Собору. 280.

<sup>100</sup> - Хотовицкий. О реформах. 157. Протоиерей Александр Александрович Хотовицкий (1872–1937), канд. богословия СПбДА, с 1895 был миссионером в Америке, с 1903 – настоятелем кафедрального собора в Нью-Йорке. В 1914–1917 служил в Финляндии; назначен ключарем московского храма Христа Спасителя. Член Поместного Собора (1917–1918). Затем один из ближайших помощников св. патриарха Тихона. Неоднократно подвергался аресту и заключению; расстрелян. Причислен к лику святых Архиерейским Собором Русской Православной Церкви (1994).

<sup>101</sup> - А.В. 1581, 1583.

<sup>102</sup> - Приходский священник. Русский язык. 3.

<sup>103</sup> - Мясников. 324. Автор – священник с. Средне-Аверкина Бугурусланского уезда Самарской губернии.

<sup>104</sup> - Н-н. 33.

<sup>105</sup> - С-ов. 87; ср.: Священник. О церковном чтении. 3.

<sup>106</sup> - Миряне. 24.

<sup>107</sup> - Дроздов Н. Ревнителю уставности. 48; ср.: Дроздов Н. К реформе (1). 16–17. К слову сказать, автор настоящей книги тоже занимался когда-то подобными экспериментами. Чаще всего ревнители незыблемости существующего текста церковнославянских богослужебных книг, даже из числа имеющих богословское или филологическое образование, после нескольких попыток передать по-русски смысл почти наугад выбранного песнопения или молитвы, пускались в рассуждения о неизреченном и духовном смысле данного текста, который понятными словами будто бы невозможно даже и пересказать... Немало примеров ошибочного прочтения богослужебных текстов представлено, например, в статьях О. Газизовой, в начале 90-х гг. печатавшихся в «Московском церковном вестнике», а позднее – в журнале «Наука и религия» (см., в частности: «Огнесветлая» радость Троицы // Наука и религия. М., 1997. № 6. С. 30).

<sup>108</sup> - Альбов (1) № 914. Иоанн Федорович Альбов – законоучитель и настоятель ц. при Михайловской артиллер. академии. См. также сочувственную статью сельского священника: Вяземский.

<sup>109</sup> - Энгельгардт. Николай Александрович Энгельгардт (1866-?) – литературный критик, постоянный сотрудник «Нового времени».

<sup>110</sup> - Богоявленский. 677.

<sup>111</sup> - Дроздов Н. К реформе (1). 16–17.

<sup>112</sup> - Нардов. 651.

<sup>113</sup> - Лиховицкий (1). 391–392. Сходны впечатления другого священнослужителя: Пр-й С-н (1906). 397–398.

<sup>114</sup> - Статиров. 196–197. Ср. еще подобные оценки: Н-н. 33–34; Назревшая необходимость. 425.

<sup>115</sup> - Мирянин. О реформе. 123–124.

<sup>116</sup> - Лещенецкий. 913–914.

<sup>117</sup> - Андрей. О непонимании. 46–47. Епископ Уфимский Андрей (кн. Ухтомский, 1872–1937), член Святейшего Синода в 1917 г., председатель V отдела Предсоборного совета, член Поместного Собора. После революции неоднократно подвергался арестам. В 1925 г. вступил в каноническое общение со старообрядцами, в связи с чем был запрещен в священное лужение митрополитом Сергием. Расстрелян в Ярославле.

<sup>118</sup> - Андрей. Интеллигенты. 628.

<sup>119</sup> - Самуилов С. (1905). 1338. О. Сергей Самуилов (1883 – ок.1932), скончавшийся в заключении, был убежденным сторонником богослужения на русском языке и написал не менее трех статей по этому вопросу. В 20-е гг. он решительно противостоял обновленческому расколу. См. замечательные воспоминания его дочерей : Самуилова С.С., Самуилова Н.С. Отцовский крест. СПб., 1996. Т. 1–2. Его брат, священник той же епархии Евгений Самуилов, также опубликовал две статьи в защиту литургического употребления русского языка.

<sup>120</sup> - Остроумов С. 124, 126, 127.

<sup>121</sup> - Боголюбов. 149–151. Дмитрий Иванович Боголюбов (1869–1953), магистрант МДА (1894), тамбовский (1894), харьковский (1898), петербургский (1903) епархиальный миссионер; член петербургского Религиозно-философского общества (1907–1908); инспектор Ставропольской (1913), Тамбовской (1914) ДС. Член Поместного Собора (1917–1918). В ноябре 1918 г. по представлению митрополита Вениамина вновь назначен Петроградским епархиальным противосектантским миссионером. Священник (1922); протоиерей, служил в московских приходах. Назначен св. Тихоном в состав Высшего Церковного Совета (1924).

Неоднократно подвергался арестам, оставаясь бесстрашным обличителем обновленчества. Профессор МДА по истории русского раскола и сектантства (1945–1951), духовник МДА (1951–1952).

<sup>122</sup> - Самуилов Е. (1). 200–201. Авторство устанавливается по: Самарские ЕВ. 1916. № 2. С. 70.

<sup>123</sup> - Хотовицкий. О реформах. 157.

<sup>124</sup> - Леонович. 3–4.

<sup>125</sup> - Зайц. 336.

<sup>126</sup> - Энгельгардт.

<sup>127</sup> - Кедрин. 68. Ср.: Мирянин. О реформе. 124.

<sup>128</sup> - Иванов И.

<sup>129</sup> - Мясников. 336.

<sup>130</sup> - Цветков. 92. Ср.: Альбов (2); Иерей. О языке. 578; Н.П. 210.

<sup>131</sup> - Самуилов С. (1905). 1338.

<sup>132</sup> - Попов И. (1). 727. Известный общественный деятель и светский богослов А.А.

Киреев тоже усматривал причину отхода православных в «штунду» в том, что наши чудные молитвы оказались непонятными для простонародья – «форма убивает сущность» (Киреев. 388). Ср. также: Квятковский. 572–573; Тихомиров К. (1916). 125.

<sup>133</sup> - Богоявленский. 677–678; ср.: Стефанович. 1421.

<sup>134</sup> - Шмарин. 539. Ср. похожие мысли молодого сельского благочинного из Полоцкой епархии: Покровский В. 239; ответ ему со стороны старшего по возрасту собрата: Несправедливые обвинения. 358, а также: Гумилевский Н. 32–33.

<sup>135</sup> - Церковное обозрение. 165. Ср. близкие высказывания петербургских священников: Дроздов Н. Вразумительно ли богослужение? 147; Антонов. Сектантство. 2, а также: Приходский священник. Русский язык. 2–3.

<sup>136</sup> - См. ниже, с. 176.

<sup>137</sup> - Дело Зайончковского. 30–30 об.

<sup>138</sup> - Лиховицкий (1). 394. Ср. аналогичный отклик редакции казанского журнала на предложение архиеп. Варшавского Никанора (Каменского) перевести литургию на польский язык: Литургия на польском; ср. также: Аполлосов. 215 (Михаил Васильевич Аполлосов – священник с. Шаталовки Нижнедевицкого у. Воронежской еп., член Губернской ученой архивной комиссии); Иванов И.; Статиров. 198; Православный. 550; Н., миссионер. 1326; Приходский священник. Русский язык. 3; Священник. О церковном чтении. 3; Церковное обозрение, 164; Ивановский. 78; и др.

<sup>139</sup> - См.: Священник. По поводу... 31; Самуилов С. (1905). 1340; Мясников. 334; Остроумов С. 124.

<sup>140</sup> - См.: РГИА. Ф. 799. Оп. 8. Д. 664 (гагаузский яз., часослов и акафисты, 1907); 711 (литовский яз., литургия Иоанна Златоуста, 1908); 64 за 1912 г. (монгольский яз., только в первонач. описи, дело выбыло); 923 (осетинский яз., богослужебные книги, 1911); 908 (французский яз., молитвослов и последование венчания, 1911); 715 (чешский яз., молитвослов, служебник, литургия Иоанна Златоуста, 1908–1911); 751 (шведский яз., молитвенник и литургия Иоанна Златоуста, 1911); 953 и 1108 (то же, чинопоследования различных треб, 1912 и 1914); 1146 (то же, чин како приимати приходящих к Православной Церкви из лютеранского вероисповедания, 1914).

<sup>141</sup> - Тимофеев. 64.

<sup>142</sup> - Леонович. 3.

<sup>143</sup> - К вопросу о богослужении. 1219.

<sup>144</sup> - Мясников. 334–335. Справедливость требует отметить, что Н.И. Ильминский, сделавший так много для перевода богослужебных книг на инородческие языки, был решительным противником всякого поновления церковнославянского языка. Поэтому на



труды Ильминского (извлекая из них соответственно нужде разные цитаты) порою ссылались в начале XX в. как сторонники, так и противники богослужения на русском языке. О противоречивом характере взглядов Ильминского писали и в изучаемый нами период. См.: Палицкий 1914. 139.

<sup>145</sup> - См.: Пономарев. 695.

<sup>146</sup> - См.: предсоборный Совет, доклады. 89; Богослужебный язык. 340.

<sup>147</sup> - М-ч В. 26.

<sup>148</sup> - Священник. О церковном чтении. 3.

<sup>149</sup> - Леонович. 3.

<sup>150</sup> - Остроумов С. 127.

<sup>151</sup> - Тихомиров К. (1915). 596; ср.: Палицкий 1914. 140; Мясников. 324; НЛ. 209.

<sup>152</sup> - Иванов И. 4; Городцев. 138; Приходский священник. Русский язык. 3.

<sup>153</sup> - Статиров. 197–198; Энгельгардт; Ивановский. 78–79.

<sup>154</sup> - Ср. Деян. 2:39. – Н.Б.

<sup>155</sup> - Лиховицкий (1). 393–394.

<sup>156</sup> - Приходский священник. Русский язык. 3; Тихомиров К. (1915). 596; Богоявленский. 676; ЦВк. 1905. № 23. СС. 712–713.

<sup>157</sup> - См.: Мельгунов. 195.

<sup>158</sup> - К.П. 11–13. Статья была перепечатана или изложена во многих епархиальных изданиях и встречена рядом весьма положительных рецензий, з искренности которых едва ли можно сомневаться – Победоносцев не занимал уже к тому времени должности обер-прокурора. Недавняя перепечатка: Богослужебный язык, 73–82. Из возражений на эту статью см.: Хотовицкий. О реформах. 157; Дроздов Н. К реформе (1). 14–20; Извеков. О реформе. № 18. С. 2.

<sup>159</sup> - Соколов Г. 8–9, 61, 45–46. Георгий Александрович Соколов – инспектор народных училищ Астраханского и Красноярского уездов, член Астраханского уездного отделения епархиального училищного совета.

<sup>160</sup> - Полиевктов. 12; ср.: Желательные реформы. 483–485.

<sup>161</sup> - Петропавловский. 3. Ср.: Мамонов. 245–249; Молчанов. 59; Кудин; Пестряков. В защиту. 278, 294–299.

<sup>162</sup> - С такой инициативой автор вскоре обратился в Синод. См. ниже, с. 172.

<sup>163</sup> - П.Ш. 1302. Ср. возражения тульского священника против предложений о параллельных молитвенниках: «Мы погрешаем против нашего церковного правила и против завета св. Кирилла и Мефодия, поглядывая в сторону католицизма: это у нас ныне пленные австрийцы стоят в наших храмах с книжками в руках, ибо они католики. А нам, слушая свое родное богослужение, имея заветы Церкви совершать его на понятном для молящихся языке, делать это неуместно и неприлично» (Ивановский. 79).

<sup>164</sup> - Иустинов. 8.

<sup>165</sup> - Певницкий. 1271.

<sup>166</sup> - О славянском Типиконе. 1725.

<sup>167</sup> - Сосунцов (1914). 547.

<sup>168</sup> - Серебренников. 494–495.

<sup>169</sup> - Виноградов. 42–43.

<sup>170</sup> - В.В. 1126. Другой священник делится таким наблюдением: от чтения Четьих миней в русском переводе «являются мысли кошунственные, сказание о жизни святого представляется каким-то беллетристическим рассказом, вымыслом, пропадает даже вера» (СЛ.Л. 68). Похоже, что за многими возражениями против русского языка стоит именно это подсознательное опасение утратить веру в результате осмысления средневековых текстов, отражающих мировосприятие, несвойственное человеку XX века.

<sup>171</sup> - См. выше, с. 26.

- 172 - Распоряжения Серафима. 580–583.
- 173 - Сосунцов (1913). 136–137. Выделено мною. – Н.Б.
- 174 - Алфеев. 464; ср.: З...Я Л. Сходное возражение выдвигал недавно почивший академик Д.С. Лихачев († 1999): «Не Церковь должна кланяться обывателю, а обыватель – Церкви» (Лихачев. 42).
- 175 - Никон. Славянский язык. 74–75.
- 176 - См.: Краснитский. 361–366.
- 177 - См.: Соколов Г. 1, 2, 27; Пестряков. В защиту. 264–265; Никольский П. 253–255; Солосин. 33–35.
- 178 - Покровский Н. (1). 496.
- 179 - Сильвестр (Ольшевский, 1860–1920), канд. богословия КДА (1887), до хиротонии – полтавский епархиальный миссионер, преподаватель семинарии. Впоследствии еп. Челябинский, затем – еп. и архиеп. Омский и Павлодарский. Скончался в Омской тюрьме.
- 180 - Сильвестр. 549.
- 181 - Побединский. 111; ср.: Голощাপов. 346.
- 182 - Алфеев. 463.
- 183 - Афанасьев. 855–856.
- 184 - Соколов Г. 4, 11, 47–48; ср.: Пестряков. В защиту. 271.
- 185 - Андроник. Упрощать богослужение. 161.
- 186 - Певницкий. 1268, 1412.
- 187 - Сильвестр. 555.
- 188 - См., например: Недельский. 414; Речменский. О языке. 350.
- 189 - Мефодий. 302. Перепечатка: Богослужебный язык. 105–127. Владыка Мефодий (Герасимов, 1856–1931) – канд. богословия КазДА (1892), начальник Алтайской миссии (1893), еп. с 1894, на Оренбургской кафедре с 1914 г., архиеп. с 1918 г. На Поместном Соборе пред. подотдела о богослужебном языке. В 1919 г. эмигрировал в Китай, скончался в сане митрополита Харбинского (в юрисдикции Зарубежного Синода). Утверждение о неоскверненности славянской речи профанным употреблением не вполне точно: оно опровергается самими же ревнителями славянского языка, которые выражали возмущение по поводу шуток, анекдотов и т.п. с обыгрыванием славянских слов и оборотов – обычай действительно распространенный как в XIX, так и в начале XX в. См.: Никон. Профанация. Словарь пословиц Даля также дает достаточно примеров вполне профанного употребления церковнославянских слов и оборотов.
- 190 - Виноградов. 41–42.
- 191 - См.: Пестряков. В защиту. 276.
- 192 - См., например: О замене; Речменский. О языке. 350; Соколов В. О богослужении. 337. Автор последней статьи Василий Александрович Соколов (впосл. протоиерей) (1868–1922), ок. МДА (1910), служил в московской ц. Николы Явленного на Арбате; магистр богословия (КазДА, 1916); арестован и расстрелян по делу об изъятии церковных ценностей.
- 193 - Semper idem; М.П. 390; Солосин. 30; Богородицкий. В защиту. 447; Мефодий. 315.
- 194 - См., например: Колосов. Против течения. 567–568; Соколов В. О богослужении. 337.
- 195 - См., например: Виноградов. 40; Полиевктов. 12.
- 196 - См., например: СА.Л. 65; Петропавловский. 3.
- 197 - Сильвестр. 547; ср. также: Речменский. О языке. 351; Протопопов. 469; Недельский. 413.
- 198 - См.: Колосов. Против течения. 569.
- 199 - К.П. 13; ср.: Алфеев. 463; О славянском Типиконе. 1725.

- 200 - Певницкий. 1218, 1269.
- 201 - С.Л. 323–324.
- 202 - Соколов Г. 5, 49.
- 203 - Пестряков. В защиту. 267; ср.: О замене. 256; Троицкий; Востоков (1916). 47.
- 204 - Виноградов. 38–40.
- 205 - М.Л. 987. Ср.: Третьяков (1910). 392–393.
- 206 - Освободительное движение и духовенство. 177–178.
- 207 - Колосов. Против течения. 570.
- 208 - Миронов. 1. Похожие мысли ср.: Никон. Славянский язык. 73; Певницкий. 1410.
- 209 - Побединский. 111.
- 210 - Богородицкий. В защиту. 448. Ср.: Богородицкий. Еще в защиту.
- 211 - Сильвестр. 555.
- 212 - Покровский Н. (2). 1198. Имеется в виду Комитет по делу пересмотра и исправления церковно-богослужебных книг, учрежденный в 1869 г. по инициативе святителя Иннокентия, митрополита Московского. Покровский не совсем точен: Комитет, как и сменившая его позднее Особая комиссия при Святейшем Синоде, рассматривал также тексты Требника и Евангелия.
- 213 - Недельский. 413.
- 214 - Богородицкий. В защиту. 448.
- 215 - Ключарев. 473.
- 216 - Виноградов. 44–45.
- 217 - К.П. 12–13.
- 218 - Алфеев. 464.
- 219 - Недельский. 414.
- 220 - Покровский Н. (1). 494–495. Ср. аналогичные выводы у других авторов: Миронов. 1; Побединский. 111. Доводы Покровского в основном повторяются в пространной статье Кишиневских ЕВ, включающей анализ ряда публикаций 1906 года. Впрочем, ее автор склонен более серьезно относиться к проблеме непонятности богослужебного текста. Заключительный его вывод сформулирован в более осторожных выражениях: «Итак, последовательную и точную замену церковнославянского богослужебного языка разговорным-обыденным русским мы признаем бесполезной и поэтому практически не осуществимой» (М.П. 1090); по-видимому такая позиция открыта к дальнейшей дискуссии о том, как и на какой русский язык могут быть переведены богослужебные тексты.
- 221 - Мефодий. 276.
- 222 - См. выше, с. 51.
- 223 - Ревнитель. 244–245.
- 224 - При С-н (1910). 925–927. Статьи, подписанные этим криптонимом (возможно, принадлежащим протоиерею Воскресенской церкви г. Самары Иоанну Соковнину), регулярно печатались в Самарских ЕВ; одна из них (При С-н (1906). 397–402) по содержанию весьма близка к отзыву еп. Самарского Константина (ОЕА. I. 440; см. выше, сс. 16–17); по-видимому, автор привлекался к работе над этим документом. В другой статье тот же автор именует себя «старым законоучителем» (Самарские ЕВ. 1910. № 18. С. 1296).
- 225 - Сильвестр. 551–552.
- 226 - См.: Миронов. 1.
- 227 - Сильвестр. 551.
- 228 - Сильвестр. 555–556.
- 229 - Колосов. Против течения. 569.
- 230 - Покровский Н. (1). 493.
- 231 - Андроник. Упрощать богослужение. 161.

- 232 - Дроздов Н. Кто лучше? 15.
- 233 - Силин. 670–671. Священник Димитрий Васильевич Силин, магистрант МДА (1897), преподаватель Тульской ДС (1905–1908), затем смотритель Белевского духовного училища. С 1916 г. – ректор Самарской ДС и редактор Самарских ЕВ. Его работа, в основе которой лежит критический разбор статьи В.Ф. Певницкого (см. выше, сс. 71, 82), осталась наиболее объемистым и развернутым произведением, специально посвященным вопросу о литургическом употреблении русского языка. Редакция БВ, во главе которой стоял тогда проф. Н.А. За-озерский, поместила статью Силина с оговоркой, что не разделяет средств осуществления богослужебной реформы, предлагаемых автором, хотя и сочувствует самой идее.
- 234 - Силин. 671–672.
- 235 - Самуилов (?) (1905). 534; сходные мысли ср.: Самуилов С. (1905). 1339.
- 236 - См., например: П. О Часослове.
- 237 - См.: Лиховицкий (2). 1009; Миряне. 25–26.
- 238 - Тимофеев. 64; ср.: Новиков. 159–160; Назревшая необходимость. 426–427; П.Л.
- 239 - Статиров. 203.
- 240 - См.: Самуилов Е. (2). 1278.
- 241 - Силин. 451, 494–495. Ср. еще более резкое высказывание известного церковного публициста того времени: «Буква превращена в фетиш!» – Ильинский В. (1907). 4.
- 242 - П.Л. 3; ср.: Миряне. 26.
- 243 - Экземплярский. О направлении. 95.
- 244 - П.Л. 3.
- 245 - Силин. 661; 457–458. Молитва иеросхимонаха Парфения (Краснопевцева, 1790–1855), которая и ныне помещается во многих православных молитвословах, издаваемых по благословению священноначалия, в значительной части представляет собой заимствование из «Подражания Христу» Фомы Кемпийского. Позднее широкое распространение среди верующих получила т.н. молитва последних Оптинских старцев, также изложенная по-русски, причем еще более простым языком, с очень ограниченными славянскими заимствованиями.
- 246 - Журналисты приписывали составление этой молитвы архиеп. Антонию (Храповицкому).
- 247 - Православный мирянин. 11.
- 248 - Дмитрий Павлович Ахматов (1883–1938), свящ. (1908), канд. богословия СПбДА (1912), инспектор классов Симбирского епарх. училища (1914–1917), с 1919 служил в Самарской епархии. Вместе с правящим архиереем, еп. Анатолием (Грисюком), признал обновленческое ВЦУ и был делегатом на обновленческом Соборе (1923); впоследствии служил в Германовской ц. Ульяновска – каф. соборе Патриаршей Церкви (до 1932). Арестован (1937), расстрелян.
- 249 - Ахматов. 21.
- 250 - Богоявленский, 680.
- 251 - Лиховицкий (2). 1074.
- 252 - Лиховицкий (1). 394.
- 253 - *Filius Ecclesiae*. 137. Другое мнение по поводу качества Синодального перевода Библии высказал позднее П.П. Кудрявцев: см. ниже, сс. 126–127.
- 254 - Рецензия (Ирк.).
- 255 - Хотовицкий. О реформах, 157.
- 256 - Силин. 669–670.
- 257 - Силин. 456, 458–459.
- 258 - Самуилов С. (1905). 1339.
- 259 - Тихомиров К. (1915). 599.

- 260 - Палицкий 1913. 907.
- 261 - Мирянин. О введении русского. 292.
- 262 - Ильинский П. (1917). 249–250. Павел Матвеевич Ильинский (1866–1931), священник церкви ст. Исакогорка Архангельской епархии. Член Поместного Собора, принимавший деятельное участие в работе богослужебного отдела (в течение 1-й сессии Собора; на 3-й сессии его сменил другой делегат). Впоследствии служил в Холмовской церкви той же епархии. Был сослан, в 1931 г. арестован и умер в лагере от истощения – раньше, чем успели привести в исполнение вынесенный ему расстрельный приговор (сообщено А.Г. Кравецким).
- 263 - См. выше, с. 36.
- 264 - Дроздов Н. Кто лучше? 15.
- 265 - Дроздов Н. К реформе (2). 1095.
- 266 - Миряне. 25.
- 267 - Ивановский. 78.
- 268 - Иерей. О языке. 576–577. Автор выступал за новый перевод «не на русский, а на новославянский язык».
- 269 - Дроздов Н. Вразумительно ли богослужение? 149.
- 270 - Палицкий 1913. 906.
- 271 - Палицкий 1914. 139. В этом выпуске своего обозрения, в отличие от цитированного выше, Палицкий готов отдать предпочтение новому переводу на славянский язык при условии «заменить его омертвевшие элементы живыми». Ср. также: Палицкий 1915. 481–482.
- 272 - Силин. 672–673.
- 273 - См.: Шишков А.С. Рассуждение о красноречии Священного Писания и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила российского языка. СПб., 1825. СС. 95–97; Сборник исторических документов, извлеченных из архива собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1903. Вып. 12. С. 370.
- 274 - Силин. 500–501.
- 275 - Силин. 495–496.
- 276 - Ср. мнение видного борца с религией Емельяна Ярославского, отраженное в протоколе заседания Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП (б) 2 января 1929 г.: «Богослужение на русском языке теряет свою обаятельность, мистику. Примеры: мусульманское и еврейское духовенство упорно цепляются за богослужение на арабском и древнееврейском языках», – сказал он, предлагая из этих соображений не препятствовать изданию обновленного молитвенника в русском переводе (Цит. по: Нежный А.И. Комиссар дьявола. М.: Протестант, 1993. С. 104).
- 277 - Силин. 453–455.
- 278 - Остроумов С. 127–128.
- 279 - Статиров. 198–199. Ср. более позднее высказывание о. Василия Зеньковского в его воспоминаниях: «Языковой униформизм в богослужении ... свидетельствует лишь о нечувствии великой тайны освящения языка через совершение на местном языке богослужения» (Зеньковский. 95).
- 280 - Николай. 120. Ср.: Н.П. 210; Мирянин. О реформе. 126.
- 281 - Силин. 673.
- 282 - Богоявленский. 681.
- 283 - Ивановский. 80.
- 284 - См. выше, с. 85.
- 285 - Дроздов Н. К реформе (2). 1096; ср.: Городцев. 151–152.
- 286 - Богоявленский. 681–682; ср.: Думский. 1098; Церковное обозрение. 164.
- 287 - Лиховицкий (1). 395; ср.: Богоявленский. 682; М-ч В. 26.

- 288 - См.: Покровский Н. (2). 1075.
- 289 - Дроздов Н. К реформе (2). 1098–1099; ср.: Ахматов. 28.
- 290 - Ахматов. 25; ср.: Лиховицкий (2). 1043; Силин. 672.
- 291 - Самуилов Е. (2). 1277–1278.
- 292 - Альбов (2). Традиция такого народного толкования обнаруживает устойчивость: 80 лет спустя автору этой книги пришлось услышать подобное утверждение от благочестивого пономаря в сельской церкви Вологодской епархии.
- 293 - Ахматов. 23.
- 294 - Статиоров. 200.
- 295 - Мясников. 338–339.
- 296 - Силин. 464–465.
- 297 - Дроздов Н. Кто лучше? 15.
- 298 - См. выше, с. 85.
- 299 - Самуилов С. (1912). 562.
- 300 - Filius Ecclesiae. 137–138. Ср.: «Мы не должны поступаться своими насущными интересами для интересов раскольников» (Успенский).
- 301 - Православный. 551.
- 302 - См. выше, с. 82.
- 303 - Остроумов С. 130–131. Ср. Ин 5, 2. Близкие мысли высказаны и в статье священника из г. Сенгилей Симбирской епархии: Анастасиев. 316–317. В 1918 г. о. Иоанн Анастасиев был арестован; дальнейшая судьба его неизвестна.
- 304 - См.: Лиховицкий (2). 1111; ср.: Ахматов. 26. Священник с. Бурнака Борисоглебского у. Тамбовской губ. Феодор Светозаров также считал в 1906 г., что прежде решения вопроса на Соборе (который тогда еще ожидался в скором будущем) необходимо по инициативе Синода священникам повсеместно обсудить это дело с усердными к Церкви прихожанами. См.: Светозаров
- 305 - Практически одновременно с Силиным эту же идею выдвинул священник Самарской епархии Евгений Самуилов. См.: Самуилов Е. (2). 1281.
- 306 - См.: Силин. 459, 677. Ср.: Н-н. 38–39.
- 307 - Остроумов С. 130.
- 308 - Стефанович. 1422; ср.: Археология или жизнь? 748; А.В. 1584.
- 309 - Автор имел в виду архимандрита Макария (Глухарева) и прот. Герасима Павского.
- 310 - Смоленский. 150.
- 311 - См.: Ракитский 389–390.
- 312 - Городцев. 153; ср.: Самуилов С. (1905). 1342; Самуилов (?) (1910). 844–845; Ахматов. 27; Н.П. 210.
- 313 - См.: Устынский. 3. В качестве следующего шага о. Александр считал полезным ввести в богослужение и русскую стихотворную речь.
- 314 - См.: Извеков. О реформе. № 19. С. 4.
- 315 - Соколов В. О преобразованиях. 11. Автор служил в церкви с. Сошна Духовщинского у. (по данным на 1915 г. – Протоколы и письма. 313–317).
- 316 - Самуилов С. (1905). 1341–1342.
- 317 - Смирнов. 20–21.
- 318 - Глокке. 16. Николай Эрнестович Глокке – преподаватель Киевского коммерческого училища, пред. Киевского религиозно-философского об-ва. С приветствием от последнего выступал при открытии Поместного Собора.
- 319 - П. О Часослове и Псалтири. С. 26.
- 320 - Деян. 1:33.
- 321 - Резолюции Донского съезда. 17.

- <sup>322</sup> - Журнал (Курск, 1917). 310.
- <sup>323</sup> - Журналы (Новгород, 1917). 50–51.
- <sup>324</sup> - Хроника (Владивосток). 282.
- <sup>325</sup> - Журнал № 12 Псковского епархиального съезда духовенства и мирян. Подотдел, Протоколы. 14.
- <sup>326</sup> - Впоследствии этот же доклад, представляющий собою сокращенный пересказ статьи К.П. Победоносцева (см. выше, сс. 68–69), был представлен Лебедевым в соборном подотделе о богослужебном языке. См.: Подотдел, Протоколы. 30–32.
- <sup>327</sup> - Журналы (Вологда, 1917). 50–52; Протоколы и письма. 92–93.
- <sup>328</sup> - Протокол Калужского съезда. 20.
- <sup>329</sup> - Украинский съезд. По характеристике В.В. Зеньковского, «съезд был бессодержательным и нецерковным, но буйным и страстным» (Зеньковский. 38).
- <sup>330</sup> - Епархиальный съезд. 315.
- <sup>331</sup> - См.: Пожелания Чрезвычайного Полтавского епархиального съезда духовенства и мирян, состоявшегося 3–6 мая 1917 года (Отдел, Бумаги. 1–1 об.).
- <sup>332</sup> - См.: Живаго. Косвенное признание величия малороссийской нации, видимо, должно было подсластить эту пилюлю для националистов... Ср.: Поднесение клобука (изложение лекции митр. Антония в Харькове 21 декабря 1917 г. против украинизации богослужения).
- <sup>333</sup> - Наказы. 13.
- <sup>334</sup> - См.: Протоколы Кишиневского съезда. 10–11; ср.: Чрезвычайное собрание. 65.
- <sup>335</sup> - Заозерский.
- <sup>336</sup> - На Предсоборный совет была возложена ближайшая подготовка программы Поместного Собора. В состав его входили 12 архиереев, 10 священников и 40 мирян – главным образом, профессоров духовных академий и университетов.
- <sup>337</sup> - Журналы Предсоборного Совета. 321–323 об. Петр Павлович Кудрявцев (1868–1936? 1937?) – магистр богословия, профессор КДА по кафедре истории философии, член Киевского религиозно-философского общества, автор книг и статей по философии и по вопросам современной церковной жизни. На Поместном Соборе в 1917 г. избран членом Соборного совета. В 1918 г. – пред. Ученого комитета при министре исповеданий украинского гетманского правительства В.В. Зеньковском. Одной из главных задач комитета, состоявшего из профессоров духовной академии и университета, была подготовка украинского перевода Священного Писания и богослужебных книг. Военные события помешали выполнить эту программу. В начале 30-х гг. осужден на лагерные работы, активирован через 3 года по болезни сердца.
- <sup>338</sup> - Текст доклада: Предсоборный Совет, доклады. 76–86. Пересказ доклада Кудрявцева и общий обзор последующего хода дискуссии по вопросу о богослужебном языке включены в доклад А.В. Новосельского, представленный 5 августа 1918 г. VII отделу Поместного Собора. Этот последний доклад опубликован А.Г. Кравецким: Из материалов Отдела. 256–275.
- <sup>339</sup> - В рукописи ошибочно: сердце.
- <sup>340</sup> - В рукописи ошибочно: прибывших.
- <sup>341</sup> - Предсоборный Совет, доклады. 110–111 об. Публикации: Андроник. Нужно ли?; Богослужебный язык. 129–131. Андроник (Никольский, 1870–1918), канд. МДА (1895), преподаватель и инспектор Александровской миссионерской семинарии в Ардоне (Осетия, 1896), член (1897), архимандрит, ректор Александровской миссионерской семинарии (1899), Уфимской ДС (1900), еп. Киотский, пом. нач. Русской духовной миссии в Японии (1906), викарий Холмской епархии (1907), еп. Тихвинский (1908), Омский (1913), Пермский (1914), архиеп. (1918). Выступил с открытым протестом против большевистского насилия над Церковью и был казнен чекистами 20 июня 1918 г.

<sup>342</sup> - Об этом см. главу 4.

<sup>343</sup> - Протокол заседания см.: Предсоборный Совет, доклады. 88–90; Богослужебный язык. 337–343.

<sup>344</sup> - Евлогий (Георгиевский, 1868–1946) эмигрировал в 1920 г., жил во Франции и управлял русскими западноевропейскими приходами. С 1922 – митрополит, с 1930 – в юрисдикции патриарха Константинопольского.

<sup>345</sup> - Сергей (Страгородский, 1867–1944), член Синода, пред. II отдела Предсоборного совета, в 1907–1917 – пред. Синодальной комиссии по исправлению богослужебных книг, с 1925 – заместитель Патриаршего местоблюстителя, с 1943 – Патриарх Московский и всея Руси.

<sup>346</sup> - В то время – настоятель Петроградского единоверческого собора. В 1906 г. – член Петербургского Братства ревнителей церковного обновления (см.: Устав Братства, 3–4). Редактор единоверческого журнала «Правда Православия», в котором с разрешения Святейшего Синода (см.: Шлеев) в 1907–1908 гг. помещались старопечатные тексты праздничных стихир и канонов параллельно с русским их переводом. С 1918 г. – единоверческий еп. Симон Охтенский, затем еп. Уфимский. Убит в Уфе в 1921 г.

<sup>347</sup> - Илья Михайлович Громогласов (1869–1937), магистр богословия МДА (1909), специалист по истории русского раскола и церковному праву, церковный публицист. В 1917 на Поместном соборе избран членом Высшего Церковного Совета, в 1922 рукоположен во священника, служил в храме Христа Спасителя. Четырежды подвергался аресту, расстрелян в Твери.

<sup>348</sup> - Александр Петрович Рождественский (1864–1931), доктор богословия, профессор Петроградской духовной академии по кафедре Священного Писания, настоятель церкви Мариинского дворца. Впоследствии эмигрировал, профессор богословского факультета Софийского ун-та.

<sup>349</sup> - Борис Александрович Тураев (1868–1920), профессор Петроградского ун-та, выдающийся русский востоковед, литургист и агиолог. Автор службы преподобномученику Афанасию Брестскому (составил, будучи еще гимназистом) и большинства оригинальных песнопений службы Всем святым, в земле Российской просиявшим. По воспоминаниям митрополита Евлогия (Георгиевского), «святой человек, знавший богослужение лучше духовенства». В 1917–1918 гг. член Поместного Собора, принимал весьма активное участие в работе богослужебного отдела. В 1918 г. избран действительным членом Российской Академии наук. В 1919–1920 гг. член Комиссии духовно-учебных заведений Петроградской епархии, в 1920 г. – профессор и член Совета Петроградского богословского института.

<sup>350</sup> - Архиеп. Платон (Рождественский, 1866–1934), экзарх Грузии, первенствующий член Синода, пред. I отдела Предсоборного совета. Впоследствии митрополит Тифлиский и Бакинский, затем Одесский, после эмиграции в 1920 – Североамериканский. Объявил автономию Американской Церкви. Феодор Дмитриевич Филоненко, член Синода, депутат IV Государственной Думы (фракция националистов). После Собора служил в Петрограде, подвергался арестам, заключен в Соловки в 1924 г.

<sup>351</sup> - Среди участников заседания, кроме поименованных выше, были профессора М.Н. Скабалланович и В.З. Завитневич (КДА), И.А. Карабинов и И.И. Соколов (СПбДА), Ф.М. Россейкин (МДА) и М.Н. Васильевский (КазДА).

<sup>352</sup> - Тезисы в полном составе: Предсоборный Совет, доклады. 90 об.–91. Опубликовано в: Кравецкий. Проблема языка. 69; Богослужебный язык. 343. О Комиссии архиеп. Сергия по исправлению богослужебных книг см. ниже, гл. 3. Не совсем ясно, в каких отношениях она должна находиться с Особой комиссией, указанной в п. 6. Похоже, пп. 6 и 7 представляют альтернативные формулировки одного предложения (тогда обе они попали в протокол просто по недосмотру).

<sup>353</sup> - См.: Деян. 1:35–36.

<sup>354</sup> - См. Сводные данные (1). 115. Больше количество членов оказалось лишь в Отделе о высшем церковном управлении, реформа которого являлась главной задачей



Собора.

<sup>355</sup> - Отдел, Протоколы. 6–6 об.

<sup>356</sup> - О нем см. выше, с. 79.

<sup>357</sup> - Рукописные протоколы заседаний см.: Подотдел, Протоколы. 27–42 об.

Опубликованы в кн.: Богослужебный язык. 344–368.

<sup>358</sup> - Подотдел, Протоколы. 41–42. Текст тезисов выделен жирным шрифтом.

Цитируемые ниже по протокольной записи выступления участников дискуссии заимствованы из того же архивного дела, номера листов указаны в тексте. Другим источником послужила статья участника заседаний: Ильинский П. (1917–18).

<sup>359</sup> - Агафодор (Преображенский, 1837–1919) 28 лет служил приходским священником, с 1888 г. епископ (Балахнинский, Сухумский, затем Ставропольский).

<sup>360</sup> - О нем см. выше, с. 76.

<sup>361</sup> - Василий Дмитриевич Прилуцкий – канд. богосл. КДА (1907), ученик и преемник А.А. Дмитриевского на кафедре литургики КДА (1908), магистр богосл. (1912, тема – чины русских требников XVI–XVII вв.), экстраорд. проф. (1913).

<sup>362</sup> - Священник церкви при штабе Владивостокской крепости.

<sup>363</sup> - Леонид Константинович Артамонов (1859–1932), окончил Инженерную академию и Академию Генерального штаба, участвовал в ряде географических экспедиций (в том числе в Абиссинии). Участвовал в русско-японской и I Мировой войне, вышел в отставку (1917). После Собора работал в различных советских учреждениях.

<sup>364</sup> - Николай Иванович Троицкий (1851–1920) – магистр богословия, заведующий Тульской палатой древностей, ранее – преподаватель Тульской духовной семинарии. Автор работ по археологии, искусствоведению, апологетике, толкованию Священного Писания. Его речь в подотделе «Славянский язык как национально-освященный» (Подотдел, Протоколы. 1–11 об.) частично опубликована: Богослужебный язык. 132–134.

<sup>365</sup> - Канд. права П.В. Попович после трех заседаний подотдела выбыл из состава Собора, так как его избрание делегатом от Туркестанской епархии признано незаконным – 9 лет назад он сложил с себя сан священника.

<sup>366</sup> - Николай Иванович Знамировский – канд. богословия КазДА (1904), инспектор Пермской духовной семинарии, впоследствии священник и протоиерей, с 1924 – еп. Стефан, поочередно занимал 7 архиерейских кафедр, арестован в 1936 г., в 1941 – расстрелян.

<sup>367</sup> - Андрей Васильевич Новосельский (1856–1924), канд. богословия, помощник смотрителя Тамбовского Серафимовского духовного училища, делегат от мирян Тамбовской епархии. В 1919–1923 гг. работал секретарем Тамбовского архивного управления, помощником заведующего счетоводно-железнодорожными курсами для инвалидов. Умер в Москве.

<sup>368</sup> - Николай Васильевич Брянцев, настоятель церкви Рождества Богородицы г. Ельца, делегат от клира Орловской епархии.

<sup>369</sup> - О нем см. выше, с. 101.

<sup>370</sup> - См. выше, с. 33. Елабужский, между прочим, приводил и такой аргумент: «Дневник о. Иоанна Кронштадтского показывает, что можно и на русском языке выразить молитвенное настроение» – Ильинский П. (1917–18). 524.

<sup>371</sup> - Михаил Федорович Марин – законоучитель реального училища г. Петровска, делегат от Саратовской епархии.

<sup>372</sup> - О нем см. выше, сс. 40–41.

<sup>373</sup> - Михаил Николаевич Котельников, канд. богословия, преп. Уфимской духовной семинарии, директор Уфимского училища глухонемых.

<sup>374</sup> - Петр Матвеевич Ратьковский, священник Николаевской железнодорожной церкви. Текст своего доклада «Богослужебный язык Православной Церкви», прочитанного на

Туркестанском епархиальном съезде (Подотдел, Протоколы. 43–51), он прислал по почте. После признания недействительными выборов делегата от клира Туркестанской епархии (выяснилось, что он собрал меньше голосов, чем Ратьковский) прибыл на 2 сессию Собора в качестве члена.

<sup>375</sup> - Иоанн Александрович Ильин, канд. богословия, настоятель собора в г. Троицке Оренбургской епархии, законоучитель женской гимназии.

<sup>376</sup> - Впрочем, и члены Собора в священном сане признавались, что им не удается понять на слух содержание многих богослужебных песнопений.

<sup>377</sup> - Терентий Павлович Теодорович (1867–1939), канд. богословия МДА, с 1910 г. настоятель Успенской церкви в Варшаве. Во время войны эвакуирован в Петроград; служил в церкви Преображения Господня при лейб-гвардии гренадерском полку. После Поместного Собора – настоятель той же церкви; вернулся в Варшаву в 1921, настоятель Марие-Магдалинской церкви, протопресвитер. Интересно, что в 1926 г. Теодорович выступал против украинизации церковной службы на Волыни, поскольку мотивом при этом выступали не церковные, а национальные и политические интересы. См.: Цыпин (1999). 341–342; Церковь на Украине. 253). Погиб при немецкой бомбардировке Варшавы.

<sup>378</sup> - Ильинский П. (191718). 524.

<sup>379</sup> - Мефодий. 272. Выделено мною. – Н.Б.

<sup>380</sup> - Мефодий. 271.

<sup>381</sup> - Стефан Александрович Сабинин, священник Троицкой церкви Подворной слободы, делегат от Воронежской епархии.

<sup>382</sup> - Иван Васильевич Фигуровский, канд. богословия, преподаватель Красноярской духовной семинарии, делегат от мирян Енисейской епархии.

<sup>383</sup> - Личная позиция Лебедева – одна из наиболее консервативных, представленных в подотделе – сформулирована в его тезисах для Вологодского съезда – см. выше, сс. 122–123.

<sup>384</sup> - Иоанн Федорович Щукин, священник церкви Рождества Христова в пос. Крохино Белозерского у. Новгородской епархии.

<sup>385</sup> - За чтение Псалтири на русском языке в общем заседании богослужебного отдела 3 ноября 1917 г. выступал также врач В.П. Клевезаль, делегат от Рязанской епархии (Отдел, Протоколы. 226).

<sup>386</sup> - См.: Ильинский П. (1917–18). №4. Название «Лепта» носили два сборника духовных стихов и песнопений. Первый был составлен и издан начальником Алтайской миссии архимандритом Макарием (Глухаревым, 1792–1847): Лепта. В пользу церковной Алтайской миссии. М., 1847. В его состав вошли 17 песнопений, часть из них – с нотами. Среди оригинальных стихов, вероятно, принадлежащих самому Макарию, в сборнике содержатся и переводы древних латинских литургических песнопений *Dies irae* (под названием «Песнь о последнем суде Христовом») и *Stabat Mater dolorosa* («Плач Богородицы»). Другой, весьма популярный в начале XX в. сборник 33 народных духовных стихов издан митрополитом Макарием (Невским, 1835–1926) в бытность его миссионером на Алтае. См., напр. 5-е издание: Лепта вторая [Сост. Макарий, еп. Томский]. Томск, 1911.

<sup>387</sup> - См.: Ильинский П. (1917–18). 554.

<sup>388</sup> - См.: Ильинский П. (191718). №5.

<sup>389</sup> - См.: Ильинский П. (1917–18). 524.

<sup>390</sup> - См.: Ильинский П. (1917–18). № 5.

<sup>391</sup> - Интересны в этой связи наблюдения одного из членов Собора о той эволюции, которую в ходе соборной работы пережили его собратья: «Каждая группа вначале пыталась устраивать свои частные собрания, намечать план тактики и работы, пыталась пропагандировать свою идеологию. Но когда пришлось членам Собора стать вплотную к деловой работе, оказалось, что у всех одна великая цель – служение Церкви Божией, у всех полное единство догматического веропонимания, есть несогласие лишь в понимании задач

церковного устройства. Горячее желание послужить миру церковному, спасению родины, взаимное уважение ослабило остроту этого несогласия, открыло возможность не парламентским только большинством подчинять волю одних другим, а путем долгих, иногда очень скорбных переживаний приходить к единодушному решению» (В стенах церковного Собора //Забайкальские ЕВ. Чита, 1918. № 1–3. СС. 37–38.

<sup>392</sup> - Мы подробно останавливаемся на всех этапах дальнейшего обсуждения данного дела на Соборе ввиду разноречивых трактовок этого вопроса в исследовательской литературе.

<sup>393</sup> - См.: Прибытие. 56–57.

<sup>394</sup> - Подотдел, Протоколы. 55; публикация: Богослужебный язык. 138.

<sup>395</sup> - Отдел, Письма. 43–44 об.

<sup>396</sup> - Подотдел, Протоколы. 53 об.

<sup>397</sup> - Отдел, Письма. 27–28.

<sup>398</sup> - Письма и доклады. 87 об. Сергей Николаевич Щукин (1873–1931), протоиерей Успенской ц. в Аутской слободе близ Ялты, окончил СПбДА, друг А.П. Чехова; находился под арестом (1921–1922), с 1925 служил в Спасо-Песковской ц. в Москве.

<sup>399</sup> - Третья соборная сессия (2 июля – 20 сентября 1918) вообще работала в экстремальных условиях: большевики уже развернули широкую кампанию гонений против Церкви. Некоторые члены Собора приняли мученическую кончину или находились в заключении. Другие не могли приехать в Москву по условиям гражданской войны и разрухи. К началу сессии прибыли лишь 140 из 563 членов Собора.

<sup>400</sup> - В.К. Недельский, А.В. Новосельский, Б.А. Тураев, прот. А. Хотовицкий и свящ. И. Щукин – в подотделе, еп. Симон (в то время еще прот. Симеон Шлеев) – в VI отделе Предсоборного совета. Подписной лист участников заседания см.: Отдел, Протоколы. 529–529 об. О личном составе отдела см.: Сводные данные (1). 115–119; Сводные данные (2). 170–175 об.; Списки членов. 132–149 об.; Списки. 13–26.

<sup>401</sup> - См. ниже, гл. 3.

<sup>402</sup> - Иоанн Алексеевич Артоболевский (1872–1938), магистр богословия МДА, проф. Сельскохозяйственной академии и настоятель церкви при ней, делегат от клириков Московской епархии. Впоследствии член Высшего Церковного Совета. Подвергался арестам в 1922 и 1938 гг. Расстрелян.

<sup>403</sup> - Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920), известный религиозный философ, правовед, товарищ председателя Поместного Собора.

<sup>404</sup> - Зиновий (Дроздов, 1875–1941?), еп. Тамбовский, канд. богословия СПбДА (1904), впоследствии неоднократно подвергался заключению и ссылке, после 1927 г. – в оппозиции митр. Сергию, скончался, вероятно, в заключении.

<sup>405</sup> - Отдел, Протоколы. 527 об. Обзор см.: Из материалов Отдела. 256.

<sup>406</sup> - Текст доклада (машинопись с авторской правкой): Отдел, Протоколы. 545–562. Опубликовано с незначительными пропусками и ошибками чтения в: Из материалов Отдела. 256–274. Протокол заседания: Отдел, Протоколы. 542–544, 563–570 об.

<sup>407</sup> - Отдел, Протоколы. 565 об.

<sup>408</sup> - Отдел, Протоколы. 565 об.

<sup>409</sup> - Текст в окончательной редакции отдела см.: О языке. 1–1 об.; впервые опубликован в 1993 г. (Кравецкий. Дискуссии. 120) с мелкими неточностями, которые перешли и в последующие публикации: Кравецкий. Проблема языка. 70–71; Из материалов Отдела. 274–275; Котт. 88–89. Более точный текст: Богослужебный язык. 138–140.

<sup>410</sup> - Протокол Соборного совета от 29 августа/11 сентября 1918 г. за № 120, п. 8. О языке. 2. Этот и последующие документы опубликованы в: Котт. 90–92; Богослужебный язык. 140–145.

<sup>411</sup> - Протокол Священного Собора от 30 августа/12 сентября за № 163. О языке. 3.

<sup>412</sup> - Отношение Епископского совещания в Соборный совет № 1557 от 11/24 (в рукописи ошибочно – 11/25. – Н.Б.) сентября 1918 г. О языке. 4.

<sup>413</sup> - Отношение Соборного совета в Священный Синод Православной Российской Церкви от 2/15 октября 1918 г. за № 4139. О языке. 7.

<sup>414</sup> - Котт. 75, 93. Выделено мною. – Н.Б.

<sup>415</sup> - Как и мнение известного слависта Дж. Биллингтона, что «реформисты» в современной Русской Православной Церкви «следуют рекомендациям Церковного Собора 1917–1918, совершая литургию на разговорном языке (vernacular) вместо непонятного церковнославянского» (Billington. 26). И уж совсем неосновательно утверждение другого автора, будто на Соборе 1917–1918 гг. «80% архиереев выступали за русификацию богослужения» (Мечковская. 242).

<sup>416</sup> - Кравецкий. Дискуссии. 121–122. Выделено мною. – Н.Б.

<sup>417</sup> - Не соответствует действительности недавно высказанное утверждение: «Собор это предложение Соборного совета так и не утвердил. Среди документов Поместного Собора решения по этому вопросу не существует» (Богослужебный язык. 143), – Текст постановления см.: Деяние 170. 77; Священный Собор. 367.

<sup>418</sup> - Об обстоятельствах, сопутствовавших данному рапорту, см.: Церковь на Украине. 30–34.

<sup>419</sup> - Аналогичное постановление было вынесено также Киевским епархиальным собранием, которое на заседании 20 мая 1918 г. постановило: 1) богослужебным языком должен быть только церковнославянский; 2) переводы богослужебного языка на украинский недопустимы. См.: Владимирские ЕВ. 1918. № 9. С. 68.

<sup>420</sup> - Постановления Патриарха 1919/II. 11. Документ указан А.Г. Кравецким.

<sup>421</sup> - О нем см. ниже, с. 242.

<sup>422</sup> - Постановления ВЦС (1918-I). 180. Возможно, речь идет о чтении не богослужебных текстов, а прологов, синаксарей и святоотеческих поучений.

<sup>423</sup> - См.: Шкаровский. Петербургская епархия. 50; Кузнецов. 80.

<sup>424</sup> - См.: Постановление Заместителя; Кравецкий. Проблема языка. 80–82. О употреблении русского языка в богослужении в храмах Патриаршей Церкви в первые годы советской власти см. также: Зайцев. 103–104.

<sup>425</sup> - Чельцов. Воспоминания. 43–45. Михаил Павлович Чельцов (1870–1931), канд. богосл. КазДА (1894), магистр богосл. СПбДА (1898), петербургский епарх. миссионер, затем преподаватель богословия и настоятель церкви священномуч. Симеона при Институте гражданских инженеров в Петербурге (1903). В 1906 – член «Братства ревнителей церковного обновления». Председатель епархиального совета (1919), наст. Троицкого Измайловского собора (1920). В 1918–1920 четыре раза подвергался аресту. Настойчиво противодействовал обновленческому расколу. В 1922 арестован и приговорен к расстрелу вместе со священномучеником Вениамином, но помилован. В 1930 вновь арестован, расстрелян.

<sup>426</sup> - Календарь 1921.

<sup>427</sup> - См.: Письма патриарха Алексия. 246.

<sup>428</sup> - Мироносицкий Порфирий Петрович (1867–1933), канд. (1891), затем магистр богословия (1894) КазДА. Церковный композитор, поэт, до революции – преподаватель пения Св.-Владимирской церковно-учительской женской школы в Петербурге. Редактор журнала «Народное образование» и газеты «Приходской листок». С 1897 г. сверхштатный, а с 1913 – постоянный член Училищного совета при Святейшем Синоде. В 1913–1917 гг. – член Комиссии по исправлению богослужебных книг (см. ниже, гл. 3). После революции служил в театральном отделе Наркомпроса. В 1920–1921 гг. – профессор Богословского института, в 1925–1928 – Высших богословских курсов в Ленинграде. В 1932 подвергался аресту. Затем работал преподавателем русского языка в Ленинградском политехникуме путей сообщения.

<sup>429</sup> - Машинопись из личного архива Е.А. Карманова (ныне хранится в Российском фонде культуры). Л. 1, 18, 24. Цит. по копии, любезно предоставленной А.Г. Кравецким. Незавершенный черновик этой речи был опубликован К.И. Логачевым: Мироносицкий. Доклад. См. также письмо еп. Ямбургского Алексия (Симанского) архиеп. Арсению (Стадницкому), в котором он делится впечатлениями от этой речи: Письма патриарха Алексия. 233–234.

<sup>430</sup> - Распоряжения Патриарха. 8–8 об. Машинописная копия с резолюцией митрополита Вениамина: «№ 2954. 1921. Ноября 29/Декабря 12. В Духовный Собор Александро-Невской Лавры для надлежащего исполнения и руководства». (Курсив в тексте обращения мой. – Н.Б.) Ранее публиковалось частично и с неточностями. См.: Акты. 181. 20 декабря 1921 г. митр. Вениамин издал Архипастырское обращение к пастырям Петроградской епархии, типографски изданное вместе с Обращением патр. Тихона. Во исполнение распоряжения Святейшего митрополит предложил священникам при совершении богослужений «обязательно руководствоваться указаниями, принятыми на собрании благочинных Петроградских церквей, проредактированными мною и напечатанными в Православном Церковном Календаре на 1922 год (Обращение. 4; сообщено А.Г. Кравецким). Собрание петроградских благочинных по вопросу об устранении ненужных нововведений имело место, в частности, в апреле 1921 года (см.: Письма патриарха Алексия. 198).

<sup>431</sup> - Цит. по: Дамаскин И. 512. О личной позиции владыки Агафангела по отношению к вопросу о языке богослужения см. выше, сс. 26–27.

<sup>432</sup> - Голубцов СЛ. Профессура. 95.

<sup>433</sup> - На обновленческом соборе в октябре 1925 г. А.И. Введенский заявил: «Обновленчество – это еще трехлетний ребенок. ... Богослужение на русском языке не дает ему религиозного удовлетворения. ... Протоиереи Эндека и Адаменко уже приступили к изменению той обрядности, что создана в России веками. Верующие боятся потерять красоты богослужения. ... Я говорю: обновлению необходимо удержать всю православную обрядность. ... Бывший митрополит Антонин начал церковное обновление хорошо, но кончил фарсом» – Деяние (обновл.). 7. Отзвуки этого выступления слышны и в «Воззвании» того же собора, где говорится, что истинные последователи обновленчества «оберегают чин церковный-богослужебный»; в то же время утверждается, что «совершенно в сторону отошли те, кто самочинно ломает уставы, богослужение» (III Собор, 4). Еще более ревностно Введенский выступал в защиту церковнославянского языка в начале 30-х годов, когда крах обновленчества стал очевиден (см.: Шкаровский. Петербургская епархия. 158).

<sup>434</sup> - Кравецкий (авторевф.). 12–16.

<sup>435</sup> - См.: Постановление Заместителя. Василий Адаменко (1885–1937) – до революции Елисаветградский уездный миссионер Херсонской епархии (см.: МС. 1916. № 5. СС. 363–364), затем священник Ильинской церкви в Нижнем Новгороде (1919–1931). В 1924 принял монашество с именем Феофан (по-видимому, уже в обновленчестве). В 1925 г. член обновленческого собора. В 1926 избран членом миссионерского совета при обновленческом синоде. В 1924–1927 издал в Нижнем Новгороде служебник, последования суточного круга, требник и нечто вроде сокращенной праздничной минеи на русском языке. Принес покаяние в грехе раскола и был принят в общение митр. Сергием (1930); арестован (1931); расстрелян в Карагандинском лагере. См.: Дамаскин I. 203–207; Кравецкий. Проблема языка. 80–82. Цыпин (1997). 304.

<sup>436</sup> - См. выше, с. 8.

<sup>437</sup> - Чин литургии св. Иоанна Златоуста на сербском языке был издан по благословению Священного Архиерейского Синода Сербской Православной Церкви в редакции еп. Браничевского Хризостома (Воиновича, 1911–1989): Света литургаја. Београд, 1962. За этим последовало издание сербских переводов и других богослужебных чинопоследований. Эта работа продолжается и в настоящее время; так, епископ Афанасий (Евтич) переводит для богослужебного употребления Псалтирь на сербский язык с Септуагинты (личное сообщение).

- 438 - См. выше, сс. 130, 132.
- 439 - Важная потребность. 574; ср.: Папков (1911). 665.
- 440 - Например, о. М.С. Елабужский (см. выше, с. 144).
- 441 - См. ОЕА. I. 117, 372; II. 337.
- 442 - См. выше, сс. 34, 36, 70, 123, а также: Епархиальное собрание; Акт (Уфа). 84; ср. статью епархиального миссионера: Орфеев.
- 443 - См. выше, сс. 144, 154.
- 444 - См. выше, с. 70.
- 445 - Дроздов Н. К реформе (1). 19.
- 446 - Сове. 54–57; к этому перечню можно добавить: Далматов (переводчик – свящ. Константин Ильич Далматов, вполн. протоиерей, служил в с. Богородском Казанской еп., ранее препод, рус. и слав. языков в Чистопольском дух. училище; расстрелян в 1918 в Свияжске); Избранные песнопения; Каноны (пер. свящ. С. Шлеева, параллельно – старопечатный текст). Предпринимались и попытки стихотворного переложения: Белкин; Ильенко; Чистяков.
- 447 - См.: Упрощение. Впрочем, по мнению рецензента, «эти издания только уменьшают долю вреда, наносимого непонятностью богослужения для простолюдина, а не устраняют его. Притом они помогают разуть богослужение только хорошо обученным грамоте, а у нас таких немного среди простого народа».
- 448 - Шишипторов (1). 2–2 об.; ср. Шишипторов (2). 1–2. Московская Синодальная типография приступила к работе по подготовке такого издания, но вскоре дело заглохло. Однако в следующем году перевод текста литургии был издан в Одессе: Петровский С.
- 449 - Молитвы и песнопения.
- 450 - Николай Чеславович Зайончковский (1859–1920) в период работы над своим Толковым молитвословом занимал должность члена Совета министра внутренних дел. Окончил Московский ун-т, в 1882–1886 гг. преподавал древние языки в Рыбинской прогимназии и Рижской Александровской гимназии, в 1906 г. оставил службу по ведомству народного просвещения и поступил в Министерство внутренних дел. С декабря 1915 по октябрь 1916 г. – товарищ обер-прокурора Святейшего Синода. Умер в Бресте.
- 451 - О нем см. выше, с. 160.
- 452 - Нахимов. Вера. Книга неоднократно переиздавалась, была одобрена в качестве учебного руководства Святейшим Синодом и получила немало похвальных рецензий от законоучителей.
- 453 - Дело Зайончковского. 1–3 об. (на это архивное дело любезно указал А.Г. Кравецкий).
- 454 - О нем см. ниже, с. 201.
- 455 - Дело Зайончковского. 1–1 об.
- 456 - Дело Зайончковского. 12–13.
- 457 - Дело Зайончковского. 20–22.
- 458 - Это было важно прежде всего в плане коммерческого успеха книги. Вообще, коммерческие интересы Хозяйственного управления при Синоде, претендовавшего на монопольное право подобных изданий, сыграли немалую роль в сложном процессе допуска этой книги в печать; Зайончковский, в свою очередь, не хотел уступать ожидавшегося им дохода от своего труда.
- 459 - Молитвы и песнопения. 339–340.
- 460 - Нахимов. Мой ответ. 574.
- 461 - Отметим, что Комиссия по исправлению богослужебных книг, к работе которой Зайончковский вскоре присоединился, систематически проводила такую замену.
- 462 - Семеновский.
- 463 - Цит. по: Мироносицкий. Ясное и сокровенное. 93.

- 464 - Ларин. Рецензия. Рецензент – законоучитель учительского института г. Глухова. В период, когда в Синоде решался вопрос о разрешении на печатание молитвослова Зайончковского, за подписью того же автора был опубликован призыв издать переводы Нахимова отдельной книгой: Ларин. О преподавании.
- 465 - МЛ. Рецензия. 57–58.
- 466 - О его взглядах на взаимоотношения церковнославянского и русского языков см. выше, с. 160–161.
- 467 - См.: Нахимов. К истолкованию; Мироносицкий. Тропарь; Нахимов. Моему критику..
- 468 - Мироносицкий. Ясное и сокровенное. 90–91.
- 469 - Нахимов. Мой ответ. 573.
- 470 - Нахимов. Мой ответ. 584.
- 471 - См., например: Мироносицкий. Воскресения день; Мироносицкий. Пятдесятницу празднуем. Мироносицкий переводил также кондаки св. Романа Сладкопевца (библиографию см.: Сове. 56). Образец его собственного духовно-поэтического творчества см.: Мироносицкий. Похвальная песнь.
- 472 - Мироносицкий. Ясное и сокровенное. 91.
- 473 - Мироносицкий. Ясное и сокровенное. 92.
- 474 - Что и предлагали Б.А. Тураев в своем докладе богослужебному отделу Поместного Собора (см.: Из материалов Отдела. 306), а впоследствии еп. Ямбургский Алексий (Симанский), будущий патриарх (А.Г. Кравецкий, личное сообщение).
- 475 - Нахимов. Мой ответ. 574.
- 476 - Нахимов. Моему критику. 537.
- 477 - Нахимов. Мой ответ. 585.
- 478 - Мироносицкий. Несколько примечаний.
- 479 - Нахимов. Несколько слов.
- 480 - Сове. 55.
- 481 - Кравецкий, Плетнева. Патриарх Сергей. 45.
- 482 - См.: Сове; Голубцов А.П. (1918). 117 (посмертно опубликованные лекции 1895–1896 г.; профессор призывал к полному пересмотру текста служебника).
- 483 - Библиографию его переводов см.: Сове. 38.
- 484 - Добронравов (1).
- 485 - См.: Добронравов (2–7).
- 486 - Из отзывов печати см.: Соловьев. Рецензия (1907); Певницкий. 1316.
- 487 - Мегорский (1). 113.
- 488 - Мегорский (1). 177.
- 489 - Мегорский (1). 517–518, 760–763.
- 490 - См., например: Руководство для сельских пастырей. Киев, 1904. № 41; Вятские ЕВ. 1905. № 1. С. 43; Странник. СПб., 1905. № 2. СС. 324–325; Псковские ЕВ. 1905. № 11. С. 203; Московские церковные ведомости. 1906. № 25. С. 181; Епархиальные отголоски. Вятка, 1906. № 50. С. 11; Кишиневские ЕВ. 1906. № 31. СС. 1014–1015. О переводе слова *δουροφоруμевος*; см. также: Верещагин. 238–239. Вскоре было выпущено и отдельное издание статьи: Мегорский (2), что, вероятно, отражало существующий читательский спрос.
- 491 - ИСПБЕ. 1905. № 9–10. С. 28. См. также: Богос (1905). 686; Попов Г. (1905).
- 492 - См. рецензии Маркузе (1); Попов Г. (1906); Троицкий С; Мышцын. 39, а также следующие отклики: Дроздов Н. К реформе (2); Кадлубовский. 6; Глаголев А. 376.
- 493 - Благодушная. 250–254. Автор повести, Евфимий Созонтович Швидченко, выпускник СПбДА, служил, как и его герой, псаломщиком за границей – в Женеве (1899–1906), а затем в Штутгарте. В 1895–1899 г. он работал правщиком в Санкт-Петербургской синодальной типографии.

- <sup>494</sup> - Общий обзор их приведен выше (см. ее. 24–31).
- <sup>495</sup> - ОЕА. III. 460–462.
- <sup>496</sup> - См.: Иустинов. 8; Миловский; Съезд русских людей; Миронов; Бердега. 755; Кипарисов. 125; Несколько слов; Голос мирянина. № 24–25. С. 15; Неплюев. 413; Глаголев А. 375; Липский. 417; В.С.Л.; М.П.; О замене,
- <sup>497</sup> - Покровский Н. (1). 532.
- <sup>498</sup> - Отчеты Архива. 161 об. Никаких последствий это предложение не имело (см.: Пятидесятилетие. 416).
- <sup>499</sup> - См. Отчеты Архива. 152–153.
- <sup>500</sup> - Здравомыслов. 589. Авторство этой статьи Здравомыслов раскрыл в 1915 г. См.: Пятидесятилетие. 276.
- <sup>501</sup> - Об издании. 2–3.
- <sup>502</sup> - См.: Об издании. 1; Черновики. 1–2; О статье. 1–3.
- <sup>503</sup> - Об увольнении Войта. 3 об. Цитированная фраза взята из письма Войта П.А. Столыпину от 30 марта 1911 г. Об особом отношении К.П. Победоносцева свидетельствуют также его письма Войту (Мельгунов. 177–201) и некоторые другие архивные документы. См., например: Переписка Войта. 10–11.
- <sup>504</sup> - Черновики. 4, 6 об., 9.
- <sup>505</sup> - Соболевский.
- <sup>506</sup> - Автор рассылал эти экземпляры только своим друзьям и раздал некоторым членам Предсоборного Присутствия. Попытка опубликовать эту работу в 1910 г. встретила сопротивление цензуры; публикация состоялась лишь посмертно в издании, подготовленном С.А. Белокуровым: Голубинский. 102–127.
- <sup>507</sup> - Голубинский. 124
- <sup>508</sup> - .См.: Романский,
- <sup>509</sup> - Зверев.
- <sup>510</sup> - Деятельность Комиссии уже привлекала внимание исследователей и освещалась в работах Б.И. Сове, иеромонаха (ныне архиеп. Пинского и Лунинецкого) Стефана (Корзуна), А.А. Плетневой и А.Г. Кравецкого. Первая из них (Сове), завершенная в 1946 г. (см.: Кравецкий. Б.И. Сове. 25), по обстоятельствам жизни автора могла опираться лишь на немногие опубликованные в дореволюционной печати сведения о работе Комиссии. Этот недостаток был в значительной мере восполнен А.А. Плетневой, которая изучила архивные материалы из фонда Московской Синодальной типографии (МСТ) и из собрания рукописей Святейшего Синода (Плетнева. Исправление). Проведенный исследовательницей филологический анализ подготовленных Комиссией изданий позволил выявить и оценить основные принципы произведенных исправлений. Однако целый ряд ценных архивных документов, касающихся деятельности Комиссии, А.А. Плетневой найти не удалось, и они были ошибочно сочтены утраченными. Выводы этой статьи с небольшими сокращениями повторяются в совместной публикации: Кравецкий, Плетнева. Патриарх Сергий. 39–45. Дальнейшее развитие они получили в диссертации: Плетнева (дисс). 60–113; Плетнева (авто-реф.). 15–21. Здесь представлен детальный лингвистический разбор обеих исправленных Триодей. Первый подступ к такому анализу был предпринят в диссертации иером. Стефана: Стефан. 45–107.
- <sup>511</sup> - О нем см. библиографию: Сове. 58. Упомянутый там некролог был напечатан и отдельной брошюрой: Надеждин.
- <sup>512</sup> - По смерти о. Димитрия прихожане Казанского собора отмечали, что за свое пятилетнее настоятельство покойный «поставил истовое, уставное богослужение на такую высоту, каковой в этом храме до него никогда не было» (Чаяния). См. также: Дроздов Н. На свежую могилу.
- <sup>513</sup> - О рукописях Мегорского. 3–3 об.



<sup>514</sup> - О рукописях Мегорского. 4. Тетрадь Мегорского (л. 5–14 об.) разделена на четыре столбца: место расположения текста в Триоди, существующий славянский текст, греческий текст и «материал для исправления». Поправки второго рода («на брезе») – это глоссы, которыми отмечены трудные для понимания славянские слова. Например: углебох погряз; ненадежно паче чаяния; напрасно внезапно; неумытный неподкупный; паки течение непостоянство; недоуменную неизъяснимую, бесконечную; власы терзающе терзаясь, сокрушаясь, скорбя. Тетрадь содержит немало карандашных помет и поправок, выполненных, судя по почерку, архиеп. Сергием – вероятно, в процессе работы Комиссии по исправлению богослужебных книг.

<sup>515</sup> - О рукописях Мегорского. 4–4 об.

<sup>516</sup> - О рукописях Мегорского. 2–2 об.

<sup>517</sup> - Определение за №452 от 29 января–17 февраля 1904 г. О рукописях Мегорского. 27. Определения Синода здесь и далее приводятся, как это было принято, с двойной датировкой: первая дата обозначает день слушания дела, вторая – день пропуска принятого решения к исполнению.

<sup>518</sup> - О рукописях Мегорского. 15–26 об. В этой тетради о. Димитрий отступил от прежнего деления поправок на 4 категории, но лишь подчеркивал «слова или явно погрешительные, или очень потемняющие смысл».

<sup>519</sup> - О нем см: Сове. 36–37 и приведенную здесь библиографию.

<sup>520</sup> - О рукописях Мегорского. 29–30.

<sup>521</sup> - О рукописях Мегорского. 28.

<sup>522</sup> - Сама рукопись в деле отсутствует. Вероятно, она не была возвращена в канцелярию Синода после использования в работе Комиссии. По первоначальной пагинации архивного дела видно, что в тетради было 19 листов.

<sup>523</sup> - О рукописях Мегорского. 31–33 об.

<sup>524</sup> - См. выше, сс. 189–190.

<sup>525</sup> - О рукописях Мегорского. 35–35 об. Выделенные слова были впечатаны в текст определения позднее: видимо, кандидатура председателя потребовала дополнительного согласования.

<sup>526</sup> - О рукописях Мегорского. 59.

<sup>527</sup> - Папков (1907). 1638.

<sup>528</sup> - Д-р богословия, член-корр. Имп., Академии наук (1909), проф. СПбДА по каф. Нового Завета (1891–1918), с 1921 за границей, проф. Пражского, Белградского, Софийского ун-тов.

<sup>529</sup> - После окончания СПбДА в 1888 г. Чуриловский служил в СПбСТ и с 1903 г. занимал должность справщика. Ранее он уже имел опыт участия в работе по исправлению богослужебных книг: в 1899 г. по собственной инициативе предложил проект дополнительных поправок к тексту Служебника, которые получили одобрение первенствующего члена Святейшего Синода митрополита Киевского Иоанникия – см.: Список исправлений. С 1914 г. – постоянно присутствующий член Учебного комитета при Святейшем Синоде. К сожалению, судьба Н.Ф. Чуриловского в послереволюционные годы нам пока неизвестна.

<sup>530</sup> - Сын священника, родился в г. Боровичи Новгородской губ., окончил Боровичское духовное училище, Новгородскую духовную семинарию, СПбДА (1887), Императорский Санкт-Петербургский Археологический институт (1891). На службе в Архиве и Библиотеке Святейшего Синода с 1889, начальник с 1903 г. (Пятидесятилетие. 270–277). После революции продолжал работать в Синодальном архиве, который был передан в ведение Петроградского отделения Центрального исторического архива. Арестован в марте 1929 г., около 4 месяцев провел в заключении, после чего был выслан на 3 года. Жил во Владимире, Твери, Рыбинске, Юрьеве-Польском. По окончании срока в декабре 1932 г. не смог получить ленинградскую прописку и вернулся на родину в Боровичи, где и скончался.

<sup>531</sup> - Родился в крестьянской семье в Тобольской губернии, окончил в 1886 г. Санкт-Петербургский ун-т, в 1915 г. защитил магистерскую диссертацию по всеобщей истории в Дерптском ун-те. Член Общества любителей древней письменности, Русского библиографического общества, Археографической комиссии. Автор около 100 работ по византологии, археографии и источниковедению. В последние годы жизни тяжело болел.

<sup>532</sup> - Окончил СПбДА (1902); доцент по кафедре литургики (1910), экстраординарный профессор (1911). После революции и закрытия СПбДА архивариус на заводе. Подверглся аресту в 1922 г. Биобиблиографические сведения см.: Кравецкий. Проблемы Типикона. 60–61. В 1910 г., вскоре после своего участия в заседаниях Комиссии, Карабинов защитил магистерскую диссертацию, посвященную Постной Триоди; этот труд использовался Н.Ф. Чуриловским при работе над корректурой Триоди.

<sup>533</sup> - Биографические сведения об этих членах Комиссии см.: Сове. 59.

<sup>534</sup> - Бенешевич в 1922–1937 г. подвергался арестам четыре раза и в конце концов был расстрелян.

<sup>535</sup> - Окончил историко-филологический факультет Московского ун-та (1879) и СПбДА (1895), в 1893–1895 гг. духовник, в 1897–1899 – ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии, затем – синодальный ризничий в Москве, настоятель монастырей в Тульской и Симбирской епархиях. С 1909 г. еп. Сарапульский, викарий Вятской епархии.

<sup>536</sup> - Родился в Фессалии, переехал в Россию в 1890 г. Приват-доцент Санкт-Петербургского ун-та, действительный член Русского археологического общества и Императорского православного Палестинского общества, почетный член СПбДА и КазДА. На склоне жизни страдал тяжелой душевной болезнью, первые признаки которой появились в 1908 г.

<sup>537</sup> - Родился в Астрахани, окончил КазДА (1882), магистр богословия (1883), д-р церковной истории, проф. КДА по кафедре литургики (1896), с 1907 – секретарь Императорского православного Палестинского общества. Почетный член КазДА (1912), СПбДА и МДА (1914), член-корр. Академии наук (1903). Проф. греческого языка (1918–1922) и проректор (1919–1922) Астраханского ун-та; псаломщик Астраханского каф. собора; в 1922 арестовывался по делу об изъятии церковных ценностей, осужден условно. Член Славянской комиссии Академии наук (1923), Русско-византийской комиссии. Профессор богословских курсов Центрального р-на Петрограда (1923–1925), Высших богословских курсов в Ленинграде (1925–1928).

<sup>538</sup> - По сведениям о. А. Надеждина, Мегорский в 1907 г. пропустил многие заседания Комиссии по болезни.

<sup>539</sup> - Архивный текст доклада отпечатан на машинке, многочисленные чернильные вставки и поправки внесены рукой архиеп. Сергия. В настоящей публикации они выделены курсивом. Полу жирным шрифтом обозначены фрагменты, подчеркнутые владыкой Сергием, квадратными скобками – произведенные им купюры. Дополнения публикатора заключены в угловые скобки. В оригинальном тексте имеются также карандашные пометы чиновника канцелярии, готовившего дело к докладу в заседании Синода.

<sup>540</sup> - Св. Лукиан († 312), еп. Антиохийский, согласно текстологической теории П. де Лагарда (†1891), разделявшейся И.Е. Евсеевым и Н.Н. Глубоковским, считался создателем особой редакции греческого перевода Ветхого Завета.

<sup>541</sup> - О рукописях Мегорского. 36–39.

<sup>542</sup> - О рукописях Мегорского. 42–43.

<sup>543</sup> - О рукописях Мегорского. 44–44 об. Первые пять параграфов с мелкими разночтениями впервые опубликованы по выписке из определения, посланной в МСТ: Плетнева. Исправление. 102–103.

<sup>544</sup> - О рукописях Мегорского. 49. Текст определения тождествен § 6 ранее опубликованной выписки: Плетнева. Исправление. 103.

<sup>545</sup> - См.: Об исправлении. 6–7.

- 546 - См.: Об исправлении. 6. Ср.: Мегорский (†). Б.И.Сове (Сове. 60) ошибочно относил смерть Мегорского на 27 января.
- 547 - Ср.: Евсеев. Рукописное предание. 19–20; Евсеев. Собор и Библия. 31–32.
- 548 - О рукописях Мегорского. 50 об. Частично опубликовано в: Евсеев. Рукописное предание. 19–20.
- 549 - См. ниже, с. 296.
- 550 - О рукописях Мегорского. 52–53.
- 551 - О рукописях Мегорского. 76.
- 552 - См.: Наблюдательный комитет. 1.
- 553 - См.: Наблюдательный комитет. 18–18 об.
- 554 - См.: Вопросы Контроля. 22–22 об.
- 555 - Вопросы Контроля, 1–1 об.
- 556 - См.: Вопросы Контроля. 2–21, 24–45, 48–51. Объем записки – 22 машинописных листа, письма также насчитывают по 18–19 страниц.
- 557 - См.: Вопросы Контроля. 36, 45.
- 558 - Русское слово. 1907. № 48. С. 4; ЦОЖ. 1907. № 10. С. 316
- 559 - Растрата. 1.
- 560 - Растрата. 3–4 об.; Вечернее прибавление к «Правительственному вестнику». СПб., 1907. № 56 (12 марта). С. 4.
- 561 - См. письмо Войта к Праведникову от 1 мая 1907 г.: Переписка Войта. 13. Забегая вперед, отметим, что спустя два года появилось новое газетное сообщение о ревизии МСТ и отставке Войта, которое вновь было опровергнуто – см.: Колокол. 1909. № 973 (6 июня). С. 3. Однако кончилось дело тем, что Святейший Синод в августе 1909 г. все же назначил расследование хозяйственной деятельности типографии, которое действительно выявило допущенные управляющим злоупотребления: суррогатную бумагу оплачивали как чисто тряпичную; началась такая практика несколько лет назад, и были основания предполагать личную заинтересованность С.Д. Войта. Определением Синода за № 946 от 8 февраля 1910 г. управляющему МСТ было предложено подать в отставку (См.: Об увольнении Войта. 7–8). Не менее года после этого Войт еще пытался бороться за утраченное место, издал брошюру со своей апологией, обращался к Столыпину, но все усилия оказались тщетными.
- 562 - Издательская комиссия. 9.
- 563 - См.: Издательская комиссия. 3 об., 10–12; Просвещение; Переписка Войта. 38–40.
- 564 - См.: Наблюдательный комитет. 14–17.
- 565 - См.: Наблюдательный комитет. 18 об.–21.
- 566 - Особый комитет (1). 1. Черновик донесения см.: Особый комитет (2). 1–2 об. Копии этого же документа: О рукописях Мегорского, 45–46 об.; Об исправлении. 13–15 об. Изложение (с ошибочной датировкой донесения 1909 годом) см.: Об Издательском совете. 798–799.
- 567 - Особый комитет (1). 2–3.
- 568 - Особый комитет (1). 6 об.; Об исправлении. 13–15 об.
- 569 - См.: О рукописях Мегорского. 64.
- 570 - См.: Рождественский. 2; текст записки с некоторыми изменениями был опубликован: Об Издательском совете. 796–821. См. также: О переписке. 1.
- 571 - Об Издательском совете. 797.
- 572 - Об Издательском совете. 800, 797.
- 573 - См.: Протоколы. 14–14 об.; ЦВ. 1913. № 18–19. С. 272.
- 574 - Положение. 273.
- 575 - См.: Сове. 61.

<sup>576</sup> - ЦВ. 1913. № 17. С. 176. Одновременно архиеп. Сергей получил новое назначение – председателем вновь учрежденного Миссионерского совета при Святейшем Синоде. Однако если существовавшее с 1908 г. Особое совещание по вопросам внутренней и внешней миссии при этом было официально упразднено, то о Комиссии по исправлению богослужебных книг в Определении Святейшего Синода ни слова не сказано.

<sup>577</sup> - В академических кругах это назначение было встречено со сдержанным недоумением. Так, журнал СПбДА выражал сомнение в способности Издательского совета осуществить намеченные Положением широкие задачи при очень ограниченном количестве членов (пятеро), среди которых, вдобавок, как будто и нет «мужей науки, всю жизнь имеющих дело с книгою» (По поводу. 690).

<sup>578</sup> - ЦВ. 1913. № 18–19. С. 180.

<sup>579</sup> - См.: ЦВк. 1913. № 48. С. 1508; ПЦВ. 1913. № 48. С. 2253. См. также программную речь председателя при открытии работы Совета, в которой основным направлением деятельности нового органа названо «противодействие духу времени»: Никон. Служение.

<sup>580</sup> - См.: Определение № 4717. В 1917 г. председателем Издательского совета был назначен протоиерей Александр Рождественский (см. выше, с. 131).

<sup>581</sup> - Г.Е. Распутин отрицательно оценил карательную акцию на Афоне, к тому же в 1915 г. архиеп. Никон отказался недвусмысленно поддержать еп. Варнаву (Накропина) при обсуждении в Синоде известной истории с твеличением» святителю Иоанну Тобольскому. См. выразительные фрагменты из писем государыни супругу. [8 сентября 1915 г.:] «Сергий Финляндский и Никон (этот злодей с Афона) в течение трех часов нападали на Варнаву по поводу нашего Друга [Г.Е. Распутина].... Как они смеют идти против твоего разрешения? ... Найди других, более достойных епископов. ... Пусть они теперь поплатятся за это и узнают, кто их повелитель». [9 сентября:] Архиеп. Агафангела отправить «на покой и заменить Сергием Финляндским, который должен покинуть Синод. Никона надо тоже выгнать из Государственного Совета, где он членом, и из Синода, – у него, кроме того, на душе грех Афона». [7 января 1916 г.:] «Митрополит Петроградский Питирим хочет, чтобы Никон (эта скотина) был послан в Сибирь, ты помнишь, а Волжин [обер-прокурор Синода] хочет услатить его в Тулу. Митрополит же находит, что нехорошо оставлять его в центре России, а лучше держать его подальше, где он меньше может навредить». [14 марта:] «Никон все еще здесь, это очень жаль» (Переписка Николая и Александры Романовых. М.-Л.: ГИЗ. 1923. Т. III. 320, 325; 1926. Т. IV. С. 30, 145).

<sup>582</sup> - Рождественский. 2. Подобная оценка детища В.К. Саблера была высказана в «Московских ведомостях» вскоре после отставки обер-прокурора: «Совершенно слабо ... действовал и Издательский совет при Св. Синоде: он и теперь остается совершенно неизвестным ни в обществе, ни даже в духовном ведомстве» (Церковная жизнь в 1915 г. по изображению «Московских ведомостей» //Ст. 1916. № 1. С. 115).

<sup>583</sup> - О Триоди. 1–2.

<sup>584</sup> - О Триоди. 3, 5.

<sup>585</sup> - О напечатании Триоди. 5–6.

<sup>586</sup> - О Триоди. 2.

<sup>587</sup> - О напечатании Триоди. 7 об.;

<sup>588</sup> - О напечатании Триоди. 20–20 об.; О рукописях Мегорского. 59–59 об. Было опубликовано в выписке из Хозяйственного управления: Плетнева. Исправление. 106.

<sup>589</sup> - О рукописях Мегорского. 62 об.

<sup>590</sup> - См.: Об исправлении. 42 об., 51, 59–60. По словам справщика МСТ А.Н.Соловьева, который держал корректуру Триоди, в среднем на каждый лист приходилось изготавливать 4–5 корректурных оттисков (см.: Об исправлении. 71–71 об.).

<sup>591</sup> - См.: О Триоди. 8–10.

<sup>592</sup> - Знакомству Зайончковского с архиеп. Сергием, вероятно, послужили обстоятельства издания «Молитв и песнопений православного молитвослова»: рукопись

этой книги более полутора лет рассматривалась в Святейшем Синоде при большом личном участии Сергия. См. выше, сс. 173–176. Из материалов цитированного архивного дела об издании книги, равно как и из печатной перепалки с П.П. Мироносицким (см. ее. 178–181), впоследствии также членом Комиссии, вырисовывается трудный характер Зайончковского. Впрочем, и с другими членами Комиссии – Дмитриевским, Лопаревым, Пападопуло-Керамевсом – тоже нелегко было ладить. Можно подивиться умению владыки Сергия привлечь к сотрудничеству таких разных и, кажется, трудно совместимых людей!

<sup>593</sup> - См.: Об исправлении. 49.

<sup>594</sup> - См.: Триодионы. Сравнительный анализ исправлений, вносимых этими тремя членами Комиссии: Плетнева. Исправление. 105–106. Нельзя, однако, согласиться с утверждением, что Дмитриевский не затрагивал синтаксис богослужебного текста: в его корректурном экземпляре насчитывается около 80 синтаксических исправлений. Другое дело, что Дмитриевский стремился скорее к точному соответствию славянского текста греческому, чем к максимальной понятности, достижение которой составляло главную задачу Комиссии. Иногда критические замечания Дмитриевского не содержали конструктивной альтернативы: он мог написать на полях корректуры: «неудобовразумительно», «Нет смысла» или: «Понять весьма трудно», – не предлагая при этом своего варианта текста. В ряде случаев он предлагал сохранить существующий текст, например, «оставить всюду благоутробие вместо благосердия»; а против тропаря Феодору Тирону в новой редакции: «Велия веры преспеяния!..» он написал на полях: «Тяжело будет слышать хорошо знающему этот тропарь». К концу работы этот «внутренний оппозиционер» Комиссии как бы выдыхается, и правка на полях его экземпляра появляется все реже и реже. В службах Страстной седмицы ее почти нет. Впрочем, это может быть связано и с тем обстоятельством, что первоначальное исправление именно этих служб в 1907 г. велось уже с участием Дмитриевского, который как раз к тому времени перебрался из Киева в Петербург. Во всяком случае, к работе Комиссии над правкой Цветной Триоди, которая возобновилась в 1913 г., уже не привлекали, хотя его предварительное согласие на участие в этом деле при условии увеличения срока просмотра корректуры было получено еще 28 декабря 1910 г. Личный экземпляр новоисправленного Пентикостариона он получил лишь по особому напоминанию Здравомыслова, который указал председателю на участие Дмитриевского в трудах по исправлению этой книги весной 1909 г. (См.: О Триоди. 32, 93.)

<sup>595</sup> - См.: О Триоди. 35–36. Порой между Чуриловским и председателем Комиссии возникали споры, в которых оба отстаивали свои варианты правки (см.: О Триоди. 55–58).

<sup>596</sup> - О Триоди. 40.

<sup>597</sup> - О Триоди. 44.

<sup>598</sup> - О Триоди. 12–13.

<sup>599</sup> - См.: О Триоди. 34, 36, 37; Об исправлении. 23.

<sup>600</sup> - Об исправлении. 24–25.

<sup>601</sup> - Об исправлении. 86–86 об.

<sup>602</sup> - Об исправлении. 96.

<sup>603</sup> - Об исправлении. 98.

<sup>604</sup> - См.: Об исправлении. 38 об.

<sup>605</sup> - См.: Об исправлении. 107, 131.

<sup>606</sup> - См.: Об исправлении. 241.

<sup>607</sup> - См.: Об исправлении. 129.

<sup>608</sup> - См.: Об исправлении. 237–238.

<sup>609</sup> - См.: О поощрении. 1.

<sup>610</sup> - Здравомыслов, Чуриловский, Дмитриевский и Зайончковский 15 июля получили в знак благодарности Святейшего Синода по экземпляру наградной Библии в шагреновом переплете. Заслуги Лопарева, после консультаций с Министерством народного просвещения, были вознаграждены высочайшим подарком, на который Синод ассигновал

600 рублей. На приобретение книг для Комиссии (а фактически для Библиотеки Святейшего Синода) выделили единовременно 2000 рублей с обязательством удовлетворять и дальнейшие запросы. Это позволило выписать из Одессы и из Парижа не только действительно нужные для работы Комиссии греческие богослужебные книги, но и такие дорогостоящие издания, как *Acta Sanctorum* болландистов в 66 томах, *Patrologiae cursus completus* Миня в 383 томах и *Sacrorum conciliorum collectio* в 44 томах издания Манси. См.: О поощрении. 3–8; Об исправлении. 28 об., 180–182, 195–197; О кредите; Пятидесятилетие. 272–273.

<sup>611</sup> - См.: О Триоди. 20–21, 25 об.

<sup>612</sup> - Триодъ Постная. М.: МСТ, 1915. См.: Сведения (1915). 1; Новые книги. 5. Ранее ошибочно предполагалось, будто «эта книга так и не вышла» (Плетнева. Исправление. 107). Автор имел возможность ознакомиться с экземпляром данного издания (инв. № 8315) в Библиотеке СПбДА.

<sup>613</sup> - См.: Ведомость. 1 об.–2.

<sup>614</sup> - См.: Разрешение. 1.

<sup>615</sup> - Справка управляющего МСТ А.С. Орлова от 3 мая 1917 г.: Материалы Типографии. 1 об. О трудностях военного времени в работе МСТ дают представление ее годовые отчеты. См.: Сведения (1914). 6; Материалы Типографии. 3–4.

<sup>616</sup> - См.: Ревизия. 14–15, 18–19, 27, 74.

<sup>617</sup> - Службы на каждый день Страстных седмиц. М.: Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1993. Ч. 1–6. (Тираж – 15 000 экз.)

<sup>618</sup> - См.: Ведомость. 2 об.-3; Материалы Типографии. 1 об.–2, 19–20.

<sup>619</sup> - Об исправлении. 41.

<sup>620</sup> - Об исправлении. 86 об.–87 об.

<sup>621</sup> - О рукописях Мегорского. 76–76 об.

<sup>622</sup> - См.: О рукописях Мегорского. 81–83; это определение было опубликовано по выписке для МСТ, с незначительными разночтениями против нашего архивного текста и с опечаткой в имени председателя Комиссии: Плетнева. Исправление. 108.

<sup>623</sup> - См.: Об исправлении. 22, 23, 131, 239 об.; О Триоди. 38; Пентикостарион. 1, 3, 4.

<sup>624</sup> - См.: Об исправлении. 26 об., 102, 121, 137–143; Комиссия. 3.

<sup>625</sup> - О нем см. выше, с. 160.

<sup>626</sup> - Леонид Дмитриевич Аксенов (1877–1940-е) родился в г. Торопце Псковской губ., на родине святителя Тихона, которого, по некоторым сведениям, знал с детства. Окончил Юрьевский ун-т, на государственной службе в разных ведомствах состоял с 1903. В 1913 чиновник особых поручений при Главном управлении по делам местного хозяйства, с 1916 член Совета министра путей сообщения. Принимал активное участие в 3 сессии Поместного Собора Православной Российской Церкви (начиная с 17/30 августа, хотя официально полномочия Аксенова в качестве члена Собора были признаны лишь на предпоследнем заседании 6/19 сентября 1918 г.). Избран Собором в состав Комиссии для выработки мероприятий, связанных с текущими событиями церковной жизни (т.е. гонениями на Церковь со стороны большевиков). С 1918 член Александро-Невского братства. Принимал участие в работе Богослужебной комиссии при Обве объединенных приходов Петрограда (1921). До 1924 арендатор фитильно-свечного государственного завода (б. Епархиального свечного завода). По свидетельствам разных лиц (архиеп. Серафима (Лукиянова), еп. Алексия (Симанского), прот. Николая Чукова), Аксенов тесно общался со святителем Тихоном и оказывал заметное влияние на патриарха; был близко знаком с большинством видных архиереев и др. церковных деятелей. Чекисты называли его «черным обер-прокурором». В 1927 на основании документов Московской Патриархии завершил работу над «Алфавитным списком иерархов Православной Российской Церкви, пребывающих в пределах СССР», который стал одним из основных источников известного каталога архиереев митрополита Мануила. Трижды подвергался аресту: в 1922 (вскоре освобожден), 1924 (в Соловках по

1926) и 1932 гг. После освобождения (не позднее 1936 г.) проживал в г. Сольцы (Новгородская обл.). Дальнейшая судьба пока неизвестна.

<sup>627</sup> - См.: Об исправлении. 26 об., 137–143. Анастасий (Александров, 1861–1918) окончил Казанский унтт, канд. историко-филологических наук (1883), магистр сравнительного языковедения и приват-доцент Юрьевского ун-та (1886), затем – Харьковского ун-та, д-р сравнительного языковедения и экстраординарный профессор (1888), декан историко-филологического факультета Казанского ун-та (1905), заслуженный ординарный профессор (1911). Одновременно с 1910 д-р церковной истории и ординарный профессор КазДА. Пострижен в монашество, рукоположен и возведен в сан архимандрита, назначен инспектором (1911) КазДА, ректором с возведением в сан еп. Чистопольского (1912); еп. Ямбургский, ректор СПбДА (1913–1918); пред. Комиссии по научному изданию славянской Библии (1915–1918).

<sup>628</sup> - См. письмо Здравомыслова к Орлову от 30 мая 1913 г.: «Комиссиею ... поручено мне спросить Вас, ... какие причины задерживают печатание Цветной Триоды настолько, что каждый лист корректуры приходится выпрашивать. Если Типография не в состоянии выполнять подобные работы, то Комиссия будет просить Святейший Синод о переносе печатания новоисправленных богослужебных книг в С.-Петербург». То же, от 23 мая 1914 г.: «По поручению Высокопреосвященнейшего Сергия, архиеп. Финляндского, обращаюсь к вам с покорнейшею просьбою зависящего распоряжения о возможно скорейшем окончании печатанием Пентикостариона. Замедлением в печатании этой книги Его Высокопреосвященство очень озабочен и не знает, чем можно объяснить такую продолжительную остановку в напечатании давно исправленных и разрешенных к печати листов. Благоволите меня уведомить для доклада Его Высокопреосвященству». На последнее письмо Орлов отвечал, что печатанию помешала забастовка типографских рабочих и обещал принять все меры к ускорению дела (Пентикостарион. 5–5 об., 8–9).

<sup>629</sup> - См.: Пентикостарион. 10.

<sup>630</sup> - См.: Об исправлении. 30.

<sup>631</sup> - Триодь Цветная. М.: МСТ, 1913. (Библиотека СПбДА. Инв. № Р-309.) На титульном листе карандашный автограф Мироносицкого, ниже – надпись чернилами: «Экземпляр члена Комиссии по исправлению текста богослужебных книг, Постоянного члена Училищного Совета при Святейшем Синоде, действительного статского советника П.П. Мироносицкого»; То же. Инв. № 72540. На титульном листе автограф Чуриловского, дата: 19 февраля 1913 г. Ниже – надпись: «Экземпляр справщика Петроградской Синодальной Типографии, члена Комиссии по исправлению текста богослужебных книг статского советника Н.Ф. Чуриловского». Для сравнения использовалось издание: Триодь Цветная. М.: МСТ, 1914.

<sup>632</sup> - См.: Сведения (1915). 8; Новые книги. 173.

<sup>633</sup> - См.: Новые книги. 7; Пасха. 1–2.

<sup>634</sup> - См.: Молитвы. 15, 17.

<sup>635</sup> - Уже после отправления этого письма (хотя и до принятия Синодом решения по нему) владыка Сергей решил все же посоветоваться относительно очередности дальнейшего исправления с остальными членами Комиссии. Предложения Чуриловского (в письме к Здравомыслову от 23 августа 1911 г.) в основном совпадают с планом архиепископа: Октоих (с которого надо было бы начинать всю работу, поскольку в нем больше всего песнопений, повторяющихся в других богослужебных книгах), затем Общая, Праздничная и месячные Минеи, далее Требник, Служебник и Следованная псалтирь (См.: Об исправлении. 104–105).

<sup>636</sup> - О рукописях Мегорского. 79–80.

<sup>637</sup> - См.: О рукописях Мегорского. 78–78 об.

<sup>638</sup> - О рукописях Мегорского. 85–85 об.

<sup>639</sup> - О нем см. выше с. 131–132.

<sup>640</sup> - См. выше, с. 199.

<sup>641</sup> - Такая продолжительность работы могла быть связана и с тем обстоятельством, что в это же время Комиссия параллельно рассматривала корректуру Цветной Триоди.

<sup>642</sup> - См.: О рукописях Мегорского. 87. Информация о новоисправленном Октоихе была помещена в официальном печатном органе Синода (чего не бывало в случаях с Триодионом и Пентикостарионом). См.: ПЦВ. 1914. № 17. С. 820.

<sup>643</sup> - Октоих. 1; Об исправлении. 245, 128 об.

<sup>644</sup> - См.: Об исправлении. 144–144 об., 147–147 об. На одном заседании присутствовал еп. Алексей – по-видимому, Симанский, будущий патриарх Московский и всея Руси, в то время еп. Тихвинский.

<sup>645</sup> - См.: Октоих. 9–13; Ведомость. 3 об.–4. Предыдущий тираж Октоиха, отпечатанный в 1906 г., должен был разойтись примерно к 1918 г.

<sup>646</sup> - Материалы Типографии. 2, 20.

<sup>647</sup> - Черновики см.: Об исправлении. 81, 118. Впрочем, материалы дела не позволяют с полной уверенностью утверждать, что эти письма были направлены по назначению.

<sup>648</sup> - См.: Об исправлении. 118–118 об., 148–151.

<sup>649</sup> - См.: Об исправлении. 152–152 об.

<sup>650</sup> - Об исправлении. 157–157 об. Приведены и конкретные примеры, требующие согласования с греческими богослужебными рукописями (почти вся служба пророку Моисею 4 сентября, канон мученику Автоному 11 сентября и др.). Позже на полях приписано: «Проверяется по греческой рукописи XII века».

<sup>651</sup> - Об исправлении. 77–78.

<sup>652</sup> - Никанор (Кудрявцев, 1884–1923), канд. богосл. МДА (1909), иеромонах, игумен (1911), архим. (1913) Никольского единоверческого монастыря, член-корр. Московского археологич. о-ва (1914). Читал курс литургики в Православной народной академии (1918–1922), и.д. доц. МДА (1920), единоверческий еп. Богородский, викарий Московской епархии (1921–1922), наст. Никольского м-ря. По сведениям митрополита Мануила, еп. Никанор был глубоко почитаем верующими москвичами. О его рапорте в Священный Синод относительно богослужебных чтений на русском языке см. выше, с. 159. По-видимому, архим. Никанор участвовал в заседании VI отдела Предсоборного Совета 13 июля 1917 г. (см.: Предсоборный Совет, доклады. 98 об.).

<sup>653</sup> - См.: Об исправлении. 81, 94 об.–95 об.

<sup>654</sup> - См.: Об исправлении. 158 об., 161 об. Слова, помеченные звездочкой, исправлены в Минее-сентябрь издания Московской Патриархии (М., 1978).

<sup>655</sup> - Об исправлении. 160, 161.

<sup>656</sup> - Об исправлении. 158 об., 161 об.–162.

<sup>657</sup> - Об исправлении. 117; Определение № 1223. См. также: Кравецкий. Проблема языка. 72.

<sup>658</sup> - Состоялось 10 марта, участвовали: архиеп. Сергей, Здравомыслов, Мироносицкий, Чуриловский, Аксенов. См.: Об исправлении. 109–114, 152 об.

<sup>659</sup> - Об исправлении. 129–129 об.

<sup>660</sup> - См., кроме указанных выше публикаций: ПЦВ. 1909. № 30. С. 1400; 1913. № 18–19. С. 798; 1914. № 17. С. 820; ХЧ. 1911. № 5. С. 647–648; Церковная правда. Берлин, 1914. № 11. С. 347.

<sup>661</sup> - См.: Особые комиссии; КЦОВ. 1908. № 4. С. 8; Комиссия (1914); Тихомиров К. (1915). 599.

<sup>662</sup> - Певницкий. 1315.

<sup>663</sup> - Позднеев. Димитрий Матвеевич Позднеев (1865–1942), окончил СПбДА и ф-т вост. языков С.-Петербургского ун-та, известный специалист по языкам и культуре Дальнего Востока.



<sup>664</sup> - Баженов. Впрочем, редакция знала о деятельности Комиссии, указав на этот факт в соответствующем комментарии.

<sup>665</sup> - См.: О рукописях Мегорского. 68, 73–74. Поводом к этому заявлению, датированному 28 декабря 1909 г., вероятно, послужила публикация в ПЦВ некролога о. Д. Мегорскому, в котором содержались некоторые сведения о деятельности Комиссии.

<sup>666</sup> - Сенатов. Книжная реформа; ср.: Сенатов. Характер реформы. Любопытен жизненный путь автора этих критических выступлений. Василий Гаврилович Сенатов был сыном старообрядческого наставника. В 1887 г., в возрасте 18 лет он присоединился к Православной Церкви вместе со своим отцом, четырьмя годами раньше соборно отлученным от федосеевского согласия за упорство в защите «бессвященнословных браков». Решающая роль в этом обращении принадлежала именно сыну, близко общавшемуся со знаменитым о. Павлом Пруским. Вскоре после этого В. Сенатов по поручению Победоносцева принимал участие в составлении секретной записки о Преображенском кладбище, послужившей основанием для новых ограничений деятельности старообрядцев. Окончил Московскую духовную семинарию, затем академию (1894), защитил кандидатскую работу (1895). Как специалист по старообрядчеству участвовал в заседаниях Предсоборного Присутствия 1906 года. С декабря 1905 по август 1906 г. – ответственный редактор газеты «Колокол», где печатал статьи, направленные против старообрядцев. Однако не позднее 1912 г. он перешел в белокриницкое согласие и впоследствии неоднократно выступал в старообрядческих журналах с апологетическими статьями. См., например: Сенатов В. Философия истории старообрядчества. М., 1995.

<sup>667</sup> - Об этом свидетельствовал, например, еп. Пермский Андроник (Никольский) в своем докладе на заседании VI отдела Предсоборного совета – см. выше, с. 130. Однако, по мнению преосвященного, исправление все же надо продолжать – умело и осмотрительно, не снижая стиля богослужебного текста.

<sup>668</sup> - О нем см. выше, с. 136.

<sup>669</sup> - См.: Отчет ЦИАО. 11. См. также: Сове. 62.

<sup>670</sup> - Выступление 21 сентября 1917 г.: Подотдел, Протоколы. 38 об. О. Василий приводил и конкретные примеры неудачных, с его точки зрения, исправлений, но они, к сожалению, не были зафиксированы в протоколе.

<sup>671</sup> - Кедров М. Синтаксис «распутан» и приближен к русскому, двойственное число заменено множественным, причастия местами заменены спрягаемой формой глагола и наоборот; заменена архаичная или двусмысленная «для русского уха» лексика (лыста нозе; хитрец создатель; известие ясно; земли исчадие от земли созданное). Ирмосы оставлены без изменения, «так как каждое их слово с раннего детства запечатлелось в нашем сознании». Отметим, что Комиссия хотя и вносила правку в песнопения, находящиеся у всех «на слуху», но старалась в этих случаях сводить ее к минимуму. Опыт нового перевода того же канона с греческого оригинала был опубликован на 27 лет раньше: Е[пископ] А[вгустин] [Гуляницкий]. Канон на Сретение Господне в новом переводе на церковнославянский язык //Д.Ч. 1883. № 2. С. 182–186.

<sup>672</sup> - Г.П. 111–112, 118.

<sup>673</sup> - Подотдел, Протоколы. 33. Более перспективной Тураев считал работу по созданию русского и украинского переводов (см. выше, с. 137).

<sup>674</sup> - Подотдел, Протоколы. 38 об. В.Д. Прилуцкий предлагал включить такую рекомендацию в постановление Собора, но предложение не получило поддержки большинства при голосовании в подотделе о богослужебном языке.

<sup>675</sup> - Среди них, кроме уже упоминавшихся, – архиеп. Евлогий (Георгиевский), прот. Феодор Филоненко, еп. Сильвестр (Ольшевский), Н.И. Пантин, В.К. Лебедев, Н.И. Знамировский (впоследствии еп. Стефан), В.К. Недельский, И.А. Карабинов (в прошлом также член Комиссии), свящ. Аристарх Пономарев. Кроме того, были заслушаны тезисы VI отдела Предсоборного совета и постановления Псковского и Новгородского епархиальных съездов с аналогичными предложениями. См.: Подотдел, Протоколы. 14, 26, 28 об., 29, 32,

33 об.–34, 36, 39, 40; Отдел, Протоколы. 175, 573 об. См. также: Кравецкий. Проблема языка. 70;

<sup>676</sup> - См. выше, сс. 143, 154.

<sup>677</sup> - См. ниже, сс. 318–319

<sup>678</sup> - Постановления Патриарха 1918/IV. 301. См. ниже, с. 323.

<sup>679</sup> - Епископ Афанасий (1887–1962), канд. богословия МДА (1912), иеромонах (1912), преподаватель Полтавской, затем – Владимирской духовных семинарий, член Поместного Собора, член Владимирского епархиального совета (1918–1920), архим. и наместник Владимирского Рождественского м-ря (1920), Боголюбского м-ря (1821), еп. Ковровский, вик. Владимирской епархии (1921). 1922–1954 – многократные аресты, тюрьмы, лагеря и ссылки. Затем проживал в пос. Н.Петушки Владимирской обл. После «Декларации» в оппозиции митр. Сергию, но с избранием патр. Алексия I примирился с Московской Патриархией.

<sup>680</sup> - См.: Кравецкий. Комиссия. 183; ср. С. 193. См. также: Кравецкий, Плетнева. Деятельность Афанасия. Здесь приведены, в частности, такие строки из письма владыки Афанасия: «Исправление церковных книг – неотложное дело. Надо не только то, чтобы православные умилялись хотя бы и непонятным словам молитвословий. Надо, чтобы и ум не оставался без плода. ... И я думаю, что в настоящей церковной разрухе в значительной степени повинны мы тем, что не приближали наше дивное богослужение, наши чудные песнопения к уму русского народа» (с. 119; ранее этот фрагмент опубликован в: Н.В.Т. 207). О преданности еп. Афанасия делу исправления книг свидетельствует и такой факт: в марте 1945 г., находясь в лагере, владыка обратился к патриарху Алексию I с просьбой исходатайствовать ему перевод в одну из московских тюрем и предоставить возможность работать там с богослужебными книгами (Шкаровский. Иосифлянство. 191).

<sup>681</sup> - Выписка сохранилась в личном архиве СИ. Фуделя (1900–1917). В одной из записок еп. Афанасия содержится и намек на роль «чужих» (т.е. представителей безбожной власти) в упразднении комиссии. См.: Кравецкий. Комиссия. 198.

<sup>682</sup> - См.: Протокол заседания Богослужебно-календарной комиссии 10–11 февраля 1969 года. С. 10–11. Копию этого документа из личного архива члена комиссии Е.А. Карманова (1927–1998) любезно предоставил А.Г. Кравецкий. В заседании, кроме председателя, участвовали профессор Ленинградской духовной академии Н.Д. Успенский, преподаватель МДА игумен Матфей (Мормыль), преподаватель Одесской ДС прот. Николай Деснов, а также прот. Сергей Орлов, свящ. Александр Сложеникин, секретарь редакции ЖМП Е.А. Карманов, литературные редакторы ЖМП П.В. Уржумцев и А.И. Просвирнин (впоследствии архимандрит Иннокентий).

<sup>683</sup> - Кравецкий, Плетнева. Деятельность Афанасия. 119.

<sup>684</sup> - См. выше, с. 236.

<sup>685</sup> - См. выше, с. 9–10.

<sup>686</sup> - См. Определение Священного Синода от 26 ноября 1995 г //ЖМП. 1996. № 1. С. 15.

<sup>687</sup> - См. выше, с. 249.

<sup>688</sup> - См. выше, с. 8.

<sup>689</sup> - См. с. 10.

<sup>690</sup> - Богослужебный язык. 50, 51, 149, 174; ср. 154.

<sup>691</sup> - Богослужебный язык. 178.

<sup>692</sup> - Богослужебный язык. 50.

<sup>693</sup> - Богослужебный язык. 56.

<sup>694</sup> - Богослужебный язык. 177.

<sup>695</sup> - Сове. 62; ср.: Богослужебный язык. 52, 157.

<sup>696</sup> - См. с. 226.

<sup>697</sup> - См. выше, с. 227.

- 698 - Кравецкий. Проблема языка. 74–78; Кравецкий. Проблемы Типикона. 58–90; Из материалов Отдела. 290–344 (последняя публикация отличается наибольшей полнотой).
- 699 - ОЕА. I. 41.
- 700 - ОЕА. I. 337.
- 701 - ОЕА. I. 324.
- 702 - ОЕА. II. 246.
- 703 - ОЕА. I. 441.
- 704 - См. выше, с. 25.
- 705 - Потехин. 12.
- 706 - ОЕА. I. 529; II. 315; III. 497–498; ЦОЖ. 1906. № 34. С. 1152.
- 707 - ОЕА. I. 203; II. 395. III. 447.
- 708 - Богос (1905). 687–688.
- 709 - См. выше, с. 187.
- 710 - Благодушная. 260–261, 258. Схожие аргументы: С.М.Ф. 215–216.
- 711 - Ильинский П. (1915). 199. Об авторе см. выше, с 101.
- 712 - Пальмов. 209–210. Николай Николаевич Пальмов (1872–1920), канд. богосл. КДА (1897), препод. Киевской ДС (1910), и.д. доцента КДА по кафедре церковной археологии (1912), магистр богосл. КДА (1914).
- 713 - Об этих собраниях см. выше, сс. 35–37.
- 714 - Четвертое собрание. 31; Д.С. 23.
- 715 - Извеков. О реформе. № 18. С. 2.
- 716 - К.П. 1–3. Ср. рецензию на эту работу: Соловьев. Рецензия (1906). 542, а также: Соловьев. Современные вопросы. 98–100; Самарин. 36–37.
- 717 - Извлечение (Пермь). 638–639. Ср.: Иванов П. (1). 380. Однако на других собраниях настойчиво выдвигалось требование издать особый богослужебный устав для приходов. См.: Сухов. 108 (миссионерский съезд в Самаре, 1905); Постановление (Череповец). 141; Епархиальное собрание. 1239; Доклад Добровольского. 40–41 (Аксайское и Елисаветовское пастырские собрания); Резолюции Донского съезда; Журналы (Владимир, 1917). 218; Протокол Калужского съезда. 18–20; Журнал (Курск, 1917). 308–310.
- 718 - О нем см. выше, с. 40.
- 719 - Миловский. 700–701.
- 720 - Сухов. 107–110.
- 721 - Фаддей (Успенский, 1872–1937) окончил МДА (1896), иеромонах (1897), преподаватель Смоленской ДС, инспектор Минской ДС, Уфимской ДС, архимандрит (1900), ректор Уфимской, Олонецкой ДС; магистр богословия (1902), еп. Владимир-Волынский (1908), Житомирский, Астраханский (1922), член Священного Синода, архиеп. Астраханский, Пятигорский, Саратовский, Тверской (1928–1934). Под арестом (1921–1922), вновь арестован и сослан (1922–1923), вновь сослан (1926–1928), арестован и расстрелян (1937). Прославлен в лике святых Архиерейским Собором 1997 г.
- 722 - Аналогичную мысль высказывал миссионер Яков Глаголев: любые официально признанные изменения в богослужебном уставе дадут «лишнее оружие в руки старообрядцев», которые непременно станут говорить: «Вот, ваша Церковь службу, которую составили св. отцы, сократила. Значит, по-вашему, св. отцы не так составили ее? Прежде у вас частные лица делали это, а теперь вся ваша Церковь сделала это». (Глаголев Я. 325.)
- 723 - ОЕА. III. 219; ср.: ЦВк. 1905. № 34. С. 1077.
- 724 - Фаддей. О торопливости. 476.
- 725 - См.: Предсоборное Присутствие. 241; ПЦВ. 1906. № 6. С. 268. Ср.: Антоний. Значение молитвы. 248–249.
- 726 - О занятиях. 1681–1682.

- <sup>727</sup> - Старорусский. 1209. Ср.: Горный.
- <sup>728</sup> - Голощапов. 343. Сергей Иванович Голощапов (1882–1937), канд. богословия (1908), профессорский стипендиат (1908–1909) МДА, препод. МДС (1910), делопроизводитель Отдела о Высшем церковном управлении Поместного Собора (1917–1918), препод, школы и спецкурсов (1918–1926), свящ. (1920), протоиерей (1921?), служил в московских храмах, с 1928 «непоминающий»-иосифлянин, в заключении (1929–1932), в ссылке (1932–1935), расстрелян.
- <sup>729</sup> - Полиевктов. 14. Близкие позиции выражены также в статьях.: Августин, иером.; Ф. 305; Пантелеимон. 341; Петр.
- <sup>730</sup> - Волосатовский. 26.
- <sup>731</sup> - Следников. 231–232.
- <sup>732</sup> - Ср. выше, сс. 46–47.
- <sup>733</sup> - О нем см. выше, с. 16.
- <sup>734</sup> - ОЕА. II. 457–458. О бессмысленных сокращениях см. также: Речменский. Укоризна. 644–645.
- <sup>735</sup> - ОЕА. III. 43–44.
- <sup>736</sup> - ОЕА. II. 333–334, 489–490.
- <sup>737</sup> - Евсевий (Никольский, 1861–1922) окончил МДА (1885), иеромонах (1893), еп. Киренский (1897), Владивостокский (1899), после Поместного Собора в связи с гражданской войной остался в Москве, управлял Патриаршей областью в сане митрополита Крутицкого. Успешный миссионер и храмоздатель в период своего служения на Дальнем Востоке.
- <sup>738</sup> - ОЕА. Приб. 202.
- <sup>739</sup> - Аполлосов. 216; ср. Желательные реформы. 482–483.
- <sup>740</sup> - Либеровский. 128–130. Это предложение было вскоре осуществлено в Новгородской епархии. См. ниже, с. 293, а также: Арсений. 1617. Ср. журнал благотворительного съезда одного из округов Архангельской епархии: ОЕА. I. 403.
- <sup>741</sup> - Левитов М. 199; ср.: Богос (1905). 688.
- <sup>742</sup> - Карабинов. 2.
- <sup>743</sup> - Летницкий. 438–440.
- <sup>744</sup> - П.Ш. 1303–1305.
- <sup>745</sup> - См. с. 21.
- <sup>746</sup> - Николаев (1906). 244.
- <sup>747</sup> - Согласно положению «О составе приходов и церковных причтов», принятому в апреле 1869 г., количество причетников было сокращено с целью лучшего обеспечения духовенства.
- <sup>748</sup> - Николаев (1906). 431–435.
- <sup>749</sup> - См.: Николаев (1906). 446–448.
- <sup>750</sup> - Николаев (1912). 116.
- <sup>751</sup> - См.: Апраксин (1).
- <sup>752</sup> - Впрочем, и там можно было столкнуться с теми же проблемами: на съезде единоверцев в Курске (1907) также обсуждалась проблема «произвольных сокращений» (Курский съезд. 27).
- <sup>753</sup> - Апраксин (4). 256.
- <sup>754</sup> - Вскоре после опубликования этой статьи рекомендации по разумному сокращению службы были приняты в Рижской и Новгородской епархиях (см. ниже, сс. 291–293). А вот на пастырском собрании в столице митрополит Антоний на вопрос священника Михаила Поспелова, настоятеля церкви при Александровском лицее, нельзя ли получить хоть какие-нибудь компетентные указания о сокращении богослужения, действительно ответил: «Для исполнения сего нет в наличности достаточных полномочий». См.: Кульбуш. 54, 58.

- <sup>755</sup> - Апраксин (2–4). Отклик на доклад Апраксина в Нижнем Новгороде см.: Розанов В. II. 193–5. Здесь сообщается, что «большинство присутствующих признало приведенные в докладе факты безусловно верными, взятыми из жизни, и дополнило их некоторыми другими, весьма неблагоприятными. ... Преосвященный Назарий благодарил докладчика, просил иереев впредь совершать службу возможно ближе к Уставу».
- <sup>756</sup> - См.: Апраксин (5). Перепечатки: Смоленские ЕВ. 1907. № 16. С. 691–705; Полоцкие ЕВ. 1907. № 26. СС. 730–740; было выпущено также и отдельным оттиском.
- <sup>757</sup> - Апраксин (6). Ср.: Артемьев. 914.
- <sup>758</sup> - Благодушная. 284.
- <sup>759</sup> - Кудрявцев. 34.
- <sup>760</sup> - Смирягин. 97, 99, 181, 247. Александр Павлович Смирягин – канд. богословия СПбДА, служил в м. Новый Буг Херсонской епархии.
- <sup>761</sup> - Антонов. Сектантство. 3.
- <sup>762</sup> - Доклад Совета. 80.
- <sup>763</sup> - ОЕА. I. 398.
- <sup>764</sup> - Сочувствующий. 137. Ср.: Письма священника. 192.
- <sup>765</sup> - Голубинский. 22–23.
- <sup>766</sup> - Кудрявцев, 34.
- <sup>767</sup> - Поселянин. Разговор. 564; Поселянин. Опасность обрядности. 1017. Е.Н. Погожев, автор многих книг и статей, посвященных агиологии и церковной жизни, был расстрелян в 1931 г.
- <sup>768</sup> - Дневник. 9. Ср.: А.П. 10.
- <sup>769</sup> - У-ский. 324.
- <sup>770</sup> - Дроздов Н. Ревнителю уставности. 47.
- <sup>771</sup> - Служитель алтаря. 11. Ср.: Бостонов (1913). 16–17.
- <sup>772</sup> - Кремлевский (1907). 68.
- <sup>773</sup> - ОЕА. I. 147.
- <sup>774</sup> - ОЕА. Приб. 256–257.
- <sup>775</sup> - ОЕА. I. 41–42. Ср. похожие высказывания: Мирянин. О реформе. 135–137; Борисов.
- <sup>776</sup> - Макарьев. 144–145.
- <sup>777</sup> - Литургия Преждеосвященных Даров первоначально совершалась вечером. В соответствии с этим она начинается вечернею; цитированные архиепископом слова продолжают следующими: »...яко кадило пред Тобою, воздеяние руку моею жертва вечерняя».
- <sup>778</sup> - ОБА. Приб. 256.
- <sup>779</sup> - Кондратьев. 21.
- <sup>780</sup> - Б-в. 1129.
- <sup>781</sup> - Исповедь священника. Ср. похожие мнения других авторов: Служитель алтаря. 11; Самойлович. 368.
- <sup>782</sup> - Елабужский. 13. О Елабужском и о данном собрании см. также выше, с. 33.
- <sup>783</sup> - Дневник. 12–13.
- <sup>784</sup> - Извеков. О реформе. № 19. С. 4.
- <sup>785</sup> - ОЕА. II. 287.
- <sup>786</sup> - См. о нем выше, с. 201.
- <sup>787</sup> - Лекция Дмитриевского. 430; ср. Балабуха. 12 (еще один пересказ той же лекции).
- <sup>788</sup> - ОЕА. Приб. 256.
- <sup>789</sup> - Благодушная. 263–264.
- <sup>790</sup> - Леонович. 4. Ср.: Баженов. 2–3.

- 791 - Хотовицкий. О реформах. 152. Ср.: Х. О богослужении. 334–335.
- 792 - ОЕА. I. 372.
- 793 - ОЕА. III. 212.
- 794 - ОЕА. II. 287.
- 795 - Голос мирянина. № 24–25. С. 15.
- 796 - См.: ОЕА. I. 337, 372; II. 287.
- 797 - См.: ОЕА. I. 537; ср.: ЦВк. 1905. № 34. С. 1077; Волнин. 361–362; Назревшая необходимость. 427; М-ч В. 27; Ст. 1911. № 9. С. 120; Тихомиров К. (1916). 126.
- 798 - Археология или жизнь? 748. Ср. яркое выражение о. Н. Дроздова: от службы осталось «одно оглавление» (Дроздов Н. Ревнители уставности. 47). Другие авторы передавали свои впечатления от неграмотно сокращенной службы не менее образно: «Вся картина богослужбная искажена, испорчена, почти уничтожена. Осталась только рамка с этой картины, но и она почти изломана...» (Андрей. Письма к пастырям. 147); «Остается только остов, – скелет, хотя и задрапированный в дорогие ризы» (Горный. 73); «Полинялая картина» (Следников. 232).
- 799 - Палицкий 1913. 908.
- 800 - Германов. 9.
- 801 - О нем см. выше, с. 26.
- 802 - Рижский собор. 1033; ср.: Васильев. 2061.
- 803 - Городцев. 119–121, 126–127.
- 804 - Ревнитель. 245.
- 805 - Один из первых опытов, относящийся к 1904 году, см.: И.С. 159–162 (отчет о миссионерском съезде Спасского уезда).
- 806 - См. также: Андроник. Упрощать богослужение. 161–162. В этой статье владыка Андроник выражал глубокое сожаление о том, что «все богатое и существенное разнообразие в ... богослужении выбросили и по лености, и по небрежности, а оставили только почти одно постоянное, почти одни лишь эктении, всем известные».
- 807 - Пастырское собрание (Петропавловский). 24–25.
- 808 - ОЕА. I. 398.
- 809 - Устав. 2–5.
- 810 - Устав. 5–7. На последующих л. 7 об.–29 об. расписаны все подробности служб отдельных праздников.
- 811 - Извлечения. 555.
- 812 - О нем см. выше, с. 35.
- 813 - См.: Шавельский. 406–407.
- 814 - Руководственные указания. 10.
- 815 - Руководственные указания. 13–14. В 1915 г., до напечатания данного приказа, в войска рассылалось предыдущее издание «руководственных указаний» с приложением «Порядка отправления церковных служб в судовых церквях» (см.: Канцелярия. 23–23 об.).
- 816 - Шавельский. 405–406.
- 817 - Аналогичное предложение см.: Соколов В. О преобразованиях. 10.
- 818 - Лекция Дмитриевского. 430. См. также более ранние публикации: Дмитриевский. Вынос плащаницы; Дмитриевский. Рецензия.
- 819 - См. выше, с. 207–208.
- 820 - См.: Лекция Дмитриевского. 430; Дмитриевский. Триодь. 709–710. Ср. более раннюю статью: Дмитриевский. Утренние молитвы; а также: Пр-й С-н (1906). 400.
- 821 - Впервые издан в Константинополе в 1838 г. протопсалтом Константином; переведен на славянский язык для болгар иеромонахом Неофитом Рыльским. К началу XX

века употреблялся не только в приходских церквях, но и на родине нашего устава – в лавре преп. Саввы Освященного. См.: Скабалланович (1). 493.

822 - См.: Журналы Предсоборного Присутствия. 301–302.

823 - Чельцов. Неуспехи. 1128.

824 - См.: Лекция Дмитриевского. 430. Ср.: ЦВк. 1907. № 17. С. 560.

825 - Карабинов. 11.

826 - О нем см. выше, с. 136.

827 - Скабалланович (2). 330–336. Михаил Николаевич Скабалланович (1871–1931), канд. (1896) и магистр (1905) богословия КДА, пом. инспектора Каменец-Подольской ДС, пом. смотрителя Мариупольского дух. училища (1898–1906), препод., проф. КДА (1906–1918), препод, классической филологии Киевского ун-та (1920), работал в библиотеке б. Михайловского м-ря (1924), в Этнографической комиссии Академии наук УССР (1928–1930).

828 - Скабалланович (2). 330.

829 - Сове. 64–65.

830 - Отдел. 65 об.

831 - См.: Сове. 64; Уставное бдение.

832 - Германов. 9. Очень близкие оценки в более поздней публикации: С-кий.

833 - Монашеский съезд. 13–14.

834 - Скабалланович. Чего мы ждем. 22–23.

835 - Собрание. ТУ. 34. Проект: Материалы. 268.

836 - См. выше, с. 125.

837 - Журналы Предсоборного Совета. 321.

838 - Предсоборный Совет, доклады. 112–112 об., 116–123 об.

839 - Там же. 124–127 об.

840 - См. выше, с. 293.

841 - Предсоборный Совет, доклады. 126 об.

842 - Предсоборный Совет, доклады. 98.

843 - Предложение Б.А. Тураева. О монастырских церквях речь не шла, поскольку предполагалось, что с них устав должен соблюдаться в полном объеме.

844 - Предсоборный Совет, доклады. 92.

845 - Список членов см.: Письма и доклады. 1–1 об.

846 - См. выше, с. 136.

847 - См.: Письма и доклады. 1–1 об. Димитрий (кн. Абашидзе, 1867–1942) окончил Новороссийский ун-т (1891) и КДА (1896), препод, и инспектор Тифлисской и Кутаисской ДС, ректор Александровской миссионерской семинарии (1900), еп. Алавердский (1902), Гурийско-Мингрельский, Балтский, Туркестанский (1906), Таврический и Симферопольский (1912), архиеп. (1915). Служил судебным священником во время войны (1914). После Собора – член Высшего временного церковного управления Юго-востока России. На покое с 1921. Временно управлял Феодосийским викариатством (1922). Подвергался арестам в 1922, 1923, ок. 1930 и в 1933 г. В конце 20-х гг. принял схиму с именем Антоний.

848 - См.: Ильинский П. (1917–18). № 8.

849 - См.: Там же.

850 - Отдел, Протоколы. 123–124; Из материалов Отдела. 307.

851 - Текст доклада: Письма и доклады. 109–112 об.; публикации: Кравецкий. Проблемы Типикона. 78–83; Из материалов Отдела. 303–307.

852 - Текст доклада: Письма и доклады, 101–108 об.; публикации: Кравецкий. Проблемы Типикона. 60–69; Из материалов Отдела. 290–297.

853 - См., например, выше, с. 262–263.

- 854 - Текст: Письма и доклады. 113–119 об.; публикации: Кравецкий. Проблемы Типикона. 70–78; Из материалов Отдела. 297–303.
- 855 - См. выше, ее. 298–300.
- 856 - Отдел, Протоколы. 124.
- 857 - Отдел, Протоколы. 125–125 об.; Из материалов Отдела. 308–309.
- 858 - Отдел, Протоколы. 147 об.–148.
- 859 - Там же. 160 об.; Из материалов Отдела. 315–316. Евфимий (Лалин, р. 1873), канд. богословия МДА (1899), преп. Тобольского епарх. училища, затем ДС, иеромонах (1908), ректор Томской ДС, архимандрит (1909), еп. Барнаульский (1912), Якутский и Вилюйский (1916). После Собора временно управлял Уфимской и Курской епархиями, еп. Петрозаводский и Олонецкий (1920), с 1922 подвергался арестам и ссылкам. Время смерти неизвестно.
- 860 - Отдел, Протоколы. 156 об.
- 861 - Отдел, Протоколы. 142 об.
- 862 - Отдел, Протоколы. 34.
- 863 - Отдел, Протоколы. 162 об.–163.
- 864 - Отдел, Протоколы. 164 об.
- 865 - Отдел, Протоколы. 164 об. Петр Михайлович Волков окончил церковноприходскую школу и служил настоятелем единоверческой ц. с. Шемонаихи Змеиногородского у. Томской епархии.
- 866 - Отдел, Протоколы. 164.
- 867 - Отдел, Протоколы. 147.
- 868 - Отдел, Протоколы. 137.
- 869 - Отдел, Протоколы. 127–127 об.; Из материалов Отдела. 310.
- 870 - Отдел, Протоколы. 126 об.; Из материалов Отдела. 309.
- 871 - Отдел, Протоколы. 143 об.–144. Николай Васильевич Цветков (1862-?), окончил МДА (1886), настоятель Покровской церкви на Варварке. Активный участник предсоборного движения. Председатель Исполнительного комитета объединенного духовенства Московской епархии (1917), тов. пред. Совета объединенных приходов Москвы, инициатор и тов. пред. Всероссийского съезда духовенства и мирян. Арестован во время Собора (июнь 1918), освобожден через месяц. Вновь арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности (1919) и приговорен к 15 годам, но освобожден в 1920. Представитель св. Тихона в Помголе, составитель патриарших посланий к верующим об изъятии церковных ценностей (1921–1922).
- 872 - Отдел, Протоколы. 144 об.–145. Георгий Ильич Булгаков – канд. богословия, преп. Курской ДС. После Собора – ученый секретарь Курского о-ва краеведения.
- 873 - Отдел, Протоколы. 124.
- 874 - Отдел, Протоколы. 127 об.; Из материалов Отдела. 310.
- 875 - Отдел, Протоколы. 155 об.
- 876 - Отдел, Протоколы. 126, 161 об., 198; Из материалов Отдела. 309, 317, 319.
- 877 - Отдел, Протоколы. 171–172.
- 878 - Черновик тезисов см.: Письма и доклады. 93–100 об.; белой текст: Об упорядочении. 1–9; публикации: Кравецкий. Проблема языка. 74–78; Кравецкий. Проблемы Типикона. 85–89; Из материалов Отдела. 319–323. Тезисы выделены нами жирным шрифтом. Ссылки на листы дела: Отдел, Протоколы помещены в тексте.
- 879 - Так в тексте.
- 880 - О Елабужском см. выше, с. 33.
- 881 - Иоасаф (Каллистов, 1851–1920), канд. богословия СПбДА (1876), преп. греч. яз. Литовской ДС, иерей и законоучитель в Варшаве, протоиерей, настоятель Варшавского каф. собора (1902), еп. Новогеоргиевский (1912), Дмитровский (1917), временно упр. Московской



и Варшавской епархиями, архиеп. Коломенский и Патриарший наместник (1918), Крутицкий (1919). В заключении 1919–1920, скончался вскоре по освобождении.

<sup>882</sup> - Прокопий (Титов, 1877–1937), канд. богословия КазДА, еп. Елисаветградский (1914). После Собора в Соловках (1923–1925), еп., архиеп. Херсонский, в ссылке (1927). Расстрелян.

<sup>883</sup> - Расстрелян в 1918 г.

<sup>884</sup> - Последний на одном из первых заседаний отдела выразил просьбу своих избирателей, «чтобы в богослужении устранены были видимые противоречия. Так, например, за всеобщим бдением священник произносит возглас «Слава Тебе, показавшему нам свет», – между тем как в природе в эти именно моменты наступает тьма» (Отдел, Протоколы. 27 об.).

<sup>885</sup> - Пахомий (Кедров), арестован в 1925, в Соловках с 1927, умер в 1937 г.

<sup>886</sup> - Митрофан (Краснопольский), пред. соборного отдела о высшем церковном управлении. Расстрелян в Астрахани (1919).

<sup>887</sup> - Об упорядочении. 10.

<sup>888</sup> - Там же. 19 об.

<sup>889</sup> - См. выше, с. 156–157.

<sup>890</sup> - Об упорядочении. 13–14 об.

<sup>891</sup> - Там же. 17–17 об.; Отдел, Протоколы. 530 об.–531.

<sup>892</sup> - Об упорядочении. 19 об.

<sup>893</sup> - Там же. 21–21 об. Выделено мною. Среди подписавших заявление: В.К. Недельский, иеромонах Афанасий (Сахаров), Б.А. Тураев, архим. Кронид (Любимов) (наместник Троице-Сергиевой лавры, расстрелян в 1937 г.), архим. Александр, наместник Боголюбова м-ря, протоиереи Кирилл Зайц, Сергей Кудрявцев, Павел Крутиков (наст. Костромского каф. собора), Михаил Покровский, Николай Преображенский; священники Иоанн Щукин, Александр Попов, Иоанн Артоболовский, протод. Николай Ливай, Л.К. Артамонов, В.К. Лебедев, В.И. Зеленцов (будущий еп. Василий Прилукский, выступивший с резкой критикой «Декларации» митр. Сергия и расстрелянный в 1930 г.).

<sup>894</sup> - Там же. 22–23.

<sup>895</sup> - См.: Кравецкий. Проблемы Типикона. 89.

<sup>896</sup> - Постановления Патриарха 1918/IV. 297–302. Постановление подписано патр. Тихоном, митрополитами Агафангелом (Преображенским), Арсением (Стадницким), Сергием (Страгородским), архиепископами Евсевием (Никольским) и Михаилом (Ермаковым). Исполнение постановления помечено в документе 23 ноября/6 декабря 1918 г.

<sup>897</sup> - Виктор Иванович Кедров (р. 1861), окончил МДА (1885), священник церкви св. Николая на Долгоруковской ул., прот. (1913), пред. еп. совета (июль 1918). Арестован и осужден на 5 лет лишения свободы в 1922 г. по делу об изъятии церковных ценностей.

<sup>898</sup> - О новых чинах. 145–145 об.

<sup>899</sup> - Постановления Патриарха 1919/III. 9 об. (Сообщено А.Г. Кравецким.)

<sup>900</sup> - Постановления Патриарха 1919/IV. 83–84.

<sup>901</sup> - Постановления Патриарха 1919/IV. 82, 85.

<sup>902</sup> - См. выше, с. 162.

<sup>903</sup> - Голубцов СЛ. Профессура. 95. Среди упомянутых недопустимых явлений значатся, в частности: «Совершение всеобщего бдения среди храма, нередко с кафедры» (смысл неясен; кафедра, конечно, является принадлежностью архиерейского служения, но если священник во время бдения находится не в алтаре, а в храме, это надо считать исполнением, а не нарушением устава); «Совершение пассив не по уставу и в необычное время» (как известно, по уставу пассив вообще не бывает ни в какое время); «Совершение чина погребения Божией Матери позднее 16 августа» (также служба, не предполагаемая уставом и потому не установленная на определенное время); «Совершение вечерни

Великой Пятницы позднее 3 часов пополудни» (время, предписанное уставом – «при часе 10-м дне», т.е. в 4-м пополудни. Откуда вдруг такая строгость, если уж утрени совершаются с вечера?).

<sup>904</sup> - Отдел, Протоколы. 531, 532 об.

<sup>905</sup> - Отдел, Протоколы. 178.

<sup>906</sup> - Отдел. 10–11 об.; О чинах. 18–18 об. Публикация: Из материалов Отдела. 333.

Черновые материалы к докладу см.: Письма и доклады. 75–80, 82–82 об.

<sup>907</sup> - Деяния. III. 147; О чинах. 19–20.

<sup>908</sup> - Письма и доклады. 81; О чинах. 21–21 об.

<sup>909</sup> - См., например: Письма патриарха Алексия. 183.

<sup>910</sup> - См.: Письма и доклады. 2–6; О чинах. 1–1 об.; Виноградский.

<sup>911</sup> - О чинах. 3–4. Запись дискуссии: Отдел, Протоколы. 337–341. Здесь же помещен состав древнего чина.

<sup>912</sup> - Доклад Прилуцкого см.: О чинах. 6–7; Доклады. 229–230. Публикация (с некоторыми мелкими неточностями): Из материалов Отдела. 335.

<sup>913</sup> - О чинах. 8.

<sup>914</sup> - О чинах. 9–11. Черновики с правкой: Отдел. 29–30.

<sup>915</sup> - О чинах. 14–15; Списки. 6.

<sup>916</sup> - Определение № 6225.

<sup>917</sup> - См.: Из материалов Отдела. 276–277.

<sup>918</sup> - «О применении нового календаря в церковной жизни» (Письма и доклады. 138–143); публикация: Деяния. VI. 186–188; ср.: Из материалов Отдела. 286–288. В последнем издании публикатор на с. 286 смешивает два доклада: первоначальный доклад Глаголева на заседании Собора 30 января, воспроизводимый ниже, и совместный доклад Соколова и Глаголева, подготовленный двумя месяцами позже по итогам работы отдела. Этот второй доклад на Соборе заслушан не был.

<sup>919</sup> - Отдел, Протоколы. 348–350 об., 354–355.

<sup>920</sup> - Оба доклада опубликованы А. Г. Кравецким: Из материалов Отдела. 279–286.

<sup>921</sup> - Отдел, Протоколы. 422

<sup>922</sup> - Доклады. 232–232 об.; Отдел, Протоколы. 463 об.

<sup>923</sup> - Об упорядочении. 14 об.

<sup>924</sup> - Деяние 170. 77; Священный Собор. 366–367.

<sup>925</sup> - Постановления ВЦС (1919–11). 139. Сообщено А.Г. Кравецким.

<sup>926</sup> - Там же. 128.

<sup>927</sup> - Герман (Кавакопулос, 1840–1920), патриарх Константинопольский (1913–1918).

<sup>928</sup> - Дело патриарха Тихона. 663–668.

<sup>929</sup> - В действительности новый стиль был введен в Константинопольской Церкви лишь в марте 1924 г. См.: Послание Вселенского Патриарха. 6.

<sup>930</sup> - См.: Дело патриарха Тихона. 360–363; Акты. 284, 286, 299–300, 332–338.

Впоследствии вопрос о календарной реформе рассматривался на Московском совещании глав и представителей Автокефальных Православных Церквей (1948). О последующем обсуждении см.: Воронов (1971); Огицкий, а также приведенную в этих работах библиографию.

<sup>931</sup> - О чинах. 12.

<sup>932</sup> - О чинах. 13–13 об. Впоследствии, в 1983 году, «Доследование благодарственное и молебное пение ... певаемое в день Рождества ... в воспоминание избавления Церкви и Державы Российския от нашествия галлов и с ними двадесяти язык» было все же включено в «Настольную книгу священнослужителя» (Т. 4). Для этого издания последование пришлось отредактировать, вычищая все упоминания об императоре.

- 933 - См. выше, с. 244.
- 934 - Отдел, Протоколы. 341–341 об.
- 935 - Там же. 579–579 об.
- 936 - Там же. 526–526 об.; Доклады. 249.
- 937 - См.: Дело патриарха Тихона. 359; Акты. 521, 678. Любопытное свидетельство о том, как «не прививалось» поминовение властей: 20 сентября 1923 года протоиерей Румянцев при служении в храме Нечаянной Радости в Марьиной Роще отказался провозгласить многолетие правительству РСФСР, за что был вскоре вызван для объяснений на заседание Московского епархиального совета. (О новых чинах. 146).
- 938 - Последование Православия. 2–3 об. Публикация (с некоторыми пропусками в тексте): Кравецкий. Проблема языка. 73; Из материалов Отдела. 337.
- 939 - См.: Акты. 82–85.
- 940 - Последование Православия. 4.
- 941 - Последование Православия. 9; О чинах. 23–24.
- 942 - Федор Константинович Булатович – редактор «Торгово-промышленного обозрения», секретарь Биржевого комитета, член ряда коммерческих и благотворительных обществ, препод, женской гимназии.
- 943 - Р.С. 187.
- 944 - Письма и доклады. 126–132 об.
- 945 - См.: Отдел, Протоколы. 355 об.–357 об.
- 946 - Экземпляры доклада см.: Об упорядочении. 25–25 об.; Доклады. 228–228 об.; публикации: Из материалов Отдела. 334; Указания 1999. 597–598.
- 947 - См.: Собрания. 27.
- 948 - См.: Об упорядочении. 22–23.
- 949 - Постановления Патриарха 1918/V. 90–91.
- 950 - Кремлевский (1907). 68.
- 951 - Благодушная. 298.
- 952 - Рижский собор. 1033.
- 953 - Письма и доклады. 119 об.; Кравецкий. Проблемы Типикона. 77; Из материалов Отдела. 303. Многие публикации предреволюционного времени и выступления на Соборе указывают, что в приходской практике антифоны изобразительные и блаженны сокращались весьма сильно, до 1–2 стихов. См., напр.: Востоков (1912). 51; Заботы. 799–800; Отдел, Протоколы. 135 об.
- 954 - См.: Письма и доклады. 112.; Кравецкий. Проблемы Типикона. 81; Из материалов Отдела. 306.
- 955 - Кравецкий. Проблема языка. 76–77; Кравецкий. Проблемы Типикона. 86, 88; Из материалов Отдела. 320, 322. Трудно понять, на каком основании возгласение «Господи, спаси благочестивых...», происходящее из церемониала византийской службы с участием императора и относящееся именно к императорскому дому, в недавнее время после длительного отсутствия было вновь возвращено в наш богослужебный обиход. Разъяснения о. В. Прилуцкого по этому поводу были даны в докладе об исправлении служебника (26 сентября 1917 г., уставный подотдел). См.: Ильинский П. (1917–18). № 10. С. 2. Резолюцию митр. Сергия об опущении данного возгласения см: Владимирские ЕВ. 1918. № 9. С. 61.
- 956 - Рижский собор. 1033.
- 957 - Кравецкий. Проблема языка. 76.
- 958 - ОЕА. II. 457; III. 212.
- 959 - Никандр. 1815.
- 960 - См.: А.В. 1674; ПЦВ. 1908. № 29. С. 1379.
- 961 - См.: Рижский собор. 1033; Васильев. 2062.

- 962 - См.: Извлечения. 557.
- 963 - Григорьевский. 902.
- 964 - Один... 13.
- 965 - См.: О занятиях. 1518, 1527, 1681–1682.
- 966 - См.: Определение № 1799. 217. Пожелания о разрешении читать Евангелие (в некоторых случаях – и Апостол) лицом к народу высказывались на собрании Братства святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа (Доклад Совета. 79), на съездах миссионеров Херсонской епархии в 1916 г. (Протоколы Херсонского миссионерского съезда. 81; было отмечено, что такая практика уже существует в некоторых приходах епархии), духовенства Донской епархии (Резолюции Донского съезда. 17) и Тульской епархии в 1917 г. (в последней – только при служении священником без диакона: Журналы (Тула, 1917). 315).
- 967 - См.: Миронович. 7; NN. 514; Дроздов В. 876.
- 968 - В пользу этого решения высказывались Л.К. Артамонов, о. С. Кудрявцев, о. И. Корчинский, о.Н. Карташев, Д.И. Волков, Б.А. Тураев. См.: Отдел, Протоколы. 136, 137 об., 145, 166 об., 191; Из материалов Отдела. 308, 312. Накануне Собора такое предложение выдвигал в печати член богослужебного отдела о. П. Ильинский: Ильинский П. (1917). 251.
- 969 - Отдел, Протоколы. 246об., 268 об.
- 970 - См.: Кравецкий. Проблема языка. 77.
- 971 - См. выше, ее. 325–326.
- 972 - ОЕА. II. 461, 286.
- 973 - Антонов. Сектанство. 3; ср.: Антонов. Условия. 40; Антонов. Чтение.
- 974 - См.: Третье собрание; Дневник. 3.
- 975 - См.: Приходский священник. О чтениях. 1592–1593.
- 976 - Кремлевский (1907). 68.
- 977 - См.: Письма и доклады. 112; Кравецкий. Проблемы Типикона. 82; Из материалов Отдела. 306. Аналогичное выступление Тураева в VI отделе Предсоборного совета (поддержанное также о. Ф. Филоненко) см.: Предсоборный Совет, доклады. 98.
- 978 - См.: Отдел, Протоколы. 27, 191 об., 196 об.–197.
- 979 - См.: Журналы (Новгород, 1917). 51; Подотдел, Протоколы. 14 об.; Глокке. 15; Экземплярский. О направлении. 95.
- 980 - См.: М-ч В. 22–24; Левитов П. 950.
- 981 - См.: Отдел, Протоколы. 299–300, 304 об.–310 об. Доклад еп. Пахомия по этому вопросу, а также общее освещение хода дискуссии и последующего развития дела см.: Кравецкий. Комиссия. 190–200.
- 982 - Благодушная. 297–298.
- 983 - Поселянин. Церковь и жизнь. 502; ср.: Поселянин. Разговор. 564.
- 984 - Пастырское собрание по вопросу о богослужении. 1268. По сообщению И.И. Соколова (1902), такое поминовение в греческих церквях бывает и в конце проскомидии; верующие извещаются о нем звоном колокольчика (см.: Соколов. 2).
- 985 - См.: Городцев. 135.
- 986 - См.: Письма и доклады. 119 об.; Кравецкий. Проблемы Типикона. 77–78.
- 987 - См.: Письма и доклады. 112; Кравецкий. Проблемы Типикона. 82.
- 988 - См.: Отдел, Протоколы. 136, 189–190, 218, 230 об.–231; Из материалов Отдела. 312.
- 989 - Отдел, Протоколы. 154 об.; Из материалов Отдела. 314.
- 990 - См.: Отдел, Протоколы. 162, 218, 230 об.–231 об..
- 991 - Отдел, Протоколы. 218 об.
- 992 - Отдел, Протоколы. 603об.–604; ср. 531, 532 об.

- 993 - Об этом см.: Писаревский. 6. Здесь же и о других особенностях (открытые царские врата, чтение Евангелия и Апостола лицом к народу и пр.). См. также Соколов. 3–3 об.
- 994 - См.: ОЕА. II. 461, 287; Городцев. 135; Соколов В. О преобразованиях. 11; А.В. 1673; М-ч В. 27; Голубинский. 123; Николаев (1906). 114–115.
- 995 - См.: Рижский собор. 1033.
- 996 - ОЕА. I. 441; ср.: Пр-й Сн (1906). 401.
- 997 - См.: ОЕА. II. 544; Макарьев. 145.
- 998 - См.: Ильинский П. (1917–18). № 10. СС. 2–3.
- 999 - См.: ОЕА. II. 334; ср.: Благодушная. 298.
- 1000 - См.: Отдел, Протоколы. 539.
- 1001 - Кравецкий. Проблема языка. 77.
- 1002 - ОЕА. II. 287.
- 1003 - Чельцов. К Собору. 11.
- 1004 - См.: Кравецкий. Проблемы Типикона. 88.
- 1005 - О поминовениях. 1.
- 1006 - О новом порядке; Кравецкий. Комиссия. 175–176.
- 1007 - См.: Отдел, Протоколы. 563–564 об., 566 об.–570 об., 594 об.–596; Из материалов Отдела. 335–336.
- 1008 - См.: Постановления Патриарха 1918/IV. 173–173 об.
- 1009 - Благодушная. 298.
- 1010 - См.: Рижский собор. 1033; А.В. 1673; М-ч В. 27.
- 1011 - ОЕА. III. 44.
- 1012 - Лекция Дмитриевского. 431.
- 1013 - Полиевктов. 14.
- 1014 - ОЕА. I. 537; II. 461; III. 444, 212; I. 337.
- 1015 - Благодушная. 281–284, 290.
- 1016 - Голубцов АЛ. (1905). 69, 72. Александр Петрович Голубцов (1860–1911), канд. (1886) и магистр богословия МДА (1891), д-р церк. истории (1907).
- 1017 - Тихомиров Т. 136–137.
- 1018 - Гумилевский Я. 67–73.
- 1019 - См.: А.В. 1673; Кондратьев. 23; Елабужский. 15; Попов И. (1). 728; Соколов В. О богослужении. 336.
- 1020 - См.: Предсоборное Присутствие. 243.
- 1021 - О занятиях. 1517, 1527.
- 1022 - Извлечения. 558.
- 1023 - Сербаринов. 638. Сербаринов Григорий Александрович (1880–1938), выпускник СПбДА (1905), затем священник Скорбященской ц. на Шпалерной. 1922–1924 – в ссылке, 1934 – арестован, отбывал наказание на Колыме. Расстрелян в Казани.
- 1024 - К.П. 14–15. Почти дословно эти аргументы повторяются в другой статье, напечатанной в том же году: М.П. 984. Намного более сдержанная защита существующего порядка, отражающего повышенное стремление верующих к проявлению не столько благодарных, сколько покаянных чувств, см.: О чтении молитв. 151–153; ср.: Смирнов. 21. Последний автор считал, что тайный характер чтения евхаристической молитвы сложился «под влиянием уже пережитого Церковью опыта»; однако он считал полезным произносить вслух молитвы антифонов, прилежного моления и главопреклонных молитв вечерни и утрени.
- 1025 - Дроздов Н. К реформе (2). 1099.
- 1026 - Чельцов. К Собору. 11.

1027 - Кремлевский (1907). 68–69. Частичное чтение вслух анафоры и некоторых других тайных молитв предлагал также о. Н. Карташев на заседаниях богослужебного отдела Собора. См.: Отдел, Протоколы. 248 об.–249.

1028 - Рижский собор. 1033.

1029 - Миронович. 8.

1030 - Кирицов. 795.

1031 - Журналы (Новгород, 1917). 50–51.

1032 - См.: Глокке. 15.

1033 - Экземплярский. О направлении. 92–94. Ср.: «Под предлогом «сокращения» богослужения в церкви обокрали мирян, лишив их сознательного участия в молитвах евхаристического канона» (Экземплярский. Свобода. 188).

1034 - Жураковский. № 9–10. С. 4–5; № 11–12. С. 19. Анатолий Евгеньевич Жураковский (1897–1937) окончил ист.-фил. ф-т Киевского ун-та (1920). Священник села Андреевка Киевской губ. (1920) наст, домово́й церкви св. Марии Магдалины (1921), церкви св. Иоанна Златоуста в Киеве (1922). Основатель общинного братства. Выступал против обновленчества. Арестован и административно выслан в Марийскую обл. (1923). Вновь арестован в 1924, освобожден через 3 месяца. Настоятель церкви вмч. Варвары (1924), церкви Преображения в Киеве (1928–1930). В 1927 примкнул к непоминающим-"иосифлянам", арестован (1930), отбывал наказание в Свирлаге, Соловках, Тугунде, Надвоицах, Уросозере. Расстрелян в Сегежском р-не КАССР.

1035 - См.: Отдел, Протоколы. 131 об., 138 об.–140, 164 об. Николай Тимофеевич Карташев – священник Преображенской ц. ст. Брюховец-кой Кубанской обл.

1036 - Отдел, Протоколы. 153 об.–154; Из материалов Отдела. 313–314. Аналогичные возражения см. в более ранней публикации: «По духовному образованию своему, многие верующие к слушанию евхаристических молитв являются действительно неподготовленными»; чтение скучнее пения, не так действует на душу (Макарий. 244).

1037 - Отдел, Протоколы. 246 об.

1038 - См. выше, с. 325 и 162.

1039 - Спиридон. 125–126. Спиридон (Кисляков, 1875–1930) прежде занимался миссионерской деятельностью в Сибири, во время I Мировой войны служил полковым священником на фронте. В 1927 присоединился к «непоминающим"-иосифлянам. В 1929 митр. Иосиф наложил на о. Спиридона епитимию – «временное (в течение года) прекращение служения при открытых царских вратах» (Шкаровский. Иосифлянство. 95).

1040 - См.: Кравецкий. Проблемы языка. 82. В числе других особенностей богослужения, разрешенных нижегородской общине (и, по усмотрению правящих архиереев, в иных епархиях), – совершение литургии с открытыми царскими вратами и чтение Писания лицом к народу. Об о. Адаменко см. выше, с. 166. В последующее время вопрос о тайном чтении евхаристических молитв рассматривался в работах: Сове. Евхаристия; Воронов (1968).

1041 - См.: М-ч В. 25.

1042 - Благодущная. 294.

1043 - Глаголев А. 376. В то же время рецензент определенно дистанцировался от предложенных в повести радикальных сокращений в первой части литургии. Подобное суждение разделял и другой рецензент, считавший, однако, возможным и некоторые сокращения (например, ектении об оглашенных, если их в действительности нет): Волнин. 361–362. Александр Александрович Глаголев (1872–1938), магистр богословия КДА (1900), экстраорд. проф. КДА (1906, кафедра Ветхого Завета), наст, церкви Николы Доброго в Киеве, твердо противостоял различным расколам, был глубоко почитаем киевлянами; арестован дважды (1931, 1937), умер в тюремной больнице

1044 - Дроздов Н. Неизменность. 520.

1045 - Пастырские размышления. 251.

1046 - См.: Петровский А. 800–803.

- 1047 - Болотов. 286.
- 1048 - См.: Ильинский П. (1917–18). № 10. СС. 2–3.
- 1049 - Кравецкий. Проблема языка. 77.
- 1050 - Металлов. 45–46. Василий Михайлович Металлов (1862–1926), протоиерей Московского Казанского собора, магистр богосл. МДА (1914), преподавал историю церковного пения в Московской консерватории (1901–1926), Московском археологич. ин-те (1907–1924) и МДА (1919–1922).
- 1051 - См.: Список исправлений. 1.
- 1052 - См.: Ильинский П. (1917–18). № 10. СС. 2–3.
- 1053 - Соколов В. О богослужении. 335.
- 1054 - Об этом см. выше, с. 309. Интересно предложение о. Николая Цветкова, высказанное на заседании богослужебного отдела Поместного Собора: «Почему на литургии до малого входа священник не стоит вне алтаря – это не противоуставно» (Отдел, Протоколы. 144).
- 1055 - Соколов В. О богослужении. 336.
- 1056 - Хотовицкий. Побольше благоговения. 47.
- 1057 - М-ч. 40.
- 1058 - Попов И. (1). 727–728.
- 1059 - Голубинский. 124.
- 1060 - ОБА. III. 212.
- 1061 - См.: Облеухов (1); Дроздов Н. Боязнь новшеств. 196–197; Облеухов (2); Кондратьев. 26; Второе собрание. 1307.
- 1062 - См.: О занятиях. 1681–1682.
- 1063 - Рижский собор. 1033.
- 1064 - Антоний. Иконостасы (2). 156–157.
- 1065 - Антоний. Иконостасы (1). 150.
- 1066 - Антоний. Иконостасы (2). 157–159. Ср.: Иконостас. (Пересказ статей Антония.)
- 1067 - Доклад Добровольского. 41–42.
- 1068 - Журналы (Новгород, 1917). 51.
- 1069 - Устынский. 6.
- 1070 - Экземплярский. О направлении. 94.
- 1071 - Отдел, Протоколы. 136–138 об., 248.
- 1072 - Отдел, Протоколы. 246 об.
- 1073 - См.: Отдел, Протоколы. 248.
- 1074 - См.: Письма и доклады. 171–171об. Поступило в богослужебный отдел в апреле 1918 г. (Отдел, Протоколы. 519).
- 1075 - См. выше, ее. 162, 325–326.
- 1076 - Отдел, Протоколы. 603 об. Доклад Карабинова см.: Там же. 576–581. Запись дискуссии: Там же. 583–593, 594 об. Публикация: Из материалов Отдела. 324–333.
- 1077 - Постановления Патриарха 1918/IV. 246. В заседании участвовали патриарх Тихон, митрополиты Агафангел (Преображенский) и Арсений (Стадницкий), архиепископы Евсевий (Никольский) и Михаил (Ермаков).
- 1078 - См.: Новоселов. 24–33.
- 1079 - См., например, письмо верующего начала 20-х гг.: «Церковное вино конфисковано для больниц: в России давно служат на ягодных соках. ... Вместо виноградного вина заготовлены везде ягодные соки с сахаром или медом» (Зайцев. 58, 64). Позднее, впрочем, св. Тихон, согласно имеющимся воспоминаниям, строго воспретил совершение литургии «на вишневке» при относительной доступности виноградного вина (см.: Сидоров. 52).

1080 - Сожаление о их краткости совсем недавно выражал, в частности, виднейший специалист в области славянской библеистики проф. А.А. Алексеев (см.: Конференция 2000. 44).

1081 - ОЕА. III. 212.

1082 - ОЕА. II. 288.

1083 - ОЕА. III. 44.

1084 - См.: Из материалов Отдела. 321.

1085 - Отдел, Протоколы. 312.

1086 - Аггеев. 402. Константин Маркович Аггеев – петербургский священник, магистр богословия, законоучитель в Смольном институте, Ларинской гимназии и др., в 1906 – член «Братства ревнителей церковного обновления», автор многих статей о положении Церкви. Пред. Учебного комитета при Святейшем Синоде, член Предсоборного совета и Поместного Собора, избран заместителем члена Высшего Церковного Совета. Во время гражданской войны расстрелян большевиками в Крыму.

1087 - См.: Елабужский. 14; Миловский. 703–704; ЕО. 1906. № 29. С. 8; Забайкальские ЕВ. 1906. № 4–5. С. 36.

1088 - Известия.

1089 - ОЕА. I. 175.

1090 - Фигуровский. 218. Фигуровский. 218.

1091 - С.К. 3.

1092 - См.: С.К. 3–4. Резкую критику предложений Клитина с обвинениями в покушении автора на «целость и чистоту церковного учения, которое заключается в этих молитвах», а также в ереси Льва Толстого и Василия Розанова см.: Зеленов.

1093 - Сов. 88–92.

1094 - См.: Потехин. 12; ОБА. II. 315–316; // /. 498; Балтский уезд. 487–488; ЦОЖ. 1906. № 34. С. 1152.

1095 - Предсоборное Присутствие. 299.

1096 - См. ссылки в прим. 14, а также мнения еп. Нижегородского Назария и причта Выборгского собора (ОЕА. II. 460–461; 777. 454).

1097 - Мч. 37–38.

1098 - См., например: В защиту Требника. 720, 727.

1099 - Дроздов Н. Недоуменные вопросы. 8–10. Другой священник, однако, приводит случай из практики, когда восприемники по недоразумению плюнули как раз на того, кто «достоин почестей», а именно на собственного крестника... См.: Жарков. Ср. аналогичный рассказ в заседании богослужебного отдела Поместного Собора: Отдел, Протоколы. 341. Подобные случаи приходилось, увы, неоднократно наблюдать и автору этой книги.

1100 - Мамонов. 246.

1101 - Рижский собор. 1034.

1102 - См.: Отдел, Протоколы. 283, 313, 341 об.

1103 - См.: Соколов В. О преобразованиях. 11. Более радикальные предложения см.: М-ч. 38.

1104 - Галкин. 4–7

1105 - Кравецкий. Проблема языка. 76; Из материалов Отдела. 321.

1106 - Отдел, Протоколы. 311.

1107 - Потехин. 13.

1108 - ОБА. II. 316, 395; III. 498, 591.

1109 - ОЕА. II. 334–335.

1110 - ОЕА. I. 448–449.



- <sup>1111</sup> - Поселянин. Исповедь. 414. См. также: Балтский уезд. 488; Иерей. Общая исповедь; С-в.
- <sup>1112</sup> - Дроздов Об общей исповеди. 363–364. Из других выступлений против общей исповеди см.: Соколов В. О преобразованиях. 11–12.
- <sup>1113</sup> - Кравецкий Проблемы Типикона. 86–87; Из материалов Отдела. 321.
- <sup>1114</sup> - Отдел, Протоколы. 154 об.; Из материалов Отдела. 314.
- <sup>1115</sup> - Отдел, Протоколы. 247, 269 об.–279.
- <sup>1116</sup> - Отдел, Протоколы. 247.
- <sup>1117</sup> - См.: Отдел, Протоколы. 274, 276 об.
- <sup>1118</sup> - Потехин. 13.
- <sup>1119</sup> - ОБА. II. 316, 395; III. 498.
- <sup>1120</sup> - Отдел, Протоколы, 313–314 об.
- <sup>1121</sup> - Рижский собор. 1031, 1034.
- <sup>1122</sup> - Елабужский. 14.
- <sup>1123</sup> - Из материалов Отдела. 321.
- <sup>1124</sup> - Из материалов Отдела. 321.
- <sup>1125</sup> - Об этом см. выше, ее. 318–319.
- <sup>1126</sup> - Из материалов Отдела. 322.
- <sup>1127</sup> - ОЕА. I. 175.
- <sup>1128</sup> - ОЕА. II. 337.
- <sup>1129</sup> - Розанов Н. 503.
- <sup>1130</sup> - Исключение развернутого перечисления грехов в этой молитве считал полезным еще святитель Филарет Московский (см.: О восьмой... 2).
- <sup>1131</sup> - Фаддей. Недоумение. 1358. См. также выше, сс. 212–213.
- <sup>1132</sup> - Благодушная. 255–256.
- <sup>1133</sup> - Благодушная. 270–272.
- <sup>1134</sup> - Кадлубовский. 5.
- <sup>1135</sup> - См.: Христианин; Благочестивый; Брат; Назревшая необходимость. 426; Второе собрание. 1305. Более сдержанная позиция: Колосов. Русское духовенство. 288.
- <sup>1136</sup> - Липский. 411–415. Николай Иванович Липский – препод, епарх. жен. училища и священник церкви Рождества Богородицы в Харькове. Ср.: В-ий.
- <sup>1137</sup> - См. выше, с. 317.
- <sup>1138</sup> - См.: Павел. 96.
- <sup>1139</sup> - The Alternative Service Book, 1980. Oxford, 1992. P. 33.
- <sup>1140</sup> - Рижский собор. 1022–1025.
- <sup>1141</sup> - Ильинский В. (1906). 1462–1466; ср.: Ильинский В. (1907). 45. Близкие мысли см.: Альбов (1). № 911.
- <sup>1142</sup> - Антонов. Сектанство. 3.
- <sup>1143</sup> - Пестряков. Важный вопрос. 4–6.
- <sup>1144</sup> - Ивановский. 76–77.
- <sup>1145</sup> - Веселицкий. 389–390.
- <sup>1146</sup> - К вопросу о богослужении. 1218–1219.
- <sup>1147</sup> - Извеков. О реформе. № 18. СС. 3–4.
- <sup>1148</sup> - Силин. 666, 460–461.
- <sup>1149</sup> - Журналы (Новгород, 1917). 51. Ср. высказывание архиеп. Сергия (см. выше, с. 130).
- <sup>1150</sup> - Павел (Павловский), еп. Пинежский (март 1917), затем в заключении (с 1921), занимал различные кафедры, умер в заключении (1937).

- 1151 - Подотдел, Протоколы. 12. Ср.: Деятельность Союза. 333.
- 1152 - Полиевктов. 14.
- 1153 - Гавриил. 6. Еп. Гавриил (Голосов) занимал Омскую кафедру в 1905–1911, затем жил на покое († 1916).
- 1154 - Второе собрание. 1306; Кондратьев. 24.
- 1155 - Назревшая необходимость. 427–428.
- 1156 - Силин. 461–463.
- 1157 - Археология или жизнь? 747. Положительный отклик см.: О реформе. 798.
- 1158 - Дроздов Н. Вразумительно ли богослужение? 197–198.
- 1159 - А. 683–684.
- 1160 - Флоренский. 605.
- 1161 - В печатном тексте – «древне».
- 1162 - Жураковский. 33.
- 1163 - Елабужский. 14. Ср. выступление украинского священника Иакова Росновского в мае 1905 г.: Богу слав. 841.
- 1164 - Кремлевский (1907). 69.
- 1165 - М-ч В, 27.
- 1166 - Антонов. Русские богословы. XXXII.
- 1167 - Розанов В. I. 180–181. (Статья написана в 1901 г.)
- 1168 - Там же. 315.
- 1169 - Карташев.
- 1170 - Ивановский. 72. Как указывал на Поместном Соборе о. А. Хотовицкий, такой чин имеется в униатском требнике: Отдел, Протоколы. 359. Ср. о чине поставления миссионера: Остроумов Н. 494.
- 1171 - См.: Как молиться?
- 1172 - Археология или жизнь? 746–747.
- 1173 - Дроздов Н. К реформе (2). 1137.
- 1174 - Устьянский. 3.
- 1175 - Антонов. Условия. № 16–17. С. 35. Антонов. Условия. № 16–17. С. 35.
- 1176 - ОЕА. I. 176.
- 1177 - Елабужский. 15.
- 1178 - Елабужский. 2.
- 1179 - Второе собрание. 1306; Кондратьев. 24.
- 1180 - Дневник. 13–14.
- 1181 - Сергиев. 168–174. Эти молитвы публиковались и ранее. См., например: Михаил. 809–814.
- 1182 - См.: Одинцов. 15.
- 1183 - См., например: Пестряков. Важный вопрос. 6.
- 1184 - См.: Тареев. Трагедия. 46–73
- 1185 - Тареев. Живые души. 62.
- 1186 - Тареев. Живые души. 67.
- 1187 - См.: Отдел, Протоколы. 599 об.
- 1188 - Отдел, Протоколы. 311–311 об.
- 1189 - См.: Отдел, Протоколы. 312 об.
- 1190 - См.: Отдел, Протоколы. 314.
- 1191 - См.: Отдел, Протоколы. 359.
- 1192 - См.: Отдел, Протоколы. 195–196.
- 1193 - Отдел, Протоколы. 197 об.–198.

- 1194 - Письма и доклады. 88 об., 89 об.–90.
- 1195 - См. выше, с. 145.
- 1196 - Из материалов Отдела. 322.
- 1197 - Афанасий.
- 1198 - Прощение Г азу кипа. 2–5.
- 1199 - Отдел, Протоколы. 371.
- 1200 - Деяния 145–147. 74–75; Священный Собор. 184.
- 1201 - Решение принято 20 августа, постановление, представленное Редакционной комиссией Собора утверждено 26 августа. См.: Собрание. ТУ. 27.
- 1202 - См.: Афанасий. 94–95.
- 1203 - См.: Отдел, Протоколы. 602 об.; О новых чинах. 2.
- 1204 - О новых чинах. 5–6. Текст службы с правкой митр. Сергия: Там же. 10–20.
- 1205 - О новых чинах. 7–7 об.; Постановления Патриарха 1918/V. 36–36 об.
- 1206 - О новых чинах. 31, 34.
- 1207 - О новых чинах. 47–48.
- 1208 - Сергей Николаевич Дурылин (1877–1954), историк театра, литературовед, и публицист; священник (1920), служил с о. Алексием Мечёвым; в 1920-е годы дважды подвергался аресту, был сослан в Челябинск, позднее в Томск и Киржач; впоследствии снял с себя сан; в 1933 г. возвращен в Москву; д-р филологич. наук (1943).
- 1209 - Афанасий. 96–97.
- 1210 - Иоанн (Широков, 1893–1937), впоследствии еп. (1929) Чистопольский, Марийский, Волоколамский, Орехово-Зуевский, Дмитровский. Расстрелян.
- 1211 - Афанасий. 100–101. Недавнее издание текста службы в редакции еп. Афанасия: Служба всем святым.
- 1212 - Владимир Климентович Недельский (1869–1942), канд. богословия КДА (1894), преп. Литовской ДС; преп. Свято-Сергиевского православного богосл. ин-та в Париже (1927–1929); скончался в Ковно.
- 1213 - См.: Отдел, Протоколы. 139, 281, 336 об.
- 1214 - Протокол дискуссии см.: Отдел, Протоколы. 496–497 об.; сам чин: Там же. 502–505 об.; Диаконское погребение. 2–5 об.
- 1215 - См.: Диаконское погребение. 6–9 об.
- 1216 - См.: Там же. 10–13.
- 1217 - Постановления Патриарха 1918/IV. 310–311.
- 1218 - Кравецкий. Собор о расстреле Николая. 113–124.
- 1219 - Акты. 144–147.
- 1220 - См.: О новых чинах. 59–70, 81–84 об., 95.
- 1221 - См.: Отдел, Протоколы. 530–530 об.; О новых чинах. 115–121 (здесь и текст канона с правкой).
- 1222 - Отдел, Протоколы. 526 об.; текст см.: О новых чинах. 83–84 об.
- 1223 - См.: Постановления Патриарха 1918/IV. 296–296 об.
- 1224 - См.: О новых чинах. 121, 142.
- 1225 - О новых чинах. 122.
- 1226 - О новых чинах. 143.
- 1227 - О новых чинах. 123–124, 144–144 об.
- 1228 - Владыка Трифон (1861–1934) слагал и молитвы на сильно русифицированном славянском языке; некоторые из них произносил не только келейно, но и в храмах. См.: Трифон. 440–447.
- 1229 - См.: Кравецкий (дисс). Приложение 10; Житие Афанасия. 35.

1230 - Предсоборный Совет, доклады. 89 об.

1231 - Быть может, к исключениям следует отнести литургические молитвы архим.

Софрония (Сахарова, 1896–1993), сложенные, правда, за пределами России. Они и ныне употребляются в основном о. Софронием Иоанно-Предтеченском м-ре в Эссексе. Там же практикуются особые формы совместного многократного произнесения молитвы Иисусовой, заменяющие значительную часть служб суточного круга. Тексты литургических молитв см.: Софроний. 177–186; пояснения к ним: Там же. 44, 57–63.

1232 - Афанасий. 99.

1233 - Силин. 462.

1234 - Булгаков. 234–236.

1235 - Письма и доклады. 88–88 об.

1236 - См. выше, с. 415.

1237 - Булгаков. 233.

1238 - Когда настоящая книга уже находилась в печати, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II в своем докладе на Юбилейном Архиерейском Соборе напомнил об этом поручении и сказал: «К сожалению, в связи с загруженностью комиссии составлением служб новопрославленным святым эта работа не была выполнена. Посему, очевидно, было бы полезно создать специальную литургическую комиссию для исполнения упомянутого Соборного постановления». 16 января 2000 года Собор благословил «продолжение трудов по редактированию богослужебных текстов с целью облегчения их восприятия молящимися. Для этого должна быть создана особая литургическая комиссия при Священном Синоде» (Определение «О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви», п. 12). Кроме того, в соборном определении указано: «Серьезные задачи стоят перед литургической наукой, прежде всего в области разработки единых уставных рекомендаций» (Там же, п. 22). Собор причислил к лику святых ряд авторов, упоминавшихся на страницах нашей книги.

1239 - См.: Конференция 2000. 23.

1240 - См.: Архиерейский Собор 1994. 185.

1241 - Солженицын. 185.